

АЛЕКСАНДР ШУБИН

МИР НА ПУТИ К ВОЙНЕ

1933—1940 гг.

Новая книга А. Шубина посвящена международной ситуации 1933–1940 гг. и роли в ней советской внешней политики. В книге рассматриваются причины обострения международных конфликтов и основные международные кризисы 30-х гг., анализируются политика «коллективной безопасности», «народного фронта» и «умиротворения», взаимосвязь политики СССР в Европе и Азии, роль Мюнхенского и Московского договоров в приближении или отдалении войны в Европе, а также дается общая оценка этого периода истории международных отношений.

---

9 785906 842862 >

ЛЕКСАНДР ШУБИН

**МИР
НА ПУТИ
К ВОЙНЕ**

1933—1940 гг.

Москва
алгоритм
2016

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)
Ш 95

Шубин А.В.

Ш 95 Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. / А.В. Шубин. – М.: Алгоритм, 2016. – 496 с.

ISBN 978-5-906842-86-2

Новая книга А. Шубина посвящена международной ситуации 1933–1940 гг. и роли в ней советской внешней политики. В книге рассматриваются причины обострения международных конфликтов и основные международные кризисы 30-х гг., анализируются политика «коллективной безопасности», «народного фронта» и «умиротворения», взаимосвязь политики СССР в Европе и Азии, роль Мюнхенского и Московского договоров в приближении или отдалении войны в Европе, а также дается общая оценка этого периода истории международных отношений.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)**

ISBN 978-5-906842-86-2

© Шубин А.В., 2016
© ООО «Алисторус», 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
----------------------	---

Глава I. Два пути Запада

Рождение нового рейха	9
Колонны Рузвельта	25
Радикалы и система	36
Что построил Рузвельт?	50
Этакратия и этнократия	56
Изменившийся мир	64

Глава II. Европейские весы

В поисках безопасности	72
Три сосны Коминтерна	86
Блаженные миротворцы	91
Начало умиротворения	96
Неоконченная война	100
Умиротворение на Рейне	105
Народный фронт: муки рождения	106
Французский эксперимент	124

Глава III. Испания: революция и война

Революция под спудом	135
Победа Народного фронта	142
Мятеж и сопротивление	146
Франкизм	149
Невмешательство и помощь	153
Наступление франкистов и революция самоуправления	164
Битва за Мадрид и война с переменным успехом	173
Майский кризис	180
Республика меняет курс	191
Продвижение Франко	197
«Переменчивый» Сталин	201
Агония Республики	207

Глава IV. Зарево на Востоке

Коммунисты и Гоминьдан	217
Японский мир наступает	227
Сианьский инцидент	234
Китай и СССР против Японии	237
И летели наземь самураи	244

Глава V. Плоды умиротворения

Оси Европы	251
Аншлюс	259
Голос крови	269
На пути к Мюнхену	285

Глава VI. От пакта к пакту

Выбор миропорядка и лакмусовая бумажка Закарпатья	300
Фирма гарантирует	314
Балкон Сталина	321
Танец дипломатов	326
Дипломатия Молотова	332
Польская стойкость	346
Танцующие меняются местами	349
Как делить Европу?	353
Разрушение политической вселенной	362

Глава VII. Странные войны

Когда началась Вторая мировая?	366
Удар в спину или освободительный поход?	374
Границы дружбы	384
Волнение на Балтике	388
Две твердыни	409
Советско-финляндская война: провал или победа?	413
Наполеоновские планы	430
Бег	436
Война и мир	446
Примечания	451

ВСТУПЛЕНИЕ

Крупнейшим мировым социально-экономическим кризисом XX века стала Великая депрессия, начавшаяся в США в октябре 1929 года и охватившая практически всю планету. Правительства капиталистических государств и ведущие бизнесмены долгое время не могли понять, что мир уже не будет прежним, что мировая экономика не восстановится сама собой. Экономика «перезапустится», только если изменится сама структура общества. Пока либералы и консерваторы ждали, что рынок и традиция сами все исправят, ситуация ухудшалась, миллионы людей теряли работу, отчаивались и склонялись к радикальным взглядам. В некоторых развитых странах, включая США, складывалась революционная ситуация. Казалось бы, этим могло воспользоваться коммунистическое движение. Однако руководство Коминтерна было осторожно. Советскому Союзу было не до поддержки революций: он проводил Первую пятилетку, модернизационный рывок на грани возможностей. Условия этого «большого скачка» с началом мирового кризиса только ухудшились, а положение в СССР было столь напряженным, что само напоминала революционную ситуацию. Система глобальной торговли и финансов уже не могла обеспечить нормальную работу капиталистических экономик, теперь каждый был за себя — обострилась борьба за ресурсы и рынки сбыта. Великая депрессия ставила на повестку дня военную угрозу за передел мира¹.

Начало Великой депрессии поставило мир перед выбором — социальная катастрофа или социальные преобразования, опора на собственные ресурсы или военная экспансия. Ситуация стала проясняться в 1933 году. Первая пятилетка завершилась, ситуация в СССР стала стабилизироваться, возникла новая, сталинская социально-экономическая модель сверхцентрализованного индустриального

стриального общества. К власти в США пришел президент Франклин Делано Рузвельт, который стал формировать новую модель капитализма в США. Европейские социал-демократы пытались проводить аналогичные преобразования в Европе. К власти в Германии пришел канцлер Адольф Гитлер, который приступил к радикальным преобразованиям государства и общества, рассчитанным на подготовку к войне. Военная экспансия стояла на повестке дня японского руководства. Миру предстояло выбирать между этими основными путями выхода из кризиса.

Глава I

ДВА ПУТИ ЗАПАДА

РОЖДЕНИЕ НОВОГО РЕЙХА

30 января президент Германии фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назначил лидера нацистов Адольфа Гитлера главой правительства (канцлером) Германии². Но его власть была ограничена — правительство опиралось на неустойчивую коалицию правых партий. Нацисты получили только посты канцлера и министра внутренних дел (Вильгельм Фрик). Также нацистский спикер рейхстага Герман Геринг вошел в правительство без портфеля, но получил возможность курировать авиацию и прусскую полицию. Консервативные и националистические коллеги Гитлера по кабинету надеялись переиграть его сразу после следующих выборов. Вице-канцлер Франц фон Папен говорил: «Через два месяца мы так прижмем его к стенке, что он и пикнуть не посмеет»³.

Вечером 30 января Гинденбург и Гитлер приняли парад бойцов нацистских штурмовых отрядов СА и консервативного «Стального шлема». Гинденбург мог убедиться, что штурмовиков гораздо больше. Он мог утешать себя тем, что предотвратил восстание штурмовиков, гражданскую войну и прочие нарушения стабильности, угроза которых теперь осталась позади. Старый и больной фельдмаршал хотел покоя и стабильности, и он их получил.

1 февраля 1933 года Гитлер обратился к немецкому народу, сообщив, что к власти пришло «правительство национальной революции». Говоря о программе правительства, Гитлер пока обращался прежде всего к тем, кто ждал радикальных социальных перемен в стране. «Поднимаясь выше классовых и сословных различий, оно вернет нашему народу сознание его расового и политического единства, возвратит его к исполнению обязанностей, проистекающих из этого... Германия не должна впасть и не впадать в коммунистическую анархию»⁴. Успокоив революционную паству, в дальнейшем Гитлер предпочитает говорить уже не о революционной власти, а о «правительстве национального возрождения». И в этом он был прав — совершалась не революция, а переворот. Однако значит ли это, что переворот не вел к качественным изменениям в системе общественного устройства, что на место буржуаз-

ной республике приходила просто буржуазная диктатура? «Круги, которые управляли доступом к власти, сделали ошибку не в том, что они недооценили враждебность к демократической Веймарской республике со стороны Гитлера — это они считали достоинством Гитлера — а ту опасность, которую он нес для консервативной авторитарной прусской традиции, к восстановлению которой они стремились... — комментирует А. Буллок, — Они не сознавали, как далеко был готов пойти тот человек, которого они считали взбалмошным демагогом, чтобы достигнуть своих целей, и какие разрушительные силы он высвободит при этом»⁵. Однако в первые годы правления Гитлера его политический курс шел вполне в русле задач, которые ставила национал-консервативная имущественная и военная элита — предотвратить угрозу социальной революции и подготовить Германию к военно-политическому реваншу на международной арене. 8 февраля Гитлер ставил перед правительством милитаристские приоритеты: «Каждое общественно финансируемое мероприятие, направленное против безработицы, следует рассматривать в плане его эффективности с одной точки зрения: будет ли такой проект способствовать превращению немцев в народ, пригодный к военной службе. Такой подход должен доминировать всегда и во всем»⁶. Гитлер планирует большие государственные затраты для преодоления кризиса, но не ради помощи бизнесу и безработным, а ради решения задач, которые ставит перед собой само государство. Но для начала это государство следовало избавить от контроля со стороны общества.

Так же как и у предыдущего, лево-националистического канцлера Курта фон Шлейхера, у Гитлера не было парламентского большинства. Министр экономики и продовольствия, лидер Немецкой национальной народной партии (НННП) Альфред Гугенберг считал, что можно просто запретить коммунистов, но Гитлер опасался делать это без дополнительных поводов⁷. Чтобы разгромить коммунистов, следовало их морально изолировать, чтобы другие партии сначала не поняли, что с запрета КПГ начнется ликвидация многопартийности вообще.

Для начала правительство добилось от Гинденбурга роспуска рейхстага и назначения на 5 марта новых выборов. То, что Гинденбург отказался делать ради предыдущего канцлера, слишком левого Шлейхера, он сделал ради утверждения власти Гитлера.

Но принесли ли выборы успех — ведь в 1932 году они не изменили обстановку кардинально? 2 февраля правительство стало обсуждать закон о защите германского народа, который должен был поставить митинги и прессу под жесткий полицейский контроль.

20 февраля Гитлер заявил на встрече с нацистами: «Перед нами последние выборы. Каким бы ни был результат. Обратного пути нет, даже если результат окажется неубедительным. Если получится так, решение будет проведено в жизнь другими способами»⁸. Но другие способы были еще более рискованными и могли вызвать гнев Гинденбурга. А власть Гитлера пока держалась только на воле президента, который надеялся, что Гитлер обеспечит стабильность. Нестабильность, «другие способы» могли разочаровать президента и стоявшие за ним круги имущественной и военной элиты.

2 февраля один из нацистских лидеров Герман Геринг возглавил прусскую полицию и развернул ее чистку. Геринг разрешил полиции стрелять по оппозиционным демонстрациям. Штурмовики и отряды «Стального шлема» теперь получили официальную поддержку прусской полиции и могли увереннее очищать улицы от левых митингов.

Гитлер убедил капитанов индустрии поддержать его предвыборную кампанию, но деньги решали не все. Левые партии и либералы в совокупности по-прежнему вели за собой большинство населения. Перед лицом гитлеровской диктатуры они могли бы объединиться. Нужен был сокрушительный, деморализующий удар по оппозиции.

27 февраля 1933 года загорелось здание рейхстага. О. Штрасер вспоминал: «Я был на станции Анхальт, когда увидел на небе отблески пламени. Я спросил таксиста, что случилось. „Наци подожгли Рейхстаг“, — равнодушно ответил он. Вероятно, две трети немцев догадывались, кто в действительности совершил это преступление. Ну и что это изменило?»⁹.

На месте пожара был схвачен поджигатель — беспартийный голландский экстремист ван дер Люббе. Люббе оказался в ряду таких террористов, как Гаврила Принцип и Леонид Николаев. Совершая свой отчаянный шаг под действием далеких от реальности представлений, эти люди облегчали развитие событий в совершенно ином направлении, нежели рассчитывали.

Двадцатичетырехлетний Маринус ван дер Люббе был политически активным бродягой, каких во время депрессии были миллионы. Каменщик по профессии, он получал небольшое пособие по инвалидности, путешествовал (большей частью пешком) по Европе, общаясь с братьями по классу на интересовавшие его политические темы. Несколько лет ван дер Люббе состоял в компартии Нидерландов, но вышел из нее, когда партийные товарищи отказались послать его в СССР. С этих пор он критиковал компартию с незамысловатых левацких позиций: «В этой партии мне не нравилось то,

что она хочет играть ведущую роль среди рабочих, вместо того чтобы самих рабочих допустить к руководству»¹⁰.

Полиция застала поджигателя в пылавшем зале заседаний рейхстага, голого по пояс — верхнюю одежду он использовал для переноски огня, не собираясь скрываться. Свои действия ван дер Люббе объяснял так: «Я хотел привлечь внимание к тому, что рабочий стремится к власти... Рабочие должны были увидеть, что это сигнал к всеобщему восстанию против государственного строя»¹¹. Он стремился к тому, «чтобы здесь возник настоящий рабочий парламент и рабочие управляли государством»¹². Террорист не стремился вредить кому-то лично: «я же хотел причинить вред лишь обществу»¹³.

В кармане у ван дер Люббе нашли коммунистическую листовку. Нацисты немедленно обвинили в поджоге коммунистов. Якобы пожар должен был стать сигналом к коммунистическому восстанию. Однако никаких признаков восстания не было. Сигнал без восстания — политический абсурд. Для коммунистов «сигнал» оказался полной неожиданностью. Но не для нацистов. За три часа до пожара шеф политической полиции Пруссии Р. Дильс направил полицейским властям на места радиogramму, в которой говорилось: «Коммунисты намерены в день выборов в рейхстаг или незадолго до них, или сразу же после них совершить запланированные ими нападения на полицейские патрули и служащих национальных формирований с целью их разоружения... Следует немедленно принять надлежащие меры; в случае надобности произвести аресты коммунистических деятелей»¹⁴. Когда рейхстаг загорелся, полиция была полностью готова к удару.

Первоначально следствие приняло версию поджигателя-одиночки: «На вопрос, совершил ли ван дер Люббе поджог один, определенно следует ответить утвердительно»¹⁵. Не было обнаружено и следов горючих жидкостей.

Но ван дер Люббе честно признавался, что огонь в рейхстаге разгорался плохо — пришлось бросить на растопку даже верхнюю одежду. Он проник в здание около 21 часа, и четверть часа не мог достичь серьезных успехов. В отчаянии поджигатель бежал из комнаты в комнату, переноса огонь, который горел вяло — слишком плотными были материалы. А вот в зале заседаний пожар запылал так, что в четверть десятого вечера пламя достигло купола. Это навело на мысль, что в зал заранее пронесли горючие материалы.

Под давлением официальной версии следователи и эксперты стали выявлять признаки помощи поджигателю. И преуспели. 15 мая эксперт по пожарному делу констатировал: «Поджог в зале пленарных заседаний мог быть совершен ван дер Люббе. Однако по

техническим условиям полностью исключается возможность того, чтобы им же были совершены все приготовления к поджогу в зале заседаний рейхстага. Эти приготовления, скорее всего, были заранее осуществлены другими лицами»¹⁶.

9 марта по доносу служащего кафе было арестовано трое болгар во главе с болгарским эмигрантом Георгием Димитровым, который вроде бы общался в кафе с ван дер Люббе незадолго перед поджогом. Димитров был известным в Болгарии коммунистом, сотрудником Исполкома Коминтерна.

Димитров взял свою защиту на процессе в собственные руки, препирался с судьей, излагал принципы коммунистического движения с трибуны, ругался со свидетелями-нацистами. Он полностью поддержал версию о том, что ван дер Люббе не мог поджечь рейхстаг в одиночку, обвинив в поджоге нацистов: «из тайного союза между политическим безумием и политической провокацией возник поджог рейхстага»¹⁷. Взбешенные противники проговаривались о том, что дело шито белыми нитками: «Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить! — кричал Геринг Димитрову на процессе. — И если на следственные органы и было оказано влияние в этом направлении, то они были направлены по верным следам»¹⁸.

Благодаря напористой защите, предпринятой Димитровым, обвинение это с треском провалилось. Конечно, при тоталитарном режиме суд мог принять любое решение, но Лейпцигский процесс происходил в условиях формирования нацистского режима, и к тому же, что важно, осуждение коммунистов было выгодно не всем даже в правящих кругах. Болгарские коммунисты 23 декабря 1933 года были оправданы и после некоторых колебаний высланы в СССР. Ван дер Люббе, признавший свое участие в поджоге, был казнен, для чего был принят специальный закон с обратной силой. Оправданные немецкие коммунисты так и остались в тюрьме.

Геринг убеждал коллег по кабинету в том, что Димитрова нужно оставить в немецком лагере. Но коллеги, не желая еще сильнее осложнять отношения с СССР, который принял болгарских коммунистов в свое гражданство, решили отпустить Димитрова. Как мы увидим, свою роль могли играть и мотивы борьбы в правящих кругах. 27 февраля 1934 года Димитров с триумфом прибыл в СССР.

Поскольку стало ясно, что коммунисты не помогали ван дер Люббе поджигать рейхстаг, то все аргументы, собранные против сообщников поджигателя, обратились против нацистов. За рубежом Германии об этом говорили и коммунисты, и социал-демократы, и либералы.

На Нюрнбергском процессе 1945–1946 годов генерал Гальдер рассказал, как Геринг хвастался в 1942 году: «Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его!»¹⁹. Официально Геринг отрицал свое участие до конца. Судя по показаниям ординарца Рема Крузе, которые он дал тому же трибуналу, Геринг дал лишь общую санкцию на поджог, а инициатива провокации принадлежала Рему. Тот направил для поджога 23 штурмовика. Крузе утверждал, что Рем шантажировал Гитлера — правда о поджоге могла разрушить карьеру фюрера. Никто из посвященных в тайну не пережил «ночи длинных ножей», кроме Крузе, бежавшего в Швейцарию.

Ван дер Люббе унес в могилу тайну своих взаимоотношений с нацистами. Следствие установило, что последнюю ночь он провел в ночлежке в Генигсдорфе, пригороде Берлина с репутацией «нацистского», в обществе малознакомых людей.

Это само по себе еще не доказывает, что голландец выполнял заказ нацистов. Тем более что сам он, в отличие, скажем, от убийцы Кирова Николаева, до конца отрицал причастность к преступлению еще кого-либо. Высказывания ван дер Люббе о нацизме враждебны, его политическая биография не позволяет заподозрить в голландце человека, который ценой жизни будет сознательно служить делу нацизма. Следовательно, он не стал бы покрывать нацистов, если бы знал об их помощи в поджоге.

Мог ли ван дер Люббе не знать, что у него есть помощники? Димитров считал, что это вполне возможно. Теоретически можно предположить, что первые, неудачные попытки голландца поджечь общественные здания (ведомство социального вспомоществования и ратушу) не остались незамеченными. Его собеседники могли выдать себя за единомышленников ван дер Люббе. Там голландцу могли дать ряд ценных советов о том, как проникнуть в рейхстаг и где лучше всего осуществить поджог. Если ван дер Люббе считал, что советы ему давали простые рабочие (к тому же — незнакомые), он, в соответствии со своей этикой, мог умолчать об этих разговорах. Во всяком случае, он был уверен, что в здании он действовал один. Но пока поджигатель бегал из комнаты в комнату, его могли незаметно «подстраховать», запалив пропитанные горючими веществами шторы зала...

Немедленно после пожара тысячи коммунистов, включая депутатов, были арестованы. За несколько дней было арестовано 4000 человек, а за март 1933 года — 25 000. Компартия была разгромлена, несмотря на то, что готовилась к переходу в подполье. Германское мещанство активно сотрудничало с нацистами, помогая выявлять коммунистов.

28 февраля был подписан предложенный Гитлером и министром внутренних дел Фриком декрет президента «О защите народа и государства», по которому приостанавливались статьи конституции о гражданских правах, полиция получала право ареста без очевидных доказательств вины, вводилась смертная казнь за вооруженное «нарушение спокойствия», центральное правительство могло устанавливать прямое управление в автономных регионах за пределами Пруссии. Веймарская конституция давала президенту некоторые из этих полномочий, но теперь они передавались правительству, что было формальным, но незначительным нарушением конституции. Президентская форма правления позволила почти легально совершить государственный переворот, ликвидировавший политический плюрализм. По всей стране начались аресты и избиения левых и либеральных политиков, депутатов, активистов.

5 марта в обстановке террора прошли выборы. Несмотря на нацистскую вакханалию, НСДАП не смогла заручиться большинством голосов избирателей, но все же набрала 44 %. Второе место заняли социал-демократы. Но вместе с националистами (созданный на основе НННП «Боевой фронт»), получившими всего 8 % (52 голоса), 288 нацистских депутатов получали большинство. У социал-демократов было 120 мандатов, у партии Центра — 73. 9 марта, вопреки конституции, места коммунистов в парламенте были аннулированы (а это 81 место), что вплотную приблизило нацистов к заветному большинству в две трети, которое обеспечивало право на конституционные изменения.

23 марта было принят акт, в соответствии с которым правительство имело право принимать законы, которые не соответствуют конституции. Это был конституционный акт. Требовалось, чтобы присутствовали две трети депутатов, и две трети от них проголосовали за. Против проголосовали только социал-демократы. Конституционное большинство набрали со счетом 441 против 91. По залу прохаживались штурмовики, которые смотрели, кто как голосует. Недостающие голоса предоставили католики из партии Центра. Прежде они не поддерживали Гитлера, однако их позиция изменилась в связи с угрозой репрессий и обещанием фюрера заключить конкордат с папой. Когда это было ему нужно, Гитлер умел находить компромиссы.

Несмотря на склонность нацистских вождей к язычеству, Гитлер повторял: «Христианство — основа нашей морали»²⁰. Мнения священников по поводу преследования евреев разделились. Гитлер обещал сохранить права церкви, если священники не будут вмешиваться в политику. 20 июля Папен и кардинал Пачелли (будущий Папа Пий XII) подписали конкордат, в соответствии с которым

католическая церковь на территории Германии клялась в верности «немецкому рейху и стране», отказываясь от участия в политической деятельности. За это церковь получала автономию внутрицерковной жизни и гарантию сохранения собственности²¹. После подписания конкордата кардинал Фаульхабер писал Гитлеру: «Германия протянула руку папству, величайшей нравственной силе мировой истории, и это поистине великий благой жест, поднимающий на новую ступень авторитет Германии на Западе, на Востоке и во всем мире»²².

С помощью чрезвычайного декрета Гитлер полностью перестроил политическую систему Германии, покончив с Веймарской конституцией. Были отменены гражданские права и свободы, запрещены оппозиционные партии (формально они самораспустились после того, как несогласные с этим лидеры были арестованы), тысячи социалистов и демократов отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Местные правительства земель были разогнаны и заменены назначенными из центра имперскими наместниками. 7 мая 1933 года был опубликован обширный список запрещенной литературы. Было устроено ее публичное сожжение.

Но в правящем блоке единства по-прежнему не было, и судьба Гитлера все еще висела на волоске. На это указывает распространявшийся от имени руководителя фракции НННП Э. Оберфорена меморандум, который прямо обвинял нацистов в организации поджога рейхстага. 18 апреля меморандум был распространен в среде правящей элиты и затем попал за границу. Сам Оберфорен отрицал свое авторство, но зарубежные эксперты считали, что меморандум был распространен именно по его инициативе. Серьезность истории с меморандумом подтвердило и то, что 8 мая тело Оберфорена нашли с пулевым ранением. Меморандум рисовал картину тайной борьбы между нацистами и окружением Гинденбурга, прежде всего из НННП и рейхсвера. Подозревая нацистов в поджоге рейхстага, консерваторы начали шантажировать Гитлера. Консерваторы понимали, что в условиях террора НСДАП получит на выборах достаточное количество голосов, чтобы создать однопартийное правительство. Гинденбург опасался, что в этих условиях нацисты могут захватить всю власть. На время выборов, опасаясь нападения штурмовиков, президент выехал под защиту рейхсвера, а военизированные формирования «Стального шлема», подчинявшиеся Гугенбергу, заняли центр города, чтобы оказать сопротивление штурмовикам, если они попробуют занять правительственные здания. В случае попытки Гитлера утвердить свою власть силой планировалось обвинить его в организации поджога рейхстага и пустить в дело рейхсвер, чтобы разгромить штурмовиков и арестовать нацистскую вер-

хушку. После этого могла быть установлена военная диктатура. Но опасения консерваторов оказались напрасными — в ночь после выборов ничего не произошло. Однако консервативные круги потребовали от Гитлера не менять соотношение постов в правительстве, несмотря на результаты голосования, основанные на провокации. «В случае отклонения этих требований г-н Гитлер, г-н Фрик, г-н Геринг и г-н Геббельс будут, как заявил коротко и ясно военный министр генерал Бломберг, арестованы по подозрению в поджоге»²³. Даже если версия меморандума не вполне точна, она объясняет, почему правительство сразу после выборов продолжало работать в прежнем составе. Гинденбургу и военным нужны были гарантии, что к власти не придут радикальные штурмовики, и у них был в кармане хороший козырь против нацистов. По крайней мере, пока не закончен процесс о поджоге рейхстага, открывшийся в Лейпциге. Главное требование президентского окружения к Гитлеру меморандум формулировал так: «Экономика должна почувствовать себя в полной безопасности»²⁴. Под экономикой имелся в виду капитал.

Гитлеру срочно нужно было заручиться согласием Гинденбурга на ликвидацию многопартийной системы. И канцлер делал для этого все. Его речи были консервативны, как никогда. Гитлер стремится успокоить и национальный бизнес: «Сейчас много говорят об экономике — об экономике частного предпринимательства и кооперативной экономике, социализированной и частнособственнической. Поверьте мне, в экономике решающим фактором являются не теории, а эффективность»²⁵. При этом ликвидация Веймарской республики шла полным ходом, и это не могло не импонировать монархисту Гинденбургу. В отличие от консерваторов, обеспокоенных разгулом насилия и разгромом даже консервативных организаций, Гинденбург в целом одобрял политическую перестройку Гитлера. Гитлеру удалось обаять его и отменно предупредительным поведением, и обещаниями восстановить монархию, когда Германия избавится от уз Версальского договора. Биограф Гинденбурга А. Дорпален пишет о Гитлере: «Вскоре он завоевал доверие Гинденбурга, и спустя несколько недель президент уже не настаивал на обязательном присутствии Папена, когда к нему заходил Гитлер. Окружение Гинденбурга поддерживало это сближение. Мейснер снимал все конституционные возражения декретам Гитлера и вместе с Оскаром фон Гинденбургом тщательно следил, чтобы к президенту не допускались некоторые посетители, такие как лидеры социалистов, от которых можно было ждать одних только неприятностей»²⁶. Секретарь президента и сын Гинденбурга потом впишутся в нацистский режим.

Историк А. Дорпален пишет о крахе политики консерваторов во главе с Паленом, возлагая ответственность на Гинденбурга: «Вся

концепция „приручения“ Гитлера основывалась на активном участии Гинденбурга, но тот небрежно отказался от роли гаранта конституции и защитника законного цивилизованного правительства, хотя обязан был понимать, как много поставлено на карту»²⁷. Но для Гинденбурга «цивилизованным правительством» была монархия, он и не собирался защищать Веймарскую республику, которую презирал. Он уступал Гитлеру в том, что и сам считал правильным. А Гитлер в свою очередь соблюдал осторожность, сдерживая сторонников «революционных методов» в своей партии. Гинденбург увидел в Гитлере того, кто может возродить империю, создать Третий рейх. Он мог возражать в частностях, но общий курс Гитлера его устраивал.

Президент «сдал» своих друзей националистов, и 21 июня 1933 года штурмовики и полиция оккупировала штабы НННП. 29 июня ее лидер Гугенберг с возмущением покинул правительство. Соотношение сил в правительстве изменилось. НННП «самораспустилась». СДПГ была запрещена, а ее лидеры и активисты репрессировались. 5 июля распустилась Партия Центра, рекомендовав своим членам сотрудничать с режимом. 14 июля был принят закон, по которому НСДАП оставалась единственной партией в стране. Бывшие консерваторы вступали в нее. Теперь большинство членов правительства состояло в НСДАП. Все чиновники теперь могли назначаться только с согласия организаций НСДАП. Но за это и они, и президент, и руководство рейхсвера, стоявшее за президентом, требовали от Гитлера одного — очистить партию от радикалов.

В ноябре Гитлер с согласия Гинденбурга провел выборы и плебисцит о выходе из Лиги наций и Женевской конференции по разоружению. Нацисты, не имея конкуренции, получили соответственно 92,2 % и 95,1 % голосов.

Однако положение Гитлера все еще не было гарантировано. Лейпцигский процесс кончился провалом обвинения против коммунистов. Следовательно, военно-аристократическая верхушка все еще могла обвинить нацистов в поджоге. Ценой освобождения Гитлера от обвинения в поджоге было очищение НСДАП от радикалов.

Германская элита и рейхсвер были обеспокоены непредсказуемым террором коричневорубашечников, число которых достигло двух миллионов. Они готовы были поддерживать фюрера, только если он гарантирует порядок и дисциплину, основанную на господстве элиты, а не уличных банд.

Укрепление диктатуры быстро пришло в противоречие с требованием лидеров «штурмовиков» СА выполнить партийную программу и совершить революцию, направленную против капиталистов. Рем требовал проведения «второй революции», превращения национальной революции в национал-социалистскую — в соответ-

ствии с идеями Грегора Штрассера. Его брат Отто писал в своих воспоминаниях: «СА, которые в отличие от СС приносили клятву верности партии и идеалу, а не фюреру, состояли из радикалов — трех миллионов немцев, недовольных политикой фон Папена, Гугенберга и Шахта. „Когда начнется вторая революция?“ — таков был вопрос, который начали задавать в их рядах.

Грегор Штрассер, рядовой член партии, получал сотни и тысячи писем с требованием возобновить активную деятельность. „Только вы один можете спасти национал-социализм, — писали его корреспонденты. — Откройте глаза фюреру. Люди Геринга ослепляют его...“»²⁸

«Вторая революция» не входила в планы Гитлера. Фюрер запретил «Боевую лигу предпринимателей среднего сословия», которая устраивала погромы в крупных магазинах. Гитлер заговорил о поддержании порядка, о том, что нельзя отталкивать предпринимателя, если он хорошо ведет дело: «История будет судить о нас не по тому, много ли экономистов мы отстранили и посадили в тюрьмы, а по тому, сумели ли мы обеспечить людей работой»²⁹. Эти слова беспокоили левое крыло партии. За что боролись?

Активность штурмовиков раздражала не только консерваторов, но и нацистскую верхушку. Начальник политической полиции (гестапо) Р. Дильс докладывал: «Активизация берлинских СА наэлектризовала самые отдаленные районы страны. В больших городах, где полномочия полиции были переданы лидерам местных СА, революционная активность охватывала буквально всю округу...

В Силезии, Рейнланде, Вестфалии и Руре несанкционированные аресты, неподчинение полиции, насильственные вторжения в общественные здания, погромы, ночные налеты начались еще до поджога рейхстага в конце февраля»³⁰.

Рем считал, что штурмовики должны стать ведущей революционной силой, которая начнет коричневорубашечную «атаку на капитал», которая превратится в новую революционную армию, сможет отодвинуть в сторону заскорузлое прусское офицерство и повести революционную войну против Версальского мира. Германия уже имеет двухмиллионную армию в коричневых рубашках, в то время как версальский договор разрешает ей только 100 тысяч солдат в шинелях. Правда, боевые качества штурмовиков Рем явно переоценивал. Гитлер предпочитал союз с рейхсвером и был готов пожертвовать своими партайгеноссе ради этого. Тем более что планы Рема шокировали не только офицерство и генералитет, но и главу военной иерархии президента Гинденбурга. А пока власть Гитлера все еще имела своим источником волю президента. Военная верхушка дала понять Гитлеру, что поддержит его на пост президента только при условии решения проблемы штурмовиков. Договори-

лись лишь о том, что СА поглощает «Стальной шлем» и подчиняется министерству рейхсвера.

Не добившись пока своего, Рем 7 июня ушел в отпуск по состоянию здоровья. О. Штрассер утверждает, что Гитлер вызвал его брата Грегора, неформального лидера левого крыла НСДАП, и предложил ему пост министра экономики. Штрассер воспринял это как шанс сдвинуть НСДАП влево и потребовал, чтобы Гитлер отправил в отставку его недругов Геринга и Геббельса³¹. Если эта встреча имела место, то Гитлер лишь вовлекал в свою структуру власти, связывал ответственностью соперника, который был бы опасен в свободном состоянии. Ни о каком сдвиге влево Гитлер не помышлял, понимая, что вермахт по мановению Гинденбурга может раздавить НСДАП вместе с СА. Договориться со Штрассером не получилось, и его участь была решена.

Однако Гитлер не собирался и подчиняться правому крылу своего режима, консервативным кругам, спикером которых был вице-канцлер Папен. Это раздражало Папена, и 17 июня в Марбурге он произнес речь с критикой нацистского радикализма: «люди, если они хотят остаться в анналах истории, не могут позволять себе вечное восстание, идущее снизу... Должен наступить день, когда это движение прекратится, и появится солидная социальная структура, поддержанная справедливым правосудием и авторитетной общественной властью... Непрерывное развитие не может вести ни к чему долговечному»³².

Гитлер был разгневан этой речью, которая настраивала против нацистов консервативные круги и была призвана придать публичности разногласия между правым и левым крыльями правящей группировки. Публицист Э. Юнг, которого сочли автором текста этой речи, был арестован и не пережил «Ночь длинных ножей». Возможно, Гитлер был разгневан и тем, что Папен разболтал то, что готовил Гитлер. А может быть, тем, что он мог спровоцировать военных, недовольных нацистским произволом. В июне в политических и дипломатических кругах много говорили о возможности военного переворота, и американский посол Уильям Додд даже шутил на эту тему в беседе с Герингом³³.

21 июня Гитлер прибыл на встречу с Гинденбургом, чтобы обсудить ситуацию. О. Штрассер, опираясь на ходившие в СА слухи, утверждает, что Гинденбург и министр рейхсвера Вернер фон Бломберг при поддержке Геринга ультимативно потребовали от Гитлера «обеспечения внутреннего мира» и предотвращения министерского кризиса (то есть сохранения в правительстве Папена и других консерваторов), а в случае их отставки угрожал ввести военное положение. Это могло означать и отставку Гитлера. Описывая эту ауди-

ению Гитлера у Гинденбурга, О. Штрассер подчеркивает, как Гитлер был унижен, но ничего не мог поделать, «ибо он знал, что сила была на стороне рейхсвера»³⁴.

Эта встреча Гитлера и Гинденбурга действительно состоялась, но ее обстоятельства переданы О. Штрассером неверно. Гитлер был доволен этой встречей и неделю спустя с восторгом рассказывал о ней А. Розенбергу: «Он рассказывает, что Старик еще никогда не был так дружелюбен, как при последнем визите, когда Гитлер в Ной-деке докладывал ему о Венеции. Он оперся на руку фюрера и сказал: „Сейчас вы меня и таким образом поддерживаете, мой канцлер“. Гитлер хочет оградить его от всех печалей, так как думает, что Гинденбург вряд ли долго протянет»³⁵.

Гинденбург, судя по реакции Гитлера на их разговор, не выставлял ультиматумов Гитлеру. Иначе фюрер вряд ли стал бы сдерживать свой гнев в разговоре с преданным Розенбергом. Угроза для Гитлера исходила не от Гинденбурга, от угасания Гинденбурга. Пока президент был жив, рейхсвер не мог выступить против Гитлера без ведома Старика. А когда Гинденбурга не станет? Встанет вопрос о том, что Гитлер должен занять пост президента в обход Веймарской конституции, и на это должна согласиться армия, генералитет. Гитлер должен был заручиться поддержкой генералитета до смерти Гинденбурга. И это можно было сделать только предварительно избавившись от революционно настроенных партайгеноссе. Жизнь утекала из Гинденбурга как песок, и этот песок отмерял также время жизни Рема и Штрассера. Они должны были умереть раньше Гинденбурга, обеспечив этим беспрепятственную передачу власти Гитлеру.

На 30 июня 1934 года Гитлер назначил совещание командного состава СА в Бад-Висзее. Враги Рема Геринг, Гиммлер и Гейдрих подзуживали Гитлера, сообщая ему о подготовке мятежа СА, хотя располагали лишь сведениями руководителя ганноверской обергруппы СА Виктора Лутце о критических высказываниях Рема о Гитлере. А тем временем Рем надеялся, что они с Гитлером, наконец, найдут взаимопонимание. «Он даже заказал вегетарианский завтрак для Адольфа»³⁶, — рассказывает О. Штрассер о трогательной заботливости Эрнста. Явившись в Висзее рано утром в сопровождении эссовцев, Гитлер застал там гомосексуальные сцены³⁷, которые дали ему дополнительный повод для кровавой расправы.

Утром 30 июня охранные отряды (СС) нанесли внезапный удар по штабам СА и уничтожили более тысячи штурмовиков во главе с Ремом и несколько человек, не имевших отношения к СА. «Гитлер не хотел расстреливать Рема. „Он ведь стоял рядом со мной перед судом“»³⁸, — рассказывает А. Розенберг. Но окружение фюрера настаивало — без этого настоящий разрыв с «революционным про-

шлым» был невозможен. Рему дали возможность застрелиться. Но он не стал этого делать, после чего был убит.

Эта резня получила название «Ночь длинных ножей», хотя расстрелы продолжались еще два дня. За компанию были убиты Шлейхер и Штрассер: они все еще представляли угрозу как возможная альтернатива Гитлеру. Также был убит сподвижник Шлейхера генерал Ф. фон Бредов. Армия «разменяла» Шлейхера и Бредова на Рема. Были убиты Г. Кар, который в качестве генерального комиссара Баварии подавил путч 1923 года, лидер «Католического действия» Э. Клаузнер, пастор Штемпfle и др. Убийства затронули и аппарат Папена. Его канцелярия была захвачена эсесовцами, советник фон Бозе убит. Сам Папен на время оказался то ли под охраной полиции от эсесовцев, то ли под арестом. Были изъяты какие-то бумаги — никто не должен даже подумать о том, чтобы шантажировать Гитлера. Самого Папена отправили посланником в Вену.

Гитлер уничтожал всех, кто знал правду о поджоге и мог прибегнуть к шантажу, а также обрубал все пути развития Германии, кроме своего. В «Ночь длинных ножей» Гитлер решил четыре задачи — уничтожил свидетелей организации поджога рейхстага, успокоил президента и генералитет разгромом штурмовиков, уничтожил лидера национал-реформизма Шлейхера и припугнул консерваторов. После этого они уже не рисковали шантажировать фюрера.

1 июля Гинденбург поблагодарил Гитлера за «решительное и доблестное личное вмешательство, которое помогло удушить измену в зародыше и отвратить от немецкого народа великую опасность»³⁹. Гинденбург простил нацистам «сопутствующие» убийства Шлейхера и других нацистов.

Дело, конечно, было не в личном решении умирающего Гинденбурга передать Гитлеру всю полноту власти над Германией. О. Штрассер несколько однобоко, но по сути верно охарактеризовал то, что произошло: «Армия презирала „коричневорубашечников“, она просто использовала гитлеризм как маску, скрываясь за которой преследовала свои традиционные цели»⁴⁰. Традиционный прусский милитаризм, вермахт и военно-промышленные круги были готовы ставить на Гитлера только при условии уничтожения даже духа «социализма» в нацизме, полного укрощения той национал-революционной силы, которая привела Гитлера к подножию власти. Гитлер не подошел бы к постаменту власти без СА, но он не взошел бы на него без тех, кто стоял за Гинденбургом и Папеном. А чтобы удержаться на постаменте, нужно было выбирать между национальной «революцией снизу» и созданием строго иерархической, управляемой только сверху военно-государственной машины, которой суж-

дено будет осуществить цели германской военщины — реванш за 1918 год, уничтожение Версальской системы и новые завоевания. Гитлер выбрал роль лица реваншизма, но ошибались те, кто полагал, что он может быть марионеткой реваншистской элиты.

Несмотря на гибель Шлейхера и других «случайных жертв», старая правящая элита была довольна итогом «Ночи длинных ножей», ее права были ограждены от угрозы «второй революции», то есть антикапиталистического переворота.

Германский фашизм (национал-социализм) до своего прихода к власти был сплавом нацизма и лево-фашистских идей. «Ночь длинных ножей» очистила НСДАП от любых левых идей и элементов. Остался чистый нацизм — крайняя форма национализма, шовинизма, фашизма, расизма и империализма. Гитлер создал радикальный вариант фашизма, превосходивший по репрессивности даже итальянский фашизм. Муссолини создал итальянский фашизм, но сам термин «фашизм» стал родовым понятием, объединяющим родственные движения и режимы многих стран, включая германский нацизм, итальянский фашизм, испанский фалангизм, французский франсизм и др. Фашизм, понимаемый как родовое понятие, — это национал-тоталитаризм. Это такая форма тоталитаризма⁴¹, которая стремится к сплочению нации, включая старую социальную элиту и трудящиеся массы. В отличие от коммунистического тоталитаризма, который делает ставку на социальные чистки и ликвидацию старой элиты, фашизм сохраняет прежние господствующие классы, лишь подчиняя собственников и аристократов государству. В то же время он добивается управления массами работников с помощью подчиненных государству «вертикальных» корпоративных социальных институтов.

Никто не мог более перечить Гитлеру. 2 августа умер 86-летний Гинденбург. Главный редактор «Фёлькишер беобахтер» А. Розенберг писал в дневнике:

«По всей Германии глубокий траур. Нас покинул исполин.

Но у НСДАП теперь развязаны руки, чтобы построить свой Рейх. Ценное время было упущено, так много можно было сделать, но не удалось из-за саботажа под предлогом Г[инденбурга].

Сейчас фюрер — единоличный правитель Германии. Все предпосылки для н-с государства наконец налицо»⁴².

На похоронах Гинденбурга Гитлер дал волю своему мифологическому мировоззрению: «Полководец, иди же в свою Валгаллу!»⁴³.

Еще 1 августа правительство поменяло конституцию, чтобы сразу после смерти Гинденбурга без всяких выборов совместить полномочия канцлера и президента в одном лице. Гитлер был объ-

явлен пожизненным президентом и фюрером (вождем) германского народа. Слово «президент» в дальнейшем не использовалось, Гитлера положено было называть фюрером и рейхсканцлером. 19 августа передача верховной власти была подтверждена на референдуме — излюбленное средство диктаторов фальсифицировать народное мнение. Нацистский переворот, начавшийся с поджога рейхстага, завершился. Никто не оказал ему серьезного сопротивления. А ведь еще недавно Папен, конструируя новое правительство, окружил фюрера множеством либерально-конституционных и традиционно-консервативных сдержек и противовесов. «Ни Папен, ни кто-либо другой, кроме Гитлера, не отдавал себе полного отчета в необъяснимой податливости тогдашних институтов — армии, церкви, профсоюзов, политических партий, а также широких средних слоев, настроенных не в пользу нацистов, и высокоорганизованного пролетариата, которые, как мрачно констатировал много позднее Папен, „сдались без боя“».

Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объединились для борьбы с ним⁴⁴, — считает американский историк У. Ширер, игнорируя и активное сопротивление нацистам слева, и массовый террор против противников нового режима, и действия тех политиков, которые пытались остановить продвижение нацистов к власти. Если бы к власти в Германии пришли коммунисты, У. Ширер мог бы с тем же успехом обвинять социал-демократов в том, что они не сплотились с Гитлером против коммунистической угрозы. Но реальная история не красится в черно-белый цвет. Ответственность за приход Гитлера к власти несут не только люди, но и социальное устройство, допустившее обнищание большинства населения, и политическая система, противоречиво совмещавшая демократические нормы и авторитарное ядро — огромные полномочия президентской власти, которые могли обеспечить тоталитарное перерождение республики. Гитлер воспользовался не демократическими, но конституционными правилами игры, опираясь на отчаяние праворадикальных масс, на чувство уязвленного национального самлюбия немцев, на эгоизм консервативных политиков. Великая депрессия создала предпосылки для прихода Гитлера и нацизма к власти, но не предопределяла его. То, что другие политические силы пропустили к власти самый крайний вариант национализма, который только знала история, придало энергию национально-милитаристским традициям, которые Германия уже демонстрировала миру, но теперь в этом отношении она пошла на рекорд. В германской куль-

туре есть и другие традиции, куда более гуманные и созидательные. Но в 1933–1934 годах они проиграли. И вместе с ними проиграл мир — в обоих смыслах этого слова.

А между тем по другую сторону Атлантики формировался другой путь выхода из кризиса.

Колонны Рузвельта

Великая депрессия была столь глубоким сбоем в развитии капитализма, что ее нельзя было просто переждать, как обычный кризис⁴⁵. Нужно было так или иначе менять социальную систему. Это можно было сделать двумя путями. Либо установить диктатуру, которая будет наводить порядок в экономике тоталитарными методами, либо наладить государственное регулирование хозяйства без разрушения независимых от правительства социальных структур. Второй путь был гораздо сложнее, но именно по нему пошел новый президент США Франклин Рузвельт.

Рузвельт не был первопроходцем в создании государственно-монополистической системы регулирования экономики. В период Первой мировой войны государство в основных воюющих странах активно вмешивалось в рыночные процессы. Не случайно, что «Франклин Рузвельт и многие из его сторонников, пришедших с ним в Вашингтон в 1933 году, получили свою закалку в области управления национальной экономикой именно в годы Первой мировой войны»⁴⁶. Но меры военного регулирования воспринимались как временные. В СССР проводилась Новая экономическая политика. Впервые в таких масштабах проводилось государственное регулирование аграрно-индустриальной экономики. Но этот вариант регулирования оказался неустойчивым и как раз во время Великой депрессии сменился сталинской сверхцентрализованной моделью⁴⁷. Рузвельту предстояло создать систему государственного регулирования, которая просуществует несколько десятилетий и повлияет на формирование социального государства и государственно-монополистических экономик других стран Запада.

Риторика Рузвельта на инаугурационной речи 4 марта 1933 года выдавала отсутствие какой-то ясной идеологии реформ (хотя прошло уже несколько месяцев после победы на выборах). Рузвельт апеллировал к архаичным образам: «Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль»⁴⁸. За библейскими ана-

логиями Рузвельт прятал свой прогрессизм и предстоящее наступление на частную собственность, которую миллионы американцев воспринимали как фундамент их образа жизни. Для борьбы с кризисом Рузвельт требовал от американцев военной дисциплины и сплоченности, а от Конгресса (если возникнет необходимость) — «широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага»⁴⁹.

Словосочетание «непродуманные реформы» редко применяется к преобразованиям Рузвельта (все-таки результат оказался удачен), но, несомненно, к ним относится. И не продуманные заранее реформы могут быть удачны, хотя отсутствие четкого плана всегда ведет к расточительству ресурсов и сил. В 1936 году Рузвельт признавал: «В 1934 году у нас не было времени на подготовку, мы работали без предварительных планов и по неопытности делали ошибки»⁵⁰.

Историк В. В. Согрин пишет, что при обсуждении политики в отношении крупного бизнеса в окружении Рузвельта «главными были две группы. Первая, в духе вильсоновской концепции Новой свободы, предлагала разукрупнение корпораций, а вторая, реанимируя идеи Нового рационализма Теодора Рузвельта, считала рациональным всестороннее регулирование крупного бизнеса». Рузвельт, которого В. В. Согрин считает «полнокровным идеологом», «разрывался» между этими концепциями⁵¹.

Несмотря на работу «мозгового треста» своих советников, Рузвельт пока не имел четкого представления о той системе, которую собирался построить, равно как и о природе происходившего кризиса. Но он нашел безошибочный способ оживления экономической жизни — нажимать на все педали и рычаги в надежде, что хозяйственная механика подаст признаки жизни. Затем можно будет развивать то направление, на котором наметились сдвиги. Особенно важно убедить американцев: что-то делается, нужно покончить с психологической депрессией, чтобы отступила депрессия экономическая. В своей инаугурационной речи Рузвельт пытался внушить согражданам оптимизм, призвал их бороться со страхом. Тем временем в США закрылись практически все банки. Наступил финансовый паралич.

На инаугурации 1933 года Рузвельт говорил о перенаселенности городов и намерении облегчить движение американцев в сельскую местность (эта идея потом уйдет на периферию его политики), о необходимости повышения цен на сельскохозяйственную продукцию (что вряд ли могло понравиться обедневшим горожанам), о сокращении государственных расходов (Рузвельт будет их увеличивать)... Между делом в этом перечислении прозвучало: «государст-

венное планирование и контроль», правда, только над транспортом, связью и прочими услугами «явно общественного характера». И более определенно о самом наболевшем: «Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью; должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта»⁵². Но Рузвельт не собирался по-большевистски заменять эту систему государственной. Только контроль.

Формируя правительство, Рузвельт подчеркивал намерение создать команду, очищенную от представителей финансовой олигархии. На деле Рузвельт пригласил во власть крупных предпринимателей У. Вудина и Д. Кеннеди. Впрочем, немало мест досталось и технократии, менеджерам, стремившимся к технологической модернизации.

Президент располагал поддержкой Конгресса и немедленно приступил к реформам. В первые «100 дней» своего правления он поставил задачу добиться конкретных результатов в борьбе с депрессией. Президент направил в Конгресс серию законопроектов, которые одобрялись один за другим. Всего за 100 дней конгресс по инициативе Рузвельта принял более 60 законов.

Уже 9 марта по инициативе президента был принят закон о чрезвычайной помощи банкам, который передал ему полномочия определять правила открытия банков и напечатать 2 млрд долларов для помощи финансовой системе. Банки получили кредитов на 1171 млн долларов. Из 6 тыс. банков, получивших эту помощь, 106 все же не смогли устоять, и государство потеряло 13,6 млн долларов.

Была проведена проверка банков. Левые сенаторы Лафолетт и Костиган убеждали Рузвельта национализировать банки. К чему бы это привело? В банках не было реальных ресурсов — только специалисты по движению бумаги, символизирующей ресурсы. Банкиры и так были напуганы, а принципиальной альтернативы старой банковской системе не было — ни какой-то структуры прямого обмена продуктами между предприятиями, ни бюрократической машины вроде советского Госплана. Рузвельт не пошел за своими союзниками слева, не стал создавать альтернативу банковской системе. Он подверг чистке то, что есть. Отныне банковские вклады должны были страховаться на случай разорения. Банкам, сохранившим доверие государства, выдавались из казны займы под низкие проценты. 12 марта 1933 года, в первом из своих радиовыступлений, известных как «беседы у камина», президент призвал граждан нести деньги в банки: «Уверяю вас, что безопаснее хранить деньги во вновь открытом банке, чем под матрасом»⁵³. Граждане вняли призыву.

16 июня был принят закон Гласа — Стигала о банковской деятельности. Чтобы ограничить спекуляции, банки были разделены на депозитные и инвестиционные. Новое законодательство гарантировало страхование вкладов до 2500 долларов (позднее эта сумма повышалась) через Федеральную корпорацию страхования депозитов. На это был направлен миллиард долларов государственных средств. В 1934 году была создана Комиссия по торговле ценными бумагами и биржевыми операциям. Стремление государства контролировать биржу вызвало резкую критику со стороны крупного бизнеса, который с этого времени стал выступать против политики Рузвельта.

Но финансовая система получит прочную основу, только если заработает производство. А его нужно организовать. Создавались специальные «администрации» — государственные организации, управлявшие сферами, в которые раньше государство почти не вмешивалось.

16 июня 1933 года по инициативе Рузвельта Конгресс принял Национальный акт восстановления промышленности (НИРА), который президент считал тогда ядром своих преобразований: «История, возможно, запишет Национальный акт восстановления промышленности как наиболее важное и далеко идущее законодательство, которое принималось американским конгрессом»⁵⁴. История, как мы увидим, рассудит иначе. Но масштаб реформы был действительно впечатляющим — по НИРА создавалась Национальная администрация восстановления (НРА), которая провела принудительное объединение всех предприятий в 17 групп. Внутри каждой группы ограничивалась конкуренция, вводились единые цены и распределялись рынки сбыта, условия кредита. Эти супермонополии занимались унификацией технологии, разделом рынков. Официально это называлось «предотвращением нечестной конкуренции» и «гибельного перепроизводства». Скрепляющим раствором обязательных монополий стали «кодексы честной торговли». Они вырабатывались предпринимательскими группами с участием организаций профсоюзов. Эта работа велась под давлением главы НРА генерала Хью Джонсона. После того, как кодекс подписывался президентом, он был обязателен к исполнению. Те предприятия и корпорации, которые не участвовали в этих соглашениях, не могли рассчитывать на поддержку государства. Более того, на продукцию тех, кто участвовал в кодексах, ставились символы НРА — синий орел, и покупателей призывали покупать только эти «патриотические» товары. Эти компании вносились в почетный президентский список. Рузвельт говорил: «Я намерен добиться, чтобы в каждом городке на почте был вывешен почетный список тех, кто со мной»⁵⁵. Чтобы ус-

корить процесс принятия кодексов, Рузвельт направил предпринимателям типовой кодекс. Не нужно тратить время на их выработку, нужно пользоваться типовым кодексом президента. В итоге кодексы охватили более 90 % промышленности и торговли.

Пока Рузвельт вел предвыборную кампанию, в центре его выступлений была антимонополистическая риторика. Придя к власти, Рузвельт принялся строить сверхмонополии. Еще один пример предвыборной демагогии? Не без этого. Но Рузвельт в данном случае не был просто демагогом — организованный государством монополизм был продолжением прежней борьбы за ограничение власти монополистов. Только теперь эта власть ограничивалась не рынком, а государством. Иногда утверждается, что НИРА — институт, «необычайно похожий на систему корпоративного государства Муссолини»⁵⁶. Впрочем, «Муссолини в двадцатые годы был подлинным любимцем Европы»⁵⁷. Система НИРА действительно похожа на фашистский экономический эксперимент, который на практике осуществлялся в те же годы, и некоторые меры Рузвельта даже опережали действия Муссолини. Мир шагал разными путями в одном направлении.

Но если Муссолини и Гитлер подмяли профсоюзы под государство, Рузвельт предпочитал компромисс с организациями труда. Этим он сделал профсоюзы своей опорой в политических сражениях. Кодексы, как правило, содержали запрет на использование детского труда, продолжительность рабочей недели в 40 часов и минимальную ставку оплаты — как правило, 30–40 центов в час⁵⁸. Споры между предпринимателями и профсоюзами разрешало Национальное бюро труда.

Впрочем, Рузвельт мог действовать и против организованного труда. 6 апреля 1933 года под давлением профсоюзов Конгресс принял закон Блэка о 30-часовой рабочей неделе. Рузвельт планировал другие меры и наложил вето на этот закон. Президент выступил против снижения длительности рабочего дня, ссылаясь на те отрасли производства, где регламентировать рабочий день нельзя. Но под этим предлогом идея была «зарублена», хотя могла бы существенно уменьшить безработицу и расширить внутренний рынок. Увеличение количества занятых при относительно низких ценах позволяло выйти из кризиса за счет капитала.

Баланс бюрократии и капитала — ключевая формула политики Рузвельта. В этой формуле бюрократия, действующая от имени государства — почти синоним нации, — представляла все остальные социальные слои, прежде всего бедствующие и потому особенно опасные для капитала: безработных, фермеров, рабочих.

Дабы снять остроту голода, Рузвельт создал Федеральную администрацию помощи (ФЕРА). Ее возглавил Гарри Гопкинс, руководившей аналогичной структурой в Нью-Йорке в бытность Рузвельта губернатором. «Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн долл., передав их штатам для оказания помощи безработным»⁵⁹.

Чтобы справиться с безработицей, администрация общественных работ организовала строительство дорог и других сооружений силами безработных. Был создан гражданский корпус сохранения ресурсов (ССС) для безработных ветеранов и молодежи. Корпус занялся обустройством инфраструктуры США, лесопосадками, развитием системы национальных парков и заповедников. До Второй мировой войны через лагеря СССР прошло 3 млн человек. Молодежь проходила здесь и военную подготовку. Заместитель военного министра Г. Вудрин в приливе административного восторга заявил: «Лагеря СССР — предвестники великих грандиозных армий труда будущего»⁶⁰. В ответ лидер профсоюзов У. Грин заявил, что от этой идеи пахнет фашизмом. Действительно, со времен военного коммунизма трудовые армии, состоящие из граждан, а не из заключенных, не применялись даже в СССР. Но если военизация общественных работ вызывала опасения рабочих, то государственное финансирование работ вызывало их поддержку. «Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ. Многие влиятельные представители Вашингтонской администрации разделяли эту установку... Гопкинс, например, выступая в сентябре 1938 года в Сизтле, говорил, что он предвидит осуществление „великой программы федеральных общественных работ“, продолжительностью в 20 и более лет... „Я рассматриваю такую программу в сочетании с системой социального страхования по безработице в качестве единственной возможности обеспечения средствами существования армии хронически безработных людей“, — сказал он. Руководитель Администрации общественных работ Гарольд Икес с самого начала проводил мысль о создании постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразного придатка частнокапиталистической экономики, выполняющего роль поплавка и стимулятора роста.

Рузвельт всегда с опаской относился к подобным настроениям»⁶¹, — пишет историк В. Л. Мальков. И Рузвельта можно понять. Дальнейшее расширение затратного бюрократического сектора ставило финансы на грань краха или требовало кардинального переустройства всей экономики на рыночных основаниях.

Всего в общественных работах в начале 1934 года участвовало около 5 млн человек. На эти нужды было потрачено 3,3 млрд долл. И это было только одной из крайне затратных программ Рузвельта. Зимой 1933–1934 годов действовала также администрация помощи, которая оказывала прямую поддержку безработным и бездомным, создавая для них рабочие места, организуя бесплатное питание и медицинскую помощь. Администрация гражданских работ во главе с Г. Гопкинсом заняла 4 млн безработных, поддерживала жизнь 20 миллионов человек, потратила 1,5 млрд долл. на строительство дорог, школ, аэродромов. Проблема безработицы если и не была решена, то потеряла былую остроту. Всего на общественные работы привлекли 10 млн человек, на них было затрачено 16 млрд долл.

Разрастание администраций привлекло на сторону Рузвельта значительную часть среднего слоя, прежде всего общественно-активную часть интеллигенции, перед которой открылась возможность получить работу — в том числе и в аппарате новых администраций. Интеллигенция шла в технократы. Но основная масса среднего класса стала чувствовать себя обманутой: «часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Вашингтона восстановить права „независимого предпринимательства“ и „честную конкуренцию“ путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство, во-первых, бессильно приостановить процесс концентрации экономической мощи и, во-вторых, не склонно этим заниматься»⁶², — пишет историк В. Л. Мальков.

Действительно, НИРА вел именно к концентрации. Переход «прогрессистской» интеллигенции в массу своей на сторону президента оставил протест средних слоев без интеллектуального лидерства, что облегчило властям задачу борьбы с этой угрозой. К тому же Рузвельт маневрировал, стараясь не упускать «мелкобуржуазный» электорат.

Чтобы получить средства на все администрации и помощь обедневшему народу, иные правительства печатали деньги, обесценивая доходы населения. Дальнейший выпуск денег мог привести к неуправляемой инфляции. Рузвельт провел девальвацию доллара, которая ослабила финансовый капитал. Ведь долги банкам исчислялись в долларах. Производственный капитал и фермеры, производители конкретной продукции выиграли. В то же время в своих поисках денег на реформы президент сумел избежать неуправляемой инфляции, хотя и сделал доллар менее устойчивым, не опирающимся на «золотой стандарт». Но в тех условиях это было меньшее из зол. «Рузвельт достиг умеренной степени быстрого оздоровления, отчасти отказавшись от „золотого стандарта“, отчасти создав

возможности для будущей инфляции»⁶³, — комментирует Ф. Фрейдел первые последствия финансовой политики президента. Однако постоянная инфляция мешает производству и обесценивает зарплату. Поэтому далее Рузвельт пошел другим путем — была введена государственная монополия на золото.

Денег на президентские программы не хватало. Рузвельт отказывался удовлетворить требования ветеранов выплатить «бонус» (денежное вознаграждение). Ветераны, особенно голосовавшие за Рузвельта, считали себя обманутыми. В мае 1933 года они снова пошли на Вашингтон, готовые к столкновениям с полицией. Это могло нанести сильнейший удар по авторитету Рузвельта. Но он лучше Гувера понимал психологию масс. Рузвельт предоставил участникам похода военный лагерь, помещения и трехразовое питание. Апогеем стал визит жены Рузвельта Элеоноры в лагерь. «Контраст был очевиден: Гувер выслал против них армию, а Рузвельт прислал жену»⁶⁴. Пособия им не дали, но ветераны стали с энтузиазмом записываться в ССС, где им отводились командные должности. Вместо подачек ветераны получили государственную работу. Количество недовольных, готовых к социальной конфронтации людей в городах уменьшилось.

Рузвельт отменил сухой закон, подорвав тем самым теневой рынок мафии. Теперь работники этого сектора выходили из «тени». Противникам «спаивания населения» президент отвечал: «потребность в рабочих местах на разрешенных законом вино-водочных заводах сделали морализм слишком дорогим удовольствием»⁶⁵.

Еще одним проектом Рузвельта стала администрация реки Теннесси (ТВА), как он характеризовал ее — «корпорация, облеченная правительственными полномочиями, но обладающая гибкостью и инициативой частного предпринимательства»⁶⁶. Это была попытка объединить два направления реформ — управление рыночной экономикой со стороны государства и общественные работы по обустройству США. Для начала Рузвельт решил попробовать это соединение на местном уровне, а потом распространить опыт на другие регионы США.

Река, протекавшая по территории семи штатов, время от времени обрушивалась на фермеров с наводнениями. Часть территории, которая могла быть пригодна для сельского хозяйства, была заболочена, а часть — подвержена засухам. И вообще обширная долина Теннесси была «задворками» США с неразвитой инфраструктурой. Рузвельт решил изменить это положение, сделав долину полигоном электрификации США. Как и Ленин, Рузвельт видел в электрификации путь к быстрому улучшению качества жизни и производительности труда.

Рузвельт поддержал борьбу сенатора от Небраски Д. Норриса за передачу в государственную собственность недостроенной электростанции в Масл-Шоулс в штате Алабама, которая могла снабжать электричеством фермеров в районе Теннесси. Государственные электростанции должны были дать доступ к электроэнергии миллионам людей и сбить цены частных компаний на электричество.

Электроэнергетические монополисты протестовали. Само государство нарушало им же установленные правила «честной конкуренции» (то есть прекращения конкуренции путем раздела рынков). Но фермеры и рабочие-строители были довольны.

На полученные TVA средства строилась новая инфраструктура Среднего запада США, была оказана помощь фермерам, остановлена эрозия почвы.

Рузвельт мог предъявить результат. Но его «подарок» принимали без восторга. Пресса обвиняла президента во введении государственного социализма в бассейне Теннесси как преддверии огосударствления всех Соединенных Штатов. Возражая догматикам либерализма, Рузвельт призывал к прагматизму: «Называйте TVA хоть рыбой, хоть мясом, но оно удивительно вкусно для жителей долины Теннесси»⁶⁷. Но от дальнейшего распространения опыта TVA Рузвельт отказался.

Параллельно решалась проблема фермеров. 12 мая 1933 года, за день до объявленного начала всеобщей крестьянской забастовки, актом о регулировании сельского хозяйства (AAA) была создана Администрация по регулированию сельского хозяйства (тоже AAA), которая распределяла рынки сбыта продуктов, добиваясь сокращения «лишнего» производства. Фермерам предоставлялись премии за незасеянные площади, компенсации за забой скота. Было забито около 30 миллионов голов скота (то же самое тремя годами ранее по другим причинам). Власти, оплатившие этот коровий геноцид, не решились направить полученное мясо на помощь голодающим — это могло сбить цены, которые желательно было вернуть к довоенному уровню. Мясо уничтожали. Трактора перепахали 10 млн га уже засеянных пространств, уничтожая результаты фермерского труда.

Сохранение уровня цен спасало фермеров от разорения. Но не проще ли было дотировать их труд за счет инфляции? В дальнейшем правительства стран Запада примеряли именно этот метод, не повторяя рузвельтовского варварства.

Под угрозой крестьянской войны фермерское лобби победило финансовое — цены на сельскохозяйственную продукцию были искусственно повышены, фермерские долги, составлявшие 12 млрд долларов, частично обесценены, а частично погашены с помощью государства.

Помощь фермерам сопровождалась «разбазариванием выделенных средств, неоправданно высокими премиями крупным производителям, перепроизводством тех или иных видов сельскохозяйственной продукции. Но это было дело поправимое»⁶⁸. В США происходило нечто прямо обратное тому, что случилось в СССР, — массивная помощь сельской инфраструктуре, селу в ущерб части городских слоев. Поэтому забой скота не привел, как в СССР, к подрыву животноводства. Производительность труда в сельском хозяйстве выросла на 5 % в год (в других отраслях 1–2 %).

Засуха нанесла новый «спасительный» удар по сельскому хозяйству — цены достигли искомого уровня, и доходы оставшихся фермеров (10 % хозяйств все же разорилось) выросли на половину. Отсеялись прежде всего мелкие фермы, концентрация сельского хозяйства увеличилась.

Ситуация на внешнем рынке была хуже. Он был перегружен, население потребляло меньше — меньше можно было и продать. США не решились на экспорт продовольствия по демпинговым ценам, опасаясь ответных мер. В поисках внешних рынков США стали отказываться от протекционизма — 2 марта 1934 года был принят закон о внешней торговле, который позволял президенту заключать договор с другими странами о взаимном снижении тарифов на 50 %. Экономические отношения перестраивались на двусторонней основе. Рузвельт не стал восстанавливать старую систему глобального рынка. 3 июля 1933 года в своем послании он отчитал международную конференцию по стабилизации валют, призвав правительства мира сначала лечить «основные экономические язвы» у себя дома и жить по средствам. Потом, став одним из ведущих мировых лидеров, Рузвельт считал ошибкой, что не использовал конференцию для усиления роли США. Но сохранить прежние принципы организации рынка было невозможно, и Рузвельт правильно сделал, что не поехал на конференцию. Он сэкономил средства для внутренних реформ. Глобальный рынок необратимо распадался, и в этой ситуации выигрывал тот, кто укреплял свой рынок. В 1936 году США стали импортировать продовольствие. Мировой рынок постепенно оживал, хотя и не достиг прежних объемов.

Еще одной антикризисной мерой Рузвельта стало установление дипломатических отношений с СССР 16 ноября 1933 года. Нужно было срочно расширять торговлю с Советским Союзом. Нарком иностранных дел Максим Литвинов обещал разместить в странах Запада заказы на 1 млрд долларов. Это могло помочь выходу из кризиса американской промышленности.

В результате реформ «100 дней» цены выросли на 10 %, но доходы населения тоже начали расти, хотя и неравномерно: «честная

конкуренция» в нескольких отраслях привела к падению уровня заработной платы. Занятость выросла на 4 миллиона человек. Это повлекло за собой рост емкости внутреннего рынка, стало вытягивать производство.

Несмотря на то что из острой фазы кризиса выкарабкаться удалось, жизнь все еще оставалась бедной: в 1935 году доходы городского населения отставали от уровня января 1929 года на 13 %. 10 миллионов людей оставались без работы. В это время США достигли того «горизонтального плато», которое либеральные экономисты ожидали увидеть после завершения бума. Но только плато было достигнуто на уровне значительно ниже состояния 1929 года.

За первый срок правления Рузвельта государственные расходы выросли почти в 2,5 раза, а производство — на 60 %. Реформы Рузвельта были весьма затратными. Их нельзя было продолжать, не найдя нового источника ресурсов. Может быть, экспроприировать капиталистов? Но удастся ли найти соответствующее количество грамотных управленцев, чтобы бюрократическим путем управлять хозяйством, которое привыкло регулироваться рыночным путем? Рузвельт опасался, что более широкое огосударствление может привести к еще большим разрушениям, чем Великая депрессия. И раз уж из нее начали выходить, то дальше следовало действовать как-то иначе. Оставалось еще два ресурса — доходы рабочих и фермеров или (а может быть, и) внешние ресурсы.

Возникшая система была неустойчивой и неустойчивой. Рузвельт пока не создал общество, которое защищало бы рядовых американцев от превратностей судьбы. Он вколол Америке лекарство, которое сняло острую боль, но болезни не вылечило. Ряд мер Рузвельта носили столь же временный характер, что и регулирование хозяйства времен Первой мировой войны. Чтобы придать реформам «ста дней» системную целостность, Рузвельт должен был сохранить НИРА и AAA, а также распространить опыт ТВА на всю страну. В этом случае затратные программы общественных работ и помощь фермерам приобрели бы опору в мощном государственном секторе, контролирующем энергетику (а в перспективе, возможно, и транспорт, другие важные отрасли). Разделив США на «федеральные округа», включающие по несколько штатов (ТВА действовала на междуштатном уровне), Рузвельт мог ограничить власть губернаторов в свою пользу. НИРА обеспечивал контроль над промышленниками, а AAA — над сельской глубинкой. Таким образом, все ресурсы страны оказывались бы под контролем правительственных технократов. Это были бы другие Соединенные Штаты, нежели те, что мы видим в реальности. Они были бы еще более обюрокраченными и авторитарными, менее динамичными, с более усредненным уровнем

нем жизни. Идеалом Рузвельта было «всеобщее разумное благосостояние»⁶⁹. Разумное — то есть ограниченное возможностями страны. И еще одно важное для всего мира обстоятельство: по этому пути США могли бы развиваться преимущественно за счет внутренних ресурсов страны. А не за счет ресурсов остальных стран мира.

Рузвельт сравнивал свои реформы 1933–1934 годов с перестройкой храма, «который, когда мы его завершим, больше не будет храмом меня и нищих», «камень за камнем мы возводим колонны, которые будут поддерживать этот храм»⁷⁰. Эти колонны — НИРА, ААА, ТВА, ФЕРА, ССС.

В реальности развитие США пошло иными путями. Рузвельт подчинялся конституционным правилам игры, и его противники нанесли ряд болезненных ударов по реформам «ста дней», после чего Рузвельт фактически отказался от достраивания здания, заложенного в начале его правления. «Колонны» сносились одна за другой. В 1933 году Рузвельту удалось добиться введения основных администраций лишь как временных, попытка узаконить их не удалась. В мае 1935 года Верховный суд США отменил НИРА. В январе 1936 года он же признал ААА неконституционной, и ее пришлось ликвидировать. Характерно, что законники подождали, пока меры Рузвельта принесут эффект, и только потом обратили внимание на незаконность его действий. Мавр сделал свое дело и мог уйти.

«Крестовый поход», объявленный Рузвельтом в начале его правления, завершился. Но американцы ждали от своего президента новых походов, в крайнем случае, они могли отправиться в них и без него.

Как и большевикам после их первой попытки потеснить капитализм своим военным коммунизмом пришлось отходить на позиции НЭП, так и Рузвельту с его «военным» капитализмом в 1934–1935 годах пришлось отступать. Это означало, что страна может просто вернуться к социальной системе 1929 года, которая, в свою очередь, вернет общество к депрессии. Нужны были новые реформы, и споры вокруг их возможного направления накалили социально-политическую ситуацию. У движения протеста появились новые влиятельные вожди, которые «дышали в затылок» Рузвельту. «Революционная ситуация» начала тридцатых годов не ушла в прошлое.

Радикалы и система

Сегодня мы знаем, что Рузвельт закладывал основы одного из вариантов государственно-монополистической системы, которая стала преобладать в индустриальных странах во второй половине XX века. Через два года после избрания Рузвельта контуры этой мо-

дели все еще были неясны, и не было очевидно, возникнет ли «рузвельтовская» система вообще. То, что уже получилось, — это политический стиль, особенности режима. Политика, как это часто бывает при проведении реформ, определяет развитие экономики. Рузвельтовский вариант реформ обычно называют «демократическим».

В чем заключался демократический характер режима президента Рузвельта? Избрание лидера и приход его к власти конституционным путем — еще не демократия. Гитлер возглавлял крупнейшую фракцию парламента и был назначен на пост канцлера вполне конституционно. Такая уж в Германии была конституция. Согласие соблюдать конституцию — тоже не демократия, потому что сама конституция может быть недемократической. Демократия — власть народа, а не элиты. В XX веке демократический режим оказался столь же недостижимым идеалом, как и социализм (строй без эксплуатации и угнетения). В США, как и в других странах, называющих себя демократическими, демократия присутствует в виде элементов — как воздействие большинства членов общества на правящие элиты и как самоуправление, когда люди, не являющиеся профессиональными политиками, действительно могут принимать решения по вопросам, от которых зависит их жизнь. Кроме демократии в современном обществе существуют и весьма авторитарные элементы. Организация чиновничества и силовых структур, армии, скажем, отнюдь не демократичны. Далеки от демократии отношения менеджера и рабочего на фабрике. Сосуществование разных систем в одном общественном организме, открытое соревнование разных групп элиты, которое позволяет и народу иногда вставлять свое слово в дискуссию элит — это не демократия, а плюрализм (система, основанная на многообразии). Политический режим США в XX веке носит не демократический, а именно плюралистический характер.

Плюралистический режим имеет две стороны, которые наиболее ярко проявляются в экстремальных ситуациях (а в тридцатые годы в США сложилась именно экстремальная ситуация). С одной стороны, действия правящей элиты против конкурирующих с ней групп бывают весьма авторитарными, с другой — взаимоотношения с населением, способным поддержать политика, должны создавать видимость предельной демократичности. Правящая группа всегда пытается представить дело так, будто она отражает интересы большинства членов общества. Она готова по возможности действительно удовлетворять хотя бы часть требований тех групп народа, на которые опирается.

Работу по «мобилизации» населения в поддержку влиятельных политических групп выполняют партии. Особенностью политической культуры США была нетвердость партийной дисциплины.

Партии демократов и республиканцев представляют собой политические конфедерации различных групп со своими интересами. Перетягивая на свою сторону часть рыхлой массы республиканцев, Рузвельт в то же время укреплял дисциплину своих демократических депутатов, заставляя их поддерживать президентские законопроекты, даже если депутаты не были с ними согласны. В результате двухпартийная система США превратилась в «полупартийную», при которой республиканская партия не могла прийти к власти в прямой конкуренции с демократами, и республиканцы стали входить в администрацию демократов. И в то же время против Рузвельта стала выступать часть сторонников демократов.

Эффективность контроля правителя над массами в XX веке зависит от умения манипулировать сознанием с помощью средств массовой информации. И в СССР, и в нацистской Германии, и в США времен Рузвельта политическим инструментом становилось радио. «Франклин Делано Рузвельт и радио были созданы друг для друга. Даже болезнь, при которой президент вынужден вести свои радиобеседы сидя, стала его преимуществом. До Рузвельта было принято, чтобы государственные деятели произносили свои „обращения“, стоя в официальной позе; теперь же президент США сидел расслабившись в своей гостиной и разговаривал с сидящими дома гражданами»⁷¹. Эта манера приватной душевной беседы отличала Рузвельта от митинговой культуры тоталитарных движений. Рузвельт становился членом семьи, а не «отцом нации». Впрочем, как и тоталитарные вожди, он принимал решения, сообразуясь с обстоятельствами, а не с волей своих радиослушателей.

Но в плюралистичной системе доступ к средствам массовой информации имеет не только правящая группировка. Постепенно в эфир стали пробиваться лидеры, которые хотели придать реформам более радикальный и всеобъемлющий характер. Поскольку результаты политики Рузвельта все еще были скромны, на эти идеи был спрос, даже ажиотажный. «Привет, друзья, говорит Хьюи Лонг. У меня есть для вас важное сообщение. Прежде чем я начну, окажите мне услугу. Я четыре или пять минут просто поговорю, а вы не теряйте времени и идите к телефону, позвоните своим пяти друзьям и сообщите, что по радио выступает Хьюи»⁷², — так начинал свои радиобеседы сенатор от Луизианы и бывший губернатор этого штата. И люди действительно сбегались к радиоприемникам. 3 февраля 1934 года Лонг создал организацию «Разделим наше богатство». Он считал необходимым обложить высокими налогами миллионеров и за счет этого передать каждому гражданину по 4 тыс. долларов, на которые каждая семья могла бы купить дом, автомобиль и радиоприемник. Лонг надеялся таким образом превратить всех в сред-

ний класс за счет самых богатых. Лонг провозгласил: «Каждый человек сам себе король». Минимальная зарплата должна была быть около 2,5 тыс. долл. в год. Резкий рост покупательной способности должен был обеспечить рост производства. За счет государственных средств должна была обеспечиваться помощь талантам. Государство должно было продолжать скупку лишнего продовольствия у фермеров, но не уничтожать его, как делал Рузвельт, а хранить.

В апреле 1935 года Х. Лонг говорил: «В условиях нынешнего кризиса допустите ли вы, чтобы горстка завязых плутократов держала в своих руках управление страной? Вот вам средство против этого: дайте каждому дом стоимостью в 1/3 ценности любого среднего дома — скажем, в 5 тыс. дол. Установите предельную норму для состояний всех частных граждан в размере, скажем, в 300 раз превышающую среднее, то есть в 5 млн дол. Обеспечьте каждому доход и установите предельную норму дохода, исходя из того же расчета»⁷³.

Программа Лонга претерпевала изменения в зависимости от ситуации — он менял цифры допустимых «потолков» богатства. Лонг предлагал ввести прогрессивное налогообложение от 1 % для состояний в миллион долларов до 100 % для 9 миллионов. Лонг оговаривал, что «наша программа не разрушит большие корпорации — единственная разница будет заключаться в том, что корпорацией будут владеть не 10 человек, а 10 тысяч». На деле это означало передачу власти в корпорациях от собственников к менеджменту, потому что 10 тысяч человек не могут принимать общие оперативные решения. Лонг выступил провозвестником «революции менеджеров». Также Лонг предлагал ограничить и наследство. Он выступал за уменьшение рабочей недели до 30 дней и введение ежегодного месячного отдыха. Лонг считал это средством борьбы с безработицей: «Мы сократим рабочее время только для того, чтобы все имели возможность заработка, которого хватило бы на необходимое, и если окажется, что мы сократили рабочее время чересчур, то увеличим его снова»⁷⁴. В подобных предложениях проявлялся авантюризм Лонга, который он мог себе позволить, пока не пришел к власти. Конкретные государственные решения в условиях США могли быть лишь результатом политического компромисса. Лонг предпочитал перегибать палку, чтобы потом добиваться меньшего. Клубы «Разделим наше богатство» объединяли около 7 миллионов граждан.

Лонга обвиняли в демагогии, но в своем штате в период губернаторства (1928–1932) он добился высокой популярности конкретными делами: строительством более 14 000 км новых дорог, в том числе 3800 км хайвеев, 111 мостов (в том числе через Миссисипи), снижением налогов на собственность меньше 2 тыс. долл., оплатой

коммунальных услуг государством, проведением общественных работ (в том числе реконструкцией здания университета), запретом взимать плату за доступ к общественным местам (что оживило общественную жизнь, в том числе и деятельность групп, которые не поддерживали Лонга), мораторием на ряд налогов и выплату долговых платежей, программой ликбеза, бесплатным распространением учебников, строительством крупного аэропорта у Нового Орлеана и др. Эти меры при жизни Лонга проводились его командой и после перехода экс-губернатора в сенаторы — он и тогда фактически оставался у власти в Луизиане. Уже в это время Лонг добился ликвидации избирательного налога, который закрывал малообеспеченным людям дорогу к избирательным участкам.

Но на все идеи средств у него не хватило — в Луизиане не были приняты законы о социальном страховании, которые Лонг считал прерогативой федеральных властей.

После того, как Лонг в 1931 году был избран в сенат, «на хозяйстве» остался его сподвижник губернатор О. Аллен (1932–1936), продолжавший политику Лонга.

Лонг поддержал избирательную кампанию Рузвельта и его первые законопроекты. Однако кадровая политика Рузвельта вызвала у Лонга возмущение. 26 мая 1933 года он говорил в сенате: «Я не представлял, как трудно добиться сдвига к лучшему в общественных делах, пока не задумался над результатами нашей общественной кампании, во время которой мы просили рабочих, уборщиц, всех людей пожертвовать нам свои гроши, обещая освободить их от незаконной и беспринципной власти финансистов, от контроля финансистов над правительством, доведших народ почти до рабского состояния. Какими же разбойниками мы выйдем теперь, когда эти люди наблюдают за спектаклем передачи финансового ведомства в правительстве все тем же клиентам Дж. П. Моргана. Не имеет значения, какие законы мы примем для обуздания этих лиц, если исполнителями закона станут они сами... С таким же успехом мы могли бы принять закон о ликвидации гангстеризма в Соединенных Штатах и поручить исполнение этого закона Аль Капоне». От критики кадровой политики Рузвельта Лонг перешел к самому президенту: «Мы искали по всей стране человека, который дал бы народу облегчение от бедствий, дал бы народу вздохнуть новой жизнью, и после того, как мы перерыли всю страну в поисках такого человека и нашли его — он оказался карточным партнером того, от которого мы только что избавились!

Я не хочу осуждать никого лично, я осуждаю систему, которая все это допускает»⁷⁵.

Историк Н. В. Овчинников пишет о Рузвельте и Лонге: «как социальные группы, на которые они ориентировались, как и конечные цели обоих проектов, предполагаемое и подразумеваемое ими устройство американского общества, кардинально различались». По мнению Н. В. Овчинникова, Рузвельт ориентировался прежде всего на долгосрочные нужды крупного капитала, а Лонг — на «непосредственные интересы фермеров, мелких бизнесменов, „средних американцев“. Им нужны были дороги и мосты — он организовывал строительство дорог и мостов». А также снижал тарифы и выступал за дифференциацию налогов. Но ровно то же самое можно сказать и о Рузвельте. Н. В. Овчинников настаивает, что Рузвельт прежде всего обеспечивал «долгосрочные интересы финансовой олигархии, желавшей умножения своих богатств и организации более эффективного управления экономикой с помощью мощного аппарата государства»⁷⁶. Рузвельт назначал бизнесменов на некоторые посты. Однако Лонг не выступал против «эффективного управления экономикой с помощью мощного аппарата государства», а активно использовал этот аппарат в Луизиане. Что касается кадровой политики, то за финансовые операции Лонга отвечали совсем небедные бизнесмены А. Шушан и С. Вейс⁷⁷ (что, кстати, показывает, что Лонг не был антисемитом и человеком правых, националистических взглядов). Так что различие в курсе и социальной опоре двух политиков не столь кардинально. Крупный капитал в 1934–1936 годах не жаловал Рузвельта, и он, опираясь на этакратию, искал поддержки в средних слоях и у профсоюзов. Лонг, не чуждый этатизма, до прихода к власти больше апеллировал к средним и низшим слоям. Но его практика в Луизиане была вполне этатистской. Он был радикальнее Рузвельта и в случае победы стал бы несколько более радикальным продолжателем социально ориентированных реформ, которые передают власть из рук буржуазии в руки менеджмента, государственной и корпоративной технократии. И хотя новый общественный строй не стал бы ни социализмом, ни подлинной властью широких масс трудящихся, он был им более выгоден, чем буржуазная олигархия.

Важным требованием левой оппозиции в США было социальное страхование. Врач Ф. Таунсенд в 1934 году развернул кампанию за выплату пенсий по старости в 200 долларов с условием, что получатель пенсии будет ее не хранить, а тратить, тем самым стимулируя рынок. Эту идею поддержал и Лонг, считая, что на пенсии должны пойти средства федерального бюджета. Начавшись в Калифорнии, движение Таунсенда создало около 3000 клубов по всей стране. Даже коммунисты, склонные оценивать большинство массовых радикальных движений как фашистские и полуфашистские,

признавали: сторонников Таунсенда «нельзя отнести даже к полупфашистским» движениям⁷⁸.

Писатель Э. Синклер развернул движение «Покончить с бедностью в Калифорнии». Он утверждал: «самодержавие в промышленности не может сосуществовать с демократией управления»⁷⁹. Воспроизводя идеи, близкие известным социалистам XIX века Л. Блану и Ф. Лассалю, Синклер призывал за счет прогрессивного налога предоставить рабочим средства, чтобы они могли выкупить предприятия и начать работать на себя. В пустующей местности на государственных средства нужно было организовать фермы-коммуны для безработных. Было создано около 1000 клубов поддержки этой программы. Синклер был выдвинут кандидатом в губернаторы Калифорнии от Демократической партии. Но Рузвельт не поддержал опасного конкурента, и в 1934 году на губернаторских выборах победил республиканец, заявивший о своей поддержке реформ Рузвельта. Но сторонники Синклера продолжали действовать в парламенте Калифорнии.

На уровне региональной политики были влиятельны и другие левые движения. В Миннесоте лидирующие позиции на выборах в законодательное собрание заняла Рабоче-фермерская партия. Филипп и Роберт Лафолетты создали Прогрессивную партию и победили в штате Висконсин (на прежних выборах они побеждали благодаря поддержке республиканцев).

Больших успехов в своей пропаганде добился Ч. Кофлин, стоявший на правом фланге радикальных движений. Миллионы американцев слали ему письма после его радиовыступлений. В 1932 году Кофлин создал Национальный союз за социальную справедливость, который выступал за национализацию банков и естественных ресурсов, государственное «покровительство» профсоюзам, введение налогов на социальные нужды. Считается, что Кофлин был сторонником корпоративной системы наподобие фашистской Италии. Но, несмотря на некоторое сходство своей программы с муссолиниевской (а такое сходство было и у Рузвельта), Кофлин критиковал Муссолини наряду с Гитлером и Сталиным за отсутствие демократии⁸⁰. Он выступал за развитие общественной собственности наряду с частной, которую призывал поставить под общественный контроль. Антисемитская риторика Кофлина и враждебное отношение к профсоюзам ослабили его движение. Но большую поддержку Кофлину оказал предприниматель Г. Форд. Сначала Кофлин поддерживал Рузвельта, но в 1935 году был разочарован результатами его политики: «Если в новую эру нам дают за такую работу 19, и пусть даже не 19, а 50 долларов, то это значит, что с нынешней плутократической капиталистической системой надо конституционным путем,

в порядке голосования покончить раз и навсегда... Соединенные Штаты, маскируясь под демократию, на самом деле представляют собой плутократию»⁸¹. Демократией Кофлин считал строй, подобный древним Афинам.

И либеральные, и коммунистические историки резко отрицательно относятся к этим немарксистским народным движениям: «Эти демагогические планы и программы были заранее обречены на провал, так как они никак не затрагивали основы социальной несправедливости — капиталистической системы»⁸², — писал советский историк Э. А. Иванян. Но не все движения за социальную справедливость, которые прямо не выступают против капиталистической системы, являются демагогическими и обречены на провал. Программа Таунсенда и ряд идей Лонга вскоре были прямо заимствованы Рузвельтом и стали органической частью новой социальной системы США. Неизвестно, как бы оценивали фигуру Лонга, если бы он не был своевременно уничтожен. Собственно, и сам Рузвельт выступал против социальной несправедливости, а не против капитализма, но его программа обреченной на провал не была.

Вообще не вполне корректно рассматривать радикальные движения тридцатых годов как однородную массу. Лонг, Синклер и Кофлин имели разные, хотя и пересекающиеся, взгляды. К правым радикалам с большим основанием можно отнести отца Кофлина, так как в его речах большое место занимала этнонациональная критика. Историк В. В. Согрин категорически настаивает на праворадикальном характере движения Лонга, оспаривая тех американских историков, которые считают его левым политиком. Почему? «Лонг был ярким антикоммунистом, а по совокупности своих взглядов был близок к деятелям фашистского типа»⁸³. «Деятели фашистского типа» — формула обтекаемая. Но все же классификация Лонга в качестве фашиста возможна в двух случаях. Либо ядром его программы должна быть внешняя экспансия (что не наблюдается) и националистический радикализм (расизм и антисемитизм в США того времени были так глубокого укоренены в политическую культуру, что Лонг на этом фоне выглядит вполне нейтрально). Либо, если понимать фашизм как идеологию последователей Муссолини — стремление к установлению тоталитарно-корпоративной системы организации производства. Но в этом отношении Лонг был дальше от фашизма, чем даже Рузвельт с его идеей сверхмонополий и «честной конкуренции». Что касается антикоммунизма, то это такой критерий правого радикализма, с которым могут согласиться только коммунисты. Ибо по этому критерию в разряд правых радикалов можно отнести многих социал-демократических, анархистских и либеральных деятелей. Вообще «огульная» характеристика массовых движений США

как полуфашистских уходит корнями в оценки Коминтерна, который в это время считал фашистами даже социал-демократов. Поскольку в США социал-демократические идеи не пользовались значительным авторитетом, то досталось радикалам: «большое значение имеет возникновение и рост полуфашистского движения, выдвигающего ту или иную социальную „программу“ и уже привлекающего широкие массы (бабушка Коффлин, Гьюи Лонг)»⁸⁴. Но даже в Коминтерне признавали, что «Гью Лонг не злоупотребляет в такой мере нападениями на Советский Союз и коммунизм», как Коффлин⁸⁵.

Ошибочную, на мой взгляд, оценку Х. Лонга как «праворадикального» политика В. В. Согрин повторил и в работе 2015 года, уже как само собой разумеющуюся характеристику, без дополнительных доказательств⁸⁶. Сообщив об «авторитаризме» Лонга, В. В. Согрин продолжает, словно в доказательство: «В Луизиане по его инициативе были отменены налоги на бедных, введена бесплатная раздача школьных учебников, резко расширено строительство дорог, мостов, в целом инфраструктуры общественного пользования»⁸⁷. Лонг подчас использовал жесткие методы борьбы против оппозиции (например, увольнения с государственной службы), но в рамках законодательства того времени. Попытка противников объявить ему импичмент за коррупцию и злоупотребления не удалась.

Конечно, по своим методам правые и левые радикалы могут походить друг на друга, но это различные по своей сути явления. Для правых радикалов принципиально важна государственно-этническая консолидация в противостоянии внешнему миру, а для левых — социальные изменения, преодоление классовых и имущественных различий. Лонг, несомненно, относится ко вторым. Лонг и близкие ему лидеры стали оттягивать от Рузвельта левый электорат.

В 1934 году Рузвельт, увидев отток от него электората слева, сам стал сдвигаться вправо. Он свернул программу прямой помощи бедным и безработным. Ухудшились отношения президента с профсоюзами. Он все еще отказывался поддержать законы о социальном страховании, считая, что затраты на эту программу будут слишком велики.

Почувствовав слабость и оправившись от страха 1933 года, консерваторы перешли в наступление. В мае 1935 года Рузвельт получил первый сильный удар — Верховный суд признал неконституционность минимальной заработной платы и максимальной рабочей недели и некоторых новых налогов. Затем был отменен НИРА. Всего к маю 1936 года Верховный суд отменил 11 законов «нового курса».

По НИРА предприниматель был обязан заключать коллективный договор с работниками, и после его отмены началась стачечная волна, охватившая около 8 миллионов рабочих. Проводились

окупационные стачки. В мае 1937 года произошли столкновения на предприятиях Г. Форда в Ривер Руж и «Рипаблик Стил» в Чикаго.

В преддверии выборов 1936 года Рузвельту нужно было выбрать между трудом и капиталом. Не сумев сохранить корпоративную систему НИРА, Рузвельт пошел навстречу требованиям социальных и социально-ориентированных движений.

В ответ на решение Верховного суда уже 5 июня 1935 года был принят более аккуратно сформулированный Закон Вагнера — национальный акт о трудовых отношениях, который гарантировал право на коллективный договор и создание профсоюзов. Работникам гарантировалось право на профсоюзы и запрет на преследование за принадлежность к профсоюзу. Работник получил право на защиту не только в случае увольнения, но и на рабочем месте. Профсоюзы стали надежной опорой президента Рузвельта.

25 июня 1938 года был принят Закон о справедливых условиях труда, который устанавливал минимальную зарплату и максимальную рабочую неделю (44, а затем 40 часов) для торговых компаний, работающих в разных штатах. Закон запрещал труд детей моложе 16 лет.

Поддерживая социальное законодательство, Рузвельт опирался на европейский, в частности британский опыт, где под давлением социал-демократии и рабочего движения было принято более развитое социальное законодательство, чем в США⁸⁸. Теперь США догоняли Европу.

Тем временем Верховный суд взялся за AAA, который был отменен в январе 1936 года, накануне предвыборной кампании, что наносило удар по престижу президента. Верховный суд выступил защитником прав штатов и тем самым мог парализовать общенациональную политику. Это могло погубить реформы. Проблема, которая в свое время привела к гражданской войне, снова встала на повестку дня. Она же встанет во весь рост и в 1960-е годы во время борьбы с расовой сегрегацией. И страна снова будет выбирать: единое социальное и правовое пространство или защита автономии регионов от центральной бюрократии.

Столкнувшись с сопротивлением справа и нарастанием угрозы слева, Рузвельт решил действовать более продуманно, тем более что во время «атаки на капитал» периода «ста дней» он приобрел богатый опыт. 8 апреля 1935 года был принят Закон об ассигнованиях на чрезвычайную помощь, который был рассчитан не на «раздачу» денег на пособия, а на оплату общественных работ. Была создана Администрация развития общественных работ во главе с Г. Гопкинсом, которая создавала рабочие места: строились дороги, аэродромы, школы, создавались коллективные фермы. Послышались упреки в создании колхозов, но практика успокаивала. Фер-

мы организовывались так, чтобы, заработав, член коллектива мог создать свое дело. Администрация электрификации сельских районов также занималась организацией общественных работ в своей области.

Рузвельт предложил ввести прогрессивное налогообложение для погашения государственного долга, нарастание которого могло погубить любые государственные программы. Это был шаг по пути, который предложил Лонг.

Наконец после некоторых колебаний Рузвельт поддержал введение системы социального страхования. Теперь страхование рассматривалось им как средство борьбы с нараставшим бюджетным дефицитом⁸⁹ — часть нагрузки должен был взять на себя страховой бизнес.

15 августа 1935 года был принят Закон о социальном страховании. Американцам гарантировалась государственная пенсия по старости и инвалидности, пособие по безработице. Трудящиеся были теперь защищены от нищеты, хотя и в разной степени — в зависимости от предприятия.

В 1935 году, перехватывая идеи Лонга и Синклера, Рузвельт инициировал повышение налогов с индивидуальных доходов свыше миллиона долларов. Налоги на доходы свыше 5 миллионов составили 75 %.

Законы 1935 года заложили основы новой социальной системы США. Но пока они еще не дали результата, Рузвельту важно было выиграть выборы. По опросам Лонг мог собрать 6 миллионов голосов, что ослабило бы, прежде всего, позиции Рузвельта. Можно было рассчитывать, что в случае поражения Рузвельта именно Лонг станет наиболее перспективным кандидатом демократов на выборах 1940 года. Но 8 сентября 1935 года Лонг был убит в столице Луизианы Батон-Руже. Убийца, врач К. Вейс, был буквально изрешечен охраной и не смог поведать о мотивах убийства.

Сторонники Лонга продолжали бороться, но их новый лидер Д. Смит склонялся к идее союза всех радикалов — включая правых (и сам по своим взглядам был существенно правее Лонга). Последователи Лонга, Таунсенда и Коффлина объединились в Национальную союзную партию («Союз»).

После выборов 1936 года «третья сила» сошла на нет. Лидер Социалистической партии Н. Томас в старости так объяснял это явление: «Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове — Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять»⁹⁰. Томас считал, что Рузвельт присвоил программу Соцпартии⁹¹ (все же часть программы⁹², как и других

оппонентов президента слева). Но только ли в этом дело? В Томаса не стреляли, его не арестовывали, как лидеров «Союза». Входят ли такие методы борьбы с оппозицией в слово «Рузвельт», к «которому нечего добавить»? Полагаю, явление шире — плюралистическая система отсекает те ее ростки, которые могут привести систему к слишком быстрым (с точки зрения элиты) переменам. При этом прополка политической почвы производится далеко не только центральной властью. Легальные и незаконные репрессии могут входить и в «прерогативу штатов», и проводиться по инициативе лоббистских групп.

Разгром оппозиции был и помощью Рузвельту, и предупреждением ему со стороны властных и имущественных каст — нельзя уклоняться слишком далеко влево. Его реформы вызывали опасения. Выступления экс-президента Гувера вызывали овации, когда он обвинял Рузвельта в опоре на силы, которые стремятся «коллективизировать Соединенные Штаты, в частности, через профессиональные союзы»⁹³. Советский посол А. Трояновский писал наркому иностранных дел М. Литвинову: «„Эксперимент“ Рузвельта уподобляется советскому „эксперименту“, и в связи с этим рассказываются всякие ужасы о Советском Союзе»⁹⁴. Это способствовало и сдержанности американской администрации в отношениях с СССР.

Отвечая противникам справа, Рузвельт говорил: «Твердолобые консерваторы, а также те, кто теоретическими рассуждениями прикрывает собственные корыстные интересы, будут говорить вам об утрате личных свобод... Возьмите Билль о правах, на котором зиждутся ваши свободы и который я торжественно поклялся соблюдать. Прочтите любое положение Билля и скажите — отнял ли кто-нибудь лично у вас хоть крупицу этих великих гарантий?»⁹⁵. Рузвельт проводил реформы в рамках конституции и постольку, поскольку это было возможно. Соотношение авторитаризма и демократии при этом не менялось — возможности произвола частных корпораций перетекали в руки бюрократии.

Крупный капитал скромно профинансировал избирательную кампанию Рузвельта, но руку помощи протянули профсоюзы. Из 5 миллионов долларов избирательного фонда демократов пожертвования предпринимателей составили 30 тыс. долларов, а профсоюзов — 750 тысяч. Таким образом, Рузвельт уже не был в собственном смысле слова представителем капитала. Хотя и представителем рабочего класса не стал. Он умел выбирать, на какие организованные силы общества опереться.

На выборах в ноябре 1936 года Рузвельт получил 27,7 миллионов голосов против 16,7 у республиканского кандидата. «Союз» и

его кандидат У. Лемке (конгрессмен от республиканских прогрессистов) получили 882 тыс. — около 2 % голосов. Лидер социалистов Н. Томас набрал 187 тыс. голосов против 882 тыс. в 1932 году.

Теперь можно было навести в доме порядок. 5 февраля 1937 года Рузвельт предложил реорганизовать Верховный суд, включив в его состав еще 6 человек (и, соответственно, заменив старых судей-республиканцев на своих сторонников-демократов). Но эта реформа не прошла — против проекта президента решительно выступила часть депутатов-демократов: консерваторы-южане, а также часть либералов, которые считали необходимым сохранить разделение властей.

После того как Рузвельт выступил с инициативой реорганизации Верховного суда, это учреждение не рискнуло более отменять инициативы президента, тем более что отныне законы стали формулироваться аккуратнее — с учетом прерогатив штатов. В дальнейшем состав судей сменился естественным путем в пользу сторонников реформ.

Но раскол в стане демократов, наметившийся в 1935–1937 годах, сохранялся и позднее. Борясь с внутрипартийной консервативной оппозицией, Рузвельт сделал ставку на левых демократов, сторонников более решительных реформ. Крупным успехом левых стало назначение на пост вице-президента их представителя Г. Уоллеса. Если бы Рузвельт скончался не в 1945 году, а двумя годами раньше, Уоллес стал бы президентом США, и проводил бы политику, существенно отличающуюся от более консервативного курса Трумэна. Но з 1944 году Рузвельту уже удалось сплотить вокруг себя нацию в условиях войны, и ему нужен был вице-президент, примиряющий президента с консервативными демократами. Для этой роли лучше подходил Трумэн. Маятник истории качнулся вправо в решающий момент, в значительной степени определив направление развития США и мира после Рузвельта.

А пока судьба США оставалась неопределенной. Реформы 1935 года заложили фундамент новой системы, но не определили, где взять ресурсы, необходимые для социальных выплат. До начала Второй мировой войны уровень производства 1929 года стал пределом роста американской экономики. Как только уровень промышленного производства стал приближаться к нему, в 1937 году начался новый кризис. В конце года промышленное производство упало на 31 %. Безработица возросла с 4,5 млн в 1937 году до 11 млн в 1938 году. В 1939 году безработица составляла 9,5 миллионов человек, что было в 6 раз больше уровня 1929 года.

На инаугурации 20 января 1937 года Рузвельт говорил: «Я вижу в стране десятки миллионов граждан — существенную часть всего

населения, которые в этот момент лишены большинства из того, что считается жизненно необходимым даже по самым низким современным стандартам... Я вижу треть нации в плохом жилье, плохо одетую, плохо питающуюся»⁹⁶. Но как победить бедность? Куда двигаться после серии реформ 1935 года?

В 1938 году Рузвельт продал последнюю серию законопроектов, которые заполнили бреши, пробитые Верховным судом. Финалом реформаторской деятельности Рузвельта стала начатая в 1939 году реформа органов исполнительной власти, которая открыла дорогу для быстрого разрастания президентской бюрократии.

Сам Рузвельт, справедливо обличая авторитарный характер капиталистического менеджмента, антидемократичность социального неравенства, отождествлял демократизм с государственным вмешательством, которое, по идее, служит всем, американскому народу. В своем инаугурационном выступлении 20 января 1937 года он с гордостью говорил: «Фактически за последние четыре года мы сделали отправление всей власти более демократичным, ибо начали проводить частные автократические силы в надлежащее подчинение государственной власти»⁹⁷. Однако рост власти бюрократии — это столь же недемократическое явление, как и автократия крупных собственников. Рузвельт считал, что баланс между чиновничеством и бизнесом нужно изменить в пользу первого: «старое ошибочное мнение о банкирах и правительстве как о более-менее равных и независимых субъектах должно быть оставлено в прошлом. Правительством по самой природе вещей должно быть лидером, должно быть судьей конфликтующих интересов всех групп общества, включая и банкиров»⁹⁸.

Американский исследователь, уверенный в демократическом характере режима Рузвельта, признает: «Он был подлинно демократическим лидером, однако его многочисленные преобразования обернулись для современной американской демократии такими бедствиями, как введение чрезмерных полномочий для президента, бюрократизация государства и господство интересов различных ведомств, гипертрофированное разбухание государственной машины... Под его руководством американская система правления превратилась из политической структуры, вращавшейся вокруг конгресса, в более динамичную схему государственного устройства во главе с президентом»⁹⁹. Динамизм этой системы спорен, если вспомнить «застой» периода Эйзенхауэра и отсутствие перемен в девяностые годы. Но очевидно, что новая послерузвельтовская система является более бюрократической. Впрочем, и за годы довоенного правления Рузвельта аппарат вырос в полтора раза. И это обстоятельство немаловажно, если мы хотим понять, что построил Рузвельт.

Что построил Рузвельт?

Общество, возникшее в ходе реформ Рузвельта, называют по-разному: «государственно-монополистический капитализм», имея в виду, что капитализм не исчез, а лишь был ограничен; «государственно-монополистический индустриализм», подчеркивая, что господствующие позиции в развитии индустриального общества перешли к государству; «социальное государство», указывая на принципиально важную роль социальных гарантий государства гражданам, усиление социального, общественного начала за счет частного. Встречаются и менее содержательные, более лозунговые названия, которые также получили большую известность. Ч. Бирд называет эту систему «государство всеобщего благоденствия»¹⁰⁰. Автор мог бы без труда заметить, что «благоденствуют» в нем далеко не все. Но идеология берет верх над объективным анализом. А. Шлезингер предпочитает термин «общенародное государство»¹⁰¹, позаимствованный у социалиста Ф. Лассалья. Лассаль был раскритикован Марксом, который справедливо заметил, что государство не может быть общенародным, поскольку сам народ разделен на социальные слои с совершенно разными интересами. Именно различие этих интересов и вызывает необходимость в государстве, которое одни интересы поддерживает, а другие подавляет. Если эти классовые противоречия исчезают, то и надобности в государстве не будет. Любопытно, что наивную доктрину «общенародного государства» воспроизвели во времена Хрущева идеологи КПСС. Плохо читали своего «основоположника».

Авторы самых разных направлений сходятся на том, что Рузвельт построил новую систему общественных отношений, которая отличается от того, что существовало в США до 1929–1933 года. В ходе реформ Рузвельта американское общество так сильно изменилось, что можно говорить о качественно новом этапе в развитии индустриального общества. Выражаясь марксистским языком, «активное вмешательство государства и общества в процессы частнокапиталистического производства и распределения зародились еще раньше, но только после 1933 года приобрело системобразующий характер, стало не надстройкой над капитализмом, а вошло в его базис»¹⁰². С базисом тут вышло недоразумение — государственное регулирование экономики всегда «входит в базис», каковым, по Марксу, и является экономика. А вот упоминание «системообразующего» характера приближает нас к ответу на вопрос, чем система Рузвельта отличается от предыдущих. Государственное вме-

шательство образует новую систему, с новым качеством. Что обеспечивает это новое качество?

До Рузвельта социальная система США являла собой классическое буржуазное общество. В стране господствовал монополистический капитал, который «заказывал музыку» во всех областях от кинематографа до политики президента. Теперь, как мы видим, политика президента может проводиться вопреки воле крупного капитала, президент даже может избираться благодаря финансовой поддержке профсоюзов. Но и выразителем воли рабочего класса Рузвельта не назовешь. Что за класс стал господствовать в новой Америке? «Новый класс» взял в свои руки штурвал Соединенных Штатов. Это напоминает проблематику анализа социальной структуры СССР, которая в это же время приобрела классические формы «сталинской модели». Там более поздние аналитики обнаружили «новый класс» номенклатуры — иерархии чиновников. Но что же здесь нового? Это не новый, а самый старый господствующий класс в истории человечества — чиновничество или этакратия (от «эта» — «государство»). Этакратия (как правило, бюрократия) — социальный слой (класс), осуществляющий коллективное господство с помощью структуры государственного управления. Это класс социальных носителей государства. Все, что принадлежит государству, на деле принадлежит этакратии. Как и любой класс, этакратия состоит из разных слоев. Наиболее типичный из них бюрократия — иерархия чиновников, отстаивающая ведомственные интересы, неповоротливая и консервативная. Стратегические интересы государства отстаивает высшее руководство страны, которое вслед за Аристотелем можно назвать олигархией. Слои, стремящиеся к производственной модернизации, связанные происхождением с интеллигенцией и менеджерами-производственниками, мы называем технократией. В некоторых обществах (классические феодализм и капитализм) этакратия теряет господствующие позиции. В некоторых (абсолютизм и плюралистичные формы государственно-монополистического индустриального общества) — разделяет власть с частными собственниками и отчасти даже гражданским обществом. Пока группа управленцев, интеллигенции и разночинцев стремится прийти к власти и проводить определенную политику с помощью усиления государства, эту группу можно считать отдельным слоем технократии, поскольку она еще не взяла управление государством в свои руки. Когда группа технократов приходит к власти, некоторое время она руководствуется первоначальными технократическими идеями рациональной организации общества. Это происходило и в России в первые годы советской власти, и при создании

других огосударствленных обществ. Но, действуя подобным образом, технократия неизбежно усиливает бюрократию и постепенно поглощается ею. Остатки технократии отбраковываются бюрократической массой. Так случилось с неортодоксальными коммунистами в СССР и левыми демократами в США.

Рузвельт создал социальную систему, в которой государственная бюрократия стала господствующим слоем наряду с монополистическим капиталом.

Капитализм был ограничен и подчинен государству. Усилилась самостоятельная роль государственной бюрократии, которая не была столь же зависима от буржуазии, как раньше. Капитализм был также ограничен и за счет расширения прав общественных организаций, прежде всего — профсоюзов (государственная бюрократия опиралась на профсоюзную, но их союз против капитала был выгоден и самим трудящимся, от имени которых действовали чиновники). В то же время монополистический характер капиталов только усилился. Происходило сращивание теперь уже равноправных правящих групп — монополистического капитала и бюрократии.

«Свободный» капитализм неустойчив и не может справиться с последствиями собственных социальных издержек (безработица, перепроизводство, финансовые спекуляции, бедность работников и др.). В итоге миссию «упорядочивания» индустриального (как правило, еще аграрно-индустриального) общества принимает на себя этакратия. Бюрократия использует новые возможности концентрации общественных ресурсов для завершения индустриализации и создания «социального государства» — системы перераспределения в пользу уязвимых (и потому «взрывоопасных») социальных групп, а также в свою пользу. Так возникает государственно-индустриальное (индустриально-этакратическое) общество — «высшая фаза» индустриализма, его зрелость.

Социальные и экономические программы государства, как мы видели, связаны с множеством затрат. Поэтому социальное государство должно опираться или на прибыльный государственный сектор (что весьма проблематично, учитывая неповоротливость и расточительность бюрократии), или на высокие налоги (но тогда из страны побежит капитал). В СССР эту проблему решили «просто» — ликвидировав частную собственность. Такое «лечение» западные лидеры считали хуже самой болезни. Однако сочетание государственного регулирования с капитализмом все время напоминало «тришкин кафтан»: зашьешь дыру заплатой — оголишь другое место. Но оставался еще один источник ресурсов — внешний мир. Распад глобального рынка поставил на повестку дня раздел самого «глобуса».

Государственно-индустриальное общество позволяет более равномерно распределить тяготы кризиса между различными социальными слоями, несколько повысить за счет этого покупательную способность населения и таким образом приподнять планку деловой активности. Но, как мы видели, превзойти докризисный уровень производства само по себе новое общество еще не может. А это — серьезная социально-психологическая проблема. Люди уже попробовали уровень жизни периода «бума» и теперь будут стремиться к этому «золотому веку» всю жизнь. Эта мечта определяет массовые настроения, требования народа к лидеру.

И все же кризис был преодолен при Рузвельте. Когда и каким образом? ВВП США (в ценах 1958 года) составил в 1929 году 203,6 млрд долларов, в 1933 году — 141,5, в 1937 году — 203,2, но не смог пробить «потолок» 1929 года. В 1937 году началось новое падение до 192,9 млрд долларов в 1938 году. Уровень 1929 года по ВВП был незначительно превзойден в 1939 году — год начала войны в Европе — 209,4 млрд долларов. Этот успех был закреплен в 1940–1945 годах, когда ВВП вырос с 227,2 до 355,2 млрд.¹⁰³ Правда, ВВП на душу населения превысил уровень 1929 года только в 1940 году (в ценах 1958 года в 1929 году — 1671 доллар, в 1939 году — 1598, в 1940 году — 1720)¹⁰⁴. Таким образом, Великая депрессия в США фактически продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. И это не случайно. Бум двадцатых годов был достигнут за счет финансового преобладания США на мировом рынке. После 1929 года эти условия были разрушены, и США оставалось надеяться прежде всего на свои ресурсы. Они не позволяли обеспечить государственно-финансовое благополучие в прежнем объеме. Необходимо было подключить мировые ресурсы к экономике США по-новому. О. Григорьев и М. Хазин отмечают, что задача американской политики заключалась в том, чтобы «сделать доллар мировой валютой, за счет чего переносить внутренние американские кризисы „наружу“, а также снимать их совсем за счет дальнейшей долларовой экспансии»¹⁰⁵. Но ведь доллар был одной из признанных стабильных валют и до Рузвельта. Более того, Рузвельт своей девальвацией нанес удар престижу доллара, который подешевел на треть. Фунт стерлингов был более удобной валютой. Социальное государство вообще предполагает большие затраты государства, и своей политикой Рузвельт подрывал авторитет доллара и жертвовал его ролью международного универсального платежного средства.

Рузвельт пришел к власти с обещанием сократить дефицит бюджета. «Финансовая доктрина Рузвельта затрещала по швам, как только он оказался у руля федеральной власти. Не сокращавшийся, а, наоборот, быстро увеличивающийся бюджетный дефицит был

вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или 1935 году, признает позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. И все же президент США цеплялся за доктрину сбалансированного бюджета до 1937 года. И только новый финансовый и экономический спад 1937 года склонил его в пользу принятия доктрины дефицитного финансирования антикризисных мероприятий, которая в практике Нового курса возторжествовала гораздо раньше»¹⁰⁶, — пишет историк В. В. Согрин. С тех пор дефицитное финансирование государственных расходов США является нормой.

Государственный долг вырос в 1929–1940 годах с 16 % до 51 % ВВП. Это угрожало доллару обвальным падением. Медленно растущий уровень благосостояния американцев мог рухнуть вслед за национальной валютой. Рузвельту нужно было найти новое обеспечение доллара, долгосрочные ресурсы финансирования системы социального государства.

В начале века выход США на сильнейшие финансовые позиции в мире стал возможным благодаря Первой мировой войне. Война, которая не принесла разрушений на американскую землю, дала стимул военному производству, а через него — всей экономике. После войны некоторое время выплачивались военные долги. Теперь эти факторы отпали. Европа даже отказалась платить долги.

Рузвельт создал социально-экономическую систему, которая не могла превзойти уровень 1929 года, опираясь только на внутренние факторы. Америка достигнет уровня производства 1929 года после того, как военно-промышленное производство США и связанная с ним экономическая инфраструктура будут поддерживаться потенциалом остальных стран Запада и ресурсами половины мира. В эпоху индустриально-этакратического общества именно военно-промышленный комплекс становится мотором экономического возрождения. После того, как в середине XX века господствующее положение американской экономики в глобальном рынке, не входящем в советскую зону влияния, утвердилось, доллар стабилизировался и превратился в мировое средство платежа и накопления — даровой ресурс американского государства. Теперь затраты американского государства оплачивались не только налогоплательщиками и союзниками США, но и всеми, кто принимал доллары к уплате наряду с национальной валютой. Инфляционное напряжение, спровоцированное социальными программами Рузвельта, отступило. Толчком к этому новому буму стала Вторая мировая война.

Но в середине тридцатых годов все это было еще впереди. Бюрократия США научилась концентрировать людские и материальные ресурсы. Она была морально готова к войне, особенно где-ни-

будь подальше от американских берегов. Государственно-индустриальное общество словно создано для войны. Но американская социально-политическая культура — нет. В Америке господствовал изоляционизм, нежелание втягиваться в военные конфликты Старого света.

Много шума наделал доклад комиссии во главе с сенатором Д. Наем, которая сделала вывод, что США были вовлечены в Первую мировую войну благодаря интригам крупных корпораций, желавших нажиться на этом. Общественное мнение негодовало, и большинство американцев не хотело снова участвовать в кровавых разборках Евразии. Изоляционисты были очень разными людьми — от пацифистов и антиимпериалистов, для которых Британская империя была примером угнетения народов, до крайних англо-саксонских националистов и симпатизантов Гитлера.

Дипломатия европейских стран также укрепляла изоляционистские настроения в США. В июне 1933 года на экономической конференции в Лондоне представители США выслушали предложение простить военные долги и сохранить золотой стандарт доллара во имя мировой экономики. 2 июля Рузвельт отверг эти требования, и изоляционисты восторженно охарактеризовали его послание как «новую Декларацию независимости»¹⁰⁷. В 1934 году европейские державы отказались от уплаты долгов, поставив себя в глазах американских кредиторов на одну доску с советскими «грабителями», отношения с которыми у США в это время как раз улучшались. Если европейцам был ограничен доступ к кредитам, для СССР было сделано исключение — он активно закупал американскую технику.

Во время переговоров о признании СССР со стороны США наркому Литвинову удалось создать у американской стороны впечатление, что СССР признает военные долги, что было бы важным успехом Рузвельта. Но СССР обусловил признание долгов (причем только Керенского) предоставлением новых долгосрочных кредитов, что не входило в планы США. После короткого сближения зимы 1933–1934 годов наступило долгосрочное охлаждение советско-американских отношений¹⁰⁸.

Пока Рузвельту казалось, что его реформы позволяют все увереннее выходить из кризиса, он был готов принимать правила игры изоляционизма. 31 августа 1935 года был принят закон о нейтралитете, запрещавший не только участие в военных конфликтах за пределами Америки, но даже торговлю американским оружием. Рузвельт был недоволен законом и заявил, что «негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того чтобы уберечь от нее»¹⁰⁹.

Но вот кризис 1937 года показал, что США пока не могут сами по себе преодолеть депрессию. В 1937 году экспорт американского ору-

жия был разрешен, но только за наличный расчет и не на американских судах. США превращались в «арсенал демократии» постепенно.

Но новый оружейный рынок, образовавшийся по мере нарастания угрозы широкомасштабной войны в Европе, был как раз тем фактором, которого Америке не хватало для устойчивого выхода из Великой депрессии.

По мере роста военной угрозы в Европе Рузвельт все явственнее превращался в полноценного игрока в большой предвоенной игре. Иронизируя по поводу своих критиков, он как-то заявил: «Шесть лет вы слышите, что я только и хлопочу, чтобы сбросить страну в войну, послать вас и ваших младших братьев на кровавые поля сражений в Европу...»¹¹⁰ Рузвельт думал, что он высмеивает своих противников. Но это было сказано за три года до вступления США в войну. Но условия для этого «выхода» создавались вдали от американских берегов.

ЭТАКРАТИЯ И ЭТНОКРАТИЯ

За короткое время нацисты создали режим тоталитарного подчинения всего общества фюреру. Любое недовольство подавлялось. В тюрьмах и концентрационных лагерях сидели сотни тысяч людей, тысячи противников режима были казнены. Нацисты сплавляли нацию, натравливая немецкое большинство на еврейское меньшинство. Критиковать нацизм теперь можно было исключительно из-за границы.

Однако только с помощью террора было невозможно решить проблемы, вставшие перед страной в условиях Великой депрессии. Германия, так же как и США, перешла к государственному регулированию экономики. Создавался германский вариант государственно-монополистического индустриального общества. Придя к власти, Гитлер заявил, что за четыре года безработица будет ликвидирована. Драйвером германской экономики должна была стать милитаризация. Но, в отличие от Великобритании, Франции, США и СССР, у Германии не было достаточного количества ресурсов на своей и подконтрольной территории. Гитлер надеялся с помощью планирования и регулирования сделать экономику Германии автаркичной, рационально использующей все, что есть, в интересах стремительного роста производства. Все бы хорошо, если бы на выходе получилась бы потребительская продукция, а не военная машина, готовая к разрушению Европы.

Началось производство сырья, которое могло понадобиться в случае войны. Были построены предприятия по производству синте-

тического горючего и каучука. Но это — на крайний случай. Для большой войны собственного горючего хватить не могло. Нужно было поставить под контроль сырьевые ресурсы Восточной Европы.

Все предприятия Германии были объединены в монополистические группы, которые были подчинены Генеральному совету германского хозяйства. Было создано 6 имперских групп, подразделявшихся на 44 экономические группы и 350 отраслевых групп. В совет, который подчинялся Министерству экономики, вошли крупнейшие предприниматели. Система, которая осуществляла отраслевое регулирование, дополнялась территориальной. Была создана имперская хозяйственная палата во главе с высокопоставленным менеджером А. Пичем, которой подчинялись региональные палаты. Капитал был подчинен чиновничеству, которое, однако, было существенно дополнено представителями капитала. В 1936 году был принят план экономического развития Германии. Государственное регулирование определяло важнейшие решения «капитанов индустрии»¹¹¹. Предприниматели вступили в НСДАП и были назначены «фюрерами» своих предприятий. Те предприниматели, которые осмеливались «фрондировать», ссылаясь на свои былые заслуги перед фюрером, могли лишиться собственности. Так, в сентябре 1939 года собственность одного из основных спонсоров Гитлера Ф. Тиссена, бежавшего из страны, была конфискована и передана в состав государственного концерна «Герман Геринг». Этот концерн был создан в 1937 году как результат принятия четырехлетнего плана экономического развития. «Герман Геринг» был ядром государственного сектора, в который входило 1085 предприятий, из которых 61 были имперскими, а остальные принадлежали регионам и муниципалитетам. Бюрократия занималась организацией производства на всех уровнях.

Рабочие должны были беспрекословно подчиняться как предпринимателям, так и другим «фюрерам». Генеральный совет, министерства и их подразделения устанавливали планы развития производства, цены на продукцию, рынки сбыта.

Профсоюзы были распущены в 1933 году, а их лидеры арестованы. По закону о порядке национального труда 20 января 1934 года полномочия профсоюзов передавались Немецкому трудовому фронту — единому профсоюзу, в котором должны были состоять все рабочие и работодатели. Зарплата рабочих устанавливалась по соглашению фюреров производства и руководства Немецкого трудового фронта.

Немецкий трудовой фронт руководил также специальной организацией по проведению досуга рабочих, которая называлась «Сила через радость». Она обеспечивала активный отдых трудя-

щихся от занятий спортом до круизов для передовиков производства. Дети должны были состоять в нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд», которая занималась организацией их досуга и идеологическим воспитанием. Писатели и художники, оставшиеся в стране, были объединены в нацистские союзы и под надзором фюреров прославляли новый порядок и творили новую «арийскую культуру».

Гитлер, который в юности был художником, любил классические формы искусства, похожие на римские. В результате художники, архитекторы и скульпторы работали в так называемом «имперском стиле», основанном на прославлении физической мощи и внешней, биологической красоты. Начались грандиозные стройки в стиле древнего Рима. И они, наряду со строительством дорог, тоже «вытаскивали» экономику из депрессии. Однако для их продолжения нужны были ресурсы. Где их взять?

Коммерческий атташе Франции в Германии подготовил 5 января 1937 года доклад об экономическом положении Германии, который заполучила советская разведка. Он рисовал не самую оптимистичную картину германской экономики: «экономическое положение Германии к началу 1936/37 года характеризуется беспорядочной активностью большинства промышленных предприятий, особенно в области военной промышленности и ежедневно увеличивающимся недостатком продуктов питания и сырья для промышленности»¹¹². Обратной стороной быстрого роста промышленности (в том числе военной) является дефицит сырья. Из-за острой потребности в сырье Германия вынуждена платить за него дорожке. В результате возникла нехватка валютных резервов и как следствие — острый дефицит импортной продукции и дефицит вообще: «В настоящее время Германия фактически находится в таком же положении, как и в 1917 году. Нужда в товарах дает себя чувствовать повсюду. Урожай был скудным, запасы истощены, из-за границы удастся получить лишь немного товаров. Ощущается недостаток в масле, говяжьим и свином салом, растительных маслах, рыбьем жире; начиная с 1 января введено нормированное распределение этих питательных жиров. Сметана и свежие яйца исчезли; не хватает мяса, и для того, чтобы не допустить преждевременного убоя скота, запрещен тайный убой и ограничена норма убоя скота при скотобойнях». Было ограничено производство колбасы, введено регулирование цен на мясо. С прилавков исчезли свежие овощи и фрукты, кроме капусты, которая уродилась¹¹³.

Инфляция низкая, но кроме дефицита происходит падение качества продукции. Заинтересованность фюреров производства в успехе дела снижается, так как помимо высоких налогов нужно пла-

тить «добровольные» пожертвования на различные государственные проекты. Продукция отбирается у крестьян по государственным ценам, часто вопреки их воле. Население создает запасы¹¹⁴.

Попытка государства сочетать директивное управление экономикой с сохранением частной собственности открывало широкие возможности для спекулянтов (аналогичный эффект возник во время НЭП в СССР). Спекуляция и дефицит угнетали экономику и били по населению: «Коммерсанты наживают большие деньги. Некоторые придерживают товары на складах, не столько из-за боязни девальвации, сколько исходя из тех соображений, что качество выпускаемых в продажу товаров все время ухудшается; шерсть и бумага становятся настолько дефицитными товарами, что запрещается выделывать пряжу из чистой шерсти и даже не разрешается продавать могущие поступить из-за границы ткани из чистой шерсти. Употребление всяких металлов, за исключением железа и алюминия, строго регламентировано, и понемногу целый ряд изделий из меди, латуни, никеля, хрома, кадмия и т. д. заменяется изделиями из железа или алюминия. В продовольственных магазинах сахар и кофе имеются лишь в виде суррогатов»¹¹⁵.

Но населению уже объяснили, кто виноват и что делать. Нужен прорыв «железного пояса, в который другие страны пытаются затянуть Германию»¹¹⁶.

Миллионы книг, газет, журналов, а также радио, кино и только что появившееся телевидение прославляло вождя нацизма. Большинство немцев верило этой пропаганде, потому что их жизнь несколько улучшилась. Однако это улучшение было не безусловным. Так, если зарплата рабочих в разгар депрессии в 1932 году в пересчете на американскую валюту составляла 20,4 цента в час, то в 1936 году — 19,5 цента (и это — с учетом падения доллара). Эксплуатация труда стала более интенсивной, но это отчасти компенсировалось системой социальных гарантий. Зато высшие слои общества, очевидно, выиграли от гитлеровской политики. Доля рабочих в доходах упала с 56,9 до 53,6 %, а доля доходов с капитала выросла с 17,4 до 26,6 %. Рабочий день в металлургической промышленности Германии в 1937 году вырос с 8 до 10 часов в день. Еще более серьезный удар был нанесен по мелкой буржуазии. В октябре 1937 года была проведена «юридическая реформа акционерных обществ». Ликвидации подлежали все фирмы с капиталом менее 100 тысяч марок, а основывать можно было организации с капиталом только свыше 500 тысяч. «Этот закон ужасающим образом способствовал умиранию экономически самостоятельной средней и мелкой буржуазии»¹¹⁷. В 1931 году в Германии было 2720 фирм с капиталом менее полумиллиона марок, в 1936 году это количество уже упало

до 1445, а после реформы к 1939 году — до 526. Гитлеровский режим ясно показал, что он является представителем интересов мелкой буржуазии в той же степени, в какой государство СССР было выразителем интересов пролетариата — в самой минимальной. Но нацизм не был и марионеткой крупного капитала. Искусственное сокращение числа рыночных субъектов, упорядочение и монополизация производилась в интересах другого социального слоя. Далеко не всегда государство становилось на сторону предпринимателей даже в важных для них вопросах отношений труда и капитала: «весной 1934 года в споре Тиссена с главой Немецкого трудового фронта Леем, который настаивал на праве „доверенных лиц труда“ определять уровень зарплаты, Гитлер принял сторону последнего»¹¹⁸. Не считать же после этого нацистское государство «рабочим»? Оно защищало не капитал и не труд, а свои собственные интересы, связанные с равновесием между трудом и капиталом.

Каков был социальный характер возникшей в Германии системы, какая сила определяла ее развитие? Марксистские авторы видели ее в буржуазии — мелкой или крупной. «При всем этом классовая роль фашизма во всех странах, в которых ему удалось прийти к власти, была вполне определенной. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополистического капитализма обеспечивала сохранение социальных, политических и экономических позиций господствующего класса. То обстоятельство, что определенные круги буржуазии, в том числе и монополистической, на различных этапах проявляли большее или меньшее недовольство функционированием этой экономической системы, свидетельствовало лишь о том, что даже в условиях всеобъемлющего государственно-монополистического регулирования противоречия между различными группами буржуазии и внутри монополистического капитала не исчезают»¹¹⁹, — считает А. А. Галкин. Но слишком уж «прижал» нацизм буржуазию, чтобы называть его буржуазным режимом. И саму буржуазию приходится осторожно называть господствующим классом, хотя господствовать может не только она. Может быть, это противоречия не «внутри» капитала, а между группами капитала и еще каким-то другим «господствующим классом»?

Трудности, с которыми сталкивается марксистская историография при выяснении сущности тех или иных режимов, заключается в том, что она не видит самостоятельной роли государства, считая его «выразителем интересов» каких-то иных классов — то феодалов, то буржуазии, то пролетариата. Между тем государственное чиновничество и стремящаяся стать им элита партий имеет самостоятельные интересы, которые не совпадают с интересами капитала, даже

если капитал и спонсирует политиков или платит взятки чиновникам. Все сложнее. Так же как в США Рузвельта, в СССР, в фашистской Италии, господствующим классом в нацистской Германии стала этакратия — социальный слой носителей государства, как правило, чиновничества.

Этакратия вступает в сложные отношения с другими элитами — и союзные, и конкурентные. Этот класс (применительно к Советскому Союзу его иногда называют «новым классом», хотя этакратия — самый старый класс на планете, старше феодалов), как и любой класс, состоит из нескольких слоев. Классическая этакратия, выстроенная в четкую структуру чиновничьей иерархии, — это бюрократия. Но пока будущие чиновники идут к власти, отрываются от социальной почвы, их трудно отличить от мелкой буржуазии, интеллигенции, маргинальных слоев и др. Но есть одно отличие, которое выдает формирующуюся этакратию, — стремление к технологическому переустройству общества правящей группой, технократизм. Технократия — потенциальная бюрократия, которая придает юной этакратии порыв модернизации и авторитарного переустройства.

Нацизм при всей нерациональности и архаичности идей своих лидеров был технократичен, он стремился перестроить Германию по образцу военной индустрии, а затем силой переделать таким же образом и весь мир. Но, в отличие от большевизма (другого варианта технократии), нацизм стремился использовать для воплощения в жизнь своих планов потенциал капиталистических управленцев, по своим жизненным установкам близким технократии. Гитлер считал, что немецкие предприниматели — не «спекулянты» (как «еврейский капитал»), а организаторы производства. Нацизм осуществил синтез капиталистической и партийной маргинально-технократической олигархий в единую государственную элиту. Но при подчиненной роли бизнесменов. Человек обладал экономической властью как «фюрер» производства, а не как его собственник. Нацисты создали один из вариантов государственно-монополистической индустриальной системы, которая по своей социально-экономической структуре была ближе к рузвельтовским США, чем к сталинскому СССР. По своей сущности это было индустриально-этакратическое общество, в котором буржуазия была огосударствлена и поэтому играла подчиненную роль в отношении партийно-государственной бюрократии, частью которой стала.

Государственное регулирование помогло выйти из экономического кризиса. Начался экономический подъем, безработица уменьшилась с шести до одного миллиона. Этот рост стал возможен благодаря подготовке к войне. Если ружье висит на стене, оно должно выстрелить. Сразу после прихода к власти Гитлер предложил своим

генералам разработать смелую программу перевооружения, которая игнорировала бы Версальские соглашения. Раньше германские военные разработки в обход Версаля велись на советской территории, но теперь отношения с СССР испортились, и перевооружаться приходилось на своей территории. Новая германская техника уже родилась в чертежах, но практически пока не могла быть опробована.

Готовясь бросить вызов всему миру, Гитлер стремился сплотить нацию в этнический монолит. Обратная сторона сплочения — ненависть не только к внешнему, но и к внутреннему врагу — левым и евреям. Евреи стали изгоями германского общества. Они подвергались ежедневным унижениям. Им запрещалось заниматься свободными профессиями, их изгоняли из университетов и снимали с государственных должностей. Был объявлен бойкот магазинов, принадлежавших евреям. В так называемую «Хрустальную ночь» 1938 года эти магазины были разгромлены.

15 сентября 1935 года были приняты «расовые законы», по которым евреи были лишены германского гражданства, были запрещены браки и внебрачные связи евреев с немцами («арийцами»), права евреев были ограничены — им запрещалось даже посещать кафе для немцев. Германия, таким образом, ввела порядки, аналогичные тем, которые существовали в южных штатах США в отношении негров. В отношении евреев действовали и запреты на профессии, которые оставляли многих из них без легальных средств к существованию. Собственность евреев конфисковывалась, они должны были носить желтую звезду на рукаве, чтобы отличаться от «полноценных» немцев. Евреев унижали и избивали только за их происхождение. Но евреи могли уехать из Германии, и многие пользовались этим правом. Из страны бежали сотни тысяч евреев.

Уезжали и недовольные представители интеллигенции. Это были не только политические противники гитлеризма, но и люди, которые не могли смириться с превращением в официальную доктрину мифов, принятых нацистами за истину. Если вы не уверены, что германцы происходят от древних ариев или что все евреи (и только евреи) эксплуатируют чужой труд, то жить в Германии для вас опасно, и вам нужно собирать чемоданы. Однако одновременно с эмиграцией интеллектуалов, для которых приоритетным было рациональное сознание, в Германии происходило возвышение гуманитариев, смешивавших науку и публицистику. Германская наука была открыта красивым (пусть недоказанным) гипотезам, которые помогли бы воспевать арийскую древность и грядущего сверхчеловека.

Толпы на улицах рыдали при виде поднятой руки Гитлера, чиновники в коридорах власти трепетали от раскатов его истериче-

ского гнева. Немецкое законопослушание и урок «Ночи длинных ножей» сделали свое дело — германская властная каста поверила в фюрера. Теперь он мог позволить себе демонстративно унижать «элиту», которую еще недавно вынужден был уговаривать и ублажать. Теперь пришло время самоутверждения: «Большинство посетителей часами ожидали в приемной. Министры и другие высокопоставленные лица часто не могли добиться приема в течение недель и даже месяцев, несмотря на проявляющуюся ими настойчивость»¹²⁰. Но государственная машина заработала слаженно — система власти была сильнее, чем человеческие слабости ее фюрера.

До начала Второй мировой войны нацистская Германия вовсе не была изгоем мирового сообщества. Там проводился социально-экономический эксперимент, во многом напоминавший меры Рузвельта в США и Сталина в СССР, причем сталинская первая пятилетка, вызывавшая сочувствие западных интеллектуалов, была связана с гораздо большими разрушениями и жертвами. Конечно, и рывок в СССР был больше. Но Гитлер вывел Германию из, казалось бы, беспросветного кризиса, справился со многими бедами Великой депрессии. Конечно, поклонники германского «экономического чуда» не видели концлагерей, но в середине тридцатых годов они были еще значительно скромнее, чем во время войны, напоминая каторжные заведения в европейских колониях (но у Германии не было колоний, и своих «смутьянов» приходилось держать поблизости от столицы). В лагерях содержалось 20–30 тыс. человек, что тоже не могло шокировать европейскую публику, заставить ее примерить немецкую колючую проволоку на себя.

В 1936 году в Берлине была проведена Олимпиада. По случаю массового притока иностранцев с улиц исчезли вывески «евреи нежелательны». Но и такие надписи вряд ли возмутили бы американских болельщиков из южных штатов, которые привыкли к табличкам «только для белых» и антисемитизму популярных радиопередач. Западная цивилизация до Второй мировой войны была настолько пропитана шовинизмом, ксенофобией, расизмом, презрением к «низшим расам», что Германия на этом фоне выглядела почти прилично. Связь экономической политики нацистской тоталитарной бюрократии с приготовлением к войне умело прикрывалась миролюбивой демагогией фюрера. Но, как и в случае с США, экономическое чудо Гитлера было обречено на быстрое завершение, если бы не постоянная подпитка военно-промышленного комплекса. А разрастание этого комплекса имело смысл только с перспективой большой войны.

16 марта 1935 года вопреки Версальскому договору в Германии была объявлена всеобщая воинская повинность, и численность воо-

руженных сил быстро выросла в десять раз — до миллиона человек. Это было прямо заключено Версальским договором 1919 года. Версальская система международных отношений стала рушиться. В повестку дня европейской политики встала война. Но была ли она тогда уже неизбежной?

ИЗМЕНИВШИЙСЯ МИР

Великая депрессия изменила лицо мира. Отчаявшиеся массы требовали перемен, способных улучшить их социальное положение, и они их получили. В Западной Европе в моду входили идеологии «дирижизма», управленчества. Государство должно управлять экономикой. Даже там, где целенаправленная политика государственного регулирования не проводилась, правительства оказывали помощь компаниям и банкам, оказавшимся в трудном положении. «Спасать приходилось многочисленные компании и банки в Бельгии, Германии и особенно во Франции, где „Банк Адам“, „Банк Эльзаса и Лотарингии“, Национальный кредитный банк, Генеральная трансатлантическая компания и „Аэросталь“ выжили только благодаря помощи государства»¹²¹, — комментирует историк П. Тибо. На все это были нужны деньги. Правительства прибегали к двум основным средствам: во-первых, повышали налоги, спасая избранных за счет всех, во-вторых, шли на снижение курса валюты (обесценивая свои обязательства) — это было выгодно для экспорта и в условиях мирового падения цен не столь болезненно сказывалось на положении населения. Снижение курсов валюты больше всего било по международным финансовым кругам, углубляя кризис финансовой олигархии, что в свою очередь способствовало распаду глобальных финансовых связей, росту национальной замкнутости и возвышению бюрократий.

Новая экономическая политика требовала новой экономической идеологии. Экономист Джон Кейнс бросил вызов культуре накопительства, которая со времен Кальвина способствовала созданию капиталов и развитию капитализма. Необходимо стимулировать не накопительство, а, напротив, потребление, которое вытянет за собой производство. Если наибольшее количество людей будет тратить наибольшее количество денег, а не прятать их в кубышку в надежде открыть свое дело, то рынок будет расширяться.

В своих выводах Кейнс опирался на первые результаты реформ Рузвельта и социал-демократов. В свое время он даже хвалил президента США Гувера за его политику (правда, за те ее этатистские черты, которые потом унаследует Рузвельт). Развитие мирового кризи-

са опровергло некоторые постулаты прежних теорий Кейнса (например, что стабильность цен позволит обеспечить стабилизацию экономики и занятости)¹²². Кейнс перешел от монетарного анализа экономики к более комплексному, социальному, который до этого считался монополией марксизма и других социалистических аналитиков. И он обнаружил, что действия власти и социальные сдвиги могут иметь «кумулятивный эффект», когда израсходованные правительством средства будут приумножаться за счет простимулированных таким образом социальных изменений. Во время депрессии обычные денежно-кредитные методы не срабатывают, средства должны идти не только через банки, но и напрямую по линии налогоплательщик — государство — социальная проблема. Государство должно направлять средства напрямую в социальную язву, а не банковским «врачам», которые используют средства вовсе не для ее лечения. Правда, Кейнс не дошел до анализа аналогичной проблемы государственного инвестирования и распределения: бюрократы могут быть не менее алчны, эгоистичны и неэффективны, чем банкиры.

По мнению Кейнса, государство должно обеспечивать целенаправленное стимулирование спроса на товары, перераспределяя средства в пользу бедных. Одновременно следует направлять общественные ресурсы в определенные отрасли и тем способствовать успеху всей экономики в целом.

Эти идеи были близки взглядам социал-демократов. Опирающиеся на профсоюзы «рабочие» партии социал-демократов время от времени приходили к власти в Германии, Швеции, Дании, Великобритании, Австралии и других странах, конструктивно сотрудничая с имущественной и чиновничьей элитой. Политики, представлявшие рабочее движение, были еще неопытны, им не удавалось удерживаться у власти в какой-либо стране в течение длительного времени. Они проводили политику социального партнерства, добиваясь компромисса между профсоюзами и предпринимателями. Формально социал-демократы выступали за создание в будущем социализма — общества, в котором нет господства капитала, социального неравенства и угнетения. Однако, приходя к власти, социал-демократы не решались пойти на существенные реформы, их попытки регулировать экономику были очень осторожными и ограничивались прежде всего перераспределением прибылей капиталистического производства в пользу рабочих. В результате социал-демократы оказались настолько же не подготовлены к Великой депрессии, как и либералы.

Социал-демократы восприняли кейнсианские идеи и начали применять их в реальной политике. В Швеции на выборах 1932 года

победила коалиция социал-демократов и аграриев. В условиях бедствий депрессии социал-демократы были настроены на более решительные реформы, чем обычно. В 1933 году, то есть одновременно с началом экономических реформ Рузвельта, Гитлера и Муссолини, социал-демократы представили в рикстаг (парламент) свою программу реформ, которая включала улучшение системы пособий по безработице, проведение общественных работ, повышение пособий по старости и оказание государственной помощи крестьянам. Как видим, этот набор напоминал часть мероприятий Рузвельта. Шведский экономист Гуннар Мюрдаль разработал дефицитный бюджет, который должен был «вытянуть» экономику, что со временем должно было позволить погасить дефицит. Полученные государством как бы в долг у экономики средства были направлены на организацию общественных работ и помощь пострадавшим от кризиса. В 1934 году социал-демократы стали сворачивать общественные работы, так как они составили конкуренцию строительному бизнесу. «Позднейшие исследования показали, что воздействие предпринятых финансовых мер на экономику Швеции было ограниченным»¹²³. Значительно большее значение имел низкий курс кроны, что ухудшило социальное положение шведов, но позволило расширить экспорт и смягчило последствия кризиса. Несмотря на ограниченный характер социал-демократических реформ этого периода, они заложили основы «шведской модели» — сохранение частного бизнеса, но перераспределение его прибылей либо путем инфляции, либо путем налогов, в пользу рабочих и безработных. Таким образом, в стране постоянно поддерживается массовый спрос на продукцию, что помогает смягчать последствия кризиса, опираясь на возможности внутреннего рынка.

Широкой популярностью в мире пользовалась и советская Первая пятилетка, количественные показатели которой (тем более официальные) завораживали не только обездоленные малообразованные массы, но и рафинированных интеллектуалов. Этому способствовали и пропагандистские мероприятия большевиков, устраивавшие западным медийным фигурам экскурсии по СССР, в которых широко использовался метод «потемкинских деревень». Съездив в СССР, умеренная социалистка Беатриса Вебб в 1932 году выпустила книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?», где продемонстрировала готовность верить тому, что ей показывали. Она высказала мысль, которая отражала мнение значительной части демократической и левой интеллигенции, влияние которой на Западе было очень велико: «Фактически в мире сейчас идут два крупномасштабных эксперимента: это американский капитализм и

русский коммунизм»¹²⁴. А где же фашизм? А Муссолини и Гитлер оказываются не еще одним экспериментом между двумя полюсами, а либо выражением прямой реакции, пути не вперед, а только назад, либо чем-то промежуточным между двух путей — Рузвельта и Сталина. Экономический эксперимент Иосифа Сталина был более выразительным и внешне успешным, чем рузвельтовский, но западному общественному мнению претил сталинский тоталитаризм, при взгляде на который и сам Гитлер выглядел учеником, а не антиподом Сталина. Реальность советского «эксперимента» была еще не ясна¹²⁵. Но в своей внешней политике у Сталина была возможность при демонстрации определенной умеренности опереться на симпатии значительной и влиятельной части западного общественного мнения именно в силу того, что в СССР отрабатывались элементы новой модели общества Запада (разумеется, не без «эксцессов», которые случаются при «экспериментах»).

Государственное регулирование все шире применялось не только в относительно развитых странах Европы и Северной Америки, но и в Латинской Америке. Здесь государственно-монополистическая система создавалась режимами, которые опирались на широкую и достаточно стабильную поддержку социальных низов.

Президент Мексики Ласаро Карденас (1934–1940) в условиях забастовки против американских нефтяных компаний в 1937 году национализировал нефтяную промышленность и железные дороги. Это вызвало обострение отношений с США, так как американские компании требовали компенсацию в 262 млн долларов. Но Рузвельт не был заинтересован в эскалации конфликта, и договорились на компенсации в 69 млн¹²⁶. Нефтяная компания «Пемекс», электроэнергетическая компания «Комисьон федераль де электрисадад» и железные дороги позволили создать в Мексике крупный государственный сектор. Продолжая аграрную реформу, начатую еще во время революции в начале века, Карденас передал 18 млн га помещичьих земель крестьянским общинам. Карденас был не прочь продемонстрировать всему миру свою симпатию леворадикальным идеям. Именно в Мексике нашел последнее пристанище Лев Троцкий. Правящая в Мексике с 1929 года Национально-революционная партия (Партия мексиканской революции) опиралась на профсоюзы и организованное в общины крестьянство. Таким образом, мексиканская модель этатизма сочетала традиционный для Латинской Америки авторитаризм с социальной демократией.

В Бразилии пришедший к власти в результате переворота 1930 года президент Жетулиу Варгас стал бороться с кризисом, создавая государственные учреждения (Институт сахара и алкоголя и

др.), стимулировавшие производство и экспорт сельскохозяйственной продукции. Затем был создан сильный государственный сектор в промышленности, и Варгас приступил к созданию собственной промышленной базы Бразилии, которая могла бы ослабить зависимость страны от импорта промышленной продукции. Государственный сектор добился больших успехов в создании металлургии и электроэнергетики, модернизации транспорта. Было предпринято строительство первого в Латинской Америке крупного металлургического комплекса «Волта Редонда».

Варгасу приходилось то и дело отбиваться от вооруженных выступлений консерваторов, фашистов и коммунистов. Президент стремился опереться на профсоюзы и в то же время обеспечить напряжение всех сил рабочего класса ради решения задач индустриализации. Диктатор решил заимствовать корпоративные идеи Муссолини, которые обеспечили ему авторитарный контроль над рабочими массами и в то же время позволили осуществлять социальные программы, способствовавшие стабильности в стране после установления режима «нового государства», близкого по структуре к итальянскому фашизму. Варгасу удалось добиться вывода страны из тяжелого кризиса. В условиях распада мирового рынка реформы Карденаса и Варгаса давали их странам шанс оказаться со временем в числе индустриальных обществ. Однако низкая конкурентоспособность латиноамериканской индустрии дала о себе знать после Второй мировой войны, по мере возрождения мирового рынка.

Эпоха мирового господства капиталистической элиты сменилась временем гегемонии бюрократии, которая властно вмешивалась в руководство экономикой даже там, где капиталистическая экономика сохранялась. Подъем либеральной демократии, наступивший после победы Антанты в мировой войне, закончился. Наступало преддверие Второй мировой войны.

Великая депрессия привела к наложению друг на друга нескольких исторических процессов. Произошел кризис индустриального сектора общества, оторвавшегося в своем стремительном развитии от аграрной периферии. Периферия не могла потребить все, что производила индустрия, жители мировой деревни были слишком бедны для этого. Мир вступил в период «нового средневековья», частичной натурализации хозяйства, «феодализации» экономических отношений. Но такая «феодализация» не могла быть глубокой, так как не распространялась на социально-экономические отношения внутри стран. Здесь распад глобального рынка вел к усилению национальной замкнутости, национального сплочения, характерного для начальной стадии развития индустриальных отношений. «Новое средневековье» как бы отбросило мир в

XVI–XVIII века, в эпоху абсолютизма. Но такой «откат» не мог быть долгосрочным. «Новый абсолютизм» опирался на куда более развитый индустриальный сектор, чем в «Новое время», и торопливо ковал принципиально новые индустриально-этакратические отношения. Так что возврат в XVIII век был невозможен. Слишком далеко по всему миру зашел процесс разложения традиционного аграрного общества. Обнищание миллиардов людей в результате Великой депрессии лишь усиливало это разложение, создавая мировую «революционную ситуацию».

Характерно, что наиболее мощное движение, направленное на восстановление ремесленного труда (гандизм в Индии), и то выступало не за возрождение традиционного общества, а за создание новой демократической и социалистической Индии. Махатма Ганди стремился поставить индустриальное развитие в гуманистические рамки, найти противовесы разрушительным последствиям индустриальной модернизации¹²⁷. Но вне Индии он был почти одинок.

Даже те лидеры общественных течений, которые уже осознали необходимость создания социально сбалансированной экономики, надеялись сдержать такие последствия экономического развития, как усиление бедности, за счет наращивания государственного богатства. А это, в свою очередь, требовало ускорения все того же экономического роста, что также предопределяло временность «нового средневековья». Теперь за продолжение прогресса следовало платить разбуханием государственной мощи, нового абсолютизма.

Индустриальные структуры не могли остановиться в своем развитии, для этого индустриализм слишком динамичен. Миллионы технократов мира искали выход, чтобы двинуть вперед, снова запустить давший сбой механизм экономического роста. Главная проблема, связанная с этим — паралич прежней системы руководства индустриальной экономикой, финансового капитала. Как восстановить разорванные связи? Более сложный путь, который предлагали идейные течения демократического социализма и синдикализма, означал налаживание прямых связей между предприятиями, не опосредованных мировым рынком и финансовым капиталом. Недостатком этих концепций был «разнобой», отсутствие единообразных предложений. Как мы увидим, когда эта модель станет воплощаться в жизнь в Испании, предприятия будут координировать свою работу с помощью и профсоюзных структур, и прямых связей между смежниками, и локальных рынков, и региональных государственных структур. Слабостью и достоинством этого пути был его плюрализм, множественность форм, преобладание равноправных, горизонтальных связей.

Более простой путь — полностью или частично заменить финансовую олигархию бюрократической. Этот выход больше соответствовал логике индустриального общества. Ведь развитие капитала вело к его укрупнению, концентрации, к преобладанию вертикальных управленческих связей над горизонтальными равноправными связями. Оставалось только увенчать сложившуюся и «очищенную» депрессией систему капиталистического управления структурой государственного управления и регулирования, ею же заместив образовавшиеся в результате кризиса «бреши». Этот путь синтеза капиталистической («монополистической») и этатистской («государственно-социалистической», как в СССР) систем стал преобладающим ответом на вызов Великой депрессии. Но у него было два недостатка. Он мог привести к тоталитаризму и мировой войне.

Глава II

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЕСЫ

Связь бюрократизации экономики с тоталитаризмом и тоталитаризма с войной достаточно очевидна, мы уже говорили о ней и будем далее проследивать движение тоталитарных режимов к военному столкновению. Но при чем здесь США? Возросла бы угроза войны, если бы в мире возобладали многопартийные режимы, осуществляющие политику, подобную рузвельтовской?

Конечно, в этом случае шанс избежать Второй мировой войны был бы выше, чем после прихода к власти в Германии нацизма. Но все равно тяга к войне после начала Великой депрессии была объективной повсеместно. Дело в том, что возвышение бюрократии над капиталом продолжает (а при тоталитаризме — венчает) тенденцию внутренней бюрократизации капитала, известную в марксистской литературе как «монополизация». Финансовые империи — частные государства в государстве, теперь входят в состав системы государственного управления экономикой. «Монополизация» была одним из факторов, которые вели к кризису. Усиление этого начала само по себе не могло преодолеть причины депрессии и предотвратить ее повторение.

Государство взяло на себя заботу о стимулировании спроса, перераспределяя часть ресурсов в пользу недопотребляющих слоев общества. Более равномерное распределение ресурсов в обществе, элемент социализма, способствует смягчению последствий кризиса капиталистической экономики. Но тоже не решает проблему. Нельзя вытянуть себя за волосы. Чтобы перераспределить ресурсы, нужно сначала где-то их получить. Американская экономика кануна депрессии была рассчитана на рост мирового спроса, а мир после Великой депрессии был перегорожен множеством барьеров, большинство государств Старого света стремилось к автаркии. Необходимо было расчистить мир (или хотя бы значительную часть мира) от этих барьеров, вовлечь в международные рыночные отношения новые массы людей в «третьем мире». Не беда, если при этом возникнут крупные разрушения. Восстановление разрушенного — огромный источник заказов, который может «запустить» новый экономический подъем. Так же как и производство оружия. Спрос на войну становился главным «мотором» экономического возрождения не только Европы, но и Америки.

Но Советский Союз, оказавшийся в авангарде мирового возвышения бюрократии, реагировал на Великую депрессию иначе. Власть бюрократии в СССР была уже настолько велика, что ей не нужно было искать поводов для наращивания военной мощи, особенно в условиях недружелюбия остального мира к коммунистическому режиму. При этом, в отличие от Германии и Италии, Советский Союз (так же как обладатели колониальных империй Великобритания и Франция) мало зависел от зарубежных источников сырья. Прежде всего СССР нуждался в импорте технологий. Во время Первой пятилетки внешняя политика СССР была подчинена обеспечению этого индустриального рывка. Ради того, чтобы выйти победителем из острейшего кризиса Пятилетки, Сталин был готов жертвовать отношениями с любыми странами. Проталкивая свой экспорт, Советский Союз испортил отношения с Францией, Великобританией и Италией. Советское руководство, с трудом сохранявшее контроль над страной, даже всерьез опасалось военной интервенции со стороны Франции и ее союзников¹²⁸. В довершение всех неприятностей единственный стратегический союзник — Германия — был потерян в результате прихода к власти Гитлера. Это поражение было особенно болезненным, так как означало провал «левой» стратегии борьбы с социал-демократами, которую после поражения коммунистов в Китае в 1927 году пришлось принять Сталину¹²⁹ (мы вернемся к этой истории, когда речь пойдет о Китае). Если в 1927 году китайская компартия была разгромлена из-за слишком тесного союза с левой партией Гоминьдан, то теперь, в 1933 году, другая крупная компартия — германская — была разгромлена из-за слишком самостоятельной, неуступчивой позиции в отношениях с другими левыми — социал-демократами. Это было второе стратегическое поражение сталинской внешней политики. Причем без каких-либо заметных успехов за тот же период. Троцкому и Бухарину остается только ждать, пока их призовут исправлять последствия политики «незадачливого» Сталина. Вождю было отчего беспокоиться.

Гитлер не скрывал своей враждебности в отношении СССР. Началось быстрое свертыwanie военных программ Германии на территории СССР, что болезненно переживалось немецкими военными¹³⁰.

В 1933 году Сталин воспринимал победу Гитлера и разгром Компартии Германии как тяжкое поражение. И это поражение, как в свое время китайская катастрофа, приведет к стратегической переориентации политики СССР и Коминтерна.

Итак, вздохнув с облегчением после завершения Первой пятилетки, Сталин обнаружил свою страну во внешнеполитической изоляции. Конечно, Первая пятилетка позволила запустить программу технического перевооружения Красной армии, которая, как хотелось бы верить, сделает ее «всех сильнее» от тайги до британских морей. Но для этого нужно время. А ныне Советскому Союзу необходимо несколько лет провести без военных тревог. Задача поиска безопасности будет определять внешнюю политику СССР, а затем и стратегию Коминтерна вплоть до 1939 года. В этот период Сталин даже отказался от шагов, которые изобличали бы в нем сторснника мирового расширения коммунистического режима. «Демонстративный интернационализм все более уступал место возрождавшимся традициям русской державности и национализма»¹³¹, — комментирует этот процесс историк Я. С. Драбкин. Обращение к патриотическим ценностям позволяло Сталину и укрепить свои позиции внутри страны. Создав «социализм в одной стране», Сталин действительно был готов повременить с превращением его в «мировую систему социализма». По крайней мере до тех пор, пока не будут созданы такая индустриальная база и такая военная мощь, при которых равновесие в Европе уже станет ненужным для СССР.

Со времен Религиозных войн поиск безопасности для европейской страны лежит через включение ее в систему союзов. В этом отношении перед Сталиным лежали два пути: или нормализация отношений с Германией, несмотря на острый идеологический конфликт с Гитлером, и совместная борьба против Версальского договора; или налаживание отношений с Францией и совместная с ней борьба за сохранение Версальской системы. Но защищать Версаль очень не хотелось — слишком много сил было потрачено на борьбу с ним в предыдущие годы.

В течение 1933 года советское руководство прощупывало возможность первого пути. В октябре 1933 года, инструктируя наркома иностранных дел Максима Литвинова, Политбюро указало, что мы «готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений»¹³² с Германией, о чем Литвинов и сообщил министру иностранных дел Германии Константину фон Нейрату. Встреча была теплой, но серьезных последствий не имела. В Германии продолжалась антикоммунистическая кампания, связанная с Лейпцигским процессом.

Гитлер не был намерен мириться с СССР, и в этом был его важнейший внешнеполитический козырь. Никто не будет уступать Германии в ее намерении разорвать пути Версаля, если она будет выступать в качестве авангарда СССР. А вот если Гитлер — будущий за-

слон Европы от «антиимпериалистической» Азии, то с ним можно обходиться гораздо любезней.

Гитлер играл «анфан терибль», забияку в европейской семье, которому многое прощают ради того, чтобы в семействе не вышло скандала с битьем посуды. Первым делом Гитлер похоронил пацифистские надежды европейских лидеров, вызванные стремлением экономить на вооружениях в условиях кризиса. Либеральные лидеры Европы еще не осознали, что выйти из кризиса можно в обратном направлении — как раз тратясь на вооружения. Европу охватила борьба между пацифистами и «ястребами», лоббистами возникающего военно-промышленного комплекса. В этих условиях гаранты Версальского договора не были склонны обострять отношения с непредсказуемым германским лидером.

Еще в 1932 году премьер-министр Франции Эдуард Эррио выдвинул проект всеобщего разоружения сухопутных сил в Европе, которое исключило бы возможность широкомасштабной войны в «столице человечества» (заокеанские контингенты и мощные флоты при этом держали бы в узде колониальные народы). На конференции по разоружению, открывшейся в феврале 1932 года, Германия заявила, что в принципе готова принять предложения Эррио, если другие державы сократят свои силы до уровня Германии, установленного Версальским договором. А если уж будет решено сохранить в Европе авиацию и флот, то Германия должна иметь право на свою порцию этих игрушек.

Англичане отметили, что Версальский договор прямо обязывает сократить вооружения только Германию, а со стороны других держав это знак доброй воли. Лига наций сама решит, как и с какой скоростью приводить к общему знаменателю военную мощь европейских стран. В июле 1932 года немцы покинули конференцию по разоружению, протестуя против нарушения их равноправия. В декабре 1932 года, когда к власти в Германии пришел генерал Шлейхер, немецким дипломатам удалось согласовать формулу возвращения Германии к переговорам о европейском разоружении: «равноправие в системе, которая обеспечит безопасность всех наций»¹³³. Размеры вооруженных сил Германии и других мировых держав будут двигаться навстречу друг другу. Но тут на арене появился Гитлер и потребовал равенства в силах здесь и сейчас. Собственно, он уже начал скрытно наращивать вооруженные силы.

Фюрер волновался. 3 февраля 1933 года он говорил генералам: «Самое опасное время — в период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени и нападет на нас...»¹³⁴

Поскольку Эррио к этому моменту уже ушел в отставку, лидерство на конференции и в Лиге наций перешло к британскому премьер-министру Джеймсу Рамсею Макдональду. Перед ним встала трудная задача согласования интересов многочисленных государств, представленных в Лиге. Устав от бесконечных согласований, Макдональд стал склоняться к идее решения важнейших мировых вопросов «концертом мировых держав», как в старые добрые времена, до Первой мировой войны. Идею подхватил Муссолини, который 19 марта 1933 года выдвинул идею Пакта четырех: «Четыре европейские державы — Италия, Франция, Германия и Великобритания — принимают на себя обязательство во взаимоотношениях друг с другом осуществлять политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира... В области европейских отношений они обязуются действовать таким образом, чтобы эта политика мира, в случае необходимости, была также принята другими государствами»¹³⁵. Предполагалось не только проведение согласованного курса четырех держав, но и обеспечение равенства прав Германии путем пересмотра мирных договоров, то есть Версальской системы, а также территориальные изменения мирным путем. Инициатива Муссолини придала идее новое звучание — Лига наций должна была стать инструментом блока либеральных и фашистских режимов (двое на двое). Пакт был подписан 15 июля 1933 года в Риме на уровне министров иностранных дел.

Пакт разделил Европу на страны двух сортов. Характерно, что в пакт не пригласили Польшу, которая как раз рвалась поставить Германию на место. В ответ на поджигательскую риторику Гитлера об «отвратительной несправедливости»¹³⁶ Версальского договора, который отдал балтийское Поморье Польше, она 6 марта 1933 года увеличила свой военный контингент на Вестерплатте — военной базе близ Данцига (Гданьска). Данциг был немецкоязычным «вольным городом», зависимым от Польши, — яблоком раздора Германии и Польши, созданным Версальским договором. Увеличение контингента было нарушением договоренностей, и Польша предстала в роли агрессора, что вызвало небольшое недовольство в миролюбивых правительственных кругах Великобритании и Франции.

Некоторые государства, не приглашенные в клуб четырех и почувствовавшие себя «второсортными» (Турция, Латвия), в ответ на пакт стали апеллировать к СССР с предложением созвать свою конференцию. Но быстро преодолеть противоречия с Советским Союзом не удалось, и конференции не состоялись¹³⁷. Зато для Сталина это был хороший сигнал — соседние страны смотрят на СССР не только как на угрозу, но и как на противовес «сверхдержavam».

Пакт четырех по своей форме был предшественником Мюнхенского сговора 1938 года, когда четыре государства могут по своему усмотрению решать судьбы народов Европы, включая и территориальные изменения «мирным» путем. Формат был изобретен, но условия для серьезных договоренностей не сложились. Вскоре после подписания пакта его участники разделили острые противоречия, и он не был ратифицирован.

Инициаторы пакта считали, что равноправие Германии следует восстановить постепенно (особенно в отношении артиллерии, флота и авиации), а Гитлер требовал этого немедленно. Пакт четырех был на время забыт. Но только на время. Союз фашистов и либералов оставался возможной стратегической перспективой развития Европы.

Как пишет историк В. В. Согрин, «хотя во главе Германии уже находился Гитлер, Англия вела себя так, как будто имела дело с либерально-демократической Веймарской республикой. Британский премьер-министр и лидер Лейбористской партии Р. Макдональд предложил согласиться на увеличение германской армии вдвое при параллельном сокращении армии Франции и других европейских государств»¹³⁸. Британская политика была основана на поиске баланса сил в Европе. Именно он обеспечивал туманному Альбиону роль арбитра и гарантировал безопасность огромной империи.

Но Гитлер требовал армии не в 200 тысяч, а в 300 тысяч (вдвое меньше французской)¹³⁹ и признания за Германией права на равноправие в вооружениях. В июне он принял программу строительства ВВС в 600 военных самолетов.

Великобритания и Франция считали, что и так жертвуют слишком многим, а Гитлер не желал терпеть никакого неравноправия. 14 октября 1933 года Гитлер отозвал германскую делегацию с переговоров о разоружении и 19 октября заявил о выходе Германии из Лиги наций. Этим он нанес сильнейший удар в сердце Версальской системы — отныне членство в Лиге наций теряло былой престиж. В нее можно войти, из нее можно выйти. Слово Лиги — уже не закон, во всяком случае для тех стран, которые в ней не числятся.

Германия продолжала обсуждать проблему разоружения в двустороннем порядке, но 17 апреля 1934 года французский МИД констатировал неудачу переговоров. Пока Германия обсуждала возможность создания армии в 300 тысяч, в СС и СА уже было 2 миллиона, а бюджет Германии предусматривал создание полноценных ВВС. После этого конференция по разоружению завершилась.

Выход Германии из Лиги наций был воспринят относительно спокойно в Лондоне, но на Париж воздействовал как холодный душ.

Призрак Первой мировой войны, страшных сражений на подступах к Парижу заставил французскую дипломатию искать противовес распоясавшимся немцам. Естественным для Франции союзником в этой ситуации могла быть Россия. Но там засели проклятые большевики. Поэтому пока следовало переориентировать внешнеполитический курс союзников поменьше — Польши, Чехословакии и Румынии. Если раньше эти страны играли роль антисоветского «санитарного кордона», то теперь им предстояло стать противовесом Германии. Для Польши и Румынии это была опасная игра — борьба на два фронта против крупных держав, открыто претендующих на часть территории «малых империй» — Польша включала в себя обширные территории, компактно населенные украинцами, белорусами и немцами. А Румыния в 1918 году получила районы Трансильвании, населенные венграми, и захватила Бессарабию, ранее входившую в состав России (этот захват никогда не признавался СССР). Эти разнородные по составу государства были заинтересованы в безопасности отнюдь не меньше Франции и СССР и не хотели играть роль разменных фигур на геополитической доске.

Усиление германской угрозы заставило Францию пойти на смелый шаг — обратиться за содействием к «стране-изгою» (выражаясь современным языком) СССР. Став партнером Франции в обеспечении безопасности на востоке Европы, Советский Союз обеспечивает тыл союзникам Франции и в целом усиливает давление на Германию. «В июле 1933 года в беседах между советским полномочным представителем во Франции В. С. Довгалеvским и французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкуром зародилась идея о целесообразности установить между СССР и Францией более тесные отношения»¹⁴⁰, — пишет историк А. О. Чубарьян о возникновении плана прекращения вражды главного гаранта Версальской системы и ее открытого врага. В ноябре 1933 года, в разгар Лейпцигского процесса, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло принципиальное решение о переориентации внешней политики с Германии на Францию. Когда Поль-Бонкур узнал о согласии СССР идти на сближение, он воскликнул с французской эмоциональностью: «Мы с вами сегодня начали делать историю»¹⁴¹. СССР уже мог позволить себе сократить свои требования к экспорту во Францию. Времена «большого скачка» остались позади, и внешнеполитическая безопасность была важнее. 11 января 1934 года было подписано советско-французское торговое соглашение, а 16 февраля — советско-британское.

Ради того, чтобы больнее уязвить Гитлера, СССР был готов поступиться важными принципами — вступить в только что оставленную немцами Лигу наций, которая раньше рассматривалась в Москве

как штаб мирового империализма. Теперь Советский Союз готов был стать лояльным членом «мирового сообщества». 19 декабря 1933 года Политбюро окончательно приняло решение о готовности вступить в Лигу наций (при условии, что арбитраж Лиги может касаться только тех обязательств, которые СССР принял после вступления в нее, а не старых споров, таких как Бессарабия). СССР предложил и другие оговорки, которые были проигнорированы странами Лиги. Что же, каждый остался при своем мнении. 18 сентября 1934 года СССР все же вступил в эту организацию, «чтобы, в рамках Лиги наций, заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»¹⁴². После этого министр иностранных дел Франции Луи Барту сказал: «Моя главная задача достигнута — правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой»¹⁴³.

Успехом новой политики СССР в 1934 году стало установление дипломатических отношений с Венгрией (5 февраля), Румынией и Чехословакией (9 июня), которая вскоре станет союзником СССР.

То же решение Политбюро 19 декабря 1933 года предусматривало заключение «регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» с участием Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии «или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши»¹⁴⁴.

В ходе советско-французских переговоров круг возможных участников соглашения сузился. Отпало участие в пакте Бельгии (как малой страны, находящейся на Западе) и Румынии (из-за ее территориального конфликта с СССР и географической удаленности от Германии). Франция не желала также предоставлять свои гарантии Прибалтике¹⁴⁵. Литвинов настаивал. Он писал об этих переговорах Сталину в марте 1935 года: «мы добивались распространения гарантий пакта и на балтийские страны, указывая, что оккупация Германией этих стран была бы началом наступления на СССР, что мы не можем ждать, пока германские армии перейдут наши границы, и что поэтому Франция должна оказать нам помощь немедленно по переходе германских военных сил своей восточной границы». Без этой гарантии всего «санитарного кордона» важность соглашения для СССР значительно снижалась. Барту говорил, что два раза ставил этот вопрос на голосование кабинета, и оба раза неудачно. Литвинов требовал вернуться к обсуждению этого вопроса, и Барту обещал сделать это «в нужный момент»¹⁴⁶.

18 мая 1934 года Барту договорился с Литвиновым о необходимости заключения восточноевропейского пакта о нерушимости границ («восточного Локарно») с участием Германии, Польши и по возможности Прибалтики (гарантии ее границ Франция по-прежнему

не готова была давать, возлагая эту нагрузку на СССР). А если Германия не согласится — тогда и без Германии (то есть против нее).

СССР шаг за шагом втягивался в ситуацию, при которой именно он становился на востоке Европы основным гарантом Версальского договора, которого не заключал. 1 и 4 июля СССР подписал две одинаковые конвенции об определении агрессии со своими соседями и государствами Малой Антанты. При этом СССР согласился на двусмысленные формулировки, которые позволяли обходить спорный вопрос о Бессарабии. Как пишут историки О. Н. Кен и А. И. Рупасов, «Концепция „санитарного кордона“ перелицовывалась и примерялась для собственных нужд. Из „восточного барьера“ страны, расположенные между Черным и Балтийским морями, превращались для Москвы в „западный барьер“, ограждающий СССР от главного очага европейского конфликта... Из региональной державы Советский Союз стремительно вырастал в европейскую и мировую, свысока поглядывающую на „малых сих“»¹⁴⁷.

«Окружение» Германии сначала предполагалось вести не жестко, предложив заключить «Восточный пакт» по образцу соглашения в Локарно 1925 года, которое гарантировало западные границы Германии. Теперь немцам предлагалось обязаться также не требовать изменения восточных границ своего государства, определенных Версалем. По плану, который в апреле 1934 года составил заместитель Барту Алексис Леже, гарантировать «восточное Локарно» должны были Германия, СССР, Чехословакия, Польша, Финляндия и государства Прибалтики. При этом Франция и СССР заключали отдельную конвенцию, которая также гарантировала «Восточный пакт», а также Локарно. Франции было неудобно участвовать в пакте восточноевропейских стран напрямую. Так возникла идея двух отдельных договоров. Литвинов предлагал объединить две эти схемы, убеждая Барту, что нужен «Восточный пакт» с участием Франции и без Германии.

В июле 1934 года Франция предложила Германии проект Договора региональной помощи. Стороны этого договора обязуются «немедленно оказать друг другу помощь в случае нападения одного договаривающегося государства на другое» и не оказывать помощь «нападающей стране, не участвующей в этом договоре». В случае нападения и угрозы нападения на участника следовало проводить совещание об установлении мира¹⁴⁸. Участники договора должны были предпринимать меры для осуществления Устава Лиги наций. При этом СССР должен был гарантировать и ратифицировать договор в Локарно о нерушимости западных границ Германии¹⁴⁹. СССР должен был дать равные гарантии Франции и Германии против «ни-

чем не вызванного нападения». Франция давала такие же гарантии Германии и СССР. При условии заключения такого пакта Франция была готова согласиться с Великобританией в вопросе о восстановлении равноправия Германии в области вооружений: «Французское правительство согласно с правительством Его Величества в том, что заключение такого пакта и участие Германии в проектируемой системе взаимных гарантий послужило бы наилучшей базой для открытия переговоров о заключении такой конвенции, которая предусматривала бы разумное применение принципа германского равноправия в режиме безопасности для всех наций»¹⁵⁰.

Гитлеру идея «Восточного пакта» была чужда — он собирался со временем предъявить претензии к восточным соседям, заставив их вернуть как минимум территории, отторгнутые от Германии после Первой мировой войны, а также те территории бывшей Австро-Венгрии, где преобладало немецкое население. Барту пытался уговорить британских коллег, у которых сложились более теплые отношения с немцами, убедить их присоединиться к пакту. Но в июле англичане объяснили Барту, что не хотели бы способствовать комбинациям с участием СССР. Британское стремление к балансу сил в Европе не предусматривало вмешательство непредсказуемого евразийского государства. Гитлера в Лондоне считали достаточно предсказуемым партнером — он всего лишь хочет восстановления равноправия для немцев. Барту дал понять, что может договориться с коммунистами и отдельно — без Великобритании и Германии: «в далеком прошлом республиканская Франция заключила договор с царской Россией, хотя их режимы очень отличались друг от друга. География, однако, определяла историю, и возник франко-русский союз»¹⁵¹. Тогда англичане согласились на компромисс: за «Восточное Локарно» Германия должна получить возможность постепенно восстановить равноправие в вооружениях. Но Гитлер и так собирался сбросить ограничения Версаля. Он не стал прямо отвергать идею Барту, чтобы сразу не оказаться в изоляции, а просто тянул время, саботируя принятие пакта.

В случае отказа Германии от заключения пакта СССР и Франция могли перейти ко второму этапу операции — заключению пакта о коллективной безопасности между СССР, Францией и ее восточно-европейскими союзниками. Новая редакция «Восточного пакта» должна была носить уже антигерманскую направленность. Однако коллективная безопасность нуждается в сплоченном коллективе, а вот он-то как раз и не клеился. Польша не желала оказаться в тесной компании с СССР, имевшим к ней неофициальные территориальные претензии. Она стала настаивать на привлечении к пакту Ру-

мынии. А это уже не устраивало СССР, который прямо претендовал на возвращение Бессарабии.

Оплотом политики коллективной безопасности в Восточной Европе была Чехословакия — прежде всего потому, что ее западная часть была населена немцами. Чехословакия боялась остаться с Германией один на один, рассчитывала на поддержку не только Франции, но и Польши. А Польша претендовала на небольшую часть территории Чехословакии — Тешинскую область. К тому же польские лидеры как раз подумывали о том, что в сложившейся ситуации будет выгодно отойти от традиционной ориентации на Францию. 11 декабря 1934 года германский военный атташе в Польше Шиндлер с удовольствием докладывал, «что к сближению между обоими государствами стремится больше Чехословакия, чем Польша. Особенно недоверчиво относится к Чехословакии и ее военным возможностям маршал Пилсудский»¹⁵². Барту предпринимал титанические усилия, чтобы как-то «разрулить» все эти противоречия.

Конструкция Версальской системы предполагала, что Германии на востоке будут сдерживать Польша и Чехословакия. Ведь нельзя было, как перед Первой мировой войной, рассчитывать на Россию — теперь это враждебный Версалью СССР. С приходом Гитлера к власти ситуация стала перестраиваться. В то время как СССР шел навстречу Франции, Польша стала удаляться.

После польского демарша на Вестерплатте Гитлер сменил гнев на милость. 2 мая 1933 года он заявил польскому послу Альфреду Высоцкому, что готов урегулировать отношения на двусторонней основе¹⁵³. 26 января 1934 года был заключен пакт о неприменении силы между Германией и Польшей. Поляки сочли, что Германия лучше гарантирует безопасность Польши от СССР, чем Франция и СССР — безопасность от Германии.

Этот пакт вызвал в СССР опасение, что германо-польское сближение может вызвать союз, направленный против СССР. Советская разведка искала доказательство таких планов, а также тайных договоренностей о решении германо-польских территориальных споров за счет третьих государств, прежде всего Литвы и СССР. Но ничего определенного и убедительного найти не удалось. Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек как-то выразил свою позицию так: «Мы победили бы Россию, а потом пасли бы для Гитлера коров на Урале»¹⁵⁴. Роль младшего партнера в столь рискованном мероприятии, как война с СССР, не устраивала польских лидеров.

Но когда Барту сказал Пилсудскому, что Франция больше не пойдет на уступки Германии, старый автократ ответил: «Уступите, уступите»¹⁵⁵. Он сам сделал ставку на умиротворение, раз уж Франция

не готова лезть на рожон. Жена министра иностранных дел Польши Бека не без иронии объясняла Барту суть новых отношений между Францией и Польшей: «Можно не достигнуть согласия в семейной жизни, но остаться друзьями после развода»¹⁵⁶. Во время визита в Польшу в апреле Барту дезавуировал Пакт четырех¹⁵⁷, но это была запоздавшая уступка, польские лидеры уже поняли, как их «целят» во Франции.

Теперь Польша стала партнером Германии в подрыве идеи коллективной безопасности. Польские политики не понимали, что этим приближают конец своего государства.

31 июля министр иностранных дел Польши Бек и германский посол Ганс фон Мольтке обсуждали французский проект пакта и договорились, что «как Германия, так и польское правительство не намерены прямо отклонить проект Восточного Локарно, но постараются создать для него безвыходное положение, всячески затягивая решение»¹⁵⁸. При этом, как стало известно советской разведке, в ходе беседы «Бек перешел к оживленной и горячей мотивировке своего отрицательного отношения к идее пакта». Десять лет назад Польша просила о таком пакте, но ей отказали. А теперь, с точки зрения Бека, этот пакт заключается «во имя интересов других», «для защиты франко-русских военных интересов». «Если Польша примет это предложение, то она достигнет не усиления своей безопасности, а увеличения своих обязательств. Разве можно считать облегчением политического положения Польши то обстоятельство, что Польшу принудят вмешиваться в конфликт между Германией и Чехословакией или между Германией и Литвой?»¹⁵⁹ Раньше «восточное Локарно» должно было гарантировать Польшу от советской угрозы. Теперь началось франко-советское сближение, и польские лидеры решили, что пакт потерял для них смысл. Они не учли, что угроза с запада опаснее угрозы с востока.

Бек уверял германского посла, что «...Польшу считают незначительной дипломатической величиной», просто привлекают «как объект», а «у нас нет никаких оснований предпринимать что-либо против Германии, тем паче тогда, когда (как в данном случае) участие Польши в антигерманском шаге по различным соображениям политического и морального характера противоречат интересам Польши»¹⁶⁰. Мольтке отвечал: «Есть основания полагать, что Франция и Россия воспользуются отклонением их проекта для того, чтобы оправдать официальное заключение военного союза». Прощаясь, Мольтке спросил: «Итак, можно сказать, что вы — против пакта?». Бек ответил: «Ну, конечно, да!»¹⁶¹. Так формировалась внешняя политика Польши, которая будет сохраняться до 1939 года. В Крем-

ле знали об этом и воспринимали Польшу как потенциального союзника германской агрессии.

13 сентября 1934 года, накануне вступления СССР в Лигу наций, Польша вышла из важного договора о защите национальных меньшинств, который еще называли «малым версальским договором». Этот договор предполагал, что международное сообщество может вступаться за меньшинства, и таким образом они могут быть защищены независимо от того, в каком государстве проживают. Но Польша не желала, чтобы СССР мог вмешиваться в ее дела под предлогом защиты украинцев и белорусов. Это создало важный прецедент — защита меньшинств ослабевала, и это предполагало, что национальные интересы населения могут быть защищены лишь в «своем» национальном государстве. Эти действия Польши показывали, что она присоединилась к Германии в деле демонтажа Версальской системы и торпедирования коллективной безопасности.

В резерве у Барту оставался вариант «Балканской Антанты» — союза Югославии, Румынии, Греции и Турции. Но все эти государства, заключившие союз между собой, было нелегко привлечь в Восточный пакт, так как они были настроены крайне антикоммунистически.

9 октября 1934 года в Париж прибыл король Югославии Александр, уже много лет пытавшийся сплотить сербов, хорватов, словенцев и македонцев в единую нацию. Политика короля вызывала ненависть хорватских и македонских националистов. Когда Барту, встречавший Александра, ехал с ним в открытой машине, раздались выстрелы. Погибли оба государственных деятеля. Стрелял македонский националист Владо Черноземский, связанный с хорватскими националистами-«ушташами».

Новый французский министр иностранных дел Пьер Лаваль был гораздо меньшим энтузиастом борьбы против Германии, чем его предшественник. Через пять лет Франция будет разгромлена Германией, и Лаваль возглавит марионеточное пронацистское правительство. После войны его казнят как коллаборациониста. В 1935 году Лаваль действовал по инерции, продолжая доводить наработки Барту по Восточному пакту и постоянно оглядываясь на Великобританию, которая отрицательно относилась к военному союзу с СССР.

Когда стало ясно, что Германия и Польша просто тянут время и большой Восточный пакт невозможен, СССР и Франция решили оформить договорами то, что осталось от него. А остался треугольник СССР — Франция — Чехословакия. Чехословакия оказалась в «треугольнике» как союзник Франции — к СССР в Праге питали чувства опасения, но он был далеко, а Германия — близко. И если уж

Франция решила пугать Германию Советским Союзом, Чехословакия была готова участвовать.

2 мая 1935 года был заключен пакт о взаимопомощи между СССР и Францией, а 16 мая — между СССР и Чехословакией. Пакты предусматривали помощь трех стран друг другу в случае, если одна из сторон столкнется с чьей-либо агрессией. Помощь Советского Союза Чехословакии обуславливалась тем, что помощь окажет также и Франция — СССР не доверял «капиталистам» и оставлял за собой право остаться в стороне от конфликта, если Франция обманет и не вступит в войну с агрессором. При этом конкретные формы взаимной помощи не оговаривались. Все эти слабости договора сыграют три года спустя трагическую роль, когда система коллективной безопасности падет жертвой западной политики умиротворения агрессора.

Политика умиротворения — одна из основных сюжетных линий трагедии тридцатых годов. На фоне западных умиротворителей и их восточноевропейских пособников позиция СССР в 1933–1938 годах выглядит благородно. Упрощая, возводя в абсолют это свойство западной политики, можно делать выводы на будущее. Западная Европа вообще склонна к умиротворению, лишь бы никто не мешал ее экономическим интересам и не требовал жертв во имя обуздания агрессии. На это можно делать ставку, надеяться, что Европа «побухтит» и успокоится.

Но западная система плюралистична, и пока умиротворители находятся у власти, им дышат в затылок ястребы, которые готовятся к большой драке с захватчиком или с тем, кого на западе считают захватчиком. Уже в наше время на такую реакцию явно не рассчитывал, например, С. Хусейн, захватывая Кувейт. В тридцатые годы, пока с Гитлером имели дело Чемберлен и Даладье, умиротворение шло от победы к победе. Но укреплялись и силы, готовые брать дело в свои руки, если умиротворение кончится крахом.

В Советском Союзе к этой альтернативе проявляли интерес, заранее наводя контакты и сглаживая старые обиды. 14 июня 1935 года с Уинстоном Черчиллем, тогда — наиболее влиятельным деятелем оппозиции в Консервативной партии, на частном обеде встретился советский посол Иван Майский. Черчиллю было важно произвести на советского представителя хорошее впечатление. Он оправдывался за борьбу с большевиками: «Белые русские просили его о помощи. Они говорили ему, что „душа русского народа с ними“, что большевики — кратковременные узурпаторы, которые использовали в своих интересах момент отчаяния, охватившего русский народ в результате военного поражения»¹⁶². Но теперь Черчилль

понимает: «Вопреки их заверениям, „душа русского народа“ оказалось вовсе не с ними, и они были биты русским мужиком, который предпочел им большевиков»¹⁶³. Но Майскому не верилось в наивный альтруизм британцев, и английский собеседник решил быть поткровеннее: «Черчилль выпил залпом полстакана виски с содовой и затем отметил: „Я боялся за судьбу Британской Империи. 18 лет назад мне казалось, что русская революция является величайшей опасностью для целостности и неприкосновенности нашей Империи“»¹⁶⁴. Можно было перейти к главному — теперь угрозой для Империи в Европе является Германия: «Гитлеровская Германия, — продолжал Черчилль, — это огромная научно организованная военная машина с полудюжиной американских гангстеров во главе. От них всего можно ожидать». В СССР тоже диктатура, но есть идеология, теория, партия — как «хорошо организованная церковь»¹⁶⁵. Выпив вина, Черчилль перешел на коньяк и тему Японии: «Британские позиции в Китае и вообще в Юго-восточной Азии сохраняются лишь милостью Японии». Британия готова дать ей свободу рук в Китае — это значит отвлечь от европейских колоний в Азии. Ведь главная угроза — Германия¹⁶⁶.

Черчилль подтвердил Майскому, что в Британии есть сильное течение за предоставление Германии свободы рук на востоке. «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения, так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных в восточной, юго-восточной и центральной Европе. Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое». Черчилль критикует такой «идиотизм». Но эти идеи весьма популярны в кругах Консервативной партии. Черчилль считал, что нужен союз Англии, Франции и СССР, «который будет держать Германию в надлежащем страхе»¹⁶⁷. Позднее Черчилль призвал Майского: «Мне хотелось бы сказать СССР только одно: вооружайтесь, вооружайтесь и еще раз вооружайтесь!»¹⁶⁸.

В 1935 году казалось, что если не в Великобритании, то во Франции преобладают сторонники сдерживания агрессии, в том числе и силового. Начало коллективной безопасности было положено. Советское руководство могло надеяться, что в случае германской агрессии хотя бы Франция поддержит Советский Союз. Германия по-прежнему оставалась главным потенциальным противником СССР, и уже через год советские и германские военные встретятся на поле боя в Испании.

Заклучив пакт, французская дипломатия пыталась успокоить Гитлера. Посол Франсуа-Понсэ убеждал Гитлера, что если Германия

не имеет планов экспансии, то и опасаться пакта нельзя. О планах нападения на СССР Гитлер даже пошутил, что, поскольку у Германии и СССР нет общих границ, то для нападения на Советский Союз Гитлеру «пришлось бы совершить своего рода путешествие Колумба»¹⁶⁹. Однако в каждой шутке есть доля шутки. Во-первых, на другой стороне земного шара у Германии был потенциальный союзник, и СССР опасался координации действий между Японией и возможным (с точки зрения Москвы) германо-польским блоком. Во-вторых, в случае образования такого блока граница могла бы и образоваться. В-третьих, Гитлер на этом этапе больше опасался конфликта с Францией из-за нарушения им норм Версальского договора. А Польша в случае такого конфликта могла выступить на стороне Франции, и СССР получил бы возможность принять участие в антигерманской борьбе безо всякого «путешествия Колумба». Так что Франсуа-Понсэ не удалось успокоить своими заверениями Гитлера, а Гитлеру своей шуткой — французских и советских руководителей (которые прочитали об этом разговоре в донесении разведки).

Французскую политику нужно было «подстраховать» изнутри с помощью коммунистического движения. Но для этого нужно было изменить курс Коминтерна.

Три сосны Коминтерна

Приняв в 1927–1928 годах «левый» курс в стратегии Коминтерна, сталинское руководство проводило его с присущей ему последовательностью, меры не зная. Основами этого курса стали три догмы: «единый фронт снизу», «социал-фашизм» и «класс против класса». В них, как в трех соснах, Коминтерн к 1933 году заблудился окончательно. Пытаясь пройти одну, он тут же ударялся о другую.

Лозунг «единого фронта» был унаследован со времен революционного подъема 1918–1923 годов, когда на основе «единого фронта» всех «рабочих» организаций надеялись создать «рабоче-крестьянское правительство». В те годы «единый фронт» означал левую коалицию под руководством коммунистов. Однако быстро выяснилось, что социалисты сильнее коммунистов, в коалиции они лидируют, а сами эти коалиции в условиях спада революционной волны успеха не имеют. На V конгрессе Коминтерна в 1924 году победила позиция председателя исполкома Коминтерна Григория Зиновьева, в соответствии с которой рабоче-крестьянское правительство могло быть только советским и только диктатурой пролетариата. Никаких социалистов в союзники брать уже не собирались. Казалось бы,

лозунг «единого фронта» надо забыть. Но коммунистические идеологи не были столь расточительны, чтобы так просто разбрасывать лозунгами (и тем признавать свое теоретическое поражение). Лозунг переделали: «единый фронт снизу». Это значило, что можно дружить с социал-демократическими рабочими в обход социал-демократических лидеров, то есть попросту переманивать членов из социал-демократических организаций в коммунистические.

Поскольку социал-демократы были основными конкурентами в борьбе за рабочие массы, то было решено поставить их на одну доску с фашизмом. Зиновьев говорил в 1924 году: «фашисты — это правая рука, социал-демократы — левая рука буржуазии»¹⁷⁰. Через несколько лет две руки в глазах коммунистов стали срастаться в одну.

Еще в 1922 году при характеристике «предательской роли» социал-демократии в приходе Муссолини к власти в советской прессе было употреблено словосочетание «социал-фашисты». V конгресс Коминтерна узаконил характеристику социал-демократии как «крыла фашизма». В подготовленных Бухариным и поправленных Сталиным тезисах VI конгресса Коминтерна (1928) утверждалось, что у буржуазии осталось два пути из нарастающего кризиса — использование социал-демократии или установление прямой фашистской диктатуры. Эта политика получила название «третьего периода». X пленум ИККИ в июле 1929 года окончательно затвердил характеристику социал-демократии как «социал-фашизма».

Раз против коммунистов действует однородная буржуазно-фашистская масса, куда включены и собственно фашисты, и социал-демократы, и прочие антикоммунистические силы, это в глазах коммунистов значило только одно — шло прямое столкновение рабочего класса, интересы которого представляли только коммунисты и Советский Союз, и класса буржуазии, интересы которого представляли все остальные. «Класс против класса», и никаких компромиссов. Или советская власть, или фашизм. Третье — иллюзия. Таково было черно-красное зрение коммунистов. Вот-вот в капиталистическом мире обострятся все противоречия, и коммунисты во главе рабочего класса пойдут на штурм ослабшей капиталистической крепости.

Кризис капитализма настал, а Коминтерн не мог похвастаться успехами. К концу 1933 года из-за преследований и сектантской политики коммунистическое движение находилось в состоянии глубокого спада. Из 72 компартий легально действовало 16, да и те были малочисленны. После ВКП(б) и Китайской компартии крупнейшими были Французская и Чехословацкая, насчитывавшие по 30 тыс. членов. Даже крупные компартии на деле были не партиями рабочих, а объединениями коммунистической интеллигенции и безра-

ботных. Поднять массы на борьбу за советскую власть не удавалось. К. Макдермотт и Д. Агню обобщают взгляд современных историков на причины этого: «В одном вопросе, как принято считать, историки сходятся: о губительности „ультралевого“ тактики тех лет. Революционная риторика нигде не стала практикой; численность большинства компартий резко упала и восстанавливалась очень медленно; влияние коммунистов в национальных рабочих организациях оказалось подорвано сектантской тактикой „единого фронта снизу“; внутрипартийная демократия и открытость дискуссий в Коминтерне и компартиях, и так значительно пострадавшая в ходе борьбы с троцкистско-зиновьевской объединенной оппозицией, оказались почти полностью выхолащены с утверждением сталинского бюрократического централизма»¹⁷¹. Что касается бюрократического централизма, то его в большевистских структурах хватало и прежде. А вот сектантство «третьего периода» действительно стало гирей на ногу компартий, не позволявшей коммунистам повести за собой массы. Коммунисты не допускали компромиссов, ведь все вокруг фашисты.

Но вот что любопытно — а почему Сталин, иногда проявлявший в других случаях чудеса прагматизма, придерживался этого странного ультралевого курса? Во-первых, на то были внутрипартийные причины. Актив ВКП(б) по-прежнему был привержен радикальным идеям повторения Октябрьской революции в мировом масштабе. Компромиссы с «буржуазным» миром воспринимались как оппортунизм. В конфликте с Бухариным Сталин заимствовал (часто доводя до абсолюта) многие идеи Троцкого. После поражения в Китае в 1927 году левая стратегия Коминтерна казалась коммунистам более практичной, чем рискованные союзы с другими левыми партиями, готовыми в любой момент «предать» и «подставить» коммунистов. Как СССР может рассчитывать только на свои силы, так и коммунисты в других странах должны действовать сами, привлекая массы на свою сторону. Отход от этих простых принципов мог вызвать недовольство значительной части коммунистического актива, все еще увлеченного идеями победы коммунизма в мировом масштабе.

Во-вторых, идеологический догматизм позволял твердо контролировать руководство компартий. Партийные лидеры должны были не «мудрствовать лукаво» по вопросам теории и тактики, а подчиняться простым догматам, исходившим из Москвы. Шаг вправо или шаг влево означал исключение из партии и, следовательно, отключение от московского финансирования, что для большинства исключенных означало политическую смерть. В 1929–1932 годах поменяли руководство нескольких партий за правые и левые «укло-

ны». «Три сосны» идеально отделяли коммунистов от чуждых влияний, сохраняя их в идейной чистоте до того момента, когда компартии можно будет использовать в «большой игре». А раньше срока развязывать революционную активность не надо — это может вызвать ответную реакцию стран Запада в виде интервенции против СССР, которой Сталин опасался в начале тридцатых годов. В этом смысле сектантство коммунистов тоже было вариантом оппортунизма, приспособленчества, за которое коммунисты клеймили социал-демократов. Действительно, лозунги установления советской власти были настолько оторваны от реальности большинства стран мира, что компартии не могли оказывать на развитие политической ситуации в них никакого воздействия и потому казались правящим кругам безопасными. Исключение составляли только Германия и Китай, где влияние коммунистов росло.

В-третьих, как раз германский опыт, который станет отправной точкой для постепенного пересмотра принципов «третьего периода», долгое время убеждал Сталина и его соратников в том, что эти принципы дают хороший результат. Социально-экономический кризис в Германии углублялся быстрее, чем у соседей. Следовательно, именно здесь могли сложиться предпосылки для «настоящей» революции. Здесь массы могли прийти до того отчаяния, близкого к одиночанию, которое вызвало успехи большевизма в России. Но в этом случае партия, которая хочет стать лидером таких «взрывоопасных» масс, должна быть максимально радикальной, как можно четче отмежевываться от социал-демократов. По мере разочарования в социал-демократии рабочие будут переходить в лагерь коммунистов. Рост численности КПГ и ее электората от выборов к выборам подтверждал правильность этого расчета. Успехи КПГ были остановлены нацистским переворотом. Но мог ли предотвратить его союз с СДПГ? Социал-демократы не шли навстречу мирным предложениям коммунистов, разгоняли коммунистические манифестации, позорно призвали голосовать за того самого Гинденбурга, который затем и передал власть Гитлеру, отказались проводить всеобщую стачку против гитлеровского правительства. Идти на союз с социал-демократами на их условиях означало пособничество этой политике.

Так что из германского поражения коммунисты извлекли двойственные уроки. Тактика коммунистов была правильной, но только нужно дополнить ее какими-то мерами, которые остановят фашизм. Там, где фашизм рвется к власти, надо бы попробовать договориться с социал-демократами о каких-то оборонительных мерах. Там, где угрозы фашистского переворота не было, никаких уступок «социал-фашизму» быть не должно.

Характерно, что лидеры компартий по своей инициативе пытались выйти за пределы «трех сосен». В апреле 1932 года коммунисты отказались от конфронтации с низовыми организациями социалистов в Северной Богемии, что позволило организовать мощные выступления шахтеров. Один из лидеров КПЧ Й. Гутман после этого подверг критике всю теорию «социал-фашизма» и предложил наладить контакт с социалистами. В декабре 1933 года он был исключен из КПЧ как «троцкист».

Приход Гитлера к власти привел и к сдвигам в позиции социал-демократических лидеров. 19 февраля 1933 года бюро Рабочего социалистического интернационала (РСИ) приняло резолюцию, которая призывала Коминтерн вступить в переговоры об отпоре фашизму. Социалисты сформулировали свое воззвание так, что оно было близко идеям, которые отстаивали коммунисты: «Важно связать борьбу против фашизма с борьбой против угрозы новой войны, с борьбой против капитализма, за завоевание власти рабочим классом, за социализм»¹⁷².

Ознакомившись с этим призывом, член Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), старый коммунистический боец Бела Кун подготовил «отлуп» социалистам: «Предлагаемое партиями Интернационала заключение „пакта о ненападении“ фактически означало бы отказ от нападения на буржуазию. Пакт с союзниками классового врага есть пакт с классовым врагом»¹⁷³. Кун в 1919 году входил в социалистическое советское правительство Венгрии, которое возглавлял социалист Шандор Горбаи. Этот опыт Кун считал негативным. Лишь сквозь зубы в своем проекте ответа Кун признавал, что на местах можно вступать в переговоры об отпоре фашизму. Сталину проект Куна не понравился, и он приказал внести замечания, решительно менявшие направленность документа. В постановлении ИККИ от 5 марта 1933 года предложение о переговорах принималось, хотя и с оговорками: «Сделать еще одну попытку установления единого рабочего фронта совместно с социал-демократическими рабочими массами при посредничестве социал-демократических партий»¹⁷⁴. Впервые с 1924 года Сталин признал, что «единый фронт» можно установить не только «снизу», но и путем переговоров с лидерами социал-демократов, то есть «сверху».

Осторожный сталинский шаг к сближению социал-демократы не оценили. Они считали, что сначала об общей политике нужно договориться лидерам РСИ и Коминтерна. Вожди Социалистического интернационала не настолько хорошо контролировали руководство своих партий, чтобы доверять им опасное дело переговоров с коммунистами. Сталин, напротив, предпочитал вести переговоры

на уровне тех стран, где существует угроза фашизма, а в остальном мире придерживаться прежней стратегии. Поэтому социал-демократы пока оставили идею переговоров, считая ответ Коминтерна 5 марта маневром. В общем-то, они пока были правы. Обсуждая проект постановления, член Президиума Исполкома (ИККИ) Дмитрий Мануильский предлагал использовать переговоры и совместные акции с социал-демократами для подрыва позиций их лидеров.

Однако «замораживание» сближения с социал-демократами на уровне интернационалов не понравилось некоторым лидерам компартий. 7 апреля 1933 года генеральные секретари компартий Франции Морис Торез и Чехословакии Клемент Готвальд предложили ИККИ начать переговоры с РСИ о совместной борьбе с фашизмом. Но ИККИ, уже знавший отрицательную реакцию РСИ, призвал, напротив, усилить борьбу против социал-демократов, срывающих борьбу с фашизмом. Стратегия «единого фронта снизу» снова вышла на первый план. Для этого использовались формально беспартийные, но на деле прокоммунистические организации. РСИ даже ввел запрет на участие в них, считая, что таким образом коммунисты могут поставить под свой контроль часть левых социалистов, считавших умеренную политику социал-демократии не соответствующей остроте момента и глубине кризиса капиталистической системы.

БЛАЖЕННЫЕ МИРОТВОРЦЫ

Между тем незаметно для вождей обоих интернационалов некоторые из этих детищ «единого фронта снизу» стали приобретать самостоятельное значение.

Еще в 1932 году просоветская интеллигенция, обеспокоенная тем, что в ближайшее время может начаться война против СССР, образовала инициативный комитет за созыв антивоенного конгресса. Организаторы Конгресса по-разному смотрели на его задачи. Писатель-коммунист Анри Барбюс видел в новой организации филиал Коминтерна, организацию «единого фронта», а писатель-пацифист Ромен Роллан — более широкое движение за мир, в котором могут участвовать не только прокоммунистические, но и пацифистские и социалистические движения. Воззвание, написанное Барбюсом, гласило: «Задача конгресса — разъяснить сущность текущего момента и поставить массы перед лицом угрожающей им опасности, а также объединить трудящихся вокруг их социалистического отечества, находящегося в опасности»¹⁷⁵. Однако, подписав это явно

просоветское заявление, Роллан утверждал: «Мы созываем все партии, к какой бы точке социального горизонта они ни относились: социалистов, коммунистов, синдикалистов, анархистов, радикалов всех оттенков, свободомыслящих и христиан, беспартийных, все пацифистские ассоциации и объединения активно сопротивляющихся, всех, отказывающихся от военной службы по велению совести, всех людей независимых, всех тех во Франции и в других странах, кто твердо решил всеми средствами воспрепятствовать войне»¹⁷⁶. Впрочем, по сравнению с официальной позицией ФКП даже Барбюс был пацифистом. ФКП готовилась использовать Конгресс для разоблачения «пацифистских путаных идей». Руководители социалистических партий, напротив, отказались сотрудничать с комитетом по подготовке Конгресса, составленным без их участия и под просоветскими лозунгами. Казалось, идея Роллана потерпела поражение. Однако на призыв откликнулись не только прокоммунистические организации, но также пацифистские лиги и даже масонские ложи. Конгресс открылся в Амстердаме 27 августа 1932 года. Несмотря на доминирование на нем коммунистов, из 2195 делегатов удалось добиться присутствия 315 социалистов (в том числе французских депутатов, которые пренебрегли прямым запретом руководства соцпартии) и 35 членов либеральных партий. Были даже гандисты из Индии. 412 делегатов представляли реформистские профсоюзы. Делегаты прибыли не только из Франции, но со всей Европы, США, Китая и Индии. Роллан провозгласил лозунг «Над партиями! Единый фронт». Несмотря на присутствие на конгрессе некоммунистических делегатов, его манифест был выдержан в четких антикапиталистических и просоветских тонах. Казалось, коммунисты провели очередное агитационное мероприятие, воспользовавшись как ширмой присутствием социалистической интеллигенции.

Но дело этим не кончилось. По итогам конгресса возник Всемирный антивоенный комитет. 4 июня 1933 года этот комитет при участии коммунистических профсоюзов созвал в Париже в зале Плейель Европейский антифашистский конгресс (также с преобладанием коммунистов), где был избран Антифашистский комитет, 15 июня объединившийся с антивоенным комитетом (благо организаторами обеих инициатив были одни и те же люди) в единый Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма «Амстердам — Плейель». Несмотря на лидерство в нем коммунистической интеллигенции, Роллану удалось привлечь к сотрудничеству в этом движении часть некоммунистических пацифистов. Такой блок коммунистов и пацифистов позволил создать мостик, который в удобных условиях можно было бы перекинуть к социал-демократам, отделенным

от коммунистов пропастью идеологических разногласий. Несмотря на исключение из французской соцпартии руководящих участников «Амстердам — Плейель», в движение вошло около 140 местных секций соцпартии. «Амстердам — Плейель» стал организацией, стремящейся к консолидации левого сектора политического спектра Европы еще до того, как на сближение решились коммунисты и социалисты.

Роллан был всемирно известным писателем, первоначально посвятившим свое перо Французской революции и социализму. После выхода романа «Жан-Кристоф» (1912) и повести «Кола Брюньон» (1919) Роллан вошел в число ведущих европейских литераторов. В период Первой мировой войны Роллан — один из лидеров антивоенного движения. Симпатизировал большевикам, дружил с Горьким, у которого с большевизмом были сложные отношения. Большой друг Советского Союза и лично Бухарина. Мода на СССР до начала Большого террора была распространена широко. Но почему-то Роллан подмешивает к коммунистическому конгрессу социалистов, анархистов и либералов. А к западной цивилизации в целом он подмешивал Восток. В 1928 году Роллан посещает Индию, устанавливает контакты с Индийским национальным конгрессом. Но политический интерес — не главное. Писатель изучает индийскую духовную культуру, пишет биографии Рамакришны и Вивекананды. К их духовным исканиям он относится вполне серьезно, без западноевропейского снобизма. Также и советские гуманистические ценности в их экспортном варианте он готов принимать за чистую монету. Или делает вид, что готов. В 1933 году Роллан заканчивает роман «Очарованная душа», в котором говорит о социализме как средстве освобождения духа. Капитализм такого освобождения обеспечить не может, так, может быть, социализм? Ведь социализм в Европе будет не совсем таким, как в СССР. Привить Европе советскую культуру без коммунистической диктатуры, восточные духовные поиски без азиатской отсталости — это ли не путь к новому обществу свободного духа?

Пусть Барбюс, если ему нравится, пишет, что СССР — наша общая Родина. Индия — не в Советском Союзе, но пусть Барбюс пишет, лишь бы дело двигалось. А Роллан позовет побольше людей, взгляды которых не совпадают с марксизмом-ленинизмом. Как и его собственные, Роллана, взгляды. Главное, чтобы формально провозглашаемые коммунистами социалистические ценности глубже проникали в кровь западной цивилизации.

Чем все эти споры вокруг союза социал-демократов и коммунистов важны для нас, людей XXI века? Ведь все равно фашизм в 1939—

1941 годах сумел завоевать почти всю Европу. Так ли существенны бугры на его дороге ко Второй мировой войне? Полагаю, в них — суть эпохи тридцатых годов, истоки союза, который не только разгромит фашизм, но и определит лицо мировой цивилизации почти до нашего времени.

Перед европейской цивилизацией, какой она сложилась к тридцатым годам, лежало два пути. Господствовавшая в то (как и в наше) время либерально-консервативная система ценностей неслала в себе противоречие между демократизмом и элитаризмом и потому тяготела к смешению с двумя потоками, набравшими силу в условиях кризиса, — социализмом и национал-расизмом. Формально присягая на верность демократическим идеалам, западноевропейские лидеры всерьез принимали только интересы элит, не считая массы достаточно компетентными, чтобы вмешиваться в политический процесс. Элиты считались хранителями культуры, которая передавалась из поколения в поколение представителями британской аристократии или французского культурного слоя. Носители традиции национальной политической культуры были довольно замкнутой кастой и бдительно охраняли свою чистоту от бушевавших под кабинетными окнами толп. Чистота элиты только выигрывает от чистоты нации, расы — логика, понятная западноевропейским лидерам тридцатых годов. Расизм был совместим с правилами приличного тона во всех колониальных державах, а в США он оставался основой образа жизни. У нас будет еще немало поводов убедиться, что мотивы национальных интересов для европейских лидеров были куда более убедительными, чем права личности и тем более социальное равноправие. Отсюда — популярность фашизма, который обеспечивал капиталистический порядок не хуже, чем многопартийная система. Отсюда — «понимание» стремления Гитлера выгнать чехов и поляков с населенных немцами земель. Отсюда — уверенность в превосходстве «культурных» народов над «некультурными». Немало мифов, питавших сознание Гитлера, были приняты ко двору интеллектуальной элиты стран Запада. И наблюдатели того времени вовсе не исключали ситуацию, когда нацистские лидеры будут определять судьбы мира в союзе с либерально-консервативными деятелями, а принятые элитарно-либеральные ценности будут дополнены фашистскими идеями о чистоте европейской культуры и расы, о сверхчеловеке, рационально обустроившем варварский мир.

Кризис «мирового порядка» открыл новые возможности и перед идеями социальной демократии и равноправия, которые связывались с преодолением капитализма, с социализмом. Каким бы

ни рисовался этот новый строй в представлениях социалистических теоретиков, одно было неизменно — он должен предоставить трудящимся (то есть большинству людей, а не только профессиональным политикам и управленцам) более весомую долю благосостояния и больше возможностей в руководстве обществом. Социалистическая теория (о практике коммунистического режима в СССР речь не идет) требовала равноправия и последовательной демократии, преодоления перегородок между народом и элитой. И здесь либерализм мог найти с социализмом немало точек соприкосновения. Ведь последовательное развитие идей личной свободы приводит к осознанию необходимости социальной свободы и демократии. Идеи равноправия и демократии упираются в ограничения частной собственности и элитарного государства. Поэтому последовательный либерал и демократ выступает под теми же лозунгами, что и последовательный социалист. Гражданское общество пытается освободиться от контроля со стороны капитала и бюрократии. Попытки синтеза либеральной и социалистической идеологии предпринимались социал-демократами, но практический опыт, прагматизм толкал их к идеологическому растворению в либерализме (что и произошло во второй половине столетия). Социал-демократы стремились привить капитализму отдельные черты социализма и готовы были удовлетвориться малым. Удалось повысить уровень жизни трудящихся, расширить их права хоть на немного — вот реальный успех. И стоит ли сразу бороться за большее — не потерять бы достигнутого. А если даже и потерять — ведь такова конъюнктура рынка и политики, она отбирает достигнутое вчера. Но мы будем бороться, чтобы вернуть и приумножить эти завоевания завтра. Но осторожно, ведь крушение капитализма может пагубно сказаться на благосостоянии трудящихся. Социал-демократы сами превратили свою идеологию в компромисс между социализмом и либерализмом, и поэтому их воздействие на цивилизацию прививало ей социализм в крайне разбавленном виде. В условиях наступления нацизма этого было мало. Европа приняла бы национал-расистские ценности под напором энергичных строителей новых империй.

Источником концентрированной социалистической пропаганды был СССР. В самом Советском Союзе принципы социализма жестоко попирались. Там не было ни социального равноправия, ни свободы, ни власти трудящихся. Всем правила узкая государственно-партийная элита. Но на экспорт СССР отправлял те самые социалистические идеи, которыми вдохновлялась российская революция. Коммунисты выступали за братство между народами, расширение прав трудящихся, равенство прав всех людей независимо от

национальности и происхождения. Коммунисты были больной совестью социалистов, обличая их уступчивость капитализму. Советский Союз с его постоянными разоблачениями бедствий трудящихся (только не у себя дома) был больной совестью либерального мира и потому вызывал симпатию у той части западной интеллигенции, которая стремилась к переменам. Она боролась за то, чтобы судьбы мира стали вершить не только страны Антанты, но и Советский Союз. Такое время наступит после Второй мировой войны, и это будет далеко не золотой век человечества. Но представим себе другую реальность: мир, которым правит союз расистских США, консервативной Британской империи, нацистской Германии, фашистской Италии и императорской Японии. И ужаснемся.

Такое невероятно? Мы увидим, что в середине тридцатых годов это было даже более вероятно, чем антигитлеровская коалиция сороковых. Весы, на которых определялась судьба европейской цивилизации, все время колебались. На одной чаше — коллективная безопасность, на другой — умиротворение; на одной — Союз левых сил, на другой — симпатии к фашизму и господствующий над миром Пакт нескольких империй.

Начало умиротворения

В расширительном толковании фашизма Коминтерном, когда фашистскими называли десятки государств мира, было свое рациональное зерно. На установление тоталитарного режима решались немногие, но отдельные фашистские «находки» применялись по всему миру. Почему бы не распустить профсоюзы и не перенести решение социальных конфликтов в подконтрольную государствену Палату труда? Почему бы не разрешить действие вооруженных националистических отрядов в помощь армии и полиции, которые при случае могут без суда расправиться с левыми и профсоюзными активистами? Почему бы не распустить все партии, кроме одной — правящей, а остальные не загнать в подполье? Что уж говорить о территориальных претензиях, для которых Версальская система создала идеальные условия.

Опыт Италии вызвал не только протесты, но и восхищение во многих странах мира. Представителям бизнеса казалось, что фашистскими методами легко можно покончить с борьбой за права рабочих, с социалистическими идеями и угрозой коммунизма. В центральной и восточной Европе распространялась мода на авторитарную модель государственного регулирования экономики, подобную

фашизму. Авторитарные режимы были установлены в большинстве стран этого региона уже в двадцатые годы, но во время Великой депрессии они стали все активнее применять методы, опробованные в Германии и Италии. Собственно тоталитарная система до начала Второй мировой войны здесь так и не возникла. Наиболее близко к итальянским образцам подошла Австрия. В марте 1933 года канцлер страны Энгельберт Дольфус, опираясь на правые вооруженные формирования (хеймвер), установил диктатуру, а после подавления восстания социалистов в феврале 1934 года принял новую конституцию, закрепившую сословно-корпоративную систему. Дольфус стал не только учеником, но и союзником Муссолини.

В союзе с дуче Дольфус видел залог сохранения независимости Австрии от Германии, где правил его напористый соотечественник. Не только в Германии, но и в самой Австрии было немало сторонников воссоединения двух германоязычных стран. Наиболее радикальные из них вступали в национал-социалистскую партию, полулегально действующую в Австрии. В Германии формировался австрийский легион, который «в случае чего» может выступить против Дольфуса.

25 июля 1934 года австрийские нацисты, переодетые в форму хеймвера, смертельно ранили Дольфуса и попытались захватить власть. Пока Дольфус истекал кровью, они требовали от него подписать документ о передаче власти нацистскому ставленнику. Канцлер отказался. Но в это время хеймвер действовал, и путч был подавлен. Гитлер делал вид, что недоволен выступлением австрийских нацистов: «люди подумают, что я к этому причастен»¹⁷⁷. Быстрое подавление путча было не единственной неприятностью для фюрера — дуче перебросил к границам Австрии четыре дивизии. Два фашистских режима могли вот-вот столкнуться. Для Муссолини австрийский вопрос стал делом принципа — гитлеровцы убили его союзника. К тому же Италия после Первой мировой войны приобрела территории бывшей Австро-Венгерской империи, населенные немцами, и присоединение Австрии к Германии создавало бы угрозу этим приобретениям.

Перед лицом угрозы со стороны Италии Гитлер временно отступил. Пока он решил ограничиться давлением на нового канцлера Австрии Карла фон Шушнига, тем более что тот был человеком податливым: «Стоя возле могилы моего предшественника, я понял: чтобы спасти независимость Австрии, я должен стать приверженцем курса умиротворения... Нужно было делать все, чтобы не дать Гитлеру повода для интервенции, все, чтобы вынудить его соблюдать статус-кво»¹⁷⁸.

Умиротворять фюрера были готовы и другие страны Европы. Впрочем, сам Гитлер изображал из себя самую лояльность и любезность. 13 января 1935 по условиям Версальского договора прошел плебисцит в Сааре. Большинство жителей высказалось за то, чтобы жить в Германии. Старый спор с французами был решен. После этого Гитлер объявил, что Германия больше не имеет территориальных претензий к Франции. У. Ширер так комментирует поведение Гитлера этого периода: «Говорить о мире, тайно готовиться к войне, выработать осторожную внешнюю политику, скрытно провести перевооружение, избежать превентивных военных действий против Германии со стороны стран-победительниц — такова была тактика Гитлера в течение первых двух лет пребывания у власти»¹⁷⁹. Собственно, даже не двух, а пяти — до 1938 года. Разве что перевооружение Германия с 1935 года проводила вполне открыто.

10 марта 1935 года Геринг официально сообщил о наличии у Германии военно-воздушных сил. Серьезных протестов не последовало. 16 марта 1935 года Гитлер заявил о введении всеобщей воинской повинности, что также было запрещено Версальским договором. Через два дня Розенберг сказал Гитлеру: «Если бы французы обладали отвагой, то в Париже сейчас бы зажужжали моторы бомбардировщиков». Но они не зажужжали. Гитлер ответил: «Думаю, мы выкрутимся»¹⁸⁰.

Ответом Франции и СССР стали пакты о взаимопомощи. Британцы держались особняком, что не осталось незамеченным в Берлине. Там ожидали министра иностранных дел Великобритании Джона Саймона. Он не стал отменять визит.

Наиболее консервативная из великих держав-гарантов Версальского договора, где даже социалисты-лейбористы источали приверженность традициям и эволюции, ставила на сохранение баланса. Усиление Гитлера означало стабильность в Германии, надежный заслон против коммунистической угрозы, противовес против Италии и Франции. Одни преимущества. Да и несправедливое ущемление прав немецкого народа, который от этого страдал рваншизмом, нужно было как-то компенсировать. Не за счет Британской империи, конечно.

Реакция на введение всеобщей воинской повинности в Германии последовала почти месяц спустя, уже после дружественного визита Саймона в Берлин. Инициативу проявил Муссолини, Франция поддержала, Британия не смогла остаться в стороне. 11–14 апреля представители Великобритании, Франции и Италии, собравшись в Стресе, осудили односторонние действия Германии и возложили на нее ответственность за срыв переговоров о разоружении. Они подтвердили верность Локарнским договоренностям о гаран-

тиях западных границ Германии, поддержку независимости и целостности Австрии и выступили за укрепление безопасности в Восточной Европе (это была дань идее Восточного пакта). Так бывшие члены Антанты напомнили о своем единстве. Этот «фронт Стрезе», который сменил Пакт четырех, был направлен против Германии, и в центре этой комбинации находился Муссолини. Он считал, что за такой вклад в дело мира в Европе ему разрешат нарушить мир за ее пределами. Он нацелился на Эфиопию.

Гитлер решил очередной раз успокоить «мировое сообщество». 21 мая 1935 года он выступил с одной из своих самых миролюбивых речей: «Кровь, лившаяся на европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией». Войны в Европе, таким образом, бессмысленны: «война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации... Германии нужен мир, она жаждет мира!». А с точки зрения идеологии нацизма территориальные захваты бессмысленны вдвойне: «Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ним, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению»¹⁸¹. Чтобы иметь больше населения, нужно поощрять рождаемость, а не захватывать новые земли. Британские и французские дипломаты были удовлетворены таким идеологическим пояснением. Оно казалось им вполне логичным — государственные границы стран Европы должны совпадать с национальными. Европейские политики не утруждали себя внимательным чтением «Майн кампф», они не учли, что Гитлер может пойти на геноцид, на вычищение территорий от «ненужного» населения.

А пока Гитлер еще раз подтвердил: «Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение... Таким образом, мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно. Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием»¹⁸². Свои гарантии получила от Гитлера и Австрия.

Гитлер заявил о готовности соблюдать невоенные статьи Версаль, но требовал отменить военные. Он подтвердил, что готов к любым ограничениям вооружений, но только на равноправной основе с другими державами Европы. Британские политики призывали мир не раздражать и так обиженных и ущемленных Версалем нем-

цев. Англичане не разделяли французских опасений по поводу Германии — они с ней не граничили. Униженная Германия, конечно, представляет источник опасности, но полноправное государство — отнюдь нет.

Объявив об одностороннем перевооружении, Гитлер тут же предложил Великобритании как своему преимущественному партнеру «потолок», до которого будет расти германский флот, — 35 % от британского надводного и 45 % от подводного. Бояться нечего. 18 июня 1935 года Британия заключила с Германией договор, где фактически признала эти нормы, создав тем самым прецедент пересмотра Версальского договора без согласования с его подписантами. Единого фронта Антанты больше не существовало. По ходу дела были нарушены положения и Вашингтонской конференции 1922 года об ограничении флотов, которые не учитывали германской морской угрозы. Британцы «дали» Германии право догнать по тоннажу французский флот. Когда французы заявили протест англичанам по поводу заключения англо-германского морского соглашения, министр иностранных дел Энтони Иден парировал: «По крайней мере, теперь все морские державы знают, сколько кораблей построит Германия»¹⁸³.

Договорившись с Гитлером, Британия сочла возможным проявить принципиальность в отношении Италии, предупредив Муссолини о недопустимости агрессии против Эфиопии.

Гитлеру теперь оставалось только договориться с «братским режимом» Муссолини, и Франция как защитница Версаля останется в изоляции.

Запоздалость преодоления унижительных для Германии статей Версаля имела важное значение. Униженное положение Германии способствовало победе Гитлера в борьбе за власть. Теперь же, когда во главе страны стоял исключительно агрессивный политик, победители в Первой мировой войне позволили ему вооружиться. А что им оставалось делать? Они не были готовы отстаивать Версальский договор с оружием в руках. Начиналась эпоха умиротворения агрессора — уступок Гитлеру.

НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА

То, что Лига наций и входившие в нее мировые державы не предприняли мер к обузданию Германии, имело далеко идущие последствия для политики Италии. Муссолини понял, что Великобритания не готова всерьез оказывать давление на Германию, а Лига наций — на нарушителей международных соглашений. Дуче решил,

что настал удобный момент для расширения колониальной империи, захвата крупнейшего государства Африки, которое еще сохранило независимость, — Эфиопии (Абиссинии).

В ноябре 1934 года итальянцы захватили эфиопский пункт Уольоле (Уал-Уал) в ста километрах от границы своей колонии Сомали. Они заявили, что Уал-Уал — итальянская земля, 5 декабря разгромили подошедший сюда отряд эфиопов и обвинили Эфиопию в агрессии против Италии. Пограничные конфликты продолжались.

3 января 1935 года Эфиопия внесла протест в Лигу наций на действия Италии. 7 января Лаваль встретился с Муссолини в Риме. Франция изо всех сил пыталась удержать Италию в рамках бывшей Антанты, и Лаваль был готов к обоюдному удовольствию разрешать все противоречия — он подарил Италии кусок пограничной пустыни в Сахаре и урегулировал пограничные споры между колониями Джибути и Сомали. Лаваль заявил, что Франция не имеет интересов в Эфиопии. На дипломатическом языке колониальной эпохи это означало, что Италия имеет в Эфиопии «свободу рук». В этом смысле Лаваль и выразился в беседе с Муссолини, что потом отрицал. Когда на конференции в Стресе Британия и Франция предложили записать, что три страны выступают за мир, Муссолини внес поправку: мир в Европе. Союзники приняли ее.

Однако Великобритания, которая до и после этого придерживалась политики умиротворения агрессора, вдруг встала на пути у Муссолини. 24 июня Форин-офис предупредил Италию, что будет считать нападение на Эфиопию агрессией со всеми вытекающими обстоятельствами, предусмотренными уставом Лиги наций. С чего бы это? Муссолини наносил удар в регионе, который был стратегическим тылом Британской империи в северной Африке, — в верховьях Нила и на выходе из трассы Суэцкий канал — Индийский океан.

Позиции во французском руководстве разделились. Лаваль не желал ссоры с Италией, наиболее влиятельная Радикальная партия ориентировалась на союз с Великобританией. Официально Лаваль вынужден был подтверждать верность уставу Лиги наций.

4 сентября Италия внесла в Лигу наций меморандум, где перечислялись «факты агрессии» Эфиопии против итальянского Сомали (в основном в Уал-Уал). Этот меморандум позволял европейским дипломатам утверждать, что между двумя странами возник конфликт, и обе обвиняют друг друга в агрессии. Муссолини выглядел вполне пристойно.

3 октября 1935 года итальянские войска вторглись в Эфиопию. Итальянцы применили авиацию и легкие танки. Тем не менее итальян-

янский наступление продвигалось медленно. Эфиопы оказали серьезное сопротивление.

Несмотря на формальные протесты, европейские страны, в руководстве которых было немало расистов, не предприняли мер для защиты суверенного государства в Африке. Они сами владели колониями и не хотели поддерживать национально-освободительное движение. 11 октября Лига наций ответила на агрессию против своего члена экономическим эмбарго против Италии, но так, чтобы не очень затруднять ее жизнь. Историк А. В. Никольский пишет: «Были составлены специальные списки товаров, которые запрещалось ввозить в Италию. Прежде всего это были военные материалы, а также продукты, могущие служить прямо или косвенно военным целям. Однако на некоторые важнейшие виды сырья, такие как уголь, и особенно на необходимую для ведения войны нефть эти санкции не распространялись... Конечно, от такого запрета Италии было ни холодно ни жарко, у нее и своего оружия для войны против Эфиопии было предостаточно... Вместо десятков пунктов, чего нельзя было ввозить в Италию, достаточно было одного, запрета на продажу нефти. Несколько лет спустя сам Муссолини подтвердил это, заявив: „Если бы Лига наций во время эфиопского конфликта... расширила санкции против Италии на нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить”»¹⁸⁴.

Санкции осуществлялись вяло. Франция ограничила импорт итальянских товаров, но не запретила его. Великобритания не перекрыла Суэцкий канал. Даже СССР отказал Эфиопии в поставках оружия и не усердствовал в санкциях против Италии. А ведь Советский Союз самостоятельно мог обеспечить энергетическую катастрофу в Италии, так как поставлял до 40 % нефти, потребляемой этой страной. Другие европейские страны вели себя так же. Нефтяные санкции обсуждались, но государства Лиги наций не могли запретить экспорт нефти из США и реэкспорт из Германии. Небольшие ограничения в торговле были легко перекрыты экспортом из Германии и нейтральных США. Гитлер выступил против санкций. А в самой Италии удалось создать впечатление, что «Цезарь нашего времени» Муссолини борется за создание великой итальянской империи против всей Европы. На экономическую блокаду итальянцы ответили сбором пожертвований: «18 декабря 1935 года в Риме тысячи граждан выстроились в очередь перед мемориалом Витториано — помпезным памятником Виктору-Эммануилу II, объединившему Италию. Здесь у могилы неизвестного солдата была установлена дымящаяся курильница, и граждане опускали в нее свои

золотые украшения и обручальные кольца. Взамен последних монахи надевали патриотам оловянные кольца, и отныне они становились свидетельством лояльности граждан к режиму. Первыми свои обручальные кольца опустили в курильницу король и королева»¹⁸⁵, — рассказывает Н. П. Камолова.

Объявив Италию агрессором, лидеры Великобритании и Франции принялись искать пути примирения с Италией за счет Эфиопии. 9 декабря министры иностранных дел Пьер Лаваль и Сэмюэль Хор презентовали мирный план, по которому Эфиопия должна была пойти на серьезные территориальные уступки, представленные как «обмен» (Италия должна была при этом пожертвовать небольшими территориями), и фактически оказаться в итальянской сфере влияния. Этот план был отвергнут Эфиопией, не встретил поддержки у Муссолини и вызвал скандал как в Великобритании, так и во Франции. Лидер лейбористов Климент Эттли заявил: «Парижские предложения отдают Италии половину Эфиопии взамен коридора для верблюдов»¹⁸⁶.

Эфиопы между тем развернули наступление на Аксум и при Тэкезе нанесли итальянцам существенный урон. Итальянцев спасло от разгрома только отсутствие у эфиопов современного тяжелого вооружения и нерешительность императора Хайле Селассие, который отказался бросить в прорыв гвардию, наиболее боеспособную часть своей армии.

Тогда Муссолини приказал применить химическое оружие, запрещенное международными конвенциями. Впервые ипритовые бомбы были сброшены на эфиопов 2 января 1936 года. В сражении в Тембиене, где эфиопы снова наступали, химическое оружие применялось вновь. Однако итальянцы не смогли сломить сопротивление противника. Позиционная война продолжалась. Только 29 февраля, проложив себе дорогу артиллерийским огнем и ипритом, маршал Бадольо сумел окружить часть эфиопской армии к северу от Тэкезе и к западу от Аксума. Применение химического оружия, от которого у эфиопов не было средств защиты, делало позиционную войну невозможной. Хайле Селассие писал: «Началась бомбардировка. Вдруг солдаты начали бросать винтовки, закрывать глаза руками и падать на землю. Сверху на нашу армию медленно опускалась смертоносная мгла. Все живое, что еще оставалось после бомбардировки, было уничтожено газами. В этот день полегло столько людей, что нет сил назвать их число... Мы атаковали пулеметные гнезда, артиллерийские позиции, почти с голыми руками шли на танки и захватывали их. Не сломили нас и воздушные атаки, но с отравляющими газами мы ничего не могли поделать»¹⁸⁷.

31 марта под Май-Чоу эфиопы перешли в наступление в последний раз, уже в явно невыгодных условиях. Император бросил в сражение гвардию и потерял ее. После этого он вынужден был отступать в сторону столицы. Итальянцы бросили вдогонку колонну войск на автомобилях. 2 мая 1936 года они вошли в Аддис-Абебу. Муссолини заявил, что война окончена. Но к этому времени итальянцы контролировали только треть страны. Правда, император решил направиться в Европу, чтобы там отстаивать права Эфиопии на независимость. Вероятно, это было оправдание стремления сохранить собственную безопасность — выступление императора в Лиге наций не встретило сочувствия, что было понятно. Однако отъезд императора не означал прекращение функционирования эфиопского государства — в стране осталось правительство во главе с расом Ымру, которое до декабря 1936 года работало в Горе. Даже после пленения председателя правительства в Эфиопии продолжало действовать несколько полупартизанских армий численностью по несколько десятков тысяч человек. Некоторые из них кружили вокруг Аддис-Абебы (и в октябре 1936 года даже дали в столице бой итальянцам), а некоторые — контролировали целые провинции и громили итальянские отряды до 8 тыс. человек. Ни террор, развязанный фашистами в 1937 году, ни попытки проведения более либеральной политики в 1938–1939 годах не дали Италии возможности установить контроль над территорией созданной здесь колонии «Восточная Африка». Во время «гибкой политики» итальянцев в 1938 году масштабы национально-освободительной борьбы несколько снизились, но в 1939 году война вспыхнула с новой силой. Министр иностранных дел Италии Галлеаццо Чиано писал в дневнике в январе-феврале 1939 года: «Действительно, Асмара все еще находится в состоянии полного мятежа, и расквартированные там 65 батальонов вынуждены жить „фортини“» (то есть в укреплениях). Вице-король Эфиопии «герцог Аоста с большим оптимизмом говорил о положении Эфиопской империи. Я должен, однако, добавить, что среди многих лиц, прибывших оттуда, он является единственным оптимистом»¹⁸⁸.

Поэтому можно согласиться с А. В. Никольским в том, что окончание итало-эфиопской войны правильнее датировать не 1936-м, а 1941 годом¹⁸⁹, когда англо-эфиопская армия разгромила итальянцев в этом регионе уже во время Второй мировой войны. Продолжение войны в Эфиопии влияло на позицию Муссолини в Европе. Он пока не был заинтересован в новых крупных завоеваниях — было нелегко «переварить» и Эфиопию.

В Европе тем не менее быстро согласились считать очередной очаг войны потухшим. Лига наций 4 июля 1936 года отменила свои

санкции против Италии. В 1938 года Великобритания и Франция признали аннексию Эфиопии Италией. Вскоре итальянским вооруженным силам нашлась новая работа — началась война в Испании.

УМИРОТВОРЕНИЕ НА РЕЙНЕ

Искусственные системы хрупки — вытащишь один камень, и все начинает рассыпаться. Версальская система относилась именно к таким системам. Следующей целью Гитлера была демилитаризованная зона вдоль Рейна. По условиям договора немецкие войска не должны были ее занимать, чем дополнительно гарантировалась безопасность границ Франции. Гитлер ждал только повода, чтобы восстановить полный суверенитет Германии над зоной.

27 февраля 1936 года Франция ратифицировала франко-советский пакт. Гитлер заявил, что это — враждебный акт в отношении Германии. «В ответ» немецким войскам предстояло занять Рейнскую зону. Впрочем, это был повод, а не причина — Гитлер уже поставил ремилитаризацию в повестку дня и искал момент. Фюрер был дополнительно уязвлен тем, что накануне дал профранцузское интервью, и это не остановило ратификацию.

7 марта три немецких батальона перешли границу Рейнской зоны (во втором эшелоне шли более существенные силы, но все же гораздо слабее французской армии). Французы легко могли бы поставить нарушителей Версаля на место, так как их армия значительно превосходила немецкую.

Франция, обладавшая 13 дивизиями на границе и десятками дивизий в тылу, не решилась вступить в бой. Во-первых, французы считали, что Рейн перешли 35 тысяч солдат. Во-вторых, действия Гитлера считались справедливым восстановлением суверенитета, который ограничивал Версальский договор. Гитлер, по своему обычаю, немедленно поклялся, что Германия никогда не нарушит мира. В-третьих, французы не хотели воевать. И это было важнее всего.

Британия известила Францию, что не будет вмешиваться. Готовность участвовать в защите Версальского договора с оружием в руках конфиденциально подтвердила Польша¹⁹⁰. Одновременно Бек опубликовал сообщение, в котором возложил ответственность за ремилитаризацию Рейнской зоны на... Францию. По выражению польского историка М. Волоса, он «вел двойную игру»¹⁹¹. Бек понимал, что ремилитаризация Рейнской области несет Польше прямую угрозу. Здесь будет создана оборонительная линия, которая помещает Франции прийти на помощь полякам, если Германия решит захватить Данциг и польское поморье. Но Франция опять прояви-

ла слабость, что лишний раз убедило Бека: с Германией лучше не ссориться.

Позднее Гитлер говорил: «когда мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов, — в то время я рисковал многим»¹⁹². Если бы Франция ввела войска в Рейнскую зону, только что созданному вермахту пришлось бы спешно отступать. Это бегство, позорный провал первой внешнеполитической авантюры, могло привести к внутриполитическому кризису в Германии и даже падению Гитлера. При желании французы могли не останавливаться и на Рейне. Но для оккупации строптивой Германии нужно было бы провести мобилизацию во Франции. А французы не хотели менять размеренный мирный быт на армейские будни.

Можно было бы обойтись и без мобилизации, если бы французские войска были поддержаны британскими. Министр иностранных дел Франции Пер-Этьен Фланден консультировался по этому поводу с английским коллегой, но безуспешно. Никто не хотел воевать. А Гитлер не переставал делать миролюбивые заявления, напоминать о неравноправном положении Германии среди других европейских народов. Эта антиимпериалистическая риторика вызывала сочувствие. И он снова выиграл, став национальным героем в Германии. «В марте 1936 года две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили»¹⁹³, — пишет У. Ширер.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ: муки рождения

В 1934–1936 годах фашизм в Европе находился на пике своей популярности. В большинстве европейских стран действовали фашистские организации, стремившиеся к захвату власти. Столкновения между фашистами и левыми (социалистами, коммунистами и анархистами) вспыхивали в крупных городах большинства западноевропейских стран. Даже в законопослушной Англии «лидеры британских фашистов в первой половине 1934 года серьезно и целенаправленно готовились к приходу к власти с использованием силы»¹⁹⁴. Но в Британии стоило сторонникам Освальда Мосли применить силу против политических противников хотя бы на своих митингах, и влияние Британского союза фашистов резко упало. В 1936 году Мосли попытался снова добиться заметного политического влияния, организовав антисемитскую кампанию. Власти ей практически не препятствовали. В среде полиции был распростра-

нен антисемитизм. Итогом этого «возрождения» фашистского движения в Англии стала попытка 4 октября 1936 года пройти маршем по Ист-Энду Лондона, включая и еврейские кварталы. Левые силы (Компартия, Независимая рабочая партия, Национальное движение безработных и др.) и еврейские организации решили дать отпор маршу. Собравшиеся лондонцы перекрыли маршрут шествия на Лимен-стрит и Кейбл-стрит, скандировали «они не пройдут» и даже построили баррикады на Кейбл-стрит, а когда полиция попробовала расчистить дорогу для законной демонстрации Мосли, левые демонстранты вступили с ней в рукопашное сражение¹⁹⁵. И Мосли не прошел. Его выступление вызвало обратный эффект — рост авторитета левых радикалов, которые успешно дали отпор союзу фашистов и полиции. После этого авторитет Мосли в правых кругах был подорван окончательно. Вместо того чтобы способствовать установлению порядка, он провоцировал нестабильность. Начался упадок британского фашизма.

Более серьезной стала попытка захвата власти французскими правыми радикалами. Экономический кризис подорвал роль Франции как банкира Европы, тяжело ударил по всем слоям общества, особенно по средним. Производство в первой половине тридцатых годов упало на четверть. В начале тридцатых во Франции выросло как фашистское, так и праворадикальное движение. Правые радикалы считали необходимым создать авторитарный режим (например, монархический), но не разделяли всех идей фашизма. Тем не менее корпоративные идеи фашизма были популярны в праворадикальных кругах Франции. Так, в воззвании старейшей из праворадикальных организаций, «Французского действия», говорилось: «Французские рабочие и крестьяне должны освободиться от диктатуры международного финансового капитала. Они должны призвать к власти короля, который создаст корпоративное государство»¹⁹⁶. Французские фашисты (франсисты и др.) не были очень многочисленны, но фашистские идеи были популярны в более массовых праворадикальных организациях, таких как «Огненные кресты», «Французское действие», «Патриотическая молодежь» и др.

Либеральные партии не могли оказать сопротивление фашистам, так как они не располагали массовыми организациями. Значительная часть французских капиталистов сочувствовала правым радикалам, считая, что они наведут порядок. Рабочее движение было расколото. Социалисты и коммунисты обличали друг друга, и их сторонники не выступали совместно.

Ослабленный социальный организм страны терзала коррупция, которая в условиях кризиса выглядела особенно вызывающе. В начале 1934 года разразился грандиозный скандал, связанный с

именем бизнес-авантюриста Александра Стависского, которому покровительствовали многочисленные чиновники, включая министров. Стависский бежал и 8 января покончил с собой, расследование затронуло громкие имена. Был арестован Байонский мэр депутат Гара. Обвинялись министры кабинета радикала Камиля Шотана.

В Париже и других городах начались уличные акции правых радикалов, нападения и погромы под лозунгом «Долой воров и мошенников!». Правительство Шотана, скомпрометированное делом Стависского, 27 января ушло в отставку. К власти пришел Эдуард Даладье, также из партии радикалов (полное название — Партия радикалов и радикал-социалистов). Слово «радикал», которое в других главах мы употребляем в значении «крайний представитель какого-либо течения», в политическом спектре Франции означало радикального либерала, то есть политика по меркам XX века весьма умеренного. Но сначала Даладье решил действовать весьма радикально для радикала и начал с чистки государственного аппарата. В правых кругах разнеслась весть: чистят не тех. Не коррупционеров, а настоящих государственников и честных служаек. Так, был уволен префект полиции Парижа Кьяпп, имевший у правых хорошую репутацию.

6 февраля десятки тысяч правых вышли на улицы Парижа под лозунгом создания Национального фронта и передачи ему власти для наведения порядка. Часть демонстрантов была вооружена. Впоследствии один из лидеров этого движения Анри Демулен де Лабартета рассказывал: «Что касается нашей цели, то она заключалась в том, чтобы проникнуть без оружия с помощью массового натиска в Бурбонский дворец и, сделав необходимый отбор (в прежнем составе палаты я лично знал, во всяком случае в лицо, 370 депутатов из 610), подвергнуть основательным (но не кровавым) репрессиям ставленников того всеобщего избирательного права, которое ведет Францию к войне и разорению»¹⁹⁷. Если бы подобное произошло сегодня, сказали бы «цветная революция», но тогда участников вдохновляли скорее картины Великой французской революции, когда толпы врывались в правительственные здания и подвергали парламенты чистке. Но по идеологическому содержанию это был бы праворадикальный переворот.

Когда толпа ринулась на здание парламента, силы охраны порядка открыли огонь. Было 17 убитых и 2300 раненых (в том числе 1600 полицейских)¹⁹⁸. Демонстранты подожгли здание министерства морского флота, напали на лидера Радикальной партии (к которой относился и Даладье) Эдуарда Эррио с криками «В Сену! В Сену!». Иронизируя, он писал: «Я почувствовал себя униженным при

мысли о том, что мэр Лиона может окончить свои дни не в Роне, а в какой-то другой реке...»¹⁹⁹ Такого во Франции не было уже давно.

Париж бурлил. Одни осуждали правых, которые поставили страну на грань гражданской войны. Другие — правительство, пролившее кровь. Левые организации, почувствовав, что республика в опасности, вывели на улицы своих сторонников. Лидировали социалисты. Но даже анархисты, в прочих ситуациях выступавшие против любого государства, теперь готовы были оказаться по одну сторону баррикад с ненавистным им министром внутренних дел, лишь бы не пропустить фашистов к власти. Полицейский агент не без удивления докладывал своему начальству, что анархисты, «ожидая выступления „Камелотов короля“ (военизированная организация „Французского действия“. — А. Ш.), спали в помещении (своей организации) и (обсуждая ситуацию) выражали недовольство тем, что министр внутренних дел М. Фро не развернет репрессий против правых, которые могли бы вызвать... более широкий революционный кризис и привести к приходу к власти социалистов»²⁰⁰.

7 февраля столкновения продолжались, и демонстранты (социалисты, анархисты и либералы) помогли полиции отбить натиск правых. Но иначе повели себя коммунисты. В Коминтерне не без стыда вспоминали этот эпизод: «После 6 февраля партия выступила с неправильным лозунгом ареста Даладье — главы правительства левого блока и Фро — министра внутренних дел, называя их убийцами за то, что те применили войска против фашистской демонстрации 6 февраля»²⁰¹. Коммунисты спохватятся только через пару дней.

Уже 6 февраля второй человек в ФКП, мэр Сен-Дени и депутат Жак Дорио предложил генеральному секретарю Морису Торезу обратиться к социалистам с предложением единого фронта против фашизма, но Торез отказался это делать²⁰². Линия ЦК была утверждена Коминтерном, и нарушать ее без санкции Москвы было нельзя, что, конечно, очень сковывало ФКП в этой динамичной ситуации.

Тем временем политические комбинаторы Даладье, Барту, Эррио и другие лидеры Третьей республики в условиях непрекращающихся беспорядков договорились о передаче власти стороннику более авторитарной политики Гастону Думергу. Правительство Думерга в этой смутной обстановке считалось кабинетом «перемирия партий» и должно было устоять за счет большого веса его членов, куда вошли представители партий и бывшие премьер-министры. Внешнюю политику взял в свои руки Барту.

Думерг стал готовить введение системы сильной президентской власти. Получалось, что правые достигли частичного успеха. Только после Второй мировой войны, в 1958 году, этот проект уда-

стся осуществить Шарлю де Голлю. А пока французское общество было достаточно сильным, чтобы отстоять существующий уровень демократии. Митинги в ее защиту не прекращались.

8 февраля к общей борьбе присоединились коммунисты, но особняком — они запланировали свою демонстрацию против угрозы фашизма на следующий день. Но лидировали социалисты, и коммунистам волей-неволей пришлось присоединяться к их кампании.

Правые нападали на левых манифестантов — те не остались в долгу. В этих драках выковывалась дружба левых активистов, которые прежде обзывали фашистами друг друга. 12 февраля по инициативе социалистического профсоюза ВКТ прошел грандиозный объединенный митинг на площади Республики и однодневная всеобщая забастовка. Коммунисты приняли в ней участие, хотя «Юманите» при этом продолжала посылать проклятия «социалистическим вождям, имеющим цинизм и смелость утверждать, что они вовлекают рабочих в борьбу против фашизма под пение Марсельезы и Интернационала»²⁰³.

Дорио в этих условиях создал 11 февраля в Сен-Дени очаг сотрудничества всех левых против фашизма — Комитет бдительности. Торез, который и сам симпатизировал идее сближения с социалистами, отнесся бы к этому спокойно, если бы Дорио, уже давно претендовавший на лидерство в ФКП, не «вынес сор из избы». Он опубликовал брошюру «Коммунисты Сен-Дени и события 6–12 февраля. За единство действий», в которой критиковал сектантскую позицию руководства ФКП. Конфликт был вынесен на суд Коминтерна. ЦК ФКП на пленуме 14–15 марта 1934 года осудил демарш Дорио, но он мог надеяться на то, что дрейф Коминтерна к союзу с социалистами сделает свое дело, его правоту признают, и тогда он станет естественным лидером ФКП. Правда, отстаивать свою правоту в Москве Дорио не поехал, сославшись на предстоящие выборы в Сен-Дени. 16 мая французский вопрос был рассмотрен в Исполкоме Коминтерна, и принято «соломоново решение»: ФКП получила добро на сближение с социалистами, но Торез, а не Дорио, получал поддержку в качестве руководителя ФКП. Послушный Торез был предпочтительнее непредсказуемого Дорио, готового выносить внутрипартийные противоречия на публику. В июне Дорио был исключен из ФКП, после чего началась его эволюция к антикоммунизму и правым этатистским взглядам²⁰⁴.

Одновременно под эгидой движения «Амстердам — Плейель» и созданного социалистами в Париже Комитета бдительности стали возникать антифашистские комитеты на местах, которые отслеживали «происки» правых и в случае чего созывали левых активистов дать отпор. Важно то, что участникам движения «Амстердам —

Плейель» (во Франции оно стало называться «Мир и свобода») удалось вовлечь в общие структуры и социалистов, и коммунистов, прежде относившихся друг к другу враждебно. В октябре 1934 года коммунисты и социалисты вместе выступили на выборах в кантонах, чтобы не пропустить правых радикалов и фашистов.

Наступление правых провалилось, что не могло не произвести сильного впечатления на лидеров обоих Интернационалов, только что получивших сокрушительный удар в Германии. Свою роль сыграло также произошедшее в это же время восстание в Вене, где социалисты и коммунисты действовали вместе — правда, неудачно. Этот противоречивый опыт осмысливался руководством Коминтерна.

В феврале 1934 года в СССР с триумфом приехал Димитров, победитель Гитлера при Лейпциге. Поразумав в камере, куда Димитрова загнал нацистский переворот, он по приезде в СССР стал энтузиастом союза с социал-демократией. Громкая лейпцигская слава и полная лояльность Сталину делала Димитрова кандидатом на свободный со времен Зиновьева пост Генерального секретаря Коминтерна. Вникая в дела, Димитров вел беседы и переписку со Сталиным, исподволь подталкивая «вождя народов» к перемене стратегии Коминтерна. Для начала он стал задавать «мудрому учителю» непростые вопросы: «Я долго думал в тюрьме, почему, если наше учение правильно, в решающий момент миллионы рабочих не идут за нами, а остаются с социал-демократией, которая действовала столь предательски. Или, как в Германии, даже идут за национал-социалистами». Сталин отвечал, что всему виной «исторические связи европейских масс с буржуазной демократией», «стадная психология масс»²⁰⁵.

1 июля 1934 года Димитров направил Сталину письмо с серией вопросов, которые уже носили риторический характер — болгарский коммунист предлагал новый курс.

«1. Правильной ли является огульная квалификация социал-демократии как социал-фашизма. Этой установкой мы часто преграждали себе путь к социал-демократическим рабочим». Но Сталина не так просто сбить с прежней идеологической позиции, он отвечает: «Да. Только не огульная». Называли социалистов «социал-фашистами» и будем называть.

«2. Правильно ли считать социал-демократию везде и при всяких условиях главной социальной опорой буржуазии». Ответ Сталина: «В Персии, конечно, нет; в остальных капстранах — да». Конечно, Димитрова интересует не Персия, а капиталистические страны.

«3. Правильно ли считать все левые социал-демократические группировки при всяких условиях главной опасностью». Ответ: «Объективно — да».

Димитров интересуется, правильной ли является «огульная трактовка» всех социал-демократических лидеров как предателей. Важно помочь им перейти на «революционные позиции». Сталин согласен, что кое-кто может перейти на «революционные» (то есть коммунистические) позиции. Но только кое-кто.

Димитров предлагает бороться за завоевание реформистских профсоюзов «без выставления в качестве предварительного условия признания гегемонии компартии». Сталин и здесь выступает скептиком. Пора-то пора, но условия пока не созрели.

Димитров прямо предлагает изменить тактику единого фронта, который коммунисты должны рассматривать не как маневр, а как «действенный фактор разворачивания массовой борьбы против фашизма». Димитров изложил свою мысль настолько осторожно, что Сталин недоумевает: «Против кого тезис? Должны». Ведь формально «единый фронт» вовсе не тактический прием, а «действенный фактор». Хорошо, Димитров скажет откровеннее: пора отбросить «установку, что единый фронт можно проводить только снизу, и перестать рассматривать всякое обращение одновременно и к руководству социал-демократии как оппортунизм». Сталин не осуждает болгарского товарища за такую крамолу, но пока и не соглашается: «Все же единый фронт снизу есть основа»²⁰⁶.

Этот исторический диалог показывает, что Сталин уже готов терпеть сторонников консультаций с «социал-фашистами», но и к повороту курса не готов. Еще не видит смысла. Сталин был мастером борьбы за власть. Старая стратегия Коминтерна дает понятное отношение к вопросу о власти: «все или ничего». А что дает новая: нашими руками социал-демократы будут прокладывать себе дорогу к власти? Стоит ли такой жертвы защита от угрозы фашизма либеральных режимов нескольких стран?

Пока было решено прощупать возможности сближения с социалистами там, где процесс уже пошел, — во Франции.

Димитров санкционировал Торезу возможность вступить в переговоры с социалистами. Но только ему. В мае ЦК ФКП опубликовал призыв к социалистическим рабочим и руководству СФИО (французская социалистическая партия по традиции называлась Французской секцией Рабочего интернационала, сокращенно по-французски СФИО) организовать совместную борьбу против германских фашистов в защиту Тельмана, которого как раз в это время должны были судить в Германии.

Региональные организации СФИО все настойчивее требовали от своего руководства откликнуться на призывы ФКП. Конгресс федерации Луары заявил в мае: «Никаких соглашений с теми, кто не

против капитализма. Все возможное для тех, кто слева от нас, ничего с теми, кто справа»²⁰⁷. «Слева от нас» были коммунисты.

Под давлением своего актива руководство СФИО во главе с Леоном Блюмом наконец вступило в переговоры с коммунистами. В июле 1934 года между ФКП и СФИО был заключен Пакт о единстве действий.

Первые успехи французского эксперимента ставили на повестку дня вопрос об отказе от догматов «третьего периода». Но пока Коминтерн продолжал блуждать в «трех соснах». Его руководители не могли решить, что происходит во Франции — смелый отказ от отживших догм или скатывание к оппортунизму и капитуляция перед идейным врагом. Историки К. Макдермотт и Д. Агню полагают, что в 1934 году «в Москве началась длительная и упорная борьба между осторожными „новаторами“ во главе с Димитровым, Мануильским и Куусиненом с одной стороны и непримиримыми „фундаменталистами“, сплотившимися вокруг Пятницкого, Куна, Лозовского и Кнорина, — с другой»²⁰⁸.

Молчание Сталина позволило руководителям ИККИ подискутировать по поводу новой ситуации в преддверии намечавшегося в 1935 году VII конгресса Коминтерна.

К 20 августа 1934 года под руководством Отто Куусинена был подготовлен проект тезисов к докладу на конгрессе «Мировое положение и задачи Коминтерна». Тезисы вызвали резкое неприятие Вильгельма Кнорина: «проект оставляет впечатление, будто мы производим большую ревизию всех наших оценок международного положения за шесть лет»²⁰⁹. «Консерваторы» устами Кнорина настаивали, что «социал-демократия и впредь остается главной социальной опорой буржуазии»²¹⁰.

Кнорин утверждал: «Я думаю, что пойти назад от тех формулировок, которые были даны нами на XIII пленуме и т. Сталиным на XVII съезде нашей партии, где он говорит, что зреет революционный кризис, назад, от этих формулировок, мы не имеем никаких оснований, а в проекте этих тезисов мы, по сути, идем назад»²¹¹. Нужно прежде всего бороться с правыми уклонами в сторону социал-демократии, а «перенос всех зол на левый уклон неправилен»²¹². Именно Сталина подкреплялась прежняя линия. Но если Сталин возьмет курс на поворот вправо, то сторонники прежней сталинской линии могут войти в скрытый конфликт с новой сталинской линией. А это было смертельно опасно. В 1937 году сторонники левого курса Коминтерна в большей степени пострадают от террора, чем инициаторы перемен.

Негодование ортодоксальных коммунистов понятно. Тезисы Куусинена призывали коммунистические партии «положить конец

все еще в сильной степени сохранившемся игнорированию тактики единого фронта во всей их практике»²¹³. Поворот в политике единого фронта уже идет во Франции, и это только начало. Нужно всерьез договариваться о сотрудничестве с социалистами: «Центром тяжести должен быть взят единый фронт снизу: но в уточнение прежних решений VII конгресс заявляет, что единый фронт снизу, как правило, предполагает, что коммунисты должны путем переговоров между организациями добиваться соглашения о совместных выступлениях, не ограничиваясь простыми призывами к социал-демократическим рабочим». Куусинен признал, что «когда коммунисты избегают переговоров и соглашений между организациями, никаких общих массовых выступлений обычно не выходит»²¹⁴.

Трещала по швам и теория «социал-фашизма». Немецкий коммунист З. Шваб позволил себе посмеяться над расширительным толкованием термина «фашизм»: «Был период, когда все, что было реакционным, определялось как фашизм. Мы собрали 20 типов фашизма»²¹⁵. Старая большевичка Серафима Гопнер тут же дала ему «отпор»: «Любая реакция выступает под флагом фашизма!»²¹⁶. Шваб не унимался: «социал-демократические „левые“ стали уже самым опасным крылом фашизма!»²¹⁷. Старые догмы, «три сосны» все сильнее «подпиливались».

27 сентября Политкомиссия ИККИ обсуждала установочную статью «От стабилизации ко второму туру войн и революций», которая должна была появиться в журнале «Коммунистический Интернационал». В ней уже утверждалось, что значение социал-демократии для буржуазии сильно уменьшилось, так как капитал делает ставку на диктаторские методы правления. Это требует и от Коминтерна перемены тактических методов, переноса центра борьбы с социал-демократии на фашизм. Комментируя статью, редактор журнала Мартынов пошел дальше, предлагая шире применять «единый фронт сверху». Ветеран Коминтерна Соломон Лозовский настаивал на том, что такая статья должна носить дискуссионный характер, но Дмитрий Мануильский, ссылаясь на Сталина, настаивал на установочном характере идеи «фашизм — главный враг», на том, что фашизм и буржуазную демократию нельзя ставить на одну доску. Так миллиметр за миллиметром сдвигалась линия коммунистического движения. Но если в вопросе о борьбе с фашизмом на Сталина можно было ссылаться спокойно, то идея с «народным фронтом сверху» пока не получала высочайшего одобрения, и «установочную статью» придерживали до декабря, когда и было принято решение о повороте курса Коминтерна.

Очень многое в идеологии коммунистического движения зависело от французского эксперимента. Мануильский заявил, что во Фран-

ции «вопрос о социалистической партии совершенно иначе ставится, чем раньше»²¹⁸. Но только во Франции. В других местах нужно действовать гораздо осторожнее, «через подставных лиц»²¹⁹ вступая в контакты с массовыми организациями, но не с соцпартиями.

Тем временем сотрудничество социалистов и коммунистов во Франции все еще было крайне неустойчивым. Дело в том, что сближение с коммунистами раскалывало СФИО — левое крыло партии тяготело к союзу с коммунистами, а правое — с радикалами. Каждый новый шаг по укреплению союза с ФКП вызывал ожесточенные споры среди социалистов. Сначала коммунистов это вполне устраивало, «единый фронт» действительно способствовал подрыву социалистической партии изнутри. Но в конце концов вождь французских коммунистов Морис Торез стал осознавать, что дело плохо — инициативы коммунистов все чаще встречают отказ. И тогда он решил пойти на неслыханный для коммунистов шаг — протянуть руку буржуазной партии радикалов.

9 октября 1934 года Торез предложил расширить рамки переговоров между ФКП и СФИО, включив в них радикалов. Это полностью меняло ситуацию. Теперь переговоры не раскалывали СФИО на сторонников сближения с коммунистами и сторонников союза с радикалами. Обе фракции СФИО теперь могли договориться о союзе трех партий. Дорога к объединению левых сил во Франции была открыта. 10 октября Торез прямо призвал радикалов присоединиться к «Народному единству» (позднее оно будет называться «Народным фронтом»).

Шаг Тореза вызвал споры в Москве. Не заигрался ли Торез, не слишком ли далеко зашел? В конце концов решили: экспериментировать так экспериментировать. 19 октября политкомиссия ИККИ предложила ФКП выдвинуть идею блока трудящихся Франции против фашизма. По поводу программы планируемого блока ИККИ пошел на важные уступки, предложив проект, который соответствовал не коммунистическим идеям, а скорее рузвельтовской политике и другим экспериментам в духе социального государства: 40-часовая рабочая неделя, страхование за счет предпринимателей, общественные работы, прогрессивное налогообложение, мораторий на долги, снижение арендной платы. На это социалисты могли бы пойти. Ведь такую программу будет выполнять не советское правительство коммунистов, а вполне демократическое правительство социалистов и их союзников. Правда, по поводу союза с радикалами руководство Коминтерна еще колебалось. Решили возложить ответственность на Тореза.

24 октября Торез собрался идти на конференцию радикалов. К нему прибыла делегация Коминтерна, в которую входили и такие

сторонники новой стратегии, как Тольятти и Готвальд. Тем не менее даже они были обеспокоены сближением с откровенно буржуазной Радикальной партией. Социал-демократы — одно, а либералы, сторонники буржуазной политики — другое. Коминтерновцы попытались отговорить Тореза от визита в стан радикалов. Но, сославшись на отсутствие у делегации права приказывать ему, Торез не стал менять своих планов и именно на этой конференции выдвинул лозунг создания «Народного фронта»²²⁰.

Меж тем радикалы выступили против предложений Думерга по внесению поправок в конституцию, ограничивающую права парламента. 8 ноября радикалы заявили о выходе из правящей коалиции и похоронили правое правительство Думерга.

Дело зашло так далеко, что Коминтерну пора было определяться — принимать новую стратегию широкого левого фронта или сохранять компартии как узкие секты, противостоящие всем и вся.

Ясности по этому вопросу все еще не было — Сталин не определился. Бела Кун обрушился с письмом на политику Тореза, обвинив его в «вульгарной политике блокирования»²²¹. 28 ноября 1934 года было подготовлено симптоматичное постановление политсекретариата ИККИ, которое резко одергивало коммунистическую партию Чехословакии за попытку двинуться по стопам французов. Парламентской фракцией КПЧ, ее газетой «Руде право» и рядом организаций были допущены «правооппортунистические ошибки, грозящие смазыванием принципиальных отличий позиций коммунистических партий от позиций социал-демократии, ослабить влияние коммунистической партии в массах как боевого революционного авангарда»²²². Что же это за ошибки? Депутаты-коммунисты Запотоцкий, Бабель и Двожак выступили за заключение союза между коммунистами, социал-демократами и национальными социалистами, который может привести к образованию рабоче-крестьянского правительства. Они выдвинули лозунг «социалистического правительства». Руководители Коминтерна напомнили лидерам КПЧ, как расшалившимся школьникам, прописные истины: «Рабоче-крестьянское правительство, которое является синонимом диктатуры пролетариата, может быть завоевано только путем насильственного свержения власти эксплуататорских классов и установлением диктатуры пролетариата — советской власти — под руководством коммунистической партии... Если возникнут в условиях революционного кризиса „социалистические правительства“, то только без коммунистов, так как задача коммунистов в этом случае состояла бы в том, чтобы, используя кратковременное пребывание этих правительств у власти, организовать и повести массы на свержение такого правительства и установление пролетарской диктатуры и подлинного рабоче-кре-

стьянского правительства, где коммунисты будут единственной ведущей силой. Ориентация на рабоче-крестьянское правительство, устанавливаемое путем коалиции всех социалистических и коммунистических партий, без свержения власти буржуазии, парламентским путем, есть обман масс и ведет к распространению парламентских, демократических иллюзий в массах. Поэтому большевики и Коминтерн, напоминая об ошибках 1919 года в Венгрии и 1923 года в Саксонии, всегда боролись против толкования рабоче-крестьянского правительства как правительства социалистической коалиции»²²³. Чувствуется влияние Б. Куна, травмированного провалом Венгерской революции 1919 года, когда социалистическое правительство не выдержало вооруженного натиска Антанты. Теперь этот опыт Кун, а за ним и авторы постановления считали ошибкой, как и коалицию с социалистами в Саксонии и Тюрингии.

Никаких послаблений в отношениях с социал-демократами чешским коммунистам не разрешается. Коммунисты должны доказывать, что «социал-демократия не только не является партией социалистической, но она не является и партией демократической»²²⁴. Социал-фашисты, одним словом. Особенно возмутила ИККИ статья в «Руде право», которая призывала встать на защиту «демократических идеалов Масарика» (то есть президента и основателя Чехословакии). Коминтерновцы возмущенно отчитывали своих чехословацких товарищей: Масарик «стоит во главе фашизирующего Чехословацкого государства»²²⁵. Кругом одни фашисты. Так что в борьбе с фашизмом объединяться не с кем. Нельзя же объединяться с полуфашистами. Характерно, что советская дипломатия в это время уже готовила договор о взаимопомощи с «фашизирующим» государством Чехословакия, а спустя четыре года коммунисты будут защищать созданное Масариком государство активнее, чем сам президент Бенеш, наследник Масарика.

Почему после всего, что произошло во Франции, был подготовлен такой документ? Во-первых, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку», как говорили древние римляне. Французам разрешили эксперимент, а чехословакам — нет. Они «полезли поперек батьки в пекло», публично рассуждая о том, о чем еще Сталин не решился говорить, — о перспективах Народного фронта в главном вопросе всякой революции — вопросе о власти. Они уже говорят о вхождении коммунистов в правительство в качестве равноправных партнеров. Во-вторых, и Торез еще не получил «добро» после своего визита к радикалам на продолжение сближения с «буржуазией». Целый месяц он «висел на волоске» и вполне мог быть объявлен «правым оппортунистом», если бы Сталин не решился принять аргументы Димитрова и Куусинена, как не принял их в июле 1934 года. А что

останавливало Сталина? Почему он продолжал внимать аргументам Куна и Кнорина? Отчасти постановление по Чехословакии дает понять, где лежали главные опасения: «Социал-демократы именно потому потеряли доверие в массах, что они только на словах за социализм, а на деле за капитализм, что массы начинают понимать этот обман»²²⁶. Конечно, по поводу «потери доверия в массах» коминтерновские идеологи выдавали желаемое за действительное — влияние социал-демократов было большим, чем коммунистов. Но если коммунисты пойдут на идеологическое сближение с социал-демократами, есть риск, что они превратятся в глазах масс лишь в левое крыло социалистического движения. Если заметная разница между социалистами и коммунистами исчезнет, если возникнет подозрение, что и коммунисты признают «буржуазные» режимы, то они лишатся поддержки наиболее радикальных масс. Чтобы пойти на такой риск, нужно быть уверенным, что взамен появится ощутимый выигрыш, превосходящий потери.

Забегая вперед, скажем, что резолюция по Чехословакии станет последним документом «третьего периода». Стратегия Народного фронта победит и приведет Коминтерн к тем самым выводам, за которые чехословацкие коммунисты были обвинены в оппортунизме. Коммунисты войдут в правительство в Испании. А потом, уже после Второй мировой войны, наступит черед Чехословакии, когда коммунист Клемент Готвальд возглавит правительство «народной демократии» — коалицию с социалистами.

Но, прежде чем откроется путь к таким переменам в стратегии коммунистов, главное решение об этом должен был принять Сталин. И он его принял. Когда и почему? Свой стратегический выбор Сталин сделал между 28 ноября (постановление по Чехословакии) и 9 декабря 1934 года. 9–19 декабря 1934 года президиум ИККИ, обсуждавший французский опыт, одобрил действия Тореза. В дальнейшем подготовка к VII Конгрессу Коминтерна пойдет под знаком союза с антифашистскими силами. Это означало, что Сталин взял курс на Народный фронт.

Есть некоторая загадка в том, почему перелом в позиции Сталина произошел в эти дни. Ответить на этот вопрос можно, если отвлечься от истории Коминтерна и внешней политики СССР.

То, что свой выбор Сталин сделал в начале декабря 1934 года, не может быть случайным. В этот момент произошло событие, которое потрясло СССР, — убийство Кирова. Каковы бы ни были причины этого события и отношение к нему Сталина, несомненно, что после выстрела в Смольном «вождь народов» решил покончить со скрытой леворадикальной оппозицией в СССР самыми жестокими средствами²²⁷. Если раньше Сталин был склонен к компромиссу с ле-

ворадикальной коммунистической идеологией, заимствуя ряд важнейших идей (в том числе и внешнеполитических) у официально проклинаемого Троцкого, то теперь с троцкистскими настроениями предстояло покончить. Для Сталина это могло быть и моментом личного освобождения от части троцкистского влияния. Применительно к нашей теме это означало пересмотр уроков китайских событий 1927 года, где Троцкий оказался прав — политика союза с некоммунистическими силами тогда привела к поражению. Теперь, очищая свои взгляды от налета троцкизма, Сталин явно пришел к выводу, что линия в китайском вопросе была в принципе верной, но проводилась недостаточно последовательно и эффективно. Теперь китайский опыт предстояло повторить в Европе, учитывая прежние ошибки. Решив каленым железом выжигать «левых» внутри страны, Сталин сделал свой выбор в пользу «правой» внешней политики во всей ее полноте. Убийство Кирова означало конец поиска компромисса между левыми настроениями партийных кадров и державным прагматизмом (не исключавшим, впрочем, выполнение задачи установления мировой коммунистической диктатуры, когда для ее осуществления созреет мощь коммунистической державы).

Поворот от «третьего периода» к Народному фронту производит такое впечатление на некоторых западных авторов, что они воспринимают его как нечто беспрецедентное, невероятное для коммунистов. Э. Хобсбаум оценивает Народный фронт как «поворотный пункт в международных коммунистических представлениях, который не имел прецедента в официальной доктрине»²²⁸. Между тем Сталин просто вернулся к опыту 1919–1923 годов в Европе и 1923–1927 годов в Китае. На это было непросто решиться, но Сталин решился. И на то были прагматические мотивы, перекрывавшие издержки «оппортунизма» Народного фронта.

Ключевым вопросом всякой политики для Сталина был вопрос о власти. Поворот к стратегии Народного фронта означал, что, как и в Китае в двадцатые годы, коммунистам предстояло войти в коалицию с более умеренными, но все-таки «прогрессивными» партиями, совместно с ними проводить политику перемен, постепенно занимая ключевые посты в государственном аппарате, прежде всего в силовых структурах. Затем, опираясь на них, можно взять всю полноту власти. Горечь поражения в Китае останавливала Сталина перед тем, чтобы решительно вернуться к такой стратегии революции. Даже после 1934 года он еще некоторое время выжидал, вплоть до осени 1936 года не рекомендуя коммунистам входить в правительство, чтобы сохранять возможность ухода в оппозицию в случае неудачи новой политики. Так и получилось во Франции. Но иначе вышло в Испании, а позднее, уже после Второй мировой вой-

ны, — в Восточной Европе, где «китайская» стратегия Сталина наконец увенчалась успехом.

«Олицетворением сектантской тактики и теории „третьего периода“ оставался Сталин, и этот факт препятствовал критическому переосмыслению опыта предыдущих шести лет. В этом смысле эпоха „Народного фронта“ была отмечена непримиримой борьбой старого и нового, традиции и новаторства, старых идеологических и организационных структур и инициатив компартий, стремившихся вернуться в лоно демократических традиций и национальной политической культуры. Таким образом, это был глубоко противоречивый период в истории Коминтерна»²²⁹, — считают К. Макдермотт и Д. Агню. Для западных левых интеллектуалов Народный фронт ценен тем, что он, как кажется, позволял растворить коммунистов в политической культуре Европы, сделав их безопасными и обогатив западноевропейскую цивилизацию сильным левым потоком. Так и будет происходить, когда за спиной коммунистов перестанет стоять Сталин. Но для Сталина Народный фронт решал те же задачи, что и стратегия «третьего периода», — усиление политических позиций в Европе. И пересмотр стратегии Коминтерна, и его границы определялись именно Сталиным (хотя и под влиянием советников, включая Димитрова). А Сталин руководствовался тем, насколько новая стратегия позволяет решать более общие задачи. Для него Народный фронт был еще одним способом установления режима, в котором он видел продвижение к коммунистическому идеалу. Не больше, но и не меньше.

Решение Сталина предопределило итог споров в Коминтерне, но не прекратило их. Сталин вообще не делился своими планами раньше времени. В январе 1935 года Лозовский раскритиковал Куусинена за утверждение (вполне соответствовавшее реальности), что настоящий рабочий фронт не получается без переговоров с социал-демократами. Сначала должны договориться руководители партий (фронт «сверху»), а уж потом получится нормальное взаимодействие левых «снизу». Это положение должно было сориентировать коммунистические партии на переговоры о создании «настоящих» фронтов против фашизма. А если новая тактика не увенчается успехом? Лозовский заранее готовит пути к отступлению на привычные сектантские позиции: «откуда вы берете и откуда конгресс Коминтерна может сказать, что от VII до VIII конгресса мы должны обязательно практиковать тактику единого фронта сверху?.. Поэтому надо сказать не „должны обращаться“, а „можно обращаться“ к верхам»²³⁰. Дело было в январе 1935 года, Сталин уже принял решение о переориентации политики Коминтерна, и многомудрый Куусинен не стал вносить правку в это положение, вызвавшее гнев ортодок-

сов. Несмотря на то, что Димитров предложит затем более «взвешенные» формулировки, будет проводиться политика, сформулированная уже в тезисах Куусинена. Конечно, это продлится не до VIII Конгресса Коминтерна. Его вообще не будет.

Как и положено мудрому руководителю, Димитров предложил формулировку, примирявшую Лозовского и Куусинена: «Не отказываясь при возможности от непосредственной мобилизации социал-демократических рабочих без переговоров с их организациями, коммунисты должны, в целях облегчения рабочим пути к единству действий, добиваться совместных выступлений с социал-демократическими партиями на основе кратковременных или длительных соглашений»²³¹. Но при этом Димитров пошел дальше. Он объяснил не только как договариваться с социал-демократами, но и зачем — не только для отпора фашистам, но и ради выборов, ради вопроса о власти: «Коммунисты обязаны применять тактику единого фронта и в области избирательной борьбы... Развивая при всяких условиях перед массами коммунистическую программу и особенно популяризируя свои основные лозунги диктатуры пролетариата и советской власти, коммунисты должны стараться обеспечить совместные выступления пролетариата и его союзников на выборах на основе конкретной платформы борьбы против наступления капитала, против фашизма и угрозы империалистической войны, добиваясь поражения фашистских, буржуазных и тех социал-демократических кандидатов, которые выступают против единого фронта и победы на выборах коммунистических и других кандидатов единого пролетарского фронта»²³².

Подготовленные к Конгрессу материалы предлагали проводить различие между «социал-фашистскими вождями и социал-демократическими рабочими»²³³, которое затушевывают лишь правые оппортунисты. От этого положения оставался только один шаг к тому, чтобы не считать «социал-фашистами» тех социал-демократических лидеров, которые согласились сотрудничать с коммунистами.

«Сидение на двух стульях» — коалиция со вчерашними врагами и опора на обездоленные массы — требовало большого политического мастерства, учета всех политических обстоятельств. На финальном этапе к выработке текстов резолюций плотно подключился Сталин. Тут нужно было четко выверить нюансы, чтобы коммунисты, приобретя союзников, не потеряли радикальную паству. Жена В. Кнорина вспоминает: «В 10–11 вечера группа ответственных работников ИККИ отправлялась к Сталину и возвращалась в 3–4 часа утра. Я видела страницы этих проектов, где почти каждая фраза носила следы обсуждения»²³⁴.

Поворот в стратегии Коминтерна был закреплен его VII (и последним) конгрессом, который проходил 25 июля — 21 августа 1935 года. «Гвоздем программы» стал доклад Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Димитров заявил, что в новых условиях настала пора коммунистам защищать буржуазную демократию: «Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»²³⁵. Прежде коммунисты только и делали, что с этой демократией боролись.

Димитров умело сочетал, с одной стороны, новые задачи установления «единого фронта» с социал-демократическими и иными партиями и, с другой, старые лозунги борьбы за советскую власть, к которой новые союзники вовсе не стремятся. Димитров допускал уже возможность создания правительства Народного фронта, которое поддержат коммунисты, но торжественно оговорил, что его не следует считать промежуточной стадией на пути к победе социализма, а лишь орудием в борьбе с фашизмом. Освобождение трудящимся может принести только советская власть.

Иными словами, коммунисты приближаются к власти вовсе не для того, чтобы с ее помощью устанавливать диктатуру пролетариата (то есть коммунистической партии), а чтобы отбиться от натиска фашистов. Союзники могут не волноваться.

Осторожная форма, в которой Димитров формулировал новую стратегию Коминтерна, вводит в заблуждение зарубежных исследователей: «По сути, нововведения Димитрова касались тактики, но никак не стратегии Коминтерна, поэтому мы считаем себя вправе не употреблять термин „стратегия“ в отношении Народного фронта»²³⁶. Новое отношение к либеральному режиму, новый путь к власти, новая политика союзов — что это, как не новая стратегия? Просто этот поворот не мог быть заявлен во всей полноте, но даже умеренные формулы Димитрова в случае их применения на практике вели к совершенно иной политической линии коммунистов, что и подтвердила Испания. То, что понимали Сталин и Димитров, нельзя было сообщать публично. Партнеры компартий не должны были бояться инфильтрации коммунистов в государственные структуры, полагая, что союзники безопасны, пока не настало их время бороться за Советскую власть. А это, как казалось со стороны, возможно только после выполнения задач Народного фронта. Теперь коммунисты иногда будут умереннее даже своих союзников социалистов, чтобы не спугнуть их, как в 1927 году в Китае спугнули Чан Кайши. Сталин готовил установление прокоммунистической диктатуры в формаль-

ных рамках парламентской демократии. Это, конечно, была иная стратегия, чем линия Коминтерна 1928–1934 годов.

Торез говорил на конгрессе о том, что объединение коммунистов и социалистов возможно только на большевистской платформе. «Но как можно было готовить установление „советской власти“, заседаая в буржуазном парламенте вместе с социалистами и центристами? — недоумевают К. Макдермотт и Д. Агню. — Вряд ли подобная большевистская риторика могла убедить потенциальных союзников коммунистов по антифашистскому блоку в искренности намерения последних защищать демократию»²³⁷. Не могла, но убедила. И здесь также действовал точный психологический расчет Сталина и его соратников. Радикальная большевистская риторика коммунистов усыпляет бдительность союзников. Они считают, что в нынешних условиях коммунисты не борются за власть, так как их путь к власти лежит через революционный кризис, распад Народного фронта, свержение парламентаризма и установление советской власти. Пока нет симптомов такого развития событий, коммунисты безопасны.

Идеологические перемены на конгрессе при всей их осторожности были кардинальными. Историк Я. С. Драбкин пишет об этом: «решения VII конгресса вместо традиционного призыва к мировой революции пролетариата выдвинули на первый план иные лозунги: борьба против фашизма за демократию, единого рабочего антифашистского народного и антиимпериалистического фронта»²³⁸. Конечно, Сталин не собирался на самом деле бороться за демократию и отказываться от мировой коммунистической экспансии. Но теперь коммунисты уже более благожелательно смотрели на буржуазные режимы, где сохранялся парламентский плюрализм. Пальмиро Тольятти говорил на конгрессе: «выделяется группа капиталистических стран, большей частью сохранивших парламентский режим, которые более или менее заинтересованы в сохранении мира»²³⁹. Это вам не «фашизирующееся государство» Чехословакия, которое ИККИ готов был обличать еще несколько месяцев назад.

С такими установками было легче бороться за коллективную безопасность в Европе. В одной из резолюций конгресса говорилось: «Если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одной или нескольких крупных империалистических держав, которые захотят уничтожить его национальную независимость и национальное единство или произвести его раздел, как это было при разделе Польши, то война национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться»²⁴⁰. Так и выйдет. Но толь-

ко одним из этих империалистических государств, которые разделят Польшу, будет СССР.

А пока Москва становилась источником надежд Европы. Коммунисты предлагали всем демократическим силам союз против фашизма, Советский Союз делал то же самое предложение либеральным государствам. Социал-демократы теперь уже не считали новый курс Коминтерна игрой и не обращали внимания на многочисленные рудименты старого курса. В 1936 году один из лидеров социалистического интернационала Отто Бауэр заявил коммунисту Эрнсту Фишеру: «Союз демократических рабочих партий с Советским Союзом не только стал возможным, он исторически необходим»²⁴¹. Эта историческая необходимость давала шанс Европе оттеснить фашизм на периферию цивилизации. Европейские весы резко качнулись влево.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В авангарде движения за Народный фронт по-прежнему шла Франция. 14 июля 1935 года, в день взятия Бастилии, СФИО и ФКП провели грандиозную совместную демонстрацию, чтобы ни у кого не было сомнений — левые теперь дружат между собой. В январе 1936 года было заключено предвыборное соглашение о «Народном объединении» между ФКП, СФИО и Радикальной партией (коммунисты в соответствии с решениями конгресса Коминтерна называли новый блок «Народным фронтом»). Программа блока соответствовала предложенной в 1934 году Коминтерном для Франции модели социального государства. Были также выдвинуты антифашистские и антивоенные требования: разоружение и роспуск полувоенных формирований, отмена частной торговли оружием и национализация военной промышленности, система коллективной безопасности в Европе.

В марте 1936 года было достигнуто объединение социалистических и коммунистических профсоюзов.

На выборах 26 апреля — 3 мая 1936 года Народное объединение одержало победу. Из 618 мест оно получило 381 мандат. Однако успех левых был не общим — произошло перераспределение голосов демократов, которые качнулись влево. ФКП увеличила свое представительство с 10 до 72 депутатов, социалисты — с 97 до 146 (они стали крупнейшей фракцией), а вот радикалы потеряли места — со 159 до 106. 4 июня было сформировано правительство социалиста Леона Блюма.

Сразу после победы «Народного фронта» поднялась волна забастовок — рабочие требовали не медлить с реформами, они занимали предприятия.

Британские исследователи считают: «Включившись в движение Народного фронта, ФКП преследовала двоякую цель: во-первых, оказать давление на французское правительство с целью подтолкнуть его к активным действиям по созданию международной антифашистской коалиции, инициатором которой выступил СССР, и, во-вторых, подготовить мощную массовую базу рабочего движения. Победа на выборах и прокатившаяся затем волна забастовок показали с предельной ясностью несовместимость этих целей. Ведь стоило появиться в массовом движении призраку «красной угрозы», как это вызвало бы тревогу в лагере радикалов (и социалистов) и неизбежно ослабило бы и без того непрочную приверженность Франции делу коллективной безопасности»²⁴². Разрываясь между поддержкой внешнеполитического курса СССР и борьбой за влияние на рабочих, ФКП лавировала. Торез демонстрировал, что он готов идти на уступки ради политического единства с социалистами и радикалами. Он провозгласил лозунг: «Нужно знать, когда закончить забастовку». Но рабочие руководствовались не указаниями коммунистов, а собственными интересами. Они вернулись к работе только после того, как на переговорах профсоюзов и предпринимателей было заключено соглашение о повышении зарплаты и введении важнейших социальных гарантий, которые затем были закреплены законодательством «Народного фронта».

Рабочий день был ограничен 40 часами в неделю, рабочие получали двухнедельный оплачиваемый отпуск. Предприниматели были обязаны заключать с рабочими коллективные договоры, на предприятиях учреждались официальные рабочие представители, которые получали право контролировать соблюдение прав рабочих. Было улучшено пенсионное обеспечение. Была реорганизована банковская система, регулировались цены на зерно, были выделены средства на проведение общественных работ, установлен государственный контроль над железными дорогами.

Наметились признаки оживления промышленности. С августа 1936-го по апрель 1937 года она выросла более чем на 12 %, безработица с мая 1936-го по июль 1937 года упала с 443 245 до 316 482 человек, обратившихся за пособием²⁴³.

Отправившись по стопам Рузвельта, правительство «Народного фронта» быстро уткнулось в те же финансовые проблемы, что и американский президент. «Социальное государство» не опиралось на собственную экономическую базу. За какой счет оплачивать новые социальные льготы? За счет капиталистов? Но «Народный фронт»

регулировал их деятельность еще меньше, чем Рузвельт. В итоге капиталисты стали бесконтрольно уводить свои капиталы из Франции, где рабочим приходилось платить «слишком много» за «слишком малую» работу. В октябре 1936 года был девальвирован франк.

Коммунисты требовали введения дополнительных налогов на капитал, но и те меры, которые уже были проведены, усилили отток капитала из Франции. Однако радикальная пропаганда коммунистов принесла им большие успехи. ФКП обогнала социалистическую партию по численности. За счет большей сплоченности своих организаций коммунисты расширили влияние в профсоюзах. Народный фронт принес ФКП успех, который вернул ей позиции, утраченные в двадцатых годах. Отныне ФКП превратилась в постоянный фактор французской большой политики на многие десятилетия.

Новый «имидж» коммунистов требовал и новых символов: «отказ от чисто „оппозиционной“ культуры и попытки работать с „зернами народной культуры“ были важными факторами, предопределившими рост членства и влияния. Коммунисты искали политические ходы, язык и символы, которые отражали бы национальные традиции демократического радикализма: республиканское якобинство, чартизм, идеализм Джорджа Вашингтона и эгалитаризм гуситов»²⁴⁴. Подобный поиск компромисса между коммунистическими и национальными символами шел тогда и в СССР. Возвращение западноевропейских коммунистов в лоно европейской «буржуазной» культуры, которой они прежде резко противопоставлялись, стал первым шагом в сторону их более поздней эволюции к социал-демократическим позициям во времена еврокоммунизма.

Рост влияния коммунистов и принадлежность их к правящему блоку ставили на повестку дня следующий шаг — вхождение в правительство. Однако этого коммунисты делать пока не стали. На то был ряд причин. Во-первых, Сталину была не нужна революция во Франции — в лагере союзника. Он боялся спровоцировать французскую элиту отказаться от союза с СССР. Казалось, что коммунисты могут участвовать только в революционном правительстве. Позднее коммунистическое руководство осознало, что это была ошибка. Ситуация 1936–1938 годов, связанная с войной в Испании и давлением Германии на Францию, все равно предопределила эволюцию французской правящей элиты в сторону от СССР. Коммунисты, обладая государственной властью, могли бы замедлить этот процесс в решающие месяцы гражданской войны в Испании.

Во-вторых, ФКП по-прежнему опасалась нести ответственность за политику своих союзников, надеясь в случае ее неудачи предложить еще более радикальные меры и тогда уже претендовать на власть. В марте 1937 года такой момент настал, но было поздно.

Одной из первых мер «Народного фронта» стал принятый в июне 1936 года декрет о роспуске праворадикальных организаций — «Боевых крестов», «Французской солидарности», «Патриотической молодежи», «Франсистов» («Аксьон франсез» была запрещена сразу после февральских столкновений 1934 года). Но в условиях плюралистического режима экстремистские организации легко преобразовывались в новые, возобновляя свою деятельность под иными названиями. Так, «Боевые кресты» стали Французской социальной партией (ФСП). Она официально отмежевывалась от фашизма и заявила о поддержке идеалов республики.

16 марта 1937 года в парижском пригороде Клиши состоялся митинг ФСП, на который партии «Народного фронта», по традиции, ответили контрмитингом. Часть демонстрантов ринулась на кинотеатр «Олимпия», где проходило собрание ФСП. Полиция защищала право правых на мирные собрания и поэтому вступила в столкновение с левыми манифестантами, представлявшими правящий блок. В столкновении с полицией погибло пять человек и двести были ранены. Лидеры социалистов и радикалов были шокированы — на пути Франции замаячил призрак гражданской войны. Выступая по поводу столкновений в Клиши, лидер радикалов Даладье обрушился на коммунистов: «Франция решительно против диктатуры, будь это диктатура одного лица, одной партии или одного класса»²⁴⁵. В основании «Народного объединения» стали заметны трещины. Но возникли они раньше.

Реформы «Народного фронта» встретили сопротивление со стороны крупного бизнеса. Капиталы переводились за границу. 13 февраля 1937 года Блюм заявил о «паузе» в реформах. Нужно было справиться с финансовым кризисом, который подорвал позиции Франции как мирового ростовщика. Он стал хроническим и привел к оттоку капитала из Франции — ведь в ряде других стран уже начался выход из Великой депрессии. Реформы «Народного фронта» не были причиной финансово-экономического кризиса, но они его обострили своей половинчатостью. Ведь социальные расходы возросли, а вкладывать капиталы во Франции стало менее прибыльным делом — возросла стоимость рабочей силы (иными словами, трудящиеся стали в большей степени защищены от произвола капитала).

До конца 1937 года правительство должно было выплатить 23 млрд франков. А в казне было 6,5 млрд франков. Недобор по косвенным налогам в апреле 1937 года составил 251 млн франков — в обстановке общественной неустойчивости французы не спешили платить налоги. 6 июня 1937 года Даладье бросил вызов Блюму, заявив, что причиной финансового кризиса является социальное зако-

нодательство июня 1936 года. Отражая точку зрения коммунистов, советский исследователь Ю. В. Егоров комментирует это выступление: «При этом Даладье не сказал ничего ни о саботаже производства монополиями, ни о спекулятивных махинациях финансистов»²⁴⁶.

Каждый видит в сложном комплексе возникновения социального государства свои проблемы. Конечно, монополии вряд ли пошли бы на саморазорение, только чтобы свергнуть Блюма (тем более что ему на смену могли прийти не только радикалы, но и коммунисты). Такой острый финансовый кризис не возникает в любых странах, где существуют финансовые спекуляции — а существуют они во всех капиталистических обществах. Причина кризиса заключалась в двух основных обстоятельствах. Во-первых, Франция позже других стран Запада вошла в состояние экономического кризиса, и он был здесь в разгаре, когда капиталу уже было куда бежать. У соседей ситуация уже была получше. Во-вторых, создав систему льгот и выплат социального государства, «Народный фронт» не создал соответствующей экономической базы для обеспечения новых расходов. Такой основой, как правило, является система государственного регулирования хозяйства и государственный сектор экономики. Сохранение системы «свободного рынка» при введении гарантий социального государства неизбежно ведет к финансовому дефициту и оттоку капитала из страны, который коммунисты воспринимали как саботаж, сознательное стремление подорвать экономику. Обязательства государства растут, а новых доходов оно не получает. Кризис неизбежен.

Финансовая немощь Франции имела важное внешнеполитическое последствие — нужно было экономить на всем, в том числе и на обороне. В этих условиях сохранение мира становилось условием сохранения финансовой системы страны. Франция уже не могла нести бремя, которое требовалось от гаранта Версальских соглашений.

15 июня 1937 года Блюм внес в парламент проект закона о чрезвычайных финансовых полномочиях правительства, что должно было повлечь за собой рост налогов и тарифов. Компартия выразила недовольство этим проектом, который «выражается в новых налоговых тяготах, обрушивающихся на народные массы», и, более того, ЦК и фракция ФКП заявили, что партия «перед лицом бешеной атаки реакции готова принять на себя полную ответственность в правительстве, укреплённом и составленном по образцу и подобию народного фронта»²⁴⁷. Теперь, как это уже произошло в Испании, компартия готова была войти в правительственную власть. Но партнеры не были готовы ее туда пустить. Пока коммунисты решили все же сохранять кабинет Блюма, чтобы не оказаться «крайними»

за падение первого правительства Народного фронта. Осудив проект Блюма, они все же проголосовали за него.

Палата депутатов поддержала Блюма, но сенат 19 и 20 июня отверг законопроект. Несмотря на поддержку правительства в парламенте, 22 июня 1937 года Блюм подал в отставку. Руководить страной в условиях острого финансового кризиса без соответствующих полномочий он не мог. Продолжение конфликта с сенатом означало перспективу новых выборов, на которых коммунисты могли получить больше голосов, стать ведущей фракцией «Народного фронта». В беседе в Блюмом коммунисты настаивали именно на новых выборах, которые могли бы сломить сопротивление сената. Премьер ответил на предложения коммунистов развернуть массовую кампанию против сената, перерастающую в предвыборную кампанию: «Я опрокинут, я выполнил долг и сдержал свои обещания. Я ухожу, отказываясь от демонстраций»²⁴⁸.

Блюм не решился на обострение конфликта не просто с сенатом, а со старой правящей элитой, которую тот представлял. Хотя первый шаг на этом пути можно было сделать в рамках конституции, продолжение неминуемо вело к революционному столкновению. Перспектива стать лидером революционного правительства Блюму не улыбалась. И он, и вся французская политическая элита имели перед глазами живой пример того, куда может пойти Франция, если реформы «Народного фронта» будут углубляться. Это была Испания.

Там тоже победил «Народный фронт», и политическая ситуация быстро накалилась. В июле 1936 года военные подняли мятеж против правительства. Страна раскололась, началась кровопролитная гражданская война. Но не это пугало французов. Никаких признаков подготовки переворота во Франции не наблюдалось. Пугали те преобразования, которые стали проводиться в это время на территории, которая осталась под контролем Испанской республики. Как раз эти преобразования имели прямое отношение к французским проблемам. Поскольку в условиях гражданской войны в Испании нормальное функционирование капиталистической экономики было невозможно, там были изменены отношения собственности. Причем большинство предприятий перешли не к государству, как в СССР, а к коллективам работников. Такая «инициатива снизу» была возможна и во Франции, что доказывали захваты предприятий французскими рабочими сразу после победы «Народного фронта» в 1936 году. Опыт Испании был заразителен, и французские социалисты опасались такого непредсказуемого развития событий. Леон Блюм не хотел, чтобы что-то похожее на революцию в Испании (даже без гражданской войны) повторилось во Франции. Но он не

мог в этом признаться — тогда померкли бы остатки престижа социалистической партии, на словах выступавшей не просто за радикальные преобразования, но и за социализм.

Отсюда — поразительная политика Блюма в отношении «братской» Испанской республики. 25 июля 1936 года французское правительство ввело запрет на экспорт военных материалов в Испанию. Это решение было принято в отношении законного правительства, которое к тому же возглавлялось теми же партиями, что и во Франции. Так начался следующий этап «умиротворения», известный как «невмешательство» в Испании. И начали его французские социалисты.

Испанский вопрос вышел на первый план французской политики. Помогать испанцам означало рисковать столкновением с Германией, отказаться от «умиротворения», сблизиться с СССР, готовиться к войне. Отток капитала неизбежно усилился бы. Правительству пришлось бы вмешиваться в отношения собственности, возможно — по испанскому образцу. «Блюм опасался, что активная поддержка Испанской республики будет способствовать радикализации политической обстановки в самой Франции, в результате чего социалистам придется уступить руководящую роль компартии, которая особенно решительно требовала оказания помощи законному испанскому правительству»²⁴⁹, — писал советский историк Ю. В. Егоров, отражая надежды ФКП тридцатых годов.

Эта моральная капитуляция перед лицом фашизма, активно боровшегося против Испанской республики, разложила французский «Народный фронт» сильнее, чем экономические проблемы. Стало ясно, что французский «Народный фронт» не готов к более глубоким преобразованиям и, следовательно, не имеет перспективы. Дальше можно было только отступить.

В результате Блюму пришлось бесславно уступить власть либеральным партиям, а сторонники «Народного фронта» были деморализованы. Именно с момента начала «невмешательства», а не после «паузы» Блюма, начинается агония «Народного фронта» во Франции.

После падения правительства Блюма французские коммунисты предложили свое участие в правительстве. Но новый премьер, радикал Шотан, отклонил это предложение. Время для коммунистов было упущено.

Коммунисты, несмотря на это, продолжали поддерживать Народный фронт. На пленуме ЦК 22–23 июля они пытались заручиться большей поддержкой среди крестьян, выступая за рост цен на сельскохозяйственную продукцию (что вряд ли могло понравиться городским низам), распространение на крестьянство практики заключения обязательных коллективных договоров с предпринима-

телями на продажу продукции, за государственную помощь крестьянству (в условиях дефицита бюджета это было бы затруднительно), страхование от стихийных бедствий, пересмотр долговых обязательств, пенсии для рабочих и крестьян, общественные работы для сельского хозяйства²⁵⁰. Также на пленуме Торез выступил за объединение ФКП и СФИО (аналогичные планы рассматривались и в Испании)²⁵¹.

После отставки Блюма была предпринята попытка возродить «Народный фронт» снизу. По инициативе коммунистов и «Амстердам — Плейель» (во Франции — «Мир и свобода») началось создание сети комитетов «Народного фронта», в которые люди объединялись независимо от партийной принадлежности. Это было возвращением к тактике «единого фронта снизу» на новой основе. Коммунисты и их союзники стремились захватить раскрученное (хотя и неофициальное) название блока, создать сверхпартию с коммунистическим ядром, которая сможет победить на выборах и оттеснить от власти нерешительных социалистов и радикалов. Лидеры СФИО и радикалов тут же «раскусили» этот замысел. Национальный комитет Народного объединения («Народного фронта») заявил, что не признает комитеты «Народного фронта» своими. Бюро СФИО официально заявило, что Народное объединение «не является ни партией, ни суперпартией»²⁵². Поэтому нельзя проводить создание его низовых структур с индивидуальным членством и выборами органов, которые могут подменить партийные структуры.

Создание сети организаций, поддерживающих «Народный фронт», имело бы большое значение, если бы правительство продолжало все более глубокие социальные реформы и сознательно опиралось на эту систему, признавало бы эти организации своими и имело бы в своем составе их представителей, в том числе коммунистов. Однако правительство опиралось на партийные структуры, прежде всего социалистов и радикалов.

После Блюма «Народный фронт» превратился в антифашистскую коалицию, которая стала выполнять уже не реформистскую, а оборонительную функцию: «Народный фронт» отказался от дальнейших преобразований и теперь должен был защищать достигнутое. Но при этом либеральное крыло коалиции — радикалы — взяли курс на постепенный отказ и от достигнутых социальных гарантий.

Как нельзя более кстати для либералов в дело вмешались правые экстремисты. 11 сентября 1937 года «Тайный комитет революционного действия», известный также как «Кагуль» (балахон), организовал взрывы в зданиях Всеобщей конфедерации французских предпринимателей и Объединения предпринимателей обрабатывающей промышленности. Усилив ощущение нестабильности и экс-

тремистской угрозы, теракты позволили правым политикам усилить нажим на наследие «Народного фронта».

19 сентября Шотан заявил, что 40-часовой рабочий день может применяться, только если для этого есть условия. 2 октября в так называемой декларации Рамбуйе правительство официально ограничило закон о социальных гарантиях, обусловив его задачами подъема производства.

Сторонники «Народного фронта» возлагали некоторые надежды на второе правительство Блюма, которое пришло к власти в марте 1938 года. Но Блюм «наступил на те же грабли», что и в 1937 году, — потребовал «чрезвычайные полномочия», получил отказ и подал в отставку. 10 апреля к власти пришло правительство Даладье, в котором уже не было представителей СФИО. На первый план его политики вышли внешнеполитические задачи, связанные с «умиротворением».

На всякий случай Даладье считал возможным готовиться и к войне, и в первую очередь — за счет отказа от социальных завоеваний «Народного фронта». В августе правительство приняло чрезвычайные декреты, которые ограничивали социальные гарантии. Даладье ввел 48-часовую неделю на предприятиях военной промышленности. Премьер требовал «вернуть Францию на работу». Но две недели отпуска и 40-часовая рабочая неделя отвлекали французов от работы меньше, чем хроническая безработица.

В октябре 1938 года из-за участия Даладье в Мюнхенском сговоре парламентский блок «Народное объединение» распался окончательно. Коммунисты резко осудили Даладье. Радикалы требовали исключения коммунистов из национального комитета «Народного объединения», а когда коммунисты не ушли — вышли сами. После этого «Народный фронт» сохранялся как неустойчивая коалиция социалистов и коммунистов, опирающаяся на комитеты «Народного фронта», созданные «Миром и свободой» под контролем коммунистов. В ноябре прошла конференция движения «Мир и свобода», в которое входили комитеты «Народного фронта». Их участники проводили аналогии между комитетами «Народного фронта» и клубами времен Великой французской революции. Но не было революции. При случае они были готовы претендовать на власть. Но случая не представилось — либеральный режим стабилизировался перед лицом внешней угрозы.

13 ноября 1938 года Даладье принял вторую порцию чрезвычайных декретов, которые еще сильнее урезали социальные завоевания «Народного фронта». После этого в оппозицию правительству перешли и социалисты. Однако попытки комитетов «Народного фронта» организовать забастовки протеста провалились — рабочие

массы устали от затяжного экономического кризиса, гражданская и социальная активность упала. Митинги «Мира и свободы», проводившиеся от имени «Народного фронта», уже не влияли на политическую ситуацию. Страна боролась с финансовым кризисом, правительство изо всех сил пыталось оттянуть столкновение с Гитлером.

Но, несмотря на упадок движения «Народного фронта», его костяк не исчез — после разгрома Франции Германией в 1940 году он ушел в движение Сопротивления. «Народный фронт» в итоге способствовал укреплению гражданского общества Франции, что будет иметь далеко идущие последствия во время войны и после нее. Его завоевания были восстановлены после войны в полном объеме и положили начало социальному государству во Франции.

Если во Франции «Народный фронт» бесславно отступил, то в Испании он возглавил революцию.

Глава III

ИСПАНИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

В 1936–1937 годах в центр мировой политики переместилась Испания, где произошла одна из наиболее глубоких революций в мировой истории. По аналогии с Великой французской и Великой российской революциями ее тоже можно назвать Великой испанской революцией²⁵³. О ней помнят больше как о гражданской войне, хотя началась она раньше кровавого раскола страны и развивалась, переплетаясь с военными событиями. Здесь, в Испании, был дан первый серьезный бой фашизму.

То, что эта революция дала человечеству, сегодня пытаются забыть даже в Испании. Спокойная сытая жизнь приучает испанцев, каталонцев и басков быть наследниками Санчо Пансы, а не Дон Кихота. Туристические маршруты Мадрида обходят места бывших сражений, экскурсоводы не упоминают бурление революционных страстей тридцатых годов. Но нет-нет да и услышишь в каком-нибудь кафе возбужденный спор: «Выбросить Франко из Долины павших!» — «Красные уничтожили бы нашу культуру!» — «Нет, не было никакой революции! Запомните, не было, а была только кровавая война!» — «Был шанс!» — «Не было!» — «Был!». И у respectableного господина дрожит лицо, он бьет кулаком по столу в экстазе спора так, что подпрыгивают тарелки. Наследники Санчо Пансы вспоминают времена, когда их предки были увлечены Дон Кихотами в поход во имя Великих дел. И эта память вызывает сложные эмоции, раскалывает душу. Лава революции проступает сквозь корку забвения.

Впервые за несколько веков Испания встала в центр мировой политики. От исхода гражданской войны в Испании зависело соотношение фашистских и антифашистских сил накануне мирового столкновения. Но не только.

Испанская революция предложила еще одну модель индустриального общества, не замеченную человечеством в дыму сражений, а затем оклеветанную властями разных расцветок. И тем важнее всмотреться в этот опыт сегодня, когда человечество снова стоит перед выбором.

Революция под спудом

Революция началась в 1931 году. 12 апреля на муниципальных выборах монархисты одержали ожидаемую победу, заняв 22 150 мест. Республиканцы получили только 5875. Но зато свои победы они одержали в крупнейших городах. Их сторонники с ликованием высыпали на улицы и стали требовать республику. Командующий гражданской гвардией генерал Хосе Санхурхо сообщил королю, что не сможет разогнать возбужденные толпы. Король Альфонс XIII с печалью констатировал: «Я потерял любовь моего народа» — и отправился в эмиграцию. Монархия пала. 14 апреля лидеры основных партий страны создали Временное правительство и провозгласили республику. Население городов ликovalo, крестьяне в некоторых местностях захватили у грандов часть арендованной земли, но остальные ждали указаний. Так началась революция, которая продолжится до 1939 года. Но до 1936 года революция будет удерживаться в либеральных рамках, лишь изредка вспыхивая более радикальными социальными выступлениями.

Начавшаяся демократическая революция не изменила социальную структуру общества, но породила надежды низов на улучшение их жизни. В стране продолжало править неподконтрольное народу чиновничество. Самостоятельную силу представляла офицерская каста, обладавшая унаследованными от монархии привилегиями. От республики ждали осуществления реформ, которые помогут решить социальные проблемы — аграрный, рабочий и национальный вопросы, — стоявшие также остро, как и в России начала XX века. Правительство составили либералы во главе с Мануэлем Асаньей и Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) во главе с Франсиско Ларго Кабальеро, Индалесио Прието и Хулианом Бестейро. За социалистами шли сотни тысяч рабочих профсоюза «Всеобщий союз труда» (ВСТ). Но республиканские власти не провели социальных реформ, которых ожидало население. Крестьяне не получили землю, тяжелым оставалось положение рабочих, в стране продолжало править неподконтрольное народу чиновничество. «Республика мало что изменила: голодные продолжали голодать, богачи глупо, по-провинциальному роскошествовали»²⁵⁴, — рассказывает посетивший Испанию советский писатель и журналист И. Эренбург.

9 декабря 1931 года была принята республиканская конституция, вводившая ответственность правительства перед парламентом, основные гражданские свободы. Конституция провозгласила Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, построенной на началах свободы и справедливости» (Ст. 1), и отде-

лила церковь от государства (Ст. 26). Ст. 44 конституции предусматривала возможность отчуждения собственности (за вознаграждение) и ее обобществление.

К власти пришло либерально-социалистическое правительство Мигеля Асаньи. Президентом стал Нисето Алькала Самора.

За широкую автономию боролись национальные меньшинства — каталонцы и баски. Самостоятельную силу представляло офицерство, обладавшее доставшимися в наследство от монархии привилегиями.

Неприязнь части рабочих и крестьян к государственной власти — все равно к какой, парламентской или диктаторской, — привела к массовому распространению анархизма в Испании. В стране существовала влиятельная анархо-синдикалистская организация — Национальная конфедерация труда (НКТ), которая стала лидировать в профсоюзном движении Каталонии — национальной области на северо-востоке Испании. С ней была тесно связана Федерация анархистов Иберии (ФАИ).

В 1935 году возникла антисталинская марксистско-ленинская Объединенная рабочая марксистская партия (ПОУМ). Во время революции она приобрела некоторое влияние в Каталонии. КПИ вслед за Исполкомом Коминтерна (ИККИ) воспринимала ПОУМ в качестве троцкистов, но ее лидер Андрес Нин и его товарищи порвали с Львом Троцким еще в 1933 году, и троцкисты были исключены из ПОУМ²⁵⁵.

Коммунистическая партия в Испании (КПИ) в начале тридцатых годов была маловлиятельна. В 1932 году к руководству партией пришло новое поколение лидеров: Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека, Висенте Урибе, Антонио Михе. На плечи этой генерации ляжет управление партией в условиях революции. Они были куда более деловыми людьми, чем старое руководство.

Одной из причин политической дестабилизации в Испании стал мировой экономический кризис, начало которого пришлось на последний год диктатуры Мигеля Примо де Риверы (1923–1930). После его ухода в отставку политические партии возобновили свою активность. Их лидеры считали, что лучше справятся с проблемами страны, чем монархия.

Либеральному режиму приходилось постоянно оглядываться на угрозу военного переворота. 10 августа 1932 года генерал Санхурхо поднял мятеж в Севилье. Но он был плохо подготовлен, заговорщики не заручились поддержкой консервативных политических сил и были быстро разгромлены. Провал переворота привел к новому полевению Испании, деморализовал правый политический

лагерь, что позволило наконец протолкнуть через кортесы аграрный закон.

Санхурхо оставалось обвинить в поражении своих осторожных коллег — прежде всего генерала Франсиско Франко Баамонде, который предпочел пока выжидать. В тюрьме Санхурхо повторял стишок: «Франкито эс ун кикито, ке ба а ло суйито»²⁵⁶ («Франкито — это такая тварь, которая идет только за собственной выгодой»). Алькала Самора помиловал неудавшегося каудильо, и в 1934 году Санхурхо был выслан из Испании. Он уехал недалеко — в Португалию, где стал ждать своего часа.

Поражение военной реакции в то же время привело к консолидации правого лагеря, который теперь попытался использовать против Республики ее собственные институты. Лидером правого лагеря стала возникшая в октябре 1932 года консервативная Испанская конфедерация автономных правых (СЭДА), в которую вошли ведущие правые партии и движения в спектре от консерватизма до авторитарного национализма. Ее лидер Хосе Хиль Роблес утверждал: «СЭДА родилась, чтобы защитить религию, собственность и семью»²⁵⁷.

Из-за разношерстности и рыхлости СЭДА сторонникам правой диктатуры нужна была новая идеология, способная дать им более широкую социальную опору. Борьба идей и конкуренция течений приводили к противоречивым заимствованиям. Ощущая силу синдикалистских идей, правые пытались взять их на вооружение, создав более прочную социально-политическую конструкцию, чем обычные каудилистские режимы. Незадолго до падения монархии Рамиро Ледесма Рамос стал издавать газету «Завоевание государства», в которой он и Онесимо Редондо (издававший также еженедельник «Свобода») пропагандировали идеи фашизма, но с испанской спецификой. Они считали, что можно заимствовать популярные в Испании синдикалистские идеи для укрепления государственности и социальной стабильности. Только, в отличие от анархистов, испанские фашисты считали, что синдикаты должны быть не демократическими самоуправляемыми профсоюзами, а структурами управления рабочим классом «в его интересах». Рабочие, сплоченные в такие синдикаты, и их вооруженные отряды должны нанести удар по буржуазному либеральному государству, которое не может решить социальных проблем, стоящих перед страной. Эти проблемы решит тоталитарная диктатура, как она это уже делает (по мнению Ледесмы и Редондо) в Италии. 10 октября 1931 года ими была создана организация «Хунты национально-синдикалистского наступления» (ХОНС), ставшая одним из костяков правого радикализма и испанского фашизма. В 1933 году Редондо создал первый национал-

синдикалистский профсоюз. Но лидеры ХОНС не имели заметного влияния ни в рабочей среде, ни в правящей элите.

Зато широкие связи в элитарных салонах Мадрида имел сын бывшего диктатора Хосе Антонио Примо де Ривера. Он был хорошо известен как обаятельный, подающий надежды молодой человек ультраправых взглядов. Ему, как человеку молодому и в то же время из хорошей семьи, дозволялось пропагандировать в элитарной среде откровенно фашистские взгляды, восхвалять «ценный опыт» Италии и Германии. 29 октября 1933 года он создал свою организацию «Испанская фаланга». Провозгласив триаду «Империя — Нация — Единство», Хосе Антонио призвал к Крестовому походу и возрождению Империи, ради чего жизнь должна превратиться в военную службу. Участие населения в делах государства должно было осуществляться «через действия в рамках семьи, муниципалитета и профсоюза»²⁵⁸. Профсоюзы должны были строиться по фашистскому образцу.

Но вождю фашистов явно не хватало массовки. В феврале 1934 года он договорился с Ледесмой о создании объединенной организации со сложным названием «Испанская фаланга и ХОНС», которую возглавил Хосе Антонио. Через год он изгнал из организации «плебея» Ледесму. «Фаланга» готовила своих боевиков к борьбе за власть.

Находившийся в бедственном положении пролетариат снова стал «требовать свое». Если в 1929 году произошло 100 стачек, а в 1930-м — 527, то в 1931 году — 710, в 1932-м — 830, в 1933-м — 1499²⁵⁹. Очень быстро трудовые конфликты вошли в привычное для Испании кровопролитное русло. Если профсоюзы не соглашались на предложенные им условия, власти бросали на забастовщиков гражданскую гвардию, то есть внутренние войска.

Поскольку профсоюзы ВСТ пользовались государственным арбитражем, чтобы хотя бы отчасти решить проблемы своих членов, часть рабочих, недовольных результатом таких компромиссов, сориентировались на НКТ. Анархо-синдикалисты проводили стачки так, будто никакого социального законодательства не существует, а гвардия только ждала повода, чтобы применить насилие против рабочих.

Одно из январских деревенских восстаний произошло в деревне Касас-Вьехас в Андалузии. Крестьяне захватили земли герцога Мединасели. Гражданские гвардейцы запросили поддержку, и им прислали штурмовую гвардию («асальто»). Это была новинка — специальные подразделения, созданные для защиты Республики. Правда, «штурмовиков» бросили не против реставрации, а против революционных движений. Выбив анархистов из местечка, «асаль-

то» провели «зачистку». Пожилой анархист Сейдесос не пустил их в свой дом, и началось новое сражение. Дом Сейдесоса и его дочери Либерталии обороняло несколько человек. Кончилось тем, что дом разбомбили с воздуха. Под шумок расстреляли пленных анархистов. Немотивированная жестокость «асальто» шокировала страну. «Правительство убийц» было атаковано в кортесах справа. Популярность либералов упала, что способствовало их поражению на муниципальных выборах в апреле 1933 года. После принятия в мае закона о религиозных конгрегациях, направленного против церкви, президент-католик Алькала Самора указал премьер-министру Асанье, что тот уже не пользуется поддержкой президента. Несмотря на то, что правительство Асаньи в этот момент устояло, правые воспрянули духом и фактически заблокировали работу парламента. Новые выборы стали неизбежными. 9 сентября 1933 года после очередной неудачи во время формирования Трибунала конституционных гарантий Асанья ушел в отставку.

На своих манифестациях анархо-синдикалисты призывали рабочих не голосовать, потому что все партии одинаковы и есть только одна альтернатива — социальная революция или фашизм.

Под влиянием анархо-синдикалистской агитации за бойкот выборов («электоральная стачка») значительная часть левых избирателей просто не пришла на избирательные участки на выборах 19 ноября и 3 декабря 1933 года. Ухудшение социальной ситуации в 1932 году также вело к падению авторитета либерально-социалистической коалиции. Правые получили 3345 тыс. голосов (СЭДА — 98 мест), радикалы — 1351 тыс. (100 мест), социалисты — 1627 тыс. (60 мест), левые либералы — 1 млн (70 мест), коммунисты — 400 тыс. (но не победили ни в одном округе). Для того чтобы опередить правых, левым не хватило 400 тыс. голосов (анархо-синдикалисты контролировали около полумиллиона)²⁶⁰.

К власти пришел либерально-консервативный блок во главе с Алехандро Леррусом. Бывший радикальный либерал, известный своими антицерковными филиппиками, теперь позиционировал себя как центрист, но по существу перешел в консервативный лагерь.

Правительство правых фактически остановило аграрную реформу, отменило социальные выплаты и стало спонсировать церковь, отменив ограничивающие ее деятельность законы.

Левые называли Лерруса «испанским Брюнингом» (имея в виду канцлера Германии, при котором возникли предпосылки для прихода к власти Гитлера), и анархисты считали, что теперь только восстание может остановить фашизм. К этому взгляду постепенно склонялись и социалисты, но анархисты стремились перехватить инициативу.

Приход к власти правоцентристского правительства (Лерруса, затем Рикардо Сампера) и сворачивание даже тех скромных преобразований, которые проводились в 1931–1933 годах, — все это вело к еще большему росту социально-политической напряженности. Очередные правительственные перестановки резко обострили ситуацию. В сентябре 1934 года, обвинив правительство Сампера в неспособности навести порядок в стране, лидер СЭДА Хосе Мария Хиль Роблес спровоцировал правительственный кризис, дабы взять власть самому. 1 октября Сампер ушел в отставку. Но президент опасался энергичного вождя правых, которого его сторонники уже открыто называли «хефе» (вождь), и вновь предложил сформировать правительство Леррусу. Чтобы составить правительственное большинство, тот должен был пригласить в кабинет представителей СЭДА.

Левые с возмущением утверждали, что в правительство собираются включить «фашистов». Дело в том, что в СЭДА состояла организация «Испанское обновление», лидер которой Хосе Кальво Сотело, бывший министр финансов при диктаторе Примо, отстаивал праворадикальные идеи, предельно близкие к фашизму. Обстановка накалилась, Ларго Кабальеро публично заявил, что, если СЭДА войдет в правительство, социалисты призвут народ к восстанию.

4 октября Леррус все же включил в свое правительство трех министров от СЭДА. Социальное положение рабочих оставалось бедственным, после нового поправления правительства они рвались в бой. И 5 октября ВСТ начал всеобщую забастовку, которая была поддержана коммунистами и каталонскими националистами. Выступление не стало «всеобщим» и было довольно быстро подавлено, однако в Астурии и Каталонии, известных своими революционными настроениями, оно переросло в вооруженное восстание. Анархисты в Астурии присоединились к стачке через несколько часов по собственной инициативе. Однако в целом НКТ отнеслась к выступлению настороженно, так как ИСРП сменила первоначальный лозунг «Вся власть рабочим альянсам!» на «Вся власть социалистической партии!»²⁶¹.

В Каталонии власть захватило автономное правительство — Женералитат во главе с Льюисом Компаньсом-и-Жовером (Луисом Компанисом), который 6 октября зачитал восторженной толпе акт о провозглашении каталонского государства. Компаньс был лидером «Эскьерды» — Левой республиканской партии Каталонии.

Правительственные силы, управляемые ветераном марокканской войны генералом Франсиско Франко, оперативно изолировали очаги восстания. 8 октября Компаньс капитулировал, после чего социалисты прекратили сопротивление. Но в Астурии бои продолжались. 5 октября шахтеры подняли над городами Астурии красные

флаги и двинулись на Овьедо. Власть в Астурии взяли революционные комитеты, включавшие социалистов, коммунистов и анархистов. Они провозглашали социалистическую республику. Астурийский революционный комитет возглавили депутаты-социалисты Бельармино Томас и Рамон Гонсалес Пенья.

Опасаясь за надежность войск, правительство направило в Астурию марокканский легион во главе с полковником Хуаном Ягуэ. Хотя формально командующим карательной операцией в Астурии был генерал Лопес Очоа, фактически из Мадрида ее координировал Франко, которому напрямую подчинялся Ягуэ. Две недели шли упорные бои в горной местности и в городах. Пока повстанцы численностью до 20 тыс. бойцов сжимали кольцо вокруг гарнизона Овьедо, захватив почти весь город, каратели сжимали кольцо вокруг Астурии. Рабочие устраивали взрывы (шахтеры хорошо умели пользоваться динамитом), но с другим оружием было плохо. Когда у повстанцев кончились боеприпасы, они вынуждены были прекратить сопротивление. По соглашению с генералом Очоа от 18 октября, повстанцам было обещано, что репрессий не будет. Ягуэ не стал выполнять это обещание... Испания была шокирована известиями из Астурии. В ходе боев и последующих расправ погибло от 1 до 2 тысяч человек, около 30 тыс. было арестовано.

Лидеры социалистов, коммунистов и каталонских националистов, включая Ларго Кабальеро и Компаньса, оказались в тюрьме. Несмотря на то, что анархо-синдикалистские лидеры узнали о забастовке и восстании из газет, среди актива НКТ также были проведены аресты. Все левые газеты, штаб-квартиры социалистов, коммунистов и НКТ были закрыты, запрещены любые демонстрации.

Трибунал вынес 20 смертных приговоров и множество приговоров к длительным срокам тюремного заключения. Возникла возможность обезглавить левую оппозицию. Но в то же время было очевидно, что это создаст в ее среде культ павших героев, и на место казненных придут новые лидеры. Так что почти все смертные приговоры были заменены заключением.

Франко за свои «подвиги» в Астурии был награжден Большим крестом и назначен командующим войсками в Марокко (где располагались самые боеспособные и в то же время реакционно-настроенные части испанской армии). А вскоре он получил пост начальника Генштаба, что дало возможность вплотную заняться «укреплением» командного состава в нужном ему направлении.

В среде правящей элиты раздались авторитетные голоса за ликвидацию либерального режима в пользу государства, способного покончить с классовой борьбой. Один из ведущих парламентских ораторов Кальво Сотело утверждал: «Нужно ликвидировать классо-

вую борьбу как самый факт. Ясно, что устранение классовой борьбы — это задача, которая не под силу... какому бы то ни было правительству в либеральном государстве. Эта задача может быть выполнена только в государстве с руководимым из единого центра хозяйством, в государстве, преследующем верховные интересы национальной промышленности, обуздывающем в одинаковой мере как аппетиты профсоюзов, так и злоупотребления плутократии»²⁶². Взоры сторонников такого государства обращались к фашизму.

ПОБЕДА НАРОДНОГО ФРОНТА

На свободе остались многие социалистические лидеры, а также левые республиканцы, единственная надежда которых на возвращение к власти была связана с возрождением силы социалистов. Они развернули кампанию против правительства, успеху которой способствовали скандалы в правом лагере, связанные с коррупцией, а также продолжение падения жизненного уровня большинства испанцев. Все большее влияние приобретала идея формирования блока левых партий и организаций, который сможет остановить наступление правых.

Примером мог служить созданный в это время во Франции Народный фронт, в который вошли не только социалисты, коммунисты, но и либералы. После VII конгресса Коминтерна идею левого блока активно продвигали испанские коммунисты, интерес к нему выразила и Объединенная рабочая марксистская партия (ПОУМ) — возникшее в 1935 году объединение коммунистов-антисталинистов. Чтобы помочь левым партиям преодолеть былые разногласия, в Испанию прибыл эмиссар связанного с коммунистами пацифистского движения «Амстердам — Плейель». Его представитель (работавший также и на Коминтерн) стал «мирить» социалистов, коммунистов, либералов и анархистов. Задача не из легких, но стремление к реваншу над консерваторами у левых было велико и помогло найти компромисс. К 16 января 1935 года удалось договориться с несколькими мелкими партиями и профобъединениями о том, что они выступят зачинщиками блока. Основные левые партии были еще запрещены. Эмиссар докладывал, что «из запрещенных в настоящее время партий и профсоюзов к народному фронту примкнут представители персонально, а позднее, в случае снятия осадного положения, официально присоединятся и сами организации»²⁶³. Этот план делал само существование осадного положения бессмысленным — предвыборный блок с участием видных либералов и социалистов возник бы неизбежно.

В октябре 1935 года члены администрации Лерруса и он сам были уличены во взяточничестве. Президент Алькала Самора был вынужден отправить правительство Лерруса в отставку, заменив его блеклым политиком Хоакином Чапаприетой. 9 декабря СЭДА отказала этому правительству в доверии — Хиль Роблес, с мая занимавший пост военного министра, считал, что теперь путь к власти расчищен для него. Но президент не захотел отдавать ему премьерское кресло. 4 января 1936 года он назначил внеочередные выборы, вплоть до которых правительство должен был возглавлять консервативный политик Мануэль Портела Вильядарес.

На период подготовки к новым выборам режим чрезвычайного положения пришлось отменить. В январе 1936 года ограничения на деятельность левых партий были сняты. 15 января 1936 года социалисты, коммунисты, ПОУМ, республиканцы, каталонские и баскские националисты, а также ряд других организаций подписали соглашение о создании избирательного блока, в дальнейшем известного как Народный фронт.

Совместный электорат Народного фронта был примерно равен электорату правых. СЭДА вела кампанию очень энергично. На ее стороне была католическая церковь, которая стала своего рода избирательной машиной СЭДА, епископы превращали проповеди в предвыборные митинги (это прямое вмешательство в политику на стороне реакции стало одной из причин гонений, которые обрушатся на церковь в июле 1936 года). Фаланга совершала нападения на митинги левых.

В этих условиях многое решали голоса сторонников анархо-синдикалистов. В январе 1936 года региональная каталонская конференция НКТ, подтвердив традиционный абсентеизм организации, заявила, однако, что это вопрос тактики, а не принципа. Такое решение открывало дорогу к отказу от неучастия в выборах. 14 февраля Национальный комитет НКТ опубликовал заявление, в котором говорилось: «Мы — не защитники республики, но мы мобилизуем все свои силы, чтобы нанести поражение старинным врагам пролетариата. Лучше смело опередить события, даже если это означает ошибку, чем после событий сожалеть о своем промахе»²⁶⁴. Эта позиция, по словам одного из лидеров ФАИ Диего Абада де Сантильяна, была оправдана стремлением освободить политзаключенных и предотвратить приход к власти фашизма: «Мы вручили власть левым партиям, поскольку были уверены, что в сложившихся обстоятельствах они представляют меньшее зло»²⁶⁵.

Благодаря участию в выборах анархо-синдикалистов левые получили на сотни тысяч голосов больше, чем в 1933 году. «Если поутру 16 февраля политические обозреватели, оценивая активность

участия в выборах, могли полагать, что Народный фронт будет побежден, то в полдень массовое прибытие на все избирательные пункты колонн анархо-синдикалистов немало встревожило их... В одиннадцать часов вечера в Мадриде, где уже нельзя было продвигаться ни пешком, ни в трамвае, новость распространилась с быстротой молнии: Народный фронт шел впереди других партий не только в столице Испании, но и в наиболее крупных ее городах. В Барселоне, Бильбао, Севилье охваченные восторгом толпы заполнили улицы. Это был праздник. Праздник без насилия. Но стихийный. Те, кто вопреки кампании запугивания и угроз голосовал за Народный фронт, обнимались, плакали от радости, пели революционные песни, сами еще не веря в собственную победу»²⁶⁶, — вспоминал французский журналист Жорж Сория.

Народный фронт получил 4 654 116 голосов, правые — 4 503 524, баскские националисты — 125 714, центр — 400 901. Таким образом, перевес левых над правыми был минимален, а с учетом центристов и вовсе сомнителен. Но при мажоритарной системе решающую роль играло сплочение сил в округах, где поддержка анархистов также помогла левым добиться перевеса. Народный фронт завоевал 268 парламентских мест из 473. При этом социалисты получили 88 мест, левые республиканцы — 87, коммунисты — 17. Правые получили 205 мест. Дискредитированные радикалы — всего 8, и Леррус даже не прошел в кортесы.

Сразу после оглашения итогов выборов генералы Франко и Гомед предложили временному премьер-министру Портеле Вильядаресу аннулировать их под предлогом несовершенства мажоритарной системы (характерно, что в 1933 году это несовершенство правых не смущало) и ввести чрезвычайное положение. Портела обратился за согласием на конституционный переворот к Алькала Саморе, и тот подписал декрет о введении военного положения, оставив его публикацию на усмотрение Портелы. Никто не хотел быть «крайним». Все понимали, что введение военного положения немедленно вызовет восстание и гражданскую войну. Левые были в своем праве, городские массы были на их стороне. Портела не решился опубликовать декрет и ушел в отставку. Путь к власти Народного фронта был открыт. Гражданская война была отложена.

После победы Народного фронта к власти пришло правительство Асаньи, которое объявило политическую амнистию. Узники октября и предыдущих социальных волнений вышли из тюрем. Было освобождено более 15 тысяч человек.

23 февраля был восстановлен Женералитат Каталонии. Его возглавил Компаньс.

10 мая кортесы избрали Асанью президентом страны (Алькале Саморе припомнили нарушения законности при подготовке к выборам и 3 апреля отправили в отставку). Правительство возглавил либерал Сантьяго Касарес Кирога.

Ускорила аграрная реформа, было распределено 700 тыс. га земли. Но реформа шла все еще медленно, что привело к усилению «давления снизу»: крестьяне Эстремадуры стали захватывать пустующие поместья, а гражданская гвардия, как и раньше, — разгонять нарушителей закона. Столкновения происходили то тут, то там. Одновременно в стране нарастали продовольственные трудности в связи с общей неуверенностью крестьян в том, следует ли продавать хлеб в условиях начавшейся «смуты».

Профсоюзы развернули кампанию наступления на капитал. В феврале — июле произошло 113 всеобщих и 228 местных стачек. Предприниматели устраивали локауты, останавливали предприятия. Тогда рабочие захватывали их и снова запускали производство. Рудники и верфи Андалузии, мадридский трамвай и даже пивоваренный завод стали первыми опытами рабочего самоуправления в Испании, которое пышным цветом расцветет после начала Гражданской войны.

После победы Народного фронта и левый, и правый лагеря сочли, что борьба вступила в решающую фазу. Правые и левые экстремисты уничтожали активистов противника. В день пятой годовщины провозглашения республики чуть было не взлетели на воздух ее руководители — бомба оказалась у правительственной трибуны. Бомбу подкинули и в дом Ларго Кабальеро. Фалангисты нападали на демонстрации левых, заставляли прохожих вскидывать руки в фашистском приветствии, а отказывавшихся зверски избивали. Левые экстремисты убивали фалангистов, нападали на демонстрации правых. Было совершено 213 покушений. В столкновениях между экстремистами и нападениях на демонстрации погибло 269 человек, сотни были ранены.

Правым террором практически открыто руководил лидер Фаланги Антонио Примо де Ривера. После очередного столкновения он был арестован, у него было найдено незаконно хранившееся оружие.

11 июля фалангисты захватили радиостанцию и призвали к вооруженным действиям против правительства. Из тюрьмы Примо сообщил военному заговорщику генералу Эмилио Моле, что Фаланга активно поддержит военный переворот.

Особенно тревожным был отстрел фалангистами тех офицеров «штурмовой гвардии» («асальто»), которые придерживались левых взглядов. Штурмовая гвардия создавалась как внутренние войска,

и от ее позиции зависело, насколько успешным будет уже готовившийся военный переворот. Убийства офицеров выглядели как зачистка «асальто» от левых — непосредственная прелюдия к путчу. Чашу терпения гвардейцев-республиканцев переполнило убийство лейтенанта Хосе дель Кастильо 12 июля.

Возмущенные леваки из «асальто» решили, что нужно мстить тем, кто стоит за фалангистами. Группа «асальто» захватила Кальво Сотело, который считался «мозгом» правого экстремизма. На следующий день, 14 июля, он был найден мертвым.

Убийство Кальво Сотело вызвало взрыв возмущения в правых кругах, но на ход дальнейших событий повлияло незначительно. В это время военные заговорщики уже все подготовили к перевороту.

Консервативно настроенные генералы стали готовить переворот сразу, как только победил Народный фронт. Формально во главе заговора стоял живший в Португалии генерал Санхурхо, пытавшийся свергнуть республику еще в 1932 году. Реальное руководство подготовкой осуществлял генерал Эмилио Мола («Директор»). Большую роль играл также подавитель астурийского восстания Франсиско Франко. Уже в марте правительство заметило подозрительные приготовления и провело кадровые перестановки, которые ослабили позиции заговорщиков, но не остановили подготовку переворота.

Политическая напряженность, непримиримость и ожесточение нарастали с каждым днем, с каждым шагом обоих лагерей. Накал страстей удивительным образом диссонировал с умеренностью проводившихся правительством преобразований. Массовые настроения искусственно «накручивались», радикализировались политическими лидерами и идеологами.

МЯТЕЖ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

16 июля по распоряжению генерала Молы его сторонникам были отправлены телеграммы с сигналом к началу переворота: по одной из версий — «17-го в 17. Директор». Выступление должно было начаться сразу во всех крупнейших городах страны. Ставка делась на внезапность и стремительный захват власти.

17 июля мятеж вспыхнул в Испанском Марокко. Верных республике военных и других республиканцев расстреливали. 18 июля мятеж охватил Испанию. В нем участвовало до 80 % военных и вооруженные отряды фалангистов и карлистов (традиционалистов, выступавших за восстановление консервативной монархии во главе с «законной» ветвью потомков Карлоса Бурбона).

Правительство было в растерянности и не контролировало ситуацию. Касарес Кирога подал в отставку, успев, однако, распорядиться о запрете выдавать оружие сторонникам Народного фронта. 19 июля премьер-министром стал либерал Хосе Хираль Перейра. Он сразу же объявил о раздаче оружия народу, но эта «пауза» для многих местностей оказалась роковой.

Профсоюзы и левые партии взяли на себя мобилизацию населения. Собственно, «левые» ждали только повода для развертывания революционных действий (на этот случай у них были свои запасы оружия). Центрами сопротивления мятежу стали Мадрид и Барселона. Здесь мятежные войска были окружены массой вооруженных граждан и после ожесточенных боев капитулировали.

Но так произошло не везде. В Сарагосе рабочие не смогли захватить оружие, и этот оплот анархизма перешел под контроль мятежников. Правые заняли и другие крупные города Арагона — Уэску и Теруэль. В Валенсии очаги мятежа были задавлены в зародыше. В Толедо вооруженное население загнало мятежников в замок Алькасар.

Мадридцы на автобусах и автомобилях двинулись на Гвадалаху, чтобы не дать мятежникам выйти в тыл к столице. Наступавшие с севера мятежные войска были отброшены от столицы за горы Гвадаррамы.

«Красная» Астурия была отрезана мятежом от Мадрида. Власть в этом регионе перешла к губернатору Томасу (одному из вождей восстания 1934 года) и многопартийному комитету, в который вошли и анархисты. Шахты перешли в руки советов, в которые входили представители администрации предприятия и рабочих. Рядом защищалась Страна Басков, отстаивавшая свою автономию. В Каталонии ситуация была очень сложной из-за возросшего политического влияния анархо-синдикалистов: на севере республиканской зоны установилось фактическое двоевластие, когда большинство рабочих подчинялось не правительству и Женеалитату, а профсоюзам НКТ и своим органам самоуправления.

Борьба с мятежом сопровождалась актами насилия и вандализма. Вся ненависть, накопившаяся у низов к старой Испании, выплеснулась наружу. Бойцы левых движений и просто уголовные элементы убивали офицеров и священников, жгли церкви, которые были символом идеологического деспотизма предыдущих веков. Однако центральный собор Барселоны и монастырь Педральбес были сохранены, так как революционеры признали их художественную ценность. Самочинные расстрелы и убийства к августу прекратились. В это время бушевал и франкистский террор.

Вопрос о масштабах террора с двух сторон до сих пор вызывает споры. Современные исследования позволили уточнить данные о жертвах республиканского террора — от 37 до 50 тысяч человек, подавляющее большинство (около 80 %) — в первые месяцы после начала мятежа. Оценки масштабов франкистского террора составляют 55–110 тысяч за всю войну и еще 25–30 тысяч казненных вскоре после ее окончания²⁶⁷.

Говоря о различии в характере террора по обе стороны баррикад, можно согласиться с испанским историком А. Виньясом: «Сразу становится ясно, что франкистский террор был навязан сверху, с высшего уровня руководства. С самого начала кровавые расправы над республиканскими массами и их элитой были предопределены мозговым центром заговора, генералом Эмилио Молой. Он установил террор без промедления; тем не менее это было ничто по сравнению с тем, как вел военные действия генерал Франко. Он увидел в войне блестящую возможность стереть с лица земли испанских левых, неисправимых в своих грехах...

Республиканское же насилие в основе своей было следствием крушения государственного аппарата. Оно недолго длилось, но было впечатляющим, о чем свидетельствует факт убийства 6 тыс. верующих. Однако республиканское правительство с самого начала пыталось его сдерживать. И ему это удалось к началу 1937 года»²⁶⁸.

Республиканский террор имел несколько вспышек — сразу после начала войны, затем в августе, когда под предлогом волнений в мадридской тюрьме Модело произошли расстрелы. Но символом республиканского террора стали расстрелы в Паракуэльос-де-Харама во время битвы за Мадрид, о которых речь пойдет ниже.

К 20 июля 1936 года стало ясно, что на большей части территории страны вооруженный народ смог блокировать или разгромить мятежные части. Восставшая часть армии и отряды фалангистов не могли обеспечить военный перевес над многочисленной милицией «левых». В руках мятежников находились две довольно значительных зоны, но они были изолированы друг от друга. Флот и авиация в своем большинстве поддержали Республику. Основные силы мятежников были блокированы республиканским флотом в Марокко. К тому же в разгар событий в авиакатастрофе погиб предполагаемый лидер мятежников генерал Санхурхо. Казалось, путч вот-вот закончится полным провалом.

Командование мятежниками взяла на себя учрежденная 23 июля Хунта во главе с генералом Мигелем Кабанельясом Ферером, фактически же руководство действиями путчистов все в большей степени переходило к генералу Франко, который раньше всех по-

нял необходимость поддержки извне и сумел установить контакты с руководителями Германии и Италии. И действительно, этот фактор оказался ключевым. Мятеж превратился в международную конфронтацию.

ФРАНКИЗМ

1 октября 1936 года Франко был провозглашен новым главой государства, Каудильо и генералиссимусом. 18 ноября фашистские государства признали Франко законным правителем Испании. 1 октября Франко объявил о создании собственного правительства — Государственно-исполнительной хунты, которая должна была пока находиться в кастильском городе Бургос, затем переехала в Саламанку. Новый «глава государства» успешно провел осеннюю мобилизацию в свои вооруженные силы.

Франко поддержала консервативная Испания, живущая католическими традициями, мечтавшая о возвращении средневекового могущества страны и с благожелательным интересом наблюдавшая преобразования в Италии и Германии.

Каудильо стремился оставаться «отцом нации» и, со временем, восстановителем монархии. Он нашел политическую опору в лице консерваторов СЭДА (тем более что их вождь Хиль Роблес покинул Испанию), карлистов (твердых сторонников монархии, когда-то боровшихся против Бурбонов) и особенно — фашистской «Фаланги и ХОНС». Лидер Фаланги Примо де Ривера 20 ноября был расстрелян республиканцами. Новый лидер Фаланги Мануэль Эдилья не обладал харизмой основателя движения и взял курс на подчинение Фаланги Франко. Тот был не прочь взять в свои руки фашистскую организацию (и как инструмент управления, и как доказательство своего фашизма, необходимое для сохранения благосклонности Муссолини), но при условии полного подчинения фалангистов ему лично.

Хотя Франко и его генералы самоидентифицировались весьма многозначным термином «националисты», их идеология проявила свой фашистский характер, родственный итальянскому фашизму. Франко прямо и публично заявил в марте 1937 года: «Для нас парламентаризм — причина нашего несчастья. Мы установили цеховой режим, который с малой разницей будет аналогичен режиму Италии и Португалии»²⁶⁹. Обращаясь к итальянскому послу, Франко снова подчеркнул эту мысль: «Итальянский народ, несомненно, однороден с нами в идеях и поэтому понял и чувствует испанскую трагедию»²⁷⁰.

Не только каудильо, но и его генералы в этот период исповедовали отчетливо фашистские взгляды. Гонсало Кейпо де Льяно стал искоренять «классовую борьбу» фашистскими методами. На подведомственном ему юге Испании он ликвидировал профсоюзы и в феврале 1937 года создал «Делегацию труда» из «представителей рабочих» всех отраслей. Они должны были вести переговоры с представителями предпринимателей в палатах «Агрикультуры и торговли» и «Морской и промышленной индустрии». Такое странное соединение отраслей объяснялось, вероятно, тем, что генерал хотел свести число палат к минимуму. «Председателями этих палат остаются назначенные мною лица, являющиеся делегатами моего авторитета»²⁷¹, — разъяснял генерал.

Развернутое изложение своих взглядов дал генерал Мола, выступая по радио Саламанки 27 февраля 1937 года. По его мнению, нынешнее движение устойчивее предыдущих, в том числе авторитарно-монархических режимов Испании. Каждый из предыдущих испанских режимов имел фундаментальные недостатки. Монархия пала «вследствие отвращения и презрения, которое чувствовали подданные по отношению к правителям». М. Примо де Ривера, при всем уважении к его диктатуре, «не смог определить цель ее осуществления», деятели республики — рабы еврейского и масонского интернационализма — забыли, что в пробудившихся к общественной жизни слоях «традиционный дух коллективной души крепче, чем материалистическое властолюбие». В отличие от всех этих примеров, националистическое движение во главе с Франко имеет ясные цели, опирается на традиции страны и пользуется поддержкой всех классов. «Это доказывает энтузиазм, который все растет у масс, подтверждает постоянный прилив добровольцев (на деле как раз в это время Франко произвел мобилизацию пяти возрастов — добровольцев уже не было. — *А. Ш.*), утверждают бури аплодисментов, с которыми встречает каждый раз публика нашего генералиссимуса»²⁷².

В программе движения, изложенной Молой, мы снова встречаем «цеховую организацию отраслей промышленности», которая предотвращает возникновение «классовой борьбы — этой создательницы ненависти и главной причины слабости государства». Впрочем, «подавив классовую борьбу» на своей территории с помощью фашистских структур и террора, франкисты не избавились от ненависти. Их целью было не столько преодоление социальной ненависти, сколько сильное государство, которое обеспечит «признание исторической роли Испании и ее преимущественного положения среди свободных стран...». Как и другие фашисты, Мола выступал также в защиту частной собственности (с характерной

оговоркой «защита гражданина от эксплуатации капитала») и государственное регулирование промышленности²⁷³.

В армии культивировалась сплоченность между солдатами и офицерами. Республиканская разведка сообщала, что офицеры фалангисты живут с солдатами, головой отвечают за состояние дисциплины и стойкость бойцов, живут надеждой на привилегированное положение после победы. Ведется эффективная романтически-героизаторская пропаганда²⁷⁴.

Набор взглядов и действий генералов Франко, Мола и др. вполне соответствует критериям именно фашистских режимов²⁷⁵. Это составляет большую проблему для нынешних адвокатов Франко и франкистов. П. Л. Моа Родригес пишет: «Позднее страсть к борьбе, всемирный кризис либерализма и влияние европейских фашистских движений придали восстанию некоторые фашистские черты, которые никогда не достигали полноты итальянского фашизма и тем более немецкого нацизма»²⁷⁶. И в чем же это «некоторые фашистские черты» франкизма не достигли «полноты итальянского фашизма»? Муссолини создал корпоративную социально-политическую систему через несколько лет после прихода к власти, в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Франко — уже в ходе Гражданской войны. Дуче делил власть с королем и монархическими кругами (которые отстранили его от власти, стоило Италии оказаться в затруднительной ситуации), а каудильо сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Итальянские фашисты много лет боролись с оппозицией методами арестов, издевательств и отдельных казней. Франкисты сразу пошли по пути массового террора. Фалангизм Франко оказался жестче итальянской разновидности фашизма и в сфере идеологического контроля, используя институты католичества. Итальянский фашизм — проба пера, испанский — зрелое произведение, отстающее разве что от «классики» нацизма.

После гибели генерала Мола 3 июня 1937 года в авиакатастрофе и успехов в боях на северо-западе страны Франко стал безусловным авторитетом среди своих генералов.

«Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС» фактически стала правящей партией, но ее руководство претендовало на самостоятельность. Франко решил, что пора покончить с остатками плюрализма в стане националистов и слить все политические группы в Фалангу, а фалангистов поставить под свое начало, как армию. Но «хёфе» Фаланги Эдилья критиковал монархизм Франко, считал необходимым после войны проводить более «левую» социальную политику²⁷⁷.

Через своих людей Франко поощрял разногласия между фалангистским вождями, которые, почувствовав близость абсолютной

власти, были готовы решить спор вооруженной силой. 16 апреля товарищи покойного Хосе Антонио Примо де Ривера Аснар, Давила и Морено попытались сместить Эдилью, опираясь на отряды фалангистов. Эдилья собрал своих сторонников. Саламанка оказалась на грани «гражданской войны в тылу гражданской войны». Эдилья попытался арестовать своих противников, вышла перестрелка, погибло по одному активисту. Противники Эдильи были арестованы при помощи армии. Казалось, что он станет правой рукой Франко в объединенной Фаланге. 19 апреля была провозглашена «унификация» — все легальные политические силы националистов (прежде всего карлисты) входили в «Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС», которую теперь возглавлял Франко. Отряды фалангистов распределили по фронтам. Эдилью сделали рядовым членом Политсовета. Тот был возмущен, отказался принять этот пост, а по некоторым данным, даже предпринял шаги к сохранению прежней Фаланги²⁷⁸. Франко считал это подготовкой мятежа, и Эдилья был арестован. Ему вменили в вину беспорядки 16 апреля, и «хефе» был приговорен к смерти. Потом смертную казнь заменили тюрьмой, где оказалась и часть его сторонников.

Франко провозгласил программу государственного регулирования экономики. Во время Гражданской войны эта политика проявила себя, прежде всего, в сельском хозяйстве. По словам испанского историка С. Барсьелы, «земледельцы часто оказывались в ситуации полнейшей неопределенности в отношении цены, которую они должны были получить за свое зерно. Иногда госцена объявлялась в разгар сбора урожая, и часто Национальная служба зерна прибегала к ее увеличению с обратным действием на короткое время в период тяжелой нехватки зерна. Также не соблюдался принцип неизменности системы цен в течение длительного периода. Так как Служба упорно и любой ценой старалась поддержать низкие и стабильные твердые цены, а земледельцы уходили из-под этой системы, Служба... установила твердые стабильные базовые цены, которые дополнялись рядом премий без какого-либо экономического обоснования... Кроме того, Служба допустила одну из худших ошибок, которую можно допустить в системе цен: установление различных цен за одинаковый продукт. Можно без преувеличения утверждать, что именно правительство и ввергло рынок зерна в ужасную путаницу. Установление премий без экономического обоснования привело к тому, что уплаченные цены могли колебаться от 84 до 224 песет за квинталь... Можно заключить, что ошибки и недостатки системы вмешательства в сельское хозяйство в контексте общей и экономической политики, неблагоприятной для экономического прогресса, в большой степени определили производственный крах

сельского хозяйства Испании, который начался в годы конфликта и продолжился в течение бесконечного послевоенного периода»²⁷⁹.

Из-за продовольственных трудностей власти пытались ограничить потребление, вводя «патриотические посты». Вводились косвенные налоги, производился «добровольный» сбор ценных вещей и сбор средств на «дни единого блюда», чтобы накормить нуждающихся. При этом «за недостаточные пожертвования в фонд единого блюда» обыватели штрафовались, о чем сообщалось в газетах²⁸⁰.

19 марта 1938 года по образцу фашистской Италии была принята «Хартия труда», а 9 апреля 1938 года — закон о труде, вводившие корпоративную систему регулирования трудовых отношений, при которой государство руководило «вертикальными синдикатами», объединявшими работников и работодателей. Так были заложены основы послевоенного социального государства Испании. Франкистский режим развивался по фашистскому пути.

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО И ПОМОЩЬ

Франкистская Испания рождалась благодаря своевременной акушерской помощи Италии и Германии.

Советник немецкого посольства в Мадриде Швендеман сообщал 23 июля: «Развитие обстановки в начале мятежа... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников»²⁸¹.

Уже 20 июля Франко через сотрудника итальянского консульства в Танжере Луккарди обратился за помощью к Италии. Ему срочно нужны были транспортные самолеты. Министр иностранных дел Италии Чиано склонялся к тому, чтобы помочь, но Муссолини медлил. Только после того, как определилось нежелание помогать республике Великобритании и колебания Франции, дуче решил вмешаться. 25 июля в беседе с Чиано германский посол фон Хассель выразил опасение по поводу установления «марксистского» режима при поддержке Франции. 27 июля Муссолини решил направить самолеты в Марокко²⁸².

Министр иностранных дел Германии Нейрат выступал за нейтралитет в конфликте. Но по каналам зарубежной организации НСДАП в ночь на 26 июля Гитлер получил письмо Франко с мольбой о поддержке. Прежде Испания отсутствовала во внешнеполитических планах Гитлера, но он быстро оценил открывшиеся возможности: осложнения для Франции, возможность сближения с Италией, появление нового союзника у стратегически важных морских путей²⁸³.

Гитлер и Муссолини протянули руку помощи испанским товарищам в этот критический момент. 28 июля иностранные транспортные самолеты стали перебрасывать мятежные войска из Марокко в Испанию. Авиационное прикрытие позволило Франко переправить часть сил и по морю. Республиканский флот при этом действовал нерешительно (впрочем, как и в дальнейшем). Переброска Африканской армии на территорию Пиренейского полуострова стала критически важным фактором спасения мятежа и превращения его в полноценную гражданскую войну.

В 1936 году Германия поставила мятежникам 173 самолета, Италия — 114. Вскоре стали прибывать боеприпасы, инструкторы. Германия направила в зону конфликта военно-воздушный легион «Кондор». Италия «не препятствовала» отправке «добровольцев» — немедленно было отправлено около 70 тыс. человек, организованных в полки и дивизии.

Для Гитлера гражданская война в Испании была настоящей дипломатической находкой. Сотрудничество в Испании помогало ему окончательно перетянуть Муссолини на свою сторону в дипломатическом противостоянии в Европе. Для дуче Франко был идейным братом. Гитлер относился к ситуации более цинично и был заинтересован в затягивании войны — чем дольше она будет длиться, тем большее раздражение Великобритании и Франции будет вызывать итальянское вмешательство. Сама Германия действовала осторожнее, ограничиваясь посылкой авиации, инструкторов и финансированием каудильо. Франко понимал, что если Италия — реальный союзник, то Гитлер играл на европейских противоречиях, стремясь затянуть испанскую трагедию. Во время Второй мировой войны Франко отплатил Гитлеру той же монетой, уклонившись от прямого участия в войне.

Помощь стран «Оси» помогла мятежникам оправиться от первого удара, полученного в июльские дни. И тут стало ясно, что республиканская милиция, превосходившая армию в условиях сопротивления в городах, не может вести наступательную войну.

Военная промышленность Испании была слабо развита, современное оружие можно было получить только за границей. 24 июля Испания запросила дружественную Францию (где у власти тоже находилось правительство Народного фронта) о возможностях закупки вооружений. Председатель правительства Франции Леон Блюм ответил согласием — почему бы нет, подавление мятежа — внутреннее дело Испании. 23 июля министр авиации Пьер Кот с одобрения Блюма предложил поставить в Испанию 20–30 бомбардировщиков.

Поставки готовились в тайне, но испанский военный атташе в Париже А. Барросо решил посодействовать мятежникам и сообщил о предстоящих поставках прессе. Противники Народного фронта подняли скандал — Франция решила вмешаться в дела соседней страны! Французский премьер Блюм слыл пацифистом, но он же был и лидером Народного фронта Франции. Как пацифист, Блюм не хотел «разжигать войну» в соседней стране, как социал-демократ — хотел помочь Народному фронту Испании.

Одновременно председатель испанского правительства Хираль стучался и в другие двери. Он просил горючее и оружие у англичан, у СССР и сначала даже у немцев²⁸⁴. Уже 22 июля Сталин принял принципиальное решение о продаже Испании горючего по льготной цене²⁸⁵. Однако к практической реализации этого решения советское руководство подошло только в середине августа. Обстановка опять изменилась.

Интернационализация конфликта в Испании оказалась неожиданностью для европейской дипломатии. Сначала казалось, что дело быстро решится или победой переворота, или его разгромом. Вместо этого началась затяжная война, причем во многом — из-за внешнего вмешательства. Теперь с этим нужно было что-то делать.

В этой ситуации 23–24 июля Блюм прибыл в Лондон, чтобы обсудить возможности политики невмешательства, которая могла бы предотвратить помощь участникам внутрииспанского конфликта. Блюму казалось, что этот пацифистский план сможет остановить вмешательство Германии и Италии в обмен на обещание Франции и Великобритании не помогать Республике. Таким образом, Франция избегала угрозы конфликта с Германией и Италией к югу от своих границ.

25 июля — 9 августа французское правительство то запрещало, то снова разрешало продажу французского оружия Испании. За это время Кот протолкнул первую поставку. До начала советской помощи Республика получила 17 истребителей и 12 бомбардировщиков, по качеству уступающих немецким и итальянским.

2 августа Франция обратилась к Великобритании и Италии, а затем ко всем заинтересованным странам, включая Германию, СССР и США, с предложением организовать режим «невмешательства» в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов. Это было бы выгодно Испанской республике, так как она в августе меньше нуждалась в помощи, чем Франко. Германия обусловила свое участие в «невмешательстве» тем, что к нему должен присоединиться также СССР. Для французской дипломатии было важно привлечь к соглашению СССР, и она снискала успех — в этот момент Франция для советского руководства была

важным партнером по «коллективной безопасности». СССР боялся вернуться в положение международной изоляции, а «невмешательство» становилось клубом держав, допущенных к участию в испанских делах.

7 августа заместитель начальника Разведуправления РККА комдив Никонов и полковой комиссар Йолк делали следующие выводы: «Судьба Народного фронта в Испании в значительной степени зависит сейчас от внешнего фактора. По соотношению внутренних сил Народный фронт имеет сейчас явные шансы на победу.

Однако ввиду помощи мятежникам со стороны германского и итальянского фашизма перспективы Народного фронта значительно ухудшаются. Неполучение Мадридом существенной поддержки извне может иметь тяжелые последствия для исхода борьбы»²⁸⁶.

Получив предложение Франции о невмешательстве, заместитель наркома иностранных дел Николай Крестинский советовал Сталину: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам»²⁸⁷. Советское руководство склонялось к поддержке «невмешательства», но при этом оказывало невоенную поддержку Республике. 17 августа Политбюро постановило продать Мадриду мазут на льготных условиях²⁸⁸.

Были оперативно установлены официальные дипломатические отношения между Испанией и СССР, и 24 августа в Мадрид прибыл советский полпред Марсель Розенберг. В Москву был направлен посол Марселино Паскуа.

15 августа соглашение о «невмешательстве» было подписано Великобританией и Францией. 21 августа об участии в «невмешательстве» заявили Италия и Португалия, 23 августа — СССР, 24 августа — Германия. 9 сентября 1936 года был создан Международный комитет по невмешательству, в который со временем вошло 27 государств. При этом, как отмечает историк В. В. Малай, «политическая наивность — полагать, что помощь прекратится, — не была свойственна никому из европейских лидеров, начинавших непростую игру под названием «невмешательство»»²⁸⁹.

Испанский историк А. Виньяс считает, что «республиканцы совершили чудовищную ошибку, когда не оказали жесткого сопротивления принятию Лигой Наций Пакта о невмешательстве»²⁹⁰. Но кто бы стал считаться с мнением Испанской республики, когда по этому поводу определились Лондон и Париж? Через два года Чехословакия окажет «жесткое сопротивление» заключению Мюнхенского пакта, и ее представителей просто выставят за дверь. С того момента, как Франция нашла для себя выход в «невмешательстве», остано-

вить проведение этой политики было нельзя. Испания должна была сопротивляться международному произволу не на дипломатическом паркете, а на полях сражений. И она делала это.

Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что «судьба республики решалась не в Мадриде»²⁹¹. Именно из этого и исходили «вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Кто такие эти испанцы, чтобы решать свою судьбу?! Но дипломатические игры три года буксовали, потому что судьба Испании решалась хоть и не только в Мадриде, но в Мадриде — не в меньшей степени, чем за пределами Испании. Потому что если бы республиканцы не остановили франкистов под Мадридом, в европейских кабинетах по «испанскому вопросу» нечего было бы даже обсуждать. Те авторы, которые убеждают нас, будто «Испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруэля или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»²⁹², пытаются доказать бессмысленность сопротивления воле мироправителей. Получается, не нужно было лить кровь на полях сражений. Достаточно было покорно ждать, что решат в европейских кабинетах. А там уже быстро решили — сопротивление Республики бессмысленно, оно мешает умиротворению. Но оно продолжало мешать. И в этом было его глубокое значение. Это осознано советское руководство. Испания приняла на себя удар фашизма и не сдалась. Начинается сражение на дальних подступах. Следует помогать Народному фронту, потому что он уже начал войну, к которой готовился СССР.

Всерьез «невмешательство» собирались выполнять только либеральные режимы, особенно Франция, перепуганная близостью к ее границам войны и революции. Сейчас, когда мы знаем дальнейший ход событий, включая позор Мюнхена и капитуляции Франции 1940 года, позиция СССР предстает и как более благородная и как более разумная. Умиротворение провалилось.

Но в 1936–1938 годах у него были шансы на успех (хотя, вероятно, этот успех был бы страшнее провала 1939–1940 годов), и успех этот заключался в перенаправлении энергии германской агрессии на восток. А Испания, оказав это «досадное» сопротивление фашизму, смешивала карты, направляла внимание Гитлера совсем не туда, «куда следовало», — на запад. Геополитическая логика умиротворителей настолько подводила их, что они готовы были поставить Францию в окружение фашистских государств, лишь бы те потом обратили взоры прочь от Пиренеев.

Единственной страной, которая в силу своей удаленности от Германии, Италии и Японии могла не просто помогать Испанской республике, но и делать это открыто, была Мексика. Президент Кар-

денас говорил в марте 1937 года: «нам нечего скрывать нашу помощь Испании, мы будем продолжать снабжать ее оружием»²⁹³. Современного оружия Мексика не производила. Она могла быть формальным посредником для тайных поставок оружия из СССР.

Мексиканцы и симпатизанты испанской республики во Франции пытались и после начала «невмешательства» без лишнего шума переправлять оружие республиканцам. Иногда это приводило к трагикомичным эпизодам. Так, попытка купить оружие в Румынии привела к громкому скандалу, сказавшемуся на политической ситуации в этой стране. Закупку в октябре 1936 года пытались организовать мексиканское консульство в Бельгии, которое действовало через российского эмигранта Дормана. Закупить надеялись французские самолеты, проданные Румынии, после чего французский министр Кот, относившийся к сделке благосклонно, должен был продать румынам другую партию самолетов. Чтобы обеспечить беспрепятственное прохождение сделки, Дорман начал, по выражению советского полпреда Михаила Островского, «распределять бакшиши». В числе бакшишеполучателей называют многих, включая Татареску, однако явно скомпрометированными оказались несколько офицеров и председатель сената доктор Чугуряй, на имя которого нашли копию письма — договора о вознаграждении в 12 000 французских франков за каждый вывезенный авион». В порт было доставлено 50 самолетов. Для октября 1936 года, когда советская помощь еще только начала поступать, это была бы существенная помощь. Однако Дорман допустил ошибку, не заплатив взятку любимой женщине короля: «Наиболее ехидные наблюдатели румынской жизни утверждают, что возмущению короля послужило главной причиной то обстоятельство, что при распределении бакшишей была совершенно забыта мадам Лупеско, без которой, как вам известно, ни одна „трефная“ сделка не может быть сделана». Король потребовал расследования, премьер-министр Георге Татареску возложил всю ответственность на военного министра Каранфила, которого отправили в отставку. Сделка была сорвана²⁹⁴.

Устойчивые и широкомасштабные поставки вооружений республиканцам после отказа Франции мог предоставить только СССР.

Для СССР и по идеологическим, и по внешнеполитическим соображениям было принципиально важно, чтобы Республика не была разгромлена. Сталин решил протянуть ей руку помощи, хотя бы и через всю Европу, где многие хотели бы эту руку «укусить».

В. В. Малай связывает «резкие изменения в политике СССР», то есть решение советского руководства оказать военную помощь Испании, с формированием правительства левого социалиста Франсиско Ларго Кабальеро, в которое вошли коммунисты²⁹⁵. Но из-

менения были не столь уж резкими, и здесь, очевидно, действует обратная причинно-следственная связь. Коммунисты получили разрешение войти в правительство потому, что советское руководство решило всерьез действовать в Испании. Еще с начала августа в СССР раскручивалась кампания солидарности с Испанской республикой. Уже 9 августа Крестинский докладывал Сталину о подготовке закупок для Испании от имени «третьего государства» (для этого подходила Мексика)²⁹⁶. По мере того, как невмешательство рушилось на глазах, активизировалась и советская работа по помощи Испании. Но Сталину нужны были гарантии. Формирование правительства широкой антифашистской коалиции оказалось очень кстати, и коммунисты согласились войти в правительство Ларго. Характерно, что при формировании правительства Народного фронта во Франции они в кабинет не входили, не желая брать на себя правительственную ответственность.

6 сентября 1936 года Сталин дал указание Кагановичу изучить возможность переправки самолетов в Испанию под видом закупок в Мексике. К 14 сентября по указанию политического руководства иностранный отдел НКВД и Разведуправление НКО разработали план «операции X» — отправки военной помощи Испании.

Германия и Италия были ближе и могли спокойно перебрасывать военные материалы и войска через Португалию. Португальский диктатор Антониу Салазар активно поддерживал Франко, и проконтролировать переброску «нелегальных грузов» через португальско-испанскую границу было практически невозможно. Более того, осенью 1936 года полиция Бордо вскрыла контрабанду даже французского оружия (бомб) в пользу Франко²⁹⁷.

Советский Союз был далеко, а Италия — близко. Транзит грузов из Германии и Италии в Португалию и дальше к Франко шел гораздо интенсивнее, чем полулегальные поставки, организованные СССР. В результате Франко получил очевидную выгоду от политики «невмешательства». Приобретая боеприпасы и авиацию, франкисты стали стремительно продвигаться вперед.

Осознав, что политика невмешательства не способна помочь Республике, советское руководство 26 сентября приняло решение об оказании военной помощи Испании. Сделано это было не без колебаний — еще накануне советская сторона давала понять республиканцам, что не заинтересована в эскалации конфликта и опасается расширения интервенции фашистов²⁹⁸.

7 октября 1936 года советский представитель Сергей Каган выступил с разоблачением грубых нарушений соглашения о «невмешательстве» Италией, Германией и Португалией. Он констатировал, что в условиях постоянного потока помощи мятежникам, в частно-

сти через Португалию, соглашение о невмешательстве фактически не действует. Если это не прекратится, если нарушения в Португалии не будут расследованы, СССР грозил выходом из соглашения.

Впрочем, СССР не собирался выходить из соглашения по «невмешательству», которое в октябре 1936 года не соблюдали ни Германия, ни Италия, ни сам СССР. Во-первых, необходимо было сохранять с таким трудом налаженные отношения с Францией как с потенциальным союзником против Германии в Центральной и Восточной Европе (французы предупредили, что в случае столкновения СССР и Германии в Испании советско-французский пакт действовать не будет). Во-вторых, СССР не хотел в это время выглядеть международным буяном, срывающим миротворческие инициативы. В-третьих, механизм «невмешательства», как казалось, позволяет хотя бы отчасти контролировать и сдерживать вмешательство Германии и Италии. В действительности, поняв, что французские демократы предали испанских демократов из страха перед войной и революцией, фашистские державы в Испании практически не стеснялись в действиях.

23 октября на заседании Комитета по «невмешательству» СССР заявил о том, что ввиду систематических нарушений другими странами соглашения о невмешательстве советское правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения. Таким образом, СССР провозгласил, что будет соблюдать соглашение в той же степени, что и Германия, и Италия. То есть в минимальной.

Первый пароход с советским оружием прибыл в Испанию 14 октября (десятью днями ранее советское оружие привез испанский пароход). Помощь пришла вовремя. В октябре 1936 года развернулись бои на подступах к столице Испании. 22 октября фашисты начали бомбить Мадрид. 28 октября в бой вступили советские летчики, а 29 октября — танки. Советские военные специалисты помогали в планировании операций. Всего за период Гражданской войны в Испании присутствовало около четырех тысяч советских граждан — летчиков, военных специалистов, советников и т. д.

С осени 1936 года СССР, Германия и Италия вмешивались в конфликт в Испании почти открыто. Поставки по воде были связаны с большим риском, так как итальянцы развернули в Средиземном море подводную войну. В ноябре 1936 года в результате атаки Картахены подводными лодками был поврежден крейсер «Мигель Сервантес». Министр авиации и флота Прието комментировал: «мятежники никогда не располагали собственными подводными лодками»²⁹⁹. Сомнений не было — это были итальянцы. 14 декабря 1936 года фашистами был потоплен советский пароход «Комсомол».

К середине 1937 года было потоплено еще два советских корабля. С 30 октября 1936-го по 9 апреля 1937 года был задержан 81 советский корабль, к июлю 1937 года потоплено три советских корабля.

В августе 1937 года «неизвестные подводные лодки» разбушевались еще сильнее. Они атаковали 17 нейтральных судов, в том числе семь британских, топили суда не только в испанских территориальных водах, но и в Эгейском море и даже у Дарданелл. Поскольку страдали суда даже «владычицы морей», это привело в июле 1937 года к нарастанию напряженности в англо-итальянских отношениях.

14 сентября 1937 года в Нионе было подписано соглашение, по которому британскому и французскому флотам поручалось поддержание безопасности судоходства в Средиземном море, при содействии других желающих держав. Их кораблям разрешалось топить подводные лодки, которые атакуют торговые суда. Но СССР не планировал участвовать в патрулировании — у него не было баз в этом регионе. Агрессор назван не был, что вскоре позволило Италии... присоединиться к патрулированию. Соответствующее соглашение было подписано 30 сентября. Англо-французская эскадра не заходила в итальянскую зону ответственности, где флот Муссолини «искал» собственные подводные лодки. С января 1938 года возобновились систематические потопления нейтральных, в том числе британских судов.

Обобщая для советского руководства ход военных действий на море, капитан второго ранга Алафузов писал, что различие в положении двух сторон заключается в том, что фашистские перевозки производились на итальянских и немецких судах под прикрытием итальянского военного флота, на который республиканцы не могли напасть, а «перевозки оружия в республиканские порты производились почти исключительно на республиканских торговых судах, и уже это полностью развязывало руки фашистам... Все это привело к тому, что роли в борьбе на коммуникациях распределились таким образом, что республиканцы остались стороной, борющейся за сохранение своих коммуникаций и ни в какой мере не посягающей на коммуникации противника, фашисты — стороной, стремящейся разрушить коммуникации противника и нисколько не озабоченной защитой своих коммуникаций»³⁰⁰.

Таким образом, уже к октябрю 1936 года стало ясно (и затем этот факт находил все больше подтверждений), что «невмешательство» стало формой умиротворения агрессора со стороны Великобритании и Франции. Правительство Народного фронта Франции готово было оставить Народный фронт Испании на съедение фашистам. В этих условиях у Республики остались два союзника — СССР и

Мексика. Оба — крайне удаленные от места событий. И только СССР производил современное оружие, которое могло тягаться с германским и итальянским.

Вмешательство СССР в Испании вызывало недовольство лидеров не только Германии и Италии, но также Великобритании и Франции. Сторонник союза с ними нарком Литвинов писал 4 ноября: «Испанский вопрос, несомненно, значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией и посеял сомнения в Бухаресте и даже Праге»³⁰¹. Однако сближение с Францией достигло пика до начала войны в Испании, когда были заключены договоры о взаимопомощи. Цену им покажет кризис вокруг Чехословакии. Так что кризис в Испании не столько ухудшил, сколько своевременно высветил суть отношений СССР с Францией и ее союзниками.

Общий объем «операции X», то есть советской помощи Испании, был подсчитан в итоговом отчете заместителя начальника 11 отдела генштаба майора Пенчевского и начальника 2 отделения этого отдела военинженера 1 ранга Обыдена. Отчет суммировал данные по перевозкам до 21 января 1939 года. Всего в ходе «Операции X» был организован 51 рейс: по маршруту Черное море — Картахена — 32 рейса, Ленинград — Бильбао — 2, Мурманск — Франция — 14, через третьи страны — 3 рейса. Пароход «Гильзинек» прибыл в Бордо 30 января, но из-за падения Каталонии уже не был разгружен и вернулся. Общий тоннаж 50 пароходов составил 286 600 тонн. В Испанию Советским Союзом был отправлен 701 самолет, 156 453 бомбы, 64 748 320 авиапатронов, 615 запасных моторов. Разнообразна была номенклатура артиллерии и боеприпасов: орудий среднего калибра — 334, крупного — 135. Итого — 469. Снарядов среднего калибра было отправлено 879 849, крупного — 217 142. Итого — 1 096 991 снарядов этих калибров. Еще было отправлено 185 45-миллиметровых противотанковых орудий, 30 45-миллиметровых танковых орудий, 2 095 978 45-миллиметровых снарядов, 30 пушек Маклена, 441 000 37-миллиметровых снарядов, 64 зенитных орудий и 161 909 снарядов к ним. Итого — 778 орудий и 3 795 878 снарядов. Советский Союз поставил Испании 281 танк Т-26 и 50 танков БТ, 60 броневиков, 7019 станковых пулеметов, 12 650 ручных пулеметов (в том числе 2000 чешских), 424 183 винтовки, в том числе 50 000 чешских, 860 188 724 винтовочных патрона, в том числе 60 600 200 чешских, 4 торпедных катера, 16 торпед, 400 глубинных бомб, 54 патронных станка, 19 раций, 25 прожекторов. Стоимость всего имущества, переправленного на 48 пароходах, составила 171 236 083 долларов. Неоплаченными оказались два последних — «Виннипег» и «Бонифацио»³⁰².

Эффективность использования этого оружия могла быть куда выше. Как докладывал в 1938 году Роман Малиновский, «если посчитать брошенное оружие республиканцами за всю войну, то его хватило бы с избытком на целую новую армию...»³⁰³

Впрочем, Сталин предпочитал вести беспроблемную игру. Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 тонн испанского золота прибыло в Одессу 5 ноября 1936 года. Этот запас был исчерпан только к концу 1938 года, и лишь последние, уже нерегулярные поставки были произведены «в кредит».

Первоначально советские специалисты с удовольствием докладывали: «Воздушные бои неизменно заканчиваются перевесом в нашу сторону»³⁰⁴. Советским летчикам удалось добиться прекращения систематических бомбардировок глубоких тылов республики, включая Картахену и Альбасете. «Хейнкели» и «Фиаты» отставали от советских И-15 по маневренности и от И-16 — по скорости. Ситуация стала меняться к худшему в середине 1937 года, когда в воздухе появились новейшие немецкие «Мессершмитты-109» и «Хейнкели-111», а союзники Франко стали резко наращивать поставки.

Советские летчики в Испании работали до изнеможения: за пять месяцев в среднем на каждого приходилось по 250 часов боевой работы. «Без советских пилотов война с началом помощи пошла бы намного хуже для Республики, попросту потому, что в битве при Мадриде у нее не было достаточного количества опытных летчиков, и мало кто был знаком с новыми самолетами, прибывавшими с Востока»³⁰⁵, — считает историк А. Виньяс.

Потери авиации составляли 400 % в год. Роль советских специалистов-авиаторов в 1936–1938 годах оставалась ключевой. Все решения испанского авиационного командования согласовывались с главным советником авиации Я. Смушкевичем.

Советские танки БТ-5 и Т-26 также превосходили немецкие и тем более итальянские. Но возможности применения танков были ограничены гористым рельефом Испании.

В целом, конечно, вмешательство фашистских государств значительно превышало помощь СССР. Прежде всего, Италия и Германия направили в Испанию свои боевые части, а не только советников. Здесь постоянно находилось до 50 000 итальянских солдат и до 10 000 немецких³⁰⁶. Через Испанию прошли 150–200 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев³⁰⁷. По советским данным, Германия и Италия поставили в Испанию соответственно: 593 и 1000 самолетов, 250 и 950 танков и бронемашин, 700 и 1930 орудий, 6174 и 1426 минометов, 31 000 и 3436 пулеметов, 157 306 и 240 747 винтовок³⁰⁸. Это гораздо больше, чем мог себе позволить СССР.

Франко снабжался в основном «в кредит», причем общая стоимость «помощи» была столь значительна, что вряд ли можно было рассчитывать на ее возмещение в обозримом будущем.

«Невмешательство» обеспечило фашистам перевес в снабжении своего союзника в Испании.

НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНКИСТОВ И РЕВОЛЮЦИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Высадившись на юге Испании с итало-германской помощью, Африканская армия, верная Франко, стремительно двинулась вглубь Андалузии и далее в Эстремадуру, на соединение с северной группировкой под командованием Моли. Опираясь на Севилью, марокканцы взяли Мериду и Бадахос, после чего зарубежная помощь смогла беспрепятственно поступать к Франко из союзной ему Португалии. Одновременно генерал Хосе Варела ворвался в Гранаду и Кордову. 20 августа он двинулся на Мадрид. Под Медельином Африканская армия под командованием Хуана Ягуэ столкнулась с республиканской армией Эстремадуры генерала Хосе Рикельме. У Ягуэ были лучшие испанские войска, обстрелянные и спаянные во время колониальной войны в Марокко, профессионалы своего дела. Им противостояли разрозненные армейские части, оставшиеся верными Республике, и многочисленная, но еще совершенно не научившаяся воевать республиканская милиция. Неудивительно, что республиканцы потерпели неудачу.

3 сентября Ягуэ взял Талавера-де-ла-Рейна, что позволило франкистам «широким фронтом» объединить свои силы и, соответственно, две зоны, занятые в августе, — северную и южную. Отныне запад Испании контролировали франкисты, а восток — республиканцы. На севере продолжала держаться республиканская зона в Астурии и стране Басков.

Целью Франко был Мадрид, но перед решающим наступлением он должен был отвлечься на взятие Толедо, где в крепости Алькасар был заблокирован гарнизон мятежников. Толедо был взят без значительного сопротивления, а оборонявшиеся почти полтора месяца защитники Алькасара во главе с полковником Хосе Москардо прославлены как герои «крестового похода» против республики. Но уже скоро битва за Мадрид представила другие образцы стойкости, теперь уже со стороны республиканцев.

Падение Талаверы показало, что Республика не может пока построить эффективную оборону. Для согласования многочисленных региональных, партийных и социальных интересов необходи-

мо было новое правительство. Поскольку кортесы не отражали фактической расстановки сил (анархо-синдикалисты в них вообще не были представлены), правительство отныне формировалось с опорой на левые организации, пользующиеся реальным влиянием.

4 сентября было сформировано правительство во главе с лидером ИСПП Франсиско Ларго Кабальеро, в которое вошли шесть социалистов (включая умеренных оппонентов Ларго — Индалесио Прието, Хулио Альвареса дель Вайо и Хуана Негрина), два коммуниста, три либерала (среди них экс-премьер Хираль) и представитель «Эскьеры», партии Компаньса. 4 ноября к ним присоединились четыре министра от НКТ. Таким образом, впервые в Западной Европе в правительство вошли коммунисты, и впервые в истории — анархо-синдикалисты. Ключевой пост военного министра Ларго Кабальеро оставил себе.

В период правления Ларго Кабальеро военное строительство Республики основывалось на сочетании принципов милиционности на уровне подразделений и регулярности на уровне управления частями. Милиционная самоорганизация бойцов иногда затрудняла управляемость, но добавляла энтузиазма и самоотверженности бойцам. Важно было найти правильный баланс с принципами регулярной армии, и при Ларго его искали. Это сочетание не уберегло Республику от поражения в Малаге в феврале 1937 года, но позволило отстоять Мадрид и одержать победу над итальянским «добровольческим» корпусом под Гвадалахарой в марте 1937 года.

В октябре Ларго санкционировал формирование интернациональных бригад — воинских соединений, состоявших из зарубежных добровольцев, как правило, коммунистов, социалистов или анархистов, прибывавших в Испанию в основном по линии Коминтерна. Они имели собственное командование. Так, первой интербригадой, которая получила 11-й номер, командовал австриец Манфред Штерн (псевдоним Эмиль Клебер), второй — с номером 12 — венгр Мате Залка (Лукач) и т. д. В 1936 году были созданы четыре интербригады, в 1937 году — еще три. Всего на стороне Республики воевало около 40 тыс. интернационалистов из 54 стран.

Начало Гражданской войны, массовое вооружение активных граждан в Республике привели к началу уже не просто политической, а глубокой социальной революции.

Теперь каждая партия и профсоюз имели свои вооруженные формирования. Вопреки предсказаниям правых, это не вызвало хаотической войны всех против всех. В июле во многих регионах страны возникли местные центры власти — Центральный комитет антифашистской милиции Каталонии (в октябре преобразован в

многопартийное правительство — Женералитат — с участием анархистов), правительство Страны Басков, Совет Астурии и Леона, Арагонский Совет, Хунта Сантандера и др. В эти органы входили представители партий Народного фронта и анархисты. Советы и хунты пользовались широчайшей автономией. Особенное значение среди этих автономных районов имела Каталония, где было сосредоточено около 70 % промышленного потенциала республиканской зоны. Колонны каталонских анархо-синдикалистов заняли большую часть соседней провинции Арагон. 6 октября на конференции делегатов деревень и колонн НКТ в Бухаралосе был создан Арагонский Совет, в котором доминировали анархисты.

Каталония была промышленной базой республики, а Арагон — одним из важнейших сельскохозяйственных регионов. Здесь сторонники НКТ инициировали радикальные социальные преобразования, которые поддержала часть ВСТ — в том числе и за пределами этих двух регионов. Лидеры анархо-синдикалистов уже к началу августа поняли, что сразу ввести анархию и коммунизм не удастся и нужно действовать постепенно. В июле — сентябре 1936 года волна захватов предприятий рабочими сделала профсоюзы, прежде всего НКТ, хозяевами экономики. Влияние НКТ резко возросло. Эмиссар Коминтерна Андре Марти признавал: «Анархисты держат под своим контролем прямо или косвенно всю основную промышленность и сельское хозяйство страны»³⁰⁹.

В соответствии с анархо-синдикалистской доктриной рабочие-синдикалисты взяли предприятия в свои руки. Этот процесс назывался по-разному: коллективизация, инкаутация, синдикализация.

Большое значение в успехе производства играл энтузиазм рабочих, ощущавших себя хозяевами предприятий. Большую роль в управлении заводом, фабрикой, координации работы предприятий, сбыте продукции играли профсоюзы. Практически на всех предприятиях Каталонии были избраны рабочие советы. По соглашению с рабочими на их заседании мог присутствовать представитель Женералитата. 24 октября 1936 года Женералитат по инициативе НКТ декретировал коллективизацию большей части промышленности региона. Коллективизации подлежали предприятия, на которых было занято свыше 100 человек. Остальные предприятия также могли быть коллективизированы по особому решению рабочих. Предусматривалась единообразная система самоуправления: коллектив избирал совет, а совет — директора. Декрет легализовал около 2000 уже работавших коллективных предприятий и положил начало новой волне коллективизации. Еще 11 августа 1936 года был создан Экономический совет Каталонии, состоявший из представителей отраслей³¹⁰.

Историк А. А. Сагамонян отрицает эффективность синдикалистской экономики априори, ибо она «исключает такой критерий, как эффективность», не является «моделью развития» и обречена на проедание основного капитала³¹¹. Однако в доказательство А. А. Сагамонян не приводит никаких фактов — только либеральные идеологические постулаты, которым он привержен.

Посмотрим, как обстояло дело на самом деле. Коллективизация происходила в экстремальных внешних условиях.

Добывающая и продовольственная промышленность особенно зависели от зарубежных рынков, и по ним ударил разрыв с Италией и Германией и особенно морская блокада. Как отмечают испанские авторы, «с сентября 1936 года возник недостаток хлопка, джута и текстильного сырья в целом, а также бумаги; в октябре прекратились поставки для химической промышленности, с ноября перестало хватать фосфатов для удобрений. В том, что касается энергоносителей, то нехватка угля возникла с октября 1936 года, и он был заменен лигнитом; нехватка тяжелых масел возникла с ноября того же года. Трудности с поставкой бензина появились в октябре 1936 года и усилились в мае 1937 года, а в середине 1938 года бензин полностью исчез... Негативно повлияла на коллективизированную текстильную отрасль потеря большей части внутреннего рынка, куда до войны поставлялось 75 % каталонского производства хлопковых тканей и 79 % — шерстяных тканей»³¹².

И в этих тяжелейших условиях с июля по декабрь 1936 года производство промышленности Каталонии упало всего на 29 % и стабилизировалось до июня 1937 года³¹³ (когда началось силовое разрушение синдикалистской системы противниками анархистов).

А вот наиболее капиталоемкое металлургическое производство Республики после коллективизации выросло. Если принять за 100 % средний уровень производства металлургии Каталонии в первой половине 1936 года, то в сентябре оно составило 105,1 %, в октябре — 118,2 %. В ноябре 1936 года отрасль испытала падение до 76,6 %, но в декабре «отыграла» до 134,7 %, в январе 1937 года — до 130,3 %. После падения до 92 % в феврале снова последовал рост до 106,2 %, а в мае — рывок до 145,6 %. После падения правительства Ларго Кабальеро и начала свертывания коллективизации при Негрине падение стало необратимым. Октябрь 1937 года — 32,8 %, октябрь 1938 года — 35,6 %³¹⁴. Таким образом, в первые месяцы правления Негрина металлургическое производство упало в несколько раз, а в период расцвета коллективизации росло, опровергая либеральные догмы.

Зависимость эффективности производства от наличия самоуправления иллюстрирует динамика добычи угля на синдикали-

зированных рудниках Берге. В августе 1936 года было добыто 302 т сырья. В сентябре, после коллективизации (инкаутации) добыча снизилась на две тонны, однако уже в октябре возросла до 334 т, а в декабре 1936-го — до 360 т. В январе-феврале 1937 года добыча падает до 328–335 т (уровень октября 1936 года), но в июне-июле восстанавливается. Однако в августе-декабре 1937 года, по мере вытеснения самоуправления государственным контролем, добыча угля падает до 235 т³¹⁵. Таким образом, фактический материал подтверждает, что введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что анархо-синдикалисты «развалили производство» можно считать окончательно опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превысить довоенные показатели. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина, подорвала экономику Республики.

Особое значение в условиях войны имело военное производство, особенно если учесть, что до войны современное оружие в Испании почти не производилось. Состояние военной промышленности Испании и особенно Каталонии оказывается в перекрестье множества концептуальных дискуссий. Могла ли Испания производить оружие, и в какой степени? «Развалили» анархо-синдикалисты военную промышленность или нет? И если выясняется, что военная промышленность Испании и особенно Каталонии работала успешно, то чья это заслуга?

Для представителей самых разных идейных течений важно доказать, что эффективной альтернативы их экономическому идеалу не существует. И коммунисты с их верой в государственное хозяйство, и либералы со священной коровой частной собственности весьма критически относятся к попытке трудящихся организовать самоуправление. Они заранее уверены в том, что анархо-синдикалисты развалили экономику Республики и именно они виноваты в том, что республиканцы не смогли наладить производство собственных боеприпасов в достаточном количестве. Здесь открывается богатая возможность для того, чтобы найти «крайнего» и за поражение Республики, и за подчинение ее воле Сталина — ведь иначе нельзя было получить боеприпасы и технику.

Спору нет — советская помощь была важным фактором, и монополия СССР в деле помощи республиканцам вытекает не только из состояния испанской экономики, но и из блокады, которую установили в отношении Республики либеральные режимы Европы.

Тем не менее проблема остается: насколько предприятиям, работающим в соответствии с принципом производственной демократии, удалось сделать все возможное для обороны?

Важный свидетель, которого нельзя заподозрить в стремлении обелить анархистов и скрыть теневые стороны их деятельности, — советский консул в Барселоне Владимир Антонов-Овсеенко. Прибыв в Каталонию, Антонов-Овсеенко стал вникать в дела каталонских предприятий так энергично, что это вызвало даже недовольство министра Женералитата: советский консул «отдает приказы даже отдельным заводам»³¹⁶. Конечно, Антонов-Овсеенко мог давать не приказы, а советы. Во всяком случае, он внимательно ознакомился с состоянием коллективизированной экономики, консультировался с советскими специалистами, также направленными на предприятия. И главный вопрос, который волновал Антонова-Овсеенко, — каким образом добиться максимальной производительности боеприпасов.

Первый диагноз Антонова-Овсеенко в конце октября таков: «Производительность патронных заводов Барселоны 60 тысяч штук в день. Нужны автоматы»³¹⁷. Следующее свидетельство в середине ноября: «Производство патронов выросло в 5 раз до 200 тысяч штук в сутки. Больше нельзя — нет инструментальной стали и инструментов»³¹⁸. Таким образом, производственная демократия синдикалистов выжала из имеющегося оборудования все, что возможно. Дальнейшее повышение производительности труда было реально только при условии поставки из СССР автоматического оборудования по производству патронов, инструментальной стали и инструментов. Главный военный советник Ян Берзин рекомендовал поставить в Испанию автоматическую патронную линию производительностью в 2 млн патронов в сутки³¹⁹. На это Сталин не пошел. В этом — ключевая причина невозможности наладить производство достаточного количества боеприпасов в республиканской Испании. Не мог наладить его и Франко, но к нему боеприпасы в изобилии поступали от союзников.

Несмотря на такой «приговор» — повысить производительность труда на таком оборудовании невозможно, синдикалистская экономика сделала невозможное. 11 декабря 1936 года Антонов-Овсеенко докладывает: «Производство патронов за месяц выросло втрое, но вдвое меньше потребления Арагонского фронта»³²⁰. В апреле 1937 года Каталония производила около 300 тысяч патронов³²¹.

При этом все разумное, что предлагают советские специалисты, НКТ вполне готова принять: «Абад де Сантльян поддержал советские предложения по интенсификации военной промышленности»³²².

Советский консул подтверждал, что и по производству снарядов коллективизированные предприятия также достигли пределов объективных возможностей. В марте он докладывал: «Производство снарядов составляет 4000 шт. в день. Нельзя повысить, как требуется, до 20 000 шт. из-за объективного недостатка материалов... Последнее обстоятельство объективно проверено и подтверждено»³²³.

Таким образом, советские данные позволяют ответить на вопрос — как сказывались анархистские идеи синдикализации на военном производстве Каталонии? Военное производство в период гегемонии анархо-синдикалистов достигло пределов возможного и даже несколько превзошло их³²⁴. Это произошло прежде всего за счет энтузиазма и организационных возможностей самоуправления и производственной демократии. Дальнейшее развитие ВПК Испании определялось тем, будут ли поставлены из СССР не только оружие и боеприпасы (которые, кстати, почти не доходили до Арагонского фронта), но еще и высокопроизводительное оборудование. Что для Сталина было неприемлемо из-за подозрительного отношения к Каталонии, где верховодили анархисты и были влиятельны «троцкисты».

Производственная демократия способствовала привлечению как можно большего числа работников к решению нестандартных проблем перестройки экономики на военный лад. До войны собственно военной была одна фабрика в Каталонии — пиротехническая в Реусе. «Множество вопросов должны были найти техническое решение: может ли фабрика губной помады производить ящики с гильзами?»³²⁵ — комментирует Х. Томас. Положительные ответы были найдены. В Каталонии было налажено массовое производство стрелкового оружия, патронов и даже броневиков³²⁶. В Барселоне производились даже танки, впрочем, довольно несовершенные³²⁷. В военной промышленности Каталонии было занято 50 000 рабочих³²⁸.

Впрочем, и неудачи, и успехи военного производства нельзя относить только на счет анархо-синдикалистов. Во-первых, в деле коллективизации хоть и лидировала НКТ, но она действовала совместно с ВСТ. Во-вторых, Каталония была хоть и важнейшим, но не единственным местом производства вооружений и боеприпасов. В-третьих, и в Каталонии, и на остальной территории Республики производством вооружений и боеприпасов занимались не только работники и их самоуправление, но и государственные структуры, которые могли как помогать, так и мешать самоуправлению³²⁹.

В остальной Республике тоже кипела работа, но успехи ее были скромнее, чем в Каталонии. С декабря 1936-го по апрель 1937 года производство патронов выросло с 380 до 500 тыс. штук³³⁰. Эта циф-

ра, которой пользуются исследователи³³¹, нуждается в уточнении. В апреле за пределами Каталонии производилось 90 тысяч патронов в Картахене, 30–50 тысяч в Валенсии, и еще 100 тысяч переснаряжалось из собранных гильз в Мадриде³³². Как видим, результат усилий центрального правительства оказался куда скромнее, чем у каталонцев, производивших около 300 тысяч. Сюда нужно добавить еще более 120 тысяч патронов, производимых на Севере³³³. Всего получается более 650 тысяч патронов. К тому же в марте 1937 года Каталония обеспечивала потребности в снарядах на Арагонском фронте и отправляла в центральную Испанию еще 1500 снарядов в день³³⁴.

Анархо-синдикалисты ввели в Каталонии бесплатное медицинское обслуживание. После прихода к руководству министерством здравоохранения Испании анархо-синдикалистки Федерики Монтсени бесплатное медицинское обслуживание стало распространяться по всей стране. Развертывались новые места для больных туберкулезом, укреплялась профилактика эпидемиологических заболеваний (несмотря на войну, в это время в Испании не происходили эпидемии), создавались детские медицинские учреждения. Вводились новые методы спасения раненых (включая переливание крови), которые предложили медики-интернационалисты. По словам историка Х. Томаса, эти методы «произвели медицинскую революцию»³³⁵.

В целом, сохранялись низкий (даже по сравнению с прежним) уровень жизни, очереди за хлебом, дефицит продуктов питания. Но в 1936–1937 годах голода не было. Однако если первоначально аскетическая мораль рабочего класса накладывала отпечаток на жизнь Барселоны, то со временем этот пуританизм исчез. Посетивший столицу Каталонии в январе–феврале 1937 года Ф. Боркено писал о «возрождении мелкобуржуазных элементов» и о том, что «девушки уже не боятся надевать свою лучшую одежду»³³⁶. Образ жизни Барселоны в 1937 году напоминал советский НЭП — с ресторанами и очередями за дешевыми продуктами, с бедными и богатыми, но все же с поддержанием минимальных социальных гарантий и с ощущением населения, что страна стремится к социализму.

Одновременно с городской коллективизацией развернулось инициированное анархистами движение за коллективизацию сельского хозяйства. Она сопровождалась революционным земельным переделом, вызванным массовым бегством помещиков из республиканской зоны. Брошенные латифундии конфисковывались. 7 октября 1936 года конфискация земель бежавших помещиков (а бежали почти все) была подтверждена республиканским законом.

Первоначально движение коллективизации было поддержано и НКТ, и ВСТ. В руках коллективов находилось около 9 миллионов

аков земли. Большинство коллективов руководили анархисты. Очаг движения располагался в Арагоне (около 450 коллективов), но движение охватывало также Каталонию и другие регионы, в которых анархисты не находились у власти (Андалусия, Кастилия, Левант и др.). Четыре пятых коллективов было образовано там. В Леванте, например, в коллективы объединились около 40 % крестьян. Даже в Арагоне коллективизация не была всеобщей — в коллективы вступило около 70 % населения провинции. Коллективы включали в среднем по несколько сот крестьян (минимально 30 и до 5000). Часть крестьян коллективизированного села в коллектив не входила, продолжая вести индивидуальное хозяйство.

Основная часть имущества в результате коллективизации становилась общей, работу вели совместно. Важнейшие решения принимались на общих собраниях, однако повседневное руководство осуществлялось лидерами коллективов. Ассамблеи решали множество вопросов — от строительства школы до определения хлебных раций.

Крестьян привлекали в коллектив выгоды совместного ведения хозяйства в тяжелых условиях войны (прежде всего в области товарообмена и культурной жизни, которые обеспечивались и поддерживались структурами НКТ), а также идеологическое давление (в отдельных случаях и принуждение) со стороны анархистов. Однако коллективы развивались и в тех регионах, где влияние анархо-синдикалистов не было доминирующим, — в Леванте и Кастилии. Коллективы были удобны и для оказания помощи фронту, для организации снабжения и установления «социального равенства», к которому стремились крестьяне в это время. Большинство коллективов отменило деньги и ввело уравнилительное распределение. Положение с продовольствием весной 1937 года заметно улучшилось, расширялись посевные площади³³⁷.

В результате в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного — прежде всего развитой системой самоуправления и участия тружеников в принятии производственных решений.

Эффективность производства в синдикалистском секторе была различной, так как синдикалистская экономика сама по себе была весьма многообразной. По словам историка Г. Джексона, «где сырье было доступно, где рабочие были гордыми и умелыми в обслуживании своих машин, где благоразумная часть персонала симпатизировала революции, фабрика работала успешно. Где сырья было мало, где не могли найти запчастей, где соперничество НКТ и ВСТ разде-

ляло рабочих и где политические цели ставились выше работы, там коллективные предприятия терпели неудачи»³³⁸.

Производственные преобразования имели многообразные последствия в социальной сфере. Так, обеспеченное синдикатами снижение цен на билеты в учреждениях культуры привело к массовому притоку зрителей. Многие рабочие и крестьяне впервые смогли посетить театр и кино. Количество детей, обучавшихся в школах Барселоны, возросло с июля 1936-го по июль 1937 года с 34 431 до 116 846³³⁹.

Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 году это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере. Но прежде нужно было остановить наступление франкистов.

Битва за Мадрид и война с переменным успехом

6 октября 1936 года началось наступление армии Франко на Мадрид. Против столицы была сосредоточена вся 10-тысячная Африканская армия и еще 15 тысяч солдат и фалангистов при поддержке четырех батальонов итальянских танков. Им противостояли 20 тысяч плохо вооруженных и в большинстве своем необученных республиканских бойцов. Как писали советские военные советники о качествах республиканской армии в это время, «бойцы пехоты охотно шли в бой, но слабая подготовка не позволяла использовать высокий боевой дух республиканских пехотинцев»³⁴⁰.

15 октября на позиции республиканцев и затем на Мадрид обрушились удары немецко-итальянской авиации. 26 октября первая линия обороны Мадрида была прорвана. Но тут в распоряжение республиканцев прибыла первая танковая рота из СССР. 15 танков Т-26 под Сесеньей прорвали фронт и рассеяли кавалерию, сконцентрированную здесь для удара в сторону Мадрида. Франкисты, однако, быстро окапывались и оказывали упорное сопротивление танковым прорывам.

Генералитет Республики при поддержке правых социалистов и коммунистов выступал за создание традиционной кадровой армии, а анархо-синдикалисты и левые социалисты — за милиционную организацию армии, в которой присутствуют начала самоуправления и демократии. По мнению анархистского лидера Буэнавентуры Дуррути, следовало прежде всего развернуть массовую партизанскую войну в тылу франкистов. Но военное руководство и без того не

доверяло возникшей в Арагоне и Каталонии «махновщине», чтобы создать еще несколько неконтролируемых партизанских зон.

16 октября Ларго Кабальеро начал реорганизацию армии, призванную усилить ее управляемость. Милиция и регулярные батальоны сливались в единые бригады, но батальоны милиции сохраняли свою демократическую структуру. 15 октября был принят декрет о создании Генерального комиссариата: в части направлялись комиссары правительства, которые должны были поднять боевой дух и обеспечить неукоснительное подчинение приказам.

Падение столицы могло иметь катастрофические военные, моральные и политические последствия для Республики, но наступление Франко казалось неудержимым. 5 ноября правительство отбыло из Мадрида в Валенсию. Командование войсками, оборонявшими Мадрид, перешло к генералу Хосе Миахе. В столице была создана Хунта обороны Мадрида.

Построенная по милиционному принципу республиканская армия, терпевшая неудачи в маневренной войне, в крупном промышленном центре показала свои лучшие качества. Здесь «запускался» тот же механизм восстания, который помог разгромить мятежников в крупных городах в июле 1936 года. Милиция, «опершись спиной» на улицы Мадрида, немедленно обросла местными жителями, снабжавшими ее к тому же всем необходимым: «Водители трамваев, сталкиваясь лицом к лицу с противником, превращали вагоны в баррикады, брали винтовки у раненых или убитых солдат, а часто просто кирки и лопаты — любое орудие, которым можно было убивать фашистов. То же самое делали парикмахеры, официанты, служащие. Все!.. Женщины, захватив кофе, коньяк и другие продукты, отправлялись на передовую, чтобы подкрепить ополченцев. Они говорили бойцам самые нежные и самые жестокие слова. Они обнимали храбрых и насмехались над теми, кто колебался... Каждый квартал города возводил свои оборонительные сооружения»³⁴¹.

7 ноября франкисты под командованием Варелы пошли на штурм. Главный удар наносился через парк Каса-дель-Кампо. Франкисты атаковали также пригород Карабанчель. Республиканцы контратаковали на флангах. Над городом шли воздушные бои, в которых мерялись силами советские, немецкие и итальянские летчики.

В Мадрид прибыла недавно сформированная 11-я интербригада — первое формирование интернационалистов (около 1900 бойцов). На ее участке франкисты форсировали реку Монсанарес и двинулись на Университетский городок, но интернационалисты отбили эту атаку. 11 ноября в город прибыла анархо-синдикалистская дивизия Дуррути и 12-я интернациональная бригада (правда, в не-

полном составе — только 1600 бойцов). Эти подкрепления увеличили республиканскую армию до 37 тысяч бойцов.

15 ноября Варела и Мола нанесли удар по Университетскому городку. Франкисты прорвались в парк Монклоа и в сам городок. Здесь развернулись ожесточенные бои — Университетский городок мог превратиться в брешь, через которую Варела надеялся прорваться в Мадрид. Авангард марокканцев двинулся через площадь Монклоа в направлении центра города, но был разгромлен контрударом Дуррути. Сюда прибыл и генерал Миаха, который лично принял участие в баррикадных боях. 19 ноября на углу площади Монклоа Дуррути был смертельно ранен.

17 ноября стало ясно, что у Варелы больше нет сил, чтобы двинуться за пределы Университетского городка. Но ожесточенные бои здесь шли до 23 ноября. В ноябрьской битве за Мадрид погибло более 10 тысяч человек. Столицу удалось отстоять, она оставалась под контролем Республики вплоть до конца Гражданской войны³⁴².

Во время штурма Мадрида произошла новая вспышка республиканского террора, известная как Паракуэльос. 27 октября, в ответ на бомбардировку Мадрида, толпа стала требовать уничтожения политзаключенных, которых вот-вот освободят фашисты. 29 октября были расстреляны 32 узника, в том числе правый идеолог Рамиро де Маэсту, автор концепции «Испанидад», которую возьмет на вооружение Франко.

Это было только начало. Расправами руководили комитеты общественного расследования, созданные в августе для упорядочения репрессий и разбухшие от наиболее кровавых элементов разных политических сил. Инициатива снизу была поддержана высшестоящими репрессивными органами. Левые массы были возмущены нерешительностью и поражениями. Нет ли здесь измены? Вопрос о политзаключенных в Мадриде встал ребром, и сторонники террора получили возможность проявить себя. Было объявлено, что проводится эвакуация заключенных, но их просто расстреливали в деревнях Паракуэльос-де-Харама, Аравака, Ривас-Васиа-Мадрид, Торехон-де-Альдос и др. Дипломаты пытались вмешаться, но Миаха заявил, что волноваться о судьбе заключенных не следует, их эвакуируют. Этой «эвакуацией» занимались начальник главного управления безопасности Мануэль Муньос, руководитель комитета общественного порядка хунты Сантьяго Каррильо (впоследствии став лидером КПИ, он категорически отрицал, что давал санкцию на убийства), активисты комитетов общественного расследования и др. Обсуждается также роль министров республиканского правительства Анхеля Галарсы и Хуана Гарсиа Оливера³⁴³. В борьбу с террором вступил анархист Мельчор Родригес Гарсиа, назначенный

генеральным инспектором тюрем. Но окончательно он был утвержден в должности в начале декабря, после чего террор был прекращен. К этому времени было расстреляно около 2500 человек³⁴⁴.

В это же время в Аликанте проходил суд над арестованным после начала мятежа Х. А. Примо де Риверой. 20 ноября он был расстрелян. Франко объявил себя продолжателем дела «великого мученика».

После неудачного штурма Мадрида националисты восстановили свои силы, проведя очередную мобилизацию. Это позволило им отбить атаку республиканцев на Брунете (29 декабря) и даже начать новое наступление в обход Мадрида. В январе-феврале 1937 года республиканцы остановили наступление франкистов у Лас-Росас и на реке Харама — с двух сторон от Мадрида³⁴⁵.

К началу 1937 года в районе Мадрида сконцентрировались основные силы противников — по 40–60 тысяч с обеих сторон. Война, начавшаяся как маневренная, превратилась в позиционную. Отныне и вплоть до 1938 года операции проводились, как в Первую мировую — лобовым ударом на перегруженных войсками участках фронта. Большим успехом было продвижение на несколько километров. Война в Испании стала войной на изнурение.

Выступая в октябре на секретариате Исполкома Коминтерна, Андре Марти, французский коммунист и политический руководитель интербригад, говорил, что в Испанской республике: «Налицо только две силы: анархисты и коммунисты. Социалисты отошли на задний план вследствие внутренних раздоров и не способны взять в свои руки инициативу. В общем, анархистские профсоюзы пользуются не меньшим влиянием, чем профсоюз Кабальеро». Несмотря на то, что влияние лидеров и структур ИСПП было все еще велико, Марти был прав в том отношении, что за каждой из фракций социалистов стояла более решительная сила со своей программой действий. Республика могла двигаться по двум расходящимся направлениям — революция самоуправления или усиление государственной централизации, за которое выступали коммунисты.

Руководство СССР и Коминтерна поддерживало укрепление влияния коммунистов в аппарате власти (прежде всего в армии и силовых ведомствах), привлечение к сотрудничеству и последующее «поглощение» компартией части социалистов и либералов, готовых ориентироваться на Москву. Это (учитывая слабость либеральных партий) могло обеспечить взятие под контроль просоветскими силами системы власти Испанской республики, но при условии лишения реального влияния структур самоуправления.

Такой курс, предусматривавший союз со всеми партийными элитами, сплочение вокруг КПИ единой «партии порядка», требо-

вал от коммунистов гораздо большей умеренности, чем прежде. Это сделало их союзниками правого крыла социалистов и либералов-республиканцев. Началось сближение компартии с президентом Асаньей.

Отказ КПИ от революционного радикализма оправдывался военными нуждами, что еще больше обостряло противоречия с анархо-синдикалистами. Анархисты и левые социалисты считали, что без проведения глубоких преобразований массы не будут понимать, за что они сражаются.

Именно анархо-синдикалисты имелись в виду в директивах Исполкома Коминтерна (ИККИ), призывавших «решительно бороться против авантюристического прожектерства, направленного к созданию нового общества...»³⁴⁶. Однако не только анархо-синдикалисты, но и сторонники Ларго Кабальеро в ИСРП не желали отказываться от радикальных социально-политических преобразований. Это все более охлаждало отношения между премьер-министром и коммунистами.

Влияние КПИ быстро росло. Радикальные, решительные лозунги партии, сочетавшиеся со стремлением укрепить государственные структуры, которое обычно расценивалось как «реализм» (в сравнении с анархистами), приводили в ряды КПИ политических активных, революционно настроенных людей, которых не устраивала программа анархо-синдикализма. Организованность и дисциплинированность компартии импонировала сторонникам «порядка».

Еще 1 апреля 1936 года молодежные организации КПИ и ИСРП объединились в Союз объединенной социалистической молодежи (ОСМ), который вошел в Коммунистический Интернационал молодежи. Сразу после начала Гражданской войны коммунисты и социалисты Каталонии слились в Объединенную социалистическую партию Каталонии (ОСПК), придерживающуюся коммунистической ориентации. Она попросилась в Коминтерн. Но Коминтерн не мог принять ОСПК, так как действовал принцип «одна страна — одна компартия», а Каталония в Москве отдельной страной не считалась. К тому же руководство Коминтерна с подозрением относилось к социалистическому происхождению большинства лидеров ОСПК. Но в своей пропаганде и действиях ОСПК следовала линии Коминтерна³⁴⁷. ОСПК поддержала коллективизацию промышленности (но это не говорит о ее «некоммунизме» — ведь и Ленин в первые послеоктябрьские месяцы поддерживал рабочий контроль фабзавкомов над предприятиями). Но когда советские представители стали выступать против синдикалистских преобразований, ОСПК быстро переориентировалась и стала поддерживать огосударствление промышленности.

В декабре 1936 года начались переговоры о слиянии КПИ и ИСРП. В результате 24 апреля 1937 года был создан Национальный комитет связи двух партий. Но дальше этого дело не пошло. В республиканском лагере усиливались политические противоречия.

К весне 1937 года проникновение коммунистов в армию (особенно в ее политическое руководство) стало очень заметным. В вооруженные силы было направлено 296 тысяч членов КПИ, ОСПК и ОСМ из 349 тысяч их общего состава. Подготовленные в контролируемом ими 5-м полку коммунистические кадры занимали командные посты и места комиссаров. Этот полк стал «кузницей кадров» для всей республиканской армии. На Центральном фронте в апреле 1937 года из 51 комиссара бригад 24 были коммунистами, из 186 батальонных комиссаров — 93 коммуниста и 32 члена ОСМ.

КПИ и ОСПК вели жесткую борьбу с инакомыслящими коммунистами из ПОУМ. Их считали троцкистами, что несло для Москвы угрозу создания в Испании политической опоры для Троцкого и других противников Сталина в коммунистическом движении. Публично же члены ПОУМ обвинялись в том, что они являются франкистскими агентами. Под давлением советского консульства и ОСПК ПОУМ 17 декабря 1936 года была вытеснена из Женелалитата.

ИСРП перестала быть самостоятельной силой, раскалываясь между двумя стратегиями революции. Коминтерн сделал ставку на оппонентов Франсиско Ларго Кабальеро в ИСРП, умеренных социалистов Индалесио Прието и Хуана Негрина. На этом этапе Гражданской войны они придерживались той же стратегии, что и КПИ. Они считали, что помощь СССР стоит широчайших политических уступок, а самоуправленческие эксперименты должны быть свернуты.

Новые трения между союзниками по антифашистскому фронту возникли в начале февраля в связи с падением Малаги — важного порта на Средиземном море. Еще в августе 1936 года мятежники во главе с Гонсало Кейпо де Льяно взяли ее в полукольцо, но сил для захвата города у них тогда не хватило. Как только Франко получил свежие силы — 10-тысячный моторизованный корпус итальянских чернорубашечников, он бросил его под Малагу. 17 января 1937 года корпус перешел в наступление и без большого труда прорвал растянутую оборону города. Малага была отрезана от республиканской территории и 8 февраля взята.

На заседании испанского правительства коммунисты потребовали тщательного расследования обстоятельств сдачи города, рассчитывая использовать его для смещения Ларго Кабальеро, для начала — с поста военного министра. Началось политическое сражение за эту важную силовую позицию. Коммунисты развернули пропагандистскую кампанию против анархистов, левых социали-

стов и, конечно же, «троцкистов». Ларго Кабальеро обвинялся в неспособности организовать сопротивление и провести чистку в армии от предателей и некомпетентных. Но в итоге Ларго пожертвовал своим помощником Карлосом Асенсио, сохранив за собой военное министерство³⁴⁸. Коммунисты и правые социалисты стали приходить к выводу, что им не удастся добиться политической гегемонии, пока слишком левый социалист Ларго остается у власти.

Однако и после падения Малаги ситуация не была катастрофичной для Республики. Это показало сражение при Гвадалахаре. К началу марта в лагере франкистов была разработана новая операция по захвату Мадрида. После успешного дебюта в Малаге сюда был переброшен корпус итальянцев-чернорубашечников, но не для удара в лоб. Фронт изгибался так, что можно было ударить в тыл всему мадридскому фронту республиканцев через Гвадалахару.

Там и были сосредоточены лучшие части Франко — 15 тысяч марокканцев во главе с героем Алькасара Хосе Москардо, четыре дивизии итальянского корпуса общей численностью 35 тысяч при 250 танках под общим командованием Марио Роатты. 8 марта они двинулись вперед.

Первоначально наступлению франкистских сил противостояла 12-я дивизия республиканцев — 10 тысяч бойцов, из которых было вооружено немногим более половины. Ее фронт был быстро прорван. Но вскоре на место разворачивающегося сражения были переброшены все свободные части Центрального фронта республиканцев, из которых был сформирован IV армейский корпус. Под Гвадалахарой им командовал Энрике Хурадо. Теперь против Москардо стояли 11-я дивизия коммуниста Энрике Листера, 11-я интербригада и еще три бригады, преимущественно подконтрольные коммунистам. Против итальянцев действовала 14-я дивизия анархистов Сиприано Меры, которой была придана 12-я интербригада. Хотя численность республиканцев удвоилась, противник сохранял более чем двойное превосходство в живой силе. У республиканцев было только 60 советских танков, но их качество было выше, чем у итальянских.

Битва на земле сопровождалась боями в воздухе. Бойцы шли в атаку то под ледяным ливнем, то по морозу, непривычному для южан — испанцев и итальянцев, которые сражались по обе стороны фронта. Под Бриуэгой столкнулись чернорубашечники и интербригадовцы-итальянцы. Эта «гражданская война» итальянцев в Испании лишний раз показала, что здесь идет одна из битв мировой, а не только испанской борьбы.

11 марта франкистские войска прорвали фронт Листера под Триуэгой и ринулись на Гвадалахару. Только с помощью советских танков и авиации удалось остановить их и отбить Триуэгу. На уча-

стке Меры итальянцы были остановлены за Бриуэгой, после чего и здесь республиканцы стали наносить контрудары. 12 марта Роатта был вынужден перейти к обороне.

14 марта на фронт в районе Гвадалахары прибыл командующий Центральным фронтом Миаха.

Контратаки республиканцев показали, что клин фашистов может быть зажат с двух сторон. 11-я и 12-я дивизии вместе с 11-й интербригадой напирала на него с запада, а 14-я дивизия Меры и 12-я интербригада — с востока. Республиканское командование решилось на контрнаступление. Ради этого анархисту Мере были даже выделены 16 танков. Ему вместе с 12-й интербригадой и 1-й штурмовой бригадой предстояло взять Бриуэгу с востока, в то время как навстречу с запада должны были ударить Листер и 11 интербригада.

18 марта контрнаступление началось. Ливень, грязь не остановили продвижение республиканцев. Они ворвались в Бриуэгу с востока и севера. Под угрозой окружения фашисты побежали. В плен было взято 300 итальянцев. Всего же Гвадалахарская битва стоила франкистам 12 тысяч раненых, убитых и плененных. Потери республики были в два раза меньше³⁴⁹.

Сражение под Гвадалахарой имело большое значение для хода войны. В республиканской зоне произошел взрыв энтузиазма. Казалось, наступил перелом, франкисты могут потерять инициативу. Однако в лагере националистов пораженческих настроений не было. Там сочли, что главными побежденными в этом сражении были итальянцы.

МАЙСКИЙ КРИЗИС

После сражения при Гвадалахаре, когда стало ясно, что республиканцы могут одерживать победы, политическая атака на Ларго Кабальеро захлебнулась. Однако эмиссар Коминтерна Степанов (Стоян Минеев) был уверен, что «если правительственный кризис был избегнут, то это не надолго»³⁵⁰. И действительно, в мае 1937 года в республиканском лагере произошла вспышка внутренней борьбы. В ее основе лежали принципиальные противоречия по поводу стратегии революции. Новый виток борьбы в республиканском лагере был связан с обострением ситуации в Каталонии.

В апреле 1937 года каталонский министр от ОСПК Хуан Комоера принял решение о разоружении рабочих патрулей в Барселоне. НКТ категорически воспротивилась роспуску патрулей, увидев в нем разоружение рабочего класса перед лицом внутренней контрреволюции. Противникам НКТ стало ясно, что без разгрома рабо-

чей милиции справиться с синдикализмом не удастся. Поводом для силового столкновения стало решение отобрать у анархистов занятую ими еще в июле 1936 года городскую телефонную станцию.

3 мая 1937 года «к Центральной телефонной станции, которую обслуживали преимущественно члены НКТ, подкатило несколько грузовиков, набитых вооруженными национальными гвардейцами, которые, прыгнув на землю, вдруг бросились на штурм здания»³⁵¹, — писал Джордж Оруэлл, который был тогда в Барселоне. По данным советского консульства, атака была предпринята внезапно, «без каких-либо предварительных переговоров»³⁵². Акцией командовал коммунист, генеральный комиссар охраны порядка Рикардо Салас. Свои действия он согласовал с советником (министром Женералитата) безопасности Артемио Айгуаде (Айгуадером) из Эскьерды. Последний опросил еще несколько министров, но, по данным советского консула Антонова-Овсеенко, Кампаньс и глава правительства Х. Жозеп Тарадельяс ничего не знали³⁵³. Телефонная станция находилась в распоряжении коллектива (по декрету о коллективизации), и никаких правовых оснований для ее захвата не существовало.

Решение атаковать телефонную станцию было принято в самом конце апреля на заседании исполкома ЦК ОСПК при участии представителя Коминтерна Эрне Гере (Педро). «Педро» заявил: «НКТ прослушивает все переговоры правительства, Женералитата и за границы. Нельзя позволить, чтобы это продолжалось»³⁵⁴. Анархисты же считали, что рабочие имеют право контролировать переговоры чиновников. Поводом к нападению стало вмешательство в разговор президентов Испании и Каталонии телефониста, который счел, что они нарушают режим секретности. Конфликт можно было решить в рабочем порядке, но лидеры ОСПК искали повод для столкновения.

Гвардейцам, ворвавшимся на станцию, рабочие оказали сопротивление. «Телефонику» защищали 20 бойцов с пулеметом. Весть о нападении на станцию разнеслась по городу, вызвав возмущение рабочих-синдикалистов. В это время стало известно, что по приказу Саласа разоружаются рабочие патрули НКТ. Тогда лидеры НКТ предложили правительству немедленно отправить в отставку Айгуаде и Саласа. Отклонение этого требования вызвало всеобщую забастовку в Барселоне. Город быстро покрылся баррикадами. Началась стрельба.

По словам министра-анархиста Диего Абада де Сантильяна, «почти вся Барселона была под контролем наших вооруженных групп... Они не двигались со своих позиций. В противном случае им было бы не трудно преодолеть небольшие центры сопротивле-

ния»³⁵⁵. Но лидеры НКТ в тот момент стремились к скорейшему достижению компромисса. Их требования на переговорах о прекращении огня 3–4 мая были минимальны: переформирование Женералитета без прежних его членов.

Большинство Национального комитета НКТ выступило за сдерживание конфликта потому, что была реальная угроза развала фронта: «потеряв войну, потеряли бы и революцию и все революционные завоевания»³⁵⁶. Но подобные настроения лидеров вызывали возмущение рядовых анархо-синдикалистов на баррикадах, которые требовали наказания организаторов нападения на «Телефонику».

Представители ПОУМ на встрече с лидерами региональной НКТ предлагали использовать ситуацию для осуществления «программы обновления», роспуска совета Женералитета и «прекращения всех посягательств на июльские завоевания и автономию края». Это было бы возможно только в случае взятия власти в Каталонии блоком НКТ и ПОУМ. Но анархо-синдикалисты ставили более скромные задачи: «Мы «показали зубы». Теперь Компаньс и ОСПК должны пойти на переговоры. Мы можем добиться изменения состава Совета Правительства и ограничить негативное влияние ОСПК». Поумисты были разочарованы³⁵⁷.

Бси продолжались³⁵⁸. Вечером 6 мая новая коалиция была составлена, соглашение о прекращении огня достигнуто. В воззвании нового Женералитета говорилось: «Правительство, которое есть наивысшее и подлинное представительство всего антифашистского фронта, просит всех трудящихся и весь каталонский народ оставить оружие, забыть месть и ненависть этих дней перед величием единственной борьбы, которая нас всех обязывает»³⁵⁹. Лидеры НКТ подержали прекращение огня.

Обе стороны должны были одновременно покинуть свои позиции, а правительственные войска в это время — сыграть роль разъединительной силы.

Призывы лидеров НКТ, несмотря на возмущение бойцов, дали эффект: анархо-синдикалисты покидали баррикады. По словам одного из руководителей ПОУМ Хуана Андраде, «они были совершенно взбешенными, но все же подчинились. Они могли быть анархистами, но, когда дело касалось их собственной организации, они были ужасно дисциплинированными»³⁶⁰.

Трагическим итогом майских событий стало 500 убитых и тысяча раненых, а также начало перелома в ходе Испанской революции.

7 мая в Барселону вошли правительственные войска, контролировавшиеся правыми социалистами и коммунистами. Джордж Оруэлл вспоминает: «Назавтра повсюду в городе было полно штурмгардейцев, которые расхаживали по городу с видом победителей...

Это были отборные войска, бесспорно, лучшие из всех, что я видел в Испании, и, хотя они являлись как бы в некотором роде „противником“, я не мог не любоваться их молодецкой выправкой... Гражданские гвардейцы и карабинеры, чьи формирования отнюдь не предназначались для фронтовой службы, были лучше вооружены и гораздо лучше обмундированы, чем мы, фронтовики»³⁶¹.

В мае 1937 года по дороге в Барселону «штурмовики» разоружали отряды НКТ и ПОУМ (сохраняя вооруженные формирования других организаций), громили их штаб-квартиры и даже производили расстрелы. После прибытия правительственных войск более 300 анархо-синдикалистов и «троцкистов» было арестовано.

Парадоксальным образом, после ввода в Барселону войск центрального правительства Женералитат, столь упорно сражавшийся со сторонниками федерализации Испании анархо-синдикалистами, сам потерял львиную долю своих полномочий³⁶².

Майские события окончательно разрушили широкую антифашистскую коалицию, возникшую осенью 1936 года. Противоречия между ее крыльями вылились в кровавый конфликт, и теперь нужно было выявить победителя. А это оказалось непростым делом.

Коммунисты потребовали наказания виновных за события в Барселоне, заранее объявив таковыми НКТ и ПОУМ. Ларго Кабальеро считал, что следует наказать не организации, а конкретных виновников, и после тщательного предварительного расследования событий. Это было опасно для лидеров ОСПК и их союзников, затеявших драку.

Уже на заседании правительства 8 мая коммунисты, поддержанные умеренными социалистами Альваресом дель Вайо, Негрином и либералами, атаковали Ларго Кабальеро за потворство «путчу троцкистов». Но и годы спустя Ларго считал: «Восстание не было направлено против правительства. Оно явилось результатом конфликта между двумя группами, каждая из которых пыталась взять под свой контроль руководство каталонскими рабочими»³⁶³.

Анархо-синдикалисты и поумисты не считали себя побежденными и в чем-то виноватыми. Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что, хотя официальный лозунг: «Ни победителей, ни побежденных», «анархи сохраняют вид победителей»³⁶⁴, а лидер ПОУМ Андреас Нин требует возвращения помещений ПОУМ, которые были заняты полицией после прекращения огня³⁶⁵. ПОУМ вовсе не считала себя побежденной.

Перспектива объективного расследования грозила ОСПК политической катастрофой. Поэтому коммунисты требовали немедленных репрессий против НКТ и ПОУМ, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, кто виноват в барселонских столкновениях. Возник-

ший политический кризис давал долгожданный повод избавиться от Ларго Кабальеро.

Против Ларго Кабальеро решили выступить коммунисты, либералы, националисты и правое крыло ИСРП. Премьер-министр опирался на левое крыло ИСРП и анархо-синдикалистов. Его противники сформировали разнородный фронт политических сил, которые ситуативно сплотились на почве противостояния синдикалистской революции, на сторону которой перешел премьер. Его личные недостатки были бы вполне терпимы, если бы не «преданность Ларго интересам НКТ».

«На совете министров 8 мая выявилось совершенно открыто следующее: четыре министра анархо-синдикалиста — Оливер, Монтсени, Лопес и Пеиро — занимали те же позиции, что Кабальеро и Галарса. Они защищали те же позиции. Против них, а значит, и против позиции Кабальеро, выступили (с решительным осуждением путча, путчистов, троцкистов и анархистов) Дель Вайо (большое и очень сильное выступление), Урибе, Эрнандес, Хираль, Ирухо, Негрин. Прието не выступил, объясняя это невыступление в последующей дискуссии следующими аргументами: критика и осуждение были направлены исключительно против троцкистов-поумистов, в то время как я придерживаюсь той точки зрения, что нужно было концентрировать удар на анархистах.

Все ждали, что совет министров закончится правительственным кризисом. Тем более что в предшествовавшие дни, 7 мая, были беседы между социалистической партией и республиканцами. Кроме того, президент республики беседовал с Диасом и Долорес (от компартии), Ламонеда, Кордера и Видарте (из исполкома социалистической партии), с Дель Вайо, Негрином, Хиралем и др. политическими деятелями», — докладывал Степанов. В ходе этих бесед обсуждалась необходимость «изменить состав правительства, но оставаясь в рамках и на основе народного фронта!»³⁶⁶

В действительности 8 мая Прието выжидал, чтобы эффективнее нанести удар по своему старому сопернику Ларго Кабальеро. Ларго выслушал дискуссию молча и сформулировал компромиссные решения³⁶⁷.

9 мая огонь был перенесен на анархистов: «коммунисты приняли основательную атаку против товарищей министров (то есть министров-синдикалистов. — А. Ш.) по поводу происшедших событий, требуя крови и огня (против) активистов нашей организации»³⁶⁸, — сообщал представитель ФАИ в Валенсии. Однако после этого заседания анархо-синдикалисты продолжали разъяснять свою точку зрения на происшедшие события и преуспели в этом. Премьер ждал результатов расследования событий в Барселоне.

Правое крыло социалистов, увидев затруднительное положение, в котором оказались коммунисты, предложило им размен: свержение Ларго Кабальеро и возделенное для Прието место министра обороны в обмен на пост министра внутренних дел, спасительный в свете расследования дела о событиях в Барселоне и ключевой в дальнейшей борьбе за власть (в дальнейшем это обещание не будет выполнено). Пострадавшими оказывались и связавшие себя с левыми социалистами лидеры НКТ. Они при новом раскладе теряли не только место Лопеса, но главное — экономический блок, что могло стать преддверием сворачивания синдикализации. Однако пока коммунисты и их союзники конструировали свое правительство, Прието сообщил им страшную новость: «По его словам, Ларго Кабальеро хотел создать синдикалистское правительство, состоящее почти полностью из представителей Всеобщего союза трудящихся и НКТ (возможно, это объясняет его желание избежать конфронтации с национальным анархо-синдикалистским руководством). У него, Прието, оставался портфель министра сельского хозяйства. Без сомнения, это было унижительно. Прието поспешил заявить, что невозможно, чтобы Асанья принял кабинет, из которого будут устранены республиканцы и коммунисты»³⁶⁹.

Последующие события показали, что для Ларго Кабальеро вариант профсоюзного правительства был резервным. Он не мог не понимать, что Асанья не пойдет на синдикализацию политической структуры. Следовательно, для этого нужно было переступить через конституционную структуру Республики. Синдикалистская, самоуправленческая революция переросла рамки парламентско-президентского государства. А вот коммунистическая революция вполне могла переживать в нем свой инкубационный период. Однако Ларго Кабальеро не сдвинулся настолько влево, чтобы бросить прямой вызов президенту и системе партийной власти. «Пугнув» своих противников призраком профсоюзного правительства, он продолжил партийные комбинации.

13 мая правительство собиралось для решающего объяснения, и «была инициирована энергичная атака на Галарсу (лево-социалистический министр внутренних дел. — *А. Ш.*) со стороны коммунистов, обвинявших его в нерешительности (дословно, «в том, что он держал дряблую руку». — *А. Ш.*) в отношении нас в Каталонии и остальной Испании», — писал представитель НКТ в Валенсии Х. Кампанья. В ходе этой дискуссии Ларго Кабальеро назвал коммунистических министров лжецами и заявил, что не предаст «рабочего братства». По сообщению Х. Кампанья, «дискуссия была очень жесткой, и два министра-коммуниста подали в отставку и покинули Совет...»³⁷⁰.

По словам Гарсиа Оливера, камнем преткновения была не столько НКТ, сколько ПОУМ. Он вспоминал об этом заседании: «Министры-коммунисты, послушные и подчинявшиеся приказам своего бюро, начали прения, как коммунистическая ячейка городского района. Эти прения ожесточенно направлялись против ПОУМ, которую обвиняли в том, что она выступала зачинщиком майских событий. Ослепленные яростью, они требовали, чтобы правительство приступило к уничтожению и преследованиям ПОУМ, расправившись, насколько это будет возможным, со всеми ее членами, начиная с Нина и заканчивая дворниками их помещений.

Ларго Кабальеро не вступил в дискуссию, не участвовал в голосовании при обсуждении предложения коммунистов. Сказал лишь, что он приказал бы расправиться с ПОУМ или теми, кто несет ответственность за похожие события, если бы обвиняющая партия представила доказательства такой виновности. Если говорить о майских событиях в Барселоне, ПОУМ в официальном заявлении, выпущенном ее Исполнительным комитетом, отрицала свое участие в этих событиях и выражала свое осуждение зачинщикам. В силу этого он считал, что позиция, которую занимали в то время министры от коммунистов, была такой, словно они хотели перебросить на плечи испанского правительства те проблемы, которые они делили с коммунистическими партиями по всему миру.

В качестве уполномоченного министра, присутствовавшего в Барселоне по соглашению с правительством, я объявил, что мое пребывание у президента Женералитета и его правительства за то время, что я здесь находился, выяснило очевидность того, что майские события произошли из-за провокационных действий Левой республиканской партии Каталонии и ОСПК. Дали толчок дальнейшим событиям те силы, которые попытались захватить телефонную станцию, а именно: политико-полицейские силы руководителя безопасности Родригеса Саласа, ОСПК, зависящей от министра внутренних дел, Артемио Айгуаде, Левая республиканская партия.

Федерика Монсени, также прибывшая в Барселону в качестве уполномоченного министра, высказалась в том же духе, что и я, уточнив, что за время своего пребывания в графском городе она не получила ни единого доказательства участия ПОУМ как партии в планировании и развитии тех событий»³⁷¹. После такого разбора впору было давать распоряжения об арестах лидеров ОСПК и примкнувших к ним каталонских националистов.

Коммунистам следовало разрушить правительство немедленно: «Хесус Эрнандес, „министр Сталина“, взялся добить правительство. Или, точнее, закончить этот фарс с правительством.

— Если руководитель правительства отказывается принимать наши обвинения против ПОУМ, тогда Коммунистическая партия отзовет своих министров, и мы уйдем.

Он и Урибе встали и ушли.

Ларго Кабальеро, скрыв переполнявшее его возмущение и взяв себя в руки, сказал нам:

— Господа, правительство только что пережило кризис. Само по себе это не важно. Однако мне надо подумать, как с ним справиться. Прошу вас извинить меня, однако так уж случилась, что придется отменить это заседание. Прощайте и большое спасибо всем вам»³⁷².

Однако, судя по другим воспоминаниям, Ларго Кабальеро попрощался не сразу, а после того, как Прието заявил: «Без участия коммунистов нет правительства»³⁷³. Многие лидеры ИСРП понимали, что роль ИКП определяется «тенью от советских самолетов», и это был очень важный фактор. Особенно принципиальным советский фактор был для министра флота и авиации Прието, так как его план ведения войны, отрицавший «партизанщину», был немыслим без активной советской поддержки. В результате в 1937 году лидер правых социалистов Прието решительно вступился за коммунистов, несмотря на свой антикоммунизм (который со всей остротой проявится в 1938 году). Вслед за Прието зал покинули еще четыре министра-социалиста (официально они заявили об отставке 14 мая). С Ларго Кабальеро остались два социалиста и четыре синдикалиста.

Уход большинства министров означал правительственный кризис. Согласие на новый состав правительства зависело от президента, так как роль кортесов была сведена на «нет». Президент стоял на позиции поддержки противников Ларго Кабальеро.

15 мая Асанья объявил о правительственном кризисе и поручил формировать новое правительство Ларго Кабальеро, уже понимая — он не сможет представить такой проект кабинета, который санкционирует президент.

Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции, а значит, и мира. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор — создавать новое общество на основе авторитаризма, капиталистического плюрализма или, как в Испании — на основе производственной демократии? Внимание мира было приковано к Испании. Скажет ли она ему что-то новое?

Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты), продолжало бы социальные преобразования, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге — к поражению КПИ и ОСПК в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также либералов.

Принципиальным было и сохранение за Ларго Кабальеро поста военного министра — НКТ и кабальеристы не хотели допустить на этот пост Прието, который был намерен сломать военную революционную модель, основанную на сочетании централизации и милиции. Министры-синдикалисты решили «посетить Ларго Кабальеро, для того чтобы продемонстрировать, что НКТ не будет сотрудничать с таким правительством, которое не будет им возглавляться, и является организацией, которая примет участие в формировании правительства, в котором Кабальеро фигурирует в качестве председателя и военного министра»³⁷⁴. 16 мая позицию НКТ поддержал исполком ВСТ — профсоюз не войдет в правительство, где Ларго Кабальеро не будет занимать посты премьера и военного министра.

Для того чтобы преодолеть сопротивление коммунистов и социал-либеральных политиков, сторонники Ларго Кабальеро должны были предложить стране ясную политическую альтернативу — власть союзам, а не партиям.

Но Ларго Кабальеро не решился бросить вызов партийно-политической системе, во всяком случае, при первой попытке формирования нового кабинета. Собственно, в этот момент его политическое поражение было предreshено.

15 мая Ларго Кабальеро составил проект нового правительства и 16 мая представил его Асанье на утверждение.

Ларго в этот момент не решился сразу выдвигать план профсоюзного правительства без коммунистов, а попытался еще раз сохранить конструкцию широкого антифашистского фронта, потеснив не коммунистов, а прежде всего правое крыло ИСРП, отобрав у Прието авиацию и флот, а у Негрина — финансы (которые передавались Галарсе). Он предложил объединить военные ведомства в единое министерство обороны под своим началом, а для Прието оставить министерство общественных работ. Левые социалисты (кабальеристы) претендовали также на министерства внутренних и иностранных дел, а возможно — также на министерство промышленности и

торговли, которое Ларго хотел передать ИСРП, что было уже совсем неприемлемо для НКТ. На посты коммунистов Ларго не покушался, но был готов поменять сельское хозяйство на труд. Позиции либералов и националистов предлагалось оставить без изменений³⁷⁵.

Рассчитывая на заведомую лояльность НКТ, Ларго снизил ее представительство с четырех до трех мест (при четырех местах у ВСТ). Лидеры НКТ требовали дальнейших консультаций (но не нового премьера), чтобы восстановить баланс между профсоюзами. Ларго Кабальеро не учел эти возражения НКТ, что не дало анархо-синдикалистам поддержать его проект уже 16 мая. Это был тактический проигрыш Ларго Кабальеро. Однако, как показали дальнейшие события, недовольство НКТ было легко преодолимо. В сложившихся условиях позиция НКТ по поводу проекта правительства 16 мая уже не играла решающей роли. Асанья, правое крыло ИСРП, либералы и коммунисты были готовы одобрить только то правительство, в котором Ларго не будет военным министром. А на это уже не был готов Ларго.

Позднее Ларго так разъяснял свою позицию: «Коммунисты хотели выкинуть меня из Министерства военных дел и оставить меня как фигуру на носу корабля на посту Председателя Совета, под предлогом того, что два портфеля — слишком тяжелая работа. Тогда я заявил, что, как социалист и испанец, я обязан продолжать войну, и в противном случае я не могу принять пост председателя. Но я сказал это не потому, что считал себя незаменимым, ни в коем случае, а потому, что я был решительно настроен дать бой коммунистической партии и всем ее приспешникам, а это могло быть сделано только через министерство военных дел. Они это знали. Поэтому они меня выкинули». «Более того, я предполагал создать правительство без участия коммунистов...»³⁷⁶ Не сдать Прието и коммунистам военное министерство было принципиально важно для Ларго, потому что он считал их военную стратегию губительной. После победы под Гвадалахарой он надеялся перехватить инициативу и развернуть более мобильную войну в Эстремадуре³⁷⁷. Прието был противником этой идеи.

Здесь важна еще одна деталь. Судя по этим воспоминаниям, Ларго рассчитывал, что у него будет вторая попытка формирования правительства, возможно — без коммунистов. В парламентском государстве это нередко случается. Не получилось сформировать коалицию с одними — можно предложить и новую комбинацию. Отсюда возможная небрежность при составлении проекта 15–16 мая, мнимая уступчивость в отношении коммунистов, которые все равно отвергнут соглашение, и временное ущемление НКТ, которым позднее можно будет предложить больше. Ларго не учел,

что Асанья в условиях паралича кортесов более свободен в выборе кандидатуры премьера и просто не даст ему второй попытки. 17 мая Асанья поручил формирование правительства социалисту Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ.

Выбор Негрина в качестве кандидата на пост премьера стал в тот момент несколько неожиданным, учитывая, что лидером правого крыла ИСРП («центристов») был Прието. Но Асанья не очень-то хотел получить Прието в качестве премьера. Получив ненадолго в свои руки реальную власть (которая фактически выпала из них в июле 1936 года), Асанья понимал, что новая сильная личность во главе правительства снова оттеснит его в сторону. Но, став «сильным человеком в правительстве», Прието мог, во всяком случае, серьезно повлиять на выбор премьера из своей фракции. Негрина поддерживали и коммунисты. Эрнандес сообщил Негрину о том, что коммунисты предложили президенту его кандидатуру на пост премьера. На возражение Негрина о том, что он малоизвестен в стране, Эрнандес ответил: «Популярность... она фабрикуется!»³⁷⁸.

Коммунисты не питали иллюзий по поводу характера Негрина. Пальмиро Тольятти писал о нем: «К числу слабых мест Негрина надо отнести и его стиль работы — стиль размагниченного интеллигента, болтуна, дезорганизованного и дезорганизующего, и его личная жизнь представителя богемы, не лишенная симптомов разложения (женщины)»³⁷⁹.

Но выбор был невелик. Инициаторы свержения Ларго искали компромиссную фигуру для своего разношерстного блока. Премьером должен был стать не коммунист (это было бы «слишком» для Европы, да и для Испании, где уже говорили о прокоммунистическом перевороте) и не либерал (это был бы слишком правый вариант для республики того времени), а правый социалист («центрист»). Прието уже достаточно проявил себя как конфронтационная и неустойчивая личность. Он к тому же был готов сосредоточиться на военной стороне политики Республики. Итак, нужен «центрист» ИСРП, но не Прието. Из министров подходили Негрин и Альварес дель Вайо. Выбор между ними делали не коммунисты и не Москва, а ситуация. Альварес имел все же давнюю репутацию «левого». А Негрин был классическим «центристом». Таким образом, во фракции «центристов» ИСРП Негрин оказался министром, который устраивал и СССР, и коммунистов, и Прието, и Асанью. Неудивительно, что есть указание на его выдвижение с этих трех сторон.

Победа над левым крылом политического спектра Республики — дело как коммунистов, так и правого крыла ИСРП.

Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что лидеры КПИ «приписывают себе в актив свержение правительства Кабальеро, тогда

как режиссура кризиса была полностью в руках Прието». Более осведомленные работники НКИД зачеркнули слово «полностью» и заменили на «фактически»³⁸⁰. Если Прието был режиссером кабинетной комбинации, то коммунисты инициировали сам кризис. И пусть не все шло по нотам, но в итоге выиграли обе эти силы. Они и составили основу нового режима.

Новое правительство было сформировано к вечеру 17 мая. Лидеры НКТ заявили, что не будут участвовать в правительстве без Ларго Кабальеро. Правительство широкой антифашистской коалиции сменилось более узким по составу правительством Народного фронта. Правительство Негрина взяло курс на свертывание социальных преобразований, что деморализовало часть республиканцев.

РЕСПУБЛИКА МЕНЯЕТ КУРС

На первый взгляд, в мае 1937 года произошел обыкновенный термидор. На место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и в полном погашении накала революции. Однако сильнейшей фракцией майского режима были коммунисты, которые, при всей своей внешней умеренности, не отказывались от идеи превращения Испании в социалистическую страну (в их понимании социализма). Правительство Негрина занялось деколлективизацией, но одновременно — и национализацией. Это было не только отступление от прежних революционных завоеваний, но смена вектора революции от самоуправления к этатизму, огосударствлению. Режим, который образовался в Испании в мае 1937 года, имел общие черты с «народной демократией» — режимами, получившими распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны³⁸¹. «Народная демократия» — это просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. Соотношение фасада и ядра режима зависит от внешнеполитических факторов, и под влиянием Запада фасад даже может в определенных условиях одолеть ядро. В Испании технология «народной демократии» еще только отрабатывалась (вслед за Китаем 1925–1927 годов).

Авторы, которые не согласны с тем, что применительно к Испании можно говорить о «восточноевропейском пути», обращают внимание на сильные позиции, которые в майском режиме Республики занимали некоммунисты. Однако они забывают, что и в Восточной Европе в 1945–1948 годах коммунисты далеко не всегда господствовали в политической системе, прозападные политики занимали важнейшие посты в Венгрии и Румынии, имели сильные позиции

в Польше и Чехословакии. Более того, принадлежность человека именно к коммунистической партии вовсе не определяла его последующую судьбу в государстве «народной демократии». Такие лидеры, как Отто Гротеволь и Петру Гроза, не принадлежали к компартии, зато тысячи восточноевропейских коммунистов пали жертвой чисток 1948–1954 годов.

«Народная демократия» представляла собой не просто вытеснение коммунистическим «кукушонком» политических союзников, а синтез двух этатизмов — коммунистического и социал-либерального — на просоветской платформе. В такой режим вписывались те, кто был готов служить этой модели, и репрессировались даже коммунисты, если система подозревала их в излишней революционности или инакомыслии. Причиной репрессий могли быть и клановые конфликты, при этом бывшим членам компартии в объединенной «социалистической» или «рабочей» партии вовсе не был гарантирован успех. Поэтому важнейшую роль в развитии режима «народной демократии» играет контроль над силовыми структурами.

Первоначально майские победители в Испании были вынуждены отдать контроль над Службой безопасности Республики коммунистам. Но это вызывало опасения у партнеров КПИ. В остальном силовой блок оказался в руках приетистов — Индалесио Прието и Хулиана Сугасагоитии. И на это уже без восторга смотрел Негрин и близкие к нему социалисты, превратившиеся в центр новой политической конструкции. В июле даже произошел конфликт Прието с Негрином, так как министр хотел подчинить Генеральному штабу корпус карабинеров, которым традиционно руководил Негрин как министр финансов. «Негрин, поддерживаемый коммунистами, энергично выступил против, заявив, что корпус карабинеров представляет гарантию на тот случай, если бы профессиональные офицеры забыли, что они находятся на службе народа»³⁸². «Правда, щель, существующая между Негрином и Прието, пока незначительна, но все же Негрин, несмотря на отдельные трения с коммунистами, стоит ближе к последним»³⁸³, — отмечал советский поверенный в делах в Испании С. Марченко.

Каталонских националистов хотя и взяли в правительство, но фактически не включили в блок «майских победителей». Каталонская автономия существенно ослабла, а с конца 1937 года стала почти формальной. 1 октября правительство переехало в Барселону, еще сильнее урезав каталонскую автономию.

События в Барселоне были объявлены мятежом анархистов и троцкистов. В республиканских средствах массовой информации развернулась травля «мятежников». 28 мая была запрещена газета ПОУМ «Ла Баталья».

16 июня были арестованы члены ЦК ПОУМ, обвиненные в связях с франкистами. Начались чистки армии от членов ПОУМ. Было арестовано 250 руководящих работников партии и 30 иностранцев, которых объявили «троцкистами» (ареста чудом избежал английский писатель Дж. Оруэлл). Прибывшая в середине сентября в Испанию анархистка Эмма Голдман получила информацию о том, что в тюрьме Валенсии 1500 сидят анархо-синдикалистов и несколько сот марксистов, в том числе бойцов интербригад. Генсек НКТ Марио Васкес оценивал количество арестованных членов НКТ в 800 человек, а судьба еще 60 была неизвестна³⁸⁴.

7 июня были распущены рабочие патрули НКТ. 18 июня была введена правительственная монополия на радио. 23 июля были созданы специальные политические трибуналы. 14 августа была официально запрещена публичная критика СССР и введено право правительства приостанавливать выпуск газет.

Наиболее известной акцией репрессивной волны мая-июня 1937 года стало убийство лидера ПОУМ Нина. Операция по его аресту проводилась Службой безопасности во взаимодействии с сотрудниками НКВД СССР. Нин был арестован 15 июня и через некоторое время увезен в контролируемый коммунистами мадридский пригород Алькала де Энарес. Нин отверг все обвинения и утверждал, что не имеет ничего общего со шпионажем, который ему пытаются вменить. 22 июня под предлогом попытки его освобождения Нин был застрелен.

Официально было заявлено, что он арестован, но затем появились слухи о его гибели. Коммунист А. Ортега был в июле отстранен от руководства службой безопасности.

После этого репрессии стали ослабевать. Коммунисты с гневом отмечали, что Сугасагоития саботирует преследование ПОУМ (после отставки Ортеги министр освободил сотни политзаключенных и не вскрыл связи «троцкистов» и штаба Франко).

В начале августа 1937 года Служба безопасности была реорганизована в Службу военных расследований (SIM, Servicio de Investigación Militar). Она должна была бороться с «пятой колонной», но фактически действовала также против ПОУМ и радикалов НКТ. После создания СИМ позиции КПИ в репрессивной системе ослабли.

Нанеся репрессивный удар по левой оппозиции, республиканский режим попытался продемонстрировать свой либерализм. 31 июля в Республике была провозглашена свобода совести. 7 августа были открыты первые церкви (в июле 1936 года они были закрыты вооруженными сторонниками Народного фронта и анархистами).

Президент Асанья заявил: «Мы имеем вновь республику, республику, имеющую три цвета! И ничего более!»³⁸⁵

В октябре 1938 года, после судебного процесса, члены ЦК ПОУМ были приговорены к различным срокам тюремного заключения (до десяти лет). Через три месяца франкисты подошли к Барселоне, и республиканская охрана тюрьмы открыла ворота. Поумисты спаслись во Франции.

Был нанесен удар по Арагонскому Совету — территориальному органу, образовавшемуся в 1936 году и контролировавшемуся анархистами. Арагонский совет опирался на коллективы и профсоюзы. Его статус как территориального органа самоуправления де-факто был признан правительством.

11 августа силы 11-й дивизии под командованием коммуниста Листера напали на Каспе и разогнали Арагонский совет, арестовав его лидеров и несколько сот анархо-синдикалистов. Акция не встретила значительного сопротивления, так как анархо-синдикалисты не стали использовать даже небольшое количество оружия, имевшееся у них на складах в тылу, и не сняли войска с фронта. Листер утверждал, что операция была согласована с Прието и руководством КПИ. Листеру удалось распустить часть сельскохозяйственных коллективов. Однако, несмотря на провозглашенную победителями свободу выхода из коллективов и сильное давление, оказанное на крестьян, разрушить созданную анархистами систему не удалось — в разных районах от четверти до большинства крестьян остались в коллективах. Более того, в других регионах число коллективов даже росло, часть крестьян вернулись в коллективы и в Арагоне³⁸⁶.

В промышленности разрушение коллективизированного сектора и подчинение коллективов государственным администраторам деморализовали рабочих, и теперь трудовая дисциплина падала, а вместе с ней — и производительность труда. В этих условиях НКТ взяла курс на консолидацию коллективизированного сектора, превращение его в целостный уклад, автономный от государства. Для этого создавался Экономический совет НКТ и экономические советы на местах, которые должны были действовать во взаимодействии с отраслевыми федерациями. НКТ-ФАИ постепенно превращалась в лево-социалистическую партию, занимая нишу, оставленную ИСРП после поражения группы Ларго Кабальеро. В этот период идеологи НКТ апеллировали уже не к анархии, а к реальной демократии, экономическому коллективизму, выступали в «защиту территориальной, моральной и социальной целостности Испании: ее обычаев, ее темперамента, ее психологии»³⁸⁷. Это было своего рода испанское народничество.

Президент Асанья заявил: «Мы имеем вновь республику, республику, имеющую три цвета! И ничего более!»³⁸⁵

В октябре 1938 года, после судебного процесса, члены ЦК ПОУМ были приговорены к различным срокам тюремного заключения (до десяти лет). Через три месяца франкисты подошли к Барселоне, и республиканская охрана тюрьмы открыла ворота. Поумисты спаслись во Франции.

Был нанесен удар по Арагонскому Совету — территориальному органу, образовавшемуся в 1936 году и контролировавшемуся анархистами. Арагонский совет опирался на коллективы и профсоюзы. Его статус как территориального органа самоуправления де-факто был признан правительством.

11 августа силы 11-й дивизии под командованием коммуниста Листера напали на Каспе и разогнали Арагонский совет, арестовав его лидеров и несколько сот анархо-синдикалистов. Акция не встретила значительного сопротивления, так как анархо-синдикалисты не стали использовать даже небольшое количество оружия, имевшееся у них на складах в тылу, и не сняли войска с фронта. Листер утверждал, что операция была согласована с Прието и руководством КПИ. Листеру удалось распустить часть сельскохозяйственных коллективов. Однако, несмотря на провозглашенную победителями свободу выхода из коллективов и сильное давление, оказанное на крестьян, разрушить созданную анархистами систему не удалось — в разных районах от четверти до большинства крестьян остались в коллективах. Более того, в других регионах число коллективов даже росло, часть крестьян вернулись в коллективы и в Арагоне³⁸⁶.

В промышленности разрушение коллективизированного сектора и подчинение коллективов государственным администраторам деморализовали рабочих, и теперь трудовая дисциплина падала, а вместе с ней — и производительность труда. В этих условиях НКТ взяла курс на консолидацию коллективизированного сектора, превращение его в целостный уклад, автономный от государства. Для этого создавался Экономический совет НКТ и экономические советы на местах, которые должны были действовать во взаимодействии с отраслевыми федерациями. НКТ-ФАИ постепенно превращалась в лево-социалистическую партию, занимая нишу, оставленную ИСРП после поражения группы Ларго Кабальеро. В этот период идеологи НКТ апеллировали уже не к анархии, а к реальной демократии, экономическому коллективизму, выступали в «защиту территориальной, моральной и социальной целостности Испании: ее обычаев, ее темперамента, ее психологии»³⁸⁷. Это было своего рода испанское народничество.

Блок коммунистов и правого крыла ИСРП развернул наступление на кабальеристское руководство ВСТ. Решающий удар был нанесен перед сессией кортесов, где Негрин опасался контратаки Ларго как формального лидера фракции. 29 сентября кабальеристы потеряли руководство фракцией социалистов. 30 сентября был избран новый исполком ВСТ. Ларго был смещен с поста председателя ВСТ, который занял Рамон Гонсалес Пенья. 1 октября кабальеристы были выведены из исполкома.

Республика стремилась подтвердить свою легитимность в глазах зарубежных «демократий». 1–2 октября 1937 года были созваны кортесы. На них приехали даже некоторые правые депутаты — Маура, Портела и др.

Политика правительства Негрина была направлена на резкое усиление роли государства в экономике. Как пишут историки Ф. Комин и С. Лопес, «национализация, мобилизация и усиление государственного регулирования были главными целями военной экономики Негрина... Сначала, с мая 1937 года, он попытался направить республиканское производство в сторону увеличения ресурсов, вырабатываемых внутри страны, и направить их на военные нужды. Централизация экономических решений не имела успеха. Затем, с апреля 1938 года, Негрин попытался осуществить такую централизацию через Министерство обороны, в частности, посредством декрета о мобилизации, изданного в августе 1938 года. В конце 1938 года Негрин попытался создать новое учреждение для усиления мобилизации, то есть, для ориентации экономической продукции на военные нужды»³⁸⁸. Как видим, систематические неудачи политики централизации не разочаровали в ней Негрина. Даже занятие им поста министра обороны тоже имело экономические мотивы — через это министерство он надеялся установить контроль над всеми ресурсами Республики. По мнению Тольятти, «Негрин склонялся к централизованному руководству всей экономической жизнью через государственный аппарат и полному подавлению частной инициативы»³⁸⁹.

Рост государственного вмешательства и притеснения самоуправляющихся предприятий и синдикатов привели к тяжелым экономическим последствиям. Если в декабре 1936 года производство в Каталонии составило 71 % от уровня июня 1936 года, а в июне 1937 года держалось на уровне 70 %, то к декабрю 1937 года произошло резкое падение — до 59,8 %, а к июню 1938 года — до 32,9 %³⁹⁰. Особенно пострадало военное производство. В январе 1938 года выпуск корпусов снарядов в Каталонии упал до 38 817 в месяц (при анархистах было 120 000) — меньше, чем даже в Леван-

те (41 918)³⁹¹. Восстановить положение с помощью советских специалистов удалось только накануне падения Каталонии.

Рабочие в Каталонии голодали, норма питания составляла 100 г хлеба. Для руководства действовали спецстоловые³⁹².

Республиканская армия при Негрине изменилась. Правительство Негрина — Прието стало разрушать милиционную систему, строить армию на обычных «казарменных» принципах, но побед не добилось. Падение энтузиазма солдат и рост кастовости и бесконтрольности офицерства способствовали падению боеспособности республиканской армии во второй половине 1937 года и ее поражениям. Свержение Ларго Кабальеро сорвало подготовку операции в Эстремадуре, которая, возможно, могла вывести войну из губительной для Республики позиционной фазы³⁹³.

Обстановка на фронте и в тылу вела к росту пессимистических настроений по поводу способности Республики выиграть войну. 30 марта 1938 года Прието подал в отставку.

Начался новый правительственный кризис. Асанья, собрав представителей партий для консультаций о новом правительстве, стал обсуждать возможность соглашения с Франко. Негрин пытался удерживать баланс между «партией мира» и коммунистами. Он не был принципиальным сторонником борьбы до конца, но понимал, что в условиях поражений надежды на почетный мир с Франко нереалистичны. И Негрин, и Прието, и Асанья видели выход уже не в победе, а в том, чтобы «укрепив», усилив Республику, заставить Франко пойти на перемирие, закончить войну «вничью».

6 апреля 1938 года было сформировано новое правительство Негрина без приетистов. Но на этот раз правительство формировали не партии и организации, а лично Негрин. Сам он ушел с поста министра финансов и занял пост министра обороны. Близкий к нему Паулино Гомес возглавил министерство внутренних дел. Чело-веком Негрина давно стал и Альварес дель Вайо, близкий также к коммунистам — он занял важный пост министра иностранных дел. В правительство вошел анархо-синдикалист Сегундо Бланко, который стал министром образования и здравоохранения. Министры этого кабинета, принадлежавшие к разным партиям и организациям, принадлежали на деле к «партии Негрина» — проводили политику правительства, не подчиняясь своим партиям. Исключение составляли коммунист Висенте Урибе (сельское хозяйство) и представители национальных меньшинств, следовавшие политике своих организаций. Однако националисты потеряли реальное влияние — у басков уже не было территории, которую к этому времени заняли франкисты, а сторонники Компаньса потерял власть в Каталонии.

16 августа 1938 года правительство покинули представители националистов — они не выдержали наступления Негрина на права автономий, прежде всего — установление центрального контроля над военной промышленностью Каталонии.

1 мая 1938 года Негрин выступил с 13 пунктами программы правительства. Документ уже не исходил из неизбежности военной победы и предлагал решить вопрос о послевоенном устройстве Испании путем плебисцита. Правительство гарантировало право частной собственности и обещало компенсации иностранному капиталу. Негрин предлагал отказаться после войны от репрессий. По существу, эта позиция стала первым предложением компромисса Франко, сделанным в завуалированной форме. Впрочем, среди пунктов были заведомо неприемлемые для Франко: провозглашение Испании народно-демократической республикой, аграрная реформа, свобода совести и др. Эту речь, как и дальнейшие инициативы подобного рода, Франко оставил без ответа. Он видел, что время работает на него.

Отказ республиканского руководства от революционной стратегии оказался гибельным, создать железный кулак Республика во главе с Негрином не смогла.

Продвижение Франко

После прихода к власти правительства Негрина и Прието планы маневренной войны были оставлены. Республиканское командование 5 июля попыталось прорвать фронт противника на Центральном фронте под Брунете, но сражение кончилось отходом республиканцев с большими потерями³⁹⁴. В июне и августе республиканцы безуспешно пытались наступать на Сарагосу, но в итоге смогли взять лишь небольшой городок Бельчите³⁹⁵. В октябре 1937 года Восточный (Арагонский) фронт подвергся полной реорганизации. Бригады, оставшиеся под командованием анархистов, были сведены в 10-й корпус, а остальные серьезно «вычищены». Были ликвидированы остатки милиционной системы. Как показали последующие события, это привело к дальнейшему ослаблению боеспособности фронта. Действия в Арагоне должны были отвлечь Франко от северного анклава Республики, но не сумели решить эту задачу.

1 апреля 1937 года Франко начал наступление на Страну Басков с востока. 26 апреля авиалегия «Кондор» разрушил древний баскский город Гернику. 19 июня пал Бильбао. 14 августа франкисты и итальянцы начали наступление на Рейносу, рассекая территорию республиканцев. Почти половина баскских сил не стала от-

ступать дальше и капитулировала у Сантоны. Этот «Пакт Сантоны» предусматривал отказ от репрессий и возможность для желающих басков эвакуироваться во Францию, но победители не выполнили обещаний. Солдаты баскской армии и политический актив были направлены в лагеря (половина через несколько месяцев освобождена, более 500 казнено).

24 августа Сантандер был окружен. Около 3000 бойцов и 2000 гражданских эвакуировались по морю в Хихон, около 2500 солдат и более 3000 населения — во Францию.

На последнем этапе борьбы за Север, во время обороны Астурии, сопротивление возглавили губернатор Томас и командир полковник-баск Прадо (он уплыл из Сантандера под носом франкистов на лодке даже без весел — гребли саперными лопатками и добрались до республиканцев). Несмотря на то, что республиканцы в конце августа попытались предпринять наступление на Арагонском фронте, оно было недостаточно сильным, чтобы нарушить планы Франко. 4 сентября он начал наступление в Астурии. 21 сентября пал последний оплот сопротивления республиканского Севера Хихон³⁹⁶.

По советским оценкам, «с ликвидацией севера мятежники получили великолепные атлантические порты — Бильбао, Сантандер, Хихон для свободной и прямой связи с Германией; развитую горно-металлургическую промышленность и, наконец, освободили свои войска, воевавшие против республиканского севера»³⁹⁷. Это означало, что стратегическая инициатива, которую Республика могла перехватить после Гвадалахары, возвращалась к Франко. Он получал свободные силы для удара.

Но его войска, штурмовавшие Север, были утомлены, Франко еще не был уверен в своих силах, и это дало Республике передышку и последний шанс самой выбрать место для удара. Этим местом стал Теруэль — форпост франкистов между центральной частью Республики и Каталонией, где в декабре 1937-го — феврале 1938 года развернулись ожесточенные бои.

Сражение за Теруэль стало крупнейшим разочарованием республиканцев. Некоторое время казалось, что преобразования Негрина и Прието, военное искусство начальника Генерального штаба Рохо действительно дают плоды. Это впечатление было ошибочным, и Теруэль запустил цепную реакцию неудач.

Рохо направил под Теруэль 12–15 бригад, добившись восьмикратного превосходства в живой силе. 15 декабря республиканцы нанесли удары навстречу друг другу в обход Теруэля. 19 декабря город был окружен, но развивать успех республиканцы не стали, отбросив франкистов недостаточно далеко. Рохо воспринимал эту операцию как локальную. 25 декабря главным командованием

было решено, что операция закончилась, что противник смирился со сдачей Теруэля.

Не успели республиканцы добить окруженных в Теруэле франкистов (они сопротивлялись до 7 января 1938 года), а Республика уже воспрянула духом. 21 декабря Рохо вывел из-под Теруэля три корпуса. Однако скоро выяснилось, что сражение только начинается.

30–31 декабря 1937 года противник нанес контрудар. Франкисты подошли вплотную к городу. «Под Теруэлем было холодно, нестерпимо холодно для испанцев; кажется, мороз доходил до двенадцати градусов при сильном ветре. Камни покрывались слоем льда, люди падали и ползли вверх на четвереньках»³⁹⁸, — рассказывал И. Эренбург.

5 февраля 1938 года франкисты снова перешли в наступление и 23 февраля отбили Теруэль. Инициатива была окончательно утеряна республиканцами.

Следующий удар Франко нанес в Арагоне, где фронт был ослаблен реорганизациями и чистками. 470 км фронта обороняли три корпуса в составе восьми дивизий. В центрально-южной зоне у республиканцев было 500 орудий, на Арагонском (восточном) фронте — 60.

Франко сосредоточил в Арагоне до 300 тыс. солдат под командованием Фиделя Давилы. Отныне во всех сражениях франкисты имели превосходство в технике. В сражениях первой половины 1938 года превосходство авиации франкистов достигало 5–6 раз. К тому же в Арагоне у Франко было превосходство и в живой силе. Генштабу Рохо удалось наскрести для отражения удара около 200 тыс. солдат, да и то не сразу.

9 марта 1938 года Арагонский фронт был прорван. Ввод войск в сражение проводился республиканцами по частям, и ударные дивизии противника их без труда перемалывали. 15 апреля франкисты вышли к Средиземному морю южнее Эбро, отрезав, таким образом, центральную территорию республики от Каталонии и Франции на суше (сообщение по воздуху и морю сохранялось). Перед Франко встала альтернатива — продолжить наступление против Каталонии с шансом захватить промышленную базу республики, или попытаться взять фактическую столицу республики Валенсию. Он избрал второй вариант, но наступление на юг выдохлось к началу мая. Боевые действия в Леванте шли с переменным успехом³⁹⁹.

Захват Арагона франкистами усугубил продовольственные трудности. Теперь Республика не могла обеспечить себя продовольствием. В разговоре с советским представителем Марченко Негрин признавал, что «народ буквально голодает, во многих районах рабочие неделями не получают хлеба, ибо у правительства нет

средств на большие закупки зерна»⁴⁰⁰. Летом 1938 года Республика попыталась взять реванш на реке Эбро.

В ночь на 25 июля армия под командованием Хуана Модесто общей численностью около 100 тыс. бойцов приступила к форсированию Эбро, чтобы в случае успеха воссоединить территорию Республики.

Чтобы получить шанс на стратегический успех, республиканцы должны были выйти на оперативный простор из излучины Эбро, взяв Гандесу. Передовые части шли стремительно, не задерживаясь на подавление укрепленных точек противника. Но маневренной войны снова не получилось — основные силы слишком долго переправлялись и штурмовали Аско, Фликс, Фатарелью и Пинель. 26 июля франкисты сумели подтянуть резервы и отстоять Гандесу, заперев республиканцев на небольшом пятачке в излучине Эбро. Республиканцы сумели захватить лишь небольшой горный плацдарм, вокруг которого развернулось ожесточенное сражение, длившееся до 14 ноября. Авиация и артиллерия франкистов перемалывали здесь республиканцев, которые мужественно сражались за каждый холм против 230-тысячной армии противника. «Бои были настолько упорные, что было бы напрасно искать подобных во всех прошлых боях настоящей кампании. Штаб мятежников считал большой для себя победой, если фашистские части в течение дня брали одну-две высоты. Вся тактика и все искусство Франко сводилось лишь к тому, что ценой громадных расходов снарядов и авиабомб он стирал все траншеи и сооружения защитников, и когда последние уходили, его пехота занимала „новую“ территорию.

Правда, первое время он еще пытался после артподготовки и авиабомбежки посылать в атаку свои части, но после первых горьких неудач, стоивших ему громадных потерь, и после ряда неповиновения своих частей, отказавшихся идти в атаку, он почти полностью перешел на метод „стирать огнем все живое“... Это был кульминационный пункт падения престижа Франко»⁴⁰¹, — говорилось в анализе операции, подготовленном в Генштабе РККА.

Несмотря на то, что битва на Эбро была позиционной, она требовала от обеих сторон огромного напряжения сил. Это касалось и союзника Франко Муссолини, который уже в августе ощутил, что фашисты в Испании находятся на пределе своих возможностей. Муссолини, недовольный пассивностью действий Франко, сказал Чиано: «Запиши в своем дневнике, что сегодня, 29 августа, я предсказываю поражение Франко... Красные — это бойцы, а Франко — нет»⁴⁰².

Но уже в августе стало ясно, что республиканское наступление выдохлось, и дальнейшее сражение является моделью Первой мировой войны, борьбой на истощение.

Франкисты подготовили специальную ударную группу, для штурма господствовавшего над местностью гряды Сьерра де Пандольс. 30–31 октября эта группа в 10–12 батальонов при 200 орудиях взяла эти горы, отбросив части 5-го корпуса Листера. 3 ноября франкисты заняли Пинель и стали двигаться вдоль Эбро, отрезая республиканцев от переправ. В ночь на 4 ноября 5-й корпус переправился за Эбро. Это было началом поэтапной эвакуации плацдарма.

На Эбро некоторое время оборону продолжал держать 15 корпус, но 16 ноября вся обескровленная армия Эбро вернулась за реку. Республиканцы потеряли около 40 тысяч человек. Франкисты — вдвое больше, но у них и человеческие ресурсы были богаче.

Теперь, куда бы ни ударил Франко, у республиканцев не было достаточных резервов, чтобы парировать действия противника.

«ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ» СТАЛИН

Во второй половине 1937-го — в 1938 году значение Испании в международных отношениях стало снижаться. Германия выполнила свою задачу 1936–1937 годов, привязав к себе Италию. Республиканцы, правда, потрепали Гитлеру нервы, атаковав в испанских территориальных водах германские крейсера «Дойчланд» 29 мая (в ответ 31 мая флот Рейха обстрелял Альмерию) и «Лейпциг» 15-го и 18 июня. Британская дипломатия бросилась утешать фюрера, порывавшегося сменить невмешательство на открытую военную помощь Франко.

Франция колебалась между двумя угрозами — образования прогерманского режима в тылу и, с другой стороны, втягивания в войну с Германией из-за Испании. Опасность революционных искр, разлетающихся из испанского очага, стала не столь актуальной после падения радикального правительства Ларго Кабальеро. Зато более умеренное правительство Негрина имело (и не без оснований) репутацию прокоммунистического, что ставило в повестку дня появление на западе Европы советского плацдарма.

В этих условиях перед дипломатией Великобритании и Франции встала альтернатива: поддерживать конфликт в равновесии или открыто встать на сторону Франко, чтобы сделать его режим из прогерманского нейтральным в возможном мировом конфликте. Республиканское руководство продолжало рассчитывать на то, что Франция «одумается» и поддержит Республику. Однако шанс на это возникал только в случае прямого военного столкновения Франции и Великобритании с одной стороны и Германии и Италии — с другой.

Политика умиротворения была не просто интригой западных элит, она соответствовала настроению общества. Эренбург рассказывал: «Многие из левых интеллигентов, хотя они и кричали с другими: „Долой невмешательство!“ — слушая рассказы о Мадриде, о Гернике, про себя думали: „Все-таки хорошо, что у нас мир!“. До Мюнхена было уже недалеко...» Негрин тщетно добивался у французов военной помощи. Максимум, что они были готовы сделать для Республики — это иногда пропускать советскую помощь.

У антифашистов было как минимум два фактора сопротивления — революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Парализовав революцию, новое испанское руководство убило стимулы самоотверженной борьбы за победу. Ларго Кабальеро мог совмещать оба этих источника силы Республики. Негрин отказался от одного из них. Он и его сторонники рассчитывали, что уж просоветскому правительству СССР окажет еще большую помощь. Однако Советский Союз и так оказывал ту помощь, какую мог.

В 1936 году Испания для СССР была важнейшим направлением европейской политики, но в условиях нарастающих угроз и ограниченных ресурсов Советского Союза это не могло продолжаться вечно. Отношение Сталина к Испанской республике нередко связывают с его капризным характером. Так, Ю. Рыбалкин утверждает: «Позиция Сталина в отношении Испанской республики была непредсказуемой и менялась в зависимости от его настроения, обстановки на фронтах Пиренейского полуострова и международной арене. Постепенно интерес Сталина к стране „X“ пропал, наоборот, возникло неприятие. С середины 1937 года на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) чаще стали обсуждать вопросы помощи не Испании, а Монголии и Китаю (страна „Z“), а также проблемы борьбы с „антигосударственными элементами“ внутри страны. Перемены в настроении Сталина сказались на объемах и интенсивности военных поставок Республике»⁴⁰³. «Капризный» Сталин. Нет бы забыть о Китае и внутриполитических проблемах и заниматься только Испанией...

Испанский историк А. Виньяс комментирует мнение Ю. Рыбалкина: «Наконец, такие авторы как Рыбалкин (2007), вводят личный фактор. Сталин перестал интересоваться Республикой так, как раньше.

Вряд ли это можно объяснить переменами настроения, хотя такой вариант тоже нельзя исключать»⁴⁰⁴. Так исключать или не исключать? Все-таки этот вопрос принципиален, ибо категорически поставлен Ю. Рыбалкиным. Были ли паузы в снабжении вызваны настроением Сталина или конкретными военно-политическими причинами? А причины такие были. Помощь «стране „Z“» (Китаю) была

обусловлена не переменчивым настроением Сталина, а вполне конкретной угрозой с востока. Об этом мы еще поговорим подробнее.

Несмотря на некоторые колебания, А. Виньяс все же развивает версию о «парадоксальности», то есть в данном случае неразумности поведения Сталина в отношении к Испании в 1937 году: «Начиная с лета 1937-го в динамике внешних поставок создалась парадоксальная ситуация, которая имела драматические последствия для республиканцев. Муссолини продолжил и даже усилил поддержку Франко»⁴⁰⁵. А Сталин ослабил поддержку своих верных друзей.

С точки зрения сторонников республиканской «партии порядка», при Ларго Кабальеро Республика не могла победить, потому что это правительство было слишком уж революционным, а при умеренных и рассудительных Негрине и Прието победа забрезжила на горизонте, но помахала Республике ручкой. Кто виноват? Ну, конечно, Сталин, кто же еще. В самый удачный момент после мая (летом) «парадоксальный» Сталин перекрыл кислород, подчиняясь капризу, перемене настроения: «В свете событий Негрин и Прието, в качестве председателя правительства и министра обороны соответственно, быстро заметили, что ветер с востока больше не дует в том же направлении и с той же силой, что раньше»⁴⁰⁶.

Но так ли «быстро» это произошло? Летом ли? И парадоксальным ли образом?

Для А. Виньяса и сторонников версии «Сталин — человек настроения» важно показать, что СССР перестал помогать Республике именно в тот момент, когда она получила надежные шансы на победу. «Когда Республика наконец получила сильное правительство и покончила с внутренними разногласиями, которые сделали безрезультатными многие ее усилия в течение первого года войны, новые руководители, начиная с Негрина и Прието, столкнулись с некоторой отчужденностью Советского Союза. Сталин снова изменил подход в ноябре 1938 года, но было уже слишком поздно»⁴⁰⁷. Но испанские лидеры столкнулись с «отчуждением» Сталина не сразу, и новые поставки шли в Испанию все же не только с ноября 1938 года, но и раньше. Поставки продолжались во второй половине 1937 года и были относительно регулярными — в среднем по одной в месяц, в марте 1938 года — три, а в апреле — две⁴⁰⁸.

Утверждение о том, что Сталин «отвернулся» от Испании именно тогда, когда в Республике образовался «дееспособный» режим, призвано «объяснить», почему эта «дееспособность» вылилась не в победы (а ведь прежде была Гвадалахара), а в сплошные неудачи. В действительности Сталин дал Негрину и Прието достаточно времени, чтобы проявить себя. Советские поставки могли позволить республиканскому командованию успешнее действовать и в июле,

и в октябре 1937 года, и в январе-феврале, и даже в марте-апреле 1938 года.

Советские руководители не могли не испытывать разочарования новым республиканским руководством. Если весной, после победы под Гвадалахарой, Республика получила возможность перехватить инициативу в войне, то летом 1937 года она все еще не сделала этого. Ради чего тогда была вся эта кампания против Ларго Кабальеро? Обещали побед и не справились — лишь время потеряли на политическую междоусобицу.

Но Негрин пришел к власти не в ноябре 1937 года. С мая по ноябрь 1937 года — достаточный срок, чтобы продемонстрировать, что республиканцы стали сражаться лучше. А они при Негрине и Прието стали сражаться хуже. И это был результат их политики, а не изменения политики Сталина.

Решающим был период не 1938 года, а весны-лета 1937 года, когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того чтобы сосредоточить усилия на деле победы, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а Республика теряла время. После июля 1937 года шанс перехватить инициативу, возникший в марте после Гвадалахары, был практически упущен.

Летом 1937 года, «как только советское правительство ослабило помощь, фашистские диктаторы резко увеличили свою. Нет ничего удивительного в том, что Республика оказалась в совершеннейшей безвыигрышной ситуации»⁴⁰⁹, — утверждает А. Виньяс. Когда точно уменьшили? На какие операции могли повлиять проблемы с поставками? Во всяком случае, не на бездарно упущенные возможности под Брунете и в Арагоне летом-осенью 1937 года.

Советская помощь к середине мая 1937 года составила 333 самолета, 256 танков, 60 броневиков, 236 орудий среднего калибра⁴¹⁰. И поставки продолжались. К июню было поставлено 409 самолетов, из которых в строю было 343⁴¹¹. Это не так мало.

А. Виньяс оценивает соотношение поставок самолетов советского и итало-германского производства с июля 1937 года как 239–271 к 740–798⁴¹². Присоединяя поставки первых двух с половиной месяцев правления Негрина к поставкам времени Ларго Кабальеро, А. Виньяс стремится доказать, что при Ларго Кабальеро Республика получала значительную помощь, а с приходом Негрина — уже нет. Если с 1 октября 1936-го по 1 августа 1937 года СССР поставил в Испанию 496 самолетов и 714 орудий, то с 14 декабря 1937-го по 11 августа 1938 года — 152 самолета и 469 орудий⁴¹³. Получается, что в первый период было направлено 49,6 самолета и 71,4 орудия в месяц, а во второй — 19 самолетов и 58,6 орудия. Однако эти вычисле-

ния А. Виньяса как раз и подрывают его аргументацию: получается, что первые месяцы Негрина относятся к периоду «хороших поставок». Более того, поставленная тогда техника продолжала действовать и оказывать влияние на ход войны в следующие месяцы. Одновременно испанцы стали собирать самолеты по лицензии сами (было собрано 230 самолетов, что значительно улучшает статистику — более чем в два раза). Так что считать, что ситуация в середине 1937 года была заведомо проигрышной, можно только существенно преувеличивая значение внешних факторов.

Не будем также забывать, что Франко должен был делить свои силы надвое до падения Севера, а республика концентрировала советскую авиацию в центре. И только с началом войны в Китае и серией разочаровывающих военных неудач Республики летом-осенью 1937 года советская помощь стала ослабевать, но вовсе не прекратилась.

К тому же динамика поставок зависела и от позиции французских властей. Именно поэтому пришлось придерживать их осенью 1937-го — зимой 1938 года (блокада на французской границе из-за «невмешательства» дополнялась подводным пиратством итальянцев в Средиземном море), а затем лихорадочно проталкивать в марте — июне 1938 года. Как пишет А. Виньяс: «Недостаточная воля увеличивать поставки, которая вменяется в вину Сталину, не смягчалась препятствиями, которые устанавливали французы»⁴¹⁴. Это мягко сказано в отношении французов. Сталин давал столько помощи, сколько мог в сложившихся условиях. А вот французы существенно «регулировали» ее поступление через границу, что могло оказаться критически важным. Дорого яичко ко Христову дню.

Важнейшее значение для СССР играло начало японо-китайской войны 7 июля 1937 года. Теперь советская помощь поступала в Китай, и ее объем «вычитался» из того, что СССР мог поставлять в Испанию. А с весны 1938 года нарастала и военная угроза на Востоке Европы в связи с Судетским кризисом. Так что СССР и сам нуждался в вооружениях. Тем не менее помощь Испании продолжалась.

Осенью 1938 года разразился Судетский кризис, о котором речь пойдет ниже. Мир висел на волоске. Гитлер угрожал войной Чехословакии. Великобритания и Франция, связанные союзническими обязательствами, готовились к войне с Германией. СССР выражал готовность помочь Чехословакии. Если бы СССР, Франция и Великобритания стали военными союзниками, политика невмешательства немедленно умерла бы. Это давало Испанской республике шанс на выживание.

12 сентября поверенный в делах при Франко докладывал в Берлин, что в Бургосе считают: европейская война сделает невоз-

можной победу над Республикой. Франко приступил к срочному строительству укреплений на границах с Францией в Пиренеях и в Марокко. Гитлер держал Франко в неведении относительно своих планов, что вызывало нервную реакцию со стороны испанского союзника, интересы которого не принимались в расчет. Более того, Франко сообщил в Лондон, что в случае начала войны он сохранит нейтралитет. Информация об этом вызвала недовольство фюрера и дуче.

В случае войны Германии и Италии пришлось бы найти лучшее применение войскам и оружию, которое пока направлялось в Испанию. А Великобритании и Франции пришлось бы договариваться с СССР, и Франко был бы хорошей разменной монетой. В лучшем для него случае Великобритания, Франция и СССР согласились бы на создание нейтральной Испании на основе компромисса.

Но в ночь на 30 сентября Судетский кризис завершился Мюнхенским соглашением. Война против фашизма была отложена, и это делало положение Испанской республики почти безнадежным.

2 октября Негрин в радиовыступлении задал вопрос: неужели франкисты хотят продолжать войну до полного уничтожения испанского народа? Этот новый призыв к миру повис в воздухе — после Мюнхена у Франко отлегло от сердца, а выступление Негрина выглядело криком отчаяния.

Единственным успехом «дела мира» в Испании стало соглашение 1 октября о выводе из страны интербригад в обмен на вывод примерно такого же количества итальянских «добровольцев». Обмен был неравноценным, так как при выводе примерно десяти тысяч бойцов с каждой стороны у немцев и итальянцев оставалось еще значительная часть их войск в Испании. Ведь в октябре 1938 года в Испании оставалось около 36 000 иностранных солдат на стороне Франко. Всего, по оценке испанского историка А. Виньяса, «если в лагере франкистов сражалось около 187 000 иностранцев, которые обучали более 80 000 человек, то Республика могла противопоставить в лучшем случае 40 000 и 20 000 соответственно»⁴¹⁵.

Значение интербригад в 1938 году снизилось. Тысячи испанцев уже приобрели боевой опыт. Приток новых бойцов в интербригады почти прекратился. К 27 августа 1938 года в интербригадах в строю было 15 992 бойца, включая больных и раненых — 17–20 тысяч. Всего через интербригады прошло около 40 000 бойцов, из них 9000 французов, 3000 поляков, 3000 итальянцев, по 2000–2500 американцев, немцев, балканцев, по 1000–2000 англичан, бельгийцев, чехов, менее 1000 — граждан прибалтийских государств, австрийцев, скандинавов, голландцев, венгров, швейцарцев, канадцев. Было убито 5000–7000 человек, около 500 попали в плен⁴¹⁶. В нояб-

ре прошли прощальные парады по обе стороны фронта. Итальянские фашисты остались в стране. Впрочем, вывод интербригад продолжался до февраля, и последним их подразделениям пришлось отступить во Францию под огнем противника.

Агония Республики

Социально-экономическое положение Республики продолжало ухудшаться. Во второй половине 1938 года из-за потери Арагона и изоляции центральной части территории Республики были затруднены поставки продовольствия в Мадрид. В декабре прошла голодная демонстрация в Мадриде. Голодала и Барселона. Пайек на предприятиях составлял 150 г хлеба, 100 г мяса или рыбы, 50 г жиров, и еще 2 литра вина и 1–2 кг бобовых в месяц⁴¹⁷. Обеспечивался он нерегулярно. Столкнувшись с враждебностью к себе государства, коллективы уже не были настроены альтруистично и укрывали произведенную продукцию.

Но на военном производстве рабочие продолжали самоотверженно трудиться. Как докладывал советник при субсекретариате вооружений Митрофан Неделин (будущий командующий ракетными войсками стратегического назначения СССР), в Барселоне в ноябре было произведено 210 000 корпусов снарядов (на 20 000 больше, чем в октябре, на 50 000 больше, чем в центральной зоне)⁴¹⁸.

23 декабря Франко начал наступление на Каталонию. 250 тысяч солдат Франко противостояло 176 тысяч республиканцев (у которых было 86 тысяч винтовок). На 260 истребителей и 300 бомбардировщиков франкистов приходилось 95 истребителей и 29 бомбардировщиков республиканцев. Войска были деморализованы, и после сражения на Эбро у республиканцев не было здесь достаточных резервов.

В конце декабря — начале января республиканцы еще оказывали организованное сопротивление, держали фронт. Итальянцы давили на армию Эбро от Лериды, стремясь отрезать приморский угол республиканской обороны, и 15 января 1939 года они прорвались к морю. Три республиканские дивизии были разгромлены, что деморализовало всю армию⁴¹⁹.

Начался исход республиканцев из Каталонии во Францию. Республиканцы откатывались к границе с Францией, сдавая даже укрепления без боя, если противник прорывался на фланге. Боялись окружения, контрудары практически не наносили. Казалось, Барселона будет обороняться — столица Каталонии, окруженная горами, имевшая запасы боеприпасов и снаряжения, могла выдержать оса-

ду. И выдержала бы, будь дело в 1936–1937 годах. Но не теперь. Когда противник стал обходить Барселону, 5000 карабинеров покинули свои позиции. 26 января в Барселону прорвались моторизованные части противника. На улицах развернулись бои 60 танков, танкеток и броневигов франкистов против 28 танков и броневигов республиканцев. Если бы в городе были построены укрепления или хотя бы баррикады, если бы во время этого боя пехота не бежала из города, у франкистов не было бы шансов взять Барселону с ходу. К вечеру Барселона пала⁴²⁰.

Тольятти называет одной из важнейших причин падения Каталонии «сильную усталость масс». Речь может идти не только об усталости, но и о разочаровании рабочих в режиме. Правительство Негрина отобрало социальные завоевания 1936 года, и люди не хотели защищать эту власть даже против франкистов. «Бригады молодежи, воздвигавшей баррикады, встречали сопротивление со стороны групп женщин из народа, которые со слезами вырывали у них из рук лопаты и кирки»⁴²¹, — рассказывает Тольятти. Как эта картина отличается от ситуации 1936 года!

Вместе с войсками к Пиренеям отходило население. Этот исход создал пробки, через которые по дорогам не могли пройти войска и снаряжение. Впрочем, в начале февраля движение происходило в одну сторону — к спасительной французской границе через заснеженные горные проходы.

Правительство отступило в Фигерес, откуда до Франции было рукой подать. 28 января Рохо, поддержанный генералом Хурадо, доложил Асанье и Негрину, что возможности сопротивления исчерпаны. Он предложил Негрину начать переговоры о посредничестве Франции и Великобритании с целью приостановить военные действия и договориться о лучших условиях мира, направленных на обеспечение эвакуации республиканцев из Испании.

По свидетельству Тольятти, «ясно было, что Негрин сам тоже потерял веру в дальнейшую борьбу, но он еще держался своей старой политической линии — линии сопротивления... Противоречивым моментом в позиции Негрина было то, что, платонически отстаивая сопротивление, он ничего не делал для того, чтобы его организовать. Его серьезнейшая вина заключалась в том, что в последние дни в Фигересе он не распорядился отправить в Валенсию и Мадрид по крайней мере часть оружия, которое к нам прибывало»⁴²².

Упустив возможность одержать военную победу над франкистами, Республика сохраняла только один шанс на выживание — продержаться до начала Второй мировой войны. Такой шанс возник в сентябре 1938 года в связи с Судетским кризисом, он сохранялся и в 1939 году, так как Республика имела пусть и небольшой, но дос-

таточный ресурс сопротивления, чтобы продержаться несколько месяцев в непредсказуемой ситуации предвоенной Европы. СССР продолжал поддерживать Республику и в этих условиях.

Ответственность западной либеральной элиты за «невмешательство» и «умиротворение» естественным образом вызывает поиск оправданий, и одно из них — СССР вел себя также. «Когда в Мюнхене в сентябре 1938 года стало ясно, что западные демократии не готовы выступить против фашистской агрессии, — пишет Д. Пуццо, — Кремль решил сформулировать и проводить иную политику. С конца 1938 года СССР прекратил поставки оружия в Испанию»⁴²³. Это распространенное на западе мнение, которое априори исходит из национального эгоизма Сталина, верно «с точностью до наоборот».

Поставки возобновились в декабре 1938 года, причем в кредит. В декабре 1938 года на эти нужды было выделено 100 млн долл. (для сравнения — в марте 70 млн долл.), на 55 млн оружие было переправлено во Францию⁴²⁴. В условиях изоляции после Мюнхена Сталин попытался «зайти с тыла» к консолидировавшемуся Западу.

12 января 1939 года СССР представил Республике заем в 50 миллионов долларов США. В этом соглашении, в отличие от прежней практики, не было условий гарантии займа и даже условий его возврата. По сути, Сталин просто оплатил поставки. Закупки, совершенные за счет этого кредита, дошли до Франции. Пока было можно, это оружие перебрасывалось в Каталонию. 30 января — 4 февраля было отправлено 41 955 винтовок, 3446 пулеметов, 319 тысяч снарядов и 31,5 миллионов патронов. 4 февраля 1939 года поставки оружия в Каталонию были остановлены республиканским руководством из-за наступления франкистов. Около 400 вагонов военного снаряжения пришлось эвакуировать назад во Францию. Попытка переправить 2 февраля часть боеприпасов в центральную зону пароходами не удалась — они были уничтожены итальянской авиацией⁴²⁵. Больше французы не допускали таких экспериментов. Склады во Франции были переполнены советским оружием, но не могли пойти по назначению.

Оставшееся во Франции имущество в основном удалось вернуть в СССР. К 11 июня 1939 года на склады вернулось 180 37-миллиметровых пушек, 117 45-миллиметровых пушек, 60 французских 76-миллиметровых пушек, 98 других 76-миллиметровых пушек, 57 английских гаубиц, 20 гаубиц, 14 японских пушек, 5000 винтовок, 50 самолетов СБ, 70 И-16, 6 УТИ-4, 18 Р-10, 40 танков Т-26⁴²⁶.

Когда Негрин обратился с очередной просьбой о поставках, Ворошилов предложил так ответить ему:

«1. СССР всегда относился благожелательно к нуждам Испанского правительства и все его просьбы о помощи оружием и прочими боевыми средствами, в силу возможности, своевременно выполнял.

2. Последняя просьба Испанпра, заявленная через Сиснероса, о продаже вооружения была нами в значительной мере выполнена, и если Испанпра не смогло договориться с французским правительством о своевременной переброске этого вооружения в Испанию полностью, то мы можем только сожалеть об этом.

3. Требовать в данное время новых поставок вооружений Испании, когда доставленное нами оружие в огромной массе находится на территории Франции и рискует попасть в качестве трофеев французским фашистам, по меньшей мере несвоевременно»⁴²⁷.

Конечно, этот документ не мог быть направлен за границу без существенной правки (в частности, «французские фашисты» в это время не могли претендовать на советское оружие, зато оно могло попасть в руки испанских фашистов после того, как Франция признала Франко представителем Испании). Но предложения Ворошилова отражают раздражение советского руководства ситуацией, когда существенные для СССР затраты пропали впустую из-за нерасторопности Негрина. Надо признать, что дело было не столько в Негрине, сколько в Даладье, не просить новые вооружения в этих условиях действительно было неуместно.

1 февраля, эвакуируясь вместе с остатками восточной армии во Францию, правительство собрало в замке в Фигересе 62 депутатов кортесов. Негрин выдвинул только три условия прекращения сопротивления — независимость страны, проведение выборов и отказ от преследований противников после войны. Однако Франко не собирался уступать в ответ на этот жест отчаяния. 13 февраля он объявил, что наказанию подлежат все, кто занимался «подрывной деятельностью» с октября 1934 года и препятствовал «правительству националистов».

4 февраля пала Жерона, 7 февраля франкисты преодолели последний оборонительный рубеж на реке Флувия. Республиканцы уходили во Францию, где их ждали новые унижения: «На границе французские жандармы (гар мобиль) занимались грабежом. Забирали у солдат и офицеров все, что им понравилось, а если этот предмет не хотели отдавать, то предлагали вернуться в Испанию к Франко. Ничего не оставалось делать, как только отдать эту вещь жандарму»⁴²⁸, — рассказывал боец-интернационалист Э. Штейнтольд. Затем массы интернированных были размещены в лагерях под открытым небом в сырой местности. Смертность в одном из них дос-

тигала 100 человек в день, пока французы наконец не предоставили материалы для строительства бараков⁴²⁹.

8 февраля границу пересекли Негрин и Рохо. 9 февраля последние республиканцы перешли границу с Францией и были там интернированы — война кончилась для 70 тысяч республиканских солдат.

Положение Республики становилось почти безнадежным. Минимум боеприпасов, сырья и продовольствия, промышленная база почти целиком захвачена противником. В феврале 1939 года Франко располагал 1 028 941 солдатом (без учета интервентов), а республиканцы — 750 000 солдат. Но у франкистов были вооружены все, а в Центрально-южной зоне было лишь 250 000 винтовок. На 469 самолетов фашистов приходилось 163 республиканских. Республиканские оружие и самолеты оказалось у французов — и то, что было отобрано у республиканцев, перешедших границу, и то, что поставил СССР.

Однако концентрация войск на Центральном фронте была высокой, и франкисты не могли бы сокрушить эту закопавшуюся в землю армию быстрым ударом. Теперь время работало на Республику.

Испанскую республику перестали учитывать как фактор европейской игры. Тем не менее сама эта игра перешла в решающую фазу, и большая война в Европе стала вопросом нескольких месяцев. Ресурс существования Республики также исчислялся месяцами. В этом заключался последний шанс Республики на выживание.

Негрин 10 февраля через Францию вернулся в Испанию. 27 февраля Великобритания и Франция признали правительство Франко. В тот же день Асанья подал в отставку, чем еще сильнее ослабил международные позиции Республики. Она осталась без легитимного президента. Отставка Асаньи была большим ударом для Негрина, «который всегда старался сохранять в глазах мира демонстративную легальность республики»⁴³⁰, — писал Марченко. Спикер кортесов Диего Мартинес Баррио формально получил право исполнять обязанности президента, но не поехал в Испанию из Франции, требуя себе права на заключение мира. В сложившихся условиях это означало право подписать капитуляцию. Формально признавая право Баррио быть президентом, если тот приедет в Испанию, Негрин пока не собирался допускать капитуляцию.

Сторонники скорейшего завершения войны нашли «материальную силу» в командующем Центральным фронтом полковнике Сигизмундо Касадо. В конце января — начале февраля он установил канал связи с франкистами.

Коммунисты убеждали премьера, что необходимо провести чистку военных, но это только усиливало антикоммунистические на-

строения старого офицерства. К Касадо, который был основным организатором военного заговора, присоединился и главнокомандующий Миаха.

2 марта Негрин начал перестановки в командовании. Касадо, 25 февраля произведенный в генералы, был назначен начальником Генштаба, на его место был назначен коммунист Эмилио Буэно. Коммунист Модесто должен был возглавить новую Маневренную армию, а Листер — Андалузский фронт. Коммунисты были назначены комендантами крупнейших городов. Для Касадо Негрин подготовил важнейший пост, но не связанный с непосредственным командованием. Этим Негрин решал сразу три задачи — и снижал угрозу переворота со стороны Касадо, и менял растерявшегося Рохо, и умиротворял коммунистов. Но было поздно. Касадо отказался подчиниться этим решениям.

Касадо считал, что препятствием для сколько-нибудь достойных условий капитуляции являются коммунисты, к которым Франко особенно непримирим. Негрин, уже имевший негативный опыт поисков мира, не разделял эту мысль — как показал опыт — наивную. Тогда Касадо стал готовить переворот, чтобы осуществить свой план помимо Негрина. Поскольку авторитет премьера в это время пал низко, Касадо без большого труда договорился с представителями всех основных организаций Народного фронта, кроме коммунистов, — необходимо отстранить от власти КПИ и Негрина и попытаться завершить войну миром, раз уж все равно нельзя победить. О безоговорочной капитуляции речь не шла, хотя Касадо, как станет ясно, не исключал и ее.

4 марта начался мятеж на военно-морской базе Картахена. Формально флот не поддержал мятеж, но адмирал М. Буиса получил хороший повод для дезертирства, которое он и его офицеры замыслили еще до начала событий.

Тем временем мятежники призвали франкистов на помощь по радио, и в Картахену был направлен десант. Но он опоздал — 5 марта коммунистическая бригада вернула город, франкистский десант был разгромлен. Когда коммунисты штурмовали город, флот по приказу адмирала Мигеля Буисы и комиссара Алонсо ушел в Тунис. Это было фатальное решение, учитывая, сколько республиканцев мог бы спасти флот в условиях краха Республики.

Узнав о событиях в Картахене, Касадо решил, что тянуть больше нельзя, и выступил против правительства в ночь на 6 марта. Было объявлено о создании Национального совета обороны (НСО) без коммунистов. Председателем НСО стал прославленный Миаха. Реальным лидером мятежа был Касадо. В НСО вошли три беспартийных военных, два республиканца, два социалиста и два анархо-син-

дикалиста. Важной боевой силой мятежа были анархо-синдикалистские части IV корпуса Меры. Идеологом НСО и его министром иностранных дел стал правый социалист Бестейро.

Манифест Хунты был направлен против дезертирства и капитулянтства, в котором обвинялись Асанья (справедливо) и Негрин.

Командующий армией Леванта Леопольдо Менендес колебался, но под давлением вооруженных коммунистов воздержался от открытого участия в движении Касадо. Это позволило коммунистам организовать эвакуацию из Испании части своих кадров через Валенсию и Картажену. В Мадриде развернулись боевые действия между сторонниками НСО и коммунистами.

В этих условиях Негрин вылетел во Францию, лишив сопротивление перевороту легитимности, необходимой в этих условиях. Как писал Марченко, «правительство уехало из Испании, довольное поводом, который дал ему Касадо, считая себя морально освобожденным от ответственности за сдачу центральной Испании»⁴³¹.

Выступление Касадо с самого начала было направлено против Негрина и коммунистов, но официально оно не было капитулянтским. Выступая по радио 11 марта, Касадо заявил: «Наша борьба не закончится до тех пор, пока не восторжествует независимость Испании. Испанский народ не сложит оружие, пока не получит гарантию мира, свободного от преступлений. Либо мир для Испании, либо борьба не на жизнь, а на смерть. Мы, независимые и свободные испанцы, готовы принять любое из этих двух решений. Солдаты! Да здравствует Испания, свободная от чужеземного вмешательства! Да здравствует Республика!»⁴³². Эти лозунги позволили Касадо увлечь тех, кто стремился к миру, но не к капитуляции. Так, командующий IV корпусом анархо-синдикалист Мера считал, что целью НСО было заключение «мира, почетного мира, основанного на незыблемых принципах справедливости и братства, мира без унижений и слабости»⁴³³. Если Франко не согласится на переговоры, Мера считал, что нужно будет продолжать войну.

7 марта верные Негрину части под командованием командующего 1-м корпусом Луисом Барсело установили почти полный контроль над Мадридом, коммунисты расстреляли несколько офицеров из штаба Касадо. Авиация касадистов бомбила штаб-квартиру КПИ. 9 марта подошли новые части Меры, которые выбили коммунистов из центра Мадрида.

12 марта перед угрозой наступления франкистов коммунисты прекратили сопротивление, потребовав от НСО заключить почетный мир, гарантирующий независимость Испании. Касадисты провели аресты коммунистов и расстреляли Барсело, отомстив за казненных касадистов. Анархо-синдикалисты настаивали, что коммунисты

должны получить право на политическую деятельность, им также должно быть обеспечено право на беспрепятственную эвакуацию.

Но Франко не собирался идти на переговоры даже с правительством без коммунистов. Это обрекало политику НСО на крах. Провалились и официальные попытки Касадо добиться почетной капитуляции с разрешением уехать всем желающим.

16 марта Франко напомнил Касадо, что требует только безоговорочной капитуляции. 19 марта НСО согласился вступить в технические переговоры о сдаче позиций. Их результатом стала капитуляция авиации, что еще сильнее затруднило эвакуацию.

22 марта НСО выдвинул откровенные требования, которые боялся сформулировать ранее, но ради которых и брал власть, — Республика готова капитулировать, если Франко даст возможность эвакуироваться тем, кто хочет уехать.

Незадолго до этого комитет связи НКТ-ФАИ принял воззвание, в котором утверждал, что если Франко не согласится на почетные демократические условия мира (выдвинутые 6 марта), «мира не будет. Мы будем стоять насмерть». Реально вести войну теперь было возможно только в партизанских формах. Это не были просто слова. Анархисты вели партизанскую войну вплоть до пятидесятых годов. До 1948 года вместе с анархистами действовали и коммунистические партизанские отряды.

Трагедия мартовских событий 1939 года заключается и в том, что во время мятежа Касадо обстановка в Европе стала быстро меняться. В предсмертные дни Республики у нее вдруг снова появились шансы на выживание в связи с общеевропейским конфликтом. 15 марта немцы вошли в Прагу. После некоторых колебаний Чемберлен был вынужден признать, что Гитлер нарушил Мюнхенское соглашение. 31 марта Великобритания предоставила Польше гарантии своего вступления в войну, если поляки подвергнутся «прямой или косвенной агрессии». Напряженность в англо-германских отношениях резко возросла.

В этих условиях британская и французская дипломатия проявили интерес к сближению с СССР, что уже через месяц вылилось в предложение о переговорах насчет военно-политического союза.

Такое стремительное изменение международной ситуации ставило перед Испанской республикой вопрос о том, что нужно «только день простоять да ночь продержаться». Но мятеж Касадо обрезал нить, на которой держалась жизнь Испанской республики. Вывод о невозможности дальнейшего сопротивления был сделан организаторами НСО в одних условиях, а Республику они обрушили уже в других — в непосредственной преддверии Второй мировой войны,

которая изменит в мире все. Все, кроме судьбы Испании, которая решилась накануне.

Начался исход политических лидеров и офицеров с территории Республики — спасались как могли. Потоки беженцев заполнили порты. Солдаты толпами уходили с позиций. Если до мятежа Касадо Республика могла бы продержаться еще месяц-другой (а при условии благожелательной позиции Франции и переброске через ее территорию советского оружия и снаряжения — то и несколько месяцев), то теперь никто не мог остановить катастрофу.

Осознав, что Франко не станет церемониться со своими незадачливыми партнерами, члены НСО 27 марта стали разбегаться из Мадрида. В столице остался лишь наивный Бестейро, полагавший, что миротворчество избавит его от франкистской тюрьмы (он умрет в заключении в 1940 году).

27 марта франкисты перешли во всеобщее наступление, 28 марта — без сопротивления заняли Мадрид. 1 апреля организованное сопротивление республиканцев прекратилось. 4 апреля итальянские танкетки вошли в Аликанте, где скопилось несколько тысяч беженцев. Иностранные корабли отказались взять их на борт. Часть антифашистов покончили с собой в Средиземном море, остальных ждала безжалостная расправа.

Испания была под контролем франкистских войск. Война, которая только в ходе военных действий унесла более 300 000 жизней, закончилась. Но начался пир победителей — оставшиеся в стране бойцы республиканской армии, члены профсоюзов и партий Народного фронта отправились в концлагеря. Несколько десятков тысяч человек были расстреляны, более миллиона человек — отправлено в тюрьмы и на принудительные работы.

Прямое столкновение двух испанских режимов завершилось победой связанного с фашистскими державами франкизма. Военно-авторитарная машина франкизма в этом качестве изначально была более эффективной, и победить ее можно было «несимметричными» методами. Подавление революционного импульса в Республике ослабило принципиальную альтернативность «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от внешнеполитических факторов. Блокада со стороны западноевропейских режимов и вынужденное ослабление вмешательства СССР в конфликт обрекли республиканцев на поражение. Хотя шансы на выживание Республики сохранялись до марта 1939 года.

Подводя итог борьбе за Республику в письме к Молотову 14 апреля 1939 года, Негрин писал: «Совокупность испанской проблемы не может быть отделена от борьбы, открытой и с каждым днем все более откровенной, между тоталитаризмом и антифашизмом.

Мы еще должны будем, я в этом убежден, сыграть в ней значительную роль. Во всяком случае, моя страна показала пример. Бессильная против значительно ее превосходящих сил вторжения, преданная внутри и вовне, покинутая демократиями, она все же смогла бороться в течение почти трех лет»⁴³⁴. И пусть Негрин преувеличивал роль внешних факторов, пусть он покинул свой пост, пусть он ошибался по поводу роли Испании в будущих битвах. В этот горький час поражения он словно передавал эстафетную палочку борьбы антифашизма против тоталитаризма. И борьба продолжилась. И пришла Победа, которая предопределила не только судьбу мира, но в конечном итоге и судьбу Испании, где фашизм тоже стал не магистралью, а тупиком. Значит, не напрасной была и борьба Республики.

Глава IV

ЗАРЕВО НА ВОСТОКЕ

Европа в двадцатые-тридцатые годы ощущала себя столицей мира. Еще бы — ее колониальная система включала полмира. Финансовые системы Запада контролировали почти всю мировую экономику, но США с их изоляционизмом были политически провинциальны. Даже непонятный СССР был включен в европейские политические игры, определявшие траекторию мирового развития. Но на противоположной стороне земного шара, близ важнейших европейских колоний и советского Дальнего Востока, разрастался очаг нестабильности, вызванный Великой китайской смутой и японским экспансионизмом. И этот очаг все сильнее влиял на развитие мира.

Коммунисты и Гоминьдан

Ситуация в Китае к началу тридцатых годов определялась начавшейся в 1925 году революцией и гражданской войной. Лидером национальной революции была партия Гоминьдан (ГМД). Ее основатель Сунь Ятсен выступал за объединение раздробленного с 1915 года Китая, за индустриализацию и государственный социализм. Несмотря на то что взгляды Сунь Ятсена не были марксистскими (он считал возможным не пролетарский, а общенародный характер революции и новой власти), они были близки Коминтерну в его политике в Азии, где пролетариат не был многочисленным и на первый план выходили не классовые, а антиимпериалистические задачи. Но, для того чтобы борьба с «империализмом» шла в интересах коммунизма, лидеры Гоминьдана должны были действовать под контролем советских советников и управляемых Коминтерном китайских коммунистов. Коммунистическая партия Китая (КПК) вошла в Гоминьдан. В Китай были направлены советская военная помощь и советники.

После смерти Сунь Ятсена 12 марта 1925 года Гоминьдан быстро радикализировался и в феврале 1926 года даже попросился в Коминтерн. Коммунисты стали занимать ключевые посты в аппарате Гоминьдана и в армии. Но не прекращалась борьба в Гоминьдане

между коммунистами и консервативными националистами. В марте 1926 года она вылилась в открытые столкновения. В результате этих событий главнокомандующим Национально-революционной армии Гоминьдана (НРА) стал генерал Чан Кайши (Цзян Цзеши, но сам он предпочитал имя Цзян Чжунчжэн). Он возглавлял и ГМД, хотя идейно находился на ее правом фланге. Чан выступал за объединение страны, но против предлагавшихся коммунистами антикапиталистических мер и передела земли. Права коммунистов в Гоминьдане были ограничены, лидер левых гоминьдановцев Ван Цзинвэй покинул страну, правда, на время. Правительство Гоминьдана в Ухани все слабее контролировало военное руководство во главе с Чан Кайши.

Коминтерн приказал КПК смириться с ограничением своих прав. Коммунисты были еще слабы и, опираясь на организационную силу Гоминьдана, могли нарастить силы и влияние. Левые политические руководители Гоминьдана были готовы дружить с компартией, а военное руководство на фронте относились к компартии с нарастающим недоверием из-за опасности развертывания революционного пожара в тылу.

В июле 1926 года Гоминьдан провозгласил Северный поход. В 1926–1927 годах НРА при поддержке населения освободила от военно-феодалов правителей (милитаристов) центральные районы Китая. Здесь создавались массовые профсоюзы, кое-где крестьяне начали делить землю помещиков, а горожане — собственность иностранцев и купцов. В то же время в НРА и Гоминьдан вошли сотни тысяч новых людей, большинство из которых были националистами и относились к коммунистам и социальным выступлениям бедноты отрицательно.

Коминтерн стремился превратить Гоминьдан в антиимпериалистический таран и выжать из него все, что можно, в пользу КПК. Поэтому коммунисты должны были вести себя осторожно. 26 октября 1926 года Политбюро ВКП(б) указало дальневосточному бюро Исполкома Коминтерна настаивать на сдерживании классовой борьбы в деревне, поскольку «немедленное развязывание гражданской войны в деревне, в обстановке разгара войны с империализмом и их агентами в Китае, может ослабить боеспособность Гоминьдана»⁴³⁵.

Суть новой коммунистической стратегии в Китае, отвечавшей бюрократическому характеру коммунистического руководства, выразил Сталин: «и вот задача коммунистов и вообще революционеров Китая состоит в том, чтобы проникать в аппарат новой власти, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам через этот аппарат удовлетворять свои насущные

требования»⁴³⁶. Не разжигание революции, как в былые времена в России, а захват аппарата власти становится основой коммунистической политики. «Руководство эпигонов в Китае означало попрание всех традиций большевизма. Китайская коммунистическая партия была, против ее воли, введена в состав буржуазной партии Гоминдан и подчинена ее военной дисциплине. Создание Советов было запрещено. Коммунистам рекомендовалось сдерживать аграрную революцию и не вооружать рабочих без разрешения буржуазии»,⁴³⁷ — впоследствии комментировал этот подход лидер левой оппозиции в ВКП(б) Лев Троцкий. Троцкий настаивал на большей самостоятельности китайских коммунистов, выходе КПК из Гоминьдана, развязывании более радикальной революции в Китае, создании крестьянских советов и конфискации земли в пользу крестьян. Левая оппозиция в СССР активно использовала «оппортунизм» Коминтерна в Китае для критики руководителей ВКП(б). Это скомковывало Сталина, поскольку переход к более радикальной позиции в Китае означал бы уступку «троцкистам», признание их правоты. Сталин предпочитал действовать аппаратным путем, наращивая позиции коммунистов и их союзников в государственном аппарате Китая и командовании НРА.

Проанализировав документы этого периода, историк А. В. Панцов пришел к выводу: «Хорошо подготовленный „тихий“ коммунистический переворот внутри Гоминьдана стал к тому времени настоящей сталинской идеей фикс»⁴³⁸. Официально Коминтерн настаивал на подчинении Чан Кайши левому руководству Гоминьдана, но, по некоторым данным, коммунисты и левые гоминьдановцы стали готовить арест Чан Кайши⁴³⁹.

Сколько раз потом Сталин будет действовать так, как планировал в Китае. Тщательно и тихо готовить удар, а затем молниеносно его наносить. Важно, чтобы противник ничего не заподозрил, не опередил. В Китае в 1926–1927 годах отработывалась стратегия коммунистов, которая через десять лет будет применяться в Испании, а еще через десятилетие — в Восточной Европе.

И тут левая оппозиция в СССР начинает кричать о правой опасности в Китае, требовать от КПК решительности и тем «демаскировать» переворот. Уступить троцкистам нельзя — Чан Кайши все поймет. Тем более что левые оппозиционеры продолжают мыслить в категориях революций 1905-го и 1917 годов — поднимать народ, разжигать классовую борьбу, а не занимать посты, тихо договариваться с силовыми структурами. Под давлением левой оппозиции в Коминтерне Сталин вынужден был разрешить более решительную революционную активность КПК в проведении революционных дей-

ствий — организации профсоюзов, стачек, вооруженных рабочих отрядов, захвата земли крестьянами. 21–22 марта 1927 года коммунистические отряды захватили Шанхай. В это время была предпринята первая попытка арестовать Чана по дороге к его армии, стоявшей под Шанхаем. «Арест не состоялся. Чан Кайши, не сходя на берег в Нанкине, проследовал в Шанхай»⁴⁴⁰.

На этот раз «империалистам» удалось найти решающий козырь, который сорвал планы Сталина. 6 апреля тесно связанный с японцами военачальник Чжан Цзолинь отдал приказ провести обыск в советском посольстве в Пекине. Там были найдены документы, из которых можно было заключить, что коммунистическое руководство СССР и Коминтерна стремится к устранению Чан Кайши. Эти бумаги были срочно переданы военному лидеру Гоминьдана⁴⁴¹. 12 апреля 1927 года Чан Кайши учинил разгром коммунистических организаций и профсоюзов в Нанкине и Шанхае, взял власть в свои руки в этих районах, исключил коммунистов из армии и Гоминьдана. Кровавая чистка от коммунистов охватила несколько провинций.

Освобожденная территория раскололась. Приморские районы поддержали Чан Кайши, а центральные — уханьское правительство левых гоминьдановцев и коммунистов во главе с Ван Цзинвэем, которому СССР продолжал оказывать финансовую и военную помощь. Сталин оказался заложником собственной политики и пытался извлечь пользу из союза хотя бы с осколками Гоминьдана. Но и к Уханьскому правительству Сталин относился, как прежде к Чан Кайши, тем более что в Ухани то и дело вспыхивали столкновения между коммунистами и гоминьдановцами. В начале июля Сталин пришел к выводу: «Мы использовали уханскую верхушку как только можно было ее использовать. Теперь надо ее отбросить»⁴⁴². Но публично Коминтерн призывал: «Ухань должен быть центром за другой путь развития Китая...», и в то же время, наученный горьким опытом союза с Чан Кайши, давал указание коммунистам: «стройте свои вооруженные силы»⁴⁴³. КПК настаивала на чистке армии от «контрреволюционного офицерства». Эта противоречивая политика неотвратимо шла к краху. Представитель Коминтерна Манабендра Рой посвятил Ван Цзинвэя в террористические планы коммунистов, считая, что «нам нечего скрывать от левых гоминьдановцев»⁴⁴⁴. 19 июля уханьское правительство поставило КПК вне закона. Поскольку Ухань автоматически потерял советскую помощь, а своих ресурсов у него было мало, левые гоминьдановцы воссоединились с Чан Кайши. В отчаянии КПК в августе-декабре 1927 поднимала восстания в Наньчане, Гуанчжоу, восстание «осеннего урожая». Но население не поддержало коммунистов, и выступления были подавлены. Провал Коминтерна в Китае стал очевидным⁴⁴⁵.

Китайская катастрофа потрясла коммунистов всего мира. Последние надежды на мировую революцию рухнули, тысячи китайских товарищей погибли. Сталинская политика потерпела полный крах. Эти события стали для Сталина личным поражением и оказали двойное воздействие на его международную стратегию. Во-первых, он согласился на переход Коминтерна к более радикальному курсу. На многие годы Сталин стал противником политических союзов, где коммунисты оказываются младшими партнерами. Прежде всего речь идет о союзах с социал-демократами. Как мы видели, этот курс Коминтерна продолжался до 1934 года. Во-вторых, делом чести для Сталина станет осуществление его стратегии прихода коммунистов к власти не через разрушительные восстания, а через управляемую бюрократическую революцию-переворот. В-третьих, новый лидер ГМД Чан Кайши на многие годы стал врагом Коминтерна и СССР.

По условиям соглашения между фракциями Гоминьдана разгром левых экстремистов — коммунистов — должен быть уравновешен ослаблением и правого крыла, спровоцировавшего кровопролитие в революционном лагере. В августе 1927 года Чан Кайши сложил с себя полномочия главнокомандующего и отправился на отдых. Это время он использовал для поездки в Японию, где убедил представителей политической элиты, что он вполне лоялен мировому сообществу. К этому времени лидерам Гоминьдана стало ясно, что у них нет второго такого полководца, как Чан Кайши, и его попросили вернуться. Поддержка стран Запада сыграла в этом не последнюю роль — китайское правительство остро нуждалось в преодолении международной изоляции, кредитах, возрождении торговли. Все это теперь мог гарантировать Чан Кайши. В декабре 1927 года из Китая выслали оставшихся советских военных советников. 14 декабря гоминьдановский Китай разорвал дипломатические отношения с СССР. В заявлении Чан Кайши по этому поводу говорилось: «Советские консульства в разных городах Китая на самом деле — филиалы Коминтерна и в то же самое время — рассадники интриг, осуществляемых китайскими коммунистами»⁴⁴⁶.

4 января 1928 года Чан Кайши снова стал главнокомандующим НРА. В марте-апреле он заключил ряд соглашений с США и с этого момента, к разочарованию японцев, в своей политике стал ориентироваться именно на Америку. 5 июня войска НРА вошли в Пекин. В июле туда триумфально прибывает и сам Чан Кайши. Теперь он — глава правительства объединенного Китая. 25 июля это правительство признают США, а к декабрю — ведущие страны Европы. Тогда же его власть признают все руководители провинций. Правда, значительная часть Китая осталась под управлением командующих войсками — «милитаристов». Время от времени такие милитаристы,

как Фэн Юйсян и Ян Сишань, поднимали мятежи против центрального правительства в Нанкине. Но Чан справлялся с ними — или оружием, или переговорами. Главную угрозу для правления ГМД в Китае представлял не китайский милитаризм, а японский — с одной стороны, и Коммунистическая партия Китая, за спиной которой стоял СССР, — с другой.

Чан Кайши решил напомнить, что считает Советский Союз империалистической державой и требует отмены заключенных ранее неравноправных договоров. Китай требовал отказа от привилегий СССР на Китайской восточной железной дороге и паритетного управления ею. Советский Союз клеймил неравноправные договоры Китая с другими державами, но от своих прав, унаследованных от Российской империи, отказываться не спешил. 10–11 июля 1929 года войска формально подчинявшегося Чан Кайши военачальника Маньчжурии Чжан Сюэяня заняли КВЖД. Эта «антиимпериалистическая акция» вызвала недовольство всех империалистических держав, которые в целом поддерживали СССР. Еще бы: начав с Советского Союза, Чан Кайши мог взяться и за их привилегии. Позиция империалистов позволила Красной армии провести карательную акцию в Маньчжурии, опробовав в деле танки. На стороне СССР выступил левый гоминьдановец Фэн Юйсян, так что Чан Кайши не смог помочь Чжан Сюэяню, усмиряя непокорного военачальника. Дело кончилось признанием прав СССР на КВЖД в декабре 1929 года. В декабре 1932 года СССР и Китай восстановили дипломатические отношения. После конфликта на КВЖД Советский Союз усиливал свое влияние в далеких от Нанкина западных районах Китая, не контролировавшихся Чан Кайши, и помогал китайским коммунистам, которым удалось оправиться от краха 1927 года.

Остатки коммунистических вооруженных формирований отошли в малонаселенные районы, где создали советские районы Китая в 8 провинциях. Накопив силы, в 1930 году коммунисты попытались создать крупный советский район вокруг города Чанша, но были выбиты оттуда. Тогда вместо лозунга «город руководит деревней» был выдвинут лозунг «окружение города деревней». И хотя это противоречило марксистским принципам, ставка на укоренение коммунистов в деревне была единственной возможностью победить в преимущественно аграрном Китае. В 1930 году главным политическим комиссаром Китайской рабоче-крестьянской красной армии (КРККА) стал Мао Цзэдун. В 1931 году была провозглашена Китайская советская республика, в 1933 году Исполком ее правительства возглавил Мао Цзэдун⁴⁴⁷.

Чан Кайши, критикуя коммунистов, настаивает, что крестьяне как таковые их не поддерживали, что КПК сделала ставку на «бро-

дзячих разбойников». Учитывая, что КПК смогла создать массовую армию (по советским данным, всего — 250 тысяч бойцов⁴⁴⁸), в Китае оказалось очень много «бродяг», готовых рисковать жизнью во имя коммунистической идеи. Маргинализация свидетельствовала о кризисе китайской деревни. Впрочем, и сам Чан Кайши признавал, что коммунистам удавалось натравливать бедняков на зажиточных крестьян, имущество которых грабили бедняки. А когда коммунисты отступали, они оставляли в деревнях свое подполье, то есть и среди местных крестьян у коммунистов тоже были сторонники⁴⁴⁹.

Против советских районов правительственные войска численностью в несколько сот тысяч солдат провели пять наступательных кампаний, но, оттеснив коммунистические формирования к западу, не смогли уничтожить их основные силы.

В 1934 году правительственная армия смогла выбить КРККА из занимаемых районов, в ноябре была занята столица Центрального советского района Жуйцзинь. Часть формирований КРККА была уничтожена, но основные силы Центрального советского района (провинции Цзянси и Фуцзянь) численностью более 80 тыс. бойцов (1 фронт КРККА) в октябре вырвались из окружения и двинулись в Северный поход Красной армии 1934–1935 годов. В руководстве войсками принимали участие Мао Цзэдун, Бо Гу, Чжоу Эньлай, эмиссар Коминтерна Отто Браун, Чжу Дэ, Чжан Готао, Сюй Сянцань и др.

О. Браун вспоминал: «По меньшей мере две трети наших вооруженных сил тянутся по безлюдной заболоченной степи, где, правда, нельзя было ожидать встречи с серьезным противником, но и не было никаких источников снабжения, не говоря уже о тяжелых природных условиях». Маршруты повстанческих колонн зависели от политических противоречий и амбиций лидеров КПК: «И в то же время максимум треть армии, обремененная обозом, тоже шла на север, но восточнее, и практически служила фланговым прикрытием для левой колонны. Противник мог... разгромить правую колонну еще до ее выхода в Ганьсу. Положение усугублялось тем, что было разделено также армейское и партийное руководство. Руководство армии — Чжан Готао, Чжу Дэ и Лю Бочэн — находилось в левой колонне, а партийное — Мао Цзэдун и костяк Политбюро, все еще составлявший большинство его членов, — в правой. Связь между обеими колоннами поддерживалась только по радио. Если бы дело дошло до серьезных боев, то ни о каком взаимодействии до воссоединения в Ганьсу не могло быть и речи.

Я долго пытался выяснить, какими мотивами руководствовались обе стороны, идя на этот странный компромисс. Я полагал, что Чжан Готао, которому не удалось склонить на свою сторону Центральный комитет и Политбюро, хотел сохранить за собой хотя бы

командование армией. Кроме того, он, очевидно, не отказался от мысли установить связь с Советским Союзом в Синьцзяне — если не через Цинхай, то через Ганьсу. Мао Цзэдуна такая мысль была очень кстати. Он оставался бесспорным главой партии...

У меня сохранялись сомнения в успехе, связанные не только с военным риском, а прежде всего с территориальным разделением политического и военного руководства, которое из-за соперничества Мао Цзэдуна и Чжан Готао таило в себе опасность новых конфликтов. Действительность вскоре превзошла самые худшие мои опасения.

Через несколько дней после совещания Политбюро обе колонны двинулись в поход... Путь правой колонны, о нем я могу рассказать подробно, пролегал сначала через гористую местность, а потом через довольно ровное высокогорное плато, расположенное на высоте около 4000 метров над уровнем моря. Здесь начинался самый трудный участок похода. Под обманчивым травянистым покровом скрывалось топкое черное болото. Оно сразу засасывало всякого, кто ступал на топкую верхнюю корочку или сходил с узкой тропинки. Я своими глазами видел, как в трясине погиб мул. Мы гнали перед собой местный скот или лошадей, которым инстинкт подсказывал безопасную дорогу. Почти над самой землей висели тучи. В течение дня по нескольку раз шел холодный дождь, а по ночам — мокрый снег или град. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась безжизненная равнина, без единого деревца или кустика.

Мы спали, скорчившись на болотных кочках, прикрывшись тонкими одеялами и нахлобучив широкополые соломенные шляпы, входившие в армейское снаряжение. В ход шли бумажные пергаментные зонтики, а иногда и трофейные накидки. Часто по утрам кое-кто уже не вставал. Это была очередная жертва голода и истощения. А ведь стояла только середина августа! Единственную пищу составляли зерна злаков и в редких случаях доставался кусочек сушеного, твердого как камень мяса. Пили сырую болотную воду, дров для ее кипячения не было. Снова появились исчезнувшие было в Сикане кровавый понос и тиф. Этот мучительный переход длился больше недели. Счастье еще, что противник не мог нас атаковать ни на земле, ни с воздуха. Наконец мы спустились в долину и очутились в более гостеприимной местности. Здесь зелели поля и сады. Повсюду виднелись дома и огромные ламаистские храмы, похожие на средневековые замки, но и тут жители большей частью разбежались. Перед нами открылся Сунпань — маленький городок с прочными стенами. Он был уже занят неприятельскими войсками, которые подошли со стороны реки Миньцзян. Мы обошли его с запада. Через несколько дней мы достигли Баси, что южнее

границы с Ганьсу. Это была первая цель нашего похода. Здесь мы остановились на отдых. В этом районе, где имелось множество населенных пунктов, мы запаслись продовольствием. Собирали уже почти поспевшие злаки и овощи и забивали скот»⁴⁵⁰.

Колонна во главе с Чжан Готао отделилась от основных сил, образовала 4-й фронт, но в 1936 году была разгромлена. Зато с основными силами КРККА соединились войска 2-го фронта во главе с Хэ Луном и Жэнь Биши. В октябре 1935 года 1-й фронт численностью около 8 тыс., пройдя через 11 провинций более 12 000 км, перейдя 18 горных хребтов и 24 крупные реки, занял район в малонаселенной местности провинций Шанси, Гансу и Нинся. Здесь КРККА смогла отбить нападения противника. В ходе похода Мао Цзэдуну удалось утвердиться в качестве наиболее авторитетного лидера КПК⁴⁵¹.

И КПК, и ГМД выступали за модернизацию Китая, но разными путями. Для КПК оптимальным был путь СССР (и, возможно, с помощью СССР). Чан Кайши унаследовал лидерство в партии, созданной социалистом Сунь Ятсеном. Хотя социалистические идеи Суня не были марксистскими, он, как и коммунисты, тоже выступал за государственный социализм как средство промышленной модернизации. Но личные взгляды и настроения Чан Кайши были гораздо правее Сунь Ятсена, который продолжал официально прославляться. От Сунь Ятсена Чан Кайши унаследовал принципы национализма и этатизма. Но Китай все еще представлял собой конгломерат слабо скрепленных провинций во главе со своевольными милитаристами, автономными от центрального правительства в Нанкине. Чан пытался укреплять связи центра и провинций, но его государственный аппарат был рыхлым, пронизанным клановостью и коррупцией, а генералы время от времени бунтовали. Чан научился маневрировать в этой сложной ситуации, то отходя от публичной власти в тень, то возвращаясь перед лицом военных угроз, которые были его властным ресурсом. Чана звали назад руководить, как испытанного спасителя, самого авторитетного человека в ГМД. Но, придя к власти на волне революции, он теперь не знал, как изменить страну. А ее нужно было менять, модернизировать.

Чан Кайши выступал за сочетание национальных традиций Китая и заимствований «всего передового» у Запада. Как и другие авторитарные вестернизаторы от Петра I до Ататюрка, под «передовым» Чан имел в виду скорее техническую, чем политическую культуру. Таким путем сочетания национальной традиции и заимствований у Запада шла Япония. Чан любил Японию и много жил там. В условиях нарастания японской агрессии он не переставал мечтать о мире и дружбе с Японией. В 1934 году он писал: «В конечном счете японцев никак нельзя считать нашими врагами, относиться к ним, как

к нашим врагам; и наш Китай, как ни крути, испытывает необходимость стоять рука об руку с Японией»⁴⁵². Предлагая Китаю путь, аналогичный японскому (после революции Мэйдзи), Чан мечтал о равноправном союзе двух стран, но японская элита желала иметь дело в Китае только со своими марионетками.

Проект Чан Кайши для Китая не учитывал острых социальных проблем страны. Он надеялся решить их с помощью полиции: «поддерживать спокойствие внутри страны можно исключительно в опоре на полицию»⁴⁵³. В 1935 году по инициативе Чан Кайши был принят кодекс поведения члена ГМД — «12 ключей». В этом документе партии, которая все еще считала себя революционной, нет ничего революционного. Это перечисление традиционных для Китая моральных норм в авторитарной трактовке: «Ключ к соблюдению общественного порядка — соблюдение этикета, то есть правил поведения, установленных людьми и ставших традиционными; ключ к ответственному отношению к работе, к жизни — это послушание, подчинение, повиновение, осознанное выполнение своего долга»⁴⁵⁴. И так далее.

Провозглашая «национальную экономическую реконструкцию», Чан смотрит на развитие промышленности как на проблему технологическую и финансовую. А в условиях сложившейся социально-политической системы на это просто нет средств. В области аграрных отношений он укрепляет систему круговой поруки. С такой консервативной политикой Чан недалеко ушел по пути модернизации Китая. В аграрной сфере он также придерживался правого курса. Несмотря на лозунг Сунь Ятсена «земля тому, кто ее обрабатывает», Чан Кайши возвращал помещикам земли, отобранные у них коммунистами, и фактически игнорировал предложения о проведении аграрных реформ, исходившие от левых гоминьдановцев, в частности — от Группы по изучению аграрной политики. Максимум, на что пошел Чан Кайши, — это прогрессивное налогообложение излишков земли свыше высокой планки в 100–200 му⁴⁵⁵.

Власть ГМД держалась на апатии населения (которую Чан критиковал). Оно устало от войн и не искало добра от добра. Так не могло продолжаться вечно, и нарастание социальных проблем вскоре вдохнуло бы новую силу в коммунистическое движение (что скажется после Второй мировой войны). Но судьба Чан Кайши зависела от Японии, которая не давала ему идти по эволюционному японскому пути. Символично, что после Второй мировой войны и поражения в войне с коммунистами Чан Кайши бежит на японизированный остров Тайвань и там добьется больших успехов в экономическом развитии. Китай оказался для него слишком велик и незападен.

ЯПОНСКИЙ МИР НАСТУПАЕТ

Давление со стороны Японии на Китай становилось все сильнее. И причиной была все та же Великая депрессия, когда «естественным выходом представлялось создание замкнутой хозяйственной сферы, что предполагало установление японского политического контроля в сырьевых районах, а также в районах сбыта японской продукции»⁴⁵⁶.

К 1931 году японский импорт сократился вдвое, ВНП упал на 18 %. Около миллиона людей оказались без работы⁴⁵⁷.

В условиях кризиса Китай оставался важным рынком сбыта японского экспорта. В Японии рассматривалось два пути вовлечения Китая в свою экономическую орбиту. Первый: формально равноправный союз с Китаем против империализма стран Запада, борьба под лозунгом «Азия для азиатов!» за разрушение колониальной системы. В новой «Восточноазиатской сфере совместного процветания» Япония может занять место экономического гегемона, доминирующего на рынке. Но это — дело будущего. А депрессия резко сократила возможности для японского экспорта, и даже в Китае западные товары теснили японские. Поэтому более соблазнительным был второй вариант: отгородить для себя в Китае зону наибольшего благоприятствования.

18 сентября 1931 года японские военные организовали диверсию в районе Южно-китайской железной дороги, что было использовано как предлог для агрессии. Японская армия без санкции Токио стала захватывать города Маньчжурии, а Цзиньчжоу был подвергнут бомбардировке — впервые с 1918 года самолеты бомбили город. Впрочем, гражданское правительство Японии не возмутилось и санкционировало действия армии.

Потеря Маньчжурии вызвала кризис в руководстве ГМД и антиимпериалистические манифестации в Пекине, под давлением которых Чан Кайши даже на некоторое время ушел в отставку с постов (правда, вскоре вернулся). Словно издеваясь над американцами, 28 января 1932 года японцы атаковали Шанхай. Однако китайские войска оказали серьезное сопротивление. Хотя 2 марта они оставили город, Шанхай был демилитаризован, а не захвачен Японией. Этому способствовало и единодушное осуждение действий Японии другими империалистами, которые предпочитали эксплуатировать Китай совместно.

1 марта 1932 года в Маньчжурии было создано марионеточное государство Маньчжоу-го. Формально его возглавил последний император Китая, маньчжур по происхождению Пу И, который

в 1934 году был провозглашен первым императором Маньчжоу-го. Была принята программа благоустройства городов и строительства в Маньчжурии. Но колонизация Маньчжурии шла медленно, японцы переселялись туда неохотно, более активны были корейцы.

Захват Маньчжурии Японией нес непосредственную угрозу границам СССР. Японская военщина получила отличный плацдарм для похода на север.

23 марта 1935 года СССР продал КВЖД японцам. Теперь у него не было империалистических интересов в Китае. По оценке американского посла в Японии Ж. Грю, благодаря этому соглашению Япония решила проблему, ради которой была готова начать войну: «Русские удалены к северу за Амур, и Япония в настоящее время полностью господствует в Маньчжурии»⁴⁵⁸. Это снизило угрозу советско-японской войны, хотя напряженность низкой интенсивности сохранялась из-за пограничных конфликтов, особенно на недемаркированной маньчжуро-монгольской границе.

На первый план на Дальнем востоке стали выходить японо-американские противоречия. Против захвата японцами китайских провинций настойчиво протестовали США. Нежелание Америки идти на умиротворение агрессора имело экономические причины. «В экономическом и финансовом отношении Китай с четырехсотмиллионным населением предоставлял беспредельные возможности для американских капиталовложений и торговли; американские промышленники и банкиры начали понимать это»⁴⁵⁹, — с тревогой писал японский дипломат К. Иссии. Конфликт из-за китайского рынка вел к нарастающему конфликту между США и Японией. 7 января 1932 года США опубликовали «доктрину непризнания» территориальных изменений на Дальнем востоке.

В феврале-марте 1933 года Япония объявила частью Маньчжоу-го и захватила китайскую провинцию Жэхэ, приблизившись к Пекину. Лига наций 24 февраля 1933 года протестовала, но Япония как ни в чем не бывало вышла из этой международной организации 27 марта 1933 года. Вот как описывалась миссия последнего представителя Японии в Лиге в литературе Японской империи: «Ожесточенная борьба на этом заседании нашего полномочного представителя Мацуока Ёсукэ вызывает подлинные слезы. Будучи окруженным врагами со всех четырех сторон, он продолжал сражение буквально в полном одиночестве — не отступая ни на шаг, он принял грандиозное сражение за вечный мир на Востоке, за честь Японской империи и за укрепление только что появившейся империи Маньчжоу-го. Таким образом, он явил миру бесконечное бесстрашие великой державы и с честью вынес это тяжкое бремя»⁴⁶⁰. Что может сравниться с подвигами Мацуоки, если не подвиги Виталия Чуркина?

На оккупированной Японией территории велась партизанская война. Так, по советским данным, 15 апреля — 1 июня 1935 года в провинции Гирин было убито 60 японских солдат⁴⁶¹. По сообщению британского консула, в Сеуле китайские партизаны зимой 1934–1935 годов по льду переходили реку Ялу и нападали на территорию Кореи⁴⁶². Наличие партизан признавала и японская пресса, причем газета «Кокуцу» в июле 1935 года сообщила об изъятии у них советского оружия⁴⁶³.

Стремление Японии получить «свой Китай» в Маньчжурии, Шанхае и других регионах страны закрывало для японских товаров остальную территорию Китая. Чан Кайши начал кампанию борьбы с товарами агрессора, ориентируясь на западный импорт, что, к радости американцев, подрывало надежды «Страны восходящего солнца» превратить Китай в свой экономический придаток. Япония, проводившая индустриализацию, нуждалась в китайском сырье. Теперь для Японии путь в Китай лежал только через большую войну. Западные державы не должны были вмешиваться в этот спор азиатов между собою. 1 апреля 1935 года представитель МИД Японии заявил, что «мир в Европе должен поддерживаться Европой, в Америке — Америкой, в Азии — Азией»⁴⁶⁴.

К юбилею Цусимского сражения японское военное ведомство тиражом в 100 тыс. экземпляров выпустило брошюру, направленную против соглашений об ограничении флотов: «О способности флота к передвижению можно судить на основании факта переброски Балтийского флота в Тихий океан. Величайшее расстояние не является препятствием — тем более в настоящее время, когда техника сделала такие крупные шаги вперед. Так как этим самым становится ясно, насколько легко может проникнуть в японские воды американский флот — Япония не может удовлетвориться имеющимся количеством судов»⁴⁶⁵. Как видим, опыт русско-японской войны теперь своим острием направлен против США. И далее: «Цусимский бой показал, что секрет победы заключается в относительной мощи. Предпосылкой для достижения этого является сохранение абсолютного превосходства. Эта самостоятельность является дальнейшей причиной устранения дискриминирующего соотношения между цифрами флотов». Мир в Восточной Азии возможен при сохранении господства Японии «над окружающими водами»⁴⁶⁶. Как видно из предыдущего изложения, под «окружающими водами» понимается пространство, расположенное от Японии на «величайшем расстоянии».

Опасение японского руководства, что США могут нанести удар по Японии, подпитывалось и сообщениями об американском общественном мнении. Предприниматель Синкава информировал япон-

ского морского атташе в Лондоне о своей поездке в США: «Все, кого я встречал в Америке, полагают неизбежной войну с Японией, а многие даже говорят, что это станет средством выхода из депрессии; они говорят, что их деятельность в смысле извлечения доходов из вооружений и многие другие проекты составляют часть плана, что армия и флот хотят войны»⁴⁶⁷.

В 1933 году экономические показатели Японии вышли на уровень 1929 года, то есть она вышла из депрессии быстрее, чем США и Европа. Историк А. Н. Мещеряков называет причины этого: «трудлюбие японцев, более низкие стандарты жизни, привычка к экономии и самоограничению, меньшая степень индустриализации, меньшая роль в экономике крупных предприятий», а также меньшая монетизация, грамотная финансовая политика, государственные программы строительства и благоустройства⁴⁶⁸. Но на первые места стоило бы поставить еще две немаловажных причины — завоевание Маньчжурии и подготовка к завоеванию Китая. Маньчжурия была рынком сбыта и источником сырья, хотя и недостаточным. Японская империя хотела большего, и для этого нужно было напрягать силы для вооружения армии, а это было стимулом для развития экономики. Как пишет А. Н. Мещеряков, в 1938 году тяжелая промышленность в стоимостном выражении превзошла легкую именно благодаря военным заказам⁴⁶⁹. К этому времени японская армия уже вторглась вглубь Китая.

Конфликт с Китаем из-за Маньчжурии и Шанхая в 1931–1933 годах сопровождался острой борьбой в самой Японии между сторонниками более решительной экспансии и поборниками соблюдения международных приличий. В марте 1931 года военный министр Минами организовал заговор против премьер-министра Хамагути. Заговор был раскрыт полицией, и в результате... премьер был отправлен в отставку. Император дорожил военными больше, чем политиками, но не хотел идти на создание военной диктатуры. В итоге японская армия действовала в Китае на свой страх и риск, часто вопреки указаниям правительства. Многопартийная система была своего рода защитным барьером между военными и императором. Политики принимали на себя основной удар бесчисленных дворцовых заговоров и переворотов, но в то же время ограничивали аппетиты милитаристов. В 1931 году только что «разоблаченная» группа военных подготовила еще два неудачных заговора, раскрытых полицией. И ничего. Часть заговорщиков вошла в новый кабинет. Ведь они выступали за военную диктатуру во главе с императором.

После неудачи нападения на Шанхай (январь — март 1932 года) военные обвиняли политиков в нерешительности перед лицом мирового сообщества. В результате возник новый заговор. 15 мая

1932 года молодые офицеры захватили резиденцию премьер-министра Инукаи Цуёси и ряд других зданий. Премьер был смертельно ранен. Восставшие распространили листовки подобного содержания: «Мы против политических партий, которые заботятся только о власти и собственных интересах, мы против капиталистов, которые вступают в блок с политическими партиями, чтобы угнетать своих соотечественников, мы против мягкотелой дипломатии, против опасных мыслей, мы за рабочих и крестьян, которые терпят крайнюю нужду»⁴⁷⁰. Неудивительно, что после того, как путчисты сдались властям, по всей стране началась кампания за смягчение их участи. Собрали 700 тысяч подписей. Сроки наказания были небольшими, путчисты вышли на свободу досрочно.

Заговорщики добились цели своей «вооруженной демонстрации». Правительство возглавил адмирал Сайто Макото. «Эпоха „партийных кабинетов“ закончилась. Она продлилась совсем недолго. Теперь Японией будут править кабинеты „национального согласия“, „преодолевшие“ узкопартийные противоречия. Они возглавлялись беспартийными — кадровыми военными и кадровыми чиновниками... Экономический кризис привел к оскудению бюджета, и „конек“ партий — социальные программы (строительство дорог, железнодорожных путей, школ, улучшение образования и т. д.) — оказались застопорены. Партии не смогли защитить от кризиса свою главную электоральную основу — крестьянство, и земледельцы отвернулись от них»⁴⁷¹, — пишет историк А. Н. Мещеряков. Военщина взяла власть в свои руки вовремя — кризис как раз стал преодолеваться, и популярность новой политической системы возрастала. Поддерживать эту тенденцию можно было военными средствами.

Но переход власти к генералам еще не решал социальных проблем и не удовлетворял все офицерство. В его среде было немало сторонников радикальных социальных идей.

26 февраля 1936 года группа молодых офицеров во главе с отставниками Миранака и Исобэ подняла три полка. Путчисты перебили несколько высокопоставленных чиновников, включая министра внутренних дел и экс-премьера Сайто Макото и успешного министра финансов Такахаси Корэкиё. Действующий премьер Окада Кэйсуэ спрятался в сейфе от землетрясений. Затем восставшие захватили правительственные здания. Они требовали справедливости в деле офицера, убившего своего начальника, устранения дурных советников императора, которые согласились на ограничение японского флота и другие недобрые дела. Однако среди разнообразных требований была и национализация в пользу императора. Императора должны были окружать подлинные патриоты и мудрецы из народа, такие как Кита Икки⁴⁷².

Кита Икки был автором «Плана реорганизации Японии», сторонником превращения Японии в социальное «пролетарское» государство во главе с императором. Кита Икки выступал за национализацию части промышленности, участие рабочих и служащих в прибылях, государственное регулирование оставшейся в частной собственности экономики, за укрепление общины. Он не выдвигал фашистских и расистских идей, считая, что новое пролетарское государство будет вести борьбу против империализма в союзе с Китаем и другими народами Азии. Икки считал, что богатства должны быть перераспределены как между людьми в государстве, так и между народами. Перенаселенную Японию нужно было, как растение, пересадить в более просторный сосуд⁴⁷³.

Даже правительственные газеты сначала писали, что восставшие поднялись «на борьбу в защиту государственного строя». Однако император не пошел на уступки путчистам. Они были блокированы в центральном квартале Токио и 29 февраля сдались. Двое совершили сеппуку. Лидеры восстания и идеолог Кита Икки были казнены. После этого «фашистское движение», как называют японских радикалов большинство исследователей, практически перестало существовать. Тем не менее, как отмечает исследователь И. В. Мазуров, «можно сказать, что в последующие годы руками бюрократии были отчасти воплощены мечты бунтаря Кита Икки о „государственном социализме“»⁴⁷⁴.

«Сближение военных с фашистскими организациями, распространение фашистских идей в армии и на флоте и, как следствие, появление в военной среде так называемого военно-фашистского движения — все это представляло собой закономерный процесс, поскольку цели обеих сторон — как военных, так и фашистских лидеров — сходились в одном: установление фашистской диктатуры. Правда, путь к достижению и ее предназначение ими понимались по-разному, что и предопределило в дальнейшем отход от фашистского движения военных и крах фашистского движения в целом»⁴⁷⁵, — суммирует И. В. Мазуров причины удивительной сохранности и затем стремительного разгрома тоталитарного движения в 1931–1936 годах. Собственно, фашистами последователей Кита Икки и его «Плана реорганизации Японии» называют по той же коминтерновской традиции расширительного толкования слова «фашизм». Во всяком случае, они были дальше от планов этнического геноцида, чем японская военщина в период войны против Китая 1937–1945 годов. Идеологию ИККА точнее считать не фашистской, а авторитарно-социалистической, как марксизм и учение Сунь Ятсена (в отличие от антиавторитарного социализма Прудона и Герцена).

Японские путчи 1932-го и 1936 годов напоминают о нескольких событиях российской истории — восстании декабристов, июльских днях 1917-го и 1918 годов и ГКЧП 1991 года. При всем различии всех этих выступлений, это всегда нечто среднее между попыткой переворота и вооруженной демонстрацией. В российской истории эта проигрышная комбинация возникает, когда «что-то пошло не так». Либо в планах переворота что-то сорвалось, и остается гордо демонстрировать верность конституции, пока противнику картечь не подвезли. Либо бряцающая оружием демонстрация, попытка надавить на противника дает ему повод обвинить о мятеже и разгромить неосторожных организаторов вооруженного давления.

В 1932 году вооруженная демонстрация со стрельбой вполне удалась. Путчисты надавили в нужное место и сдались властям, которым подыграли. Отсюда и мягкость наказания со стороны выигравшей от произошедшего военно-чиновничьей элиты — это было выступление не против нее, а за.

С выступлением 1936 года дело обстояло несколько сложнее. Его организаторы пошли по стопам путчистов 1932 года, но дальше. Они надеялись, что под их давлением император сделает следующий шаг и проведет чистку элиты, консолидирует общество еще сильнее — теперь и в интересах низов. Но что-то пошло не так: им не уступили и их не простили. Решение принимал не император-человек (которому, вероятно, было жаль и жертв путча 1932 года), а социальная элита во главе с императором.

Военно-чиновничья элита была рада с помощью экстремистов и поддержавшей их части низов избавиться от несвоевременного режима партий. Но она не собиралась отказываться от самой себя. В 1936 году наивные путчисты предложили совершить социально-политическое сеппуку целому классу, оставив от него только императора в качестве вождя социальной революции. В ответ элита предложила совершить харакири наивным идеалистам в погонах, которые не увидели разницы между императором и народом, между классовой борьбой и фашистской моделью социального сплочения старых верхов и низов, которая происходила в Японии после путча 1932 года. Для классовой чистки нужна была воля значительной части низов к свержению старой элиты, а ее не было в Японии. Зато она была в Китае, что позволило там обзавестись массовой поддержкой коммунистам.

Радикальное тоталитарное движение «снизу» потерпело поражение, хотя сторонники тоталитарной реконструкции Японии сохранились в правящей элите, что предопределило дальнейшее продвижение режима в направлении тоталитаризма «сверху». С при-

нятием идей реорганизации государства правящая элита Японии приняла и идею «антиимпериалистической» борьбы за Азию, которая должна была стать союзом «свободных» (от европейцев и американцев) народов, руководимых японцами.

Военный министр Тэраути, назначенный после событий 1936 года, поставил задачу создания «тотального государства», которое может осуществить «тотальную мобилизацию японского народа»⁴⁷⁶. Новое правительство вступило в переговоры с Германией о заключении Антикоминтерновского пакта.

Военно-чиновническая элита перехватила идеи сторонников тоталитарного переустройства Японии во главе с императором. 10 августа 1933 года было принято постановление правительства «Конкретные меры по улучшению руководства идеологией», в соответствии с которым был создан Научно-исследовательский институт духовной культуры народа. Разработка принципов японской духовности, противостоящей западному, особенно американскому, индивидуализму, заняла несколько лет. В 1937 году специалисты по духовности выпустили под эгидой министерства просвещения обязательную для изучения брошюру «Сущность государственного тела». Она восхваляла существующий государственный порядок и выводила все же имеющиеся в стране недостатки из проникшего в Японию извне индивидуализма. Японцы должны были сосредоточить свои мистические чувства на императоре, сплотиться воедино в гармонии. Ее инструментом была армия: «Наш воинский дух существует не ради самого себя, но ради гармонии, а потому может быть назван божественным воинским духом. Его цель — не убивать людей, но давать им жизнь. Наш воин — жизнедавец, а не разрушитель»⁴⁷⁷. В том году японские «жизнедавцы» понесли «гармонию» в Китай.

Сианьский инцидент

В преддверии назревавшей войны с Японией Китаю нужно было срочно найти источник современного оружия. Его мог дать только СССР, обеспокоенный японской экспансией у своих границ. Ради того, чтобы связать руки Японии, Сталин был готов прикрыться и Чаном. Но в условиях вооруженной борьбы с коммунистами Чан не мог рассчитывать на советское оружие.

В связи с VII конгрессом Коминтерна стала меняться официальная позиция КПК. В Москве было составлено и опубликовано от имени ЦК и ЦИК Китайской советской республики «Обращение от 1 августа», в котором выдвигалось предложение о создании широкого антияпонского фронта с участием коммунистов. Кто войдет в

этот фронт? Идею поддержали небольшие лево-националистические организации, но по большому счету призыв был обращен к левому крылу ГМД.

В горы к Мао Цзэдуну был направлен эмиссар, который передал «четыре установки» новой политики: единый фронт, создание правительства национальной обороны и единой антияпонской армии, переименование советской рабоче-крестьянской республики (которую провозгласили коммунисты на контролируемых ими территориях) в советскую народную республику.

Сначала новые принципы не были рассчитаны на сотрудничество с Чан Кайши — врагом № 1 в Китае. Коммунистам удалось заинтересовать идеей антияпонского союза маньчжурского милитариста Чжан Сюэяна. После захвата Маньчжурии японцами он со своими войсками отошел на восток и теперь граничил с советским районом. Воевать с коммунистами Чжан Сюэян не желал — все его устремления были направлены в противоположную сторону, в Маньчжурию. С помощью СССР можно было бы вести войну против японцев. В итоге тайных консультаций коммунистов с Чжаном у Мао возникла идея отделения от нанкинского правительства северной части Китая и создания здесь «Великого объединения на Северо-Западе» — союза коммунистов и левых гоминьдановцев, которые, опираясь на помощь СССР, будут вести войну с Японией и чанкайшистами. В переговоры с коммунистами вступил и командующий воевавшей с ними 17 армии Ян Хучэн. После этого гражданская война к весне 1936 года фактически прекратилась, и коммунисты развернули пропаганду в войсках севера Китая за единый и антияпонский фронт.

Однако Чжан не хотел порывать с Чан Кайши и таким образом уподобляться неудачливому уханьскому правительству 1927 года. Столько сил и жертв стоило объединить Китай, и снова раскалывать его теперь, перед лицом японской агрессии, левые гоминьдановцы никак не хотели. Чжан убеждал коммунистов попробовать договориться с Чан Кайши. В октябре 1935 года, разослав призыв к созданию антияпонского фронта, коммунисты, чтобы успокоить Чжан Сюэяна, отправили экземпляр Гоминьдану. Неожиданно Чан Кайши откликнулся, заявив в одной из своих речей, что КПК сейчас «действительно защищает интересы своей страны и хочет изменить свой фронт, то есть заключить единый фронт с нами для борьбы против Японии»⁴⁷⁸. Недавний смертельный враг ухватился за лениво протянутую ему руку.

Кроме идеологических разногласий камнем преткновения оставалась зависимая от СССР Монгольская народная республика (МНР). Китай считал ее территорию своей. В марте 1936 года, перед

лицом японской угрозы, СССР заключил с МНР соглашение о взаимопомощи, что вызвало протест со стороны Китая и затормозило сближение с СССР. Но в октябре 1936 года Чан назначил в Москву нового посла Цзян Тинфу с инструкцией добиться заключения договора о взаимопомощи⁴⁷⁹.

Весной 1936 года член ЦК КПК Чжоу Эньлай и заведующий отделом ЦИК ГМД Чэнь Лифу провели в Шанхае консультации о прекращении гражданской войны. Представители ГМД требовали подчинения коммунистических отрядов командованию Чан Кайши и ликвидации самостоятельного советского района⁴⁸⁰.

Однако договориться с китайскими коммунистами чанкайшистам было нелегко. Коммунисты требовали прекратить военные действия против их районов немедленно. Чан Кайши считал возможным прекратить бои только после соглашения в главном — в признании верховной власти Чан Кайши над Китаем (пусть и при широкой автономии коммунистического района). Гоминьдановцы требовали сокращения и реорганизации Красной армии. Эти требования коммунисты считали неприемлемыми. Тогда левогоминьдановские генералы решили сдвинуть дело с мертвой точки по-своему. Чан Кайши прибыл в Сиань, контролируемый войсками генерала Ян Хучэна.

Было неясно — то ли Чан готов к соглашению с коммунистами, то ли будет в Сиане лично руководить наступлением против них, заменив Яна и Чжана на своих ставленников⁴⁸¹. Зная о ненадежности левогоминьдановских генералов, Чан Кайши ввел в город верный ему контингент, а сам расположился в курортном комплексе Хуацзинчи на горе Лишань в 25 км от Сианя. Там можно было подлечиться на горячих источниках. Может быть, Чан хотел совместить полезное с полезным? 12 декабря туда ворвались солдаты и открыли стрельбу по охране. Чан чуть не попал под пули, пытался скрыться в горах, но был арестован. Прошли аресты гоминьдановцев в Сиане. Ян и Чжан потребовали от Чан Кайши договориться с коммунистами о прекращении гражданской войны и совместной борьбе с японцами. Также они требовали освобождения арестованных накануне лидеров Ассоциации национального спасения и других политзаключенных, свободы собраний и организаций, реорганизации правительства с участием разных антияпонских политических сил, прекращения внутренних войн, возвращения к заветам Сунь Ятсена. Генералы считали, что нужно созвать Конференцию национального спасения для решения всех этих вопросов⁴⁸². Чан отверг эти требования. Ян Хучэн был бы не против избавиться от Чан Кайши навсегда, но он не получил в этом поддержки ни от Чжан Сюэяна, ни от коммунистов.

14 декабря арест Чан Кайши осудила газета «Правда». Советское руководство опасалось, что к власти в ГМД может прийти прояпонская фракция во главе с бывшим левым лидером Ван Цзинвэем.

16 декабря Коминтерн послал КПК телеграмму, в которой предложил достичь компромисса на основе прекращения военных действий между коммунистами и гоминьдановцами и реорганизации правительства в Нанкине путем включения туда нескольких антияпонских деятелей. В Сиань прибыл представитель КПК Чжоу Эньлай.

Чан Кайши вступил в неофициальные переговоры с мятежниками и коммунистами. 25 декабря Чан был освобожден и стал действовать в направлении, которого требовали Ян и Чжан. Мавр сделал свое дело — мятежные генералы, оказавшись на территории, контролируемой ГМД, были арестованы.

После ареста Чжан Сюэяна его офицеры призывали к возобновлению гражданской войны и обвиняли коммунистов в соглашательстве. Происходили волнения и политические убийства. Но когда 8 февраля 1937 года в Сиань вошли гоминьдановские войска генерала Го Чжутуна, сопротивление им не было оказано, и с генералом установил контакт представитель КПК Чжоу Эньлай.

10 февраля ЦК КПК в послании ЦИК ГМД сообщил, что готов переименовать Красную армию и советское правительство, прекратить организацию восстаний и конфискацию собственности помещиков. Однако 21 февраля ЦИК ГМД потребовал большего: коммунистические формирования и государственные структуры должны быть расформированы, а пропаганда коммунистических идей прекращена. Но, несмотря на это разногласие, сотрудничество с КПК уже началось, проводились мероприятия по включению их в НРА⁴⁸³.

Гражданская война в Китае, продолжавшаяся с 1915 года, прекратилась. На несколько месяцев в Китае установился мир.

Японцы не знали, что Китай теперь может опереться на помощь СССР. Советский Союз также стремился держать новую ситуацию в секрете, Коминтерн указал КПК: «не следует шуметь по поводу данных Чан Кайши в Сиане обещаний»⁴⁸⁴. Японцы должны считать, что Чан Кайши станет легкой дичью.

КИТАЙ И СССР ПРОТИВ ЯПОНИИ

В 1936 году премьер-министр Хироита Коки (пришедший к власти после путча 1936 года) выдвинул «три принципа» в отношении Китая. Они звучали как предложение дружбы и экономического сотрудничества, но конкретные формы такого «союза» ставили Китай в полную зависимость от Японии. Чан Кайши не соглашался с этими

предложениями, потому что «согласие положило бы конец существованию Китая как независимого государства»⁴⁸⁵.

Япония полным ходом готовилась к большой войне. Под угрозой оставались и Китай, и советский Дальний Восток. Заключив 25 ноября 1936 года Антикоминтерновский пакт с Германией, Япония продемонстрировала готовность конфронтации с СССР. Советский Союз был вынужден наращивать свои вооруженные силы на Дальнем Востоке — с 39 тысяч солдат и офицеров (7 % численности РККА) в 1931 году до 384 тысяч (27 %) ⁴⁸⁶. В этих условиях Китай для СССР становился таким же «громоотводом» агрессии, каким Испания была на Западе.

7 июля 1937 года, спровоцировав перестрелку на пограничном мосту Лугоуцяо (мост Марко Поло) недалеко от Пекина, Япония вторглась в Китай. Началась война, которая затем, подобно реке, «впадает» в поток Второй мировой войны.

На просторах Китая противостояли две огромные армии с совершенно разным качеством. Два миллиона вооруженных устаревшим оружием и плохо управляемых китайских солдат были значительно слабее, чем 240–300 тысяч японских солдат и 150 тысяч маньчжур. У японской армии вторжения было около 700 самолетов, 450 танков и бронемашин, более 1500 орудий. У китайцев было от 177 до 300 боевых самолетов, 1000 орудий. Чан Кайши мог распоряжаться примерно шестой частью китайских сил. Militarисты и коммунисты действовали «кто во что горазд» или просто охраняли свои районы. Так что японцы получили полную стратегическую инициативу. Но сил Японии было недостаточно, чтобы контролировать просторы Китая, и наступление японцев сначала велось вдоль важнейших коммуникаций. 28 июля был захвачен Пекин, 30 июля — Тяньцзинь, откуда двинулись на юг и запад.

В районе Шанхая, остававшегося формально демилитаризованным, появился японский флот. Но японские представители вели себя так, будто война не началась (формально она и не была объявлена, Япония отказывалась считать Нанкинское правительство представителем всего Китая). Японцы требовали вывода из города китайских полицейских сил и отвода от города китайской армии. Только 14 августа развернулись полномасштабные боевые действия. Китайцы, которых возглавил генерал Чжан Чжичжун, прославившийся руководством обороной 1932 года, атаковали укрепления у японских объектов, которыми они владели на правах селтльментов. Но японцы хорошо подготовились, и укрепления оказались слишком прочными для китайской артиллерии. 22 августа китайские танки прорвались к стратегически важным докам Хуэйшань, но оказались

без достаточной поддержки пехоты из-за неотработанности взаимодействия родов войск. Японцы воспользовались этим, спалили танки и разгромили атакующих. От неточных китайских бомбардировок пострадал международный селтльмент.

Японцы высадили у Шанхая крупные силы с моря у поселка Люхэ к северу от города. Китайцы пытались препятствовать высадке, но не преуспели. Возникла устойчивая линия фронта, проходившая через город. Японцы заняли восточную часть Шанхая по обе стороны Хуанпу и часть побережья к северу от города с городом Баошань. Боевые действия приобрели позиционный, но кровавый характер. Сотысячный экспедиционный корпус Иванэ Мацуи, используя превосходство в авиации, теснил трехсоттысячную китайскую армию. При обороне городка Лодянь к северу от Шанхая Чжан Чжичжун в сентябре потерял половину своих солдат. Численность японцев возрастала. Они двинулись в обход Шанхая через Дачан, где в октябре шли ожесточенные бои.

В это время Китай потерял почти всю свою военную авиацию⁴⁸⁷. Советская разведка сообщала в начале октября: «вследствие недостатка авиационных и зенитных средств японская авиация действует над Шанхаем почти безнаказанно»⁴⁸⁸. После падения Дачана 25 октября китайцам пришлось под угрозой окружения начать отход из Шанхая, хотя бои в пригородах продолжались до конца ноября. Японские войска двинулись на столицу Нанкин.

Одной из причин успехов Японии было техническое превосходство ее армии. Китаю срочно требовались современные вооружения. Нормализация отношений с СССР и коммунистами оказалась как нельзя более кстати.

Еще 2 марта 1937 года⁴⁸⁹ в СССР прибыл начальник Академии Генерального штаба Китая Ян Цзэ. 7 марта он встретился с Ворошиловым и сразу же обрушил на маршала поток восточной лести, назвав его «одним из великих людей современности». «Т. Ворошилов, смеясь, говорит, что эта характеристика очень любезна, но страдает большим преувеличением». Обмен любезностями коснулся и межгосударственных отношений, которые еще недавно вовсе не были дружественными: «Генерал подтверждает свои прекрасные впечатления о Советском Союзе. Он лично убедился в хорошем отношении правительства СССР к Китаю и считает своим долгом сообщить об этом китайскому правительству, народу и армии». Ворошилов ответил с упреком: «Такое отношение существовало всегда, и оно никогда не менялось в худшую сторону. Не по нашей вине создались те условия, вследствие которых связь СССР с Китаем порвалась на долгие годы». Генерал Ян был к этому готов: «Лично он считает, что

его приезд должен послужить началом возобновление дружбы между китайской и красной армиями»⁴⁹⁰. Ворошилов напомнил о советско-китайских вооруженных столкновениях 1929 года из-за КВЖД. И снова генерал Ян ради улучшения отношений с СССР был готов признать тот конфликт китайской ошибкой: «Эти события были результатом неправильных представлений отдельных руководителей китайской политики о Советском Союзе. Большинство китайского народа и китайского правительства считали эти события несчастием. Можно только радоваться, что сейчас все это миновало и ушло в прошлое, в историю»⁴⁹¹.

Ритуальная уступчивость Ян Цзэ, а еще больше — японская угроза позволили растопить последний исторический лед в отношениях двух государств.

21 августа был заключен советско-китайский договор о ненападении. 9 сентября Ян приехал в СССР уже с членом ЦИК Гоминьдана Чжан Цюнем, который привез советскому руководству привет от Чан Кайши и просьбу о помощи: «Они сообщают, что в вооруженной борьбе с японцами они имеют большие резервы живой силы, но испытывают недостаток в вооружении». Китайцы могут даже производить самолеты, но необходимо покупать моторы, бензин, который лишь немного производят сами. Ворошилов сообщил, что СССР готов продать все это, но неясно, как доставить военные грузы в Китай»⁴⁹².

Ян рассказал, что уже начала оборудоваться воздушная линия Синьцзян — Ланьчжоу. Также грузы могут доставляться в Гонконг. Ворошилов заявил, что часть грузов можно отправить грузовиками. Хотя проехать предстояло через малоосвоенные пространства западного Китая.

Китайцы просили советские грузовики, а также инструкторов для подготовки тысячи летчиков. К этому времени в Китай уже прибыли десять советских летчиков для знакомства с ситуацией. Для начала Чан Кайши просил продать более 200 самолетов⁴⁹³.

22 сентября 1937 года ЦК КПК упразднил название «Советское правительство», заменив его на «Правительство особого района Китайской республики». Таким образом, коммунисты признали суверенитет Китайской республики на занятой ими территории, претендуя на автономию.

23 сентября коммунисты получили право легальной деятельности на всей территории Китайской республики. Представители КПК наряду с ГМД, партией «Молодой Китай» и Партией государственного социализма вошли в совещательные органы при генералиссимусе Чан Кайши и правительстве — Национальный совет обороны, созданный в июле 1937 года, и Народно-патриотический совет, созданный в июле 1938 года.

Красная армия была преобразована в 8-ю армию Национальной революционной армии Китая. В мае 1938 года была создана еще одна коммунистическая армия (4-я). Вскоре коммунистам представилась возможность показать свои боевые качества. 25 сентября 1937 года японская дивизия попала в засаду коммунистов в горах Шанси и была разгромлена. После этого коммунисты продолжили укреплять оборону своего района и засылать отряды в тыл японцам, предоставив Чан Кайши возможность сдерживать основной удар. Впоследствии Чан Кайши обвинял коммунистов в том, что, занимая какой-либо район, они стремились подчинить себе находившиеся там военные силы и нападали на сторонников ГМД и части НРА⁴⁹⁴.

13 декабря, наступая от Шанхая, японцы ворвались в столицу Китая Нанкин и устроили в городе резню. Погибли десятки, а возможно, и сотни тысяч людей.

Обе стороны несли страшные, хотя и разные потери. Японцы в этой войне потеряли около 430 тысяч человек. Китайцы — десятки миллионов — в боях и от террора. Официальная японская пропаганда утверждала, что Япония несет Китаю гармонию, порядок и освобождение от враждующих вооруженных клик. Но с этими благостными установками диссонировали некоторые сообщения, призванные прославить японских военных. Например, 12 декабря 1937 года газета «Такё нитинити симбун» напечатала очерк о соревновании двух офицеров в умении отрубать головы самурайским мечом. Один отрубил головы 105 китайцам, а другой — 106⁴⁹⁵.

Чан Кайши перенес свою резиденцию в Ханькоу. В январе — апреле 1938 года японцы захватили весь северо-восток Китая. В декабре 1937 года в Пекине было создано марионеточное правительство Китая. Правда, в нем не было авторитетных политических деятелей. Но японцам улыбнулась удача. В декабре 1938 года заместитель Чан Кайши в ГМД Ван Цзинвэй покинул Чунцин и затем объявился на оккупированной территории. Он считал, что пора Китаю и Японии мириться, даже на условиях Японии. В 1940 году он возглавил марионеточное китайское правительство на оккупированной территории. Но Чан Кайши был непреклонен в продолжении борьбы с агрессией.

В 1938 году японская группировка достигла численности в миллион человек⁴⁹⁶. Военные расходы Японии уже в 1937 году достигли 69,9 % государственных расходов. Страна испытывала острую нехватку горючего уже в 1938 году — почти все шло на фронт⁴⁹⁷.

26 сентября 1937 года Ворошилов санкционировал создание в составе Разведуправления отдела Z по образцу отдела X, который курировал помощь Испании⁴⁹⁸.

В Китай были направлены советские военные советники и летчики. В феврале 1939 года их было 3665 человек⁴⁹⁹. Из 700 летчиков погибло около 200⁵⁰⁰.

17 октября 1937 года начались поставки военных материалов грузовиками через Синцзян по маршруту Алма-Ата — Урумчи — Хами — Сучжоу — Ланчжоу. Это — 3000 км по горной и пустынной местности. Затем длинна маршрута была продлена вглубь Китая. В Турфанской долине температура доходила до 60 градусов в тени. Тяжелое испытание для техники и людей. Был освоен и маршрут через Монголию⁵⁰¹, который был вдвое короче, но также очень сложен.

1 марта 1938 года было подписано советско-китайское соглашение, согласно которому СССР предоставлял Китаю кредит в 50 млн долларов на приобретение советских товаров, а также на их доставку до китайской территории, причем кредит и проценты по нему должны были быть погашены поставками китайских товаров. На переговорах 10 марта 1938 года Ян Цзэ говорил, что в Китае очень довольны автомобилем ЗИС-5. К этому времени было поставлено 400 грузовиков, и Ян Цзэ просил еще 630⁵⁰². К марту 1938 года СССР поставил в Китай оружие для новых 20 дивизий. Чтобы расплатиться, китайцы заготовили 600 тонн вольфрама, сурьмы и олова⁵⁰³. К этому времени Китай взял у СССР кредит на 101 миллион «мексиканских» долларов (так в конспиративных целях условились называть китайские доллары) и обещал выплатить наличными 59 миллионов, что соответствовало 48 миллионам американских долларов⁵⁰⁴.

Ворошилов предложил «внести также полную ясность в вопросы расчетов за дальнейшие наши поставки, так как все продаваемое имущество берется из запасов Красной армии, должно быть немедленно восстановлено путем дополнительного заказа промышленности, которая вынуждена в связи с этим делать дополнительные закупки за границей». В ответ Ян «произнес целую речь на тему о финансовых затратах Китая, его бедности, нашем богатстве, дружбе и помощи Советского Союза и прочее». Ворошилов на это вернул неутешительную для Китая поговорку: «Дружба дружбой, а табачок врозь». Ян предложил использовать такую схему: США, Англия и Франция обещают Китаю в кредит товаров на 500 миллионов «мексиканских» долларов. Китай может часть этих товаров передать СССР. Ворошилов обещал передать эти предложения советскому руководству — нужно обсудить на Политбюро⁵⁰⁵.

Поскольку Китаю хронически не хватало средств на то, чтобы рассчитаться за оружие, а советское руководство твердо решило его поставлять, оно было готово принять оплату товарами — лишь бы не помогать чанкайшистам просто так. На переговорах 9 мая 1938 года Ворошилов сообщил, что расплата возможна не только

валютой и металлами, но и такими товарами, как чай, шерсть, кожа, шелк, чесуча и др.⁵⁰⁶ Но Ворошилов упрекал китайское руководство в неспособности создать мобилизационную экономику: если обложить каждого человека налогом в один доллар, то уже будет 400 миллионов долларов. «Вести войну без внутренних займов, без финансового напряжения и мобилизации всей страны на оборону нельзя, да и немыслимо»⁵⁰⁷. Впрочем, чтобы не выглядеть слишком грубым, на этот раз Ворошилов употребил китайскую поговорку: «Для вас будут открыты обе половины моих дверей»⁵⁰⁸.

5 июня 1938 года Ворошилов сообщил, что СССР готов к прежнему кредиту в 100 миллионов долларов прибавить новый в 60 миллионов. Что касается поставок металла, то нужен был именно металл, а не руда, чтобы не «возить землю через Индийский и прочие океаны...». Генерал Ян был в курсе этой проблемы: сурьму можно поставлять только в виде руды, а олово — переплавлять в Китае. Ворошилов снова вернулся к тону учителя: «А потом надо заставить работать ваших крестьян — одни воюют за родину, другие должны добывать и обрабатывать руду»⁵⁰⁹. После недавней индустриализации в СССР Ворошилов предлагал нечто подобное в Китае, но только без крупных строек, которые вряд ли были возможны во время тяжелой войны. Что-то вроде будущего «Большого скачка» Мао Цзэ-дуна, когда крестьяне пытались выплавлять металл прямо в деревнях. Но вряд ли это было возможно — китайская промышленность, тем более на западе страны, была недостаточно развита.

13 июня 1939 года было заключено двустороннее соглашение о новом советском кредите Китаю в размере 150 млн долларов сроком на десять лет.

Стоимость советских поставок к середине февраля 1939 года составила 78 158 651 доллар (при пересчете по курсу 5,3 это составляло 414 240 850 рублей)⁵¹⁰. Согласно сводке замначальника Генштаба комкора И. Смородинова, по операции Z к 16 февраля 1939 года было автотранспортом перевезено 2784 тонн авиабомб и огнеприпасов, 1276 тонн авиационных грузов, 1134 тонн самолетов, 1430 тонн авиагорючего, 3060 тонн автогорючего, 132 тонн спецмашин, 220 тонн продовольствия, 1670 тонн автозапчастей, 620 тонн китайских товаров. Всего 12 376 тонн. Для этого было проведено 5264 авторейсов. В феврале 1939 года в автоэкспедиции было 1434 автомобиля, в том числе 1231 грузовик. Грузенный пробег составил 9 899 800 км, порожний — 6 869 130 км, хозяйственный — 1 678 890 км, всего — 18 447 820 км. Автокараваны проходили в сутки 143 км. «Перевозки автомобильным транспортом совершалась на 3000–3750 км. Такая дистанция при массовых перевозках освоена РККА впервые. В иностранных армиях такие перевозки до сих пор также

не производились». Автомобили не могли перевозить самолеты целиком. Поэтому была «освоена сборка самолетов разных систем в полевых условиях на малокультурном и пустынном театре». Китай получил от СССР 491 самолет, в том числе 6 ТБ-3, 146 СБ (при перевозке потеряли 5 самолетов), 109 И-16 (потеряли 10), 8 УТИ-4, 222 И-15 (потеряли 5). 471–477 самолетов были привезены в хорошем состоянии, «несмотря на завершения некоторых авиационных работников, что при перевозке самолетов автомашинами на такое большое расстояние будут привезены не самолеты, а „труха“». Еще из Севастополя в Китай были направлены пять английских пароходов тоннажем 36 500 тонн. Однако рейс был долгим — 40–50 дней. Также Китаю было поставлено 82 танка Т-26, 700 автомашин, 240 полевых орудий, 420 000 снарядов к ним, 20 зенитных орудий и 40 000 снарядов к ним, 430 малокалиберных орудий и 797 000 снарядов к ним, 300 станковых пулеметов, 3600 ручных пулеметов, 43 670 000 винтовочных патронов. Всего в операции Z было задействовано 4865 человек⁵¹¹. Эта помощь позволила заметно увеличить боеспособность Китайской армии. Если в 1937 году потери японской и китайской армии составили 1:5, то к 1939 году они сравнялись⁵¹².

Но, кроме опосредованного противодействия японской экспансии в Китае, СССР вступал и в прямые военные действия с Японией.

И ЛЕТЕЛИ НАЗЕМЬ САМУРАИ

Бои у озера Хасан в советское время считались одной из побед Красной армии, отпором японской агрессии. Во время тяжелых боев в Китае японское командование вдруг решило относительно небольшими силами напасть на СССР, причем в таком месте, где нельзя было развивать наступление в случае успеха — это самый кончик советской территории на стыке Маньчжурии и Кореи. Странно, не правда ли?

В 1938 года японская армия продолжила продвигаться на запад и юг, но ей не следовало расслабляться. В апреле 1938 года соединение в 60 тыс. японцев попало в окружение в Тэйэрчжуанском сражении. В июле китайцы взорвали плотины в Чанчжоу, изменив русло Янцзы и затопив водой и грязью японскую группировку, готовившуюся ударить на Ханькоу. Значительную роль в замедлении японского наступления сыграла и советская помощь. Как сообщал генерал Ян Цзэ Ворошилову, «Чан Кайши вам очень признателен за новую партию „СБ“, посланных в Китай, так как, если бы не ваши самолеты, японский флот давно бы уже прошел по реке Янцзы в Ханькоу»⁵¹³. Но угроза новой китайской столице сохранялась.

В этих условиях Сталин решил дать Чан Кайши возможность отдышаться и отвлечь внимание японцев на себя.

9 июля 1938 года советские пограничники пришли на сопку Заозерная перед озером Хасан и сделали на ней опорный пункт, оборудовав его колючей проволокой. Считалось, что граница проходила по вершине сопки⁵¹⁴. По советской версии, пограничники действовали строго в границах СССР. Но если пограничники окопались на вершине сопки, то значит, что они копали и на маньчжурском склоне, то есть нарушили границу. В напряженной обстановке пограничники решились на такой рискованный шаг? Появившийся вскоре японский чиновник начал протестовать, что пограничники восприняли как нарушение границы, и нарушителя пристрелили. Это было уже серьезно. Без приказа из Москвы такого не делают.

И действительно, накануне на Дальний Восток прибыл могущественный первый заместитель Наркома внутренних дел, глава Управления государственной безопасности, командарм 1 ранга Михаил Фриновский. Именно он и отдал команду пограничникам занять сопки. Вот как это описывается в справке, составленной для Наркома обороны по итогам событий: «6–8 июля наблюдением замечены группы японцев, проводящих телефонную линию к высоте Заозерная. Это командованием погранвойск ДВК и тов. Фриновским было расценено как подготовка японцами захвата высоты Заозерная. В связи с этим распоряжением тов. Фриновского к утру 9.VII высота была занята резервной заставой, усиленной двумя станковыми пулеметами, и произведены фортификационные работы (выкопаны примитивные окопы и установлен спотыкач)»⁵¹⁵. Итак, Фриновский начал пограничный конфликт под смехотворным предлогом прокладки японцами телефонной линии на территории Маньчжурии. Предлог был не важен — Фриновский приехал не за тем, чтобы следить за действиями японских связистов.

20 июля посол Японии в СССР М. Сигэмицу потребовал отвода советских войск до решения вопроса о демаркации⁵¹⁶. Еще была возможность предотвратить столкновение. Но сотрудники НКВД не собирались признавать ошибки.

Также трудно считать случайностью, что накануне, 1 июля, Особая краснзнаменная Дальневосточная армия была преобразована в Дальневосточный краснзнаменный фронт. Командующий фронтом Василий Блюхер, которого не поставили в известность обо всех обстоятельствах конфликта на сопках, заподозрил неладное и потом отчитывался Сталину и Ворошилову: «С самого начала конфликта на высоте Заозерная, Безымянная высота, что к Западу от озера Хасан, то есть с момента обстрела на ней японцев 15 июля, в результате которого был убит японский жандарм Мацусима, я настойчиво

добивался от командования погранвойск доклада об указании точного места, где произошло столкновение, и точного разъяснения, где нашими пограничниками отрываются окопы и становятся проволочные заграждения.

Моя настойчивость вызывалась опасением, действительно ли правы пограничники в своих утверждениях, что нарушителями границы являются японцы, а не мы»⁵¹⁷. Не понимая действий представителей НКВД, Блюхер пытался предотвратить эскалацию конфликта, приказал вернуть войска, которые командование пограничников направило в окопы на сопки⁵¹⁸.

26 июля Блюхер докладывал Сталину, Ворошилову и Ежову:

«а) Начальник 59 ПО т. Веневитин стрелял по японцам, находившимся на их территории.

б) Часть окопов и проволочных заграждений заходят на японскую территорию.

Нарушителями являемся мы, а не японцы».

Блюхер потребовал ареста командования 59-го погранотряда Веневитина и Курдюжева и расследования этого дела⁵¹⁹. Однако Москва, естественно, Блюхера не поддержала. Эмиссары Сталина и Ворошилова Мехлис и Фриновский помогли «отменить странность» в поведении Блюхера. 27 июля на совещании Военсовета ДВФ было решено считать схемы, на которые опирался Блюхер, неправильными. А правильными считать схему начштаба 59-го погранотряда майора Алексеева, где все было нарисовано так, чтобы оправдать пограничников. Посланную Блюхером комиссию отозвали. Как сообщалось в отчете, подготовленном в Наркомате обороны по итогам событий, «тов. Блюхер, несмотря на подписанный им приказ, остается при своем мнении, что границы нарушили наши пограничники». 28 июля Ворошилов приказал «прекратить возню с комиссиями»⁵²⁰. После этого в 20 часов по хабаровскому времени Блюхер признал в разговоре с Мехлисом «ошибочность занятой им позиции»⁵²¹.

Но эту «ошибочность» не признали японцы. Император надеялся на переговоры, но военные предпочли действовать силой⁵²². 29 июля они вышибли пограничников с сопки, заняв полосу советской территории между границей и озером Хасан. «Цель контрудара заключалась в том, чтобы в результате „разведки боем“ выяснить, не намерена ли советская сторона открыть „второй фронт“ в Китае»⁵²³. Тут стало ясно, что место для конфликта тактически выгоднее для японцев, так как их позиции прикрывает озеро. Стратегически же место конфликта было для Японии совершенно бесперспективно, так как развивать агрессию здесь было некуда. Сражение должно было вестись на пятачке между озером и сопками. Победителю мог

достаться только этот крохотный кусочек земли. Но японцы не могли быть уверены в том, что Красная армия большими силами не устремится в Маньчжурию. Поэтому для них было принципиально важно удержать Красную армию в границах СССР.

Сталин строго приказал командующему Дальневосточным фронтом Блюхеру выбить с высот японцев, но не переходить границу Маньчжурии — СССР должен был выглядеть жертвой агрессии, а не агрессором, чтобы не нарушать сложных игр в Европе. Однако сделать это Блюхеру оказалось не по силам. Менее всего Блюхер ждал «японскую агрессию» в этом глухом месте. Перебросить туда значительные силы было сложно. Только постепенно удалось сосредоточить у Хасана 32 860 солдат против 20 тысяч японских⁵²⁴.

1 августа Сталин позвонил Блюхеру и задал ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо...»⁵²⁵. По итогам боев Ворошилов издал секретный приказ, в котором говорилось: «События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного краснознаменного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано»⁵²⁶.

К тому же, почувствовав политическое недоверие, Блюхер был деморализован. 11 августа он сказал: «Меня как командующего фронтом больше не существует»⁵²⁷. На месте войсками командовал начальник штаба фронта Григорий Штерн, имевший за плечами испанский опыт.

Советские войска наступали по узкой полосе между озером и границей, что позволяло японцам буквально скашивать красноармейцев плотным огнем. Советская авиация действовала неэффективно. В конце концов войска ДВФ все же обошли японцев по маньчжурской территории, нарушив приказ Сталина. Красноармейцы зацепились за одну сторону сопок (включая маньчжурскую территорию), японцы — за другую. На этом 10 августа и было достигнуто соглашение о прекращении огня с 11 августа. Была создана советско-японская комиссия по демаркации границы (чего добивалась японская сторона до начала боев). Но 9 августа Литвинов писал послу во Франции Якову Сурицу, что «в разговорах с английскими, французскими и иными дипломатами не следует говорить с преувеличенным оптимизмом о локализации конфликта и об отсутствии опасности войны, ибо подобные разговоры немедленно сообщаются японцам, которых мы должны держать под угрозой, а не успокаивать их»⁵²⁸.

Сталин был недоволен действиями Блюхера (возможно, это сыграло трагическую роль в судьбе маршала). Бои на Хасане в советской прессе были объявлены великой победой.

Учитывая советскую инициативу в событиях у озера Хасан, возникает соблазн искать их причины в агрессивности Сталина⁵²⁹. Однако вкупе с событиями японо-китайской войны эти бои выглядят прежде всего как помощь жертве агрессии. Ведь конфликт развернулся в противоположной стороне от основного вектора японского наступления, в его глубоком тылу. Естественно, что возникновение такой угрозы заставило японское командование повременить с нажимом на Китай.

Китайские войска получили передышку. Хотя в это время она и не позволила добиться перелома в войне, но замедлила японскую экспансию. После паузы японцы возобновили наступление в Китае. 25 октября после упорного сражения Ханькоу пал. 21 октября был захвачен также крупный порт Кантон. Чан Кайши перенес ставку в Хунань, а в декабре переехал в Чунцин. Но он успел перегруппироваться, по-кутузовски сохранил силы и отошел в глубь страны. Японцы увязли в этой войне и перешли к стратегической обороне.

Положение Китая осложнялось изоляционизмом США и англо-французской политикой умиротворения агрессора.

14 мая 1939 года японцы блокировали английский и французский сэттльмент (торговое поселение) в Тяньцзине, поскольку там скрылись четверо китайцев, обвинявшихся японцами в убийстве. Это был принципиальный конфликт — признавать ли право японцев вершить правосудие в Китае? Японцы требовали от англичан отказаться от использования сэттльмента для «антияпонской деятельности», к которой относилось даже обращение денег гоминьдановского правительства. «Владычица морей» не рискнула в сложившейся обстановке конфликтовать со «Страной восходящего солнца» и заключила 22 июля соглашение Ариты — Крейги, по которому Британия признавала Японию законной властью на оккупированных ею территориях. Франция не стала возражать.

После соглашения Ариты — Крейги англичане фактически прекратили помощь Чан Кайши, а в 1940 году и вовсе перекрыли китайско-бирманскую дорогу, по которой снабжались его войска. Поставки оружия и боеприпасов из СССР до 1941 года оставались единственной надеждой Китая.

В 1939 году с переменным успехом шли бои за Наньчан. Японцы захватывали порты Китая, чтобы отрезать противника от поставок по морю. Но для поставок из СССР это уже практически не имело значения.

СССР «показал зубы» во время боев у озера Хасан. Этот точечный удар имел стратегическое значение. Но неудачные действия РККА в этом «медвежьем углу» скомпрометировали ее, что стало одной из причин низкой оценки военной мощи СССР Западом в ходе Судетского кризиса.

Японцы после Хасана решили, что Красная армия — не очень сильный противник и в отрыве от основных своих коммуникаций она не сможет противостоять сильной японской группировке.

С 1936 года просоветский режим Монголии конфликтовал с маньчжурским прояпонским режимом из-за небольшого пограничного участка в районе реки Халхин-Гол. Оба государственных образования, возникшие на территории бывшей китайской империи, имели нечеткие границы. По одним картам граница проходила по реке, по другим — восточнее. В мае 1939 года монгольские пограничники заняли плацдарм восточнее, маньчжуры напали на них. В эти пустынные места стали стягиваться японские и советские войска. На этот раз расположение очага конфликта было менее выгодно для СССР, чем в случае с Хасаном. В случае успеха японцев они могли развить успех и захватить Монголию, а затем и вовсе перерезать коммуникации в Китай. Так что ставки были очень высоки. Но для СССР игра стоила свеч — весь мир в условиях европейского кризиса 1939 года смотрел, что сможет Красная армия. В июле 1939 года на Дальнем Востоке была создана Фронтальная группа во главе со Штерном и подчиненная ему 1-я армейская группа войск во главе с Георгием Жуковым, сосредоточенная в районе Халхин-Гола. Агрессивный полководческий стиль Жукова дополнялся опытом Штерна. Штерн наладил оперативную переброску подкреплений, боеприпасов и горючего Жукову. В результате 1-я армейская группа получила перевес над японской 6-й армией. Время работало на советско-монгольскую сторону. Японцы переправились через Халхин-Гол, создав угрозу войскам, оставшимся на восточном берегу. Возможность удержать советский плацдарм на восточном берегу определяла успех всех боев на Халхин-Голе. Жуков бросил в атаку на окопавшихся японцев танковую массу (пехотные части не успели подойти) и, несмотря на большие потери, разгромил опасный Баин-Цаганский плацдарм японцев. После этого, уже не торопясь, советское командование подготовило силы для решающего удара. 20–31 августа 1939 года 1-я армейская группа прорвала фланги японцев танковыми клиньями и совершила классическое окружение 6-й японской армии. Противник был полностью разгромлен⁵³⁰. РККА потеряла (без учета монгольских потерь) убитыми 2413 человек, ранеными 10 020 человек. Японцы признали потери (без учета маньчжур) — убитыми

18 300, ранеными — 3500, пленными — 566 (88 были возвращены в обмен на пленных красноармейцев). Было захвачено трофеев — 190 орудий, 6184 винтовок, 135 станковых, 225 ручных, 5 крупнокалиберных и 6 авиационных пулеметов, 40 минометов, 30 мортир, 79 грузовиков, 24 легковые машины, 25 тракторов, 9 танков, 8 бронемашин. В боях было сбито 608 японских самолетов⁵³¹.

Эта победа стала событием мирового значения. Японское руководство осознало, что связываться с СССР не стоит. И поняло это очень вовремя для Сталина. Когда советские танки утюжили японские окопы за Халхин-Голом, в Москву прилетел министр иностранных дел Германии Риббентроп.

Глава V

ПЛОДЫ УМИРОТВОРЕНИЯ

Оси Европы

Комментируя результаты Версальского договора вскоре после его краха, британский исследователь М. Джордан писал: «Германия не могла не затаить злобу. Но только одни французы были готовы предусмотреть в договоре контроль за выполнением и наказание за нарушения договора, то есть создать условия, необходимые для соблюдения договора; и только одни французы обладали волей, но, как показали события, не обладали силой, для того, чтобы выполнять договор в том духе, в каком он был составлен»⁵³². Мы видим, что все обстояло как раз наоборот — французы обладали силой, но, как и их союзники, не обладали волей. Почему?

Реакция на оккупацию Рейнской зоны представляет собой первое крупное событие политики умиротворения, положившее начало целой цепи последующих. Умиротворение представляет собой загадку мировой истории, которая уже на этом примере особенно хорошо заметна. Есть договор. Есть военные интересы Франции. Есть ее преобладание в силах. И тем не менее нарушитель спокойствия получает то, что хочет.

Советские исследователи объясняли умиротворение стремлением капиталистических стран руками Гитлера покончить с СССР: «Задуманная дипломатическая комбинация сводилась к следующему: фашистские державы — участницы пакта возьмут на себя задачу спасти Европу от „большевистской опасности“. Западные же демократии обязуются щедро вознаградить своих наемников»⁵³³, — комментирует советский историк Д. И. Овсяный создание Пакта четырех, продиктованное, как мы видели, совсем другими соображениями. Практически той же логикой объясняются и другие события «умиротворения».

Мы увидим, что у части умиротворителей действительно было намерение направить агрессию Германии против СССР. Но вот незадача: те умиротворители, которые стремились натравить Гитлера на Сталина, не принимали советскую мощь всерьез и не боялись Советского Союза. А те, кто считал его силой и, следовательно, потенциальной угрозой, предпочитали заручиться советской поддерж-

кой. Таким образом, стремление направить германскую агрессию на восток было не причиной умиротворения, а одним из средств решения проблемы. Слабый Советский Союз представлялся огромным резервуаром, в который могла уйти агрессивная энергия Германии. А территория и ресурсы СССР казались достойной платой за мир на Западе. Не Советского Союза боялась западная элита, а войны. Даже маленькой войны в 1936 году. Парадоксально, но по мере развития умиротворения Германия все усиливалась, ставки становились все выше, возможная война — все страшнее. И, в конце концов, она разразилась в гораздо больших масштабах, чем та, что могла покончить с Гитлером в 1936 году. Но покончила бы эта гипотетическая война 1936 года с германским реваншизмом?

Умиротворение имело два основных истока. Во-первых, пацифистские настроения европейцев после бойни Первой мировой войны, во многом бессмысленной. Во-вторых, экономический кризис, ослабивший либерально-капиталистическую систему. Пока не возникли индустриально-этакратические системы, опирающиеся на военно-промышленный комплекс, правящие элиты капиталистических стран были заинтересованы в строжайшей экономии бюджета, в том числе военного, и это обезоруживало их перед лицом германского натиска. Умиротворение стало оборотной стороной медлительности и нерешительности в проведении социальных реформ, в создании социального государства. «Как говорили, в данном случае решающую роль сыграли финансовые соображения»⁵³⁴, — вспоминает об оккупации Рейнской зоны М. Джордан. Из-за экономического кризиса Франция уже была на грани банкротства. Дополнительные военные расходы были для нее крайне нежелательными. У нее была сила, но не было воли. Не лучше обстояли дела и в Великобритании. С 1937 года она уже не могла оплачивать гонку вооружений в рамках обычного бюджета, нужно было где-то найти новые средства. Премьер-министр Великобритании Чемберлен, следуя классическим либеральным представлениям об экономике, опасался повышать налоги, потому что это могло затормозить восстановление бизнеса и увеличить безработицу, и так составлявшую 9 %. Перевооружение финансировалось за счет долговых облигаций правительства. Эта политика продолжалась и после начала войны в Европе. Опубликованный в сентябре 1939 года бюджет предусматривал долг в миллиард фунтов, то есть четверть бюджета⁵³⁵. В рамках прежней экономической системы этот долг не мог быть оплачен. Но он помогал выйти из кризиса. К тому же с 1939 года, когда на Британию стала работать американская военная промышленность, гонка вооружений стимулировала не только британскую, но и американскую экономику. А Чемберлен все не понимал, что наращивание

вооружений может быть не только источником финансовой болезни, но и лекарством от экономической депрессии.

Навязанная Германией гонка вооружений была кошмаром для политиков, привыкших мыслить в рамках либерального представления о хорошем управлении. Множество проблем мирного общества делают войну непозволительной роскошью. Или воевать, или сохранять мирный уклад. А именно этот мирный уклад — ценнее всего. В странах, где демократия существует хотя бы на уровне, который был принят в Великобритании и Франции, большая война может быть лишь результатом согласия самых разных групп общества — когда не воевать нельзя, все пути к миру зашли в тупик. Но и поныне часть западных историков уверяет: с Гитлером можно было договориться, его можно было умиротворить, вовлечь во взаимовыгодные экономические отношения⁵³⁶. При этом Запад был готов принести Гитлеру в жертву не только враждебный Версальской системе Советский Союз, но и вполне лояльные страны Восточной Европы, через которые пролегал германский «дранг нах Остен».

Лидером политики умиротворения стал Невилл Чемберлен, возглавивший правительство Великобритании 28 мая 1937 года. Как консервативный британский политик, он верил в силу права и свое искусство политических игр, в которых государства и партии были фигурами. Выстраивая балансы и противовесы, Чемберлен видел себя в роли мирового арбитра. Он так активно вмешивался в дела МИД, что более умеренный сторонник умиротворения Энтони Иден 20 февраля 1938 года ушел в отставку с поста министра иностранных дел. Чемберлен стал лидером европейской политики умиротворения.

В разгар политики умиротворения Муссолини говорил своему министру иностранных дел Чиано о Чемберлене и других умиротворителях: «Эти люди сделаны не из такого материала, как Фрэнсис Дрейк и другие замечательные авантюристы, которые создали империю. А эти в конечном счете являются утомленными сыновьями старинного рода богатых людей, и они потеряют свою империю»⁵³⁷. Изнеженные европейские либеральные общества потеряли свою «пассионарность», и если бы теория Л. Гумилева о «пассионарности» была верна, Британия, да и Америка были бы сокрушены Германией и Италией, потому что «пассионарии» исчезают безвозвратно на многие столетия. Но история развивается иначе. И всего через пять лет английские солдаты маршировали по улицам Рима. «Пассионарными», способными к действию, народы становятся от обстоятельств. Просто Великобритании и другим странам, столкнувшимся с Гитлером, нужно было пройти полный круг унижений, чтобы обрести боевой дух.

Бездействие гарантов Версальского соглашения при оккупации Рейнской зоны имело самые сокрушительные последствия для всей системы международной безопасности. Теперь на западных границах Германии возводился Западный вал («линия Зигфрида»), который со временем не позволит французам оказать помощь восточным соседям Германии в случае нападения на них. Это не могло не делать восточноевропейских соседей Германии сговорчивее. «Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что даже если Франция не останется столь бездейственной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих молодых солдат проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток»⁵³⁸, — комментирует У. Ширер. Еще до знаменитой речи Черчилля в Фултоне о «железном занавесе» М. Джордан писал: «Захват демилитаризованной зоны опустил железный занавес между Францией и ее союзниками в Центральной Европе»⁵³⁹. Железный занавес между востоком и западом стал постоянной достопримечательностью Европы. Его опустил Гитлер, восстановили Черчилль и Сталин, да и в начале XXI века он сохраняется, хотя и на новой линии.

Успешный исход авантюры с захватом Рейнской демилитаризованной зоны укрепил режим Гитлера, обеспечив «ему власть над генералами, которые в кризисных ситуациях проявляли нерешительность, в то время как Гитлер оставался непреклонным. Это приучило генералов к мысли, что в иностранных и военных делах его мнение неоспоримо»⁵⁴⁰, — писал У. Ширер.

Размолвка с Великобританией и Францией из-за Эфиопии и сотрудничество с Германией в Испании определили дальнейшую траекторию истории Италии. 21 октября 1936 года Германия и Италия подписали протокол о согласовании своей внешней политики. Несмотря на то, что протокол был секретным, Муссолини 1 ноября 1936 года рассказал о новом союзе на митинге в Милане: «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин — Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут объединиться все европейские государства, воодушевленные волей к сотрудничеству и миру»⁵⁴¹.

25 ноября Германия подписала с Японией антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 году присоединилась и Италия. «Ось» удлинилась, из европейской стала мировой. Стороны публично договорились о борьбе с распространением коммунистических идей,

но негласно обязались вести консультации о взаимопомощи в случае нападения на одну из них со стороны СССР. Игра Гитлера приобретала глобальный характер. Со временем вокруг «оси» стали вращаться спутники (или, как тогда говорили, «сателлиты») по всему миру.

30 января 1937 года, в годовщину своего прихода к власти, Гитлер заявил о выходе из Версальского договора, который Германия и так уже не соблюдала. Но если прежде речь шла о несоблюдении военных статей, то теперь на повестку дня встал вопрос о границах. Пока существовали эти границы, сохранялась и Версальская система, пусть и надломанная.

Также Гитлер заявил о необходимости возвращения колоний Германии. В октябре 1937 года конференция Консервативной партии Великобритании отвергла германское требование возвращения колоний. 19 ноября 1937 года Гитлер подробно обсуждал с британским послом Эдуардом Галифаксом колониальный вопрос. Галифакс говорил от имени британского правительства, хотя кое-что добавил и от себя: он хорошо относился к Гитлеру и в начале встречи утверждал, что в Англии «целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии, и если английское общественное мнение занимает иногда критическую позицию по отношению к известным германским проблемам, то это отчасти объясняется тем, что в Англии не полностью осведомлены о мотивах и обстановке известных германских мероприятий». Но Галифакс и другие члены правительства считают, что Гитлер очень помог Европе, уничтожив коммунизм в своей стране и «сумел преградить путь коммунизму на Запад»⁵⁴².

Но, к разочарованию Галифакса, Гитлер был прохладен, так как Великобритания отказывается вернуть Германии колонии. Фюрер констатировал: «Между Англией и Германией имеется, по существу, только одно разногласие: колониальный вопрос»⁵⁴³. Как следует из материалов состоявшегося накануне совещания Гитлера со своими генералами, он обманывал Галифакса. У него было куда более существенное разногласие с британскими лидерами. Он считал их препятствием для своего плана перекройки Европы и переустройства мира.

Галифакс тоже поднял тему «всеобщего урегулирования». Если бы Гитлер согласился подумать о плане сотрудничества в Африке, то можно было бы сделать колониальное урегулирование частью всеобъемлющего европейского урегулирования, которое могут осуществить четыре ведущих государства Европы, то есть новый пакт четырех. Гитлеру понравилась идея решения европейских проблем волей только четырех государств, при условии, конечно, что «Гер-

мания будет рассматриваться как государство, не несущее больше на себе морального и материального клейма Версальского договора». Тогда и о всеобщем урегулировании можно подумать. Хотя Гитлер «последние годы часто задавал себе вопрос, достаточно ли разумно современное человечество, чтобы заменить игру свободных сил методом высшего разума»⁵⁴⁴.

Галифакс всячески давал понять, что Великобритания готова к переменам и фактической отмене Версальского договора. Он предлагал включить во «всеобщее урегулирование» вопросы Данцига, Австрии и Чехословакии и даже осуществить «изменения европейского порядка», но, что важно — «путем мирной эволюции». Принцип британской политики заключался в том, чтобы обойтись без стрельбы и чтобы все изменения происходили с согласия четырех держав (хотя можно было бы оформить их и решениями Лиги наций)⁵⁴⁵. А тогда уж, как часть общего урегулирования, можно решить и колониальный вопрос — как часть «общего решения»⁵⁴⁶.

Однако при всей симпатии к гитлеризму Галифакс не мог обещать Гитлеру вернуть колонии и во время беседы 3 марта 1938 года предложил очень абстрактный план экономического сотрудничества нескольких метрополий в тропической Африке (причем там, где британские колонии составляли незначительную часть). Колонии должны были остаться у прежних хозяев, но должна была быть создана комиссия из их представителей для содействия «общему благу»⁵⁴⁷. Гитлер даже удивился, что ему предлагают участвовать в переговорах по поводу сотрудничества ряда государств, обладающих колониями, когда Германия ими не обладает. Это о чем вообще? Гитлер не стал всерьез обсуждать эти идеи, переключившись на европейские проблемы. Он критиковал Великобританию и Францию за то, что они препятствуют проведению его европейской политики. Основную ответственность за это Гитлер возлагал на прессу, то есть на общественное мнение западных стран. Но если и лидеры будут следовать мнению прессы, то избежать силовых решений не удастся. «И если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, то Германия не останется нейтральной и будет действовать молниеносно»⁵⁴⁸. Гитлер был готов воевать за объединение всех германоязычных территорий.

5 ноября 1937 года Гитлер провел важное совещание руководства вооруженных сил и МИД. В дальнейшем оно стало известно как совещание Хоссбаха — по фамилии сотрудника, который вел протокол⁵⁴⁹. Обсуждалась нехватка ресурсов для развития вооруженных сил. Это стало поводом для Гитлера изложить планы экспансии в Европе для захвата ресурсов. За несколько лет, пока Великобритания и Франция слабы, Гитлер надеялся захватить Авст-

рию, установить контроль над Чехословакией. Будучи сторонником самообеспечения германской экономики, Гитлер выступил за территориальные захваты с целью получения ресурсов и «жизненного пространства» на востоке. Но Гитлер наметил именно страны Запада в качестве своего основного противника.

Гитлер, который в «Майн кампф» был благосклонно настроен в отношении Великобритании, теперь считал ее враждебным фактором — несмотря на все реверансы умиротворения со стороны британских политиков. Почему? С согласия Великобритании можно было господствовать на востоке Европы. Но не во всей Европе. А Гитлеру нужен был мир или хотя бы его половина.

Гитлер понимал, что ему многое позволено, если он будет действовать на британском поводе, в рамках одобренных Лондоном правил и комбинаций. Но именно это его и не устраивало. Он был намерен захватить ресурсы Восточной Европы для решающего столкновения с Великобританией и Францией за мировую гегемонию. Причем, вопреки «Майн кампф», речь о войне с Россией пока не шла, Гитлер надеялся, что СССР был отвлечен конфликтом с Японией, если он решится на разгром западных противников. Впрочем, это пока были рассуждения фюрера, его планы могли меняться.

Рискованные планы Гитлера встретили скептическую реакцию военного министра Вернера фон Бломберга, командующего сухопутными силами Вернера фон Фрича и министра иностранных дел Константина фон Нейрата. Попытки агрессии в Восточной и Центральной Европе могут вызвать большую войну с Францией и Великобританией в ближайшее время, а к ней Германия не готова. Они решили увещевать Гитлера. Гитлер настоял на своем, но мог ли он рассчитывать на этих людей в осуществлении далеко идущих планов? Нет, они не были заговорщиками, их не за что было арестовывать. Но не станут ли они заговорщиками в решающий момент? Мы увидим, что такое могло случиться с другими военачальниками и политиками.

Гитлер решил не дожидаться вызревания оппозиции. Бломберг сам «подставился». Он женился, Гитлер был свидетелем на свадьбе, но вскоре выяснилось, что избранница генерала — бывшая девушка легкого поведения. Это вызвало шок в военной среде, отличавшейся строгими взглядами. Нацисты с удовольствием раздували скандал. 26 января 1938 года Гитлер снял главу военного министерства с поста. Тогда же в отставку отправили и Фрича, хотя убедительного компромата против него не было. Выдвинуть против Фрича политические обвинения было опасно — его могло поддержать офицерство, которое все еще слабо контролировалось НСДАП. Опыт с Бломбергом подсказал нацистским вождям решение. Против Фри-

ча было сфабриковано дело по обвинению в гомосексуализме. Был найден лжесвидетель, который обвинил офицера-гомосексуалиста, однофамильца генерала.

Несмотря на то что дело держалось в секрете, посвященные в скандал генералы были шокированы. Ими командовал гомосексуалист! Как штурмовиками — Рем был гомосексуалистом. Начальник штаба Людвиг Бек предложил возмущенному Фричу немедленно организовать переворот, но тот потребовал лишь офицерского суда чести. Но военное руководство было настолько деморализовано клеветой, что не решилось думать о перевороте в январе 1938 года. Суд оправдал уже снятого с должности Фрича через несколько месяцев, когда обстановка в мире и в самой Германии серьезно изменилась.

Гитлер решил действовать радикально, но в то же время не прибегать к сталинскому методу террора против офицерства. 4 февраля 1938 года командование армией было реорганизовано. Военное министерство ликвидировалось, руководство вооруженными силами возлагалось на Верховное командование вермахта (ОКВ) во главе с самим фюрером. В ходе реорганизации 18 генералов были уволены, а 44 понижены в должности. 4 февраля Гитлер заменил не только военных, которые без энтузиазма восприняли планы войны, но и министра иностранных дел старой школы Нейрата. Этот пост занял исполнительный Иоахим Риббентроп. Отныне в руках Гитлера была сосредоточена вся полнота власти. Режим приобрел классические черты тоталитаризма.

Гитлер считал, что теперь он гарантирован от переворота. И ошибался. Абсолютная власть всегда ограничена переворотом. Чтобы избежать этой угрозы, диктатору нужно идти от успеха к успеху и вовремя выкорчевывать реальных и потенциальных заговорщиков.

Гитлер поставил перед командованием вермахта задачи по разработке планов войны на два фронта: «Рот» (основные силы концентрируются на западе против Франции) и «Грюн» (основные силы — на юго-востоке против Чехословакии), расширенный вариант обоих (война с Францией, Великобританией, Чехословакией, Польшей и Литвой), а также планы вторжения в Австрию (план «Отто») и конфликта с красной Испанией («Рихард»). Германские генералы стали разрабатывать эти планы не торопясь. Когда Гитлер отдал приказ начать действия против Австрии, план «Отто» еще не был готов.

Характерно, что в это время не разрабатывались планы нападения на Польшу, которая лежала между Германией и вожделенными восточными землями. Оставались надежды, что можно будет заин-

тересовать Польшу союзом и обменять поморье на Литву или даже украинские земли в случае совместной победы над СССР.

Министр иностранных дел Польши Бек говорил, что в Европе сформировались «две противостоящие оси: Рим — Берлин и Париж — Лондон»⁵⁵⁰. Пока политика Европы вертелась вокруг этих двух осей, Бек надеялся выстроить третью, притягивая к Польше Прибалтику, Румынию и Венгрию. Но экономический и военный вес Польши был недостаточен для этого. К тому же, по мнению польского историка М. Корнака, «ошибочно оценивался и Советский Союз в 1937–1938 годах — как государство слабое, переживающее внутренний кризис и погружающееся в международную изоляцию»⁵⁵¹. Таково было мнение не только Бека. СССР действительно переживал внутренний кризис, но даже в разгар Большого террора продолжал активно действовать в Испании и на Дальнем Востоке. Тем более советский фактор сохранял важность на востоке Европы. Хотя СССР зондировал возможность нормализации советско-германских экономических отношений (в 1935–1937 годах этого пытался добиться советский торгпред Давид Канделаки), существенных успехов на этом направлении добиться не удалось⁵⁵². Гитлер предпочитал иметь дело с западными державами, сохраняя реноме Германии как антикоммунистического заслона Европы. А СССР оставался антифашистским и антигерманским полюсом в Европе.

Аншлюс

Гитлер не скрывал стремления сбросить оковы Версальской системы, восстановить престиж и военную мощь Германии и собрать в ее составе земли, населенные немцами. Как оказалось, эта задача ставилась только для начала — по пути к мировому господству. Но умиротворители Гитлера из Великобритании и Франции были готовы рассматривать претензии Германии, перемежая гневные протесты и уступки. Тем более что германская экспансия была нацелена на восток и юг, а не на запад.

Первой целью экспансии Гитлера за пределами собственно Германии была Австрия. Иногда стремление Гитлера захватить Австрию выводят из того факта, что он там родился: «Годы молодости — это большая камера хранения, которая разгружается в последующий период жизни. Родина всегда влияет на деяния человека. Чем больше возможности человека, тем больше будет проявляться в его делах родина. Маршал Пилсудский из Друсkenиков смотрел за Неман, Адольф Гитлер из Берхтесгадена — на Австрию. И раз Гитлер пришел

в Германии к власти, вопрос об аншлюсе был решен, оставался только вопрос времени»⁵⁵³, — пишет польский публицист С. Мацкевич.

Но объединения Германии и Австрии хотел не только Гитлер, он был одним из многих — и в этом был источник его силы. Он концентрировал национальные чувства немцев, доводя их до абсолюта. Аншлюс хотели миллионы людей по обе стороны границы двух стран. Аншлюс был старой идеей, а его запрет Версалем — одним из символов неполноправия немцев. Население Австрии говорило по-немецки. Распад Австро-Венгрии в 1918 году, образование на ее территории нескольких национальных государств открыли дорогу к объединению Германии и Австрии. Аншлюс (объединение Австрии с Германией) не был идеей только нацистов и вообще правых. Лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер писал, что Австрия должна будет «присоединиться к Германской империи как федеральное союзное государство, так как, представленная самой себе, она не будет экономически жизнеспособным государством»⁵⁵⁴. Падение Германской империи, как казалось, открыло путь к демократическому объединению двух германских народов. 12 ноября 1918 года национальное собрание Австрии приняло закон, который гласил: «Республика Австрия является составной частью Германской республики». Германия была не против, и Веймарская конституция зафиксировала представительство Австрии в германском рейхсрате. Но Антанта запретила объединение немецкого народа. Поверженный противник не должен был получить никаких уступок, ему предстояло полностью испить горькую чашу поражения. И в этом Версаль облегчал будущую работу Гитлера.

История развела два немецких народа, они стали жить своей жизнью со своими укладами, хотя сторонники объединения по-прежнему сохраняли влияние по обе стороны австро-немецкой границы. В 1926 году Социал-демократы Австрии записали в программе, что рассматривают «аншлюс к Германской империи как необходимое завершение национальной революции 1918 года»⁵⁵⁵. Правые партии не любили слово «революция», но также выступали за аншлюс.

После прихода Гитлера к власти присоединение к Германии для австрийцев означало присоединение именно к нацистской Германии. В октябре 1933 года социал-демократы сняли пункт об аншлюсе из программы. Правые партии, поддерживавшие канцлера Дольфуса, также не горели желанием попасть в объятия чужого фюрера. Неудача нацистского путча 25 июля 1934 года, когда погиб Дольфус, показала не только то, что Австрия не спешит стать частью нацистского Фатерлянда, но и что независимость Австрии держится на доброй воле Муссолини, прикрывавшего Австрию от вторжения

Германии. В условиях сближения Германии и Италии новый канцлер Курт фон Шушниг был настроен на уступки Гитлеру, и 11 июля 1936 года, когда потеплели германо-итальянские отношения, заключил австро-германский договор, который обязывал Австрию согласовывать с Германией свою внешнюю политику. Шушниг отпустил более 17 тысяч нацистов из тюрем. Нацисты вновь стали влиятельной политической силой страны. Последствия их поражения в 1934 году были сняты.

Сближение с Муссолини и нерешительность стран бывшей Антанты создавали предпосылки для присоединения Австрии к Германии. 6 ноября 1937 года, подписывая Антикоминтерновский пакт, дуче заявил министру иностранных дел Германии Риббентропу, что Италию более не интересует судьба Австрии. Путь к аншлюсу был открыт.

Тем временем Шушнигу стало ясно, что своими уступками нацистам он роет могилу своему режиму и австрийской независимости. 25 января 1938 года австрийская полиция провела обыск в штаб-квартире прогерманской организации «Комитет семи» и обнаружила там письма одного из руководителей НСДАП Рудольфа Гесса с планом восстания в Австрии весной 1938 года. Новая «национальная революция» стала бы поводом, который позволял ввести немецкие войска для «наведения порядка». Для пушечной убедительности предполагалось убить и немецкого посла фон Папена, к которому Гитлер питал чувство презрения. Шушнигу казалось, что он получил важные козыри против Гитлера и сможет заставить его «придержаться» свою распоясавшуюся агентуру. Австрийские власти были возмущены и требовали объяснений. Хорошо же.

Чтобы урегулировать разногласия, Гитлер вызвал Шушнига к себе в замок Берхтесгаден. С места в карьер Гитлер обрушился на свою бывшую родину: «Вся история Австрии — это непрекращающаяся государственная измена... Этому историческому парадоксу пора положить конец... На протяжении всей истории Австрия саботировала любую национальную идею... Кто не со мной, тот будет уничтожен»⁵⁵⁶. Гитлер потребовал от коллеги ввести нацистов на ключевые правительственные посты. Шушниг по взглядам был близок к фашизму, но он вовсе не хотел отдавать Австрию Гитлеру. Его сопротивление привело к взрыву эмоций фюрера: «Стоит мне отдать приказ — и в одну ночь все ваши смехотворные пугала на границе будут сметены... Не хотите ли вы превратить Австрию в новую Испанию?»⁵⁵⁷. Нет, разумеется, австрийская элита не была готова жертвовать покоем и благополучием ради призрачной свободы. Ничего подобного испанскому свободолюбию в Австрии не наблюдалось. Если никто не придет на помощь австрийскому правитель-

ству в короткий срок, австрийская армия не устоит. Да и поддержат ли борьбу за независимость сами австрийцы, которые считают себя немцами? Защищать свободу Австрии от нацизма мало резона и для сторонников демократии, ведь гражданские свободы были подавлены в Австрии тогда же, когда и в Германии — в 1933 году.

Вернувшись со встречи, австрийский канцлер устало сказал: «Десять часов боролся с сумасшедшим»⁵⁵⁸. «Сумасшедший» полностью одолел здравомыслящего австрийца. Шушниг был вынужден согласиться на требования Гитлера, изменив состав правительства и провозгласив политическую амнистию. Нацисты были включены в правящий Отечественный фронт. На свободу вышли оставшиеся в живых участники заговора против Дольфуса и недавно арестованные австрийские нацисты.

Однако Шушниг не собирался так просто сдаваться. «Дальнейшие действия Шушнига выглядят как действия человека, которого огрели дубиной, но который понемногу обретает присутствие духа и находит себя»⁵⁵⁹.

Хитрый Шушниг выпустил не только нацистов, но и социалистов. Однако этот противовес нацизму не успел сработать, так как право на восстановление политических структур было предоставлено левым всего за неделю до падения Австрийской республики.

16 февраля по инициативе профсоюзов начался сбор подписей под резолюцией в поддержку независимости страны. За два дня было собрано более миллиона подписей. При этом между социалистами и официальными профсоюзами возникло разногласие, которое мешало сбору подписей: Шушниг потребовал включить в резолюцию слова о «христианской и немецкой»⁵⁶⁰ Австрии, что не устроило профсоюз металлистов. В результате Шушниг запретил официальным профсоюзам участвовать в сборе подписей. Но канцлер принял лидеров социалистического рабочего движения и фактически согласился на легализацию их деятельности. Социалисты обещали ему временную поддержку перед лицом Гитлера, причем один из них сказал: «Господин бундесканцлер! Нас разъединяют массовые могилы февраля 1934 года, но мы живем в одном с вами доме, и этот дом горит. Если мы сегодня вместе потушим пожар, мы завтра поговорим, какой порядок навести в этом доме»⁵⁶¹.

20 февраля 1938 года Гитлер откровенно объявил о своем плане объединения всех немцев, живущих вдоль нынешних границ Германии. Это означало открытое выдвижение территориальных претензий не только к Австрии, но также к Чехословакии и Польше, а возможно, и к Франции. «В интересы германского рейха входит защита этих немцев, которые живут вдоль наших границ, но не могут самостоятельно отстоять свою политическую и духовную свобо-

ду»⁵⁶². В состав рейха должны были войти семь миллионов австрийцев и три миллиона судетских немцев (проживавших на территории Чехословакии), что, помимо всего прочего, должно было увеличить и мобилизационные возможности Германии.

24 февраля Шушниг заявил, что Австрия добровольно свою независимость не отдаст. Тогда двадцатитысячная толпа австрийских сторонников аншлюса ворвалась на центральную площадь города Граца, сорвала австрийский флаг над ратушей и водрузила немецкий. Так началась первая организованная нацистами «контролируемая революция» — массовые выступления, позволявшие оправдывать внешнеполитическое давление и политические перевороты. Для организации «контролируемой революции» нужно было уравновесить силовые структуры государства противника. Полиция не вмешивалась. Ею уже командовал Артур Зейсс-Инкварт, сотрудник Шушнига, переметнувшийся к нацистам. События в Граце показали, что сторонники аншлюса в Австрии сильны и агрессивны. Но составляли ли они большинство?

9 марта Шушниг объявил о том, что 13 марта будет проведен плебисцит «за свободную и немецкую, независимую и социальную, христианскую и единую Австрию»⁵⁶³. Таким образом, стремясь сохранить независимость Австрии, Шушниг в то же время пытался укрепить и основы правящего режима, закрепляя в формулировке основные его ценности.

Гитлер, который так часто апеллировал к воле австрийских немцев, испугался. Австрийцы, может быть, и хотели бы объединиться с Германией, но захочет ли их большинство объединяться именно с нацистской Германией? А после провала идеи аншлюса на референдуме труднее будет добиться нейтралитета Великобритании и Франции. Гитлер потребовал от генералов начать подготовку к вторжению в Австрию.

По всей Австрии шли демонстрации сторонников аншлюса.

Великобритания и Франция умывали руки. Британский министр иностранных дел Галифакс поручил посольству в Вене передать Шушнигу: «британское правительство не может взять на себя ответственность советовать канцлеру какие-либо действия, которые могут принести его стране опасности, против которых британское правительство не в состоянии гарантировать защиту»⁵⁶⁴. Великобритания и Франция ограничились протестами по поводу вмешательства Германии в дела Австрии. МИД Германии ответил, что Великобритания и Франция не могут вмешиваться во внутренние дела немецкого народа⁵⁶⁵.

Германия потребовала отмены референдума, но когда Шушниг 11 марта согласился отложить его, Геринг продиктовал Зейсс-Ин-

квартиру следующее сообщение для австрийского канцлера: «Положение можно спасти только в том случае, если канцлер немедленно подаст в отставку и через два часа Зейсс-Инкварт будет назначен канцлером. Если в течение этого времени ничего не будет сделано, начнется вторжение германских войск в Австрию»⁵⁶⁶. Шушниг подумал, подумал, да и согласился. Однако удовлетворить требование Гитлера назначить канцлером нациста Зейсс-Инкварта отказался президент Австрии Вильгельм Миклас. Он «продержался» несколько часов, но поддался уговорам своих советников и самого Шушнига. Они убедили президента не связываться с истеричным германским диктатором. Зейсс-Инкварт был назначен канцлером и тут же потребовал у Микласа сдать дела. Миклас отказался подавать в отставку, но и от дел фактически устранился.

Зейсс-Инкварт официально отправил в Берлин телеграмму, составленную в том же Берлине, с просьбой ввести в Австрию немецкие войска для предотвращения кровопролития, которое то ли развязали, то ли собираются развязать левые силы. 13 марта Геринг говорил Риббентропу: «не забудьте, что Шушниг выступал с речами, заявляя, что Отечественный фронт будет сражаться до последнего человека, и никто не мог знать заранее, что они так легко капитулируют. Вот почему Зейсс-Инкварт, который к тому времени возглавил правительство, просил нас немедленно начать вторжение. Мы уже до этого подтянули войска к границе, так как не могли знать заранее, будет ли гражданская война или нет»⁵⁶⁷.

Муссолини согласился на аншлюс. Гитлер был в восторге: «Я никогда не забуду этого, что бы ни случилось! Если ему понадобится моя помощь, если он попадет в беду, он может быть уверен, что я буду рядом с ним, что бы ни случилось! Даже если весь мир ополчится против него!»⁵⁶⁸. Фюрер выполнит это обещание в 1943 году, когда мир ополчится против них обоих и Муссолини будет свергнут и арестован. Но помощь фюрера не надолго продлит жизнь дуче.

12 марта немецкие войска вошли в Австрию. Вместо сопротивления их ждали восторженные толпы сторонников аншлюса. Генерал Гейнц Гудериан вспоминал: «На каждой остановке танки засыпали цветами, а солдатам давали хлеб. Им пожимали руки. Целовали. Люди плакали от счастья... Улицы были полны счастливых и возбужденных людей. Поэтому неудивительно, что появление первых немецких солдат послужило сигналом к всеобщей бурной радости»⁵⁶⁹. Такие картины иногда сопровождали и другие аннексии.

Австрийские вооружения, в отличие даже от чешских, Гитлер охарактеризовал как «хлам». Но если бы Австрия решила сопротивляться, ее пятидесятитысячная армия смогла бы задержать вермахт в горах.

Фюрер приехал вскоре после авангарда своих войск. Выступая на родине в Линце, он наслаждался плодами триумфа своей политики: «И если однажды судьба принудила меня покинуть этот город, чтобы стать вождем рейха, то она же возложила на меня миссию. Этой миссией могло быть только присоединение моей любимой Родины к германскому рейху. Я верил в это, я жил и боролся ради этого, и я считаю, что теперь эту миссию выполнил»⁵⁷⁰.

Гитлер пообещал провести плебисцит об объединении.

13 марта австрийское правительство подписало закон, по которому Австрия превращалась в провинцию германского рейха. Президент Миклас отказался подписать этот документ, но на это никто не обратил внимания.

По всей стране развернулись аресты «неблагонадежных». Только после этого 10 апреля состоялся референдум о воссоединении. Голосование было практически открытым. 99,75 % проголосовали «за». Только 13 тысяч человек смогли уклониться от голосования. Кто-то был «против», хотя не осмелился высказать свое мнение. Но многие австрийцы поддержали аншлюс сознательно. В 1955 году австрийский канцлер признал: «В 1938 году было много австрийцев, которые приветствовали национал-социалистов в нашей стране. Мы не должны отрицать эти факты. Когда Гитлер в марте 1938 года вступил в Вену, на улицах находились воодушевленные массы»⁵⁷¹.

Гитлер был триумфатором. Он достиг большего, чем Бисмарк. Но он был только в начале пути. На очереди была Чехословацкая республика (ЧСР).

Пока Европа была занята Австрией, Польша под шумок выдвинула ультиматум Литве с требованием установить дипломатические отношения. Перед угрозой вторжения Литва согласилась на это. «Выдержанная в „державном“ стиле акция (ультиматум и инспирированные польскими властями демонстрации на улицах польских городов), правда, позволила нормализовать отношения с малым соседом, но одновременно навредила представлению о Польше за рубежом, ибо ее уже тогда начали обвинять в копировании немецких образцов. Международное общественное мнение не интересовалось сутью вопроса и не осознавало, насколько умеренными были польские требования»⁵⁷². Однако требования только выглядели умеренными. Суть вопроса состояла в том, что причиной отказа Литвы от установления дипломатических отношений с Польшей была аннексия последней Виленского края в 1920–1922 годах. И теперь Польша де-факто заставила Литву смириться с потерей этой территории, где находилась потенциальная столица Литвы Вильнюс. Это было очень важно и для Литвы, и для Польши. Впрочем,

вскоре Польша представит Европе еще больше оснований обвинять ее в копировании немецких образов.

Литовские претензии на Виленский край открыто поддерживал Советский Союз. 16 марта Литвинов с тревогой писал Сталину: «в Варшаве происходят воинственные демонстрации с требованием уничтожения литовской границы, то есть вторжения Польши в Литву... Мы должны что-нибудь сделать, чтобы предотвратить уничтожение Литвы». Но, с другой стороны, Польша не в том положении, чтобы вести большую войну. Чтобы обозначить равнодушие к этой проблеме, Литвинов сделал представление польскому послу, что, «не входя в оценку польско-литовского спора», СССР заинтересованы в его мирном разрешении⁵⁷³. Это разногласие и еле заметный угрожающий тон, направленный против применения силы, вскоре получит развитие в советско-польских отношениях в связи с конфликтом вокруг Чехословакии.

17 марта нарком иностранных дел СССР Литвинов заявил на пресс-конференции о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против дальнейшей германской агрессии и предложил создать международную конференцию для обсуждения возможных мер в этом направлении. Историк С. З. Случ с неудовольствием пишет, что «это заявление Литвинова все еще интерпретируется в российской историографии как конструктивная акция по организации коллективного противодействия агрессии»⁵⁷⁴, с чем сам С. З. Случ не согласен. Почему бы? Потому, что Литвинов писал Сталину, что демарш 17 марта не наложит на СССР дополнительных обязательств, достигнув цели, которая, по мнению С. З. Случа, «имела мало общего с озвученными на пресс-конференции намерениями»⁵⁷⁵. Литвинов сообщал даже не об одной, а о нескольких целях, среди которых — поддержка правительства Народного фронта во Франции, британской оппозиции Чемберлену, «приободрение» Чехословакии и других малых стран. С помощью своего заявления Литвинов также надеялся возложить ответственность за дальнейшие действия на Англию и отвлечь внимание мировой общественности от хода и последствий террора в СССР⁵⁷⁶. Приведя эти положения, С. З. Случ настаивает, что «советское руководство вовсе не собиралось предпринимать какие-либо реальные шаги, чтобы противодействовать агрессии... потому что преследовало другие цели»⁵⁷⁷. Но из документа такой вывод совершенно не следует. Более того, «приободрение» Чехословакии, давление на Великобританию и поддержка правительства Франции как раз и направлены на противодействие агрессии Германии, то есть лежали в русле намерений, озвученных Литвиновым 17 марта. Что каса-

ется более реальных шагов, то, как следовало из заявления Литвинова, они должны были быть коллективными, и тут уж мяч оказался на стороне Великобритании и Франции.

С. З. Случ считает, что репрессии, особенно в армии, фактически исключали для СССР «проведение активной внешней политики в условиях усиления агрессивных действий держав оси». И ставит вопрос: «Осознавал ли Сталин недееспособность своей внешней политики, усугублявшуюся нараставшей изоляцией СССР на международной арене?»⁵⁷⁸. С. З. Случ отвечает на этот вопрос положительно, что предопределяет последующую теорию автора об «изоляционистском курсе»⁵⁷⁹ СССР в 1938 году. Мол, Сталин боялся воевать и поэтому лишь имитировал борьбу против нацистской агрессии.

Но так ли это? Обстановка террора не помешала Сталину не только продолжить помощь Испании, что явно было признаком активной внешней политики, но и оказывать военную помощь Китаю против Японии — включая прямое военное столкновение у озера Хасан (где, как мы видели, имела место советская инициатива конфликта). Так что Сталин не считал, что СССР не обладает возможностью вести активную внешнюю политику, вплоть до использования вооруженных сил в 1938 году. Факт состоит в том, что СССР продолжал в 1938 году вести активную внешнюю политику.

Другое дело, что Сталин не собирался лезть на рожон и в одиночку воевать с Германией. Более того — он опасался, что британские и французские политики спровоцируют конфликт СССР и Германии, а сами останутся в стороне. Располагая за плечами опытом политики «невмешательства» в Испании, Сталин имел все основания не доверять Франции и тем более Великобритании. Выступив в «Правде» 14 февраля 1938 года с рассуждениями о том, как защитить СССР от внешнего вторжения, Сталин говорил о «соединении серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа», не упоминая политику коллективной безопасности. Это вызвало неудовольствие французского посла Р. Кулондра. Впрочем, нарком иностранных дел М. Литвинов разъяснил Кулондру, что «тов. Сталин не говорит, что мы отказываемся от сотрудничества с другими странами, а что эти страны все больше становятся на путь, враждебный нам, и отклоняют сотрудничество»⁵⁸⁰.

Какие же цели преследовало советское руководство, если не сопротивление продвижению германской агрессии в сторону СССР? С. З. Случ считает, что оно надеялось «остаться вне конфликта, сохранив при этом лицо»⁵⁸¹. То есть заявления советских представителей в защиту Чехословакии делались для проформы, а с самого начала до конца Чехословацкого кризиса Сталин боялся реальной

войны, потому что дезорганизовал армию репрессиями. На Дальнем востоке не боялся, а тут мечтал спрятаться под лавку.

Но для того, чтобы спокойно сдать Чехословакию Гитлеру, советским руководителям достаточно было втихую договариваться с Францией о невмешательстве (благо почва для этого там была вполне унавожена). Ведь участие СССР в военной помощи ЧСР зависело от участия Франции. Раз Сталин считал, что он дезорганизовал армию и воевать не может ни при каких условиях, советские представители ни в коем случае не должны были выступать с рискованными антигитлеровскими инициативами, критиковать и разоблачать англо-французскую политику умиротворения. Ведь время от времени ситуация была неопределенной, и позиция СССР могла «по неосторожности» спровоцировать неуступчивость англо-французских политиков в отношении Германии, войну, в которую был бы втянут СССР. Да и чехов не стоит «приободрять» — ведь того гляди станут воевать с немцами, продержатся на глазах всего мира хотя бы неделю. При виде такого героизма настроения во Франции могут измениться в сторону поддержки союзника. Тогда и Советскому Союзу не политично будет оставаться в стороне, особенно если к Франции присоединится Румыния и откроет Красной армии коридор в Чехословакию. А уж вовлечение в войну Польши — противника Чехословакии — грозило зажечь западную границу СССР. В общем, если Сталин боялся вовлечения СССР в войну, он должен был приказывать своим представителям сидеть тише воды и не выступать с грозными пресс-конференциями. И велеть им в неофициальных беседах уговаривать французов не лезть в бутылку (лицо все же нельзя терять, но тайная дипломатия — другое дело). Ничего подобного С. З. Случ в архивах пока не нашел⁵⁸².

Советские политики вели себя совсем не так, как следовало бы из «вычисленного» С. З. Случем «изоляционизма» Сталина. Они разоблачают умиротворение, стыдят французов и «приободряют» Чехословакию. А в решающий момент начнут и военными мускулами играть.

С. З. Случ оговаривает, что для Сталина было характерно «желание остаться вне международных конфликтов, пока участие в них, опираясь на одну из сторон, не принесет, с точки зрения Сталина, ощутимые, прежде всего территориальные выгоды»⁵⁸³. Это уже несколько иная точка зрения. Сталин, оказывается, не так уж боялся дезорганизации РККА из-за террора и не прочь был повоевать, «опираясь на одну из сторон». Что, собственно, и требовалось доказать, чтобы вернуться на традиционную точку зрения о готовности СССР поддержать Чехословакию вместе с Францией. Но, конечно же, нужно обвинить Сталина в том, что для него мотивом участия в войне мо-

жет быть прежде всего выгода территориальных приобретений (намек на известные обстоятельства периода 1939–1940 годов). Однако здесь уместно напомнить, что СССР активно участвовал в конфликте в Испании, не опираясь на поддержку Франции и тем более Великобритании. Неужели и в Испании Сталин преследовал цель приобретения «территориальной выгоды»? Далековато от СССР.

24 марта 1938 года британский премьер-министр Чемберлен заявил, что реализация советских предложений приведет к «тенденции к созданию замкнутых группировок стран, что... было бы вредно для дела мира в Европе»⁵⁸⁴. Последующие события показали, что Чемберлен вовсе не был против образования «группировок стран» в Европе. Лишь бы без СССР, который не признавал за Великобританией роль арбитра в европейских делах. А Гитлер с удовольствием воспользовался британским арбитражем в конфликте с Чехословакией.

Голос крови

В кризисе вокруг Чехословакии Чемберлен надеялся активнее участвовать в событиях, чем при аншлусе. «Курс действий премьер-министра был теперь намечен: одновременный дипломатический нажим на Берлин и Прагу, умиротворение Италии и определение наших строго ограниченных обязательств перед Францией»⁵⁸⁵. Чемберлен писал в частном письме в марте 1938 года: «Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Франция и мы ничего не можем сделать для спасения Чехословакии от вторжения немцев, если бы последние решились на такой шаг... Поэтому я отказался от всякой мысли о предоставлении гарантий Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами перед этой страной»⁵⁸⁶.

Идеалом Чемберлена, его сторонников в Великобритании, его единомышленников во Франции, к которым относился и премьер-министр Даладье, был мир в Европе. Под Европой понималась прежде всего Западная Европа. Это — столица мира, откуда управляется почти весь Старый свет и часть Америки. Здесь должен царить мир, иначе повторятся бедствия Первой мировой войны. Тень большой войны нависала над столицами Западной Европы, определяя поведение политиков и вовлеченных в политику масс.

Чтобы сохранить мир в «Европе», важно справиться с той напряженностью, которую породили итоги Первой мировой войны. Нужно дать какую-то компенсацию Германии за те унижения, которые она претерпела после поражения в Первой мировой войне. Иначе Германия никогда не смирится с положением дел и будет стремить-

ся к вооруженному реваншу, постоянно угрожая новым пролитием драгоценной западноевропейской крови.

Западная Европа наряду с США должна стать зоной мира и процветания, опирающейся на ресурсы колоний и полуколоний. За пределами западноевропейской зоны процветания можно творить то, что итальянцы сделали с Эфиопией, захватив ее в 1935–1936 годах. Сверхэфиопией может стать Советский Союз, который должен был замкнуть на себя агрессивную энергию немцев, стать достойной компенсацией территориальных потерь Германии. Но у Германии не было общей границы с СССР. Ее предстояло создать.

Путь Германии на восток лежал через Польшу и Чехословакию. Оба государства включали земли, населенные немцами, но в Чехословакии немцев было больше.

Чехия издревле была связана с Германией теснейшими культурными узами. Она была своего рода восточной витриной Западной цивилизации. Будучи частью Священной Римской империи Германской нации, Чехия глубокого впитала немецкую культуру, здесь выросли немецкие города. В XVIII веке родным языком образованных чехов был немецкий. И лишь в XIX веке усилиями чешской интеллигенции, говорившей по-немецки, стал возрождаться литературный чешский язык. Богемия (Чехия) стала промышленно развитой частью Австрийской империи. Но ветры национальных революций не обошли Прагу. В 1918 году Австро-Венгрия рухнула, и возникло новое государство чехов и словаков — Чехословацкая республика. Промышленно развитая Чехия, входившая ранее в австрийскую часть империи, соединилась с аграрной Словакией, прежде подчинявшейся венграм. В Чехословакии помимо 7,2 миллионов чехов проживали 3,5 миллиона немцев (более двух миллионов в Судетской области), 2,5 миллиона словаков, 0,7 миллиона венгров и полмиллиона украинцев-русинов, около 100 тысяч поляков. Польша считала, что Чехословакия в 1919 году незаконно захватила Тешинский округ (Заользье), где жили и поляки, и чехи. Венгрия претендовала на часть территории Словакии, входившей прежде в состав Австро-Венгрии. Немцы преобладали в западной Судетской области Чехии. Этот горный район был очень важен для ЧСР — здесь была расположена значительная часть промышленности и стратегически важные укрепления, защищавшие Чехию от Германии.

В межвоенный период Чехословакия сумела сохранить парламентскую демократию. На этот раз она была витриной либерального Запада и гордилась этим. Лидеры Чехословакии публично отождествляли интересы их страны с интересами Великобритании и Франции. Пройдут годы, Чехословакия станет западной витриной «Социалистического содружества». Поезжайте в Прагу, и вы увидите восточноевропейскую витрину западной Европы.

В 1938 году Гитлер решил разбить витрину.

Но у Чехословакии были надежные союзники — Франция и СССР. Франция была старым покровителем, а вот СССР еще недавно считался враждебной силой. Там не ценили демократию, за которую чехословацкие легионеры сражались в России 1918 году. Во всяком случае, так это воспринималось в общественном мнении Чехословакии. Однако президент ЧСР Эдвард Бенеш решил, что не стоит поминать старые обиды. Так, в беседе с советским полпредом Сергеем Александровским 14 октября 1936 года Бенеш рассуждал: «Наша буржуазия тоже боится, но я нашим буржуйам много раз говорил, что лучшее средство против большевизма — это демократический строй». «Когда я смеясь говорил Бенешу, что в таком случае мировая буржуазия является гораздо большим оптимистом в вопросах ближайших перспектив пролетарской революции, чем сами коммунисты, Бенеш охотно поддакивал и с достаточно заметным удовольствием рассуждал на ту тему, что коммунисты не путчисты, а дело революции — это дело народных движений, которые приносят пользу, когда они происходят в исторически созревшей обстановке»⁵⁸⁷. Бенеш таким образом показывал, что понимает и ценит новый умеренный курс СССР и Коминтерна. Президент Чехословакии говорил, что он не против соглашения с Германией. «Однако такое соглашение НИ ПРИ КАКИХ условиях не будет за счет нынешних союзов Чехословакии, к каковым принадлежит и пакт о взаимной помощи с СССР»⁵⁸⁸.

23 декабря 1937 года, когда в мире обсуждали развернувшийся в СССР террор, Бенеш говорил полпреду, что «ему уже больше года приходится „брать СССР под защиту“ перед Францией, а еще больше перед Англией, когда речь заходит об оценке внутреннего положения в СССР и его роли на международной арене... Бенеш хорошо понимает абсолютную необходимость, не только для СССР, но и для всего мира, „чистки“, которую проделал и еще проделывает „нынешний режим“ в России»⁵⁸⁹.

После заключения советско-чехословацкого договора 1935 года началось интенсивное военное и разведывательное сотрудничество между двумя государствами. 28 июня — 4 июля 1936 года в Москве прошла секретная конференция представителей разведки СССР и Чехословакии, в которой приняли участие начальник разведки полковник Гаек, помощник по агентуре подполковник Маровец, референт разведотдела по Германии майор Прохазка и военный атташе Чехословакии в СССР полковник Дастинг. Они передали советской стороне сведения о германской армии. Военные договорились о совместной военно-технической разведке в Германии⁵⁹⁰. Как сообщалось в отчете об этом мероприятии, «на заседаниях конференции по

вопросам германской военной техники и новых систем строительства германской армии „друзья“ проявляли такой большой интерес, что засиживались дольше намеченного по плану времени и высказывали глубокое удовлетворение результатами обмена.

Можно с уверенностью полагать, что „друзья“ уехали с убеждением в серьезности отношения с нашей стороны к происходящему обмену и, по моему мнению, с большим уважением к работе советской разведки...»⁵⁹¹

Сотрудничество не ограничилось только обменом данными. «Полковник Гаек благодарил за данные о немецких агентах и заявил, что чешская контрразведка уже произвела ряд арестов среди белогвардейцев»⁵⁹². Если будут документальные доказательства, он обещал арестовать и других представителей белой эмиграции, подозреваемых в террористической или шпионской деятельности. Несмотря на некоторые трения и недоверие, военное сотрудничество двух стран вышло на уровень реального союзничества — чего не было в советско-французских отношениях.

Развивалось и экономическое сотрудничество. Наркомат внешней торговли докладывал Сталину и Молотову 16 апреля 1936 года, что к 1 апреля 1936 года в ЧСР было в кредит размещено советских заказов на 240 миллионов крон и планировалось разместить еще на 10 миллионов (по курсу 10,5 крон за доллар). В СССР поставлялись оптика, станки и другая техника, кожа и др. По отдельным номинациям товары были на 30 процентов дешевле германских. Благодаря этому удалось понизить германские цены⁵⁹³.

Но были и сигналы, вызывавшие тревогу в Москве: а будет ли Чехословакия сражаться с Германией в полную силу, если та нападет? После занятия Германией Рейнской демилитаризованной зоны в марте 1936 года в Чехословакии живо обсуждали, что делать в случае предстоящего германского нападения. Так, писатель Карел Чапек говорил в беседе с советскими дипломатами: Чехословакия должна продержаться один-два месяца, «втягивая великие державы в драку, а дальше придется опять воевать чехам как легионерам»⁵⁹⁴. Полпред Александровский сообщал в Москву: «Перед лицом такой перспективы сильно растет настроение не драться с немцами. Капитулировать прилично и „в рамках Лиги наций“, оставив, таким образом, за собой все возможности всплыть на поверхность, если Германия будет побита, или пытаться ужиться, договориться с ней о каком-нибудь минимуме, если она восторжествует»⁵⁹⁵. Правый аграрий Ина говорил Александровскому, что война приведет к социальной революции, победа немцев — к национальному порабощению. «Но Германия, по крайней мере, не национализует землю и иму-

щество, а только здорово пощиплет пух, что все-таки едва ли обойдется дороже, чем длительная война и революция»⁵⁹⁶.

1 августа 1936 года полпред Александровский докладывал: «Прежде всего констатирую, что в правительственных кругах и широкой общественности Чехословакии с катастрофической быстротой нарастают капитулянтские настроения в отношении Германии и укрепляется сознание краха бенешевской концепции внешней политики, ищущей опереться на Францию и СССР под эгидой Лиги наций... С момента занятия Гитлером Рейнской зоны чехи пришли к пониманию невозможности получить реальную военную помощь от Франции. Разочарование во Франции, созданное эпохой политики Лавалля, вылилось в форму неверия в ее помощь». Если раньше линия Мажино воспринималась как трамплин для удара по Германии, то теперь — как преграда для него⁵⁹⁷. Такие сообщения не прибавляли в Москве уверенности в том, что Прага — надежный партнер в борьбе с Германией.

Но, несмотря на рост капитулянтских настроений, они, по мнению Александровского, пока не преобладали, и «Чехия готова решительно бороться за свою государственную и национальную самостоятельность. Бенеш лично мне говорил, что если чехам придется уйти из Европы, то они, уходя, так хлопнут дверью, что Европа долго этого не забудет»⁵⁹⁸. Это сочетание капитулянтства и бравады сохранялось до 1938 года, затрудняя оценку ситуации советским руководством.

Настроение чехословацких военных было деловым. 5 июля 1936 года начальник Генерального штаба РККА маршал Александр Егоров докладывал Ворошилову о своем визите в Чехословакию. Начальник штаба чехословацкой армии Людвик Крейчи говорил Егорову: «Промышленность работает по военному варианту с полной нагрузкой. В течение двух лет на вооружение будет израсходовано 10 миллиардов крон»⁵⁹⁹. После занятия Рейнской зоны нужно строить новые укрепления. Чехословакия планирует потратить 10 миллиардов крон на фортификационные работы за три — пять лет. Сначала планировалось строить германский участок, затем австрийский, венгерский, польский. «При упоминании французской помощи был замечен явный пессимизм и даже оговорка о том, что эта помощь, по времени отдаленная, имеет общестратегическое значение и исключает расчеты и надежды на непосредственное оперативное взаимодействие чехословацкой и французской армий. Более реальной помощью является Красная армия». Но для этого Румыния и Польша должны пропустить РККА через свою территорию. Крейчи убеждал Егорова, что с Румынией проблем не будет. Егоров возразил, что план похода Красной армии можно вырабатывать по-

сле согласия Румынии и когда будет известен план французов, «ибо, как известно из основ пакта, мы выступим только в том случае, когда выступают французы». Егоров настаивал, что Чехословакия должна повлиять на Румынию через Францию и Малую Антанту⁶⁰⁰.

Вероятно, Крейчи специально преуменьшал надежды на Францию — ведь он беседовал с советским представителем. Но действительно после беспрепятственного занятия Рейнской зоны и начала строительства там немецких укреплений надежды на помощь Франции несколько ослабли.

Чехословакия рассчитывала и на воздушную помощь СССР, была готова к приему 18 эскадрилий. Готовились аэродромы еще для 16 эскадрилий⁶⁰¹. Это при том, что собственная военная авиация ЧСР включала 400–500 самолетов и около 600 летчиков⁶⁰². В условиях, когда позиция Румынии оставалась неясной, а Польши — даже прогерманской, воздушная помощь могла быть наиболее перспективной.

Во время военной тревоги в Чехословакии в 1936 году советская сторона отметила для себя, что готовность чехов к сопротивлению — большой вопрос. Когда в марте 1938 года Великобритания и Франция не поддержали демарш Литвинова, в СССР это вызвало разочарование и пессимизм в отношении судьбы ЧСР. Литвинов писал полпреду Александровскому 26 марта 1938 года, что «гитлериизация Австрии предопределила судьбу Чехословакии», на твердость оппортуниста Бенеша рассчитывать не приходится, и «в теперешнем окружении Чехословакия долго существовать не может»⁶⁰³. Под окружением имелись в виду и Франция с Великобританией, столь позорно «проглотившие» аншлюс Австрии. Однако события вокруг Чехословакии развивались нелинейно. Слишком brutальный натиск Гитлера вызывал возмущение в Париже и Лондоне.

После прихода нацистов к власти в Германии в Чехии оживилось националистическое движение судетских немцев, которое приобрело нацистский характер. Была создана Судето-немецкая партия (СНП) во главе с Конрадом Генлейном. В 1935 году она заняла второе место на выборах.

24 апреля 1938 года в речи Генлейна в Карловых варах («Карлсбадский ультиматум») были выдвинуты требования широкой автономии Судет, федерализации государства и тесных связей Судет с Рейхом.

Собственно, еще в марте, до выдвижения этого ультиматума премьер-министр Чехословакии Милан Годжа уже сообщил германскому посланнику, что готовится введение широкой автономии в Судетах, где будут работать только немецкие чиновники, не будут создаваться чешские школы. При этом будет проведена широкая

амнистия для немецких националистов, а представители СНП войдут в правительство. Но территориальная автономия Судет считалась неприемлемой⁶⁰⁴.

На Лондонской конференции по Чехословакии 28–29 апреля представители Великобритании и Франции договорились оказывать давление на Бенеша, чтобы он принял требования немецкого меньшинства. Лидеры Великобритании и Франция не понимали, что вслед за этим последуют новые требования. Но Великобритания подтвердила, что готова защищать от нападения только Францию и ничем не обязана Чехословакии. В то же время Чемберлен понимал, что в случае франко-германской войны Великобритании будет трудно остаться в стороне. Он говорил Даладьё на встрече: «Невозможно учесть тех ужасов, которые последуют для Франции и Англии в результате конфликта, и сомнительно, чтобы эти две страны были достаточно сильны, чтобы навязать свою волю Германии, хотя бы ценой страданий и ужасных потерь»⁶⁰⁵. Возможно, Чемберлен был прав относительно возможностей «навязать свою волю Германии», но шансы сделать это со временем уменьшались, а экспансия Германии нарастала. На апрельской встрече Чемберлен еще утешал себя, что, скорее всего, Гитлер не желает уничтожения чехословацкого государства. Но с этой Чехословакией нужно было что-то делать, чтобы умиротворить Гитлера.

Бенеш был готов к переговорам и политическим уступкам, но 9 мая Генлейн прервал политические переговоры с правительством ЧСР и выехал в Берлин для консультаций с Гитлером. Дальнейшие события американский историк У. Ширер описывает так: «В Судетской области начались волнения с применением оружия. В течение всего мая геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о „чешском терроре“ против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела»⁶⁰⁶.

В преддверии муниципальных выборов в Судетах к границе Германии и ЧСР стали стягиваться войска. Но «витрина» была бронированной — в Судетах уже была построена мощная линия обороны. С запада ЧСР была прикрыта. Правда, после аншлюса Германия стала нависать над чешской обороной с юга, но, по оценке Гальдера, «для германской армии было практически невозможно напасть на Чехословакию с юга»⁶⁰⁷ из-за проблем с коммуникациями в этих горных районах. По оценкам Бенеша, «даже если Чехословакии не будет оказана помощь, она в состоянии драться четыре месяца, отступая на восток»⁶⁰⁸. За это время Франция могла бы спокойно нанести удар в тыл Германии. А вот передача Судет Германии сделала бы Чехословакию беззащитной.

Германские генералы и чиновники снова заволновались. Война могла привести к катастрофе Германии. Действовать ради предотвращения войны были готовы начальник Генштаба сухопутных войск Людвиг Бек, его преемник Франц Гальдер, статс-секретарь МИД Эрнст фон Вайцзеккер, командующий Берлинским военным округом генерал Эрвин фон Витцлебен, полковник абвера Ганс Остер и др. Бек предложил устроить коллективную отставку генералов, но в итоге 18 августа ушел только он. Бек и Вайцзеккер надеялись образумить Гитлера (Вайцзеккер даже пытался инициировать британский демарш, который отвратил бы Берлин от планов нападения на Чехословакию), оказывать на него давление. Остер и Витцлебен подумывали о перевороте. Но в 1938 году до практических мер не дошли⁶⁰⁹.

Но политики Великобритании и Франции воспринимали Германию как монолит, столкновение с которым несет опасность длительной войны. Опробовав умиротворение на Испании, можно было применить этот «удачный» опыт к Чехословакии. В отличие от Испании, Чехословакия не была «повинна» в революции, и умиротворение на этот раз означало чистое нарушение союзнических обязательств Франции. Признаться в таком намерении было нелегко.

Майские события вызвали полномасштабную военную тревогу вокруг Чехословакии. Вечером 19 мая чехословацкое руководство получило информацию о том, что к границам приближаются десять германских дивизий, а Генлейн мобилизует свое ополчение «Орденердинст» и готовит провокации⁶¹⁰. Разумеется, на чехословацкий запрос о перемещении войск Германия ответила, что это — обычные учения⁶¹¹. Ситуация продолжала обостряться. 20 мая у города Хэб чехословацкий пограничник застрелил двух судетских немцев, пытавшихся прорваться в Германию на мотоцикле⁶¹².

20 мая Бенеш собрал своих министров. После острых дебатов было принято решение о частичной мобилизации в ночь на 21 мая⁶¹³. Французский военный атташе Фоше выразил недовольство, что его не предупредили об этом⁶¹⁴. Этот демарш был тревожным знаком.

В ходе мобилизации было призвано 70 тысяч призывников и 100 тысяч специалистов⁶¹⁵. 21 мая Судеты были заняты чехословацкими войсками. Чешское население активно поддерживало действия силовиков, и эта мобилизация напугала генлейновцев — на улицах исчезла фашистская символика, которая прежде здесь была распространена⁶¹⁶.

21 мая послы Великобритании и Франции объявили Риббентропу, что Германии будет объявлена война в случае ее нападения на Чехословакию. Гитлер предпочел отступить, тем более что нападе-

ние еще не было подготовлено. Но он считал себя униженным и 28 мая отдал категорическое указание своим генералам готовить нападение ко 2 октября⁶¹⁷.

25 мая состоялись торжественные похороны погибших немцев. Был преподнесен венок от Гитлера, на похоронах присутствовал посол, военный и военно-авиационный атташе Германии⁶¹⁸. Но германские войска были отведены — это была военная демонстрация, прощупывание ситуации.

28 мая 1938 года чехословацкий посол Зденек Фирлингер говорил первому заместителю Наркома иностранных дел СССР Владимиру Потемкину, что во время этой военной тревоги Румыния сообщила о готовности выступить в конфликте на стороне Франции⁶¹⁹. Казалось бы, это решало проблему пропуска советских войск в Чехословакию. Но Румыния не спешила обсуждать возможность такого прохода. Бенеш опасался сорвать «тонкую игру» западных партнеров и убеждал Александровского, что запрашивать Румынию о пропуске советских войск на данном этапе «прямо опасно»⁶²⁰.

А вот Польша в лице министра иностранных дел Бека в ответ на аналогичный запрос дала понять, что Францию в случае конфликта с Германией не поддержит, если Германия прямо не нападет на Францию. «Ответ Бека признан в Париже неудовлетворительным, и в правительственных кругах, как утверждает Кулондр, уже высказываются сомнения в целесообразности дальнейшего существования франко-польского договора»⁶²¹. Более того, Польша заявила претензии на Тешинский округ и требовала решить эту проблему на таких же основаниях, как и проблему судетских немцев. Причем, чтобы обеспечить себе это небольшое приращение, польское руководство уже в начале 1938 года обсуждало планы расчленения Чехословакии, включая выделение Словакии из ее состава. В феврале Бек договорился с Герингом о координации политики в отношении Чехословакии⁶²².

По словам Бенеша Александровскому, в случае нападения Германии и ее союзников чехословацкая армия надеялась парировать удары с севера и юга и отступать на восток. Первое сражение собирались принять на Влтаве, обороняя Прагу. После падения Праги вторая линия обороны удерживалась бы на чешско-моравском плоскогорье, а третья — на моравско-словацкой границе. По планам чехословацкого генштаба, это позволяло продержаться три-четыре месяца⁶²³. А что дальше?

Бенешу не хотелось стать свидетелем кровопролития и разрушения его страны. Он все же надеялся на заключение договора с Германией при поддержке «гарантов и свидетелей». Гарантами он хотел видеть Францию и СССР, а Великобритания с ее прогерман-

ской позицией рассматривалась Бенешем в качестве «свидетеля» на случай, если Гитлер превратит договор в «клочок бумаги»⁶²⁴. При условии сохранения существующих государственных границ президент был готов идти на большие уступки, в частности — на существенное расширение прав национальных меньшинств⁶²⁵. Однако Бенеш опасался федерализации Чехословакии, потому что она могла быть использована Германией для расчленения государства. Президент был готов ввести автономию лишь отдельных районов⁶²⁶. В июне 1938 года премьер-министр Милан Годжа вел переговоры с Генлейном о вхождении судетских немцев в правительство. Им предлагалось три-четыре портфеля⁶²⁷. Но Генлейн не мог решать такие вопросы самостоятельно, а в Берлине были настроены на разжигание конфликта в Судетах.

Еще 18 мая Бенеш говорил Александровскому о французских премьер-министрах: «От Шотана можно было ожидать любых внешнеполитических колебаний и никогда не было известно, что он думает в действительности и что намерен делать. Перескакивая на сегодняшний день, Бенеш уверял, что в сегодняшней Франции Даладье является наиболее крепкой, волевой фигурой, и на него можно довольно твердо рассчитывать как на компаньона, как на союзника в борьбе. Бенеш не согласен с парадоксальным утверждением, что Франция в лице Даладье „нашла своего Чемберлена“»⁶²⁸. Увы, Даладье и Чемберлен войдут в историю как близнецы-братья.

12 июня Даладье торжественно заявил, что французские обязательства перед чехами «священны». Тогда же Чемберлен неофициально проинформировал Берлин, что был бы не против видеть Судеты перешедшими к Германии, но цивилизованным путем референдума. Великобритания не была связана союзническими обязательствами с Чехословакией, но была одним из создателей и защитников Версальской системы, в том числе и чехословацких границ.

В конце августа на Совете Лиги Наций министр иностранных дел Франции Жорж Боннэ спросил Литвинова о том, как планирует действовать СССР в случае агрессии Германии против Чехословакии. Литвинов ответил, что «все будет зависеть от образа действий самой Франции». СССР готов действовать, но Франция должна оказать давление на Польшу и Румынию, чтобы «обеспечить беспрепятственный пропуск ими советских вооруженных сил»⁶²⁹. Однако вскоре пришел ответ: «Боннэ поручает посольству информировать т. Литвинова, что попытки французского правительства оказать упомянутое воздействие на Польшу и Румынию не дали положительных результатов»⁶³⁰.

Вообще-то проход для предотвращения агрессии был предусмотрен статьей 16 пункт 3 устава Лиги наций. Но поляки не за-

бывали, что во время гражданской войны в России и в ходе советско-польской войны смогли продвинуть границу далеко на восток, включив в состав Речи Посполитой обширные территории, населенные украинцами и белорусами. Поэтому руководство Польши опасалось, что, вступив на территорию страны с самыми благородными намерениями, советские войска просто так уже не уйдут. Румыния по аналогичным мотивам боялась за Бессарабию. Подобные опасения не были чужды и Бенешу. В Чехословакии существовала сильная коммунистическая партия, и не будет ли она претендовать на власть, если советский десант высадится в Праге с дружественной миссией?

Поэтому, как писал советский историк Д. М. Проэктор, «для Бенеша всякий активный шаг англичан служил источником оптимизма, прямым доказательством его убежденности в неразрывных связях его страны с западом, который в решающую минуту станет рядом»⁶³¹. Бенеш говорил британскому послу Б. Ньютону 17 мая: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит»⁶³². Впрочем, как мы видели, советскому послу Бенеш делал противоположные заверения.

Столкнувшись в мае с возможностью внезапного начала вооруженного конфликта в Европе, Чемберлен решил взять в свои руки урегулирование судетского конфликта. Франции пришлось в этой ситуации двигаться в фарватере Великобритании. Только в этом случае Великобритания могла поддержать Францию в военном конфликте с Германией, если все средства мирного урегулирования будут исчерпаны и Гитлер все же нападет на Чехословакию.

Чемберлен послал в Чехословакию посредническую миссию лорда Уолтера Ренсимена, заручившись для него правом представлять не только Великобританию, но и Францию. Уже после завершения миссии Ренсимена право говорить с Гитлером от имени Великобритании и Франции «унаследовал» и Чемберлен. По мнению историка А. О. Наумова, Даладье при этом «недооценил масштаба политики умиротворения Чемберлена...»⁶³³ Бедный наивный Даладье. Впрочем, когда «масштаб» вскрыется во всей полноте, Даладье поддержит Чемберлена в его шагах по разделу Чехословакии. Чемберлен был «мотором» умиротворения, но и Даладье был его надежным партнером, хотя происходящее вызывало у Даладье, по-видимому, больше морального дискомфорта. Он думал о безопасности Франции и сочувствовал Чехословакии. И эти два чувства противоречили друг другу.

Прибывший в Прагу 3 августа Ренсимен гордился своей принципиальностью и готов был помочь судетским немцам. Как он писал Чемберлену по итогам миссии, «я весьма симпатизирую, однако, делу судетских немцев. Тяжело быть управляемыми чужой расой, и у меня осталось впечатление, что чехословацкое правление в Судетской области за последние двадцать лет, хотя и не означавшее активного притеснения и, конечно, не „террористическое“, было отмечено все же бестактностью, недостатком понимания, мелкой нетерпимостью и дискриминацией в такой степени, что недовольство немецкого населения неизбежно развивалось в направлении возмущения... Чешские должностные лица и чешская полиция, мало говорящие или совершенно не говорящие по-немецки, назначались в большом количестве в чисто немецкие районы. Чешские сельскохозяйственные колонисты поощрялись селиться среди немецкого населения, на землях, передаваемых им в соответствии с земельной реформой»⁶³⁴.

Посредническая миссия Ренсимена сначала дала результат — 5 сентября Бенеш принял «четвертый план», который включал почти все требования Карлсбадского ультиматума Генлейна и, по мнению Ренсимена, «при некотором разъяснении и расширении мог бы охватить их во всей совокупности». Собственно, оптимальное решение проблемы было найдено, национальные права судетских немцев могли быть полностью защищены в рамках автономии, без опасной для Европы передвижки границ. Условия для принятия «четвертого плана» были бы благоприятны, если бы стороны стремились к соглашению. Но, как писал Ренсимен, «я мало сомневаюсь в том, что именно факт этой благоприятности препятствовал их принятию более крайними членами судето-немецкой партии»⁶³⁵. К «крайним членам» относился и лидер СНП Генлейн, получавший инструкции из Берлина.

Бенеш уступал требованиям Генлейна, которые поддерживал Ренсимен. Но он не знал, сколько еще придется отступать, чтобы союзники наконец встали на сторону Чехословакии. Александровский писал о встрече с Бенешем 16 августа: «Бенеш, бывшим в глаза образом, поседел и похудел за последний месяц. Нет также прежней спокойной самоуверенности в разговоре, которая уступила место небольшой, но все же нервозности»⁶³⁶. По мнению Бенеша, Германия делала ставку на то, что чешско-немецкий конфликт в Судетах приведет к кровопролитию и станет поводом для вмешательства. Риббентроп повторяет, что «если в Чехословакии дойдет до кровопролития, то Германия не сможет остаться равнодушной. Сейчас вызвать кровопролитие в Чехословакии не составляет ни малейшего труда»⁶³⁷. Из Германии в Судеты перебрасывали оружие

генлейновцам, в Германии был сформирован судетский легион⁶³⁸. По данным чехословацкой разведки, в мае-июне Генлейн получал от Германии 8 млн марок в месяц. К августу в Чехословакию при- было нелегально, в основном под видом туристов, около 7 тысяч штурмовиков⁶³⁹. В любой момент сторонники собирания немецких земель могли начать огонь, чехословацким силовикам пришлось бы ответить сепаратистам, что стало бы поводом для германского вооруженного вмешательства. В конце августа Чехословакия нача- ла скрытую мобилизацию, с 1 октября были прекращены отпуска в чехословацкой армии⁶⁴⁰.

Задача СССР в сложившейся ситуации, как констатировал Алек- сандровский в согласии с Литвиновым, заключалась в том, что- бы всячески «замедлять»⁶⁴¹ германскую экспансию. Однако, столк- нувшись с углублением политики умиротворения в связи с аншлю- сом Австрии и отрицательной реакцией на советское предложение 17 марта, СССР стал вести себя более сдержанно. В Москве сложи- лось впечатление, что Великобритания и Франция уже вовсе не бу- дут заступаться за Чехословакию, да и сама она не очень-то готова сопротивляться. В результате СССР «зевнул» майскую военную тре- вогу, которая показала, что не все так однозначно и союзники на- строены более серьезно, чем казалось в апреле. Можно было акти- визировать политику СССР на чехословацком направлении, как пи- сал Литвинов Сталину 29 мая — «напомнить и нам о себе». Литвинов предлагал «соответствующей угрозой помешать интервенции Поль- ши»⁶⁴² (такая попытка будет предпринята в сентябре 1938 года).

Однако летом стало ясно, что, как писал в августе Литвинов Су- рицу и Александровскому, «Англия и Франция как будто взяли на себя опеку над Чехословакией, совещаются и принимают решения, нас не спрашивая, и, по-видимому, в нашей помощи не нуждаются». «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении незави- симости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-ни- будь предпринять, а последние не считают нужным добиваться на- шего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, ка- сающееся германо-чехословацкого конфликта»⁶⁴³. Все это крайне сужало возможности участия СССР в поддержке Чехословакии при всем желании это делать. Советские представители настаивали, что, «если Англия и Франция захотят и сумеют занять твердую позицию в отношении Германии, ЧС будет спасена, а европейский мир на дол- гое время обеспечен»⁶⁴⁴. Лишь в сентябре произошли события, ко- торые на короткое время создали впечатление, что это возможно.

Историк С. З. Случ обращает внимание на то, что в советском генштабе, по всей видимости, не разрабатывался план действий

РККА в случае войны из-за Чехословакии⁶⁴⁵. Может ли хотя бы это служить доказательством того, что советское руководство исключало возможность такой войны? Но, как мы видели, маршал Егоров еще в 1936 году говорил чехословацким партнерам, что конкретные планы действий можно обсуждать только вместе с французами и румынами. Действительно, как можно планировать конкретные мероприятия по проходу через Румынию, пока не известно, какой коридор Румыния предоставит?⁶⁴⁶ Что касается военных действий непосредственно на территории Чехословакии, то для этого советскому генштабу не следовало придумывать какой-то собственный план, ибо существовал план обороны, разработанный в чехословацком генштабе и известный советской стороне.

Не случайно советское руководство настаивало на тройственных франко-чехословацко-советских переговорах штабов, а не на двусторонних⁶⁴⁷. С. З. Случ считает такую позицию неконструктивной и нереалистичной⁶⁴⁸. Почему нереалистично предложение собрать представителей генштабов трех союзных держав? Почему Франция не пошла на это? В Москве это не могло не вызывать больших опасений. В СССР имели все основания опасаться, что советско-чехословацкие действия не будут поддержаны Францией, и в этом случае СССР окажется втянутым в войну с Германией без поддержки Великобритании и Франции. В такую геополитическую ловушку Сталин не собирался попадаться. Поэтому-то в текст советско-чехословацкого договора 1935 года было включено условие участия Франции в совместных оборонительных действиях. 1 сентября 1938 года СССР еще раз призвал французское правительство созвать совещание представителей трех генштабов и принять совместную декларацию Великобритании, Франции и СССР в защиту ЧСР⁶⁴⁹. 17 сентября министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта заявил, что «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору»⁶⁵⁰.

Борьба с германской агрессией была в это время важнейшей внешнеполитической ставкой СССР. Какими бы мотивами ни руководствовался Советский Союз, его позиция в оценке германской угрозы выглядит более убедительной, чем позиция западных умиротворенцев. Литвинов говорил министру иностранных дел Великобритании Галифаксу: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровскую мотивировку за чистую монету. Она делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев, и стоит эти права расширить, как опасность будет немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру так же мало дела до судетских, как и до тирольских немцев. Речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе»⁶⁵¹. В принципе, умуд-

ренные опытом английские дипломаты тоже не принимали аргументы Гитлера за чистую монету. Казалось, что Гитлер поэтапно решает задачи расширения Германии на Восток.

Позиция французов была более сложной. Расширение Германии, рост ее сырьевой базы и населения (а значит — и мобилизационных возможностей) возрождал угрозу границам Франции. Гитлер мог возвратиться к претензии на Эльзас и Лотарингию, которые Франция вернула себе в 1918 году, одержав победу в Первой мировой войне. Французские военные предупреждали Даладье, что шансы Германии удержать удар союзников с Запада невелики. Но политики думали не только о чисто военной стороне дела, но и о настроениях своего электората. Жители Западной Европы в большинстве своем и думать не хотели о мобилизации, бомбежках, новых финансовых тяготах, когда бюджет и так крайне напряжен.

Британцы взяли на себя роль мотора умиротворения. 6 августа посол Великобритании Гендерсон неофициально проинформировал германский МИД: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии»⁶⁵². 30 августа британский кабинет решил, что не следует угрожать Гитлеру войной в случае нападения на Чехословакию. Чемберлен надеялся, что в момент обострения конфликта ему удастся выступить посредником и решить проблему в личных переговорах с Гитлером.

Если Великобритания и Франция заняли бы решительную позицию, Гитлер попал бы в очень тяжелую ситуацию. Он мог либо потерять престиж, отступившись от Чехословакии, что привело бы к падению его авторитета, либо решиться атаковать Чехословакию, и тогда могли последовать поражения и даже военный переворот. Казалось, в руках Лондона и Парижа были все козыри. Но Чемберлен действовал в прямо обратном направлении. Почему?

Гитлер был немецким националистом, стратегия которого основывалась на объединении в одних границах всех немцев и расширении «жизненного пространства» на восток, за счет славян. А консервативное офицерство могло возродить дух империи Гогенцоллернов, которая стремилась к колониальной экспансии. Это прямо угрожало колониальным империям Великобритании и Франции. Чемберлен предпочитал, чтобы Германия проводила «Дранг нах остен», а не конкурировала с колониальными державами в Азии и Африке. Британский премьер понимал, что Версальская система несовершенна, равновесие, существовавшее после Первой мировой войны, уже нарушено. Теперь нужно восстановить равновесие на новой основе, сделав уступки Германии. За чужой счет. Основой для передела был признан принцип национальной принадлежности жителей. Это пока устраивало Гитлера.

Французы и рады были бы под каким-нибудь предлогом избаться от почетной, но дорогостоящей и опасной миссии борьбы с агрессором, но для этого нужно было больше аргументов. Англичане с готовностью поставляли такие аргументы — свой невозмутимый нейтралитет в этом деле. 10 сентября французский министр иностранных дел Боннэ вызвал британского посла и не без пафоса спросил его, что ответит Великобритания, если Франция спросит: «Мы выступаем, идете ли вы с нами?». Посол передал вопрос в Форин-офис. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс, известный как большой сторонник умиротворения, ответил холодным языком дипломатического протокола: «хотя правительство Его Величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции, но не в состоянии делать точные заявления о характере своих будущих действий или об их сроках в обстановке, которую оно не может сейчас предвидеть». Черчилль комментирует этот диалог: «Нужно признать, что, если Боннэ искал предлогов для того, чтобы покинуть чехов на произвол судьбы, его поиски оказались небезуспешными»⁶⁵³.

«Четвертый план» Бенеша стал неприятным сюрпризом для Гитлера — спекулировать на неравноправном положении немцев в государстве чехов было уже нельзя. 12 сентября Гитлер обрушился на Чехословакию с грубыми оскорблениями, обвиняя чехов в насилиях над немцами и обещая войти в Судетскую область. Нужно было срочно создать такие насилия. В Судетах вспыхнуло восстание местных нацистов, но через два дня оно было подавлено. Погибло несколько десятков человек. Судетские немцы — социал-демократы сражались на стороне чехов. Даже в этих условиях Бенеш был готов на переговоры с Генлейном и удовлетворение его новых условий, вплоть до вывода чехословацких войск из населенных пунктов, охваченных мятежом. Но 13 сентября Генлейн не явился на уже назначенные переговоры⁶⁵⁴. Бежав в Германию, Генлейн 15 сентября выступил по радио и потребовал передачи Судет Германии. Он провозгласил: «Мы хотим домой в Рейх»⁶⁵⁵. В Германии были арестованы 140 заложников-чехов, которые должны были быть расстреляны в случае, если чехословацкие власти казнят схваченных ими повстанцев⁶⁵⁶.

Новый виток конфликта позволил Ренсимуэну заявить о прекращении своей миссии и поделиться с Чемберленом некоторыми выводами: «Ответственность за окончательный разрыв должна, по моему мнению, лежать на г-не Генлейне и г-не Франке»⁶⁵⁷ и на тех из их сторонников внутри страны и вне ее, которые побуждали их к крайним и неконституционным действиям»⁶⁵⁸. Несмотря на это, Ренсимуэн рекомендовал Чемберлену пойти на решительные уступки, потому что теперь речь шла не об отношениях чехов и немцев, а Гер-

мании и Чехословакии: «Далее для меня стало самоочевидным, что эти пограничные между Чехословакией и Германией районы, где судетское население составляет значительное большинство, должны получить немедленно полное право самоопределения. Если неизбежна некоторая передача территории, — как я это считаю, — желательно, чтобы она была сделана быстро и без промедлений... Весьма значительное число жителей желает слияния с Германией»⁶⁵⁹. Знакомая картина.

Ренсимен понимал, что передвижка границы породит множество проблем, от стратегических и транспортных до экономических и культурных, болезненно скажется на жизни людей двух национальностей с обеих сторон новой границы. Поэтому он считает, что территориальное преобразование должно проводиться с согласия ЧСР и при ее участии. Районы с немецким меньшинством должны остаться за Чехословакией при условии предоставления немцам широкой автономии на основе «четвертого плана». При этом, чтобы успокоить Гитлера, Ренсимен предлагает сделать Чехословакию нейтральным государством, которое дает соседям гарантии, что «ни при каких обстоятельствах не нападет на них и не приступит к каким-либо агрессивным действиям против них...»⁶⁶⁰ Не было в Европе в то время более агрессивного государства, чем Чехословакия! Эти выводы были как нельзя кстати для Чемберлена, решившего действовать с максимальной активностью, дабы спасти мир.

На пути к Мюнхену

В разгар судетского мятежа Чемберлен послал Гитлеру предложение о личной встрече, чтобы «выяснить в беседе с ним, есть ли еще какая-нибудь надежда спасти мир»⁶⁶¹. План Гитлера сработал — британский лидер готов был послужить делу мира. Их с Гитлером мира.

Чемберлену было почти семьдесят лет. Он никогда раньше не пользовался самолетом, но теперь готов был лететь сломя голову к диктатору Германии, чтобы увенчать свою политическую карьеру лаврами миротворца, предотвратившего новую мировую войну. Игра стоила свеч.

15 сентября 1938 года Чемберлен прибыл в Мюнхен. Переговоры проходили в Берхтесгадене. Гитлер потребовал: «Три миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, должны вернуться в лоно Рейха». У. Ширер комментирует это заявление: «И в беседе с Гитлером, и во время выступления в палате общин Чемберлен проявил поверхностное знание немецкой истории. В обоих случаях он согла-

сил с трактовкой слова „вернуться“ в его прямом значении, хотя судетские немцы проживали на территории Австро-Венгрии, но никогда не входили в состав Германии»⁶⁶². Судеты вместе со всей Чехией входили еще в состав Священной Римской империи Германской нации, Первого Рейха. Борьба за Судеты была лишь первым шагом к захвату новым Рейхом всей Чехии.

Чемберлен подтвердил Гитлеру, что поддерживает право наций на самоопределение. Судетские немцы должны определить свою судьбу на референдуме. Но теперь ему необходимо проконсультироваться с французами. Чемберлен улетал из Германии, взяв с Гитлера слово, что до следующей их встречи Германия не предпримет силовых действий. Гитлер сумел обаять премьер-министра Великобритании: «у меня сложилось впечатление, что это — человек, на слово которого можно положиться»⁶⁶³.

16 сентября на совещании с министрами и Ренсименом Чемберлен получил поддержку курса на «самоопределение» Судет в пользу Германии. 19 сентября премьер-министры Великобритании и Франции договорились об их совместных требованиях к Чехословакии. Они считали, что «дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира». Какая трогательная забота об интересах Чехословакии. Все территории, где немецкое население составляло более половины, должны немедленно перейти к Германии для «поддержания мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии»⁶⁶⁴. Поскольку жизненные интересы явно страдали от изъятия военных заводов и оборонительных рубежей, Великобритания и Франция давали гарантии новых границ Чехословакии. Эти гарантии заменяли франко-чехословацкий и советско-чехословацкий договоры. Таким образом, СССР выдавливался из европейской политики.

О референдуме, на котором жители спорных областей должны были высказаться, в какой стране они хотели бы жить, не упоминалось. Демократическое самоопределение подменялось голым национальным принципом.

У. Черчилль писал о лидерах Великобритании и Франции: «В одном они были все согласны — с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже»⁶⁶⁵.

20 сентября этот ультиматум был отвергнут чехословацким руководством. В случае принятия этих требований (что нельзя сде-

лять без решения парламента) «были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в исключительно тяжелое положение». Чехословацкое правительство было готово пойти на арбитраж, третейский суд Лиги наций, который был предусмотрен германо-чехословацким договором 1926 года⁶⁶⁶.

21 сентября британское правительство направило правительству ЧСР ноту, в которой говорилось: «ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения... Поэтому правительство Его Величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки»⁶⁶⁷. 21 сентября чехословацкое правительство приняло британско-французские условия «с горечью» и «как нераздельное целое»⁶⁶⁸, то есть как последнюю уступку.

Тем временем напомнил о себе другой партнер Чехословакии. 21 сентября, выступая в Лиге наций, Литвинов раскритиковал как агрессоров, так и тех, кто снисходительно относится к нарушениям норм международного права. Он подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь ЧСР.

Но Польша и Румыния не давали прохода Красной армии. Более того, Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии. Подключив к чехословацкой проблеме Венгрию и Польшу, Гитлер создал новый восточный блок. Совместная дележка спланивала сильнее, чем когда-то выдвигавшиеся Барту соображения коллективной безопасности. Польша и Венгрия требовали референдума во всех частях Чехословакии. 21 сентября Польша потребовала от Чехословакии отдать Тешинский округ. Уговоры британских и французских представителей повременить с этим оказались безрезультатными — поляки отвечали, что и так слишком много ждали, и если обстановка разрядится, то Чехословакия вряд ли вернется к этой теме. 25 сентября Чехословакия в принципе согласилась на уступки Польше⁶⁶⁹.

21 сентября Бенеш объявил мобилизацию. 22 сентября генлейновцы захватили города Аш и Эгер.

22 сентября Гитлер и Чемберлен встретились в Годесберге на Рейне. Услышав условия Чемберлена, Гитлер был потрясен масштабом уступок, но решил не подавать вида и давить дальше. Теперь Гитлер требовал еще больших территорий и кратчайших сроков занятия несомненно немецких районов, а также плебисцита в остальной части Судет. Он запланировал военный удар по Чехословакии на 1 октября и не хотел менять сроки. Чемберлен, в свою очередь, был

крайне раздражен. Он понимал, что если соглашение сорвется, его политическая карьера может окончиться крахом. Ведь он и так слишком далеко зашел, убеждая политическую элиту Великобритании, что с Гитлером можно договориться. Но договориться не удавалось.

А тут еще поступило известие о начале мобилизации в Чехословакии. Риббентроп вспоминал, что Гитлер «хотел прервать переговоры с Чемберленом, когда поступило известие о мобилизации чехов. Его лицо покраснело, как обычно при гневе, и он вскочил со своего места. Поднялся и Чемберлен. Я вмешался и этим спас положение. Адольф Гитлер (позже) поблагодарил меня. В период войны он однажды сказал мне откровенно: „Знаете, Риббентроп, иногда я просто не могу контролировать себя...“»⁶⁷⁰ Встреча Гитлера и Чемберлена шла к провалу. 23 сентября Чемберлен сидел в гостинице и переписывался с Гитлером. И тогда Гитлер «пошел на уступки»: «он не стал бы занимать германскими войсками те области, в которых должен быть произведен плебисцит»⁶⁷¹. Чехословацкие войска должны быть эвакуированы из Судетской области к 1 октября. На прощание он доверительно заверил Чемберлена, что «чешская проблема — это последние территориальные притязания в Европе»⁶⁷².

Чтобы не считать переговоры полностью провалившимися, Чемберлен предложил Гитлеру изложить свои условия и согласился выступить в роли почтальона, передав их Чехословакии.

Гитлер представил Чемберлену карту, на которой к Германии должны были отойти все территории, где компактно жили судетские немцы, даже если они были в меньшинстве. Причем чешское население должно было за два дня 26–28 сентября очистить их, оставив имущество. Это было начало грандиозных переселений народов сороковых годов. Теперь перемещение границ стало сопровождаться грабежом на государственном уровне.

23 сентября министр иностранных дел Великобритании Галифакс вызвал чехословацкого посла Масарика и вручил ему немецкое послание, привезенное «почтальоном» Чемберленом. При этом Галифакс принялся убеждать Масарика, что требования надо принять. Масарик горячо возражал.

«— Когда он получит Судетскую область, он навсегда оставит Европу в покое, — возразил министр.

Посол перебил его:

— Я удивлен, это преступная наивность! — воскликнул он.

— Но в этом вопросе Чемберлен лишь почтальон.

— Надо ли тогда считать, что английский премьер является почтальоном убийцы и преступника?

— К сожалению, это так»⁶⁷³.

Одновременно британский посол сообщил об ультиматуме секретарю Бенеша И. Смутны в Праге.

Ответ Чехословакии на годесбергский ультиматум был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»⁶⁷⁴. Эта гордая формула сохраняла силу несколько дней.

Узнав об ультиматуме и благосклонной реакции на него Великобритании, 22 сентября премьер министр ЧСР Годжа подал в отставку. В Праге начался грандиозный патриотический митинг, на которой собралось около 250 тысяч человек. На нем уже председательствовал коммунист Кроснарж и выступали представители всех направлений — от правого радикала Радола Гайды до коммунистов. Генерал Ян Сыровый заявил на митинге, что армия только ждет приказа, чтобы вступить в бой⁶⁷⁵. 23 сентября он возглавил правительство.

24 сентября после совещания с Даладье министр Кот заявил журналистам, что «Франция выполнит свой долг по отношению к Чехословакии»⁶⁷⁶.

Германия развернула против Чехословакии 37 дивизий (в том числе 7 танковых и моторизованных). Еще 14 дивизий нужно было держать против Франции и 8 в резерве. Чехословакия развернула 25 дивизий и еще 8 бригад. Соотношение по артиллерии было более 15 200 на 5700 орудий, по авиации — более 3300 на более 1500, по танкам — 2400 на около 400 танков и танкеток. Чехословацкая армия опиралась на 8 крепостей, 725 тяжелых дотов и 8774 дзота. Франция мобилизовала полтора миллиона человек, из которых развернула на границе с Германией 896 тыс. (37 дивизий) при более чем 1200 танков и 1600 самолетов. За спиной Франции стояла Великобритания с 20 дивизиями (400 тыс.) при 375 танках и более 1700 самолетов первой линии. Соотношение сил было явно не в пользу Германии. Правда, против Чехословакии разворачивалась группировка польских войск почти в 36 тыс. при 270 орудиях, более 100 танков и танкеток и более 100 самолетов. Но к польской границе выдвинулись почти 270 тыс. красноармейцев при более чем 2200 орудий и 2000 танков. На Волыни, близ советских границ, проводили учения пять польских дивизий и другие войска⁶⁷⁷.

25 сентября Чемберлен встретился с французским генералом Гамеленом, который проинформировал британского премьера: пока Чехословацкая армия будет сдерживать вермахт в Судетах, французы могут прорвать германский фронт на недостроенной линии Зигфрида. Правда, за это придется заплатить французской кровью, которой и так немало было пролито еще на полях Первой мировой войны.

И все же Чемберлен делал все, чтобы избежать войны между Великобританией и Германией. Его имя было связано с линией мира, а война вела к непредсказуемым последствиям, революционной перестройке Версальской системы в какую-то новую, явно с более широким участием СССР. Этого английские консерваторы не желали.

26 сентября Чемберлен вынужден был предупредить Гитлера — если он вторгнется в Чехословакию, Франция, а в этом случае и Великобритания, объявит Германии войну. В ответ в своей очередной речи Гитлер разразился проклятиями в адрес Чехословакии и не оставил сомнений у мира — фюрер Германии готов к нападению. Несмотря на крайнее возбуждение, Гитлер не забыл поблагодарить Чемберлена за миротворческие усилия и напомнить, что если Чехословакия отдаст Судеты, ей ничего более не будет угрожать: «нам не нужны чехи». И вообще, «это мое последнее территориальное притязание к Европе»⁶⁷⁸. Это была ложь.

В Англии с ужасом ждали удара немецкой авиации. Из Лондона, готовившегося к бомбардировкам, эвакуировали детей. 29 сентября НКВД сообщал Ворошилову: «Франция спешно готовится к войне. Официально рекомендуется гражданам покинуть Париж и поселиться в провинции»⁶⁷⁹.

Войска Франции, Германии и Чехословакии занимали позиции вдоль границы. Венгрия и Польша надеялись на свой кусок Чехословакии. Но Румыния и Югославия предостерегли Венгрию от вмешательства, а Италия и не думала о мобилизации. Британский флот готовился к выходу в море, готовясь блокировать германское побережье.

Как ни подсчитывай соотношение сил, «1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и третьего рейха»⁶⁸⁰, — считает У. Ширер.

СССР настойчиво подтверждал, что если Чехословакия попросит, то он готов выполнить военные обязательства перед ней. Нужно только уговорить Польшу или Румынию пропустить войска через их территорию.

22 сентября замнаркома иностранных дел СССР Потемкин подтвердил чехословацкому послу Фирлингеру, что СССР готов соблюдать советско-чешский пакт, но советскому руководству не ясно, как поведет себя Чехословакия и Франция⁶⁸¹. В этих словах чувствовался скепсис и раздражение — вопрос о проходе советских войск к границам Чехословакии все еще не был решен. 23 сентября Фирлингер торжественно заявил Потемкину, что «новое правительство

Чехословакии проникнуто твердой решимостью оборонять независимость страны, даже в том случае, если бы Чехословакия осталась совершенно одинокой»⁶⁸².

Историк С. З. Случ обнаружил «кардинальное» изменение в политике СССР в отношении Чехословакии по мере усиления германской угрозы. В 1935 году, подписав договор о взаимопомощи с Чехословацкой республикой, Советский Союз обещал оказать ей помощь независимо от того, имеются ли договоры с Польшей и Румынией. А вот теперь, когда немец у ворот, СССР предлагает действовать с учетом «неизбежно ограниченных возможностей»⁶⁸³. Как мы видели, этот вопрос СССР поставил не в 1938 году, а гораздо раньше — в частности, в 1936 году. Но в принципе — значит ли это, что СССР отказался помогать Чехословакии? Нет, не значит. Советские представители пытались поставить вопрос в практическую плоскость. Без пропуска войск к границам ЧСР вопрос о помощи сводился только к авиаподдержке, да и то в случае, если Румыния или Польша разрешили бы пролет самолетов.

Так что нет никакого «кардинального» изменения, которое позволило бы представить СССР таким же «умиротворителем», какими были Великобритания и Франция. С. З. Случ считает, что, заявляя о готовности оказать помощь, СССР преследовал пропагандистские цели и стремился «убедить мир, с одной стороны, в готовности прийти на помощь Чехословакии, а с другой стороны, в невозможности осуществить эту помощь в силу различных, преимущественно якобы не зависящих от Советского Союза причин»⁶⁸⁴. Ключевым словом здесь является «якобы». «Якобы» от Советского Союза не зависело то простое обстоятельство, что общей границы с Чехословакией у СССР не было вообще. Советские войска могли попасть в ЧСР только через территорию других стран, которые в проходе отказывали. Если СССР просто работал на свой имидж, непонятно, зачем было добиваться согласия на проход войск, просить французов и англичан давить на своих союзников румын и поляков. А вдруг румыны согласились бы пропустить Красную армию в Чехословакию?

23 сентября Литвинов даже предложил Сталину объявить «хотя бы частичную мобилизацию» и развернуть такую кампанию в прессе, чтобы убедить Гитлера и Бека в перспективе реальной войны. Но Сталин не согласился на такие действия⁶⁸⁵. Ведь объявление о мобилизации российской армии в 1914 году уже привело к войне еще до вмешательства Великобритании и Франции. Но теперь не было уверенности в выполнении Францией своих союзнических обязательств. Так что шуметь о мобилизации не стоило. Однако на практике неофициальные мобилизационные мероприятия Сталин санкционировал.

23 сентября СССР пригрозил Польше, что в случае ее вооруженного вторжения в ЧСР будет разорван советско-польский пакт о ненападении. Польское правительство ответило резко, отвергнув вмешательство в дела Польши с Чехословакией. По мнению С. З. Случа, такая «дипломатическая пощечина» была возможна «только в отношении государства, чьи позиции на международной арене в тот момент котировались крайне низко»⁶⁸⁶. Впрочем, Польское государство и в дальнейшем жестко отвергало советские предложения. Известно, чем это закончилось в 1939 году.

Возражая С. З. Случу, М. И. Мельтюхов показывает, что СССР сосредоточил на границе Польши 6 армейских групп, которые готовились к выступлению как против немцев, так и, если придется, против поляков. В конце сентября в боевую готовность была приведена часть войск Киевского, Белорусского и других военных округов. Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек⁶⁸⁷. Частичная мобилизация проводилась, просто без лишнего шума.

Было немаловажно, что Чехословакия имела «потенциальное значение авиационной базы России»⁶⁸⁸. Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нарком обороны СССР доложил о готовности к переброске в ЧСР 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2690 самолетов — внушительная по тем временам сила.

С. З. Случ выступает против того, чтобы считать маневры Красной армии «свидетельством стремления Кремля оказать реальную помощь Чехословакии, выходящую за пределы договорных обязательств»⁶⁸⁹, не поясняя, правда, против кого направлена критика, кто, собственно, утверждает, что СССР собирался выходить за пределы договорных обязательств. Ниже С. З. Случ полемизирует с критиковавшим его ранее М. И. Мельтюховым, который писал: «Если принять точку зрения С. З. Случа, то Москве вообще не нужно было предпринимать никаких военных мер», так как право на проход войскам не было предоставлено. «Тем не менее советское руководство посчитало себя обязанным подготовиться на случай возникновения войны в Европе, что, несмотря ни на какие сомнения, все же служит решающим свидетельством его готовности поддерживать своих союзников в войне с Германией. Вместе с тем в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации»⁶⁹⁰. Где же тут выход «за пределы договорных обязательств»?⁶⁹¹

Судя по его действиям, советское руководство хотело ввести войска в Чехословакию, стать участником решения важнейших европейских проблем, после чего с СССР уже нельзя было бы не считаться. Но этого очень не хотели в Лондоне. Там возможности РККА

оценивали крайне низко, о чем помощник Чемберлена Горас Вильсон откровенно сообщил Майскому еще 11 мая⁶⁹².

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир в этой безвыходной ситуации. 26 сентября он направил Гитлеру новое предложение о встрече. Взвесив ситуацию, Гитлер 27 сентября направил Чемберлену телеграмму, в которой предложил передать это дело «на ваш суд», обсудив способ проведения плебисцита в Судетах. Почувствовав, что «дело мира» еще не проиграно, Чемберлен по новой принялся давить на Бенеша. На этот раз он угрожал, что после новой европейской войны Чехословакия не сумеет сохранить свои прежние границы, чем бы война ни кончилась. В 1945 году Чехословакия была восстановлена в довоенных границах. Она была признана победителями Гитлера своей союзницей. Но только ее пришлось отдать целиком в советскую сферу влияния.

Смысл политической философии западной властной элиты Чемберлен изложил в своей речи вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, невысказанно! Мы роём траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»⁶⁹³ Полезно больше знать о людях, судьбы которых берешься решать.

Отвечая Гитлеру, Чемберлен заявил: «Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации»⁶⁹⁴. Даже непродолжительная война в Европе могла, по мнению Чемберлена, привести к гибели неустойчивого порядка вещей, который британский премьер считал цивилизацией. Муссолини говорил своему министру Чиано: «Англичане не хотят воевать. Они стараются отступать, отступать как можно медленнее, но не воевать»⁶⁹⁵.

Одновременно и Муссолини, в чьи планы война с сильным противником совершенно не входила, стал уговаривать Гитлера пойти на переговоры с британцами. Откликнувшись на призыв Чемберлена, дуче выступил с инициативой новой международной конференции по Чехословакии. Поняв, к чему клонится, французы, которым предстояло воевать на суше, решили превзойти Чемберлена по щедрости за чужой счет. Министр иностранных дел Франции Бонне предложил план, по которому почти все требования Гитлера удовлетворялись немедленно.

Теперь можно было созывать конференцию. Гитлер взял инициативу этого дела в свои руки, пригласив в Мюнхен представителей Великобритании, Франции и Италии. Но не Чехословакию. И союзники Чехословакии, кроме проигнорированного Гитлером Советского Союза, с этим согласились. Получив приглашение в Мюнхен,

Чемберлен зачитал телеграмму Гитлера в парламенте. Она вызвала восторг в палате депутатов, которые в экстазе кидали вверх бумаги и славили мудрого премьера. Мюнхенская встреча стала решенным делом.

«Дело мира» восторжествовало. Но, встречая Муссолини по пути на конференцию, Гитлер сказал: «Наступит время, когда нам придется бок о бок сражаться против Англии и Франции»⁶⁹⁶. Муссолини живо поддержал беседу. Два года спустя, когда речь зашла о высадке на Британских островах, дуче писал фюреру: «Я сказал вам в Мюнхене о прямом участии Италии в штурме острова»⁶⁹⁷.

Направляясь в Мюнхен, Чемберлен телеграфировал Бенешу: «Я еду туда с намерением попытаться найти компромисс между позициями чешского и немецкого правительств». Бенеш ответил: «Я прошу ничего не предпринимать в Мюнхене, пока не будет заслушана Чехословакия»⁶⁹⁸. Но Чехословакию пустили только в предбанник конференции.

Гитлер открыл Мюнхенскую конференцию днем 29 сентября небольшим докладом о том, что «существование Чехословакии в ее настоящем виде угрожает миру в Европе»⁶⁹⁹. Он обещал войти в Судетскую область до 1 октября, но предпочел бы сделать это без вооруженных столкновений. Часть районов будут заняты немедленно, часть — после плебисцита. Чемберлен выразил свою радость тем, что «это совещание дает Европе новую передышку, в то время как еще вчера катастрофа казалась в непосредственной близости. Он вполне согласен с тем, что нужно действовать быстро, и он особенно приветствует заявление фюрера о том, что он не хочет применять насилие, а желает создать порядок»⁷⁰⁰. Муссолини был рад такому согласию лидеров Германии и Великобритании и заявил, «что, в принципе, все уже договорились и что сейчас речь идет только о том, чтобы превратить теорию в практику»⁷⁰¹. Даладье успокаивал себя тем, что «чешское правительство дало свое слово и должно его сдержать»⁷⁰². Правда, правительство ЧСР вовсе не давало слово соглашаться со всем, о чем договорятся в Мюнхене.

Муссолини предложил создать комиссию, которая решит все спорные вопросы, в которую войдут представители высоких договаривающихся сторон и Чехословакии. В порядке «компромисса» срок окончания эвакуации переносился на 10 октября. Чемберлен попытался заступиться за «священное право собственности» и задал вопрос: «Означает ли это, что фермеров вышлют, а их скот останется?». Но Гитлер утверждал, что скот угоняют чехи у немцев, и вообще не стоит отвлекаться на такие мелочи, когда решается проблема «европейского значения»⁷⁰³.

Чехословацких представителей пустили только в соседнюю с переговорами комнату. Таким образом, Чехословакия была низведена до положения страны, потерпевшей военное поражение от победоносной коалиции, заседавшей в основном зале.

Вечером 29 сентября Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладьё поставили свои подписи под соглашением. 1–10 октября немецкие войска должны были занять обширные территории, превышавшие по размерам Судеты. Чехословакия несла ответственность за сохранность сооружений и имущества, которое оставалось немцам. Международная комиссия, в которую пустили и представителей Чехословакии, должна была решать все спорные проблемы и затем провести референдумы в районах со смешанным населением — жители сами должны были определить, кому они будут принадлежать⁷⁰⁴. Такое право не давалось больше никому в Европе. Впрочем, судетским чехам этого права тоже в итоге не предоставили. Комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера, референдумы отменили 13 октября — все смешанные территории были переданы Германии. Лишь бы не было войны. Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии. Германия согласилась присоединиться к этим гарантиям, когда будут удовлетворены претензии также Венгрии и Польши⁷⁰⁵.

После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен и Даладьё вызвали представителей расчленяемой страны. Делегация во главе с послом Войтехом Мастны и представителем МИД Хубертом Масаржиком ждала результатов уже несколько часов. В 10 вечера Вильсон коротко проинформировал представителей Чехословакии о предстоящем решении, но на возражения отвечать не стал. В полвторого ночи представителей ЧСР пригласили в зал, который уже покинули германская и итальянская делегации. Масаржик рассказывал: «Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вступительном слове упомянул о только что заключенном соглашении и дал г-ну Мастны для прочтения текст соглашения... Пока г-н Мастны говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно зевал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил г-да Даладьё и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладьё, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план принятым и что наше прави-

тельство должно сегодня, не позже 5 час. утра, послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии»⁷⁰⁶.

Зато Чемберлен не отказал себе в удовольствии еще раз побеседовать с Гитлером, предложив ему дальнейшее развитие мюнхенской дипломатии для решения оставшихся в Европе кризисов и проблем, включая проблему Испании и... России. Гитлер подписал предложенное Чемберленом коммюнике, в котором определялось, «что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран», что позволит «содействовать обеспечению мира в Европе»⁷⁰⁷. На очереди были Польша, Румыния и Литва.

На родине Чемберлена встречала восторженная толпа лондонцев, исполнявшая хвалебную песнь «Потому что он прекрасный парень» в честь «старого доброго Невилла». «Прекрасный парень» взмахнул текстом совместного заявления с Гитлером и произнес историческую фразу: «Вот уже второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит вернулся почетный мир. Я верю, что этот мир продлится в течение всей нашей жизни»⁷⁰⁸. Чемберлен явно потропился сравнить свой мир с победой в Первой мировой войне. До начала Второй мировой войны (в Европе) оставалось меньше года.

Рузвельт направил Чемберлену короткую телеграмму: «Молодец»⁷⁰⁹.

Комментируя Мюнхенское соглашение, антагонист Чемберлена в правящей консервативной партии и его будущий преемник Черчилль писал позднее: «Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть... Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой, имевшей печальные последствия... Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь»⁷¹⁰.

В то же время Черчилль считает, что Великобритания сумела использовать 1938–1940 годы для перевооружения своей авиации на современные истребители «Харрикейн» и «Спитфайр». Правда, в то же время военная мощь Германии тоже продолжала расти.

Первый лорд адмиралтейства Альфред Дафф Купер ушел в отставку. Бурю возмущения вызвала речь Черчилля, который в это время был «рядовым депутатом», но фактически — лидером «агрессивного» крыла консервативной партии. Черчилль заявил: «Мы потерпели полное и сокрушительное поражение»⁷¹¹. Сторонники Черчилля (30–40 депутатов) воздержались при голосовании по поводу Мюнхенского соглашения, так как не хотели оказаться вместе с лей-

бористами и либералами, которые прямо проголосовали против правящего кабинета. Но большинство депутатов было в восторге от Мюнхенского договора. Только в Москве и в Праге говорили о Мюнхенском сговоре.

Мюнхенский сговор стал сегодня универсальным аргументом в исторических спорах. Это одна из самых позорных страниц западноевропейской дипломатии. Но и защитникам «европейских ценностей» есть, о чем порассуждать в связи с трагическими уроками 1938 года. Ведь в рядах западноевропейских политиков был не только Чемберлен, но и Черчилль.

2014 год принес новые аналогии. Допустимо ли силовым путем присоединять территории соседнего малого государства, даже если большинство этнически близкого населения с этим согласно? К чему приведет такой слом системы международных отношений?

Получив условия договора, Бенеш выразил протест и в десять утра 30 сентября капитулировал. После полудня министр иностранных дел Крофта от имени президента и правительства сообщил иностранным послам о принятии условий Мюнхенского договора. Ему осталось только пророчествовать: «Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить нашему народу спокойную жизнь. Не знаю, получают ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других»⁷¹².

5 октября Бенеш подал в отставку и позднее покинул страну. На прощание Бенеш заявил: «На Востоке Чехословакия имеет друга, заверившего ее в своей помощи и до конца оказавшегося верным своим обязательствам, чего забывать нельзя и на что нужно ориентироваться»⁷¹³.

Дальнейшая судьба Бенеша символична. Он уехал в США. Был профессором Чикагского университета. В 1940 году создал Национальный совет Чехословакии, который был признан странами антигитлеровской коалиции законным правительством ЧСР. После освобождения Чехословакии Бенеш вернулся в страну и в 1945 году был снова избран президентом. Он пытался проводить политику дружбы и с СССР, и со странами Запада. Но Чехословакия не могла быть витриной сразу двух миров. Она попала в советскую сферу влияния, и в феврале 1948 года власть захватили коммунисты. В июне того же года Бенеш, лишенный реальной власти, снова ушел в отставку в знак протеста и в сентябре того же года умер.

30 ноября 1938 года Эмиль Гаха, председатель Верховного суда, был избран президентом ЧСР. Он надеялся сохранить целостность того, что осталось. Словаки получили широкую автономию. Само государство стало теперь писаться через дефис: «Чехо-Словакия». Но

территория Чехо-Словакии неуклонно сокращалась. «Польша и Венгрия, угрожая применением военной силы против беззащитной Чехословакии, словно стервятники, поспешили урвать свой кусок»⁷¹⁴. Польша захватила Тешинский округ. Причем Бек копировал Гитлера в ультимативности — несмотря на принципиальное согласие Чехословакии на уступки, он потребовал под угрозой объявления войны немедленного очищения чехословацкой армией Тешинского округа до дня 1 октября⁷¹⁵. Интересно, что под шумок Польша заняла и населенный преимущественно немцами городок Богумин, что стало неприятным сюрпризом для германских партнеров. Впрочем, у Гитлера были такие масштабные планы по поводу Польши, что он решил потерпеть эту выходку. Комментируя польское участие в разделе Чехословакии, Черчилль пишет: «Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери... Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа»⁷¹⁶. Черчилль напрасно корит поляков за неблагодарность в отношении Великобритании и Франции — те официально предоставили Польше и Венгрии право на разграбление поверженной крепости, гарантировав и «новые» границы Чехо-Словакии.

Венгрия, когда-то владевшая Словакией, теперь заняла территорию, где жило 500 тыс. венгров и 272 тыс. словаков. Эти приобретения были гарантированы Германией и Италией 2 ноября — англичан и французам уже не спрашивали. Но они охотно подтвердили свое согласие и на этот передел. К 20 ноября победители определили, что Чехо-Словакия должна отдать Германии территорию, на которой проживало 2 миллиона 800 тыс. немцев и 800 тыс. чехов. Там находилось 70 % черной металлургии, 66 % каменного угля, 80 % текстильной промышленности, 86 % сырья химической промышленности ЧСР.

Германия, избавленная от угрозы военной катастрофы, ликovala и превозносила мудрость своего фюрера. Американский свидетель событий пишет о причине нового взлета авторитета Гитлера: «Он изобрел и применил на практике с невероятным успехом стратегию и методы „политической войны“, сводившей на нет необходимость войны как таковой»⁷¹⁷. Начальник оперативного управления штаба вермахта Альфред Йодль с восторгом записал в дневнике: «остаётся надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»⁷¹⁸.

Гитлер говорил позднее: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас — мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план. Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали»⁷¹⁹. Это была первая недооценка военной мощи противника, но не последняя. Пока Гитлер сталкивался с западными политиками, его спасало психологическое чутье. Он чувствовал, что его давлению будут уступать. Впрочем, фюрер был недоволен, что не смог продемонстрировать военную мощь, и говорил о Чемберлене: «Этот парень испортил мое вступление в Прагу»⁷²⁰.

Собираясь с триумфом въехать в Прагу, Гитлер воскликнул: «Я войду в историю как величайший деятель Германии!». Если бы он остановился на этом, то вошел бы в германскую историю как объединитель нации, превзошедший Бисмарка. А Европа стала бы иной. Ведь и новые германские приобретения были признаны государствами Запада. Однако Гитлер надеялся превзойти еще и Наполеона.

Собирание немецких земель Гитлером привело к слому системы международных отношений. Конечно, Версальская система имела множество недостатков, которые могли быть преодолены путем переговоров. Однако если ради национальной консолидации «национальные лидеры» встают на путь силовых действий — дело идет к большой войне, какие бы уступки агрессору ни делались сначала ради его умиротворения. Это только стимулирует аппетит.

Глава VI

ОТ ПАКТА К ПАКТУ

В 1938–1939 годах судьбу мира решало немногочисленное общество людей, перемещавшихся по Европе с дипломатическими визитами, беседовавших в формальной и неформальной обстановке. Осенью-зимой 1938 года судьба эта казалась почти решенной. СССР был выдавлен из Европы на рубежи допетровских времен, и ему предстояло стать еще одним «Китаем» или «Эфиопией» — пространством, где Германия и Япония могли решить свои проблемы, растратив накопившуюся агрессивную энергию. На этот раз Германии предстояло действовать не как нарушителю спокойствия, а как авангарду цивилизованного человечества, проводить жандармскую акцию против «красных варваров». Рейх вернулся в лоно цивилизованных держав в Мюнхене и готов играть по правилам, то есть применять силу в нужном направлении с согласия главных цивилизованных стран. Европейские весы застыли в правой точке.

Но что-то не ладилось. Гитлер и Муссолини продолжали бросать на правую чашу все новые гири. Весы содрогались, грозя просыпать накопившийся на них драгоценный груз европейской цивилизации.

ВЫБОР МИРОПОРЯДКА И ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА ЗАКАРПАТЬЯ

30 января 1939 года Гитлер в своем праздничном выступлении в годовщину прихода к власти объявил Центральную Европу германской сферой влияния, куда Великобритания и Франция вмешиваться не должны.

24 октября 1938 года Главное командование ВМФ Германии подготовила записку «Война на море против Англии», которая обосновывала план Z — строительство флота, достаточного для победы над Британией на море. Этот план был рассчитан до 1945 года⁷²¹. Раньше победить Великобританию и ее союзников было бы затруднительно. Но уже после Мюнхена Гитлер думал о том, как ее разгромить. Он не собирался быть цепным псом Чемберлена. Германской империи было тесно на одной планете с Бри-

танской империей. Но до 1945 года у Гитлера было еще много дел на востоке Европы.

По мнению германского историка Х. Грамля, «после Мюнхенского соглашения Гитлер несколько недель колебался, а потом он сделал единственно возможный вывод для человека того склада и таких аналитических способностей: если иллюзия ведения завоевательной войны на Востоке в союзе с Англией развеялась, то так называемое оперативное экспансионистское планирование подлежит решительному изменению, что означает создание ясных отношений на Западе для защиты тыла во время завоевательного похода на Восток»⁷²². Иными словами, в начале 1939 года Гитлер принял окончательное решение сначала ударить по Великобритании и Франции и только потом завоевать СССР. Вообще-то Гитлер не планировал войну с СССР именно в союзе с Британией, и он получил достаточно сигналов в пользу того, что Британия не против того, чтобы посмотреть со стороны на советско-германскую войну. Но Британия не соглашалась на полный контроль Германии на востоке Европы, на превращение Польши в германского вассала. Ввязываться в поход на СССР, когда ему дышат в затылок, Гитлер не хотел. 8 марта он сообщил ближайшему окружению о намерении сначала сокрушить Запад, а уже потом уничтожить СССР.

Французы тем временем продолжали развивать мюнхенский «успех», заключив 6 декабря 1938 года с Германией пакт о ненападении. При этом Риббентроп оговорил, что заключение пакта «не означает отказа от законных германских требований на ее бывшие колонии, которые сейчас находятся под французским мандатом»⁷²³.

Позиция французских политиков зависела от точки зрения военных. В высшем военном руководстве Франции шла дискуссия между адмиралом Франсуа Дарланом и генералом Морисом Гамеленом. Последний, «несмотря на свою должность „начальника Генерального штаба национальной обороны“, был скорее *primus inter pares*⁷²⁴, он осуществлял координацию, но на деле не имел права отдавать приказы начальникам штабов военно-морского флота, воздушных сил и колониальных войск»⁷²⁵. Отвечая прежде всего за сухопутные силы, Гамелен видел главным противником Германию. Начальник штаба ВМФ Дарлан был впечатлен антифранцузской истерией, которая раскручивалась в Италии. 30 ноября 1938 года депутаты палаты фаши и корпораций в присутствии французского посла Франсуа-Понсе стали скандировать: «Корсика! Ницца! Савойя! Тунис!». По мнению Дарлана, нужно было защищать империю от итальянцев и не вступать в конфликт с немцами, у которых нет интересов в Северной Африке. Муссолини, таким образом, предоставлял Гитлеру дополнительную свободу рук.

Президент Чехо-Словакии Гаха решил, что подавление национальных движений поможет сплотить страну перед лицом внешней угрозы, и сам предоставил Гитлеру новые козыри: 6 и 10 марта 1939 года он объявил о роспуске автономных правительств Словакии и Закарпатской Украины, 9 марта силой отстранил от власти председателя словацкого правительства Йозефа Тисо. В Словакии было введено военное положение. Но автономное правительство, гарантированное державами, не могло быть уничтожено — новым премьером Словакии стал ее представитель в Праге Сидор. 11 марта на заседание словацкого правительства неожиданно прибыли соседи — германский имперский наместник Остмарка (Австрии) Зейс-Инкварт в компании пяти генералов. Они объяснили словакам, что необходимо немедленно провозгласить независимость. Иначе Гитлер перестанет защищать словаков. Словацкое правительство, сформированное из сторонников сохранения Чехословакии, упрямылось. Тогда немцы изменили угрозы — Словакия может быть присоединена к Венгрии. 8 февраля Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Платой за это должна была стать благосклонность Гитлера к венгерским территориальным требованиям в Словакии и Румынии.

14 марта независимость Словакии была провозглашена, Тисо вернулся к власти, опираясь на радикально-националистическую «глинковую гвардию» Словацкой народной партии.

Германия ультимативно потребовала от Чехии признать независимость Словакии. Чехи не могли подавить сепаратистов в Словакии — германские войска нависали со всех сторон. Против Чехии было сосредоточено около 200 тыс. солдат. Вермахт занял Моравскую Оставу. Это было начало оккупации Чехии⁷²⁶.

Согласившись на новый раздел страны, Гаха тут же давал англичанам повод отказаться от гарантий — ведь государство, границы которого гарантировались, распадалось «само собой». Его более как будто бы не было. 14 марта растерянный Гаха прибыл в Германию, чтобы добиться справедливого суда у Гитлера. Нет, чешский президент не собирался чего-то требовать, он интересовался, «следует ли вообще Чехословакии оставаться независимой?»⁷²⁷

Оказалось, что Гитлера занимает та же проблема. Или чехи согласятся войти в состав Рейха, получив «автономию и определенную национальную свободу... привычный образ жизни»⁷²⁸. Или их ждут бомбардировки с воздуха и террор. Гитлер играл с Гахой, как кошка с мышкой. После сердечного приступа Гаха 15 марта подписал соглашение, в соответствии с которым он был «готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки Фюрера и Германского Рейха»⁷²⁹.

Гаха, который формально остался президентом до 1945 года, заслужил для чехов привычное для них место витрины — на этот раз витрины захваченной Рейхом территории. Чехия стала протекторатом, а протектором был назначен умеренный нацист Нейрат. 15 марта по приглашению Тисо немецкие войска вошли в союзную Словакию, чтобы готовиться к боям за Польшу.

Казалось бы, Чемберлен должен был немедленно отреагировать на столь очевидное нарушение Мюнхенского соглашения. Как пишет британский историк Л. Кеттенаккер, «премьер-министр со всем его габитусом — цилиндр, стоячий воротничок, зонтик и ледяная манера поведения, — который являлся воплощением британской сути, был посрамлен перед всем миром коварным континентальным диктатором, социальным ничтожеством»⁷³⁰. Но, оказывается, он со всем своим габитусом был готов и это стерпеть.

Сначала британский премьер отнесся к ликвидации Чехословакии спокойно. Все это было весьма некстати. 15 марта в Дюссельдорфе было заключено германо-британское экономическое соглашение о разделе мировых рынков. Франция вела аналогичные переговоры с Германией. Мир можно было делить, а с Европой все никак не получалось.

Кулондр назвал Чемберлена «миссионером, попавшим к лудедам»⁷³¹. Если Чемберлен и был миссионером, то явно из ордена иезуитов. Британский премьер выступил в парламенте и, несмотря на явный акт агрессии, защищал мюнхенскую политику, высказал очень осторожные упреки в адрес Гитлера и сделал вывод: «я должен горько сожалеть о том, что теперь произошло. Но не будем на этом основании отклоняться от нашего курса»⁷³². Действительно, зачем отклоняться от мюнхенского курса? Подумаешь, Гитлер Чехию проглотил. Но 17 марта позиция премьер-министра Великобритании серьезно изменилась, и он обрушился на Гитлера с обвинениями в обмане. «Чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам»⁷³³, — не без удивления пишет депутат-консерватор Л. Эмери. Что случилось?

Чтобы понять это, нужно вернуться на несколько месяцев назад. Когда Мюнхенский договор резко ослабил правительство Чехо-Словакии, в населенном украинцами Закарпатье 11 октября 1938 года было создано автономное правительство Андрея Бродия. На этот небольшой регион, Закарпатье, Карпатскую Русь, претендовала Венгрия.

2 ноября 1938 года в Вене представители Германии и Италии определяли, как еще сократить территорию Чехословакии (это называлось «первый Венский арбитраж»). С Тешинским округом понятно, он отошел Польше. Венгрия получила южную часть Слова-

кии. Но все Закарпатье ей не отдали, только часть с Ужгородом. На остальной части Карпатской Руси сохранилась автономия со столицей в Хусте. И это с большим интересом было воспринято в европейских политических кругах.

«Карпатская автономия, к которой поначалу относились как к временной, окрепла к ноябрю 1938 года после Венского арбитража, утвердившего новую чехословацко-венгерскую границу. Вердикт вынесли министры иностранных дел Италии и Германии, однако было ясно, что именно Берлин решил обуздать территориальные аппетиты Венгрии, стремящейся полностью аннексировать Карпатскую Русь, и что именно он будет отныне выступать в роли „защитника“ украинских интересов.

События в Закарпатье вызвали живой интерес иностранной прессы и дипломатии. Рассуждали не только о будущем этого региона, но прежде всего о месте украинского вопроса в планах Берлина. Предполагалось, что Карпатской Руси в планах Третьего рейха отводится роль плацдарма для дальнейших действий на Востоке — в направлении Восточной Галиции и УССР. В этом контексте повсеместно говорилось о германском стремлении создать Великую Украину и превратить ее в „свое Маньчжоу-го“»⁷³⁴, — пишет историк Я. Я. Бруски.

Но было очевидно, что создать Великую Украину можно было не только за счет СССР, но и Польши. Дальше идти на восток Германия могла либо вместе с Польшей, либо переступив через ее труп. И это было проблемой не столько для Гитлера, сколько для политики умиротворения.

Украинский вопрос подтачивал стабильность Польского государства. Как пишет историк Я. Я. Бруски, «в течение длительного времени ситуацию подогревала роковая государственная политика, проводимая в восточных „кресах“, кульминацией которой стала навязанная в конце тридцатых годов программа так называемого „укрепления польскости“. Вследствие этого была окончательно утрачена возможность нормализации польско-украинских отношений»⁷³⁵. Программа «укрепления польскости» стала кульминацией более долгосрочной полонизации и была объявлена в январе 1939 года. Это был своего рода ответ на украинскую интригу Германии.

Польша поддерживала в Закарпатье русофильские силы, противопоставляя их украинским националистам⁷³⁶. Первоначально правительство автономной Карпатской Руси возглавил русофил Бродий. Но после того, как Германия взяла шефство над краем, политическая ситуация изменилась: «Польша в бессилии отмечала количественное увеличение частей так называемой Карпатской Сечи,

усиление роли в крае немецких советников и, наконец, террор против оппозиции, что, в конце концов, привело к роспуску всех неукраинских партий»⁷³⁷. Не «всех неукраинских», а вообще всех, кроме одной. 20 января 1939 года был установлен однопартийный режим Украинского национального объединения (УНО) во главе с Августином Волошиным. Неудивительно, что на выборах в сейм 13 февраля УНО получило подавляющее большинство голосов. Была создана местная армия, «Карпатская сечь» в 2000 бойцов.

В ноябре 1938-го — марте 1939 года дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией»⁷³⁸. 30 ноября советник Чемберлена Вильсон не без злорадства говорил советскому послу Майскому: «следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»⁷³⁹.

Литвинов писал Сталину 14 декабря 1938 года: «В заграничной прессе видное место занимает сейчас так называемая Закарпатская Украина в связи с теми планами, которые приписываются Гитлеру». Согласно результатам плебисцита, проведенного еще в Чехословакии, «большинство населения там говорит по-русски, а не по-украински». Литвинов считал, что этот регион следует называть не Украиной, а Прикарпатской Русью: «Наша пресса в свое время тоже всегда писала о Прикарпатской Руси, вплоть до того момента, когда у нас на этой почве возник спор со Скрыпником, который настаивал на изменении названия на Закарпатскую Украину. Я в последнее время в поступавших ко мне на визу материалах перечеркиваю название „Закарпатская Украина“ на „Закарпатскую Русь“»⁷⁴⁰. Застрелившийся в 1933 году Скрыпник считался синонимом украинского национализма, и ссылка на него должна была подкрепить позицию Литвинова. В 1938 году в Кремле опасались украинского очага в Карпатах. Но уже в 1939 году ситуация изменится.

Сталин тоже опасался, как он иронически выразится на съезде партии, карпатской «букашки», которая с помощью Гитлера хочет «присоединить к себе слона», то есть всю Украину.

Образцово-показательный крах системы коллективной безопасности в Мюнхене подорвал доверие Сталина к прежнему кур-

су. «Хотя Советский Союз и состоял в военном союзе с Францией и Чехословакией, Франция вместе с Германией и Англией единодушно исключили Россию из числа участников встречи в Мюнхене. Это был выпад, который Сталин запомнил»⁷⁴¹. СССР продолжал борьбу за «коллективную безопасность» лишь потому, что старым подходам «окружения Германии» пока не было альтернативы.

Историк С. З. Случ уверен, что «после Мюнхена приоритетной внешнеполитической задачей Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией»⁷⁴². Эту точку зрения, которая резко противостоит традиционному советскому подходу о стойкой приверженности СССР «коллективной безопасности», приходится признать столь же однобокой. Мы увидим, что советская дипломатия продолжала действовать и в направлении укрепления связей с Великобританией и Францией. Но после Мюнхена ставить только на них было бы просто глупо. И советское руководство, хотя и очень постепенно, начинает проявлять благосклонность к германским инициативам по сближению с СССР, играть на противоречиях между двумя капиталистическими лагерями. Таким образом реализуется действительная приоритетная внешнеполитическая задача — выход СССР из международной изоляции. Но это было нелегко, учитывая, что лидеры Великобритании и Франции к новому сближению с СССР не стремились.

24 ноября 1938 года украинский вопрос весьма откровенно обсуждался на франко-британских переговорах. «Г-н Чемберлен спросил, какова была бы позиция Франции, если бы Россия попросила бы Францию о помощи на том основании, что Германия спровоцировала бы сепаратистское движение на Украине? Г-н Бонне объяснил, что французские обязательства перед Россией вступят в силу только в случае прямой атаки Германии на русскую территорию. Г-н Чемберлен сказал, что он расценивает ответ г-на Бонне как полностью удовлетворительный»⁷⁴³. Еще бы, в это время у Германии не было общей границы с СССР. Более того, даже в случае германского вторжения через территорию другого государства Франция может не вмешиваться, ведь она гарантирует СССР от нападения сопредельного государства и обязана действовать с согласия государств-гарантов Локарно⁷⁴⁴.

Как известно, Закарпатье не имело общей границы с СССР. Каким образом оно могло стать «украинским Пьемонтом», вокруг которого объединятся обширные земли Украины под патронажем Германии? И в Москве, и в Берлине прекрасно понимали, что это возможно в случае соглашения Германии с Польшей. Причем если для Германии это была тема для переговоров, то для СССР — повод для

самых страшных подозрений. И основание для них давали не только дружеские германо-польские отношения 1934–1938 годов и злобные рассуждения британцев, но и другая разведывательная информация. Так, например, со ссылкой на итальянских дипломатов советские разведчики сообщали еще в мае — июле 1938 года, что не позднее января 1939 года на СССР будет произведено нападение широкой коалиции от Великобритании до Японии. При этом основным удар будет нанесен Германией через территорию Польши. После этого Украина будет разделена между Польшей и Германией⁷⁴⁵. Возможно, информация (дезинформация) итальянцев отражала надежды Муссолини, которые сбылись лишь отчасти и приватно обсуждались с немецкими и британскими дипломатами. В части «украинского вопроса» для участников этих бесед было очевидно одно: заигрывание с украинскими националистами не означает, что Германия и Польша допустят создания даже формально независимого украинского государства. Однако передача Польше правобережной Украины позволяла вернуться к старой идее, которую раньше поддерживал Пилсудский, — создание формальной федерации с участием Украины и Литвы.

19 ноября 1938 года руководством СССР была утверждена записка начальника генерального штаба РККА Б. Шапошникова о наиболее вероятных противниках СССР, в котором говорилось: «Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможными присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии»⁷⁴⁶. Таков был кошмар советского руководства.

Однако Польша в это время не собиралась участвовать в войне с СССР, что делало такую широкомасштабную войну практически невозможной. Польская элита испытывала серьезную нервозность в отношении великоукраинского проекта и поддерживала идею присоединения Карпатской Руси к Венгрии. Но в СССР не знали: вдруг Германия найдет, чем заинтересовать польских партнеров, как это уже было сделано в случае с Чехословакией? Может быть, совместным управлением европейского «Маньчжоу-го» или еще чем-то? По мнению Я. Я. Бруски, «Берлин был готов при определенных условиях отказаться от собственных аппетитов на украинском участке и признать верховенство польских интересов»⁷⁴⁷. Но советская разведка докладывала также, что даже в случае германо-польского конфликта Гитлер планирует выкроить из территории польского государства марионеточное западноукраинское образование⁷⁴⁸. То есть с Польшей или без Польши, но Гитлер будет играть в «украинскую игру» против СССР.

Решение Гитлера по Украине зависело от позиции Польши. Он заявил Беку в январе 1939 года, «что в любом случае ничего не предпримет по этому вопросу вопреки Польше»⁷⁴⁹. Украинский вопрос рассматривался как один из элементов польско-германского урегулирования. Если бы оно прошло успешно, то дальнейшее продвижение на восток было бы возможным. Если нет — украинский вопрос терял актуальность. Впрочем, можно было бы использовать «украинскую игру» для размена с Польшей. Отказ от этой игры действовал бы на польское руководство успокаивающе.

Во многом именно от Польши зависело, куда будет направлена дальнейшая германская экспансия. В Москве не знали, чем закончатся переговоры между Берлином и Варшавой, и имели все основания волноваться. В Лондоне этого тоже не знали и имели основания злорадно потирать руки.

После Мюнхена Польша была следующей целью германской экспансии. Нацисты перешли от «судетской проблемы» к «данцигской». Дело в том, что по Версальскому договору Германия уступала Польше Силезию и «балтийский коридор» («поморье») — побережье Балтики, где был построен порт Гдыня (между основной территорией Германии и Восточной Пруссией). Населенный немцами Данциг (Гданьск) становился вольным городом под протекторатом Лиги наций, фактически зависимым от Польши. Данциг вступил с ней в таможенный союз и должен был вести международные дела через Польшу.

Гитлер, верный своей политике возврата всех населенных немцами земель, намеревался присоединить Данциг и балтийский коридор. Поскольку Польша считалась дружественным Германии государством, нацисты были готовы найти ей компенсацию за чужой счет. Очень скоро стало ясно, что поляки не хотели бы создавать украинское государственное образование даже под своей эгидой. Не отказываясь публично от «украинской игры», Гитлер был готов легко пожертвовать ей ради союза с Польшей в решении более важных для него вопросов. Но пока украинская карта могла играть и против поляков. В Варшаве опасались раскручивания «украинского вопроса» не меньше, чем в Москве.

24 октября 1938 года Риббентроп на встрече с послом Йозефом Липским предложил Польше совместную политику в отношении СССР на базе Антикоминтерновского пакта. Германия обещала не создавать марионеточное украинское государство в Закарпатской Украине. За все это Польша должна была согласиться на передачу Германии Данцига и создание экстерриториального немецкого шоссе и железной дороги, соединяющей две части Рейха. 19 ноября Липский официально ответил, что единственное, на что согласно

польское руководство по Данцигу, — это заключение двустороннего германо-польского соглашения о статусе этого вольного города. «По существу, это являлось единственным ответным предложением польской стороны на германский меморандум от 24 октября»⁷⁵⁰, — комментирует историк С. З. Случ. Риббентроп при этом сохранял дружественный тон, сделал вид, что его предложения исходят не от Гитлера, с которым министр обсуждал свои предложения лишь в самом общем виде.

Зато 15 декабря Риббентроп начал предъявлять Липскому претензии по поводу притеснений немцев в Тешинской области. Надо бы рассмотреть положение национальных меньшинств. А ведь с этого начиналось расчленение Чехословакии. Но в целом германский министр был настроен дружественно и в ходе беседы натравливал Польшу на СССР.

5 января 1939 года Бек приехал в Берлин. На встрече с ним Гитлер убеждал польского министра в необходимости отдать Данциг в состав Германии, может быть, с сохранением там польских экономических прав. Бек ответил, что «не видит в инициативе эквивалента для Польши»⁷⁵¹. То есть получается, что Бек не исключал передачи Данцига Германии при условии, что будет предложен соответствующий «эквивалент». Каким мог быть этот эквивалент? Им могло быть только какое-то территориальное приращение. А где его взять? На что намекал Бек?

Гитлер предлагал Беку активизировать антисоветскую политику, бестактно отметив, что «каждая выставленная против России польская дивизия» экономит силы Германии⁷⁵². Но за это тоже надо бы предложить дополнительный «эквивалент», а ничего такого Гитлер Беку не приготовил. Риббентроп на следующий день пытался привлечь Бека перспективами раздела Украины.

Борьбу против Запада Гитлер предпочел бы вести в союзе с Польшей⁷⁵³. Разумеется, в этом случае Польша должна была стать сателлитом Германии. В материалах, подготовленных МИД Германии для беседы Риббентропа с Беком, предлагалось поставить польского министра перед фактом: «Польша имеет только одну великую державу, к которой она может примкнуть, — Германию»⁷⁵⁴.

Поляков решили успокоить так, чтобы им было чего опасаться: «Учитывая, что Германия и Италия положили в основу своих действий этнографический принцип, который должен быть применен также и по отношению к Венгрии, территориальные притязания последней не могут быть удовлетворены полностью... Опасения Польши о том, что Германия намерена сделать из Прикарпатской Руси базу для создания великого украинского государства, ни на чем не основаны. Германия уже сделала соответствующие указания, дабы

помешать возникновению подобного впечатления. Прикарпатская Русь сохранит свою самостоятельность в рамках Чехословакии и не будет играть никакой роли в международной политике»⁷⁵⁵. Но, как мы видели, германские «соответствующие указания» не мешали укреплению позиций украинских националистов в Закарпатье.

Германские проекты могли скорее напугать, чем привлечь Польшу. Отдать Гданьск (Данциг) за право повоевать с СССР? Спасибо, нет.

Каков мог быть приемлемый «эквивалент», на который намекал Бек? Воевать с СССР польское руководство не планировало⁷⁵⁶. А вот на Литву осуществляло значительное давление, памятуя о первой Речи Посполитой и о литовском реваншизме, угрожавшем Виленскому краю. Германия планировала также отрезать от Литвы кусок — Мемель (Клайпеду). Почему бы не совершить новый раздел? Принести Польше в обмен на Данциг на блюдечке достойный «эквивалент»? Германский МИД считал, что Литва — «область влияния Германии»⁷⁵⁷. Увлеченные собственными территориальными аппетитами, вожди Рейха не поняли намека Бека, что бы он ни понимал под «эквивалентом». После Мюнхена нацисты привыкли, что могут добиваться своего политическим давлением, ничего не давая взамен. А польское руководство привыкло после Мюнхена что-то получать за сотрудничество с Германией.

Январские переговоры 1939 года определили позицию Польши в кризисе 1939 года: не уступать. «Но теперь, произнося публично „нет“, Бек фактически должен был признать фиаско своей прежней внешней политики, хотя ограниченного, но достаточно интенсивного, особенно в 1938 году, сотрудничества с нацистской Германией, способствовавшей серьезному нарушению баланса сил в Центральной Европе и на континенте в целом в пользу Берлина»⁷⁵⁸, — пишет С. З. Случ. Польский историк М. Корнат не согласен с такой негативной оценкой политики Бека 1934–1938 годов: «Действительно ли политика сближения с Германией позволила переждать политику уступок (умиротворения)? Безусловно, да. Глядя на карту межвоенной Европы, не остается сомнения, что Польша с ее проблемами границ являла собой одно из наиболее конфликтных мест на этой карте. Территория Польши была повсеместно предметом сомнений и ревизионистских требований. Защищая сферы своего влияния, польское правительство не могло найти поддержку во Франции и Великобритании, которые стремились прежде всего к примирению с Германией. В 1930-е годы положение Речи Посполитой ухудшалось независимо от усилий польского правительства и от тех или иных ошибок творцов польской внешней политики... Действительно, в реалии политики уступок, проводимой западными держа-

вами, польская дипломатия по отношению к Берлину не имела никакого поля для маневра»⁷⁵⁹. То есть, по мысли польского автора, у Польши не было выбора — предъявлять ли претензии к Чехословакии вопреки просьбам западных государств, пытавшихся, пусть и вяло, сдерживать германскую агрессию в 1938 года.

Поле для маневра есть всегда. Оно было невелико, но, например, СССР, который знал, что находится в списке будущих агрессий Гитлера, использовал все имеющиеся у него возможности, чтобы сдерживать нацизм на дальних подступах. А польские лидеры всячески содействовали ускорению германской экспансии у своих границ, территориальному окружению Польши, недоверию к Польше со стороны возможных партнеров по антигерманской коалиции. И потом, кто сказал, что в марте 1939 года политика умиротворения закончилась и Польша ее «пережила»? Гарантии Великобритании и Франции сами по себе ничего еще не значили. Они имели смысл только при условии создания широкой коалиции с участием СССР, где его возможные экспансионистские устремления уравнивались бы участием Запада и заинтересованностью СССР в нормальных отношениях с ним.

В конце 1938 года Польша и СССР предприняли попытку к сближению. С 8 октября прошла серия встреч заместителя наркома Потемкина, а затем и Литвинова с польским послом Вацлавом Гржибовским. 20 октября Потемкин посетовал, что «Польша связала свою судьбу с агрессивными державами», но посол настаивал, что Польша придерживается курса «ничего с Германией против СССР и ничего с СССР против Германии»⁷⁶⁰.

Гржибовский предлагал для начала решить несколько набравших мелких вопросов. Литвинов отчитал посла за предложения строить отношения без фундамента и плана⁷⁶¹. 30 октября Гржибовский конкретизировал экономические предложения Польши, которая проявляла интерес к импорту сырья в обмен на сталь⁷⁶².

Литвинов сообщал Сталину: «Проявляющийся время от времени польско-советский антагонизм ослабляет позиции Польши. Ей предстоят сложные переговоры с Германией по поводу Данцига, Силезии и Польского коридора, а возможно, судьбы Литвы и Прибалтики, что также делает для Польши выгодным улучшение, хотя бы на время, отношений с нами»⁷⁶³. Советская сторона воспринимала эти переговоры как ответ на польскую инициативу.

Но 21 ноября Литвинов писал Сталину: «Польский проект довольно бесцветен и составлен так, чтобы не слишком раздражать Германию и в то же время намекнуть ей на возможность процесса сближения, если Германия не спешит договориться с Польшей»⁷⁶⁴.

27 ноября, через день после публикации советско-польского коммюнике о приверженности советско-польскому договору о ненападении 1932 года, решением Политбюро были благоприятно разрешены некоторые волновавшие польскую сторону проблемы (расширение торговли, восстановление польского кладбища в Киеве и католического костела в Москве, предоставление списков арестованных в СССР польских граждан)⁷⁶⁵. Однако, добившись небольших советских уступок, Польша опасалась идти на дальнейшее сближение с СССР, опасаясь обидеть Германию. Тем не менее в январе-феврале 1939 года прошли советско-польские переговоры, увенчавшиеся 19 февраля заключением первого в XX веке торгового договора между двумя странами. Это был пик нормализации отношений, после чего она была исчерпана — переходить от экономики к политике Польша не собиралась и позднее не стала это делать даже под давлением Франции и Великобритании.

Гитлер говорил своему адъютанту: «трудно изолировать Польшу... Заклятым врагом поляков является не Германия, а Россия. Нам однажды также будет грозить со стороны России большая опасность. Но почему послезавтрашний враг не может быть завтрашним другом? Этот вопрос следует очень основательно обдумать. Главная задача состоит в том, чтобы сейчас найти путь к новым переговорам с Польшей»⁷⁶⁶. Диктатор колебался. Он предпочел бы иметь Польшу союзником против СССР, но если это не выйдет, почему бы не обдумать и другую возможность?

А если Гитлеру удастся договориться с СССР? Это несло Польскому государству смертельную угрозу. Впрочем, Бек был спокоен, рассчитывая на свое психологическое чутье: «Гитлер — это не Бисмарк. Он слишком вспыльчив, чтобы вести такую же тонкую игру, как его великий предшественник. Я очень на это рассчитываю... Я не вижу возможностей для заключения германо-советского соглашения»⁷⁶⁷.

В марте 1939 года Гитлер решил отказаться от покровительства «украинскому Пьемонту» — без Польши, пока она не была разгромлена или не стала зависимым от Германии государством, покровительство Украине теряло смысл.

Но можно было оказать полякам последнюю любезность. Если они ее не оценят, тогда выбор будет сделан. Гитлер санкционировал уничтожение Закарпатской Украины. Точкой невозврата для Польши стали ближайшие дни после захвата Чехии.

15 марта, сразу после оккупации Чехии, сейм Карпатской Украины провозгласил независимость и избрал президентом Волошина. Однако Венгрия на правах союзника Гитлера действовала на

опережение и уже 14 марта развернула наступление на Хуст. Вопреки ожиданиям, Гитлер не заступился за Карпатскую Украину, а сечевики 16–17 марта были разбиты.

Отказ Гитлера от «решения украинского вопроса» в ближайшее время произошел раньше, но до марта 1939 года об этом не было известно даже в узких берлинских кругах. Сигналы о том, что Гитлер может пойти не на восток, а на запад, в Лондоне увязывались с возможным отказом от «украинской игры» (о чем в январе писал Галифакс)⁷⁶⁸. «Украинский вопрос» стал политической «лакмусовой бумажкой», позволявшей, как казалось, оценить намерения Гитлера. После занятия Карпатской Украины Чемберлену стало ясно, что «Дранг нах остен» в планы фюрера пока не входит. Нужно было срочно что-то делать, чтобы Гитлер продолжал заниматься Восточной Европой, а не Западной.

Мюнхенское соглашение создало ситуацию идеального равновесия, в центре которого стояла Великобритания. Равноудаленные противники Франция и Германия, претендовавшие на гегемонию в Европе, теперь уравнивали друг друга, и Великобритания, опираясь на Муссолини, всегда готового послужить «делу мира», была верховным судьей в их спорах о судьбах малых народов. Позиции Франции, после Первой мировой войны господствовавшей на континенте, теперь слабели, позиции Германии усиливались. Это также способствовало укреплению баланса, в центре которого стояла британская элита.

Но теперь Германия стала усиливаться скачкообразно, поглощая территории, не населенные немцами, но обладающие большим военно-экономическим значением. Гитлер стал действовать, не согласуя свои действия с британской волей. Отказ от похода на Украину наводил Чемберлена на мысль, что Гитлер, подчинив себе еще несколько восточноевропейских стран, может укунить и руку дающую — повернуть на запад. Нужно было уравновесить германскую гирю другими гирьками. Пришлось Чемберлену обратиться к претившей ему политике «коллективной безопасности». Чемберлен утверждал: «Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных стран, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности»⁷⁶⁹. Политика «коллективной безопасности» для Великобритании носила подчиненный характер в отношении главной задачи: возвращения к вожделенному балансу сил.

Слова о безопасности были в моде в то время, они звучали из уст английских, французских, советских и немецких полити-

ков и журналистов. Но почти всегда мотив безопасности был подчинен мотиву господства, расширения власти все более могущественных бюрократий. Британская правящая элита достраивала свою схему господства, британоцентричный мир Чемберлена. Для того чтобы усилившаяся Германия и ослабевшая Франция продолжали вращаться вокруг Британии на постоянных орбитах, нужно было усилить Францию весомыми сателлитами. Раз уж французы привержены старым идеям Барту, пусть вокруг Франции вращается СССР. А с орбиты Германии, напротив, нужно убрать сателлит Польши. Такое перемещение масс восстановит равновесие, Гитлер станет более сговорчивым, и Чемберлен найдет ему полезное применение. А там, установив порядок в Европе, можно будет заняться и делами Азии, где разбушевалась Япония. Ставки Чемберлена были высоки — изящными политическими комбинациями он пытался открыть эпоху мирового господства Великобритании.

Но именно это было неприемлемо для Гитлера. Его не интересовали выгоды, полученные из рук Чемберлена, он не хотел кормиться с руки. У него были те же ставки, что и у Чемберлена — мировое господство, но только Германии.

ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ

Выступив с антигерманской речью 17 марта 1939 года, британский премьер сделал вид, что из-за захвата Чехии отказывается от политики умиротворения. 22 марта Великобритания и Франция предоставили гарантии военной помощи Бельгии, Нидерландам и Швейцарии. 31 марта Великобритания предоставила Польше гарантии вступления в войну, если Польша подвергнется «прямой или косвенной агрессии». Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехо-Словакией в 1939 году. Франция присоединилась к этой гарантии. Интересно, что Чемберлен предоставил гарантии независимости Польше, но не ее границам⁷⁷⁰. Так что новый Мюнхен еще не исключался.

21 марта Риббентроп еще пытался настоять на германских инициативах в беседе с польским послом Липским.

Риббентроп высказал претензии к Польше, призвал ее к сотрудничеству в борьбе против СССР и напомнил, что если бы не дружественная политика Гитлера, то Германия и СССР могли бы уже поделить Польское государство. Риббентроп сообщил Липскому, что фюрер изумлен польской позицией и нужно провести новые переговоры с Беком, чтобы прояснить ситуацию⁷⁷¹.

23 марта под угрозой вторжения Германия заставила Литву вернуть ей порт Мемель (Клайпеда). Литва вынуждена была согласиться, сохранив тем самым свою независимость. Больше фюреру нечего было предложить в обмен на Данциг.

23–24 марта высшее руководство Польши провело несколько совещаний вместе с руководством МИД и пришло к выводу, что уступать нельзя⁷⁷².

26 марта Липский сообщил ответ: максимум, на что согласна Польша, — это льготы для германского транзита и совместные польско-германские гарантии вольному городу Гданьску⁷⁷³.

1 апреля Гитлер осудил политику «окружения Германии» и предостерег союзников Великобритании: «Кто пожелает таскать каштаны из огня для великих держав, тот, очевидно, сожжет свои пальцы»⁷⁷⁴. Гитлер почти цитировал Сталина, который, как мы увидим, до этого употребил похожее выражение. Эта едва заметная апелляция к Сталину тут же была уравновешена: «Я не знаю, станет ли мир фашистским. И не считаю, чтобы мир стал национал-социалистским, однако я уверен, что все будут защищаться против большевизма». Но досталось и западным империалистам, которые пытаются учить Германию добродетели: «добродетельные нации владеют одной четвертью мира. Каким образом им удалось это получить? Я должен признать, что их методы не были добродетельными. Англия в течение трехсот лет вела себя самым недобродетельным образом, а теперь, когда она стара, она начинает молиться добродетели». В то время, как британцы и евреи убивают тысячи арабов в Палестине, Германия избегает кровопролития в Европе⁷⁷⁵.

Но «добродетельные нации» не сидели сложа руки. 6 апреля было заключено польско-британское соглашение о гарантиях, которое 25 августа было подкреплено военным союзом.

27 апреля в Великобритании была введена воинская повинность.

15 мая было подписано военное франко-польское соглашение, которое предполагало, что на 15-й день мобилизации будет принято наступление против Германии основными силами Франции. Ели бы это произошло в реальности, Германия была бы разгромлена в сентябре 1939 года. Но 15 сентября 1939 года французское наступление основными силами не последовало. А Британия обещала на переговорах с польскими представителями 23–30 мая в случае войны предпринять бомбардировку Германии силами 1300 самолетов. «Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще»⁷⁷⁶, — комментирует историк М. И. Мельтюхов.

Великобритания в случае чего не могла оказать непосредственную помощь Польше. Чем бы она могла помочь? Например, вооружениями или деньгами на них. Обсуждалась возможность предоставления британского займа Польше в 5,5 млн фунтов. Этот заем в итоге был предоставлен... 7 сентября. Польский публицист С. Мацкевич вспоминает: «История этого займа — величайший скандал. Он — прямое следствие гарантий, которые нам дали англичане 31 марта в защиту нашей независимости. Он был предназначен на вооружение нашей армии. Англичане медлили с переговорами об этом займе все лето 1939 года, когда Гитлер, подстегиваемый именно этой гарантией, угрожал напасть на Польшу. В это самое время англичане выплатили китайцам 500 миллионов фунтов. С нами... англичане подписали соглашение о займе только 7 сентября, или тогда, когда вооружение нашей армии было уже прошлогодним снегом, когда недовооруженная польская армия гибла под ударами германского агрессора»⁷⁷⁷. Ревность к Китаю в этих условиях выглядит не очень благородно — он все-таки давно вел войну против агрессора, который угрожал и Британской империи. И как раз в 1939 году Британская империя отвернулась от Китая, заключив соглашение Ариты — Крейги. Польша с агрессором сотрудничала еще несколько месяцев назад. Но С. Мацкевич, конечно, прав в том, что Британия не собиралась помогать Польше всерьез и ее гарантии преследовали другую цель — приковать внимание Гитлера к восточному направлению⁷⁷⁸.

Удар Чемберлена был рассчитан очень точно и должен был показать, кто в Европе хозяин. После отказа Польши участвовать в комбинациях Барту и совместного с поляками дележа Чехословакии Гитлер считал Польшу своим сателлитом, спутником. Приняв британские гарантии, Польша подтвердила, что таковым не является.

Британское предложение гарантий и одновременный ультиматум со стороны Германии поставил Польшу перед выбором — либо превращение в германского сателлита, либо «равноправная» дружба с Западом. Дружить с Западом было почетнее, чем с Гитлером. Но ориентация на Великобританию делала союз Германии и Польши против СССР невозможным. Гитлеру не нужен был союзник, который управляется из Лондона. За шесть дней до нападения Германии на Польшу 24 августа Геринг говорил польскому послу Липскому: «Решающее препятствие для дружественных отношений между Рейхом и Польшей — не данцигский вопрос, а союз Польши с Англией»⁷⁷⁹.

Привыкнув считать себя региональным центром власти, гордые польские политики продолжали полагать, что германские угрозы, как говорил министр иностранных дел Польши Бек, — «это блеф Гитлера. Он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее

пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»⁷⁸⁰. Еще менее вероятным казалось одновременное выступление против Польши антагонистов Германии и СССР. Между тем «польская западная и восточная границы были неприемлемы для Германии и для Советского Союза соответственно. Этот факт странами Запада, очевидно, не учитывался»⁷⁸¹, — напоминает У. Ширер. Ведь установленная в результате советско-польской войны в 1921 году граница Польши находилась гораздо восточнее «линии Керзона», которая даже в Версале была признана границей этнической Польши. Нарастание германо-польских противоречий создавало общий интерес у СССР и Германии — вернуться к границам 1914 года.

Западным дипломатам напоминали об этом и в Москве. Французский посол в СССР Кулондр утверждает, что после Мюнхена первый заместитель наркома иностранных дел Потемкин воскликнул в неофициальном разговоре: «Мой бедный друг, что вы наделали. Для нас я не вижу иного выхода, кроме как четвертый раздел Польши!»⁷⁸². До весны 1939 года угрозы подобного рода не воспринимались всерьез. Спустя годы о них вспоминали как о первых признаках советско-германского сближения, которого в это время тоже еще не было.

26 марта, когда поляки отклонили германские требования, беседуя с генералом Браухичем, Гитлер «пошутил»: «А знаете ли вы, каким будет мой следующий шаг? Вам лучше сесть, прежде чем я скажу, что им будет... официальный визит в Москву»⁷⁸³.

Гарантии Великобритании нарушали всю мюнхенскую игру фюрера и привели Гитлера в бешенство: «Я сварю им чертово зелье!»⁷⁸⁴. «Чертовым зельем» стал план вторжения в Польшу «Вайс», разработка которого началась 1 апреля. 11 апреля Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вооруженных сил, где предусматривалась подготовка нападения на Польшу. Но в плане оговаривалось, что военное столкновение с Польшей пока не желательно⁷⁸⁵.

Другим компонентом «чертова зелья» стали контакты с СССР. 7 апреля Риббентроп дал задание референту МИД П. Клейсту начать консультации с советским посольством о возможности улучшения советско-германских отношений⁷⁸⁶. Как мы увидим, в этом направлении немецкими дипломатами уже была проведена определенная работа.

28 апреля Гитлер выступил с большой речью, где заявил, что он денонсировал англо-германский морской договор 1935 года и польско-германский пакт о ненападении 1934 года (тот самый, который спутал Барту все карты). Приняв английские гарантии, направленные против Германии, Польша, по мнению Гитлера, сама нарушила этот пакт. В Германии началась яростная антипольская кампания.

Бек ответил Гитлеру в своей речи на заседании сейма 5 мая: «Мы, поляки, не знаем понятия „мир“ любой ценой. У людей, народов и государств есть лишь одно благо, не имеющее цены, — честь»⁷⁸⁷.

Выступление Гитлера 28 апреля, где он сделал такие важные заявления, было посвящено не только Польше и Чемберлену, но и его конкуренту на ниве миротворчества Рузвельту. Американский президент постепенно выходил из дипломатического затворничества, и пока его внешнеполитические шаги были неуклюжи. 15 апреля Рузвельт призвал Гитлера дать гарантии ненападения 31 стране мира. Гитлер вдоволь поиздевался над Рузвельтом. Фюрер предварительно запасся уверениями большинства европейских стран о том, что они не опасаются нападения Германии и не уполномочивали Рузвельта просить о гарантиях. Поставив таким образом американца в глупое положение, Гитлер, по обыкновению, перешел к философии истории: «Мистер Рузвельт заявляет, будто ему совершенно ясно, что все международные проблемы можно решить за столом переговоров... Величайшая конференция всех времен — Лига наций... создана по желанию американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты»⁷⁸⁸. Не путем переговоров решались вопросы борьбы за независимость США, покорения индейцев и борьбы Севера и Юга во времена Линкольна. В заключение Гитлер не без ехидства дал гарантии безопасности США. Рузвельт запомнил этот урок.

Гитлер продолжал укреплять экономическую базу предстоящего столкновения с Западом. 23 марта Германия заключила с Румынией хозяйственный договор, который обеспечивал Рейх нефтью. Это, наряду с захватом Чехословакии, значительно усилило ее по сравнению со временем Мюнхенского соглашения.

Контроль над Румынией был принципиально важен для Германии в связи с нефтяными запасами. Но территориальных претензий к Румынии у Германии не было. Это создавало для румынского руководства свободу маневра — можно было соглашаться на расширение экономических связей с Германией и в то же время остаться вне ее военных авантур. Однако если Румыния станет базой снабжения Рейха, в случае большой войны ей будут угрожать противники Германии. И с ними, особенно с Великобританией и Францией, тоже нужно выстраивать добрые отношения, одновременно сохраняя status quo в отношениях с СССР, который продолжает претендовать на аннексированную Румынией в 1918 году Бессарабию.

В этих сложных условиях румынский король Кароль II решил взять государственный руль в свои руки. 10 февраля 1938 года в стране была введена королевская диктатура, правительство теперь формировалось королем без участия парламента. 11 февраля было

введено осадное положение. 27 февраля новая конституция передала королю всю полноту власти, как при абсолютизме. Конституция предусматривала создание в будущем лишь законосовещательного парламента. 31 марта были запрещены политические партии. Политической опорой режима стал Фронт национального возрождения, провозглашенный 16 декабря⁷⁸⁹.

15–21 ноября Кароль II посетил Лондон и Париж в поисках займов и возможностей закупить вооружения. Там ему посоветовали не ссориться с Германией — мюнхенская политика была в самом разгаре. 24–26 ноября король посетил Германию и встретился с Гитлером. Обсудив с Каролем II перспективы укрепления экономического сотрудничества, Гитлер посоветовал наладить хорошие отношения с фашистской «Железной гвардией», лидер которой К. Кодряну и его соратники недавно были отправлены в заключение. Гитлеру нужен был рычаг давления на Румынию изнутри, но Каролю II это не нравилось. По возвращении короля на родину 30 ноября Кодряну и его ближайшие соратники были убиты «при попытке к бегству». На Румынию обрушилась с критикой ручная германская пресса, германский посол был отозван из Бухареста в Берлин, МИД Германии заявил о невозможности заключения германо-румынского соглашения⁷⁹⁰.

Но Кароль II, наведя порядок в доме, вернулся к теме экономического соглашения. От этого Германия не могла отказаться — отталкивать Румынию еще дальше не входило в планы Гитлера. 10 декабря 1938 года было заключено соглашение, доводившее долю Германии в импорте Румынии до 45 % вместо 27 % в 1937 году. 13 февраля 1939 года были начаты переговоры о еще более выгодном торговом договоре⁷⁹¹.

Договор был практически согласован. Но 16 марта произошло нечто неожиданное. Сразу после захвата Гитлером Чехии в Форин-офис явился румынский посол М. Тилья и заявил, что Германия предъявила Румынии экономический ультиматум. Это стало поводом для обсуждения возможности предоставления гарантий еще и Румынии. Германо-румынский конфликт для британской дипломатии был бы подарком небес. Лондон запросил Москву, может ли она оказать помощь Румынии. Однако Румыния официально не подтвердила факт давления на нее со стороны Германии. 23 марта был заключен договор «Об укреплении экономических отношений между Румынией и Германией». Соглашение не устанавливало монопольных экономических прав Германии в Румынии. 31 марта было заключено франко-румынское экономическое соглашение, а 11 мая — британско-румынское⁷⁹².

Если напряженность вокруг Румынии была на время снята, то стабильность на Балканах получила удар с другой стороны — Италия захватила Албанию.

Захват Чехии произвел тяжелое впечатление на Муссолини и подверг итало-германский союз тяжелому испытанию. Ведь Гитлер не проинформировал союзника об этой акции, которая внезапно обострила ситуацию Европе. Германоненавистник Чиано подливал масла в огонь: «Ось функционирует в пользу одной из своих частей, которая проявляет тенденцию приобрести господствующее влияние и действует исключительно по собственной инициативе, мало обращая внимания на нас»⁷⁹³. Гитлеру нельзя верить, он даже союзников ставит перед фактом.

Муссолини был так раздражен, что обсуждал со своим министром иностранных дел Чиано создание широкой коалиции с итальянским участием против «прусской гегемонии в Европе». Чиано писал о Муссолини, что «последние события глубоко потрясли его»⁷⁹⁴. Но Муссолини очень далеко зашел в раскручивании антифранцузской истерии, планируя передел Северной Африки. Резко разворачиваться против Германии было опасно. Можно было стать следующей целью неистового фюрера. 20 марта Муссолини сказал Чиано: «Мы не можем менять политику, потому что, в конце концов, мы не проститутки»⁷⁹⁵. В это время дуче предопределил свою дальнейшую судьбу.

Чтобы Германия не выглядела гегемоном «Оси», Муссолини решил ответить на аннексию Чехии своей аннексией — захватить Албанию, сделав еще один шаг к превращению Адриатики в итальянское море. Это была плохая новость для Югославии, где итальянцы поддерживали хорватский сепаратизм. Тем более что итальянцы могли использовать в дальнейшем фактор албанского населения в Косово, подрывая безопасность Югославии и с запада, и с юга.

7 апреля итальянский флот приступил к высадке десанта в албанском Дурресе (Дураццо). Чиано наблюдал операцию с воздуха: «Зрелище было изумительное. В бухте, торжественной и неподвижной, стояли корабли, а моторные лодки, лихтера и буксиры двигались по порту, перевозя десантные войска. Море было как зеркало, берег зеленый, а горы высокие и массивные, с покрытыми снегом вершинами.

В Дураццо мы видели мало народу. Но, очевидно, там было оказано некоторое сопротивление, потому что я видел отряды берсальеров, прятавшихся за кучами угля и защищавших порт, и другие отряды, поднимавшиеся по холму индейским строем для того, чтобы окружить город. Из некоторых окон время от времени стреляли»⁷⁹⁶.

После некоторой заминки командующий Альфредо Гудзони выслал к Тиране бронетанковую колонну. Король Зогу бежал, албанцы капитулировали. Вскоре местные властные элиты признали объединение с Италией в качестве королевства во главе с итальянским монархом. На практике итальянцы взяли страну под полный контроль и принялись расширять эксплуатацию ее сырьевых богатств.

Встав на путь агрессии в Европе и компенсировав свой комплекс неполноценности с помощью захвата беззащитной Албании, Муссолини был готов теперь укрепить отношения с Германией. Япония казалась ему третьей лишней. Как писал Чиано, «дуче все более и более благосклонно относится к двустороннему союзу с Берлином, без участия с Токио. Будучи нашей союзницей, Япония определенно толкает Соединенные Штаты в объятия западных демократических стран»⁷⁹⁷. Италия хотела получить свою долю при разделе Европы и Средиземноморья, но не хотела втягиваться в глобальное столкновение с участием США, которые все больше раздражала японская экспансия.

22 мая был заключен договор о дружбе и союзе Германии и Италии, известный как «Стальной пакт». Гитлер даровал Италии свободу рук на Балканах и в Средиземноморье в надежде на поддержку в случае франко-германского столкновения.

Балкон Сталина

С осени 1938 года до оккупации Чехии никто не хотел играть в коллективную безопасность с СССР. Несмотря на все попытки коммунистов казаться более «цивилизованными», они попали в изоляцию. Когда посол Германии в СССР Шуленбург пересекал в ноябре 1938 года советско-польскую границу, он обнаружил, что едет в поезде один. Даже если посол не заметил других редких пассажиров, отсутствие общения СССР с внешним миром было в это время почти абсолютным.

Как и Петру I, Сталину невыносимо было сидеть в своем «медвежьем углу» вдали от мировой политики. Это не только исключало возможность осуществления миссии расширения коммунистической системы, но и обрекало страну на роль «страны второго сорта», предназначенной к последующему разделу великими державами.

Несмотря на то, что послемюнхенская изоляция означала провал политики «коллективной безопасности», нарком иностранных дел Литвинов пытался найти выход в рамках прежней стратегии. 18 марта в ответ на оккупацию Чехословакии Советский Союз призвал

созвать европейскую конференцию по предотвращению агрессии, своего рода «Антимюнхен». 21 марта Чемберлен согласился провести конференцию Великобритании, Франции, СССР и Польши. Веса европейской политики снова качнулись влево.

Но поляки не хотели иметь дело с СССР, опасаясь, что «Антимюнхен» может кончиться выдвижением территориальных претензий к ним как со стороны немцев, так и со стороны СССР. Чемберлен быстро согласился с поляками, что лучше было бы договариваться без Советского Союза: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии потерпят неудачу, если Россия окажется тесно связанной с этой схемой»⁷⁹⁸. К тому же трудно договориться со странами Антикоминтерновского пакта и СССР одновременно. Чтобы оставаться в центре политической вселенной, Великобритания должна была вести переговоры с Германией, продолжая мюнхенскую традицию. «Антимюнхен» умер, не родившись. Сталину предложили просто присоединиться к англо-французским гарантиям.

Остроумный французский посол в Москве Кулондр заметил, что от англо-французских гарантий наибольшую выгоду получил Сталин, который теперь отгорожен от Гитлера антигерманской коалицией: «С этого момента он, как бы с балкона, сам будучи в безопасности, может следить за происходящими событиями»⁷⁹⁹. Но Сталин не спешил наслаждаться видом с балкона и гонять на нем чай. Он понимал, что балкон непрочен. И Сталину пока не позволяли укрепить непрочный балкон своей квартиры.

За все время существования единого Российского государства, наследником которого стал СССР, вторжения с запада велись по трем направлениям:

- с севера — здесь главной целью с XVIII века был Петербург-Петроград-Ленинград;

- в центре — на Москву, которая в силу своего транспортно-географического положения является наиболее удобным центром управления страной;

- с юга — на Украину и Кавказ, богатые ресурсами.

В условиях войны XX века, когда действуют огромные армии, которые не могут снабжаться «подножным кормом», наступление должно обеспечиваться коммуникациями, по которым поступает продовольствие, боеприпасы, амуниция. Прямой прорыв на Москву в этих условиях становится почти невозможным — коммуникации легко перерезаются с севера и юга. Со времен гибели армии Наполеона в России этот урок был достаточно очевиден.

Прямой бросок на Москву от западной границы был возможен только при одновременном наступлении на севере и юге по расходящимся направлениям. Война получается неэкономной — на глав-

ном направлении можно сконцентрировать примерно в три раза меньше войск, чем выделено на всю кампанию. Но, чтобы закончить войну с Россией, следует наступать именно на Москву. Поэтому единственный смысл наступления прямо на Москву и одновременно на севере и юге — закончить войну в один год. Если такая рискованная задача не ставится, то наступление должно вестись по северному и южному направлениям. Закрепившись в Прибалтике, армия вторжения, хорошо снабжаясь через Балтийское море, нападает на Петроград-Ленинград и захватывает его за год, получая хорошие зимние квартиры и опять же прекрасные коммуникации. И уже на следующий год с этой позиции можно начинать наступление на Москву. С юга в первый год идет борьба за Украину. Армия вторжения может снабжаться и через Польшу и Румынию, и по Черному морю, и от ресурсов самой Украины — восточноевропейской житницы. В случае захвата Украины на следующий год можно наступать на Москву также с относительно близкой дистанции. Либо, если большевики будут достаточно побиты, но не разгромлены вовсе, можно заключить почетный «второй Брестский мир» (по образцу Брестского мира 1918 года), получив ресурсы Украины и, возможно, Кавказа. Таким образом, оптимальной стратегией войны с СССР для европейских стран являлись «клещи» — наступление с севера и юга с последующим смыканием вокруг Москвы. Но у этой стратегии был важный недостаток — война растягивалась не менее чем на два сезона.

Наполеон показал, что от Немана до Москвы можно дойти с армией за два-три месяца, если не отвлекаться надолго на боевые действия. В первой половине XX века продвижение армии связано с постоянными боевыми действиями и, следовательно, идет медленнее (ведь большая часть пехоты еще не моторизована). Если начать войну после весенней распутицы, в мае, то в Москве следует быть в сентябре — до осенней распутицы. Это четыре месяца. Времени «в обрез». Следовательно, в один год войну можно было закончить, только разбив основные силы Красной армии в приграничном сражении, чтобы дальше продвигаться вперед до Москвы походным порядком, отбрасывая полупартизанские отряды «русских» с трех направлений, чтобы они не начали действовать в тылу.

Чтобы не допустить такого развития событий, СССР не держал основные силы своей армии в приграничных районах, полагаясь на сильные резервы. Вдоль границы была создана мощная оборонительная линия, которая, памятуя опыт Первой мировой войны, могла бы превратить войну в позиционную. При позиционной войне антисоветская коалиция могла рассчитывать только на «клещи» и на многолетнюю войну, которая подорвала бы экономику СССР и

заставила бы большевиков капитулировать. Участникам коалиции экономическая катастрофа не грозила, потому что они опирались бы на помощь всей Европы и Америки.

Опасность «клещей» делала советское руководство особенно нервным, когда речь заходила о приближении потенциального агрессора к Прибалтике, Ленинграду, о заигрывании «империалистов» с Организацией Украинских националистов (ОУН), а также об отмене установленного 20 июля 1936 года на конференции в Монтрё запрета на проход кораблей воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Черное море. Сможет ли Турция гарантировать выполнение этой конвенции перед лицом сильного противника? Не пропустит ли в Черное море флот, враждебный СССР.

7 марта 1939 года в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда. Вкупе с «Закарпатской Украиной» это были острия «клещей». О состоянии германо-польских отношений Сталин получал противоречивую информацию. У него были все основания полагать, что война может разразиться в ближайшие месяцы. Стратегические «клещи» потенциального противника нависли над СССР, как дамоклов меч. Ситуация, как она виделась со сталинского «балкона», сложилась крайне опасная. Но Советский Союз мог быть спасен в случае раскола Мюнхенского согласия.

10 марта 1939 года Сталин выступил с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б), где изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию из-за Украины, стремясь «загрести жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопасности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Затем Сталин представил анализ отношений двух империалистических группировок. Политику «Оси» он представлял себе так: «Война против интересов Англии, Франции и США? Пустяки! „Мы“ ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте „антикоминтерновский пакт“, заключенный между Италией, Германией и Японией»⁸⁰⁰. Сталин назвал эти действия стран «Оси» «неуклюжей игрой в маскировку». «Вождь народов» сигнализирует Западу: будьте сговорчивее с СССР, иначе поплатитесь. Затем последовал сигнал немцам. Их используют в чужой игре. Сторонники умиротворения стремятся «не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они

достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в „интересах мира“ и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»⁸⁰¹. Вторжение в СССР станет началом конца Гитлера, Запад использует фюрера в своих интересах и выкинет на помойку истории.

Эту речь на Западе прозвали «каштановой», так как при ее пересказе было употреблено выражение «таскать каштаны из огня» для других — что Сталин не рекомендовал делать Гитлеру. Советологи гадали впоследствии, явилось ли выступление Сталина первым сигналом к дальнейшему советско-германскому сближению. На эту мысль их навел Молотов, который, уже когда сближение состоялось, стал восхвалять Сталина за прозорливость. Молотов был посвящен в планы Сталина, и раз он связывает речь на съезде и советско-германский пакт, то между двумя событиями есть связь...

Но текст речи не позволяет согласиться с Молотовым, хотя помогает понять его логику. Никаких призывов к сближению с нацистами в речи нет, есть лишь попытка отвлечь их от атаки против СССР. Есть анализ намерений Гитлера, которые были бы выгодны Сталину. Есть намерение «закрепить» антизападные намерения фюрера, о которых ходили лишь слухи. Есть попытка сравнить «империалистов». Поскольку к марту 1939 года эти противоречия назрели и вскоре после речи Сталина зримо проявились, может возникнуть впечатление, что Сталин их и вызвал к жизни подобно магу-заклинателю.

Гитлер и без сталинской подсказки уже почувствовал, что его использует Чемберлен и что кончиться это все может мировым господством Великобритании. Поэтому Гитлер повернул именно в ту сторону, куда хотелось бы Сталину.

Авторы, которые считают, что «Москва проявила инициативу в постановке вопроса о создании новой политической основы для взаимоотношений СССР и Германии»⁸⁰², ссылаются на довольно поздние документы, относящиеся к маю 1939 года. Но в это время и инициатива в советско-германском сближении, и проблема ее политической основы имели уже свою историю. Наиболее подробно эта история изложена в работе германской исследовательницы И. Фляйшхауэр. Она пишет: «Большинство немецких авторов как прежде, так и теперь при описании обстоятельств возникновения пакта высказывают мнение, что Сталин, с относительным постоянством искавший договоренности с национал-социалистами, с осени 1938 года, оправившись от потрясения, вызванного Мюнхенским соглашением, настолько интенсифицировал свои попытки к сближению с Германией, что Гитлеру, готовившему летом 1939 года вторжение в Польшу, оставалось лишь откликнуться на неоднократные

предложения, чтобы заключить столь желанный для советской стороны договор»⁸⁰³.

Однако более подробное знакомство с документами ставит серьезного исследователя перед фактом, что «нет абсолютно никаких доказательств постоянных «предложений» Сталина правительству Гитлера, нацеленных на установление особых политических отношений»⁸⁰⁴.

ТАНЕЦ ДИПЛОМАТОВ

Внешняя политика в своем ежедневном режиме напоминает замысловатый танец. Стороны сходятся и расходятся, делают шаги навстречу и в сторону, затем церемонно удаляются. Этот танец дипломатов по количеству обязательных условностей может сравниться разве что с плясками аборигенов Полинезии. Но при этом каждое движение, даже не имевшее никаких последствий, строго фиксируется, создавая невероятные завалы на скрижалях дипломатической истории. Для историков дипломатии это — настоящее раздолье. Любое утверждение может быть оспорено: «Все было сложнее». Всегда были демарши не в том направлении, которое привело к результату, и результат не тот, к которому вели дипломаты. Ведь дипломаты ищут мира, а в тридцатые годы то и дело получалась война.

Это создает впечатление, что дипломаты — упорные миротворцы, сдерживавшие своих тиранических кровожадных вождей. Но не стоит забывать, что дипломатическая служба тоталитарна по своей сути — чиновник внешней политики должен полностью подчиняться инструкциям, которые определяются вышестоящим начальством, знающим «высшие интересы государства». Дипломат по определению — инструмент государства. В то же время он — слуга дипломатических условностей, языком которых говорят между собою разные государства. В период распада связей между народами, который планета переживала в условиях краха глобального рынка и драматической перестройки системы международных отношений, воля вождей («интересы государства») и дипломатические условности («цивилизованные методы») приходят в столкновение, вызывая мучения в душах дипломатов. И тогда они порождают смелые инициативы, пишут служебные записки с далеко идущими перспективами. Эти записки откладываются в архивах. Но иногда плоды этого дипломатического вдохновения попадают на подготовленную почву мучительных размышлений начальства о мировом господстве, и инициативе дают ход. Поиски мира «цивилизованными методами» позволяют решать задачи в «интересах государства» — эффектив-

нее делить мир. Если эффективность этих методов будет исчерпана, в дело вступят военные.

Подобного рода трагедия случилась в 1938–1941 годах с тремя дипломатами — поверенным в делах СССР в Германии Георгием Астаховым, заведующим восточно-европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Карлом Шнурре и послом Германии в СССР Фридрихом-Вернером фон Шуленбургом. Коммунист, прошедший школу революционной дипломатии, тяготился тупиком, в котором оказались отношения двух антиимпериалистических режимов, грозя вот-вот привести к «крестовому походу» против его страны. Немецкий дипломат-хозяйственник был озабочен необходимостью накормить немецкий народ поставками продуктов с востока, а не заклинаниями Геббельса о советской угрозе. Граф старой дипломатической закалки не хотел служить агрессивным авантюрам фюрера и надеялся на то, что дипломатическое искусство может изменить мир к лучшему.

Инициатива этих людей привела не туда, куда им хотелось бы. Не будем их винить — они были всего лишь дипломатами, инструментами «высших интересов государства». Биографии Астахова и Шуленбурга оборвались трагически, и только Шнурре досмотрел трагедию войны и мира до конца той серии, в которой довелось участвовать. Но все трое видели, как рушится построенный с их участием мир. А этот мир вырос на развалинах мира, построенного Чемберленом. Миры сменяют друг друга.

Сближение с Москвой в Берлине лоббировал Шуленбург. Вполне естественно желание посла улучшить отношения со страной, в которой работаешь. Но руководство МИД Германии пока не отзывалось на инициативы посла. Зато идея сотрудничества с СССР была по сердцу тем чиновникам МИД и хозяйственных ведомств, которые были обеспокоены экономическим кризисом в Германии. 13 декабря министр пропаганды Йозеф Геббельс в частном порядке записал, что «финансовое положение рейха... катастрофическое. Мы должны искать новые пути. Дальше так не пойдет. Иначе мы окажемся на грани инфляции»⁸⁰⁵. Выходом из кризиса бюрократической экономики для нацистов были не поиски мира, а внешняя экспансия. Только Гитлер еще не решил, в каком направлении теперь ее вести.

Германский историк Г. Швендеман считает, что приоритет в лоббировании сближения Германии с СССР нужно отдать именно берлинским хозяйственникам и дипломатам: «в октябре 1938 года берлинские министерские бюрократы во главе с МИД приняли решение сделать Советскому Союзу предложение о кредитах. За этим предложением стояли отнюдь не политические, а тривиальные экономические намерения. Поскольку сырьевой кризис в рейхе обострился

еще больше, соответствующие ведомства хотели попытаться вновь заполучить СССР в качестве поставщика сырья»⁸⁰⁶. Такие намерения не стоит считать тривиальными — экономическая ситуация просто толкала Германию к поиску улучшения отношений с СССР, что и стало первым импульсом к германской инициативе сближения.

В любом случае инициатива исходила с германской стороны. К 1 декабря 1938 года совещания дипломатов и хозяйственников привели сторонников сближения с СССР в германском МИД к выводу, что во время рутинного продления советско-германского торгового договора надо бы прозондировать возможность заключения нового товарного кредита, за который можно получить столь остро необходимое Германии сырье. Но вот проблема: деньги для СССР нужно выделить сейчас, а выгоду получить потом.

При продлении договора 16 декабря 1938 года Шнурре сообщил заместителю советского торгпреда Скосыреву, что Германия готова предоставить кредит в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения — пока неустойчивого и ничем не гарантированного.

Германская кредитная инициатива была экономически выгодна и была поддержана в МИД Германии. Договорились, что 30 января в Москву отправится небольшая делегация во главе с Шнурре.

28 января Ворошилов представил Микояну список предметов вооружения, приборов и оборудования, которые желательно приобрести в Германии. В том числе: 105-мм зенитную пушку, 420-мм гаубицу, 500-мм мортиру, приборы управления зенитным огнем («Цейс» и «Газемайер»), звукоулавливатели («Электроакустик»), пеленгаторы, приборы управления артиллерийским огнем, оптику, пороха и взрывчатки; самолеты Хе-112, истребитель Мессершмит-113, вертолет ФВ-61, моторы «Юнкерс», бомбовые прицелы, бомбы, зажигательные пули, микросекундомеры, переносной рентгеноаппарат, лампы и др.⁸⁰⁷ В январе 1939 года намерение получить такие технологии в Германии казались какой-то наивностью. Но через год договорятся о гораздо большем. Гитлер попал в тяжелейшее положение, и если он пойдет на сделку, то важно было не продешевить. За свое сырье СССР был намерен приобрести не просто временную безопасность, а безопасность, опирающуюся на паритет в вооружениях.

Тут на арену вышел и Гитлер. На новогоднем приеме глав дипломатических миссий 12 января 1939 года он внезапно подошел к советскому послу Алексею Мерекалову, «спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и попрощал-

ся»⁸⁰⁸. Такого прежде не бывало. Расположение фюрера к советскому послу вызвало фурор в дипломатическом корпусе: что бы это значило!?

С. З. Случ считает эту беседу «изящной акцией косвенного давления на Польшу»⁸⁰⁹, потому что рядом с Мерекаловым стоял польский посол Липский. Если и так, Гитлер одним выстрелом бил двух вальдшнепов: пугал сближением с СССР Запад и Польшу и в то же время давал понять советскому руководству, что дверь для общения не закрыта.

Но такую демонстрацию Гитлер считал максимумом публичной огласки своих намерений, на которые он мог бы пойти без ответных выражений симпатии с советской стороны. А их было мало⁸¹⁰. Поэтому, когда сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать, Риббентроп запретил визит, переговоры сорвались, что на некоторое время убедило Сталина в несерьезности экономических намерений немцев (о «политической основе» речи еще не шло).

Но Шуленбург не оставил надежд. Прочитав доклад Сталина на съезде партии, посол интерпретировал его в духе своей идеи: «ирония и критика были значительно сильнее направлены против Англии... нежели... против Германии»⁸¹¹.

1 апреля Гитлер обрушился в своей публичной речи на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Это было повторение образа из речи Сталина, но только в переводах на западноевропейские языки. Сталин осуждал тех, кто любит «загрести жар чужими руками». Имелись в виду англичане и французы. Эту мысль доложили Гитлеру, и он решил использовать сталинский пассаж для шантажа Запада — на ваши гарантии можно ответить взаимопониманием со Сталиным.

1 апреля пришла еще одна новость, которая, по существу, ставила крест на политике «Народного фронта», — пала Испанская республика. К тому же и неудача идеи «Антимюнхена» еще раз больно ударила по политике Литвинова, которая и так дышала на ладан. В это время Сталин дал Литвинову последний шанс реанимировать старую стратегию «коллективной безопасности». Политика гарантий, как казалось, создавала для этого неплохие предпосылки.

15 апреля со ссылкой на речь Сталина на съезде (тогда ее не восприняли как призыв к дружбе с Гитлером) англичане предложили СССР также дать гарантии Польше. 17 апреля СССР выдвинул контрпредложение: «Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такая же помощь должна быть оказана «восточ-

ноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств»⁸¹².

Получив советские предложения, в Лондоне и Париже стали думать. У. Черчилль полагает, что «если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: „хорошо, давайте вторым объединимся и сломаем Гитлеру шею“, или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла»⁸¹³. Поддержал бы парламент такую политику? В то время более страшным вариантом казалось проникновение СССР в Восточную Европу. Что и случилось в 1945 году. Политика, за которую выступал Черчилль, могла реализоваться только в случае войны, а Чемберлен надеялся достичь успеха дипломатическими комбинациями и войной нервов (которую уже проиграл в 1938 году в Мюнхене). В дневнике Чемберлен с тревогой писал: «Шансы Черчилля улучшаются по мере того, как война становится более вероятной, и наоборот»⁸¹⁴.

В тот же день, 17 апреля, когда было выдвинуто советское предложение англо-франко-советского союза, статс-секретаря Германского МИД (первого заместителя Риббентропа) Эрнста фон Вайцзеккера посетил советский посол Мерекалов. Повод для визита был вполне приличный: после захвата Чехословакии остался неурегулированный вопрос о советских военных заказах, которые были размещены на чешских заводах «Шкода». Теперь заводы стали немецкими. Будут ли немцы выполнять работу, за которую уплачены деньги? Вайцзеккер ответил, что сейчас не лучший политический климат для решения подобных вопросов. Тема плохого «политического климата» (или, говоря иначе, «политической основы»), которую раньше в Берлине не хотели обсуждать, теперь по инициативе германского дипломата оказалась в центре беседы. По версии Вайцзеккера, слова Мерекалова звучали так: «Политика России всегда прямолинейна. Идеологические разногласия вряд ли влияли на советско-итальянские отношения, и они также не должны стать камнем преткновения в отношении Германии». Став нормальными, отношения могут «становиться все лучше и лучше»⁸¹⁵. Защищая честь советского дипломатического мундира, Г. Л. Розанов категорически утверждает, что «А. Ф. Мерекалов ничего подобного не говорил»⁸¹⁶. Почему? Потому что не пересказал эту фразу в своем донесении о беседе в Москву. И правильно сделал. Чтобы разговаривать собеседника, иногда говоришь такое, чего лучше не доверять бумаге. А что, если не выйдет ничего из взаимных зондажей? Отвечай потом за неосторожное слово.

Исследователь В. П. Смирнов считает, что в этой беседе инициатива исходила от Мерекалова, поскольку в документе сказано: «полпред ставит вопрос»⁸¹⁷. Но полпред поставил вопрос всего лишь о мнении Вайцзеккера на перспективы советско-германских отношений, что вполне естественно для посла. Вайцзеккер ответил, что «мы искренне хотим развить с вами экономические отношения»⁸¹⁸. То есть германская сторона первой проявила интерес к улучшению экономического сотрудничества.

Более тонко к анализу этой судьбоносной беседы подошла И. Фляйшхауэр. Вайцзеккер к этому времени уже проникся идеями Шнурре. Из его записи беседы «видно, что разговор умело направлял статс-секретарь и что психологическое состояние Вайцзеккера побудило придать этой беседе характер политического прорыва»⁸¹⁹. Он не мог дезинформировать свое начальство настолько, чтобы приписать послу ключевые слова, полностью менявшие позицию советского представителя — такая фальсификация могла привести самого Вайцзеккера к серьезному провалу, когда от него потребуют решения новых, в действительности невозможных задач. Но, чтобы создать впечатление успеха, Вайцзеккер мог сдвинуть акценты, чтобы не подвергаться критике со стороны руководства за слишком смелый шаг навстречу русским. Лучше, если инициатива исходит с той стороны, а Вайцзеккер обеспечил ее развитие в нужную рейху сторону. Немецкий исследователь делает вывод: «откровения Вайцзеккера в самом деле представляли собой первый официальный шаг по сближению с СССР»⁸²⁰.

Теперь советское руководство могло играть на двух досках, выбирая между партнерами, как выгодная невеста между женихами. В такой позиции было важно не спешить с уступками.

21 апреля Ворошилову нанес визит французский военный атташе Палас. Между ними состоялся такой диалог:

«Палас: Мы обязались помочь Польше и Румынии в войне с Германией. Какую помощь могли бы оказать вы?»

Ворошилов: Ни Польша, ни Румыния за помощью к нам не обращались...

Палас: Помощь у вас просили мы, потому что война Польши с Германией будет и войной Германии с Францией.

Ворошилов: Но ведь ваше правительство еще тоже ничего не сказало официально нашему правительству.

Палас: У нас об этом разговаривают.

*Ворошилов: У вас разговаривают давно и уже проговорили Чехословакию, Чехословакия имела важное стратегическое значение и для вас»*⁸²¹.

Вспомнив прежнюю обиду, Ворошилов дал понять французам, что история с Чехословакией серьезно скомпрометировала Францию и Великобританию в глазах СССР, и на этот раз потребуются более твердые обязательства, чем в случае с Чехословакией.

Дипломатия Молотова

Тем временем Париж и Лондон не давали ответа на советские предложения. Были и более срочные дела. Терпение Сталина иссякло.

Теперь Литвинову ставили в вину любой промах. Майский договор с министром иностранных дел Финляндии Эркко. Визит вежливости. Но Эркко недавно отверг советские предложения, а теперь еще и рассказал о беседе с Майским в печати. Дипломаты «разболтались», не заботятся о престиже страны. Виноват «западник» Литвинов, которому Сталин устроил выволочку по этому незначительному поводу: «Какое Майский имел право разговаривать с Эркко?»⁸²². Для Майского дело обошлось, а для Литвинова — нет. Затем разгорелся конфликт между Молотовым и Литвиновым по поводу подбора кадров НКВД. Эпоха борьбы за «коллективную безопасность» взрастила немало прозападных дипломатов. Результат эпохи был плачевным для СССР. После отставки Литвинова в НКВД будут произведены аресты. Сталин поддержал в конфликте Молотова, и Литвинов подал в отставку. Сталину был нужен менее уступчивый, менее «гибкий» нарком иностранных дел.

3 мая Молотов совместил посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел. Сталин исходил из того, что Молотов и так в последнее время все больше занимается проблемами обороны и внешнеполитической стратегии. Провал «прозападной» линии Литвинова ставил вопрос о трудном маневрировании, что требовало абсолютно надежного человека «на внешней политике». Молотов в тридцатые годы вполне доказал свою надежность.

«Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии»⁸²³, — считает У. Черчилль. Судя по тому, что драма англо-франко-советских переговоров развернулась уже после отставки Литвинова, Черчилль преувеличивает. Замена Литвинова на Молотова была выбором Сталина в пользу большей свободы рук в маневрировании между Западом и Германией. Советская вера в пакт безопасности еще некоторое время сохранялась, но из-за жесткости Молотова и его перегруженности другими делами переговоры не шли легче. Сталин надеялся, что Молотов будет более напорист в

давлении на партнеров, чем Литвинов, и эта надежда оправдалась. Напористость Молотова быстрее привела к закономерному результату — переговоры зашли в тупик. С обходительным Литвиновым движение в этом направлении шло бы медленнее.

В преддверии нового раунда советско-германского потепления 5 мая германским изданиям было предписано «немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма». Впрочем, эта команда подавалась как тактическая⁸²⁴.

5 мая к Шнурре зашел советник советского посольства Астахов (опять по поводу «Шкоды» — немцы заявили о готовности выполнить советский заказ), и речь пошла о переменах в советском наркомате иностранных дел. Шнурре докладывал: «Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза»⁸²⁵.

После отставки Литвинова «Гитлер впервые за шесть лет своего правления изъявил желание выслушать своих экспертов по России»⁸²⁶. 10 мая он вызвал Шнурре и советника посольства в Москве Густава Хильгера и выяснял у них, «будет ли готов Сталин при известных обстоятельствах договориться с Германией?»⁸²⁷. Из их доклада Гитлер узнал много для себя нового, в частности — что СССР придерживается сейчас не политики мировой революции, а более прагматичного державного курса.

Посмотрев документальный фильм о советских военных парадах, фюрер воскликнул: «Я совершенно не знал, что Сталин — такая симпатичная и сильная личность»⁸²⁸. Немецким дипломатам была дана команда и дальше зондировать возможности сближения с СССР.

Беседы Астахова и Шнурре стали более частыми. Теперь было что обсудить — и «Шкоду», и большую политику. 17 мая Шнурре докладывал: «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики между Советской Россией и Германией нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами». Были опасения нападения со стороны Германии, но если вернуться к политике времен Рапалльского договора, то все можно поправить. Что касается переговоров с Западом, то «при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты»⁸²⁹.

Историк Г. Л. Розанов находит еще одного дипломата-фальсификатора и комментирует запись Шнурре: «немецкий дипломат в своей записи беседы приписывает очень осторожному и опытному советскому дипломату слова, которые не находят подтверждения в имеющемся в архиве МИД СССР отчете самого Г. А. Астахова, в соответствии с которым он заявил следующее: „В вопросах междуна-

ной политики у Германии и Советского Союза нет противоречий, и поэтому нет причин для вражды между двумя странами. Правдой является то, что Советский Союз явно чувствовал угрозу со стороны Германии, но, конечно, имеется возможность расстроить это ощущение угрозы и недоверия Москвы”»⁸³⁰.

Бедный Риббентроп, его обманывали чуть ли не все сотрудники!

Но, как видим, записи основной части разговора очень близки. А слова об отношении к англо-франко-советским переговорам сообщать своему начальству было бы безумием — там это могли бы счесть за сообщение противнику стратегической информации. Астахов и так играл «на грани фолла».

Важно напомнить, что «опытный и осторожный дипломат» был арестован в феврале 1940 года. Его считали одним из инициаторов сближения с Германией, которое так печально закончилось. Пока курс на советско-германское сближение не был окончательно утвержден, докладывать обо всех своих словах, призванных вызвать на откровенность собеседника, было смертельно опасно. Можно было исчезнуть уже в 1939 году.

Но в Москве отклик на немецкие зондажи был холодным. 20 мая Молотов сказал Шуленбургу: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана политическая база»⁸³¹.

По существу, Молотов вернул немцам реплику Вайцзеккера. В Берлине фразу сочли «загадочной». Советский «сфинкс» то ли хотел сначала улучшить политический климат, то ли не хотел сближения вовсе.

Гитлер признал в мае 1939 года, что экономические проблемы «80-миллионной массы» немецкого народа нельзя решить «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества»⁸³². 23 мая на совещании с военными Гитлер поставил задачу войны с Польшей, из которой, вполне возможно, вырастет война с Западом, а может быть, и с СССР. Но велика вероятность, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет. 26 мая Шуленбург получил указание активизировать контакты с Молотовым. Но дело все равно не сдвигалось с мертвой точки — пока у Кремля были другие планы.

27 мая Великобритания и Франция ответили на советские предложения, согласившись на идею военного союза. Это охладило Москву к «немецкой игре». Казалось, что уже удалось достаточно напугать партнеров по «коллективной безопасности».

28 июня Шуленбург предложил Молотову обсудить высказанную советским наркомом ранее мысль «относительно создания политической базы в отношениях между Германией и СССР». Шулен-

бург сообщил стратегическую информацию о намерениях Гитлера: «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, одобрено Гитлером»⁸³³. Молотов спросил, что конкретно предлагает германская сторона. Но Шуленбург считал, что и так сказал очень много. Не получив ясного ответа, Молотов ответил: «Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно, сказал я, он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно и посол — большой оптимист»⁸³⁴, — писал Молотов об этой встрече. Он напомнил Шуленбургу об Аникоминтерновском пакте.

В Кремле помнили провал январской миссии Шнурре. Теперь руководители СССР требовали — экономические выгоды вперед. Немцы боялись делать решительные шаги. Гитлер, по словам Вайцеккера, «опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ»⁸³⁵. Он был раздосадован и 29 июня решил, что такая игра на советских условиях ему не нужна: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимости от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновление экономических переговоров с Россией»⁸³⁶. «Сближение» кончилось, не начавшись.

Однако этот этап «принюхивания» имел большое значение. Были созданы каналы, по которым можно было практически немедленно возобновить переговоры, не привлекая внимание «мировой общественности».

Тем временем Великобритания и Франция 27 мая ответили на советские предложения, согласившись на идею военного союза. Правда, 6 июня стало известно, что Польша «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру»⁸³⁷.

6–7 июня руководители Великобритании и Франции приняли за основу советский проект договора. Можно было начинать переговоры.

Потенциальные союзники оценивали возможности СССР скромно. Комитет начальников штабов Великобритании считал, что СССР сможет выставить за пределами страны всего 30 дивизий. «Такая оценка обусловила отношение к СССР как к важному, но все же второстепенному фактору в Европе, „неопределенной величине“»⁸³⁸, — комментирует исследователь М. Л. Коробочкин.

К Сталину лидеры стран Запада относились не лучше, чем к Гитлеру, и сближение с ним было явно вынужденным. Британцы намеревались «тянуть» с переговорами, чтобы и соглашения не заключать, и держать Гитлера под угрозой создания могучей коалиции против него. 19 мая Чемберлен заявил в парламенте, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»⁸³⁹. Чемберлен продолжал расставлять гири на своих весах: «Наша политика в отношении Германии не имеет в виду защиту от нее отдельных государств, которым та может угрожать, но имеет целью не допустить доминирования Германии на континенте, чтобы могущественная Германия не превратилась в угрозу нашей безопасности. Захват Польши или Румынии усилит ее военную мощь, именно поэтому мы даем гарантии этим странам»⁸⁴⁰. В июле Чемберлен обсуждал возможности как-то передать Германии Данциг⁸⁴¹. Галифакс считал, что «пока идут переговоры, мы можем предотвратить переход Советской России в германский лагерь»⁸⁴². «В Париже тогда полагали, что советские власти будут ждать исхода политических переговоров с Парижем и Лондоном, прежде чем начнут официальные, даже чисто экономические контакты с Берлином», — суммирует З. С. Белоусова содержание французских дипломатических документов⁸⁴³. Эти заблуждения Парижа и Лондона предопределили тактику затягивания переговоров с СССР, которая так дорого обошлась союзникам.

Молотов пригласил прибыть на переговоры своих коллег Чемберлена и Даладье. Ради Гитлера они легко проделывали подобное путешествие. На худой конец хватило бы министров иностранных дел. Но Лондон и Париж ответили, что переговоры будут вести послы.

14 июня в Москву прибыл Уильям Стрэнг, начальник Центрально-европейского бюро МИД Великобритании, который был направлен как эксперт в помощь послу Уильяму Сидсу. Но Стрэнг, представлявший Форин-офис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Такой низкий уровень представителя британского МИД оскорблял советскую сторону и убеждал в несерьезности намерений Великобритании. Собственно, эта несерьезность была секретом Полишинеля. Чтобы подчеркнуть неравенство уровней делегаций, Молотов разместился в зале переговоров выше партнеров, которые вынуждены были делать записи на коленке. Это возмущало их не меньше, чем Молотова — оскорбительно низкий уровень его визави. Настроение Стрэнга было далеко от оптимизма: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским Союзом, даже не будучи уверенными в том, станет ли он нашим союзником»⁸⁴⁴.

29 июня раздражение советского руководства было выражено публично в статье члена Политбюро ВКП(б) Андрея Жданова в

«Правде» под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Перед лицом срыва переговоров партнеры стали работать энергичнее. К середине июля текст договора был в основном согласован. 12 июля Чемберлен признал, что СССР готов заключить договор. Это была проблема — договорились слишком быстро.

Историк А. О. Чубарьян считает, что эти переговоры «были обречены на неудачу хотя бы еще и потому, что Москва вряд ли пошла бы на подписание любых договоренностей, имеющих целью возможные конкретные операции против Германии в то время, как шли активные контакты с Германией по торгово-экономическим вопросам»⁸⁴⁵. Однако, как уже объяснил Молотов германским партнерам, политическая сторона была в данных условиях важнее экономической. СССР знал, что находится в списке целей Гитлера, и возможность покончить с нацистским очагом агрессии в Европе была, конечно, важнее, чем еще не заключенный торговый договор. Но, как пишет А. О. Чубарьян, «западные партнеры явно не хотели каких-либо обязывающих договоренностей с большевистским режимом, предпочитая использовать переговоры для зондажа или для нажима на Германию»⁸⁴⁶. Однако по мере роста угрозы нападения Германии на Польшу соглашение Великобритании и Франции с СССР становилось для них все более выгодным. Как мы увидим, они предпримут даже некоторые усилия в пользу соглашения в борьбе... с самой Польшей. Ее позиция стала непреодолимым препятствием на пути соглашения.

Камнем преткновения на переговорах о политическом соглашении стал вопрос о «косвенной агрессии». «Именно этот вопрос Лондон избрал для саботажа переговоров»⁸⁴⁷, — утверждает историк Г. Л. Розанов. Слова «косвенная агрессия» были взяты из английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что Гитлер проделал с Чехией — он не напал на эту страну, а заставил ее капитулировать под угрозой нападения и спровоцировал отделение Словакии. Казалось бы, со стороны англичан не должно было последовать возражений по поводу термина «косвенная агрессия». Но историк В. Я. Сиполс пишет, что Великобритания и Франция «все же не соглашались распространять на Балтийские страны ту формулировку, которая была применена ими в гарантийных обязательствах Польше: на случай прямой и косвенной агрессии»⁸⁴⁸. Вообще-то партнеры СССР были согласны оказать помощь жертве как прямой, так и косвенной агрессии. Но под «косвенной агрессией» они понимали случай, аналогичный ликвидации Чехо-Словакии. 9 июля Молотов внес советское определение «косвенной агрессии». Это такая ситуация, при которой государство-«жертва» «соглашается под уг-

розой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»⁸⁴⁹.

По справедливому замечанию М. Л. Коробочкина, это определение явно выходило «за рамки чехословацкого варианта марта 1939 года»⁸⁵⁰. Партнеры попытались вернуть Молотова к образцу чехословацкой трагедии, убрав двусмысленные слова «или без такой угрозы». Но Молотов «уперся». Таким образом, кризис возник из-за позиции СССР, и англичане использовали прямолинейность Молотова, чтобы загнать переговоры в искомый ими тупик.

Позиция Молотова наводила и партнеров СССР, и самих «гарантируемых» на самые неприятные размышления о намерениях Советского Союза. Ведь получалось, что он мог вторгнуться на территорию любого из соседей в случае их добровольного («без такой угрозы») сближения с Германией и при этом рассчитывать на помощь Великобритании и Франции. Речь шла прежде всего о странах Прибалтики. Британцев и французов это совершенно не устраивало.

Распространение гарантий на страны Прибалтики, которые их не просили, было совершенно невыгодно Великобритании и Франции, но настолько же принципиально для лидеров СССР, которые видели в Прибалтике северный фланг «клещей», угрожавших СССР. Сталину и Молотову было совершенно все равно, согласятся Эстония, Латвия и Литва стать плацдармом для нападения на СССР под давлением Германии или без оногo. А страны Запада вовсе не желали воевать с Гитлером, если тот начнет сражаться с СССР за Прибалтику.

В это время французское руководство уже не на шутку было обеспокоено военной угрозой Германии, от которой Франция, в отличие от Великобритании, не была отгорожена морем. Министр иностранных дел Франции Жорж Бонне писал послу в Лондоне: «Колебания британского правительства накануне решающей фазы переговоров рискуют сегодня скомпрометировать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе». При этом Франция «предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом, окончательным или временным, переговоров»⁸⁵¹.

Особенно обидно было то, что кризис возник, когда остальные положения договора уже были согласованы.

В начале июля французский посол Наджиар предложил разрешить противоречия по поводу стран Прибалтики в секретном про-

токоле, чтобы не толкать их в объятия Гитлера самим фактом договора, который фактически ограничивает их суверенитет. «В течение лета 1939 года это было первое серьезное предложение относительно включения в договор секретного дополнительного протокола. Оно исходило от французской стороны»⁸⁵². Первоначально Молотов не воспринял идею секретного протокола, но затем она получила развитие в советско-германских отношениях.

Нежелание партнеров согласиться на формулу Молотова (несмотря на некоторые частные уступки с их стороны) раздражало его, тем более что длительные заседания отвлекали председателя Совнаркома от более срочных дел. В телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне он назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»⁸⁵³. 18 июля он дал команду возобновить консультации с немцами о заключении хозяйственного соглашения. 22 июля было публично заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров. Это обеспокоило британцев и французам, и, чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они 23 июля согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план реального удара по Германии в случае ее нападения на Польшу, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

Историк Ж.-А. Суту пишет, что «французы сомневались в истинных возможностях СССР в случае необходимости эффективно выступить против рейха... 27 июля 1939 года, в письменных инструкциях генералу Эмме Думенку перед его миссией в Москву, Гамелен придерживался этой точки зрения. Поляки будут, помимо снабжения сырьем, боеприпасами и оружием, в случае войны считаться с нахождением на своей территории советских военно-воздушных и танковых подразделений, но не основного состава Красной армии»⁸⁵⁴.

Состав военной делегации также не впечатлил советскую сторону, которая выставила на переговоры наркома обороны Ворошилова. Французов представлял бригадный генерал Думенк. Английскую делегацию возглавил адъютант короля и начальник военно-морской базы в Портсмуте адмирал Р. Дракс, человек весьма далекий от вопросов стратегии, но зато резко критически настроенный в отношении СССР. Маршал авиации Ч. Барнет должен был компенсировать некомпетентность Дракса, но он мало что понимал

в сухопутных операциях. Британская делегация получила инструкцию продвигаться медленно, пропуская вперед политические переговоры, и давать как можно меньше информации. Думенку рекомендовали действовать по обстоятельствам в контакте с англичанами, но тоже больше слушать, чем сообщать.

Миссия союзников не торопясь села на пароход (не самолетом же лететь), vyplыла 5 августа и прибыла в СССР 11 августа. Куда торопиться.

Барнет признал: «Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый договор»⁸⁵⁵. У. Ширер недоумевает: «трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве»⁸⁵⁶. Мотивы очевидны, и они таковы же, как и мотивы Стрэнга. Было неясно, чьим союзником станет СССР.

В это время было также непонятно, чьим союзником станет и Великобритания. В июле в Лондон на заседание Международного комитета по делам беженцев прибыл сотрудник Геринга Гельмут Вольтат. С ним начались консультации советника Чемберлена Гораса Вильсона и министра внешней торговли Роберта Хадсона. Речь шла не о беженцах. План Вильсона, изложенный им Вольтату 21 июля и германскому послу Дирксену 3 августа, предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении, который поглощал бы систему гарантий, данную Великобританией странам Восточной Европы. Сферы интересов двух стран в Европе разграничивались бы, причем за Гитлером признавалась бы гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений, урегулировании колониальных претензий Германии и предоставление ей крупного кредита.

Вильсон считал, что «соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если было бы сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию». Мюнхенский состав, новые горизонты. Когда Вольтат поинтересовался, насколько эти идеи разделяет Чемберлен, Вильсон предложил немецкому гостю пройти в соседний кабинет и получить подтверждение у самого премьера. Не имея полномочий на переговоры на столь высоком уровне, Вольтат отказался, но все услышанное передал в посольство и по начальству⁸⁵⁷. Потом предложения неоднократно уточнялись.

Почему Гитлер не принял столь выгодных предложений? По мнению В. Я. Сиполса, «он рассматривал все подобные предложения как свидетельство слабости Англии»⁸⁵⁸. Если бы Гитлер считал Великобританию слабой, тем более можно было принять ее «капитуляцию» — Гитлер уже сделал это однажды в Мюнхене.

Дело в том, что предложения Вильсона (фактически — Чемберлена) содержали важную оговорку, о которой в середине августа Вильсон сообщил Риббентропу: Германия должна была «не предпринимать акций в Европе, которые привели бы к войне, исключая такие меры, которые получают полное согласие Англии»⁸⁵⁹. Прими Гитлер предложения Чемберлена, и он становился британским «жандармом». Согласится Чемберлен — можно применить силу, не согласится — нельзя. Германо-британский пакт мог стать достройкой британоцентричной вселенной Чемберлена, в которой он мог бы согласовывать требования немцев к полякам, поляков — к СССР (обеспечивая требования немецким кулаком), «разруливать» конфликты США, Японии и Китая, а в случае необходимости «прижать» Германию силами Франции или Францию — силами Германии. Одна загвоздка — Гитлер все не соглашался на отведенную ему роль.

«В ходе тайных и явных англо-германских контактов весной-летом 1939 года Лондон пытался достичь соглашения с Германией, которое позволило бы консолидировать Европу, а Берлин пытался получить гарантии невмешательства Англии в дела Восточной Европы»⁸⁶⁰, — характеризует М. И. Мельтюхов попытки подготовки «второго Мюнхена». Оба варианта, с точки зрения СССР, представляли собой одно и то же: консолидацию Запада (империалистов) и экспансию их агрессивного авангарда к границам СССР. Но для Великобритании и Германии разница была существенной — кто станет гегемоном Европы, кто будет контролировать ее ресурсы и играть роль верховного арбитра в европейских делах, а значит, и во всем мире.

Неясной оставалась и расстановка сил на противоположной стороне земного шара. Как мы видели, эта расстановка непосредственно влияла на позицию СССР, опасавшегося за судьбу своего Дальнего Востока, а также Великобритании и Франции с их колониальными системами. Германия наслаждалась агрессивностью Японии, которая была головной болью европейских противников фашизма. Но 24 июля было заключено японо-британское соглашение Ариты — Крейги, которое исключало конфликт двух империй на Дальнем Востоке в этом году. Стало ясно, что Япония перестала отвлекать на Дальнем Востоке Великобританию, которая окружает Германию в Европе. Как пишет С. З. Случ, «„отпадение“ Японии не только нанесло удар по глобальной концепции Риббентропа — созданию антибританского „всемирно-политического“ треугольника, но и поставило под сомнение саму возможность локализовать германо-польский конфликт. Гитлеру стало очевидно, что Германия оказалась перед перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, без реальных союзников»⁸⁶¹. Чемберлен переигры-

вал Гитлера в стратегической шахматной игре. Нужно было найти сильный ответный ход.

22 июля Шуленбург получил указание возобновить беседы с руководством наркоминдела об улучшении политических отношений⁸⁶².

В конце июля Шнурре получил инструкции вышестоящего начальства встретиться с советскими представителями и возобновить консультации об улучшении советско-германских отношений. Шнурре пригласил пообедать Астахова (в связи с отъездом Мерекалова он стал поверенным в делах СССР в Германии) и заместителя советского торгового представителя Евгения Бабарина (представитель в это время тоже отдыхал). В неформальной обстановке ресторана Шнурре обрисовал этапы возможного сближения двух стран: возобновление экономического сотрудничества путем заключения кредитного и торгового договоров, затем «нормализация и улучшение политических отношений», включающая участие официальных лиц в культурных мероприятиях друг друга, затем заключение договора между двумя странами либо возвращение к договору о нейтралитете 1926 года, то есть к «рапалльским» временам. Шнурре сформулировал принцип, который затем будут повторять его начальники: «во всем районе от Черного моря до Балтийского моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению, неразрешимых внешне-политических проблем между нашими странами»⁸⁶³. К тому же, развивал свою мысль Шнурре, «есть один общий элемент в идеологии Италии, Германии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям... Коммунизм в Германии искоренен... Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию»⁸⁶⁴. Советские собеседники дипломатично не стали возражать. Они тоже не знали сталинских неопределенных сроков. Согласившись с необходимостью улучшения отношений, советские дипломаты уточнили, что из-за прежнего недоверия «ждать можно только постепенного изменения»⁸⁶⁵.

Убеждая свое начальство в выгодности этой ситуации, Астахов предлагал «втянуть немцев в далеко идущие переговоры», чтобы «сохранять козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться»⁸⁶⁶. Сначала Молотов осторожничал, телеграфировав Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, вы поступили правильно». Но получить «козырь» в игре с Западом, а одновременно выторговать экономические выгоды у Германии было соблазнительно. И Молотов, посоветовавшись со Сталиным, отправил новую телеграмму Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений, могут улучшиться и полити-

ческие отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно же, приветствовали бы»⁸⁶⁷. Руководители СССР не питали симпатий к нацизму, но готовы были относиться к Германии так же, как к своим ненадежным партнерам на Западе Европы.

2 августа Астахов встретился уже со Шнурре и Вайцзеккером. Разговор шел о перспективе торгового соглашения. И вдруг «Вайцзеккер, заметив, что он вообще настроен оптимистически, неожиданно добавил, что случайно сейчас в своем кабинете находится Риббентроп, который желал бы меня видеть». Министр иностранных дел Германии начал беседу также с торговых вопросов: «Шнурре говорил мне о беседе, которую имел с вами»⁸⁶⁸. «Я также хотел бы подтвердить, что в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения»⁸⁶⁹. Условие этого сближения — невмешательство во внутренние дела. «Наши идеологии диаметрально противоположны. Никаких поблажек коммунизму в Германии мы не допустим. Но национал-социализм не есть экспортный товар, и мы далеки от мысли навязывать его кому бы то ни было».

Астахов подтвердил, что советское «правительство также считает взаимное невмешательство во внутренние дела одной из необходимых предпосылок нормальных отношений и никогда не считало разницу идеологий и внутренних режимов фактом, несовместимым с дружественными внешнеполитическими отношениями».

Риббентроп тогда произнес ключевую фразу: «Что касается остальных вопросов, стоящих перед нами, то никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского морей, мы могли бы без труда договориться»⁸⁷⁰. Эту мысль министр повторил в разных вариантах несколько раз.

Риббентроп не скрывал, что предложенный им раздел сфер влияния связан с перспективой войны в Европе. «Не будет такой войны, которую проиграл бы Адольф Гитлер», «Данциг будет наш», «Мы не относимся серьезно к военным силам Польши» и за неделю — десять дней «мы сможем начисто выбрать Польшу»⁸⁷¹.

Нарисовав победные перспективы, Риббентроп сменил тон на миротворческий: «Но мы надеемся, что в этом не будет необходимости»⁸⁷². Но было ясно, что сближение с СССР нужно Германии в преддверии нападения на Польшу.

Германский министр поставил перед советским представителем альтернативу: «Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать. Если случится обратное, то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой»⁸⁷³. Риббентроп с гордостью писал: «я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши»⁸⁷⁴.

Однако, как и раньше, германская сторона не хотела дать понять, что нейтрализация СССР нужна ей как воздух: «Он добавил, что не считает необходимым в этом вопросе особенно торопиться, проявлять излишнюю спешку, поскольку вопрос серьезен и подходить к нему надо не с точки зрения текущего момента, а под углом интересов целых поколений». Астахов просил конкретизировать предложения, но Риббентроп хотел для начала знать, «желает ли советское правительство вести вообще какие-либо разговоры на эту тему»⁸⁷⁵. Риббентроп просил Астахова о крайней конфиденциальности этой беседы.

3 августа Астахов делился со Шнуре впечатлениями о беседе с Риббентропом: «Я сказал, что заметил несовпадение некоторых мыслей. Так, Риббентроп говорил о том, что спешить не надо, а Шнуре говорил, наоборот, что надо торопиться использовать ситуацию». Шнуре ответил: «Вопрос о темпе надо понимать именно так, как говорил я». Просто Риббентропу неудобно это официально признать, но время поджимает. Ответ хотелось бы получить за два-три дня»⁸⁷⁶. Шнуре просил запросить советское правительство: «Не было бы целесообразным одновременно с подписанием кредитного соглашения подписать, скажем, секретный протокол, в котором говорилось бы об одновременном намерении обеих стран улучшить политические отношения?» Или оттенить политическое значение договора во вступительном абзаце? Шнуре тоже предупредил Астахова о «необходимости особой конфиденциальности наших разговоров, так как малейшая огласка может начисто „убить“ их»⁸⁷⁷.

В тот же день 3 августа к Молотову пришел Шуленбург, чтобы подтвердить серьезность намерений Берлина: «В этой беседе Астахов спросил Шнуре, предполагают ли более авторитетные лица из германского правительства подтвердить все сказанное Шнуре. Шуленбург имеет поручение германского правительства подтвердить высказанное Шнуре»⁸⁷⁸.

Из отчета Астахова и визита Шуленбурга советское руководство поняло, что Гитлер и Риббентроп крайне заинтересованы в договоренности о нейтралитете в ближайшее время. Значит, Москва могла диктовать условия. Несмотря на выгодность такой дипломатической позиции, Сталин и Молотов в это время по-прежнему предпо-

читали договориться с Великобританией и Францией, продолжая переговоры с ними о военном союзе.

7 августа Молотов указал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»⁸⁷⁹.

8 августа Астахов изложил Молотову свой взгляд на перспективы советско-германских отношений: «По всем признакам подписание торгово-кредитного соглашения не за горами (если, конечно, не произойдет каких-нибудь сюрпризов, на которые немцы такие мастера). Поэтому я позволю себе сделать кое-какие предположения насчет тех объектов возможных политических разговоров, которые имеют в виду немцы»⁸⁸⁰. После подписания экономического договора немцы хотели бы «освежения» рапалльского договора или заключения нового. Они стали осторожнее в антисоветской кампании прессы, «прекратив (в основном) нападки на нас, как на государство, они почти в той же мере приостановили нападки на большевизм, ВКП(б) и даже о К. И. стали писать значительно меньше»⁸⁸¹. Немцы готовы пойти на это «даже в случае осуществления нашего соглашения с Англией и Францией».

Но по существу немцев интересуют, конечно, не эти вопросы. Судя по намекам, которые я слышу, и веяниям, которые до меня доходят, они не прочь были бы, проверив на этих вопросах нашу искренность и готовность договариваться, вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, произведя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий „на всем протяжении от Черного моря до Балтийского“ может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами. Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение в нашей незаинтересованности в судьбе Данцига, а также бывшей Германской Польши (быть может, с прибавкой до линии Варты и даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры такого рода в представлении немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения.

Излагая эти впечатления, получающиеся из разговоров с немцами и других данных, я, разумеется, ни в малой степени не берусь утверждать, что, бросая подобные намеки, немцы были бы готовы всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обя-

зательства. Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей. Что касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен и предугадать которую я сейчас не берусь»⁸⁸². Таким образом, только 8 августа германская инициатива, вылившаяся затем в секретный протокол 23 августа, была доведена до советского руководства. Пока у него была свобода рук — англо-франко-советские переговоры еще не мешали начальной фазе советско-германского сближения.

Польская стойкость

Но военные переговоры в Москве, которые, как казалось Молотову, могли бы вытянуть из тупика политические переговоры с союзниками, зашли в тупик из-за проблемы прохода войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 году СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная армия не могла пройти на поле боя. Тогда Польша была фактически частью прогерманской коалиции. Может быть, теперь все будет иначе? Нет, поляки твердо встали на защиту своих границ против СССР. Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁸⁸³. «Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — с печалью вспоминает У. Черчилль, — Позиция Польши была такова: „С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу“»⁸⁸⁴ (фраза маршала Рыдз-Смиглы).

Ситуация с Польшей была крайне опасна для СССР. Следовала простая комбинация: Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у германской оборонительной линии Зигфрида, а основные сражения развертываются на восточном фронте. После всех комбинаций умиротворения такая стратегическая ловушка представлялась наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

Во время визита в Лондон 2–6 апреля Бек отклонил британское предложение о военном сотрудничестве с СССР.

17 апреля Молотов поставил пред послом Гржибовским вопрос об участии СССР в британско-французских гарантиях. 11 мая Польша

ша четко ответила, что не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР⁸⁸⁵. Раз так, СССР отклонил предложение обсудить соглашение о транзите военных грузов через свою территорию, поставив эту возможность в зависимость от более широкого решения. «Это заявление стало большой неожиданностью для поляков, явно рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через территорию СССР»⁸⁸⁶. Но в Кремле понимали, что такой транзит может угрожать нейтралитету СССР. Либо Советский Союз полномасштабно участвует в большой коалиции против Германии, либо никак не участвует.

Перед Румынией вопрос о пропуске советских войск прямо не был поставлен. А между тем, возможно, ответ был бы не столь холоден, как польский, хотя и тоже неприемлем для СССР. 21 августа премьер министр Румынии Арманд Калинеску обсуждал с королем, что ответить, если Великобритания и Франция спросят, возможен ли проход советских войск в случае войны. Король ответил: «Ответим, что это станет ясным, когда будет война. Во всяком случае, необходимо, прежде всего, безоговорочное признание Бессарабии»⁸⁸⁷. Король был готов торговаться, но к нему так и не обратились. Румыния даже дала согласие на транзит военных грузов в Польшу. Когда Германия после начала войны с Польшей выразила неудовольствие по этому поводу, румыны ответили, что это способ сохранить бесперебойные поставки горючего в Германию, против которого могут выступить Великобритания и Франция⁸⁸⁸.

По словам У. Черчилля, «препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы спасти их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему, — продолжает Черчилль. — Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше страшились — германской агрессии или советского спасения. Именно необходимость сделать этот жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции»⁸⁸⁹.

На втором заседании переговоров о военном союзе 13 августа Нарком обороны Климент Ворошилов заявил: «наше (СССР) участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии»⁸⁹⁰. Ворошилов предложил конкретный план прохода советских войск через польскую территорию по двум узким коридорам. Варианты ведения войны, изложенные начальником генерального штаба РККА Шалошниковым, своей конкретностью особенно впечатлили Думенка, который, в

отличие от британских коллег, разбирался в сухопутных операциях, но имел слабое представление о восточноевропейском театре военных действий. План Ворошилова исходил из наболевшей проблемы «клещей»: северная колонна проходит через Виленский коридор, блокируя поползновения немцев наступать в Прибалтике, а южная — через Галицию, отрезая немцев и от Украины, и от румынской нефти.

Французы поддержали идею прохода Красной армии через четко очерченные полосы польской территории. Но поляки упирались. Лиха беда начало. Сегодня советские войска займут Вильно и Галицию, а завтра откажутся оттуда выходить, напоминая, что это — не польская земля. К тому же поляков беспокоило участие СССР в будущей мирной конференции как одного из победителей, который будет требовать свою долю. Как раз за счет Польши.

Ворошиловский план пугал поляков даже своей конкретностью. Красные должны были занять спорную с Литвой территорию, что позволяло им потом торговаться с участием Литвы, а также ядро украинских земель, что после войны возродило бы «украинский вопрос», способный взорвать Речь Посполитую.

16 августа польский посол во Франции Лукасевич сообщил в Варшаву, что Бонне проинформировал его о советском плане прохода войск через польскую территорию. Даладье и Бонне «думают, что, приняв во внимание совершенно секретный характер возможных военных соглашений, мы могли бы положительно отнестись к советскому предложению»⁸⁹¹.

Бек был возмущен столь некорректной просьбой: «недопустимо, когда эти государства дискутируют о военном использовании территории другого суверенного государства». Утром 20 августа Бек проинформировал западных партнеров о неизменности польской позиции по этому вопросу, но Великобритания и Франция могут дать свой ответ СССР, который не даст «повода к недоразумениям»⁸⁹². То есть придумайте что-нибудь, но Польша не даст права на проход войск.

Столкнувшись с сопротивлением поляков, союзники предложили заключить конвенцию без их согласия (в это время припугнуть Гитлера было бы весьма актуально уже даже для Чемберлена), но тут уж отказался Ворошилов. Красная армия должна иметь право войти в Польшу в первый день войны, а не когда польская армия уже будет разбита.

Не только СССР боялся попасть в ловушку. Его партнеры испытывали точно такие же страхи. «Партнерами владел страх оказаться обманутыми, вовлеченными в войну против своей воли из-за принятых на себя чрезмерных обязательств... Так, британская сторона

почти два месяца отказывалась включить в текст договора пункт об обязательстве партнеров не заключать сепаратный мир, опасаясь, что в случае войны СССР может придерживаться пассивной стратегии и перенести всю тяжесть боевых действий на плечи союзников, которые, даже потерпев поражение, не смогут заключить мир»⁸⁹³, — комментирует М. Л. Коробочкин. То, чего союзники ждали от СССР, они в дальнейшем будут в значительной степени делать сами.

З. С. Белоусова констатирует: «Франция настойчиво добивалась согласия Польши на поставленный советской делегацией вопрос. Однако следует отметить, что это делалось слишком поздно — только в середине августа 1939 года»⁸⁹⁴. 17 августа британская дипломатия, обеспокоенная отказом Гитлера пойти навстречу ее предложениям, присоединилась к попыткам французов сдвинуть польскую позицию с мертвой точки. Но поляки были непоколебимы. Польский посол Ю. Лукасевич заявил в беседе с Бонне: «Чтобы вы сказали, если бы вас просили доверить охрану Эльзас-Лотарингии Германии»⁸⁹⁵. И Эльзас, и Западная Украина были приобретениями, в надежности которых собеседники не были уверены. Удрученный Бонне считал, что отказ согласиться на проход советских войск означал бы, что «Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»⁸⁹⁶.

ТАНЦУЮЩИЕ МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ

В 1942 году Сталин рассказывал Черчиллю: «У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». Сталин привел в пример такой диалог с представителем союзников: „Сколько дивизий — спросил Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?“. Ответом было: „Около сотни“. Тогда он спросил: „А сколько дивизий пошлет Англия?“ Ему ответили: „Две, и еще две позднее“. „Ах две, и еще две позднее, — повторил Сталин. — А знаете ли вы, сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?“ Молчание. „Более трехсот“»⁸⁹⁷. Сталин преувеличивал свои намерения трехлетней давности (все-таки во время разговора с Черчиллем шла Великая Отечественная война, когда выставить пришлось все, что было, и еще больше). На переговорах 1939 года Ворошилов заявил, что СССР выдвинет против Германии 136 дивизий. Но все равно

это было больше, чем могли выдвинуть французы (в реальности за время польско-германской войны они сумели сосредоточить 78 дивизий), и несопоставимо больше, чем британцы, пытавшиеся с такими силами дирижировать всем европейским концертом.

11 августа Гитлер говорил верховному комиссару Лиги наций в Данциге: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может это понять, я буду вынужден найти взаимопонимание с русскими, разбить Запад и потом после его поражения всеми моими объединенными силами повернуть против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы мы снова не голодали, как в последней войне»⁸⁹⁸. Гитлер хотел быть равноправным партнером Запада, его раздражали претензии англичан руководить его походом на Восток. Обстановка вокруг Данцига накалялась. Сторонники объединения с Германией вооружались, поляки мешали этому. Гитлер угрожал полякам. До намеченного срока нападения на Польшу оставалось две недели.

14 августа Астахов сообщил Шнурре, что Молотов согласен обсудить и улучшение отношений, и даже судьбу Польши. Пока нацистов, запланировавших удар по полякам на 26 августа, подводила их собственная игра в «мы не торопимся». Астахов сообщил, что «упор в его инструкциях сделан на слове „постепенно“»⁸⁹⁹.

Тогда нацистские лидеры решили отбросить ложную гордость и попросить Молотова и Сталина ускорить дело. 15 августа посол Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии. Это предложение следовало зачитать Молотову, но не отдавать в руки. Если дело сорвется, противник не должен получить бумаг.

Выслушав это предложение, Молотов согласился, что быстро в этом вопросе нужна. Он прекрасно понимал, что «польский вопрос» разрешится в ближайшее время то ли войной, то ли новым Мюнхеном. Молотов и Шуленбург обсудили ситуацию подробнее.

В итоге приятной беседы Молотов опять разочаровал немецкого посла — визит Риббентропа следовало тщательно подготовить, «чтобы все не ограничилось просто беседами, проведенными в Москве, а были приняты конкретные решения»⁹⁰⁰. А то СССР может ничего не получить от визита, который может окончательно сорвать переговоры с Великобританией и Францией.

Ситуация начинала напоминать сюжет о рыбаке и рыбке, но старуха оказалась хитрее и предложила рыбе множество не принадлежащих ей благ, отчего события развивались в обратном порядке: «золотая рыбка» становилась все более благодушной и в конце концов согласилась сделать «старуху» владычицей половины Европы.

Риббентроп то и дело посылал своего старика к Молотову, обещая все больше и больше: совместно гарантировать безопасность Прибалтийских государств (чего не удалось добиться от «Антанты»), содействовать улучшению советско-японских отношений, заключить поскорее выгодное экономическое соглашение, лишь бы Риббентропа пустили в Москву уже начиная с 18 августа. Но пока, 17 августа, «синее море» было все еще хмурым. Когда Шуленбург появился у Молотова, тот уже проконсультировался со Сталиным и дал ответ на предыдущий запрос Риббентропа: «Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...» Но дальше следовало перечисление прошлых обид. Однако «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», то оно должно сначала доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов марок на семь лет (в 1946 году о нем никто и не вспомнит), поставки ценного оборудования. Сначала — договоры, потом — все остальное. А вот следующим шагом можно заключить пакт о ненападении или подтвердить старый договор о нейтралитете 1926 года. И, наконец, самое интересное: «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта»⁹⁰¹. В этом протоколе можно оговорить все, вплоть до отношения к Польше, ради чего немцы и городили весь огород. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Несмотря на прохладный и высокомерный тон советского заявления, лед продолжал таять. Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как британцы, а министра.

Сам министр тут же послал Шуленбурга к Молотову снова, на этот раз — с проектом пакта, простым до примитивности: «Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга». Второй пункт предусматривал немедленное вступление в действие пакта и его долгую жизнь — 25 лет. СССР и Германия не должны были воевать до 1964 года. В специальном протоколе (о секретности речь не шла) Риббентроп предлагал провести «согласование сфер интересов на Балтике, проблемы прибалтийских государств»⁹⁰² и т. д. Так впервые из уст Риббентропа прозвучала тема «разграничения сфер интересов» (формула, озвученная немцем Г. Вильсоном). Но пока совершенно неконкретно.

Явившись к Молотову, Шуленбург получил очередной ответ: если экономические соглашения будут подписаны сегодня, то Риб-

бентроп может приехать через неделю — 26 или 27 августа. Это было поздно для немцев — как раз в эти дни они планировали напасть на Польшу. К тому же Молотова удивил по-дилетантски составленный проект пакта. Советские государственные деятели, которые уже далеко ушли от революционной юности, привыкли работать более солидно. Они предложили немцам взять за основу один из уже заключенных пактов и составить проект как положено, с несколькими статьями и принятыми дипломатическим оборотами. На предложение Шуленбурга передвинуть сроки визита Риббентропа «Молотов возразил, что пока даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена»⁹⁰³. «Старик поплелся к своей старухе». Было часа три дня 19 августа 1939 года.

Прошло полчаса, и Шуленбурга вызвали к Молотову опять. Явно что-то произошло. Оказывается, после встречи с послом Молотов имел возможность сделать доклад «советскому правительству». Советское правительство в тот момент — это Сталин и его ближайшее окружение. В этот день Сталин в 13:40–13:55 переговорил с Молотовым и Микояном. Тогда. Видимо, была намечена «дообеденная» линия поведения в отношении Германии. Затем Сталин никого до вечера не принимал в Кремле. В это время он мог посовещаться с соратниками где-то еще. Вечером он долго — с 17:35 до 20:25 — говорил с Молотовым с глазу на глаз. Так что получается, что решение о повороте во внешней политике было принято 19 августа Сталиным и Молотовым вдвоем. Вечером 20 августа Сталин провел в Кремле более широкое совещание, где, судя по составу участников, обсуждались идеологические (Жданов), экономические (Микоян, Вознесенский, Тевосян и др.) и военные (Кулик) аспекты дела⁹⁰⁴. Хотя, возможно, Сталин занимался и текушкой.

По мнению И. Фляйшхауэр, причина того, что Сталин решил дать согласие на подписание пакта именно 19 августа, лежит, помимо все большей настойчивости немцев, «в осведомленности Сталина о безуспешных англо-французских усилиях относительно права прохода советских войск через польскую территорию и, с другой стороны, в осложнении положения СССР на Дальнем востоке»⁹⁰⁵. Попытка увязать принятие решения Сталиным с началом советского наступления на Халхин-Голе не выглядит убедительно. Советское наступление планировалось как блицкриг, и Сталин мог потянуть еще несколько дней, чтобы выяснить, как оно развивается. Так что решение принималось исходя из европейских соображений. Стало ясно, что Польша не присоединится к военному соглашению.

Сталин принял решение: внешняя политика СССР меняет направление. Не прекращая переговоров с англо-французскими им-

периалистами, посмотрим, что предложат немецкие. И если предложат больше — возьмем.

На второй встрече с Молотовым 19 августа Шуленбург получил проект пакта о ненападении, составленный по всем правилам дипломатической науки. Одного только там не было — обычного для «литвиновских» пактов указания, что документ теряет силу в случае агрессии одной из сторон против третьего государства⁹⁰⁶. Сталин и Молотов прекрасно понимали, зачем Гитлеру пакт.

Тем же вечером советские дипломаты получили команду не тормозить экономические переговоры. В ночь с 19 на 20 августа торгово-кредитное соглашение было подписано. СССР получал 200 миллионов марок, на которые мог покупать германское оборудование, а долги гасить поставками сырья и продовольствия.

20 августа Гитлер, рискуя своим престижем, направил Сталину личное послание, чтобы подтолкнуть нового партнера принять Риббентропа 22 или 23 августа. В своем письме Гитлер принимал советский проект пакта и предупреждал коллегу о близящемся столкновении Германии и Польши — времени оставалось мало.

Получив письмо Гитлера, Сталин отдал команду Ворошилову, и тот 21 августа зачитал западным военным миссиям заявление, в котором говорилось, что переговоры могут быть возобновлены, как только будет решен вопрос о пропуске войск через Польшу.

21 августа Сталин поблагодарил Гитлера за письмо и согласился на прибытие Риббентропа 23 августа. Этому дню суждено было стать историческим.

Как делить Европу?

Когда Гитлер узнал, что Риббентроп может ехать в Москву 23 августа, он воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»⁹⁰⁷

Гитлер говорил 22 августа, что теперь боится только одного: что «в последний момент какая-нибудь сволочь предложит план посредничества»⁹⁰⁸. Имелся в виду Чемберлен и, возможно, Муссолини.

Поскольку Польша своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение англо-франко-советского союза до близившейся развязки германо-польского конфликта перестало быть реальной альтернативой германо-советскому сближению. Очевидно, что после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией военное соглашение вообще не могло быть заключено. 22 августа Ворошилов встретился с Думен-

ком, который как раз накануне получил согласие правительства на подписание военной конвенции, если ее проект все-таки выработается. Ворошилов сказал: «Французские и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»⁹⁰⁹. Возможность была именно не исключена. Переговоры с Риббентропом могли еще и сорваться.

Но выработать соглашение было невозможно без согласия Польши на проход советских войск. «И формально переговоры в Москве зашли в тупик именно вследствие нежелания Польши дать согласие на проход советских войск. И хотя в последний момент Франция осуществила нажим на Польшу и буквально вырвала у нее такое согласие, было уже поздно, и переговоры закончились неудачей»⁹¹⁰. В действительности такого согласия у Польши Франция не вырвала, и позиция Польши стала не формальной, а фактической причиной провала переговоров.

Узнав о поездке Риббентропа в Москву, Бек разрешил западным партнерам на военных переговорах (которые уже провалились) всего лишь проинформировать советскую сторону, что «в случае совместной акции против агрессоров сотрудничество между СССР и Польшей не исключается в условиях, которые могут быть согласованы. В связи с этим штабы считают необходимым провести с советским штабом изучение всех гипотез. При случае я еще раз категорически заявил, что не противлюсь такой формулировке лишь для тактического облегчения, но наша принципиальная позиция в отношении СССР является окончательной и остается без изменений»⁹¹¹.

Тем временем слухи о советско-германском сближении не на шутку беспокоили Японию. 22 августа, когда советские танки уже прорвали японский фронт за Халхин-Голом, японский посол Осима встретился с Вайцзеккером. Он был крайне обеспокоен тем, что, «если Россия освободится от забот в Европе, она усилит свой фронт в Восточной Азии и оживит китайскую войну»⁹¹². Союз с коммунистической державой явно противоречил обязательствам Германии по Антикоминтерновскому пакту. Посол «ожидает в Японии некоторый шок» от подписания пакта. Вайцзеккер стал успокаивать японца, разъясняя, что пакт будет способствовать нормализации советско-японских отношений. Да и прежнее толкование антикоминтерновского пакта как антисоветского устарело. Ведь «для Японии Англия стала врагом № 1, а Германии угрожает не столько русская, сколько британская политика». И если уж быть до конца откровенными, то, когда Германия предлагала еще сильнее углубить немецко-японское сотрудничество, «японское правительство тянуло»⁹¹³. В мае

японцы отказались дополнить Антикоминтерновский пакт военным соглашением. Не был забыт Гитлером и пакт Ариты — Крейги, который умиротворил японо-британские отношения, к неудовольствию Германии. Пришлось послу проглотить пилюлю. Но японцы не забыли, что Гитлер не ставил их заранее в известность о своих внешнеполитических прыжках, и в 1941 году при очередном резком повороте не последовали за ним. Вайцзеккер признал: «Мы пересели на русскую лошадку и сумели... быстро отдалить от себя японцев»⁹¹⁴.

23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный прием, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин, который не поддерживал разговоры о «духе братства» двух народов, а деловито торговался.

Советская сторона приняла немецкие поправки к проекту пакта, кроме помпезной преамбулы о дружбе.

В окончательном виде проект предусматривал:

«Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами». «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Немцы поправили советский проект так, чтобы было не важно, кто стал инициатором войны.

Статья 3 предусматривала взаимные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес. Статья 4 фактически аннулировала Антикоминтерновский пакт: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны»⁹¹⁵. После этого Антикоминтерновский пакт пришлось заменять Тройственным пактом, который был заключен 27 сентября 1940 года. Но и военная конвенция СССР с Великобританией и Францией стала невозможной.

Статья 5 предусматривала создание комиссий для урегулирования споров и разногласий. По настоянию немцев была вписана формулировка о «дружественном» обмене мнениями. По предложению немцев договор заключался на десять лет и должен был вступить в действие немедленно.

Сложнее шел раздел сфер влияния. Риббентроп предложил линию, примерно соответствующую линии Керзона (объявленной в 1919 году границе этнической Польши), за которую германские войска не намерены заходить в случае войны. Территория восточнее этой линии была признана сферой интересов СССР. Риббентроп

предложил СССР распоряжаться судьбой Финляндии и Бессарабии. Прибалтику было решено поделить на сферы интересов: Эстонию (наиболее опасное направление «клещей») — Советскому Союзу, Литву — Германии. По поводу Латвии разгорелся спор. Риббентроп пытался «отбить» в немецкую сферу влияния Либаву и Виндаву, но эти порты были нужны Советскому Союзу, и Сталин знал, что соглашение Гитлеру дороже, чем два порта и вся Латвия в придачу. И так советская сфера влияния была меньше, чем владения Российской Империи. Гитлер не стал упрямиться и отдал Латвию, сообщив свое решение Риббентропу в Москву.

Впрочем, если бы Сталин настаивал на других требованиях, Гитлер был готов уступать «вплоть до Константинополя и проливов»⁹¹⁶.

Секретный протокол предусматривал: «1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами»⁹¹⁷. Из этой фразы не следует, что речь идет о ликвидации государственности перечисленных стран.

«2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия»⁹¹⁸.

И здесь еще не говорится о полной ликвидации Польского государства.

Уступки Германии на Балканах ограничивались возвращением СССР Бессарабии, которую он и так считал незаконно оккупированной Румынией.

«3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях»⁹¹⁹.

После подписания документов с плеч участников переговоров свалилась гора — срыв встречи означал бы стратегический провал для обеих сторон. Разговор пошел гораздо дружелюбнее.

В ходе беседы с Риббентропом «Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп, поддержав ценную для него антианглийскую тему, сказал, что «Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство». «Господин Сталин живо согласился с этим... Англия еще господствует в мире... благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией... Сталин далее выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость, будет вести войну ловко и прямо»⁹²⁰.

Беседуя с Риббентропом, Сталин сказал, что «есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить»⁹²¹. Это был сигнал для Токио, и там он был услышан, тем более что в купе с разгромом 6-й японской армии под Халхин-Голом слова Сталина звучали особенно убедительно. Допустившее операцию командование Квантунской армии было смещено.

Риббентроп заявил, что «Антикоминтерновский пакт был, в общем-то, направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Он даже пошутил: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту»⁹²². Это был зондаж. Через год такая возможность будет обсуждаться более серьезно.

Важную роль играли и тосты на банкете по поводу успешного проведения мероприятия. Сталин сказал: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье»⁹²³. Молотов и Риббентроп пили за Сталина, причем советский премьер специально подчеркнул, что нынешнее изменение международной обстановки началось с речи Сталина на съезде, «которую в Германии правильно поняли»⁹²⁴. Молотов затем развивал эту мысль: «т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз»⁹²⁵. Теперь, когда дело было сделано, можно было в порядке восхваления Вождя таким образом интерпретировать пассаж сталинской речи о межимпериалистических противоречиях. Во время беседы Сталин показал Риббентропу, что прекрасно осведомлен о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, Сталин произнес: «речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»⁹²⁶. Сталин понимал, какой может быть альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт.

Советско-германский пакт о ненападении, известный как пакт Молотова — Риббентропа, был подписан в ночь на 24 августа 1939 года (официальной датой его подписания считается день начала переговоров 23 августа).

Эта дата стала одной из рубежных в мировой истории, и споры о Пакте разделяют историков, да и образованных людей вообще, идеологическими барьерами. Для одних Пакт — необходимая мера защиты страны от гитлеровского нападения: «Советско-германский договор о ненападении содействовал укреплению безопасности не только у западных границ СССР, но привел к стабилизации обстановки и на восточных рубежах страны»⁹²⁷. Намеренно цитирую монографию, которая вышла не в 1947 и не в 1977, а в 1997 году.

Для других Пакт — преступление, которое обрекло народы Европы на раздел между двумя тоталитарными режимами. По типичной оценке, высказанной С. З. Случем, пакт «предоставлял агрессору полную свободу действий», а в секретном протоколе «зафиксировал договоренность двух агрессивных государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша»⁹²⁸.

Подводя итог заключению пакта между СССР и Германией, Черчилль утверждает, что «только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт»⁹²⁹. Политик здесь явно возобладал над историком, что часто случается в повествовании Черчилля. Он «забыл», что всего годом ранее государства Запада, которые Черчилль вовсе не считал тоталитарными и деспотичными, пошли в Мюнхене на столь же «одиозный и противоестественный акт».

Сегодня, в начале XXI века, уже можно выйти из плена идеологических сражений середины столетия и взглянуть на предвоенный период более спокойным взглядом. Это было в прошлом веке. Как мы судим о Наполеоновских войнах, которые не мешали развитию советско-французских отношений во второй половине XX века. Спокойный взгляд поможет точнее оценить логику событий, что необходимо, дабы не повторять историю как новую трагедию.

Прежде всего, возникает вопрос: предопределял ли Пакт территориальный раздел Восточной Европы? И. Фляйшхауэр с присущей ей научной дотошностью предлагает проводить «различие между законной заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим

последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния — с другой»⁹³⁰. Если разделять эти понятия, то на первое Сталин согласился 19 августа (за четыре дня до подписания пакта), а на второе — уже после начала германо-польской войны, когда выяснилось, что нового Мюнхена не будет, но поляки не смогут оказать длительного сопротивления немцам. Это уже позволяет увидеть широкий спектр альтернатив, которые должны были браться в расчет в Кремле. Уже после Пакта могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции и новый Мюнхен — уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло бы поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 года, и она совершенно не исключалась Пактом.

Исходя из многовариантности событий, М. И. Мельтюхов считает: «Что касается секретного протокола к советско-германскому пакту, то этот документ также носит достаточно аморфный характер. В нем не зафиксированы какие-либо антипольские соглашения сторон... Как видим, все „антипольское“ содержание документа состоит из бесконечных оговорок — „если бы да кабы“ и абстрактных понятий „сферы интересов“, „территориально-политическое переустройство“. В любом случае никаких реальных территориальных изменений или оккупации „сфер интересов“ советско-германский договор не предусматривал»⁹³¹. Ну как же не зафиксированы антипольские соглашения? По территории Польши проводились разграничительные линии. Подробное соглашение в любом случае было направлено против Польского государства, как бы ни оценивать понятие «сфера интересов». Но можно согласиться с М. И. Мельтюховым, что в неконкретности — принципиальное отличие советско-германского пакта от мюнхенского. Но именно после Мюнхена «аморфные» понятия (кстати, широко применявшиеся в колониальной дипломатии) получили конкретное наполнение. Верно, что пакт 23 августа оставлял Гитлеру возможность как для военных, так и для «мюнхенских» решений. Но все эти решения (в том числе и те, что могли быть предприняты вместе с СССР и Великобританией) являлись антипольскими. Пакт закрывал возможность германо-польского сближения за счет СССР. Но этим он делал неизбежным сокращение территории Речи Посполитой, «территориально-политическое переустройство», которое никак не соответствовало ее интересам.

Пытаясь защитить СССР от обвинений в агрессивных намерениях, В. Я. Сиполс утверждает: «ни на какую сферу интересов в Польше СССР не претендовал»⁹³². Если под Польшей понимать Польское государство, то такая претензия прямо записана в протоколе. По версии В. Я. Сиполса, Сталин был вынужден принять нацистские формулировки, потому что не было времени их переделывать. Как мы видели, участникам переговоров хватило времени не только на то, чтобы согласовать многочисленные формулировки, но и чтобы основательно поторговаться по поводу сфер интересов, на которые «не претендовал» СССР.

Была ли альтернатива Пакту и в чем конкретно она заключалась? Альтернативы в истории есть практически всегда. Но не все они ведут к лучшим последствиям.

Советские державники настаивают на безальтернативности пакта. Либерально-западническая литература доказывает возможность продолжения переговоров об англо-франко-советском союзе. Как мы видели, успех этих переговоров был невозможен в дни, оставшиеся до намеченного Гитлером нападения на Польшу.

М. И. Семиряга предлагает целых три альтернативы Пакту. Первый путь: затягивание переговоров с Германией при продолжении переговоров с англичанами и французами. Это было чревато вовлечением СССР в германо-польское столкновение без возможности оказать Польше эффективную помощь в первые дни войны (а затем это вталкивало СССР в описанную выше стратегическую ловушку). Второй путь: если Великобритания, Франция и Польша так и не пошли бы на разумный компромисс с СССР, все же заключить договор с Германией, включив в него право аннулировать договор в случае агрессии Германии против третьей страны. Но при чем тут «если». Польша свою позицию менять не собиралась. Следовательно — предлагаются переговоры с Германией на неприемлемых для нее условиях (зачем Гитлеру пакт, который будет разорван 1 сентября). Это — тот же первый путь «затягивания». Оба первых пути выводят на третий путь — ни с кем договоров не заключать. В этом случае, по мнению М. И. Семиряги, «Советский Союз сохранял бы подлинно нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне»⁹³³. Эта логика поразительно напоминает оправдания советских идеологов по поводу Пакта. Он помогал оттягивать войну. Только вариант Семиряги очевидно слабее, поскольку оставляет широкие возможности для антисоветского англо-германского сближения за счет СССР, нового Мюнхена с разворотом всей силы германской агрессии на восток. Впрочем, сам М. И. Семиряга перечеркивает все свои три альтерна-

тивы Пакту таким заявлением: «Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу»⁹³⁴. Очевидно, что никто таких гарантий дать не мог. Но если бы Германия не напала на Польшу, она могла договориться с Западом, что для СССР было бы не лучше. Таким образом, рассуждения М. И. Семиряги в поддержку «альтернатив» скорее убеждают в оправданности Пакта.

Польский историк М. Волос считает, «что в результате подписания пакта Молотова — Риббентропа гитлеровские войска были приглашены соседствовать с СССР, риск агрессии с их стороны увеличивался»⁹³⁵. Однако в случае нападения Германии на Польшу при нейтралитете СССР (а Польша не просила его о помощи) германские войска и так стали бы соседствовать с СССР, но только гораздо ближе к Москве.

Альтернатива подписанию пакта была. Но, как мы видели, это было не заключение англо-франко-советского союза. До нападения Германии на Польшу шансов на это не было. А после нападения Советскому Союзу было невыгодно вступать в войну, которая начинается с поражения одного из союзников. СССР мог остаться нейтральным и не принять участия в разделе Польши. Это означало возвращение к внешнеполитической ситуации 1927–1933 годов и конца 1938 года — уход в глухую оборону в ожидании, когда столкновение «империалистических хищников» приведет к революциям. Но в первые годы войны ничего, способствующего революциям, не происходило. Поэтому стратегия «глухой обороны» была весьма рискованной. Выбор времени удара по СССР оставался за противником. Момент начала советско-германской войны удалось бы отодвинуть на несколько лет — пока Гитлер не расправится с Францией и Великобританией. А затем СССР остался бы один на один с объединенной Гитлером фашистской Европой и Японией, опирающейся на ресурсы Китая и Индии.

Сталин предпочел другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики, — участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением. Специфика XX века заключалась в том, что борьба велась не просто за польское или даже французское наследство, а за наследство глобального рынка и глобальной системы колониального господства европейских держав. Судьба всего мира была ставкой в борьбе нескольких бюрократий, усилившихся в результате выхода индустриального общества на государственно-монополистический уровень развития.

РАЗРУШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Важное последствие Пакта заключается в крахе британоцентричной политической вселенной Чемберлена. Если раньше британская политическая элита могла регулировать баланс Франции (с ее союзниками, среди которых волею политической логики оказался и СССР) и Германии (в чей лагерь сползла Италия), то теперь в центре европейской политики оказывалась именно Германия. С одной стороны, у нее были новые «дружественные» отношения с СССР, с другой — консультации с Великобританией, с третьей — «стальной пакт» с Муссолини и пусть слабеющие, но все же теплые отношения с далекой и столь важной Японией. Потягивая за эти ниточки, Гитлер мог наращивать свою мощь за счет аннексий в Восточной Европе и управлять Европой и миром так же, как раньше это пытался делать Чемберлен. Но только Гитлер предпочитал другие методы.

Для британской элиты новое положение было совершенно неприемлемо. Война становилась в повестку дня. Европейские веса надломились.

И это была серьезная угроза для Гитлера. Он победил на дипломатическом фронте, а противник смешивал карты и начинал новую игру. Подготовка Германии к большой войне не была завершена.

Тем более это касалось Италии. «Стальной пакт» стал «ржаветь». Заключением пакта с СССР и планом нападения на Польшу Гитлер опять поставил союзника перед фактом. Когда итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико информировал Чиано о такой угрозе в июле, министр обвинил его в паникерстве, потому что «Риббентроп еще раз заверил в решимости избежать войны на длительное время»⁹³⁶. Но уже с начала августа не замечать приближение войны было невозможно, и Муссолини, не говоря уж о Чиано, делал все, чтобы Италия не была вовлечена в это столкновение. Италия не была готова к этому ни в военном, ни в экономическом отношении. После встречи с Гитлером и Риббентропом 11 августа Чиано написал в дневнике: «Я начинаю осознавать, как мало мы значим в глазах немцев»⁹³⁷. Муссолини метался между нежеланием ввязываться в рискованную войну и желанием получить свою долю, если Германия победит. Надежды расширить итальянскую империю Муссолини прикрывал рассуждениями о чувстве долга перед союзником, который, правда, уже много раз обманывал итальянских партнеров: «честь заставляет его идти вместе с Германией. Наконец, он заявил, что хочет получить свою долю добычи в Хорватии и Далмации»⁹³⁸. В итоге трезвые расчеты возобладали над эмоциями и жадностью. Муссолини решил, что вступать в войну рано.

25 августа Гитлер решил извиниться перед Муссолини за то, что не привлек его к переговорам по Пакту: «Я не информировал вас подробно, дуче, так как я понятия не имел о возможной продолжительности этих обсуждений или о какой-либо гарантии возможного их успеха»⁹³⁹. В ответе Муссолини было две новости: хорошая и плохая. Как большой миротворец и инициатор Мюнхена, дуче пока был не против Пакта с СССР: «Что касается соглашения с Россией, то я одобряю его полностью»⁹⁴⁰. Но по той же причине он не собирался участвовать в войне плечом к плечу с Гитлером: «Если Германия атакует и союзники Польши начнут ответную атаку против Германии, я хочу заранее дать вам знать, что будет лучше, если я не возьму на себя инициативы в военных действиях ввиду нынешнего состояния итальянских военных приготовлений, о чем мы неоднократно говорили вам, фюрер, и господину фон Риббентропу»⁹⁴¹.

Италия готова вступить в войну, но только после того, как получит необходимые для военной экономики сырье и материалы. Запросы Италии были столь высоки, что Гитлер счел за лучшее оставить Муссолини в покое: «Он указал, что понимает наше положение и призывает нас быть дружественными. Он предполагает уничтожить Польшу и разбить Францию и Англию без посторонней помощи»⁹⁴².

Британский историк Л. Кеттенаккер считает: «Чемберлену удалось сначала удержать Муссолини от участия в войне»⁹⁴³. Не Чемберлену, а Гитлеру, который начал войну слишком рано.

Единственным «союзником» Германии в войне с Польшей оказалась Словакия, войска которой 24 августа были подчинены Гитлеру⁹⁴⁴.

Такие влиятельные участники предвоенных событий, как Муссолини и Вайцзеккер, считали, что советско-германский пакт поможет достижению нового Мюнхена. Теперь-то англичане станут сговорчивее. И полякам не на что надеяться. По свидетельству Вайцзеккера, после пакта даже Гитлер «полагает, что поляки уступят, и снова говорит о поэтапном решении. После первого этапа, считает он, англичане откажут полякам в поддержке»⁹⁴⁵. Но польский посол в Париже Лукасевич утверждал: «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!»⁹⁴⁶.

25 августа Британия заключила военный союз с Польшей, который, однако, был направлен только против Германии и не касался возможного вторжения со стороны СССР⁹⁴⁷.

Гитлер сообщил Герингу, что отложил вторжение в Польшу до 1 сентября: «мне придется посмотреть, нельзя ли устранить возможность вмешательства Англии»⁹⁴⁸. Геринг активно участвовал в этих попытках, привлекая своего знакомого шведского бизнесмена Биргера Далеруса, который курсировал между Германией и Великобританией. Гитлер соглашался на англо-германский союз, предостав-

ление свободной гавани для Польши в Данциге, когда город станет частью Германии, урегулирование колониального вопроса. Но при одном условии — в сентябре Данциг должен быть немецким.

В свою очередь, Папа Пий XII устами нунция Филиппа Кортези уговаривал Бека сохранить мир, отдав Гданьск и Поморье. Бек, естественно, не согласился⁹⁴⁹.

Гитлер договорился со Сталиным, и политическая вселенная, в центре которой стояла Великобритания, рухнула. Хотя Чемберлен еще пытался восстановить положение военными средствами, для этого не годился ни он, ни Великобритания. На место лидера Запада властно выходили США во главе с Рузвельтом, а в самой Великобритании в затылок Чемберлену дышал Черчилль. Оставалось только определиться, кто возглавит мир противостоящих Западу «варваров» — Гитлер или Сталин, и будет готова новая Большая тройка руководителей планеты.

Глава VII

Странные войны

Со времен Реформации как минимум раз в несколько десятилетий в Европе происходили большие коалиционные войны. Механика вызревания европейской войны была связана с высокой концентрацией межгосударственных противоречий в этой части света. Много государств — высокая плотность конфликтов. Чтобы добиться своих целей, государства вступают в союзы. Возникновение одного союза влечет за собой появление множества других. Противники союзников создают свою коалицию, чтобы противостоять угрозе. Противники противников примыкают к первой коалиции. В конце концов, пометавшись между сторонами, большинство стран Европы примыкают к той или иной коалиции. После этого достаточно обострения одного из бесчисленных конфликтов, чтобы вступила в действие цепная реакция европейской войны. Вслед за конфликтом двух стран приходят в движение армии двух коалиций.

Война на некоторое время разряжает ситуацию. Побежденные уступают победителям. Но между победителями существуют свои противоречия, и всегда находятся силы, склонные заступиться за побежденных, чтобы сохранить противовес сопернику. К тому же побежденный народ тем сильнее жаждет реванша, чем сильнее его унизили. Со временем социально-политические и военно-экономические перемены приводят к изменению соотношения сил, обострению старых и возникновению новых конфликтов. И все начинается сначала.

Мы видели, что европейские политики не сидели сложа руки в ожидании нового военного взрыва и пытались остановить пагубный механизм вызревания новой европейской войны — и путем переговоров о разоружении, и путем посылки наиболее агрессивной силы в бескрайние просторы «варварского мира». Но со времен колониального раздела мира планета была поделена, и теперь ее можно было только переделить. Интересы европейских великих держав, к которым присоединились США и Япония, сталкивались повсеместно. Европейские противоречия становились мировыми. И европейская война могла превратиться в мировую.

Когда началась Вторая мировая?

1 сентября Гитлер решил, что дальнейшее промедление с решением «польского вопроса» позволит Западу переиграть Германию. 31 августа в пограничном немецком городе Глейвиц нацисты организовали инсценировку польского нападения на местную радиостанцию. Фюрер заявил, что не намерен более терпеть польских провокаций, и германские армии вторглись в Польшу с запада, севера (из Восточной Пруссии) и юга (с территории Словакии). Началась германо-польская война, известная также как польская кампания вермахта.

1 сентября считается началом Второй мировой войны, но в этот день воевали пока Германия, Словакия и Польша. Только 3 сентября Великобритания и Франция все же решились заступиться за Польшу и объявили войну Германии. Чемберлен говорил, объявляя войну: «Все, для чего я работал, все, на что я надеялся, все, во что я верил в течение всей моей политической карьеры, разрушилось до основания»⁹⁵⁰. Почему бы после этого не уйти в отставку? Чемберлен не ушел. Потому что разрушилось на самом деле не все, и у дела умиротворения еще оставались шансы.

Правда, до реальной войны европейских великих держав было еще далеко, но в конце концов она разразилась (уже после гибели польского государства). Так что польская кампания в той же степени является частью европейской войны, в какой бикфордов шнур является частью взрывчатки, к которой присоединен. Догорит — получится один большой взрыв. Но можно и потушить.

1 сентября начало европейской войны (о мировой пока речи не идет) было под вопросом. 2 сентября Муссолини выступил с инициативой: немедленно объявить перемирие, созвать конференцию великих держав и решить все территориальные споры с учетом сложившегося соотношения сил. К этому времени немцы захватили искомый Данциг, но не установили даже контроля над балтийским побережьем.

Британская элита не была склонна уступать. Во-первых, общественное мнение уже было взбудоражено. Даже связанные с Чемберленом средства массовой информации, поддерживая его нынешние воинственные заявления, создавали общественное мнение, неблагоприятное для уступок Гитлеру. Что уж говорить о лейбористах, либералах и сторонниках Черчилля. Во-вторых, восстановление позиций Великобритании было возможно лишь в случае ослабления Германии и восстановления существовавшего мирового порядка.

Чемберлен ответил Муссолини, что готов на мирные переговоры, но только в случае отвода немецких войск на исходные позиции.

2 сентября французский посол Пайар спросил у Молотова и Потемкина, сохраняет ли силу советско-французский договор о взаимопомощи. Те ответили уклончиво, переведя разговор на то, что англичане и французы сами виноваты, что сорвали московские переговоры⁹⁵¹. Все равно к сложившейся ситуации советско-французский пакт не был применим — ведь нападать собиралась Франция на Германию, а не Германия на Францию.

Гитлер понимал, что, остановив войска, он теряет и престиж (а это грозило военным переворотом), и эффект внезапности. А международная конференция может и не согласиться с территориальными изменениями, полученными таким бандитским путем. Стоит остановить войска, и нападение будет сорвано. Гитлер рассчитывал на молниеносную войну — «блицкриг». Фюрер отказался отвести войска. 3 сентября европейская война стала юридическим фактом.

Считается, что с этого началась мировая война. А вот в Китае считают, что мировая война началась в 1937 году, когда Япония напала на Китай. Ведь японо-китайская война стала потом составной частью Второй мировой войны.

Китайцам возражают, что в 1937–1938 годах мировой войны не было как случившегося факта. Приток не является частью реки. Но в этом смысле во время польской кампании мировой войны тоже еще не было. Была европейская война.

В 1940 году война охватила часть Северной Африки. Но войны в Средиземноморском бассейне со времен Рима и Карфагена частенько охватывали североафриканское побережье, и никому не приходит в голову называть такие войны мировыми.

Может быть, европейскую войну можно сразу же считать мировой потому, что Европа в то время была «столицей мира»? Отсюда управлялись колонии, охватывающие почти всю планету. Но колонии существовали и раньше, в ходе большинства европейских войн боевые столкновения происходили также и в колониях. Во время Семилетней войны, например, сражения шли и в Америке, и в Индии. Но Семилетнюю войну не принято называть мировой. Судьбы войны решались все равно в Европе, и стычки в колониях не отвлекали стратегов от главного театра военных действий.

Так что дата 1 сентября 1939 года в качестве начала Второй мировой войны является условной. Война стала в полном смысле слова мировой в 1941 году, когда соединились два ее очага — европейский и тихоокеанский, когда американцы, азиаты и европейцы стали сражаться не просто одновременно, но и во имя взаимосвязанных целей⁹⁵².

В сентябре 1939 года европейская война начиналась странно. Прежде всего потому, что она состояла из трех разных, по-своему удивительных войн. Первая — германо-польская — была необычной в силу своей скоротечности. Вторая — британско-франко-германская — так и называлась «странной». А третья — советско-польская — вообще считалась «мирной».

Начнем с германо-польской. Она считается классическим вариантом «блицкрига», в котором германские танковые клещи, вонзившись в оборону противника с трех сторон, замкнули кольца окружения у столицы Варшавы и к востоку от нее — в глубоком тылу, решив дело за две недели. Такая интерпретация выгодна всем, кроме поляков, ибо подчеркивает немецкую военную славу, право СССР «взять под защиту» остатки разгромленного государства и нежелание союзников оказывать помощь стране, которой еще недавно клялись: в беде не оставим. Так что к нашему времени устоялся такой взгляд на эту войну: «Германские бронетанковые войска, формирующие острие армии, прошли сквозь эшелон шести польских армий (ок. 800 тыс. человек) под командованием маршала Эдварда Смиглы-Рыдза, как нож сквозь масло»⁹⁵³.

Однако сначала масло было сильно подмороженным, и у ножа были проблемы. А это важно, если учесть, что Франция обещала нанести удар по линии Зигфрида на 15-й день войны.

Соотношение сил по численности было небезнадежным для поляков — миллион войска польского на более полутора миллиона солдат вермахта. Зато по самолетам немцы имели пятикратное превосходство, а по танкам трехкратное. Если бы польская армия встретила противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах, у нее был бы шанс продержаться подольше. Но Рыдз-Смиглы расположил свои войска равномерно по периметру границы, не особенно заботясь об оборонительных сооружениях. Между тем героическая оборона крепостей и городов станет яркой страницей этой войны. Так, 182 польских солдата в крепости Вестерплатте в устье Вислы держались неделю против нескольких тысяч немцев. Гдыня сопротивлялась до 19 сентября. До конца сентября держались Модлин и Варшава. Но серьезных оборонительных сооружений, которые могли бы помочь развернутым вдоль границы армиям, у Польши не было. В этом заключалось разительное отличие поляков от чехов. Одни, имея великолепные укрепления в горах, не решились их защищать, другие ринулись в бой, не позаботившись об обороне заранее. Но в беспечности поляков была своя логика — им нужно было неделю простоять да неделю продержаться, а потом придет на помощь армия союзников.

Создав подавляющее превосходство на направлениях главных ударов, командование вермахта рассчитывало быстро расчленив оборону поляков, замкнуть клещи вокруг Варшавы и к западу от нее.

Но наступавшая из Восточной Пруссии 3-я армия была остановлена у Млавы польской армией «Модлин» и пока не могла прорваться дальше. Поляки успешно отбивались и у Грудзенза.

Первые бои шли с переменным успехом. «На одном участке, — рассказывает американский журналист У. Ширер, — когда танки неслись на восток через Польский коридор, они были контратакованы Поморской кавалерийской бригадой, и взору автора этих строк, посетившего несколько дней спустя участок, где разворачивалась контратака, предстала отвратительная картина кровавой мясорубки.

Для скоротечной польской кампании это было символично. Лошади против танков! Длинные пики кавалеристов против длинных стволов танковых пушек»⁹⁵⁴.

Но кроме событий-символов были и менее приятные для немцев эпизоды. В районе Мокра уланский полк Волынской кавалерийской бригады отразил удар 4-й танковой дивизии вермахта. Артиллерией полка было подбито 12 танков. Дальнейшие попытки немцев прорваться на этом участке кончились для них еще большими потерями.

2–3 сентября, когда Муссолини еще предпринимал попытки добиться прекращения огня и нового Мюнхена, немцы не смогли завоевать даже балтийский коридор (он был захвачен 4 сентября). Надежда немцев прорвать польских фронт и окружить основные силы противника западнее Варшавы, пока оставалась мечтой.

Хотя стратегические намерения германского командования определились, Рыдз-Смиглы колебался — то ли сражаться за каждую пядь польской земли, то ли отходить к Варшаве и держаться за Вислу и Нарев. Все зависело от того, когда ударят французы. Союзники передавали одно сообщение оптимистичнее другого, и Рыдз-Смиглы мог надеяться, что вот-вот немецкий натиск ослабнет, когда союзники ударят в Рур — экономическое сердце Германии.

4 сентября танки 10-й армии вермахта прорвались за реку Варту и устремились на Варшаву. По словам М. И. Мельтюхова, «произошел первый в истории Второй мировой войны танковый прорыв, ставший в дальнейшем основой военного искусства германских сухопутных войск»⁹⁵⁵. Однако, когда немецкие танки подошли 8 сентября к Варшаве, они уже настолько оторвались от тылов, что взять столицу не смогли. Дошло до того, что двигавшиеся в авангарде танки уничтожались жителями варшавских пригородов.

Несмотря на прорыв немецких танков, польская армия «Лодзь» продолжала держаться на Варте. Благодаря упорному сопротивле-

нию поляки получили возможность отводить свои основные силы на более удобные рубежи обороны. Но во время этого стратегического отступления обнаружилось главное уязвимое звено польской армии — управление.

Польская армия все еще оставалась организацией времен Первой мировой войны. Мало того, что польские танки и авиация не представляли силы, с которой немцам приходилось считаться. В польской армии почти не было радиосвязи. Приказы передавались с нарочными, что в условиях маневренной войны было смерти подобно. Каждое изменение обстановки требовало новых решений, и приказы доходили до адресата как раз тогда, когда командование предпринимало противоположное решение. Фронт стал расползаться, армии передвигались зигзагами и сами попадали под удары быстро продвигавшихся немецких клиньев. У поляков были бы дополнительные возможности для обороны, если бы они сразу же заняли ее вдоль рек и более компактно. Но теперь до этих рубежей нужно было еще дойти.

Отступая, поляки ускользали из приготовленного им котла. Германские генералы, «столкнувшись с более сильным, чем ожидалось, сопротивлением поляков, были вынуждены внести коррективы в первоначальные планы войны, увеличив глубину операции»⁹⁵⁶. Теперь клещи должны были сомкнуться восточнее — одни у Варшавы, а другие — к востоку от нее. Рыдз-Смиглы и президент Мостицкий решили организовать фронт на юго-западе страны, у границ с Румынией. В Варшаве и Модлине оставались сильные гарнизоны.

После того, как Рыдз-Смиглы покинул Варшаву 7 сентября и начал перемещаться с места на место в направлении румынской границы, единое управление армией разрушилось. «Польский фронт постепенно распадался на отдельные очаги»⁹⁵⁷.

Однако это был не моментальный коллапс, а процесс. Немцам рано еще было праздновать победу, а следовательно, перебрасывать войска на Западный фронт. Наступление французов еще могло все изменить. К тому же, создав фронт на юго-западе страны, поляки могли закрепиться, а командование — восстановить управление войсками. 10 сентября Рыдз-Смиглы приказал войскам стягиваться к юго-западу. Это был важный стратегический шанс. Конечно при условии, что французы ударили бы по линии Зигфрида в ближайшее время.

В это время поляки не только отступали. 9 сентября армия «Познань», без боев отходившая от границы вместе с остатками армии «Поможе», нанесла сильный удар по флангу 8-й немецкой армии. Это было первое и последнее польское наступление — сражение над Бзурой. Оно разгорелось 9–18 сентября, как раз тогда, когда французы обещали нанести свой удар. Скованные боями, немцы не

смогли бы перебросить войска на запад. Это значит, что французы могли бы прорвать второпях построенную линию Зигфрида, пользуясь тройным превосходством в силах.

Получив мощный удар войск генерала Тадеуша Кутшебы, немцы сначала были обескуражены, но затем решили воспользоваться шансом и окружить сильную польскую группировку западнее Варшавы. 14 сентября группировка Кутшебы была окружена, но разгромлена только 19 сентября. Остатки армии «Познань» сумели прорваться к Варшаве.

Глубокие клещи, охватывавшие Польшу за Варшавой, также буксовали. 12–14 сентября поляки отбили штурм Львова. Однако 16 сентября стратегическое окружение Польши завершилось — клещи сомкнулись близ Бреста. Это имело большое значение для позиции советского руководства.

Поляки надеялись на помощь союзников и отчаянно сопротивлялись в городах, где немецкие танки не могли действовать. Но союзники на помощь не пришли, и разрозненные очаги сопротивления были обречены. 28 сентября капитулировала Варшава, 29 сентября — Модлин. 6 октября немцы заставили сдаться остатки группы «Полесье», прорвавшиеся с востока страны ближе к Варшаве. Блицкриг увенчался успехом.

Французы, не говоря уж об англичанах, так и не выступили. И это было настолько странно, что действия союзников Польши получили название «странная война». 3 сентября главнокомандующий французской армией Гамелен известил Рыдз-Смиглы, что скоро начнет наступление. Это была дезинформация стратегического значения. Гамелен планировал оказать помощь полякам в 1940 году и в 1941–1942 годах перейти в наступление. Прибыв 3 сентября в Лондон с просьбой о поставках оружия, польская военная миссия до 9 сентября ждала встречи с начальником британского генштаба Эдмундом Айронсайдом, который посоветовал союзникам закупить вооружение в нейтральных странах. Тем временем английские ВВС разбрасывали листовки над Германией. Когда британскому министру авиации К. Вуду предложили поджечь с воздуха германский строевой лес, он воскликнул: «Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур»⁹⁵⁸. Пока лилась кровь славян, «цивилизованные народы» не должны были не только убивать друг друга, но и наносить вреда частной собственности формального противника. Даладьё, согласившийся на объявление войны Германии, теперь считал свою страну чуть ли не агрессором и не желал усугублять ее агрессивность: «Геройство наших солдат может быть только подвигом защитника, а не завоевателя...»⁹⁵⁹.

Они сделали все ради мира. На Западе. Отсутствие мира на востоке Европы их печалило, но не более. 8 сентября Даладье решил, что не следует оказывать воздушную поддержку Польше.

В сентябре 1939 года Франция и Великобритания развернули 78 дивизий, в которых находилось 3253 тыс. солдат и 2850 танков. На линии Зигфрида стояли 44 дивизии — миллион солдат без танков. Союзники имели почти двойное превосходство в воздухе.

И вот, наконец, «наступление» началось. 7 сентября французские разведчики храбро пересекли границу западнее Саарбрюккена. Немцы вежливо уступили им пограничную полосу земли. Тогда девять французских дивизий прошли на 8 километров в глубь немецкой территории, и, не встречая противника, остановились перед линией Зигфрида. 10 сентября Гамелен информировал польское руководство: «больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед»⁹⁶⁰. Если битву над Бзурой генерал Кутшеба начал вопреки приказу Рыдз-Смиглы об отступлении к Варшаве, то, получив сообщение о мощном французском наступлении «из первых рук», польский командующий приказал армии «Познань» развивать успех и прорываться к Радому. Это решение, действовавшее до 11 сентября, способствовало окружению армии «Познань», которая не успела вырваться из клещей. Поляки не знали, что немцы не ослабят натиск. Зато это знал Гамелен.

Сосредоточив 72 дивизии и 18 отдельных танковых батальонов против 42 дивизий вермахта, из которых полноценно укомплектованы были только 12, союзники не планировали пускать свою армию в дело. 12 сентября высший военный совет союзников, собравшись в Аббевиле, решил остановить «наступление». Это был момент разгара битвы над Бзурой. Пока французская пресса писала о грандиозном сражении вокруг Саарбрюккена, французы начали отходить назад во Францию, спасая драгоценную кровь «цивилизованных народов». К 4 октября территория Германии была очищена союзниками. «Битва при Саарбрюккене» завершилась практически без потерь с обеих сторон.

Важно, что после завершения польской кампании у вермахта осталось боеприпасов на 14 дней⁹⁶¹. Если бы он воевал на два фронта, к октябрю боеприпасы бы кончились.

Молотов с иронией комментировал вклад Запада в гибель Польши и заодно всю политику «гарантий»: «Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и не известно, что это были за „гарантии“ (Общий

смех в зале.)»⁹⁶². Для советских лидеров в «странной войне» не было странности.

Французы и англичане слишком ценили жизни своих соотечественников, чтобы подвергать их опасности, даже если на карту была поставлена сама судьба европейской культуры. Это касалось не только пацифистской интеллигенции, но и военного руководства. «Франция не может позволить себе роскошь каждые 20–25 лет вновь переживать войну и терять миллионы людей. Это было бы физическим истреблением французского народа»⁹⁶³, — утверждал еще до войны генерал Максим Вейган. Соответствующим образом Вейган поведет себя и во время войны.

Черчилль вспоминает о своих ощущениях кануна войны, которые разделяла большая часть как английской, так и французской политической элиты: «Перед французами была укрепленная линия Зигфрида со всей возросшей огневой мощью современного оружия. В глубине души я также испытывал ужас при воспоминаниях о наступлении на Сомме... Мы позволили себе дойти до такого физического и психологического состояния, что ни одно ответственное лицо... не могло предполагать истинного положения вещей, а именно — что только сорок две наполовину вооруженные и наполовину обученные дивизии охраняли весь длинный фронт от Северного моря до Швейцарии. Во время Мюнхена их было тринадцать»⁹⁶⁴.

Черчилль остро критикует политику умиротворения до начала европейской войны, но во время войны, когда он уже был военноморским министром, действия союзников кажутся ему вполне оправданными. На этот счет он выдвигает следующие стратегические соображения: «В случае наступления французов с их восточной границы они обнажили бы гораздо более важный для себя Северный фронт. Даже если бы французским армиям и удалось добиться успеха в начале, уже через месяц им стало бы чрезвычайно трудно сохранить свои завоевания на востоке, вследствие чего они оказались бы беззащитными в случае мощного немецкого контрудара на севере.

Таков ответ на вопрос: „Почему союзники оставались пассивными, пока не была уничтожена Польша?“»⁹⁶⁵. Если отвлечься от моральной несостоятельности этих рассуждений, аргументы Черчилля выдают в нем военного деятеля, воспитанного Первой мировой войной. Таковым было все командование союзников. Война виделась им как неторопливое передвижение военных масс, когда подготовка к удару может вестись годами, успехи одного месяца могут сводиться на нет маневрами следующего. Черчиллю не приходит в голову, что прорыв линии Зигфрида в первые недели войны означал бы блицкриг, разрушающий всю оборону Германии. Если бы со-

юзники вошли в Рур, то треть немецкой армии, к тому же лишенная танков, не только не смогла бы организовать контрудар, но была бы разгромлена, а военная экономика Германии — парализована. Перебрасывая войска из Польши, Гитлер, в общем-то, не спасал положение, потому что новую линию обороны пришлось бы создавать уже у Берлина. Зато поляки получили бы возможность оправиться от удара. СССР в этих условиях также вел бы себя более осторожно (не случайно Сталин выжидал почти три недели, прежде чем вмешаться в польские дела).

Страх перед «бойней», оставшийся в наследие от Первой мировой войны, устаревшее военное искусство, органически выраставшее из этой войны, надежда, что Германия не выдержит затяжную войну в стиле Первой мировой, презрение к судьбам народов «второго сорта» — фигурам на стратегической доске игры, в которую играют великие державы, — вот ответ на вопрос: «Почему союзники оставались пассивными, пока не была уничтожена Польша?».

Германское руководство не знало наверняка, что союзники опять упустят свой шанс. На это надеялись, на этом строили авантюрный план «блицкрига». Но хотелось бы подстраховаться. Хотелось бы дополнить «странную войну» на Западе еще одной «странной войной» — нанесением удара по Польше с востока.

Удар в спину или освободительный поход?

Сталин намеревался включить в СССР восточную часть Польского государства (Западную Белоруссию и Западную Украину), но при этом придавал большое внимание тому, чтобы при этом не вступить во Вторую мировую войну. Как это было возможно? Для этого следовало избежать конфликта с Великобританией и Францией.

Сталин стремился держаться равноудаленно, что после недавних переговоров с Великобританией и Францией требовало дистанцирования от них и пересмотра пропагандистского курса СССР и Коминтерна.

7 сентября в беседе с деятелями Коминтерна Сталин охарактеризовал начавшееся столкновение как войну двух групп империалистических держав. Лозунг Народного фронта снимался окончательно. О Польше Сталин говорил как о фашистском государстве, которое ничем не лучше напавшей на него Германии. Отсюда вывод: «Что плохого было бы, что если бы в результате разгрома Польши мы бы распространили социалистическую систему на новые территории и население». Ситуация, казалось бы, возвращалась ко временам «третьего периода». Но такова была идеологическая

сторона дела. Коминтерновцы не должны были знать о секретном протоколе и связанных с ним надеждах. Им предстояло активизировать борьбу против западных правительств, но быть готовыми в свое время усилить борьбу и с нацистами. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам того не подозревая, расстраивает и подрывает капиталистическую систему»⁹⁶⁶. 8 сентября компартиям была направлена директива о войне: «Ее ведет буржуазия не против фашизма, как уверяет Чемберлен и лидеры социал-демократии. Война ведется между двух групп капиталистических стран за мировое господство. Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности.

Компартии боролись против мюнхенцев, ибо хотели подлинный антифашистский фронт с участием СССР, но буржуазия Англии и Франции оттолкнули СССР, чтобы вести войну грабительскую.

Война коренным образом изменила положение: деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл»⁹⁶⁷.

Лидеры французской и британской компартий колебались, Димитров предложил даже вывести генерального секретаря КПВ Гарри Поллита из Политбюро, но его телеграмма об этом запоздала, Поллита уже ввели в Политбюро, и во избежание скандала его решили там оставить, не избирая генсеком»⁹⁶⁸.

Между тем Сталин готовился к распространению социалистической системы. Советское вторжение в Польшу не было прямо предусмотрено пактом Молотова — Риббентропа.

3 сентября прибывшему в Берлин новому советскому полпреду Алексею Шкварцеву Гитлер заявил: «в результате успешной войны будет ликвидировано положение, созданное Версальским договором, и СССР и Германия установят границы, существовавшие до мировой войны»⁹⁶⁹. В тот же день Риббентроп приказал Шуленбургу сообщить Молотову: «понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния». Было важно выяснить, «не почитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в настоящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию»⁹⁷⁰. Этот запрос немцев показывает, что Пакт сам по себе еще не предопределял именно военного раздела Польши. Для Германии удар СССР по Польше в первую неделю войны был крайне важен. Это могло втянуть СССР в войну против Великобритании и Франции, а

одновременно лишить Польшу надежд на длительное сопротивление. В условиях советского вторжения союзники не станут атаковать линию Зигфрида, и в крайнем случае можно будет быстро перебросить части вермахта из Польши на запад, уступив русским честь штурмовать Варшаву. Риббентроп еще не знал, что союзники Польши и так не предпримут попыток помочь ей и Германии нечего бояться.

Однако Сталин не торопился получить свой кусок Речи Посполитой и воссоединить таким образом Белоруссию и Украину. Чтобы не втянуться в войну двух блоков на стороне Германии, Сталин решил пока выжидать, ссылаясь на неготовность советской армии: «Красная армия рассчитывала на несколько недель, которые теперь сократились до нескольких дней»⁹⁷¹, — объяснял Молотов Шуленбургу промедление с вводом советских войск в «сферу интересов СССР». Молотов говорил Шуленбургу, что Советскому Союзу нужно две-три недели на подготовку. С введением 1 сентября закона о всеобщей воинской повинности СССР мог проводить неограниченную мобилизацию. 6 сентября в западных военных округах было призвано 2,6 миллиона человек. Сосредоточение советских войск было назначено на 11 сентября.

Молотов говорил Шуленбургу: советское правительство намеревается заявить, «что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст возможность Советскому Союзу не выглядеть агрессором»⁹⁷². Получалось, что СССР все же считает Германию агрессором. Под давлением немцев утверждение об угрозе с их стороны пришлось заменить пацифистским тезисом об угрозе войны для мирного населения Украины и Белоруссии.

Когда все было готово для удара с востока, 14 сентября «Правда» выступила с программной статьей о причинах поражения Польши, где разоблачала угнетательскую политику польского руководства в отношении национальных меньшинств. И вывод: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих ее народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»⁹⁷³.

Впоследствии официальная пропаганда объявит последнюю советско-польскую войну «мирным освободительным походом». Но в войсках, которые готовились к «мирному походу», никаких иллюзий не было — предстояла «революционная, справедливая война»⁹⁷⁴.

16 сентября немецкие клещи замкнулись у Бреста, Польша потерпела поражение. В это же время было заключено советско-японское соглашение об урегулировании пограничного спора на Халхин-Голе. Теперь Сталин решил, что настал час получить «свою часть» Речи Посполитой.

17 сентября армия СССР перешла границу. Польскому послу в Москве была вручена нота с официальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности правительство продолжало жить и работать в Коломые близ румынской границы. Использовались аргументы, введенные в дипломатический оборот Чемберленом после распада Чехословакии. Если государство распалось, то и договоры с ним не действуют: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Это был главный тезис, ради которого нужно было сообщать об «исчезновении» польского правительства. Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Это означало, что СССР выходил из режима нейтралитета, то есть, по сути, вступал в войну. «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными». «Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Это был важный поворот в советской идеологии, который стал новым этапом в длительной эволюции от интернациональных к национальным приоритетам. Если раньше СССР планировал «освободить» и «защитить» все народы, то теперь — только те, которые уже имели свои территориальные образования в составе СССР. Этот акцент не вписывается в миф о том, что Сталин стремился прежде всего восстановить Российскую империю. Сталину важно взять населенную украинцами Галицию, которая не входила в Российскую империю, но он с легкостью откажется от собственно польских земель, которые прежде были частью Российской империи. Сталин не стал от этого большим националистом, а руководствовался прагматическими со-

ображениями. Предыдущие события показали, что разделенные народы являются источниками конфликтов. Так что их лучше «освободить» целиком. В 1939 году идеологический переход происходил постепенно, тем более что часть территорий, населенных преимущественно поляками, еще оставалась в советской сфере влияния: «Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»⁹⁷⁵.

Выступая по радио, Молотов рассуждал еще резче: «Польские правящие круги обанкротились... население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы»⁹⁷⁶.

В Польшу входила советская группировка Белорусского и Киевского особых военных округов (развернутыми на их основе фронтами командовали соответственно Михаил Ковалев и Семен Тимошенко) в 466 тыс. солдат при 4 тыс. танков, более 5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов⁹⁷⁷. Такая армия могла противостоять не только полякам, но — в случае чего — и немцам. В восточных воеводствах польские войска (Корпус охраны пограничья, львовская группа генерала Лянгнера и др.) составляли 340 тыс. солдат при 540 орудиях и 70 танках⁹⁷⁸. В полосе наступления Украинского фронта было на порядок больше польских сил, чем в полосе Белорусского.

Некоторое время даже было непонятно, на чьей стороне собираются действовать советские войска — танковые колонны шли походным порядком, танкисты сидели на башнях с открытыми люками, приветствовали население. Комбриг Петрушевский докладывал в Генштаб утром 17 сентября о ситуации в полосе наступления Белорусского фронта: «Противник оказывает слабое сопротивление. Заставы его захватываются»⁹⁷⁹. Белорусы не считали Красную армию враждебной силой. И дело не только в отношении к Польскому государству, но и в угрозе оказаться под немцем. «Население повсеместно восторженно встречает наши части. Организует охрану мостов, дорог и прочее»⁹⁸⁰, — говорилось в оперсводке Белорусского военного округа, подписанной тем же комбригом.

Рыдз-Смиглы отдал приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»⁹⁸¹.

30 сентября в Лондоне было создано правительство Польши в изгнании во главе с Владиславом Сикорским. Он заявил, что Поль-

ша претендует не только на восстановление независимости и территориальной целостности, но еще и на Восточную Пруссию⁹⁸². Германия должна была компенсировать издержки своей агрессии, и проблема «коридора» должна была быть устранена в принципе.

Генерал Владислав Андерс считал, что Красная армия ударила, «когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые границы Германии». Эта точка зрения стала в Польше практически официальной. Отвечая ее сторонникам, российский историк М. И. Мельтюхов пишет: «Особенно „убедительно“ звучат утверждения относительно намерений западных союзников Польши, которые палец о палец не ударили, чтобы помочь ей даже тогда, когда Войско польское еще представляло собой значительную силу, что уже говорить о середине сентября, когда польский фронт рухнул?.. К 17 сентября вермахт не только разгромил основные группировки Войска польского, но и окружил практически все боеспособные части... Конечно, не вступи в Польшу Красная армия, немцам потребовалось бы какое-то время для занятия ее восточных воеводств, но никакого реального устойчивого фронта там возникнуть не могло»⁹⁸³, — считает М. И. Мельтюхов.

Могли ли поляки устоять? В итоге, конечно, нет. Но фронт на юго-западе страны, который замыслил Рыдз-Смиглы, могли бы создать. Это имело бы большое значение, если бы союзники все же ударили по немцам. Но, как сегодня известно, они не собирались этого делать. Поэтому Польша была обречена в любом случае.

Но в сентябре 1939 года польское руководство не знало об обреченности своей борьбы. Поэтому советский удар окончательно разрушил обманчивые надежды на длительное сопротивление и вызвал такую горечь у непосредственных участников событий.

Дальнейшее сопротивление Польши стало бессмысленным. Поздно вечером 17 сентября польское правительство покинуло страну.

Белорусский и Украинский фронты, охватывая территорию востока Речи Посполитой с севера и юга, встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление слабых польских сил, еще оставшихся в этом регионе. Группа «Полесье» предпочла уклониться от столкновения и ушла на Запад. Там — настоящая, хотя и безнадежная, война. Здесь — непонятно что, и тоже без шансов на успех.

Лишь в нескольких местах произошли серьезные советско-польские столкновения, которые, однако, позволяют говорить о том, что имела место война, а не военная прогулка.

Некоторое время оборону держал укрепрайон «Сарны». В Гродно сопротивление Красной армии оказали до полка пехоты и большое количество вооруженной молодежи⁹⁸⁴. 143-я дивизия столкну-

лась у Осова — Рудно — Полюбиче в 15–25 км к северу от Парчева с отходящей от Влодава на запад 30-й пехотной дивизией поляков. 30 сентября ее отбросили за Парчев под удар немцев на реке Вепрж. Советские потери составили 7 убитых, 11 раненых⁹⁸⁵. 1–2 октября шел бой под Выточно в 21 км юго-западнее Влодава⁹⁸⁶.

Вооруженные столкновения произошли также под Вильно, Ковелем, Кожан-Городком, Красне, Сутковице, Рудно-Колено. Но это уже не было организованное сопротивление. Советские фронты защищали пространство, время от времени натываясь на разрозненные очаги сопротивления.

Армии Германии и СССР шли навстречу друг другу. Львов оказался под ударом двух армий — немецкой и советской. Восточнее Львова советские танки налетели 19 сентября на германские войска. Завязался бой, были убиты⁹⁸⁷. Такие столкновения по ошибке происходили и позднее. В соответствии с соглашением, вермахт уступил место РККА. Немецкие офицеры до последнего уговаривали поляков: «Если сдадите Львов нам — останетесь в Европе, если сдадитесь большевикам — станете навсегда Азией»⁹⁸⁸.

Командующий Украинским фронтом Тимошенко и член военного совета фронта Никита Хрущев докладывали 22 сентября: «В результате ночных боев в гор. Львов в 8:40 22 сентября начальник гарнизона гор. Львов генерал Лангер явился лично на командный пункт Командующего Восточной группой тов. Голикова и сдал нам город Львов... Принял меры к полному удовлетворению населения питанием»⁹⁸⁹. В Львове было взято 15 000 пленных. 23 сентября была достигнута договоренность с немцами об их отходе на львовском направлении на 5–10 км.⁹⁹⁰

26–28 сентября совместными действиями германских и советских войск была разгромлена прорывавшаяся к границе бригада Андерса, а сам он попал в советский плен. Группа полковника Т. Зеленецкого сопротивлялась советским войскам до 3 октября. Вермахт подавил организованное сопротивление польской армии к 6 октября, после боя под Коцком.

В Бресте, Гродно и Пинске, который находился в советской сфере, но который заняли немцы, при смене немецких войск на советские проводились парады двух армий.

Советские потери, по официальным данным, к 1 октября составили 2599 солдат и командиров, в том числе 737 убитых и 1862 раненых. Поляки потеряли 3500 убитыми (включая гражданских) и 20 тыс. ранеными и пропавшими без вести⁹⁹¹. В плен попало 230–255 тыс. военнослужащих⁹⁹². Рядовых и унтер-офицеров в основном вскоре отпустили, а с офицерами продолжили «работать» на предмет их готовности сотрудничать с СССР.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором СССР вынужден был поставить свои вооруженные силы на одну доску с вермахтом: «Задача этих войск... заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁹⁹³. Четвертый раздел Польши, одним словом. Но Сталин хотел бы провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой — отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября был проинформирован Шуленбург. 25 сентября Сталин лично объяснил Шуленбургу свои мотивы. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендуя на захват части этнической Польши, Сталин искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть представителей которых проживает в его составе. На поляков Советский Союз не покушается. Никакого угнетения. Первоначальное включение части Польши в советскую сферу влияния было нужно Сталину на случай, если бы события привели к сохранению Польши в урезанных границах. Тогда это государство было бы зависимо и от Германии, и от СССР. Теперь такая необходимость отпала, и Гитлер мог получить лавры покорителя Польши в полном объеме и со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Расчет Сталина оказался верным. Страны Запада предпочли не считать СССР агрессором.

20 сентября посол в Париже Суриц сообщал, что польский посол Лукасевич прозондировал, может ли Польша объявить войну СССР. Лукасевичу объяснили, что не стоит, ибо союзники ее не поддержат в этом⁹⁹⁴. Париж и Лондон запросили Москву о ее предстоящей политике в европейском конфликте и позиции по поводу судьбы Польши и получили хотя и уклончивый, но достаточно оптимистический ответ: СССР остается нейтральным, а судьба Польши зависит от многих факторов, учесть которые пока нет возможности⁹⁹⁵. Посмотрим, чем кончится эта война, может быть, еще и восстановим Польшу.

21 сентября ввод советских войск на территорию польского государства не без злорадства поддержал Бенеш. Он также сказал Майскому, что и Карпатская Украина должна быть передана СССР⁹⁹⁶. Бенеш прекрасно понимал, что это будет возможно только в результате столкновения СССР и Германии, которое в случае успеха СССР

позволит восстановить ЧСР. За это Бенеш готов был передать Советскому Союзу Закарпатье. Что и будет сделано в 1944 году.

28 сентября Варшава пала. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили Речь Посполитую по новой линии. Приехавший в Москву Риббентроп встретил более теплый прием, чем раньше, но торговались по-прежнему долго. Камнем преткновения стали районы Сувалок, нижнего течения реки Сан и Августовские леса. Немцам был нужен лес и нефтепромыслы. Сталин ссылался на то, что территории «обещаны украинцам». В конце концов договорились разрезать спорный район Августовских лесов пополам. Но граница в этом месте получалась очень замысловатой. Поскольку оккупированные в 1920 году Польшей литовские территории Виленского края теперь передавались Литве, решили отрезать небольшой кусочек литовской территории в пользу Германии для спрямления границы. Позднее, когда покровителем Литвы стал СССР, советская дипломатия из всех сил оттягивала выполнение этого обещания, чтобы не ранить национальные чувства литовцев. В 1941 году СССР удалось снять этот вопрос, выкупив «спорную» литовскую территорию. А в сентябре 1939 года вся Литва «по обмену» попала в советскую сферу влияния.

Договор исключал вмешательство третьих стран в решение судьбы Польши. Это касалось прежде всего Великобритании и Франции, которые все еще «воевали» на стороне Польши, правда, почти не производя выстрелов. 29 сентября было опубликовано совместное заявление советского и германского правительств, которое еще теснее привязывало СССР к Германии в ее противостоянии странам Запада: «ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов». Если усилия Германии и СССР уговорить Запад пойти на мировую не удадутся, то «будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны...»⁹⁹⁷

Результаты советско-польской войны 1939 года и советско-германского договора о дружбе и границе живы до сих пор — в современных объединенных Белоруссии, Украине и Литве. Юридических оснований для отмены этих результатов нет — они были подтверждены соглашениями, заключенными после Второй мировой войны. Итоги Второй мировой списали все грехи победителей и их наследников, которыми являются бывшие республики СССР.

Когда дело было сделано, 31 сентября Молотов выступил на сессии Верховного совета СССР: «оказалось достаточно короткого

удара по Польше сперва со стороны германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»⁹⁹⁸. Таким образом, Молотов признал ответственность Красной армии за разрушение Польского государства. Неудивительно, что СССР постепенно смещался от равноудаленного положения относительно двух воюющих коалиций к германской стороне.

Молотов разъяснил советским людям: «за последние несколько месяцев такие понятия, как „агрессия“, „агрессор“, получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, три-четыре месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»⁹⁹⁹.

«Диалектические» рассуждения Молотова легко объяснимы — под старое определение агрессора легко попадал СССР. Действительно, можно ли считать Советский Союз агрессором? И была ли вообще война? Эти вопросы вызывают споры до сих пор.

В. Я. Сиполс поддерживает традиционную для КПСС точку зрения о том, что имело место просто «освобождение украинских и белорусских земель, захваченных Польшей в 1920 году»¹⁰⁰⁰. Слово «освобождение» применительно к этим событиям является чисто идеологическим рудиментом эпохи Второй мировой войны. Никакой дополнительной свободы жители «освобожденных» территорий не получили, они перешли из ведения одного авторитарного государства в ведение другого — тоталитарного. Политический гнет стал сильнее, национальный для украинцев и белорусов — несколько ослаб. Нечто подобное произошло и в 1920 году, когда Польша получила свою долю при разделе Российской империи. Большинство границ, существовавших с древнейших времен и доньше, были нарисованы силой оружия. Слово «освобождение» в силовых акциях подобного рода символизирует торжество того или иного принципа, который разделяет «освобождающий». Если раньше Красная армия понимала под «освобождением» прежде всего свержение капиталистической системы, то затем в идеологии возобладал национальный принцип. Территории «освобождаются» в пользу Советского Союза потому, что там живут «единокровные» жители.

В 1944–1945 годах понятие «освобождение» снова станет интернациональным (вплоть до освобождения немцев Красной армией).

Противоположную «державной», но также идеологически обусловленную точку зрения отстаивают те авторы, которые утверждают, что с сентября 1939 года СССР участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии. Если бы основанием для такого вывода было бы участие СССР в германо-польской войне, то в их утверждении были бы свои резоны, но участие СССР в войне пришлось бы считать прекратившимся с разгромом Польши. Ведь война шла де-факто, а не де-юре. Великобритания и Франция не сочли, что СССР вступил в их войну с Германией в сентябре 1939 года.

Участие в войне фиксируется либо юридически (объявление войны), либо путем открытого участия войск в военных действиях. Остальное — схоластика.

СССР нанес удар по Польскому государству в сентябре 1939 года, но участвовал только в действиях против Польши, но не против Великобритании и Франции. Если оставаться на почве исторической науки, СССР вступил в мировую войну 22 июня 1941 года. А в вооруженную борьбу с фашизмом СССР вступил де-факто в Испании в 1936 году, а с японской агрессией — в 1937 году в Китае.

Границы дружбы

По обе стороны новой границы жизнь радикально менялась, но происходило это по-разному. На территории, занятой нацистами, происходили геноцид евреев, уничтожение шести миллионов жителей (17 % населения), массовые депортации поляков, составлявших большинство населения этих мест, расстрелы поляков (более 30 тыс. только до конца 1939 года), унижительные правила поведения для поляков (запрет пользования общественным транспортом, обязанность снимать шляпу при виде немца), выселения из квартир сотен тысяч людей, запреты на профессии, запрет на получение образования на польском языке. На территории, присоединенной к СССР, развернулись преследования по социально-политическим мотивам (разгром общественных организаций, раскулачивание и т. п.), расстрел 22 тысяч польских офицеров в 1940 году, депортации поляков, которые приехали в украинские районы за последние десятилетия (при сохранении права оставшихся поляков на развитие польской национальной культуры). К 1 декабря 1940 года было арестовано 407 тыс. человек, из которых почти 276 тыс. депортировано¹⁰⁰¹.

Территориальное переустройство в двух зонах оккупации также происходило по-разному. Часть польской территории к западу от новой советской границы была присоединена к Германии, часть была превращена в Генерал-губернаторство, управлявшееся нем-

цами. Между ними существовала непрозрачная для поляков граница. СССР, напротив, взял курс на национальную интеграцию. В советской зоне проводилась агитация украинских и белорусских масс за советский образ жизни. Контрпропаганда была подавлена репрессивными органами. Украинцы и белорусы, раздраженные полонизацией, радовались объединению своих народов и обещаниям развивать их культуру. Неудивительно, что 22 октября подавляющее большинство населения проголосовало за кандидатов, предложенных новыми властями. Депутаты тут же одобрили за введение советской власти и воссоединение с Украинской и Белорусской ССР, что и было сделано 2 ноября 1939 года. Население СССР выросло на 13 миллионов человек.

Договор о дружбе и границе провозглашал, что теперь между недавними врагами, СССР и Рейхом, воцаряется дружба. А дружба хороша, когда под нее подведена материальная база. Развивать «братство по оружию» в войне еще против кого-нибудь Сталин не намеревался, а вот экономическому сотрудничеству был бы рад. Рейх остро нуждался в сырье, а СССР — в технологиях, в том числе военных.

Германская экономика на треть зависела от импорта. По железной руде — на 45 %, свинцу — 50 %, нефти — 66 %, меди — 70 %, каучуку — 85–90 %, олову — 90 %, никелю — 95 %, алюминию — 100 %¹⁰⁰². Великобритания, Франция при условии их сближения с США и СССР могли бы задушить германскую экономику и лишить вермахт боеприпасов, горючего и запчастей к технике. А теперь СССР мог поставлять Германии собственное сырье и проводить реэкспорт чужого.

6 октября Департамент экономической политики МИД Германии составил меморандум к переговорам с СССР. Хотелось бы получить сырья на 1300 млн марок. В этом случае Германия осталась бы должна 500 млн, которые можно было покрыть товарами за несколько лет. 7 октября в Москву прибыла делегация во главе с послом для особых поручений Карлом Риттером, и начался жесткий торг с советской делегацией во главе с Анастасом Микояном. На переговорах с Микояном 9 октября Риттер говорил, что «Германия желает получить нефть, лес, продукты питания, кормовые продукты и т. д. Кроме того, Германия желает получить от СССР также медь, олово, никель и другие цветные металлы»¹⁰⁰³. И побольше. Однако предложение Риттера довести товарооборот до 2 млрд марок показалось Микояну завышенным. По его мнению, высказанному 14 октября, сначала следовало вернуться к максимальному товарообороту веймарского периода, к 470 млн марок¹⁰⁰⁴. За свое сырье СССР хотел получить новейшее военное оборудование, включая самолеты

ты, корабли и станки для производства снарядов и оборудование для заводов, производящих авиационное топливо и масла. Немцы были готовы к поставкам промышленной продукции, но вот так вооружать потенциального противника?

Советская сторона ссылалась на договоренности Молотова и Риббентропа 28 сентября, немцы толковали их иначе: мол, речь шла о промышленных товарах и технологиях. Для начала договорились о поставках в Германию 900 тыс. т зерна, 600 тыс. т нефти и 100 тыс. т хлопка, а в СССР судов и труб на 13 млн марок. Но это была незначительная часть взаимных потребностей. 26 октября в Германию вышла делегация во главе с наркомом судостроительной промышленности Иваном Тевосяном. После приезда советской делегации в Германию настала очередь немцев удивляться. Как докладывал Тевосян о встрече 27 октября, «Риттер не ожидал предъявления нами требований о поездке на места и осмотра военных объектов, также Риттер был ошеломлен нашими требованиями в части объема поставок по военному судостроению»¹⁰⁰⁵. Советские гости были разочарованы — им показывали не все, что хотелось. А хотелось — все самые секретные образцы вооружений. На переговорах с Риттером 13 ноября Тевосян заявил: «нам были показаны в подавляющем большинстве случаев образцы вооружения вчерашнего дня. Нам не показали, за отдельными исключениями, германскую технику сегодняшнего дня»¹⁰⁰⁶. Вот на эти «отдельные исключения» советская сторона и положила глаз. Риттер отвечал, что есть же границы секретности! Но Тевосян отвечал, что «советское правительство не любой стране согласилось бы отпускать в таких больших количествах и такие виды сырья, которые оно будет поставлять Германии». Так что давайте-ка двигайте границу, а то пока итоги визита «не вполне удовлетворительные»¹⁰⁰⁷. Впрочем, и тот список заказов на полтора миллиарда марок, который Тевосян привез 29 ноября, немцы готовы были удовлетворить лишь частично¹⁰⁰⁸.

Не хотите показывать и продавать — не надо. Но тогда и сырье — как-нибудь потом. Микоян настаивал на поставках всего, что приглянулось Тевосяну. Германская сторона отказывалась. Молотов пошел лишь на незначительные уступки — вместо трех новейших крейсеров можно взять только один, чтобы вписаться в смету (все равно таким образом можно получить технологии). Чтобы вывести переговоры из тупика, 31 декабря встретились Сталин, Молотов, Микоян, Тевосян и советский торгпред в Германии Бабарин с одной стороны, и Шуленбург, Риттер, Шнурре и советник посольства Густав Хильгер — с другой. Такие встречи на высоком уровне в Кремле происходили также 29 января и 8 февраля 1940 года.

Сталин обхаживал контрпартнеров, говорил, что речь ведь идет, по сути, о «взаимной помощи»¹⁰⁰⁹. Что же от друзей современ-

ные военные технологии прятать. Спорили о номенклатуре поставок и сроках. Поскольку рейхсмарки и рубли имели относительную конвертацию, нужно было договориться о своего рода бартере — корзина на корзину.

Германская сторона была очень заинтересована в поставках металлов, необходимых для военного производства. СССР согласился поставить 5000 т меди, 1500 т никеля, 450 т олова. Немцы хотели получить больше, включая вольфрам и молибден¹⁰¹⁰.

31 декабря Сталин указал Риттеру и Шнурре, что немцы должны отказаться от «фантастических цен», если хотят, чтобы договор был заключен¹⁰¹¹. После этого Риттеру удалось договориться в Германии о некотором снижении цен. Так, за авиационную продукцию вместо 250–300 млн марок можно было заплатить 30–40 млн за счет неучета лицензий¹⁰¹².

Изначально договорились, что сырье пойдет вперед, а промышленные поставки Германии будут запаздывать (заказанную продукцию еще нужно изготовить), но Сталин настаивал, чтобы разрыв во времени был покороче.

7 января 1940 года Шуленбург на встрече с Молотовым критиковал Микояна за неуступчивость, «он снова жестко напоминает, кто „заказывает музыку“ в советско-германском альянсе»¹⁰¹³, — пишет об этой встрече историк А. О. Чубарьян. Но вскоре выяснилось, что музыку все же заказывает Сталин. Дело в том, что, как пишет А. О. Чубарьян, «что касается военных поставок из Германии... очевидно, Гитлер не хотелось этого в принципе»¹⁰¹⁴. Но Сталин заказал именно такую музыку, и Гитлеру пришлось согласиться, вняв аргументам Риттера.

На совещании в Берлине 9 января Риттер говорил: «без советского зерна, вероятно, уже с марта этого года немецкий зерновой запас был бы израсходован, как и значительная часть поголовья свиней». Не говоря о нефти и металлах. Без поставок из СССР произойдет падение производства удобрений, а значит и падение урожайности на 15 %¹⁰¹⁵.

21–22 января 1940 года советская разведка проинформировала Кремль об обсуждении условий договора в команде Риттера. Немцы, в частности, стремились договориться о выравнивании сальдо в первой половине 1941 года, а не ранее¹⁰¹⁶. Получив информацию о «крайних» уступках, на которые была готова германская сторона, Сталин был готов к финальному раунду. В ночь с 7 на 8 февраля 1940 года руководители германской делегации Риттер и Шнурре были приглашены в Кремль на совещание со Сталиным, Молотовым, Микояном и Тевосяном¹⁰¹⁷. Сталин огласил итоговые условия, на которые Риттер согласился¹⁰¹⁸.

Договорились о советских поставках на 420–430 млн марок в течение года с момента подписания договора. Германские поставки на ту же сумму должны были быть произведены в течение 15 месяцев. В следующие полгода СССР должен был поставить сырье на 220–230 млн, а Германия — товары на ту же сумму в течение года. Общая сумма поставок каждой стороны составляла 650–660 млн марок. Военные заказы СССР составляли 133,3 млн марок. Часть советских поставок шла на выполнение советских заказов. Поставки СССР должны были быть произведены за 18 месяцев, а германские — за 27. СССР должен был осуществить поставки в два этапа — до февраля 1941 года и затем до августа 1942 года. Германия — до мая 1941 года и до мая 1942 года. СССР поставлял руды, лом, нефть и нефтепродукты, продовольствие, лес, золото и платину, а получал военную технику, промышленное оборудование, полуфабрикаты, сортовой уголь. Соглашение было подписано 11 февраля 1940 года¹⁰¹⁹.

По соглашению и сопутствующим документам СССР обязался поставить 11 тыс. т меди, 3 тыс. т никеля, 950 т олова, по 500 т молибдена и вольфрама, 3 т кобальта¹⁰²⁰. СССР был готов поставить 900 тыс. т нефти, что было маловато.

26,3 % позиций в списке германских поставок составляли потребности авиации, 29,3 % — военного флота. По словам латвийского историка Х. Стродса, «по меньшей мере в первой половине 1941 года боеприпасы для Красной армии в СССР изготавливались на станках из Германии, которые хорошо перенесли эвакуацию вглубь России»¹⁰²¹.

Советско-германский товарооборот вырос в 1939–1940 годах с 60 млн рейхсмарок до более 600 миллионов и продолжал расти¹⁰²². Но по объему поставок в Германию СССР в 1940 году не дотянул до масштабов Юго-восточной Европы¹⁰²³.

К 22 июня 1941 года СССР поставил Германии товаров на сумму 310,3 млн марок, а Германия в СССР — на 287,6 млн марок, в том числе по военным заказам 87,57 млн¹⁰²⁴. Дружба оказалась недолгой, но относительно взаимовыгодной.

Волнение на Балтике

Благодаря пусть и странной, но войне империалистов на Западе Сталин получил возможность укрепить свой «балкон». Следовало таким образом поставить под контроль Прибалтику, чтобы Лондон и Париж не обвинили Москву в агрессии.

Три страны Прибалтики (Балтии) — Литва, Латвия и Эстония — представляли собой преимущественно аграрные общества с авторитарными режимами. Авторитаризация в Прибалтике была связана с процессами демодернизации. Как пишет историк М. И. Мельтюхов, «социальная нестабильность в Эстонии, Латвии и Литве была связана прежде всего с характерными для них негативными экономическими тенденциями. Лишившись российского сырья и рынков сбыта своей промышленной продукции, страны Прибалтики были вынуждены пойти по пути аграризации экономики, поскольку реально присутствовать на европейском рынке они могли только в роли поставщиков сельскохозяйственной продукции»¹⁰²⁵. Аграрная реформа, которая нанесла удар прежде всего по немецкому и польскому землевладению, способствовала «растаскиванию деревень на хутора»¹⁰²⁶ и доминированию хуторского хозяйства, что затрудняло развитие крупных форм сельскохозяйственного производства в дальнейшем.

Все три режима были националистическими с влиянием фашистских идей, хотя и проявившихся в разной степени.

В Литве в результате переворота 1926–1927 годов к власти пришли националисты (таутининки) во главе с президентом Антанасом Сметона и премьер-министром Аугустинасом Вольдемарасом. Сметона был настроен более консервативно, а энергичный Вольдемарас хоть и не поддерживал прямо идеи фашизма, но опирался на его сторонников в организации «Железный волк»¹⁰²⁷. Но и Сметона проявлял большой интерес к фашистским идеям, выступал за создание корпораций (ассоциаций), в которых по отраслям выбираются представители населения, которые формируют представительный орган нации¹⁰²⁸. Хотя Сметона апеллировал к фашистскому опыту, система ассоциаций, предложенная им, выглядит более демократично, чем вертикальные корпорации Муссолини. Однако в Литве такая система не была создана. Сметона и Вальдемарас просто подчинили государству объединения предпринимателей. В 1935 году была создана Палата труда для управления интересами рабочих. Она типологически была близка к фашистскому решению «рабочего вопроса». Но ее деятельность была очень скромной, направленной в первую очередь на поддержку общего курса укрепления национальной культуры, который проводил Сметона, как и два других прибалтийских диктатора. Летом 1936 года в условиях роста цен строительные рабочие Каунаса и уезда попытались добиться повышения зарплаты с помощью Палаты труда, но безуспешно. 12 июля они забастовали. Палата труда выступила с заявлением, направленным против забастовки, организованной «иностранными агентами»,

и одобрила репрессии против них. Был объявлен локаут, несколько сот рабочих было арестовано¹⁰²⁹.

В 1929 году Сметоне удалось отправить Вольдемараса в отставку, но в июне 1934 года «Железный волк» поднял путч, и после его подавления Вольдемарас был арестован. Таким образом, режим Сметоны сохранил национал-консервативный характер с минимальным влиянием фашистских идей. После некоторых колебаний Сметона пришел к выводу, что фашизм для Литвы не подходит¹⁰³⁰. Но авторитаризм продолжал ужесточаться — в 1936 году были запрещены все политические партии, хотя осторожная дискуссия в прессе между идейными направлениями продолжалась — цензура была несколько мягче, чем в Латвии и Эстонии. Сметона, как и два других прибалтийских диктатора, отдавал приоритет программам развития национальной культуры, расширения позиций национального языка. Президент надеялся, что можно обойтись без существенных социальных преобразований. Когда в 1935 году вспыхнули крестьянские волнения в Сувалкии, они были жестоко подавлены.

Режим нашел внешнеполитическое средство консолидации нации — стремление вернуть Вильнюс, захваченный Польшей. Тем болезненнее было разочарование, когда Польша в марте 1938 года заставила Литву установить с ней дипломатические отношения, то есть фактически смириться с потерей Вильнюса. Это привело к падению авторитета Сметоны. Под давлением Польши Сметоне пришлось 25 ноября 1938 года запретить Союз освобождения Вильнюса¹⁰³¹.

Чтобы немного успокоить литовцев, был создан сейм, правда, с очень ограниченными, совещательными полномочиями. А после нового унижения — аннексии Клайпеды (Мемеля) Германией 23 марта 1939 года — диктатор пошел даже на создание правительства генерала Йонаса Чернюса, в которое, помимо военных и таутинков, вошли христианские демократы и народники. По данным советского посольства, оппозиционеры надеялись под флагом национального единства укрепить свои кадровые позиции и растворить таутиников в более широком национальном фронте. Однако эти планы не привели к изменению характера режима, где основные решения принимал Сметона и его окружение¹⁰³².

Аннексия Клайпеды поставила Литву в очень тяжелое экономическое положение, так как она потеряла выход к морю. Значительно подорожала экспортная и импортная продукция. Также была потеряна часть промышленности, и Сметона создал Совет народного хозяйства, который должен был заняться индустриализацией страны. Для начала имевшиеся средства направили на... импорт германского оборудования¹⁰³³. Литовское руководство просто не видело альтернативы сотрудничеству с Германией.

Латвийский авторитарный режим, установленный в 1934 году, еще откровеннее ориентировался на фашизм. Побывав в Германии после прихода к власти Гитлера и готовясь установить собственную диктатуру, лидер Латышского крестьянского союза (ЛКС) Карлис Ульманис 9 ноября 1933 года сделал доклад в Центральном обществе сельского хозяйства, где положительно оценил германский опыт: «на место жидов становятся арийцы. Тогда как прежде пресса была в руках не-немцев, которые писали по-немецки, сейчас она в руках самих немцев. Тогда как раньше в школах могли учить всему, чего только хотел учитель, теперь можно учить только тому, что идет на пользу немецкому народу»¹⁰³⁴.

3 ноября 1933 года ЛКС представил в сейм проект конституции, которая сосредотачивала бы почти всю власть в руках президента. В ходе согласования проекта Ульманис нашел взаимопонимание с левым крылом Латвийской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП). Это помогло Ульманису получить пост премьер-министра в результате конфликта крупнейшей парламентской партии ЛСДРП с премьер-министром от Партии новых землевладельцев и мелких арендаторов Адолфсом Блэдниексом¹⁰³⁵. Социал-демократы добились отставки Блэдниекса, но сами сформировать коалиционное правительство не смогли, так как их требования были слишком левыми для возможных партнеров. А остальные партии не решились на серьезные социальные преобразования даже в условиях острого экономического кризиса. 16 марта 1934 года Ульманис возглавил правительство и принялся готовить военный переворот, используя рычаги государственной власти. Он привлек к заговору прославленного во время войны за независимость в 1919 году генерала Яниса Балодиса.

Между тем сейм 4 мая 1934 года приступил к конституционной реформе, был введен пост всенародно избираемого президента. Президентские выборы мог выиграть кандидат ЛКС или ЛСДРП. На этом этапе они сотрудничали в реформе конституции, но Ульманис не был уверен в своей победе на президентских выборах.

В ночь с 15-го на 16 мая 1934 года Балодис с помощью армии и патриотических вооруженных формирований (айзсаргов) разогнал парламент и произвел аресты латвийских политиков в спектре от доминировавших в парламенте социал-демократов до деятелей ультраправого «Перконкрустса» («Громового креста»). Единственный человек, который оказал символическое вооруженное сопротивление перевороту, — сын спикера парламента социал-демократа Паула Калныньша Бруно. Когда отца пришли арестовывать, Бруно выстрелил в воздух из законно приобретенного пистолета, после чего сдался полиции¹⁰³⁶. В лагерь было отправлено око-

ло 2000 человек, правда, большинство потом было освобождено. Было запрещено 54 издания, жесткий контроль над прессой сохранялся и в дальнейшем. Вся полнота власти сосредоточилась в руках председателя правительства Ульманиса. Президент Альбертс Квиесис санкционировал переворот. По истечении срока его правления в 1936 году президентом без выборов стал Ульманис.

Сам Ульманис видел причины переворота именно в хозяйственном кризисе, с которым не могла справиться многопартийная система¹⁰³⁷. То есть и в Латвии перемены были вызваны прежде всего обстановкой мирового экономического кризиса.

В области социальной политики Ульманис решил использовать опыт фашистской Италии. Были созданы шесть профессиональных камер, члены которых (по 90–120 человек) назначались министрами и должны были осуществлять общее руководство работой отрасли, представлять соответствующую группу населения, разрабатывать рекомендации и разрешать конфликты. В камеры входили общества, отвечавшие за более узкие отрасли. Камеры работали под руководством Государственного хозяйственного совета и Государственного совета по культуре¹⁰³⁸. Своей заслугой Ульманис считал, что число членов больничных касс выросло с 140 тыс. до 220 тыс. человек¹⁰³⁹.

Контролируемый правительством Кредитный банк имел право закрывать кризисные банки и в результате сократил число частных банков с 16 до 3. Прежде всего под удар попадал нелатышский капитал¹⁰⁴⁰. Ульманис радовался, что в банках доля капитала нелатышей упала с 80 % до 10 %¹⁰⁴¹. Ульманис стремился «ослабить ведущие позиции немцев, евреев и иностранцев в промышленности, торговле и банковских делах»¹⁰⁴². Таким образом можно было помочь латышскому предпринимательству и карьере латышей. Режим использовал для своей стабилизации национальную консолидацию латышей вокруг «вождя» Ульманиса.

28 сентября 1936 года была проведена девальвация латы на 40 %, что больно ударило по населению, но способствовало росту латвийского экспорта, который превысил импорт (138 млн латов на 122 млн). В 1937 году экспорт вырос до 261 млн латов. Но в 1938 году началось падение экспорта до 228 млн латов, что примерно соответствовало импорту¹⁰⁴³. Государство стремилось сбивать цены, продавая относительно дешевые товары в сети государственных магазинов «Виениба». В 1938 году началась разработка шестилетнего хозяйственного плана.

12 марта 1934 года премьер-министр и государственный старейшина Эстонии Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер совершили государственный переворот под предлогом предотвра-

щения прихода к власти Союза участников освободительной войны (вапсов) во главе с генералом Андресом Ларкой и Артуром Сирком. Они симпатизировали фашистским идеям и предлагали авторитарный проект конституции, который был одобрен на референдуме в октябре 1933 года. Ларка мог победить на предстоящих выборах и возглавить Эстонию. 12 марта по указанию Пятса и Лайдонера кадеты и полиция заняли важнейшие пункты Таллина. Было введено чрезвычайное положение. 22 марта Союз вапсов был запрещен. Вскоре лидеры вапсов были обвинены в заговоре и арестованы. 2 октября 1934 года была прекращена деятельность парламента.

В 1936 году прошел референдум по новой конституции, которая вступила в силу в 1938 году. Парламент теперь должен был состоять из маловластной нижней палаты (Государственной думы) и назначаемой президентом верхней палаты (Государственного совета). При проведении референдума был разослан циркуляр, где говорилось: «К голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции»¹⁰⁴⁴. Даже введя в действие конституцию, Пятс не отменил чрезвычайное положение, так что авторитарный режим сохранился во всей полноте.

Как и его сосед Ульманис, Пятс решил развивать фашистскую модель регулирования социально-экономических отношений. Было создано 15 профессиональных палат, которые выбирали по одному представителю в Государственный хозяйственный совет. Еще десять представителей назначались президентом. В 1938 году в связи с принятием новой конституции этот «эрзац-парламент» был ликвидирован¹⁰⁴⁵ и был заменен конституционным эрзац-парламентом.

Свою авторитарность Пятс оправдывал и социал-либеральной практикой, ссылаясь на политику Рузвельта: «даже Америка, где народное представительство пользовалось очень большой властью, даже эта Америка передала всю власть в руки президента. Для того, чтобы провести новые государственные преобразования, он ни перед чем не остановится. Если президент посчитает нужным провести какой-либо шаг, он не остановится даже перед высшей судебной властью страны, а просто сделает этот шаг»¹⁰⁴⁶. Пятс преувеличивал степень авторитаризации США, но апелляция к американскому опыту характерна. Впрочем, в Эстонии велась официальная идеологическая борьба против «либерально-демократического индивидуализма»¹⁰⁴⁷.

Мы помним о работе по благоустройству США, которую развернул созданный Рузвельтом Гражданский корпус сохранения ресурсов. При Пятсе проводилась кампания по благоустройству родно-

го края, предусматривающая разбор развалин и высадку деревьев. Как формулировала Служба государственной пропаганды, эта работа проводится, «поскольку очистка и обустройство страны, украшение родного края деревьями и кустами, посадка новых лесов, оживление шоссейных дорог деревьями способны в течение определенного времени облагородить нашу страну и наш пейзаж, а также вызвать в душе народа психологический перелом в направлении любви к природе и ее охраны»¹⁰⁴⁸. Такие экологические общественные работы способствовали не только благоустройству страны, но и росту занятости. Но эта программа была завершена в 1938 году.

Зачистив политическое поле, Пятс считал себя незаменимым: «Говорят, что я плохой президент и т. д. Но я не могу уйти, потому что нет никого, кто мог бы занять мое место»¹⁰⁴⁹. Политическая деятельность была официально запрещена. В качестве опоры президента в 1935 году был создан «Союз Отечества», который содействовал, прежде всего, развитию национальной культуры и национальному сплочению эстонцев.

Начало войны в Европе поставило балтийские государства в очень тяжелое положение, так как торговля с Великобританией и Францией стала почти невозможной. Рост цен больно бил по городскому населению, особенно по рабочим¹⁰⁵⁰. В Латвии был введен режим монополии внешней торговли, строжайшей экономии ресурсов. Началось распределение некоторых товаров первой необходимости по карточкам. Германского импорта не хватало. В этом состоянии прибалтийские государства попали в сферу влияния СССР.

В середине тридцатых годов СССР активизировал свои отношения с Прибалтикой в связи с политикой «коллективной безопасности». НКВД СССР считал, что рост германской активности в Прибалтике ставит целью создание плацдарма для нападения на СССР и Польшу¹⁰⁵¹. Первоначально СССР надеялся получить поддержку Польши в противостоянии усилению германского влияния в Прибалтике. Но в связи с польско-германским сближением советское руководство стало воспринимать Польшу как противника в регионе. К тому же Польша отклонила советскую идею советско-польской гарантии независимости прибалтийских государств. Как писал член коллегии НКВД Борис Стомоняков послу в Польше Владимиру Антонову-Овсенко, «новый польско-германский договор уже вызвал в Литве, Латвии и Эстонии нечто вроде паники, и она, конечно, усилится, когда прибалты узнают об отказе Польши от предложенного нами опубликования декларации об их независимости»¹⁰⁵². Страх прибалтийских государств перед польско-германским альянсом давал советской дипломатии преимущества в борьбе за влияние в регионе.

17 января 1934 года было принято постановление Политбюро «О Прибалтике», которое предусматривало организацию визитов в СССР видных политиков Эстонии и Латвии, а также начальника штаба литовской армии генерала Петраса Кубелюнаса¹⁰⁵³. Это говорит о разнице в отношениях СССР с Литвой и с двумя другими государствами Балтии. Впрочем, в 1934 году произошло потепление в отношениях с Эстонией и Латвией. 4 апреля были продлены на десять лет пакты о ненападении с тремя государствами, осуществлена серия культурных мероприятий — визиты журналистов и выставки произведений искусства. «Кроме того, советская сторона стремилась интенсифицировать торговлю со странами Прибалтики, однако сельскохозяйственная продукция и сырье, которые они поставляли на мировой рынок, не являлись остро необходимыми в СССР. Поэтому основным инициатором в вопросе расширения торговли был НКВД, а не НКВТ»¹⁰⁵⁴, — считает историк М. И. Мельтюхов. То есть торговые договоры с Прибалтикой заключались в условиях, когда они были в большей степени необходимы, исходя из дипломатических, а не экономических нужд. 12 сентября с одобрения СССР была заключено соглашение о внешнеполитическом сотрудничестве трех прибалтийских стран, Балтийская Антанта. Правда, сотрудничество не должно было касаться территориальных споров Литвы с Германией и Польшей, а Литва не присоединялась к эстонско-латвийскому военному союзу — сражаться за права Литвы на Вильнюс и Клайпеду соседи не хотели. Так что Балтийская Антанта была образованием рыхлым и неустойчивым, что имело большое значение для понимания ситуации 1939–1940 годов.

Положение Литвы среди трех прибалтийских стран, как видим, было особым, и в силу этого у нее лучше всего складывались отношения с СССР. У Литвы не было границы с СССР, зато были острые территориальные споры из-за Мемеля с Германией и из-за Вильнюса (Вильно) с Польшей — потенциальными противниками СССР. Советский Союз в принципе признавал претензии Литвы на Вильнюс.

Несмотря на Балтийскую Антанту, «военное руководство Эстонии и Латвии полагало, что в случае военного конфликта, в который окажутся втянуты Эстония, Латвия и Польша, Литва будет воевать на стороне Советского Союза»¹⁰⁵⁵, — пишет историк М. Иильмарв.

Правда, в 1934 году СССР пошел на важную уступку Польше, не подтвердив поддержки прав Литвы на Виленский край, — иначе нельзя было бы продлить пакт о ненападении с Польшей, что было сделано 5 мая 1934 года.

СССР благосклонно отнесся к перевороту Пятса¹⁰⁵⁶, так как альтернативой ему могла стать победа движения вапсов и откровенная фашизация Эстонии. Как писал Стомоняков, «политическое положение

ние в Прибалтийских государствах настолько напряженно и неустойчиво, что успех фашистов в Эстонии, несомненно, дал бы сильный толчок фашистам и Латвии, и Финляндии»¹⁰⁵⁷. А вот переворот Ульманиса, известного прогерманскими симпатиями, был оценен враждебно.

Эстония и Латвия пытались с помощью дипломатического маневрирования сохранять самостоятельность своей внешней политики. Дипломатическая история этого периода имела столько же постоянства, как волны Балтики.

Историк М. И. Мельтюхов считает: «Используя антисоветские настроения правящих кругов Эстонии, Германия постепенно расширяла сотрудничество с ней в военной и разведывательной областях. Со своей стороны Москва также стремилась к расширению военных контактов со странами Прибалтики, однако все ограничивалось взаимными официальными визитами военных делегаций и стажировкой нескольких литовских офицеров в частях Красной армии»¹⁰⁵⁸. В случае с Литвой этим не ограничилось. Отношения с Литвой в силу ее благожелательного отношения к СССР как к потенциальному союзнику зашли дальше, чем с остальными, — вплоть до обсуждения поставок советского вооружения в Литву.

Литвинов писал Сталину и Молотову 7 января 1935 года: «Благодаря враждебности Германии и официально объявленному бойкоту, а также запрещению транзита через Германию литовских продуктов в другие страны, Литва попала в крайне тяжелое положение. Страна задыхается, цены стремительно падают, в крестьянстве и во всей стране растет недовольство советофильской политикой нынешнего правительства, которая ведет к экономической катастрофе.

Падение нынешнего правительства в Литве и замена его германофильским (и одновременно, может быть, полонофильским правительством) нанесли бы, однако, нам большой политический ущерб, ибо Литва, особенно в настоящее время, имеет для нас большое политическое значение — во-первых, потому, что при колеблющейся и скорее неблагоприятной для нас позиции Латвии и Эстонии Литва внутри Прибалтийской Антанты оказывает на них благоприятное для нас влияние в пользу Восточного пакта, и, во-вторых, ввиду особой важности участия Литвы в Восточном пакте, поскольку она имеет общую границу с Германией». Поэтому Литвинов предлагал расширить заказы на сельхозпродукцию Литвы¹⁰⁵⁹.

Литвинов считал, что именно Литва является решающим звеном антипольской и антигерманской игры СССР в Прибалтике. Он писал 1 июня 1935 года Сталину и другим членам Политбюро: «Польша, как известно, никогда не переставала добиваться непосредственных

переговоров с Литвой и восстановления в какой-либо мере официальных отношений с ней, рассчитывая со временем полностью подчинить себе Литву. Влияние Польши в Прибалтике, в особенности в Эстонии, значительно усилилось. Полному втягиванию всей Прибалтики в орбиту польской политики препятствует в значительной степени Литва, участвующая в так называемой Балтийской Антанте. Любое соглашение с Литвой устранил для Польши это препятствие и облегчит осуществление ее заветных балтийских мечтаний»¹⁰⁶⁰.

В то же время, хотя «Литва чрезвычайно прислушивается к нашим советам», Литвинов предостерегал от слишком сильной поддержки Литвы, чтобы не брать на себя каких-то обязательств на случай польско-литовского конфликта¹⁰⁶¹.

Зато СССР был готов помочь оружием. С Литвой велись переговоры о поставках артиллерии, самолетов, авиационного оружия, противогазов, взрывчатки и др.¹⁰⁶² 19 сентября 1934 года и 4 февраля 1935 года Политбюро санкционировало продажу Литве 12 трехдюймовых орудий нового образца, 12 000 снарядов и 4000 кавалерийских шашек¹⁰⁶³. Также было решено поставить 13 истребителей¹⁰⁶⁴. 5 апреля 1935 года нарком обороны дал указание «выполнять поставку оружия»¹⁰⁶⁵ Литве. Однако в последний момент Литва сорвала сделку. Несмотря на это, в июле Политбюро санкционировало продажу Литве взрывчатки и постройку для нее двух малых подводных лодок¹⁰⁶⁶.

Затем СССР отклонял просьбы о продаже оружия Литве. Начав рискованную игру в Испании, связанную с поставками вооружений, советское руководство уже не могло распылять экспортное вооружение и к тому же опасалось провоцировать Польшу военной поддержкой Литвы. Оставшись один на один с Польшей, Литва в марте 1938 года была вынуждена пойти на соглашение с ней. Однако Советский Союз вернулся к поддержке претензий Литвы на Вильнюс и Виленский край в 1939 году.

В 1936–1938 годах ситуация оставалась неопределенной. Германия, Польша и СССР ревниво отслеживали визиты политических и военных деятелей друг друга в Прибалтику, воспринимая их как свидетельства колебаний этих стран в ту или иную сторону.

После заключения Мюнхенского пакта «Таллин, Рига и Каунас стали склоняться к постепенному сближению с Берлином»¹⁰⁶⁷. Впрочем, Эстония взяла этот курс практически уже с 1936 года, когда МИД возглавил Фридрих Акель¹⁰⁶⁸.

В то же время страны Прибалтики не желали втягиваться в какие-либо внешние коалиции. 3 ноября 1938-го — 21 января 1939 года они приняли законы о нейтралитете — по образцу скан-

динавских стран. Правда, обсуждавшие военное соглашение Великобритания, Франция и СССР не верили в такой «бумажный» нейтралитет. И, в общем, правильно делали.

Как мы видели, в ходе переговоров с Великобританией и Францией в 1939 году советская дипломатия настаивала на вовлечение Прибалтики в систему гарантий, которая должна была прикрыть советские границы со стороны Балтики. Эстония и Латвия предпочитали равноудаленность и двухвекторность, которая из Москвы виделась как прогерманская позиция, так как все шаги в сторону сближения с Германией воспринимались болезненно.

Как пишет М. И. Мельтюхов, «в начале сентября 1939 года английский посланник в Каунасе Т. Престон, выполняя инструкции Лондона, сообщил исполняющему обязанности министра иностранных дел Литвы К. Бизаускасу, что „во время этих [англо-франко-советских] переговоров, русские требовали как условие для ведения дальнейших переговоров, чтобы англичане и французы создали бы военно-морские базы в прибалтийских портах, на островах Эзель [Сааремаа], Даго [Хийумаа] и на Аландских островах“. Таким образом, можно считать твердо установленным, что в ходе тройственных переговоров советская сторона не стремилась получить какие-либо односторонние привилегии в Прибалтике, а старалась добиться механизма обеспечения тройственных гарантий странам региона»¹⁰⁶⁹. Да, односторонних привилегий СССР не хотел. Он предложил ввести совместные привилегии, навязать совместное военное присутствие союзников, заинтересовав их созданием баз (очевидно, в этом случае СССР имел бы право требовать базы и для себя). Однако, как мы видели, представителям Великобритании и Франции не понравилась идея такого существенного ограничения суверенитета стран Балтии помимо их воли — это могло еще сильнее толкнуть их в объятия Германии как гаранта их нейтралитета. Несмотря на попытки советской дипломатии увлечь партнеров идеей совместного ввода вооруженных сил в Прибалтику, Великобритания и Франция предпочли остаться на позициях сохранения балтийского нейтралитета, и вопрос о «косвенной агрессии» так и не был разрешен на переговорах. Латвия и Эстония отказывались от гарантий, подозревая, что они будут нести угрозу их суверенитету и скорее привлекут германскую агрессию, чем спасут от нее. А Германия, словно насмехаясь над политикой гарантий, 7 июня подписала пакты о ненападении с Эстонией и Латвией. Как пишет эстонский историк М. Иильмарв, «декларированный балтийскими государствами в 1938–1939 годах так называемый безусловный нейтралитет не был таковым. В его реализации власти этих стран постоянно следовали указаниям из Берлина»¹⁰⁷⁰.

По словам полпреда в Эстонии К. Никитина, «Эстония деятельно готовилась к войне Германии с СССР и, как я писал ранее, приспособляла к пропуску германских войск свои железнодорожные, водные и шоссейные пути, затратила огромные средства на вооружение пограничной с СССР полосы по всей линии от Нарвы до Изборска включительно, теперь эти усилия оказались напрасными»¹⁰⁷¹.

Секретные протоколы 23 августа и 28 сентября решительно изменили вектор политики прибалтийских государств. Слухи об их содержании просачивались в Таллин, Ригу и Каунас. Политические круги охватило волнение — какие решения приняты по поводу наших стран?

Поняв, что ситуация в мире изменилась, прибалтийские лидеры сменили холодный тон на дружеский. СССР не оставался в долгу — 19 сентября Молотов сообщил литовскому послу Ладасу Наткевичюсу, что советское правительство «помнит о всех своих обещаниях Литве. Оно не забыло о Вильнюсе, который вчера заняла Красная армия». При этом Молотов похвалил Литву за то, что в ходе аграрной реформы она «избавилась от панов», то есть от польских помещиков¹⁰⁷².

С эстонцами советские представители общались строже — 15 сентября в Таллин пришла польская подводная лодка «Ожел» («Орел»), которая была тут же задержана и разоружена. Польские подводники, передохнув, в ночь на 18 сентября скрутили охрану. Лодка ушла в Великобританию. Это было как нельзя кстати для СССР, который 19 сентября возложил на Эстонию ответственность за этот инцидент, а Балтийский флот принялся искать подводную лодку в Балтийском море, включая эстонское побережье. Похоже, в Москве действительно «опасались действий польских подводников против советского судоходства»¹⁰⁷³, как пишет М. И. Мельтюхов, приводя соответствующие директивы Наркома военно-морского флота Николая Кузнецова. Корабли должны были войти в территориальные воды Эстонии. Эстония не решилась протестовать против нарушения ее суверенитета¹⁰⁷⁴.

В Москву отправился министр иностранных дел Эстонии Карл Сельтер, который уже понимал, что речь пойдет о протекторате. И Сельтер, с санкции Пятса, был готов с этим согласиться. 22 сентября он сказал латвийскому послу Шумансу, что «даже остальные захотят такой же»¹⁰⁷⁵ протекторат — Эстония была готова заключить модельный договор с СССР, на основе которого будут заключены договоры с Латвией и Литвой. 24 сентября Молотов заявил Сельтеру, что Эстония должна предоставить СССР базы на своей территории, которые позволят контролировать южные подходы к Финскому заливу — транспортной артерии Ленинграда. «На всякий случай» го-

товилось вторжение в Эстонию и Латвию, против которых было сосредоточено более 134 тыс. солдат при 801 орудии, 1347 танках и 179 бронемашинах¹⁰⁷⁶.

При обсуждении советских требований в парламенте Эстонии генерал Йохан Лайдонер говорил: «Сейчас никто не захочет помогать нам, так как это втянуло бы его в конфликт, в то время как общим стремлением является — остаться в стороне. Сейчас все эгоисты»¹⁰⁷⁷.

27 сентября Молотов заявил эстонским партнерам, что неизвестная подводная лодка утопила пароход «Металлист» (в действительности такого факта не было, никакой корабль в этих местах тогда не утонул)¹⁰⁷⁸, и вообще «недалеко от эстонских берегов какие-то неизвестные подлодки имеют свою базу»¹⁰⁷⁹. Просто «Тайна двух океанов»! Чтобы прекратить такое безобразие, Эстония должна согласиться с созданием на своей территории советских военных баз.

Сталин принял личное участие в переговорах с эстонскими представителями (как потом и с представителями других прибалтийских государств), так как только он мог принять решение о небольших уступках: требуя размещение больших военных контингентов, затем советская сторона снижала цифру примерно до размеров армий мирного времени прибалтийских государств. В случае чего советский контингент мог блокировать армию страны пребывания и предотвратить ее несанкционированное развертывание в армию военного времени.

28 сентября был подписан пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией, который стал шаблоном для договоров с другими странами Прибалтики. Помимо обязательства оказывать друг другу поддержку, в том числе и военную, в случае нападения на одну из сторон, договор предоставлял СССР право на создание в Эстонии своих военных баз: в Палдиски, Саарема и Хийумаа, где размещалось до 25 тыс. военнослужащих. Одновременно был подписан договор о расширении экономических отношений. 1 октября президент Пятс, не питавший никаких симпатий к СССР, вынужден был заявить: «Пакт о взаимопомощи не затрагивает наших суверенных прав... В требовании СССР не было ничего необычного. Учитывая историю нашего государства и наше географическое и политическое положение, становится ясным, что мы должны были вступить в соглашение с СССР. В качестве прибрежного государства мы всегда были посредниками между Западом и Востоком»¹⁰⁸⁰.

Один из участников эстонской делегации А. Пийп сравнивал ситуацию с захватом Чехии Германией: «Кто знает, не будет ли Гаха оправдан судом истории? Базы и огромный гарнизон означают подчинить свою реальную судьбу другим. А какова альтернати-

ва? Бессмысленное кровопролитие и гибель. А в первом случае, возможно, народ сохранится, а время все расставит по своим местам»¹⁰⁸¹. Правда, в случае сопротивления советское руководство все равно не планировало уничтожение эстонского народа или что-то в этом роде. Да и, в отличие от случая с Гахой, пока не планировалось менять государственный строй Эстонии и других прибалтийских стран. Пока.

Могла ли Эстония сопротивляться? Финляндия смогла. Но Эстония — гораздо меньше и слабее. Сопротивление могли оказать три государства Прибалтики вместе. Совместные военные действия трех стран были бы серьезной проблемой для Сталина. Хотя армии мирного времени трех государств были невелики — всего несколько десятков тысяч солдат, в этих странах было 570 тыс. человек, обученных военному делу (включая военизированные формирования, которые можно было быстро поставить под ружье). Это сила вдвое большая, чем у Финляндии. У государств Прибалтики были и укрепления. Их армии имели 900 орудий, 102 танка, 30 бронемашин, 400 самолетов. «В любом случае население Финляндии составляло лишь половину народонаселения трех стран Балтии вместе взятых, а финская граница с Советским Союзом в два раза превышала протяженность границы с соседними странами»¹⁰⁸², — пишет историк М. Иильмярв. Правда, Прибалтике труднее было бы снабжаться, чем Финляндии. Но, учитывая косвенную поддержку Финляндии через Германию, нельзя исключать, что она могла быть оказана и Прибалтике. Во всяком случае, ее лидеры могли на это надеяться, учитывая свои давние связи с Рейхом. После Второй мировой войны в Прибалтике несколько лет воевали «лесные братья» с минимальной помощью извне. А в 1939 году мотивации к массовому сопротивлению не было. Скорее наоборот — Советский Союз имел массовую поддержку в самой Прибалтике из-за острых противоречий в обществах этих трех стран. Социальная напряженность, нараставшая с началом Великой депрессии, не была бы снята с помощью авторитарных и фашистских методов. Перед лицом советской угрозы прибалтийские диктаторы не были уверены в своем народе. Давление СССР раскалывало общество стран Прибалтики, в то время как в Финляндии — спланивало.

Балтийская Антанта так и не стала прочным военным союзом. Инициативы военных руководителей трех государств по поводу встреч в сентябре были вялыми, встречи не состоялись¹⁰⁸³. Авторитарные режимы переживали кризис, часть населения сочувствовала дружбе с СССР в надежде, по крайней мере, на смягчение экономических трудностей. А советское иго пока было легким.

1 октября в Москве стало известно, что «на условиях с Эстонией латыши согласны разговаривать»¹⁰⁸⁴. Разъясняя мотивы этого решения, Ульманис говорил 13 октября: «Мы уклонились от того, чтобы латыши проливали кровь и жертвовали жизнями ради вещей, не касающихся основ нашего государства»¹⁰⁸⁵. Он считал, или делал вид, что считал, что советские требования не касаются этих основ.

2 октября, беседуя с приехавшим в Москву министром иностранных дел Латвии Вильгельмом Мунтерсом, Сталин говорил: «Ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем». Сталин сдержит это обещание, но только до тех пор, пока не определится исход британо-франко-германской войны. Молотов пояснил Мунтерсу, что СССР заботится об укреплении своей безопасности, апеллируя к историческому опыту: «Еще Петр Великий заботился о выходе к морю»¹⁰⁸⁶. Отныне Петр станет признанным авторитетом для сталинской внешней политики. Чтобы сомнений не оставалось, Сталин констатировал: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся»¹⁰⁸⁷. Более того, когда Мунтерс передал отказ латвийского правительства согласиться с советскими предложениями как навязанными латвийскому народу, Сталин сообщил, что первоначально немцы предлагали провести линию разграничения по Даугаве, и они могут вернуться к идее раздела Латвии¹⁰⁸⁸.

Сопротивление латвийской стороны продлилось недолго. 5 октября был заключен советско-латвийский пакт, по которому СССР получил право на создание военных баз в Латвии, в том числе в Лиепае и Вентспилсе. Здесь также размещалось до 25 тыс. военнослужащих. «Я должен рассеять также все сомнения и подозрения, что безопасность нашей страны может быть поставлена под угрозу извне»¹⁰⁸⁹, — заявил президент Латвии.

29 сентября Молотов, принимая министра иностранных дел Литвы Наткевичюса, сообщил ему об условиях присоединения Вильнюса: «Советскому Союзу известна дружественность Литвы по отношению к СССР. Настала пора сделать эту дружественность более реальной. Ни для кого не является секретом, что Литву стремится перетянуть на свою сторону Германия. Следовательно, для СССР важно знать, к какой стране Литва испытывает большие симпатии. Сейчас недостаточно быть „ни теплым, ни холодным, а надо принять решение“»¹⁰⁹⁰. В зависимости от этого можно решать и территориальные вопросы.

3 октября Сталин, Молотов, Потемкин и посол Поздняков встретились с министром иностранных дел Литвы Юозасом Урбшисом и Наткевичюсом. Молотов вполне откровенно сообщил литовцам: «После определенных переговоров Германия согласилась, чтобы

Литва, как и Латвия и Эстония, вошла в зону влияния СССР». «После этого слово взял Сталин и сразу раскрыл нам карты. С Литвой, сказал он, надо заключить три соглашения: 1) пакт о взаимопомощи, 2) договор о передаче Вильнюса и Вильнюсского края Литве и 3) договор о передаче определенных областей Южной Литвы немцам». Увидев «наши кислые мины», — продолжает Наткевичюс, Сталин стал убеждать литовцев, что сначала Германия вообще хотела поделить Литву, и советская сторона с трудом отстояла ее почти полную территориальную целостность и даже расширение. Литовские представители заявили, что возможная «уступка областей Южной Литвы Германии была бы величайшей несправедливостью, которую только можно себе представить»¹⁰⁹¹. Не устраивала литовских представителей и идея ввода на территорию страны советских войск. В крайнем случае их можно было бы пустить в Вильнюсский край. Но СССР был заинтересован в размещении войск на западных рубежах своей сферы влияния, а не только в Вильнюсском крае. В ходе последующих встреч вырисовывалась такая альтернатива, о которой Урбшис информировал Каунас: «или заключаем с русскими пакт по примеру эстонцев и латышей, или отказываемся его заключить. В последнем случае, имея в виду распределение зон влияния между немцами и русскими и что нас оставили в русской зоне, придется ждать от Советского Союза различного и, возможно, даже вооруженного давления»¹⁰⁹². И уж, конечно, не приходится ждать присоединения Вильнюса.

При этом германская сторона пыталась выглядеть в глазах литовцев более уступчивой, чем СССР. Настаивая в переговорах с СССР на выполнении условий соглашения 28 сентября о передаче Германии полосы литовской территории, Риббентроп в то же время передал литовскому правительству, что «имперское правительство не считает в данный момент актуальным такое изменение границы»¹⁰⁹³. Это ставило СССР в неудобное положение, так как он должен был настаивать со своей стороны на этом изменении, уязвляющем национальные чувства литовцев. В итоге СССР сделал все, чтобы территорию Германии не передавать. Переговоры по этому поводу с Германией шли до 10 января 1941 года, когда СССР договорился выкупить эту территорию у Германии в пользу Литвы, тогда уже советской.

10 октября был заключен советско-литовский договор «О передаче Литовской республике города Вильнюса и Вильнюсской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой». Конфиденциальный протокол к договору давал СССР право ввести в Литву контингент в 20 тыс. солдат. Он был размещен в Вильнюсе, Каунасе, Алитусе, Вилькомире и Шауляе.

Вхождение Вильнюса в состав Литвы не прошло безболезненно. 28 октября — 1 ноября в городе произошли беспорядки, вызванные недовольством населения курсом обмена злотого на лит и перебоями в снабжении. Произошли антилитовские демонстрации и погромы магазинов, в большинстве своем еврейских. Советские танки проехали по городу, и волнения стихли. Тогда литовские власти усилили полицейское давление на поляков. По словам литовского историка Ч. Лауринавичюса, «литвинизация Вильнюсского края насаждалась прежде всего полицейскими средствами, в частности, следили за тем, чтобы на улицах Вильнюса люди не разговаривали по-польски». Гражданство получали только те, кто жил в Вильнюсе до 14 октября 1920 года. Остальным предстояло ехать назад в оккупированную Польшу¹⁰⁹⁴. Произошли аресты «польских заговорщиков».

18 октября советские войска вступили в Прибалтику. Пока СССР соблюдал в отношении прибалтийских режимов предельную корректность. «Весь личный состав наших частей должен знать, что по Пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться... Настроения и разговоры о „советизации“, если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом, ибо они на руку только врагам Советского Союза и Эстонии»¹⁰⁹⁵, — говорилось в приказе Наркома обороны войскам, вступавшим на территорию стран Прибалтики.

Историк М. Иильмарв пишет о настроениях в Эстонии: «Отношение народа к соглашению с СССР не было единым. Ориентированная на Германию буржуазия вздохнула с облегчением и, казалось, поверила, что по крайней мере пока удалось избежать национализации накопленного за двадцать лет имущества. Эта часть населения надеялась, что советское правительство позволит спокойно дожидаться прибытия немецких войск. В то же время радовало и подписание торгового соглашения, которое позволяло буржуазии приумножать свои доходы... Рабочие, страдавшие от репрессий авторитарного режима, профсоюзные деятели, сторонники левой идеологии и коммунисты одобряли заключение пакта... Крестьяне по большей части были настроены как против Германии, так и против СССР. Среди них раздавались голоса, что независимость продали русским. Звучали и призывы к свержению Пятса. В основном крестьяне... считали Пятса — под воздействием правительственной пропаганды — сторонником демократии и проанглийской ориентации. Но были в народе и недовольные, считавшие, что в создавшейся ситуации нельзя было молча капитулировать»¹⁰⁹⁶.

11–12 октября в Каунасе прошли демонстрации в поддержку советско-литовского пакта. Начались они со славиц в адрес как Сметоны, так и СССР, но затем просоветская часть митингующих продолжила манифестировать под лозунгами «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!». Митингующие надеялись, что кто-то обратится к ним с балкона советского посольства, но тщетно. Полиция жестоко разогнала просоветский митинг, применив оружие. Но левые манифестанты сходили помитинговать еще и к Каунасской тюрьме, где были разогнаны окончательно. Затем последовали аресты¹⁰⁹⁷. Советское руководство увидело, таким образом, что, по крайней мере в Литве, правый авторитаризм сформировал ощутимый потенциал левого протеста. Этим можно будет воспользоваться в дальнейшем. Но пока советским представительствам и военным были даны строгие указания никак не помогать левым силам трех стран.

Сталин говорил Димитрову 25 октября: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают»¹⁰⁹⁸. Это время наступит, когда определится исход войны на западном фронте. Когда в декабре 1939 года были арестованы лидеры Компартии Литвы во главе с Антанасом Снечкусом, СССР не выразил протест¹⁰⁹⁹.

Важным последствием перехода Балтии под руку Москвы стал исход оттуда немцев. 6 октября руководство Германии призвало балтийских немцев приехать в Рейх на постоянное жительство. Литва с этим не торопилась, а вот Латвия и Эстония занялись депортацией немцев с энтузиазмом.

30 октября было достигнуто соответствующее соглашение Латвии с Германией. Латвию покидало 45 000 человек. Немцы могли увезти с собой лишь незначительную часть имущества. Латышам оставалась земля, еще оставшаяся у немцев после аграрной реформы — 45 000 га. По латвийским данным, 55 % немцев были заняты в торговле и промышленности. Они контролировали 4,1 % торговых предприятий, но при этом 10,6 % самых крупных (первой категории) и 16,3 % второй¹¹⁰⁰. 8 октября в Латвии был введен запрет на продажу и покупку ювелирных изделий и драгоценных металлов. Немцы, таким образом, не могли обернуть свое имущество в золото и драгоценности, чтобы вывезти их из страны.

Ульманис говорил в новогоднем обращении: «В сельском хозяйстве новое оживление создаст преобразование ведения хозяйств на перенятых от немцев землях. Это уже само по себе будет важной

и обширной задачей. Тысячи обработчиков земель получают хозяйства». Промышленное производство в ноябре-декабре меж тем упало на 27 %¹¹⁰¹. Дефицит промышленной продукции и сырья теперь мог покрыть СССР.

Доля СССР в экспорте и импорте Эстонии выросла в 1939–1940 годах с 5 % до 20–20,9 %, Латвии с 5,1–6,3 % до 22,4–23,7 %, Литвы с 6,3–5,2 % до 12,1–11,7 %¹¹⁰². Как видим, наименьшими были изменения в экономических отношениях с Литвой. Это можно объяснить тем, что она была наиболее аграрной из трех прибалтийских стран. Но, как показывает ситуация с военным сотрудничеством, литовское руководство стало куда более настороженным в отношении СССР, чем в середине тридцатых годов.

Советский Союз был готов продать оружие новым союзникам. 3 марта 1940 года было подписано советско-эстонское соглашение о продаже оружия на 5,2 млн крон, в том числе 20 45-миллиметровых орудий и снарядов к ним, 12 самолетов И-16, 2 самолетов УТИ-4, 20 автомобилей ЗИС-6, 200 винтовок и др. 23 марта было подписано советско-латвийское соглашение почти на 26 млн латов. Латвия должна была получить 96 штук 45-миллиметровых орудий и снаряды к ним, 18 штук 76-миллиметровых зенитных орудий, 31 танк Т-26, 17 тракторов и др. А вот Литва не торопилась заключать соглашение. 23 мая советский военный атташе в Литве Иван Коротких сообщил, что, по агентурным данным, литовцы не намерены покупать советское оружие, «а если и купят, то незначительное количество. Переговоры ведутся по чисто политическим соображениям, а оружие в СССР никуда не годное. Мы ориентируемся на германское оружие»¹¹⁰³.

Посол в Литве Николай Поздняков с неудовольствием докладывал 20 декабря: «Не менее подозрительно и то обстоятельство, что руководители литовской армии не проявляют почему-то до сих пор необходимой активности в деле использования предоставляемых им договором льготных условий при покупке в СССР военного снаряжения и материалов. Видимо, зависимость их армии от советской военной техники им не по душе»¹¹⁰⁴.

Руководители прибалтийских государств не могли искренне симпатизировать присутствию советских войск на территории их стран. «Дошло до того, что обнаглевшие литовские руководящие деятели даже в беседах с нами стали, не стесняясь, проводили аналогию между советскими войсками и немецкими оккупантами (Меркис), между царской Россией и Советским Союзом (Тураускас)»¹¹⁰⁵, — возмущался советский дипломат по поводу слов премьер-министра и руководителя политического департамента МИД Литвы. Эстонские и латвийские военные снабжали финнов ценными разведыва-

тельными сведениями¹¹⁰⁶. По мнению М. И. Мельтюхова, контакты литовских представителей с германскими доказывают, что «президент А. Сметона уже в феврале 1940 года добивался такого же положения в германской сфере влияния, как Словакия»¹¹⁰⁷.

В декабре 1939 года советская разведка сообщала о разговорах эстонских военных, в которых они рассматривали разные варианты нападения на советские гарнизоны в случае изменения международной ситуации, и о секретном распоряжении генерала Лайдонера эстонским офицерам: «учесть современную обстановку и понять, что пора прекратить разговоры против Советского Союза в присутствии посторонних лиц». Формально Лайдонер предостерегал от распространения слухов о РККА: «Возможно, что распространители подобных слухов являются большими патриотами, но тем не менее в данное время такие слухи являются вредными для государства»¹¹⁰⁸. В данное время.

Советская разведка сообщала 14 января 1940 года, что в Эстонии «идет усиленная агитация против советских войск, чему способствуют финские радиопередачи, а также увеличивающаяся безработица и возрастающая дороговизна, виновником чего будто бы является советское правительство»¹¹⁰⁹. Происходит вербовка добровольцев в Финляндию: «Переправа через лед производится ночью на санях и лодках. Переправа в Финляндию производится самими финнами. На днях отправили этим путем в Финляндию около 50 добровольцев»¹¹¹⁰. Советские неудачи в Финляндии компрометировали Красную армию: «красные-де не так сильны, как мы думали о них, заключая договор о взаимопомощи, связывающий нам теперь руки и ноги»¹¹¹¹.

Искреннего союзничества не получалось. После исключения СССР из Лиги наций Молотов с неудовольствием сказал Наткевичюсу, что он ожидал, что государства Прибалтики при голосовании в Лиге наций займут какую-то позицию»¹¹¹², то есть поддержат СССР. А они воздержались при голосовании об исключении СССР из Лиги наций, всем показав: голосовать против СССР не можем, но и Советскому Союзу не сочувствуем.

10 февраля 1940 года президент Латвии Ульманис выступил по радио и заявил о том, что вероятно в ближайшее время нация подвергнется «испытаниям»: «если трудное, роковое испытание настанет, то в среднем одному мужчине из каждого хутора придется надеть форменную одежду», «начинайте об этом заботиться и держите это наготове... Не будь это серьезным делом, я бы не стал говорить об этом в данный момент»¹¹¹³. Заявление Ульманиса было сделано в разгар обсуждения лидерами Великобритании и Франции высадки

в Скандинавии. Советский военный атташе в Латвии А. Завьялов сообщал, что речь Ульманиса «была воспринята населением как призыв к подготовке Латвии к мобилизации и войне, причем войне против СССР»¹¹¹⁴. Беспокойство советского руководства вызвали также встречи министров иностранных дел Балтийской Антанты в декабре 1939-го и марте 1940 года. Заслон против северного фланга анти-советских стратегических «клещей» имел очень хрупкий тыл.

Оправдываясь уже после советизации за февральское выступление, Ульманис утверждал, что оно не было направлено против СССР: «Второй пункт договора давал нам возможность дальнейшего вооружения, потому что СССР впервые обещал продать Латвии военные материалы. Этот пункт можно было истолковать и как указание новому союзнику, т. е. Латвии, на необходимость вооружаться»¹¹¹⁵.

Сосуществование двух социальных систем, по мнению советской стороны, плохо сказывалось на боевой готовности РККА: «вокруг советских гарнизонов появилось бесчисленное множество всяких притонов, кабачков и проституток, финансируемых из какого-то солидного источника»¹¹¹⁶, — докладывал временный поверенный в Литве В. Семенов. Советскому дипломату было невдомек, что такие «происки империализма» — неизбежный спутник баз иностранных государств в отсталых странах. Механизм «финансирования из солидного источника» приоткрыл полпред в Эстонии К. Никитин: «Наличие разнообразных товаров в магазинах Таллина и невысокие цены на предметы ширпотреба (ботинки, костюмы и пр.) разжигают аппетиты рядового состава армии и флота... В военторге имеется ряд товаров, которых в Эстонии сейчас в свободной продаже не имеется, как, например, сахар»¹¹¹⁷. Находясь в увольнении (или просто через забор), солдаты обменивают сахар, икру и другое продовольствие на ширпотреб. Офицеры гуляют в кафе. А вокруг этого «разложения» свободно снуют немецкие шпионы. Тыл советской группировки ненадежен не просто по политическим, а по социально-экономическим причинам. Все это ставило в повестку дня «управляемые революции» в Прибалтике — либо на основе идеи «народной демократии», либо в направлении советизации. Но решительные изменения в Балтии зависели от исхода противостояния Германии и «Антанты» на западе Европы.

Но как повернется ситуация в Европе на следующем витке истории, Сталин не знал. Если СССР подвергнется нападению, крайне нежелательно, чтобы вокруг советских гарнизонов в Прибалтике действовала «пятая колонна».

Обстановка в латвийском руководстве была нервной, ждали «предстоящих испытаний». В апреле 1940 года Ульманис отправил в отставку своего давнего соратника министра обороны Балодиса.

Но характер «предстоящих испытаний» зависел не от латвийского руководства, а от исхода войны Германии против Великобритании и Франции. Крушение главного гаранта Версальской системы — Франции — обрекало на гибель государства Балтии.

ДВЕ ТВЕРДЫНИ

Вся история войн — это соревнование наступления и обороны. Как только эволюция общественного устройства открывает дорогу внедрению технических новшеств, в военном деле сменяется эпоха. Феодалная рыцарская кавалерия была остановлена залпами хорошо организованной наемной пехоты, Французская революция мобилизовала нацию и породила Великую армию Наполеона. Чтобы иметь такую армию, император французов выжал нацию, как лимон. Но дело было сделано — народы заболели идеей массовых армий. Индустриальное общество с его масштабами производства и организационными возможностями позволило кормить многомиллионные армии. Подготовить солдат для такой армии позволило введение всеобщей воинской повинности, когда большинство граждан проходит военную подготовку в юности. Первая мировая война столкнула массовые армии. Плотность огня была такой, что они зарылись в землю. Фронты опоясали Европу. Их прорыв обошелся в сотни тысяч жизней, но успех исчислялся десятками километров. Передвижения армий на такие расстояния не решали судьбы этой войны. Результат зависел не от количества убитых врагов, а от выносливости экономики.

Первая мировая война воспитала генералов западноевропейских стран, особенно британских и французских — они ее выиграли. Теперь нужно было действовать тем же образом, но только с поправкой. Зачем проливать кровь? Нужно заранее возвести надежные линии укреплений — не окопную импровизацию, а цепи железобетонных ДОТ. А дальше — чья экономика выдюжит напряжение. Если Германия сразу не пойдет на мировую, можно будет со временем начать бомбить ее. Возникла мечта о «бесконтактной», бескровной (для одной стороны) войне, которую на деле удалось осуществить только в конце XX века — во время агрессии НАТО против Югославии в 1999 году.

Германия, которая проиграла Первую мировую войну, проиграла бы и «бесконтактную войну», особенно если бы начались массированные бомбардировки из Великобритании и Франции. Затяжная война не устраивала Гитлера, ему хотелось осуществить мечту о молниеносной войне — «блицкриге». Собственно, взятие судетских

укреплений тоже было блицкригом, причем бескровным. Но и польский кровавый блицкриг обошелся Германии относительно дешево — 14 тыс. убитых и пропавших без вести. Теперь Германии нужно было либо прекратить европейскую войну и готовить следующее столкновение, когда к тому будут готовы экономические предпосылки — вся Восточная Европа падет к ногам Гитлера. Либо — разгромить Великобританию и Францию в блицкриге. Но это было не так просто — союзники сидели за мощными укреплениями линии Мажино.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в октябре 1939 года, Гитлер писал: «В сложившихся обстоятельствах время, вероятнее всего, может быть больше союзником западных держав, чем нашим»¹¹¹⁸. Это связано с рядом факторов. Экономические возможности антигерманской коалиции превосходят германские, и «в случае затяжной войны при ограниченной продовольственной и сырьевой базе будет трудно обеспечивать народ продуктами питания и производить средства, необходимые для ведения войны»¹¹¹⁹. Позиция Италии, и без того неустойчивая, может в любой момент перемениться в случае устранения Муссолини. Королевский двор готов переметнуться к союзникам, отказаться от идеи восстановления Римской империи и «продать первородное право Италии на Средиземное море...» В этой фразе видны планы Гитлера на будущий раздел Европы. Север — Германии, юг — Италии. И постоянная головная боль — непредсказуемость России: «Никаким договором и никаким соглашением нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России. В настоящее время есть все основания полагать, что она не откажется от нейтралитета. Через восемь месяцев, через год или даже через несколько лет это может измениться. Незначительная ценность соглашений, закрепленных договорами, именно в последние годы проявлялась во всех отношениях. Самая большая гарантия от какого-либо русского вмешательства заключена в ясном показе немецкого превосходства, в быстрой демонстрации немецкой силы»¹¹²⁰.

Впрочем, позиция Италии и с Муссолини была больше похожа на активный нейтралитет Советского Союза — стремление маневрировать между Германией и ее противниками в собственных интересах. 26 декабря 1939 года Чиано записал в дневнике о беседе с Муссолини: «Теперь впервые он желает поражения Германии, и поскольку Маррас (военный атташе в Берлине) сообщил из заслуживающего доверия источника о предстоящем вторжении немцев в Голландию и Бельгию, дуче просил меня секретно сообщить об этом дипломатам обеих стран.

Муссолини постоянно думает об оккупации Хорватии, что мне представляется возможным, и я сказал ему, что это следует предпринимать лишь с согласия Франции и Англии». Правда, 31 декабря Чиано сетовал: «Муссолини все еще страдает от очередного прилива прогерманских чувств». Но все равно дуче рассчитывал вмешаться в войну на стороне Германии только во второй половине 1941 года¹¹²¹. Чиано и в дальнейшем фиксирует колебания настроений Муссолини между прогерманскими и антигерманскими.

Выступая 6 октября в рейхстаге, Гитлер заявил: «Мои главные усилия были направлены на то, чтобы освободить наши отношения с Францией от всех следов злой воли... Не меньше усилий посвятил я достижению англо-германского взаимопонимания, более того, установлению англо-германской дружбы... Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию... Зачем нужна эта война на Западе? Для восстановления Польши? Польша времен Версальского договора уже никогда не возродится... Бессмысленно губить миллионы людей и уничтожать имущество на миллионы же для того, чтобы воссоздать государство, которое с самого рождения было признано мертворожденным всеми, кто не поляк по происхождению»¹¹²². Гитлер рассчитывал на дух умиротворения, который жил и в «странной войне», и в сохранении у власти мюнхенских партнеров. Но умиротворение было не только признаком слабости западной элиты, оно основывалось на ее претензии на высшую власть в мировом сообществе. Дело было, конечно, не в Польше. Нарушив лояльность к Западу, Гитлер должен был понести наказание.

Поэтому, предлагая мир, Гитлер советовал своим генералам не забывать о конечной цели политики в отношении Запада: «Цель Германии в войне должна... состоять в том, чтобы окончательно разделиться с Западом военным путем, то есть уничтожить силу и способность западных держав еще раз воспротивиться государственной консолидации и дальнейшему развитию германского народа в Европе»¹¹²³.

Однако между двумя армиями лежали две мощные оборонительные линии. И если в сентябре 1939 года у союзников был шанс прорвать линию Зигфрида, то теперь, когда основные силы вермахта прибыли на Западный фронт, препятствие стало непроходимым с обеих сторон. Активные боевые действия шли только на море. 4 октября немецкая подводная лодка пробралась в британскую базу Скапа-Флоу и утопила линкор «Ройал Оук». 13 декабря три британских корабля настигли у Монтевидео немецкий тяжелый крейсер

«Адмирал Шпее» и нанесли ему тяжелые повреждения. Команда вынуждена была затопить корабль, и Атлантика стала относительно безопасным местом для коммуникаций союзников.

4 ноября 1939 года стало ясно, что Рузвельт склоняется к поддержке Великобритании и Франции, пока очень осторожной. Под давлением администрации был смягчен закон о нейтралитете. Была разрешена продажа оружия воюющим державам по принципу «плати и вывози». Это было особенно важно для Великобритании, которая серьезно зависела от поставок американских военных грузов.

Но если через стену двух линий пройти было нельзя, то во Францию вела «калитка» — дорога через нейтральную Бельгию.

Открыть ли калитку и когда это сделать — зависело от Гитлера. Союзникам, на которых работало время, это было невыгодно.

Несмотря на нейтральный статус, Бельгия зависела от Великобритании и Франции больше, чем от Германии. Но союзники не спешили открывать «калитку» и вступать на открытых пространствах Бельгии в кровопролитную схватку. Верховный совет союзников обсуждал планы «окружения» Германии — прямое продолжение умиротворения с позиции силы. Достаточно отсечь Германию от железной руды, поступающей из Швеции, нефти, поступающей из Румынии и СССР, от советского продовольствия, и Гитлер будет вынужден капитулировать. В этом — суть стратегии союзников в начальный период войны. Союзникам нужна была затяжная война. Время работало на них. Они не желали маневренной войны и не умели ее вести.

«Странная война», как стал называться первый период войны на Западном фронте с легкой руки журналиста Ролана Лекавелэ — яркое свидетельство нежелания западных армий вести маневренную войну. Следовательно, они не были как раз армиями, адекватными Второй мировой войне. Какой угодно другой, позиционной — Первой мировой, «холодной», «бесконтактной», но не Второй мировой. Классической армией времен Второй мировой войны была германская — маневренная армия, «наследница» наполеоновской.

Стремление воевать быстро, маневренно, «малой кровью, могучим ударом», было свойственно и красным командирам. То, что они были воспитаны опытом маневренной Гражданской войны, конечно, не значит, что красные командиры опережали время — «маневренную войну» в свое время вели даже конники Атиллы. История войны, как и вся история, развивается по спирали. На том витке, где находились «позиционные» наследники Первой мировой войны, еще не было достаточных технических средств для «бесконтактной» войны на расстоянии — ракетного оружия и неуязвимой для ПВО авиации. А вот у советских наследников гражданской войны

было наибольшее в мире количество танков и самолетов. Правда, освоение техники, адекватной тридцатым годам, шло медленно. Где еще осваивать технику, как не в локальной войне. Пока немцы и союзники стояли на западе, упершись друг в друга могучими щитами двух укрепленных линий, советскому руководству хотелось попробовать взять какую-нибудь линию послабее. Третьей линией, определявшей расстановку сил в Европе, стала линия Маннергейма. Тяжело в учении, в настоящем бою полегче будет. Вторая мировая война наступала на пятки наследию Первой.

Советско-финляндская война: провал или победа?

Финляндия оставалась последним прибалтийским государством, отнесенным к сфере влияния СССР, с которым не удалось заключить пакт о «взаимопомощи». До советско-германского пакта СССР рассматривал Финляндию как опасный плацдарм, с которого может быть совершено нападение на Ленинград. Взятие Ленинграда — огромная опасность для СССР в целом¹¹²⁴. В 1940 году, разбирая итоги войны с Финляндией, Сталин вернулся к этой теме. Противник может «прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти»¹¹²⁵. Учитывая, что Ленинград находился всего в 32 км от границы с Финляндией, в случае высадки в этой стране сильного экспедиционного корпуса другой державы такая перспектива не казалась Сталину фантастической.

По мнению Т. Вихавайнена, «в Москве при анализе внешней политики не замечали склонности малых стран к нейтралитету»¹¹²⁶. Какая близорукость Москвы! Но опыт европейской войны показал, что нейтралитет малых стран не является препятствием для германской агрессии. Так что опасения СССР по поводу прохода войск противника через нейтральные страны были вполне оправданы. Сама по себе Финляндия, конечно, не угрожала Ленинграду, и у нее не было сил, чтобы осуществить мечты национал-радикалов о «Великой Финляндии». Но страна была идеальным плацдармом для удара по «Северной столице» в случае войны с Германией, Великобританией или Францией.

5 марта 1939 года Литвинов предложил правительству Финляндии сдать в аренду на 30 лет острова Гогланд, Лавансаари, Сейскари, Тюрторсаари для наблюдательных пунктов на подступах к Ленинграду. 8 марта финны отвергли это предложение, но переговоры продолжались.

Советско-германский пакт и европейская война изменили ситуацию. Советские требования стали тяжелее, а финляндское руководство осознало, что придется пойти на некоторые уступки. Из всех балтийских стран Финляндию оставили «на закуску». 5 октября Молотов пригласил финского посла и предложил делегации Финляндии прибыть в Москву для переговоров «по некоторым конкретным вопросам политического характера»¹¹²⁷. Финны ответили не сразу, и это вызвало раздражение в Москве. Советский посол Владимир Деревянский говорил министру иностранных дел Финляндии Юхо Эркко: «Финляндия отнеслась к предложению иначе, не так, как Прибалтика, и это может пагубно сказаться на ходе событий»¹¹²⁸.

В СССР перед переговорами готовили разные варианты требований к Финляндии. Предполагалось отодвинуть границу от Ленинграда вдвое дальше, до линии Местерярви — Коневец, передать под контроль СССР ряд стратегически важных островов, в том числе Ханко, где планировалось создать базу. Это позволило бы полностью контролировать вход в Финский залив. «Программа максимум» отодвигала границу еще дальше, почти до Выборга, и предполагала передачу СССР района Петсамо, отрезая Финляндию от Северного ледовитого океана. В обмен СССР был готов предоставить малонаселенные районы Карелии. Эти изменения должны были, как и в случае со странами Прибалтики, стать результатом договора о взаимопомощи. В Выборгскую губернию вводились бы советские войска. Это значило, что финны теряли свою линию долгосрочных укреплений, и в любой момент Красная армия могла бы свободно войти в Хельсинки.

11-го и 14 сентября нарком обороны Ворошилов и начальник генерального штаба Шапошников распорядились усилить войска на советско-финской границе, а 13 сентября Ворошилов обратился в экономический совет Совнаркома с просьбой усилить строительство укреплений на Карельском перешейке¹¹²⁹. В Финляндии началась скрытая мобилизация¹¹³⁰.

Для начала финское руководство во главе с премьер-министром Аймо Каяндером решило тянуть время. На создание советских баз на своей территории Финляндия не соглашалась, но была готова откорректировать границу за соответствующую компенсацию в Карелии и даже предоставить СССР острова Сейскари, Лавансаари и Тютяrsaари, в крайнем случае еще Гогланд (Суурсаари). Понятно, что корректировка границы, допустимая для Финляндии, не должна была затронуть оборонительную линию Маннергейма (неофициально названную так в честь главы Совета обороны Финляндии Карла Густава Маннергейма). Финляндское руководство было гото-

во демонтировать лишь ее передовую часть. В Москву отправились финляндские министры Вяйнё Таннер и Юхо Паасикиви.

12 октября начались переговоры, которые продолжались до 14 октября. Финны, по словам военного атташе Сомерто, ждали тяжелых условий — сдачи половины перешейка¹¹³¹. Но Сталин быстро понял, что торг с финнами возможен лишь на основе «программы-минимум». Отодвинуть границу предполагалось по скромной линии Липпола — Койвисто, которая затрагивала лишь часть «линии Маннергейма» у Финского залива, а также получить ряд островов для базы и военных сооружений.

В ответ на заявление финнов, что не существует угрозы нападения на СССР со стороны Финляндии, Сталин и Молотов заявили, что «мы не боимся нападения со стороны Финляндии. Но приходится опасаться провокаций со стороны третьей державы». Какая держава имеется в виду? Германия, Франция, Великобритания? «После окончания войны между Англией и Германией флот победителя может подойти к Финскому заливу, что будет составлять угрозу для Советского Союза»¹¹³².

На переговорах Паасикиви сказал, что для изменения территории нужно две трети голосов сейма. Сталин ответил: «Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите». Финны остались в недоумении, что бы это значило¹¹³³. Они еще не привыкли к сталинскому юмору.

16 октября финляндский кабинет весь день обсуждал требования СССР. Министры были готовы передать СССР островную территорию, например Суурсари, и обсуждать статус Аландских островов, но не территорию на материке. Неприемлема была и идея договора о взаимопомощи¹¹³⁴. Передавая этот отказ, делегация Финляндии ссылалась на нейтралитет своей страны. Да и зачем нужен такой договор, когда существует советско-финляндский пакт о ненападении, а СССР заметно улучшил свои отношения с Германией. Сталин ответил: «с Германией у нас теперь хорошие отношения, но все в этом мире может измениться»¹¹³⁵. Он вовсе не питал иллюзий по поводу перспектив дружбы с немецким диктатором.

Новые раунды переговоров прошли 23–25 октября и 2–4 ноября. СССР согласился снять требование договора о взаимопомощи, что, впрочем, не сделало финнов уступчивее: «Финляндия не может пойти на перенос границы в той мере, в какой предлагает Советский Союз, поскольку в результате этого положение и безопасность самой Финляндии могут быть поставлены под угрозу»¹¹³⁶.

С островами вышло не лучше. Финляндия была готова передать Гогланд и другие острова, расположенные не очень близко к побережью. Но советское руководство претендовало на острова, рас-

положенные непосредственно близ финского побережья, прежде всего Ханко, который предлагалось сдать в аренду, продать или обменять. Молотов требовал предоставить для военных сооружений Хэрмансэ, Куэ, Хэстэбусэ, якорную стоянку в гавани Лаппохья. 8 ноября он добавил в список Логшер, Фурушер, Экен и др.¹¹³⁷

Финны опасались, что с этих островов в Финляндию могут внезапно и беспрепятственно войти вежливые люди в зеленой форме (как это и произойдет позднее в Прибалтике). Еще 31 октября было принято решение: «Правительство Финляндии, которое искренне желает упрочить отношение к Советскому Союзу, заявило о своей готовности сделать большие уступки для удовлетворения пожеланий Советского Союза. В этом оно, однако, не может идти так далеко, чтобы оно отказалось от жизненных интересов своей собственной страны, что означала бы уступка военной базы другому государству у входа Финского залива»¹¹³⁸. Это касалось в том числе островов внутри территориальных вод континентальной Финляндии. 9 ноября Молотов предложил компромисс — «продать участок Ханко, чтобы снять вопросы нейтралитета». Если уж и это невозможно, то хотя бы малые острова, но в непосредственной близости от Финляндии¹¹³⁹. Но и эти предложения вызывали у финляндских представителей опасения, что если советские войска будут находиться практически на территории Финляндии, это может быть использовано для ее внезапного захвата.

«В целом среди финских политиков можно выделить тех, кто призывал занять на переговорах более жесткую и неуступчивую позицию, и тех, кто был сторонником большей гибкости и поисков возможных компромиссов. К числу „ястребов“ можно отнести прежде всего министра иностранных дел Эркко и министра обороны Ниукканена. Их главный довод состоял в том, что Советский Союз вряд ли пойдет на военное решение вопроса и что нужно максимально расширять международную поддержку Финляндии. Главными представителями более умеренных был уже упоминавшийся Паасикиви и известный военный, весьма популярный в стране маршал Маннергейм, назначенный главнокомандующим вооруженными силами страны. Они стояли за необходимость больших уступок Москве, чтобы избежать войны. По мнению Маннергейма, Финляндия не располагает достаточными средствами для обороны»¹¹⁴⁰, — пишет историк А. О. Чубарьян. Подключив к дискуссии парламент, финляндские лидеры существенно затруднили возможность кулуарного соглашения с СССР. Так, полновластные многопартийные представительные институты, которых не было в прибалтийских государствах, сделали позицию Финляндии более жесткой, что в кон-

це 1939 года было более рискованно, но в конечном итоге спасло финляндскую независимость.

31 октября Молотов в своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР также вынес советско-финляндские разногласия на публику. Теперь возможность для отступления почти исчезла для обеих сторон. На переговорах 3–4 ноября Молотов сказал: «Мы, гражданские люди, кажется, не смогли прийти к решению, теперь должны заговорить военные»¹¹⁴¹.

13 ноября, когда переговоры окончательно зашли в тупик, Паасикиви и Таннер заявили об отбытии назад в Финляндию. Время было выиграно. Казалось, что под зиму Советский Союз не решится вторгнуться в северную страну.

Уступки Сталина на переговорах, его отход от первоначальных требований до условий, учитывающих безопасность Финляндии, причем в самый канун войны с финнами, ставят перед нами вопрос: какие цели преследовал Сталин в этом регионе? Приведем две крайние точки зрения современных авторов. С. Беляев рассуждает: «Вернемся к тому, были ли целями войны советизация Финляндии или изменение северо-западных границ. Видимо, последнее, потому что если бы речь шла о советизации, то вряд ли бы Сталин остановился»¹¹⁴². Мы еще увидим, в каких условиях «остановился» Сталин.

Шла ли речь о советизации Финляндии? Проблема несколько сложнее. У Сталина были в запасе разные варианты создания коммунистических режимов. Сталин мог планировать провести в ближайший год в Финляндии: а) советизацию и включение в СССР (как это случится в другими странами Прибалтики в 1940 году), либо б) коренное социальное переустройство с сохранением формальных признаков независимости и политического плюрализма. Этот метод, применявшийся после Второй мировой войны в Восточной Европе, получит название «Народная демократия». По существу, она станет авторитарной модификацией концепции «Народного фронта».

Противоположный С. Беляеву взгляд на цели Сталина в отношении Финляндии излагает М. Семиряга. Он считает, что для определения характера войны против Финляндии «не обязательно анализировать переговоры осени 1939 года. Для этого нужно просто знать общую концепцию мирового коммунистического движения Коминтерна и сталинскую концепцию — великодержавные претензии на те регионы, которые раньше входили в состав Российской империи... А цели были — присоединить в целом всю Финляндию. И ни к чему разговоры о 35 километрах до Ленинграда, 25 километрах до Ленинграда...»¹¹⁴³. Тут читатель на мгновение застывает в недоумении. Концепция Коминтерна, которую, конечно, нужно знать,

существенно менялась со временем. Но все же, если бы Сталин держал в голове только интересы «мирового коммунистического движения», ему не следовало торговаться из-за километров границы. Все равно все потом достанется коммунистам. И войну вести не следует — агрессивная война подрывает авторитет коммунистического движения. Нужно было засылать в Финляндию революционеров и поднимать восстания. Правда, упомянутая М. Семирягой «общая концепция» Коминтерна плохо стыкуется с великодержавными претензиями на территорию Российской империи. Ведь Коминтерн занимался распространением «коммунистической заразы» в мировом масштабе. К тому же мы уже видели, что Сталин в 1939 году выстраивал западную границу СССР, мягко говоря, не совсем в соответствии с границами Российской империи. Если верить М. Семиряге, то ради восстановления Российской империи Сталин был бы рад обнажить меч войны. Но торговаться из-за километров опять глупо — все достанется Российской империи. А Сталин — нате — торговался, теряя драгоценное время, оставшееся до зимы. Может быть, дело в том, что Сталин, подобно Гитлеру в Судетах, планировал сначала бескровно занять «линию Маннергейма»? Сначала да. А потом — уступил. Только кусочек хотел прихватить. И по поводу Койвистовского «угла», задевающего линию, был готов торговаться, лишь бы не сорвать переговоры.

Да, Сталин верил, что рано или поздно коммунистическая система охватит весь мир. И был готов этому содействовать, но прежде всего — укрепляя СССР. Укреплять СССР Сталин стремился, держа в уме опасность удара на севере (по Ленинграду) и на юге (по Украине), после чего вся оборона Красной армии оказалась бы в клещах. Границы Российской империи были важны для Сталина и как естественные оборонительные рубежи, и по дипломатическим причинам. Это позволяло апеллировать к историческим правам в диалоге с Западом. Когда позволят обстоятельства, после Второй мировой войны Сталин захватит пол-Европы, но оформит новые режимы не как советские. Кстати, Финляндия не станет даже «народной демократией».

И это при том, что в 1945 году и СССР, и западные союзники рассматривали Финляндию в одном ряду с Венгрией, Румынией и Болгарией (в отличие от Италии и Греции), то есть как страну, оказавшуюся в советской сфере влияния как политически, так и экономически¹¹⁴⁴. Еще в 1947–1948 годах Жданов предлагал финским коммунистам восточноевропейскую тактику прихода к власти¹¹⁴⁵. Но Сталин оценивал ситуацию прагматично и не был одержим идеей включить Финляндию в состав СССР. Если в 1939 году ему нужен был щит против стран Запада, то после Второй мировой войны —

буферная зона на севере Европы. Так что Финляндии удалось сохранить свой общественный строй.

«Великодержавные интересы» для Сталина были все-таки вторичными в сравнении с интересами борьбы за мировое влияние. Да и «угрозы Ленинграду» в 1948 году уже не было.

В 1939 году Сталин действовал не по железному плану, а в зависимости от того, что позволяет получить соотношение сил в Европе. Ситуация позволила разместить базы в Прибалтике. Если бы страны Прибалтики отказались, их ждало бы вторжение. Но территориальных претензий к ним нет — от Эстонии до Ленинграда не так близко, как от Финляндии. Мотив обеспечения безопасности северного фланга СССР являлся для Сталина приоритетным в осенних переговорах с Финляндией. Иначе он потребовал бы всю линию Маннергейма и прервал переговоры уже в октябре, как только финны отвергли бы максимальные претензии СССР. Поскольку Финляндия не пошла даже на минимальные уступки, в дело вступил вариант «народной демократии» — более жесткий, чем в отношении уступчивых прибалтов, но более умеренный, чем советизация. Если бы Финляндия была захвачена, провел бы Куусинен советизацию? Это стало бы возможно после разгрома Великобритании и Франции. А осенью 1939 года Сталин еще не знал, чем кончится война на Западе, и вопрос о судьбе Прибалтики был открыт. Так же как и вопрос о судьбе Финляндии, даже в случае ее поражения в войне. Одного Сталин не мог допустить — чтобы финны, «послав» СССР, остались безнаказанными. Потому что сразу вслед за этим изменилось бы отношение к советской мощи в Прибалтике. А это для Сталина было недопустимо в любом случае.

Сталин волей-неволей должен был пойти на блицкриг в канун зимы. А когда блицкриг не удался, продолжать войну до хоть какого-нибудь победного конца, вернувшись к значительно увеличенным требованиям «программы максимум» переговоров 1939 года. Как мы увидим, в 1940 году Сталин очень кстати вспомнил о границах Российской империи XVIII века. Но именно в 1940 году, а не осенью 1939-го. История для Сталина была служанкой политики. «Великодержавные претензии» были шире границ Российской империи.

26 ноября 1939 года на советско-финляндской границе, в районе с. Майнила произошло несколько артиллерийских выстрелов. СССР обвинил Финляндию в обстреле его территории. Финляндское правительство заявило, что готово провести объективное расследование инцидента. Финны считали, что стреляли советские орудия.

Предлагая совместное расследование инцидента, финляндская нота выдвигала свою версию: «При таких обстоятельствах представляется возможным, что речь идет о несчастном случае, происшед-

шем при учебных упражнениях, имевшем место на советской стороне и повлекшем за собою, согласно вашему сообщению, человеческие жертвы». У Финляндии в этом районе нет даже орудий такой дальности. Но Финляндия готова к переговорам об обоюдном отводе войск¹¹⁴⁶. Отвод войск не входил в советские планы, равно как и совместное расследование инцидента.

В ночь на 30 ноября советские войска вторглись в Финляндию на пяти основных направлениях. На севере советская 104-я дивизия оккупировала район Петсамо. Южнее от района Кандалакши 177-я дивизия двинулась на Кеми. Еще южнее 9-я армия наступала на Оулу (Улеаборг). Заняв эти два порта в Ботническом заливе, советская армия рассекла бы Финляндию надвое. К северу от Ладоса 8-я армия выдвигалась в тыл линии Маннергейма. И, наконец, на главном направлении 7-я армия должна была прорвать линию Маннергейма и войти в Хельсинки. На все про все отводилось две недели. Это была стратегия маневренной войны, знакомая советским генералам по опыту гражданской и только что прошедшей советско-польской войн.

Сталин рассчитывал быстро справиться с Финляндией и поэтому направил против нее относительно небольшие силы, меньше чем против Польши. В частях РККА, сосредоточенных на границе с Финляндией, было 400 тыс. человек. К началу войны Финляндия располагала до 500 тыс. обученных бойцов, из которых под ружьем было 265 тыс. Первоначальное соотношение численности войск было всего 1:1,6 в пользу Красной армии. Лишь позднее было достигнуто тройное превосходство в численности. Превосходство по артиллерии было 5 к 1, по танкам 7,5 к 1, по боевым самолетам 10 к 1.

Итак, агрессия СССР против Финляндии состоялась. В Москве недоуменно пожимали плечами: какая агрессия? Против кого? 2 декабря «Правда» сообщила, что, по данным «радиоперехвата» в городе Териоки (у самой границы), «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской демократической республики»¹¹⁴⁷. Вот так — в Финляндии идет гражданская война. Наши войска действуют в союзе с демократами. В тот же день председатель нового правительства — в прежней жизни член ЦК ВКП(б) и секретарь Исполкома Коминтерна Отто Куусинен — тут же установил с СССР дипломатические отношения и заключил с «великим соседом» договор о взаимопомощи. Когда 4 декабря шведский посланник Винтер предложил Молотову посредничество в переговорах с финнами, предсовнарком выразил недоумение. Какое посредничество? У нас с финнами договор. Взаимопомощь. Что касается прежнего правительства, то оно «на-

правилось в неизвестном направлении»¹¹⁴⁸. Как в свое время польское. Когда выяснится, что правительство Финляндии, которое с началом войны возглавил Ристо Рюти, никуда из Хельсинки не делось, в советской пропаганде финское сопротивление стали называть «белофинским», чтобы подчеркнуть: Красная армия действует на стороне красных финнов. Была даже создана дивизия «красных» финнов (из советских граждан и эмигрантов-коммунистов), но участия в военных действиях это парадное соединение не принимало. Равно как и никакой реальной власти марионеточное правительство Куусинена не имело.

Однако создание альтернативного правительства произвело сильное впечатление в Европе. Оказывается, речь идет не о пограничном конфликте, а о стремлении СССР поглотить целые страны. Как пишет историк А. О. Чубарьян, «во всех странах Запада на первый план снова вышли обвинения СССР в распространении мировой революции. Как заметил тот же Суриц, „особенно обиженными себя чувствуют французские сторонники «черчиллевского» варианта — вроде бы Москва действует как наследник Петра Великого, и вдруг — Куусинен“. Такими же были настроения в Англии, Италии и других странах... Тень Коминтерна снова нависла над Европой»¹¹⁴⁹.

Казалось, что маленькая Финляндия не сможет устоять против натиска одной из мощнейших армий мира. «На начальной стадии войны в финской армии действительно наблюдалось снижение морального духа»¹¹⁵⁰, — сообщает финский историк О. Маннинен.

6–12 декабря войска 7-й армии вышли к «линии Маннергейма» и уперлись в нее. Взять с ходу цепь долговременных укреплений было невозможно. Неужели советское командование не знало о линии Маннергейма? Историк Е. А. Балашов утверждает, что «к одному из мифов „линии Маннергейма“ относится измышление, что советская разведка якобы не располагала сведениями о техническом состоянии финских оборонительных позиций, либо располагала ложными сведениями, умаляющими количество и мощность огневых точек финнов. Документы, которые мы приводим ниже, говорят об обратном»¹¹⁵¹. Ниже приводится подробная карта финских укреплений, изданная в СССР в 1936 году. Историк Я. Кишкурно, также внимательно изучивший советскую карту укреплений, все же настаивает: «советские стратеги составляли свои планы, пользуясь неполной информацией о системе финской обороны»¹¹⁵². В чем же дело? Если внимательно посмотреть на карту, в районе Вьяйсянена укреплений не значится. А они там были. Советская разведка не заметила, что к середине 1939 года брешь в «линии Маннергейма» была закрыта новыми ДОТ. И это имело решающее значение. 6 декабря 24-я дивизия под командованием П. Вещева, двигаясь в авангарде 7-й ар-

мии, повернула на Ваясянен и там «попала в засаду». Вещев погиб. Что за засада в центре «линии Маннергейма»? Я. Кишкурно разгадывает загадку Ваясянена так: «Красная армия не собиралась прорывать линию Маннергейма. Весь план строился на обходе оборонительной позиции финнов у Ваясянена и выходе в тыл группировке врага... Так как разгром финнов предполагался именно на перешейке, то и в Приладжье, и на Севере Красная армия совершенно не была подготовлена к активным наступательным действиям, что в дальнейшем и показала действительность»¹¹⁵³. Остается добавить, что войска, действовавшие севернее Ладоги, должны были «растачить» резервы финнов (чтобы те не смогли «заткнуть» узкую брешь) и отрезать Финляндию от помощи извне.

Внезапно столкнувшись с необходимостью штурмовать линию без подготовки, Красная армия омыла ее своей кровью. 17–21 декабря 7-я армия под командованием Кирилла Мерецкого штурмовала линию, но неудачно. Задержка с генеральным штурмом на десять дней подтверждает, что сначала он не планировался. На поле боя осталось несколько десятков подбитых танков. Значительное превосходство РККА в танках и авиации не только на «линии Маннергейма», но и в условиях пересеченной местности Карелии и Карельского перешейка играло незначительную роль.

Историки не перестают спорить, насколько «линия Маннергейма» была сильна. В качестве эталона берут линии Мажино и Зигфрида на франко-германской границе. Но тут возникает сложность. Сами эти две линии очень разные, линия Зигфрида не была построена в соответствии с планом. И потом — эти две линии никто не штурмовал. Они остались памятниками неиспользованных возможностей. Поэтому нельзя утверждать, что «линия Маннергейма» — несерьезное препятствие, потому что она уступает двум классическим образцам. И насколько принципиально уступает?

Упомянув о том, что в течение длительного времени советская армия находилась в огневом соприкосновении лишь с 55 ДОТ «линии Маннергейма», Е. А. Балашов делает вывод: «Решающим фактором сдерживания сил наступающего противника выступала, следовательно, не крепостная мощь, а сила духа обороняющихся»¹¹⁵⁴. При всем уважении к силе духа обороняющихся, Е. А. Балашов не привел никаких доводов в пользу того, что сильный дух помог бы финнам выстоять в чистом поле. После взятия линии своего имени Маннергейм пал тем же духом (без сомнения, сильным) и пришел к выводу о необходимости скорейшего заключения мира — отнюдь не легкого. Подсчет количества ДОТ, с которыми армия противника пришла в соприкосновение, мало чем помогает нам для определе-

ния силы всего укрепления — ведь прорывать-то нужно линию на всю глубину.

Не менее загадочны комментарии с другой стороны границы. О. Маннинен, доказывая относительную слабость линии (и, следовательно, дополнительное превосходство финской армии), напоминает, что финны «завершили оборудование 101 бронированного оборонительного сооружения... Для сравнения укажем, что лишь несколько более протяженная и часто упоминаемая „линия Мажино“ на границе с Германией насчитывала 5800 бетонированных огневых точек»¹¹⁵⁵. Почему-то автор решил подтвердить свою мысль сравнением количества разных «точек» — бронированных и бетонированных. К тому же «лишь несколько более протяженная» линия Мажино была длиннее более чем в два раза.

По количеству ДОТ «линия Маннергейма» (1–2 ДОТ на километр, при 3–4 в местах наибольшей концентрации) заметно уступает «линии Мажино» (14 ДОТ на километр) и «линии Зигфрида» (32 ДОТ на километр). Но на Карельском перешейке была не нужна такая же насыщенность ДОТ, как в относительно равнинном регионе к югу от Арденн, где пролегла германо-французская граница. «Сила линии Маннергейма, ее высокие оборонительные возможности заключались не в количестве ДОТ, а в развитой, хорошо примененной к местности системе полевой фортификации, усиленной местами бетонными сооружениями, также в полевой выучке и стойкости финских солдат»¹¹⁵⁶, — комментирует эти цифры И. И. Сейдин. Пространство перед укреплениями было хорошо пристреляно финнами. Местность была холмистой, пересеченной озерами и реками, и потому была труднопроходимой для техники.

Спор о соотношении линий Маннергейма и Мажино начался уже в апреле 1940 года, и шел он тогда между Сталиным и Мерецковым: «Если сравним линию Мажино с линией Маннергейма, то мы встретим небольшую разницу. Там в основном крупные сооружения прикрыты мелкими железобетонными точками. В Финляндии... бетонные сооружения прикрываются деревоземляными сооружениями, но почти той же прочности.

Сталин: Там линия непрерывная, а у финнов узлы имеются.

Мерецков: Линия Маннергейма не хуже, а может быть, и лучше, так как местность Финляндии позволяет создавать сильную оборону с системой узлов.

Сталин: У Мажино развиты подземные сооружения»¹¹⁵⁷.

Мерецкову важно оправдаться, Сталину — подготовить прорыв других западноевропейских линий. Но аргументы Мерецкова тоже не лишены оснований.

Комментируя споры по поводу прочности «линии Маннергейма», А. М. Носков пишет: «если одни из историков путем гиперболизации финской обороны стремятся как-то объяснить срыв первоначальных планов наступления и понесенные при этом потери, то другие — истолковать свои успехи (имеются в виду финские авторы. — А. Ш.) чистым превосходством „человеческого духа и просвещенного руководства“ над „грубой материальной силой“»¹¹⁵⁸.

Если «линия Маннергейма» оказалась для советской армии тяжелым препятствием, не следует ли из этого, что союзники не могли взять «линию Зигфрида»? Ведь именно так французы и англичане оправдывали свое предательство поляков. Нельзя забывать, что сентябрь в Германии — это не декабрь в Финляндии. «Линия Зигфрида» не была расположена в сложной для действия танков холмистой местности. Союзники могли основательно подготовиться к ее прорыву, сосредоточив в решающем пункте подавляющую огневую мощь (что в феврале 1940 года сделало на Карельском перешейке советское командование). Даже начав массированный обстрел «линии Зигфрида», французы заставили бы немцев снять часть сил с польского фронта, что могло изменить весь ход европейской войны. Но союзники не стали тратить боеприпасы.

После неудачи первого штурма «линии Маннергейма» нужно было готовиться к сложной операции прорыва. Попытка обойти линию севернее Ладожского озера и через Карелию не удалась. Финны лучше знали эту территорию, быстрее передвигались и лучше маскировались среди холмов и озер. О финских снайперах и лыжниках ходили легенды. В целом система подготовки финских солдат показала свои явные преимущества по сравнению с советской. Финские отряды действовали в значительной степени как партизаны, имели большую автономию. Красная армия проявила все недостатки регулярной армии, была скована в движениях.

Советские дивизии двигались колоннами по немногочисленным пригодным для прохода техники дорогам. «Дороги проходили по нескончаемым, непроглядным лесам, через болота или возвышенности. Такая местность часто не позволяла выставить охрану на флангах»¹¹⁵⁹, — рассказывает историк О. Маннинен. Финны, обходя советские колонны с флангов, рассекали их в нескольких местах. Так были разгромлены несколько советских дивизий. Наиболее тяжелым было поражение 9-й армии под Суомуссалми 27 декабря — 7 января, когда были разгромлены сразу две дивизии.

Ударили морозы, снег завалил Карельский перешеек. Советские солдаты гибли от холода и обморожений, так как прибывавшие на финляндский фронт части не были достаточно обеспечены теплым обмундированием — к зимней войне не готовились, рас-

считывая на блицкриг (не говоря о том, что вся война была импровизацией Сталина).

В итоге боев декабря-января силы нескольких дивизий попали в окружение. Сталина раздражало, что окруженцы не пробивались из «котлов». Он бросил упрек командующему 9-й армией Василию Чуйкову: «телеграммы шлете — партии Ленина — Сталина — герои сидят, окружены... Каждый попавший в окружение считается героем.

Чуйков: Пробиться не удалось.

Сталин: Пробиваться не хотели»¹¹⁶⁰.

В этом диалоге — грозное предвещание Великой Отечественной войны.

Поскольку всеобщая воинская повинность в СССР была еще только введена, солдаты были подготовлены плохо. Тоталитарный режим, вопреки распространенному стереотипу, не способствовал укреплению дисциплины. Участники апрельского совещания 1940 года при ЦК ВКП(б), где подводились итоги финской кампании, говорили о «слабой дисциплине на поле боя у красноармейцев»¹¹⁶¹. С разгильдяйством Сталину не удалось справиться и до Великой Отечественной войны.

В результате побед моральный дух финляндской армии заметно вырос, а у красноармейцев началась «финнобоязнь». В страну направились добровольцы из Швеции и других европейских стран. По данным советской разведки, первая группа шведских добровольцев уехала в Финляндию 21 декабря под командованием Малькольма Мюррая. 22 декабря выехала группа преподавателя высшей военной школы подполковника Дюрссена. В декабре выехало четыре группы, самая большая — более 200 человек¹¹⁶². Шведами был сформирован авиационный полк F19. Правда, его действия были неудачными — при атаке на советские объекты 10 января три самолета из четырех были потеряны. В Финляндию прибыло около 7000 солдат польских BBC, в том числе 650 относительно опытных летчиков. Но из-за формальных проволочек поступить на службу в Финляндии смогли только 12, в том числе один летчик. Всего в финляндских BBC служил 181 иностранный доброволец, в том числе 48 летчиков и воздушных стрелков в боевых эскадрильях¹¹⁶³.

Финляндское руководство во главе с премьером Рюти осознавало, что весной долго продержаться не удастся. Поэтому, когда шведское правительство, обеспокоенное приближением войны к рубежам королевства, выступило с инициативой посредничества, в январе 1940 года начались консультации — сначала с послом СССР в Швеции Александрой Коллонтай.

В январе 1940 года Сталин решил вернуться к скромным задачам — взять не всю Финляндию, а отодвинуть границу от Ленингра-

да и установить контроль над Финским заливом. «Вождь народов» не был расположен окончательно ссориться с «Антантой», потому что в этом случае СССР автоматически оказался бы в прогерманской коалиции. А у Сталина были другие планы. 5 февраля Коллонтай встретила в Стокгольме с министром иностранных дел Финляндии Таннером.

Но прежде чем приступить к открытым переговорам, нужно было восстановить престиж советского оружия. Северо-Западный фронт под командованием Тимошенко стал готовить прорыв линии. 11 февраля начался массированный обстрел финских укреплений. 13 февраля 7-я армия вклинилась в них и 16 февраля прорвала «линию Маннергейма». К 19 февраля линия была прорвана на всю глубину. Если раньше морозы мешали советскому наступлению, то теперь командующий 7-й армией Мерецков мог бросить пехоту и даже танки в обход Выборга по льду Финского залива. В Карелии советские войска также пришли в движение и стали осторожно вытеснять финнов с позиций, деблокируя окруженные части РККА.

12 марта советские войска ворвались в Выборг. Это значило, что через несколько дней может пасть Хельсинки, и сопротивление даже в случае прихода союзников будет продолжаться только в центральной Финляндии. А без немедленной помощи союзников советские войска получали возможность вскоре отрезать финские войска от внешнего мира, что предопределило бы их поражение уже к середине года. По мнению О. Маннинена, «со второй половины февраля стала очевидной безнадежность борьбы, поражение представлялось необратимым»¹¹⁶⁴.

Несмотря на угрозу высадки союзников, время работало на СССР, поскольку против почти миллионной армии Северо-западного фронта союзники могли бы только обороняться вместе с остатками финских войска.

Тем временем стало ясно, что советские требования ужесточились. Теперь СССР требовал границу Петра Великого, которая была проведена его Ништадтским миром со Швецией в 1721 году. Это значило, что предстоит отдать Выборг и ладожское побережье с Сортавалой (сегодняшняя граница с Финляндией на Карельском перешейке — как раз почти Ништадтская). Не снимал СССР и требование аренды Ханко. Это было больше, чем программа-максимум октября 1939 года, но на этот раз речь не шла об угрозе независимости Финляндии, по крайней мере в ближайшее время.

Во время переговоров о мире в Москве Паасикиви напомнил, что Петр выплатил шведам компенсацию за приобретаемые по Ништадтскому миру земли. На это Молотов ответил: «Пишите пись-

мо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию»¹¹⁶⁵.

Мирное соглашение было заключено в ночь на 13 марта 1940 года. СССР получил Карельский перешеек и территории западнее прежней границы в советской Карелии с Выборгом (Виппури), Сортавалой и Кексгольмом (ныне Приозерск). Ладожское озеро перестало быть пограничным. Граница в Финском заливе отодвинулась от Ленинграда. СССР получил в аренду остров Ханко с окрестностями для создания военной базы.

В ноябре 1940 года выяснится, что Сталин не считает финляндский вопрос «решенным», но теперь на его пути будет стоять господствующая в Скандинавии Германия.

Красная армия потеряла в этой войне 71 214 человек убитыми, около 40 тыс. пропавшими без вести, 188 671 ранеными, 58 370 забелевшими и 17 867 обмороженными. Финская армия — 48 243 убитыми, 4 тыс. пропавшими без вести и 43 557 ранеными¹¹⁶⁶.

Журналист Д. Эдрайдж, наблюдавший войну с финской стороны, писал: «В течение трех месяцев Красная армия стала совершенно иной, чем та колеблющаяся масса, которая сначала вторглась в Финляндию»¹¹⁶⁷. Эта перемена объясняется и тем, что армия училась, и тем, что на фронт перебрасывались более боееспособные части. И то, и другое означало, что нельзя было судить о боееспособности советской армии применительно к 1941 году по неудачам конца 1939 года. Гитлер этого не понял. Для него война против Финляндии стала еще одним аргументом в пользу блицкрига на востоке. Между тем почти миллион советских солдат и офицеров получил суровый боевой опыт. Уникальный опыт. «Прорыв „линии Маннергейма“ — это первый пример прорыва долговременной оборонительной полосы»¹¹⁶⁸, — как написал один известный разведчик.

Подводя итоги кампании на совещании при ЦК ВКП(б) 17 апреля 1940 года, Сталин задался вопросом: «Правильно ли поступили правительство и партия (читай: я, Сталин. — А. Ш.), что объявили войну Финляндии?»¹¹⁶⁹ Сталин «запамätовал», что напал на Финляндию без объявления войны. Вопрос, конечно, риторический. Когда еще решать вопрос с Финляндией, возможным плацдармом для удара по СССР, как не сейчас, когда «там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло...»¹¹⁷⁰. Обычная военно-дипломатическая практика прошлых веков. Сталин мог упрекнуть себя («партию и правительство») лишь за то, что промедлил до зимы.

Но Красная армия не выполнила поставленных задач. Почему? Сталин объясняет офицерам, что хитро подшутил над ними — поставил завышенные цели, дабы они могли выполнить необходимое.

А так даже великий учитель «Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию», а получил то же, что и Сталин, да и то за вычетом Ханко¹¹⁷¹. Так, оправдавшись за авантюру по захвату всей Финляндии, которой якобы не было вовсе, Сталин стал разбирать недостатки РККА. Командные кадры недостаточно перестроились, над ними продолжает довлеть «культ традиции и опыта гражданской войны»¹¹⁷².

Но, несмотря на недостатки, Красная армия одержала новую победу, причем европейского масштаба: «Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили»¹¹⁷³. Особенно важно для Сталина, что побеждена именно оборонительная, а не наступательная техника. Ведь наступать должна Красная армия. Сталин считал, что впечатлил Запад — ведь РККА сделала то, чего не делал еще никто, — взяла линию современных долговременных укреплений, да еще зимой. Но и Гитлер, и его западные противники впечатлены не были, считая, что если русских остановили даже финны, то уж армии великих держав без большого труда разобьют Красную армию.

Задачи, поставленные в начале войны 1939–1940 годов, выполнены не были. Финляндия сохранила свою независимость, а престиж СССР был подорван. Некоторые комментаторы даже утверждают, что «Красная армия проиграла финскую войну»¹¹⁷⁴. Тем не менее, прежде чем приписывать Финляндии победу, следует ознакомиться с мнением Маннергейма. По поводу мира с СССР он сообщил соотечественникам следующее: «суровый мир, уступивший Советам почти все поля брани, политые вашей кровью во имя всего того, что для вас дорого и свято»¹¹⁷⁵. Если речь идет не о партизанской войне, то победителем считается тот, за кем остается поле сражения. П. Б. Липатов считает, что «если бы не приказ — Красная армия не остановилась бы за Выборгом (на момент перемирия бои шли в Выборге. — А. Ш.), а пошла, не считаясь с потерями, до шведской границы, и дальше... В конце концов, советские войска дошли до Эльбы»¹¹⁷⁶. Насчет шведской границы — вряд ли (памятуя опыт Суомуссалми), но после взятия линии Маннергейма военных препятствий для занятия Хельсинки не было. Почему же Сталин пошел на перемирие, не взяв Хельсинки? Очевидно, что оснований панически бояться экспедиционного корпуса союзников у него не было — к высадке готовились слишком малые силы. Тем не менее опасения по поводу вмешательства союзников у Сталина были, и это заметили даже немцы. Шуленбург сообщал Риббентропу: «в течение некоторого времени нами наблюдалась явно неблагоприятная по отношению к нам пе-

ремена со стороны советского правительства». Дело в том, что «советское правительство боится быть вовлеченным Антантой в большую войну... Мне казалось, что неожиданное завершение финской войны произошло по тем же соображениям»¹¹⁷⁷. Даже после завершения войны с Финляндией отношение СССР к Германии какое-то время оставалось прохладным. Только после вторжения Германии в Норвегию, которое окончательно сняло вопрос о возможности продвижения «Антанты» в направлении СССР, советско-германские отношения опять потеплели.

Сталин не желал столкнуться с англичанами и французами в центральной Финляндии. Это срывало бы все военно-дипломатические планы сохранения нейтралитета до той поры, когда можно вмешаться на самых выгодных условиях. Прямой конфликт с антигерманской коалицией лишал Сталина свободы маневра, привязывал СССР к Германии. А этого вождь не хотел.

О. Вехвилайнен считает, что Зимняя война «являлась частью Второй мировой войны, и ее следует рассматривать в контексте начального периода войны»¹¹⁷⁸. Поскольку финский исследователь понимает под начальным периодом Второй мировой европейскую войну между Германией и антигерманской коалицией, его точка зрения выглядит еще менее логичной, чем утверждение о кратковременном вмешательстве СССР в мировую войну в сентябре 1939 года.

Великобритания и Франция могли напасть на СССР, но не сделали этого. Финляндия также не вступила в войну с Германией и вскоре стала ее союзником. Так что в 1939–1940 годах параллельно развивались события двух разных войн. В этом нет ничего необычного. Так же и Северная война, которая закончилась Ништадтским миром, шла одновременно с войной за испанское наследство. И это тоже были две разные войны в Европе.

Но, разумеется, одновременные войны в Европе были тесно связаны друг с другом. Красная армия получила уникальный опыт прорыва укрепленных районов и ведения войны в зимних условиях. Он мог пригодиться ей при прорыве укрепленных районов в Восточной Пруссии и Центральной Европе (разумеется, уже не зимой). Но пригодились эти познания зимой 1941 года под Москвой. У Гитлера такого опыта не было, и это подвело вермахт зимой 1941–1942 годов.

Объективно СССР выиграл войну, хотя и не достиг первоначально поставленных целей в связи с сопротивлением финских войск и нарастающим международным противодействием политике СССР. Сталин считал необходимым сохранить мир с Великобританией и Францией, что позволило сохранить независимость Финляндии

даже после прорыва линии Маннергейма. Советско-финляндская война 1939–1940 годов так и не соединилась с германо-британо-французским конфликтом. Но опасность такого соединения была, и по этому поводу строились планы, размаху которых мог бы позавидовать сам Наполеон.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ПЛАНЫ

После разгрома Польши «мировая» война в Европе велась так, что на суше мало чем отличалась от мира. Великобритания и Франция рассчитывали добавить Германию экономически, устроив торговую блокаду противника на море. Однако в условиях, когда Германия могла торговать с СССР и юго-восточной Европой, перспективы такой блокады были не блестящи.

В это время Финляндия, подвергаясь агрессии, стала символом сопротивления деспотическим державам. Великобритания и Франция поддерживали Финляндию оружием и продовольствием.

14 декабря 1939 года Лига наций объявила СССР агрессором и исключила его из своего состава. При принятии этого решения, как говорили в кулуарах Лиги, «храбрость наций возрастала прямо пропорционально удаленности их местонахождения от Финляндии»¹¹⁷⁹. Но решающее слово в агонизировавшей Лиге принадлежало Великобритании и Франции. Неужели они отошли от прежней циничной политики тридцатых годов и решили бескорыстно заступиться за жертву агрессии? У. Черчилль пытается представить дело именно так: «Чувство негодования против Советского правительства... разгорелось ярким пламенем... Несмотря на уже начавшуюся всемирную войну, повсюду проявлялось большое желание помочь финнам... Но для доставки военного снаряжения и добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобретал новое моральное, если не стратегическое значение»¹¹⁸⁰. Вот такая мораль с географией. Упоминание шведских рудников показывает, что норвежский (а не финский) Нарвик волновал англичан куда больше, чем судьба Финляндии.

Корни англо-французского интереса к Финляндии лежали в Швеции, где находились рудники, без которых не могла работать военная промышленность Германии. Летом руда транспортировалась по Ботническому заливу, недоступному для союзников, а зимой — в территориальных водах нейтральной Норвегии через ее порт Нарвик. Захватив Нарвик, а желательно и сами рудники, союзники наносили бы Германии тяжелейший удар. Вот она, бескровная

война. Небольшие десанты вдали от «линии Зигфрида» — и Гитлер запросит мир. Поэтому союзники отнеслись к Финляндии с поразительным благородством (если вспомнить судьбу Испании, Чехословакии и Польши).

В своих «благородных побуждениях» помочь финнам союзники приступили к планированию высадки в Скандинавии. Черчилль, словно забыв о первоначальных моральных мотивах, цинично констатирует: «Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору (норвежских нейтральных вод. — *А. Ш.*) в Германию»¹¹⁸¹. Помощь Финляндии была лишь поводом для того, чтобы обойти норвежский и шведский нейтралитет.

19 декабря Даладье предложил направить союзный экспедиционный корпус в Финляндию через Норвегию и Швецию. Очевидно, что если бы союзные войска высадились с согласия скандинавов в Нарвике, с поставками шведской руды в Германию было бы покончено. Так что, узнав о намерениях союзников, Гитлер стал готовить высадку в Норвегии.

Как считает историк Б. Лиддел Гарт, «Гитлер, хотя и был неразборчив в средствах, предпочел бы сохранить нейтралитет Норвегии и не планировать вторжение в нее, однако очевидные признаки готовящихся враждебных действий союзников в этом районе спровоцировали его на подготовку этого шага»¹¹⁸².

Скандинавы не давали добровольного согласия на прибытие британо-французских войск, понимая, что для них будет означать высадка союзников, а затем и немцев (которые так просто не отдадут руду). Столкнувшись с заверением шведов, что они будут защищаться силой против любых войск, которые вступят на их землю, союзники сначала отступили и стали обсуждать возможность десанта в финском Петсамо. Но мысль генерала Гамелена, разрабатывавшего этот план, все время возвращалась к главному — одновременно нужно захватить Нарвик, после чего распространить операцию на Швецию. Теперь было решено не требовать согласия Норвегии и Швеции, потому что по уставу Лиги наций не требовалось разрешения на транзит войск для оказания помощи жертве агрессии (это как раз та статья устава, которой в 1938–1939 годах не давали воспользоваться СССР). Для высадки на севере планировалось привлечь 3–4 дивизии, укомплектованные солдатами, которые могут вести войну в северных широтах. Когда такие дивизии понадобятся в Норвегии в апреле 1940 года, выяснится, что среди всех частей британской армии «не было ни одной, способной продвигаться по местности, покрытой толстым снежным покровом»¹¹⁸³. Тем более не

было их у теплолюбивых французов. Да и вряд ли 13–17 тыс. человек могли изменить ход Зимней войны, в которую были вовлечены сотни тысяч бойцов.

Но под предлогом помощи жертве агрессии Советского Союза можно было нанести эффектный удар по интересам Германии. А учитывая важную роль в экономике Германии советского сырья, появились и планы удара по экономически важным объектам СССР.

19 января 1940 года Франция представила на заседании Верховного Совета союзных держав в Париже предварительный, но подробный план нанесения удара по советскому Закавказью. Он обсуждался Верховным Советом до 22 марта 1940 года¹¹⁸⁴. Проект предполагал удары по нефтяным месторождениям и нефтеперерабатывающим предприятиям в Каспийском море. Предполагалось совершить налет с баз в Сирии и Турции (для чего ее нужно было вовлечь в войну против СССР). Смысл операции заключался в том, чтобы лишить горючего Германию (в случае успеха под ударом затем могла оказаться и нейтральная Румыния). Но британская сторона была обеспокоена, что СССР может в ответ атаковать британцев через Иран и Среднюю Азию, в то время как французские владения останутся в стороне¹¹⁸⁵. Идеально было бы направить ответный гнев СССР на Турцию, но она не спешила превращаться в новую Польшу. Заключая соглашение с Великобританией и Францией 19 октября 1939 года, Турция оговорила: «Обязательства, принятые на себя Турцией в силу договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом и последствием которого будет ее вовлечение в вооруженный конфликт с СССР»¹¹⁸⁶.

Как пишет польский историк М. Корнат, «связь Турции с западными державами и попытки уговорить ее принять участие в антисоветских планах были в рассматриваемый период одной из основных и приоритетных целей как для Парижа, так и для Лондона»¹¹⁸⁷.

Планировалось нанести удар силами 90–100 самолетов по Батуми, Потти, Грозному и Баку¹¹⁸⁸. Понятно, почему — советская нефть шла немцам. Но Гитлер получал нефть также из Румынии. И это предусмотрено — Франция должна была заручиться поддержкой Турции, ввести свой флот в Черное море, после чего на сторону антигерманской и антисоветской коалиции перейдет Румыния. Затем южная армия вторжения могла бы двигаться «навстречу армиям, наступающим из Скандинавии и Финляндии на Москву»¹¹⁸⁹.

Пока антигерманская коалиция была связана противостоянием с Германией, авантюра Даладье могла вылиться в попытку повторить Крымскую войну, разумеется — без надежд на наступление на Москву. Ссылка на это наступление нужна была, чтобы увязать захват Дарданелл с войной в Финляндии.

Начальник генерального штаба Айронсайд, который всего несколько месяцев назад равнодушно отнесся к мольбам поляков о помощи, заявил: «На мой взгляд, мы сможем оказать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку...»¹¹⁹⁰. Что может быть важнее Баку для помощи Финляндии? Только шведская руда.

3 февраля 1940 года началась подготовка к бомбардировке Баку. Она продолжалась в практическом плане до мая 1940 года, когда немцы вторглись во Францию. Командующий французскими войсками в Сирии генерал Максим Вейган 11 апреля сообщил премьер-министру Полю Рейно, что на подготовку операции уйдет три месяца, что очень удивило Рейно — он рассчитывал на две недели. После этого Вейган ускорил практическую подготовку к налету на СССР¹¹⁹¹.

Как пишет М. Корнат, «французская идея нападения на СССР не была только студийным вариантом, который возник в связи союзническими планами оказать вооруженную поддержку Финляндии. То была гораздо более широкая концепция, рассчитанная на ослабление Советской России, в которой видели союзника Третьего рейха. Именно такую картину применительно к этому вопросу дают французские дипломатические документы»¹¹⁹². Только 23 апреля Чемберлен на Верховном Совете с участием французского премьер-министра Рейно прямо выступил против этого плана в связи с тем, что не удалось заинтересовать в соучастии Турцию¹¹⁹³. То есть Чемберлен был бы не против стравить таким образом Турцию и СССР, переноса центр вооруженной конфронтации с запада на восток. Гамелен, правда, предлагал поменять Турцию на Иран, руководство которого лучше относилось к планам нападения на СССР¹¹⁹⁴. Но тут уж Чемберлен воспротивился категорически — в отличие от Турции, Иран не имел самостоятельного военного значения, и если бы советская армия его заняла, она вышла бы к границам Индии.

Впрочем, Финляндию тоже не забывали. 5 февраля Высший военный совет союзников обсуждал возможность высадки в финском Петсамо. Но это опасно — Петсамо уже был занят Красной армией. Не мудрствуя лукаво, союзники решили все-таки высаживаться и в Нарвике, и в Петсамо. Операция была запланирована на 15–21 марта. Маннергейм, сначала понадеявшийся на помощь союзников, узнав подробности, понял, что до Хельсинки союзники могут и не дойти.

Между тем на Западном фронте все было без перемен и даже лучше: «дело мира», казалось бы, получило новые шансы. Между европейскими столицами курсировал заместитель Госсекретаря США Самнэр Уэллес. Он говорил Чиано, что «в Лондоне и Париже не су-

ществует непримиримой позиции, которая проявляется в выступлениях государственных деятелей и в высказываниях в печати. Если бы там имели некоторые гарантии безопасности, то они были бы готовы кое в чем уступить и признать совершившийся факт»¹¹⁹⁵. Теперь уже США надеялись выступить в роли мирового арбитра на основе «совершившихся фактов». Но Гитлер не собирался принимать американского арбитража. 18 марта он встретился с Муссолини и Чиано (который отметил, что германо-итальянская встреча за рубежом увязывается с миротворческими усилиями Самнера). Выслушав Гитлера, который говорил почти в режиме монолога, «дуче пришел к выводу, что Гитлер не готовится к наступлению на суше»¹¹⁹⁶. Учитывая, что дуче был готов «слить информацию» на Запад, Гитлер мог быть доволен этим выводом своего ненадежного друга. О предстоящем вторжении в Бельгию и Нидерланды Гитлер предупредил Муссолини только накануне ночью¹¹⁹⁷.

Поскольку союзники так и не пришли к определенному мнению, на западном фронте все оставалось без перемен. Общественное мнение было разочаровано бездействием Даладье, и он счел за лучшее уйти в отставку. 21 марта правительство Франции сформировал Поль Рейно, считавшийся более решительным политиком, французским «черчиллевцем». Ему предстоит пожинать плоды умиротворения. Уже 28 марта Рейно подписал франко-британскую декларацию, которая исключала сепаратное перемирие (Даладье уклонялся от такого акта).

После завершения советско-финляндской войны союзники лишились повода для высадки в Нарвике. Это задержало операцию. Отказались ли они от нарушения нейтралитета Норвегии? 8 апреля военно-морской министр Великобритании Черчилль отдал приказ минировать норвежские воды. Эта операция была «такой маленькой и невинной... — словно смущаясь, пишет Черчилль. Но смущение длится недолго. — Поскольку минирование нами норвежских вод могло вызвать ответные действия Германии, было решено также, что в Нарвик следует послать английскую бригаду и французские войска, чтобы очистить порт и продвинуться к шведской границе»¹¹⁹⁸.

Гитлер тоже не собирался отказываться от уже подготовленной операции, тем более что союзники приступили к минированию норвежских вод. Гитлер успел ударить первым.

9 апреля германские войска вошли в Данию и высадились в Норвегии. Если Дания капитулировала в течение нескольких часов, то норвежские лидеры решили сопротивляться. При входе во фьорд Осло береговой артиллерией был потоплен немецкий тяжелый крейсер «Блюхер». Но на близлежащий аэродром высадились десантни-

ки и спокойно заняли норвежскую столицу. Норвежская армия готовилась сражаться в горах. Готовые к высадке британские части были выгружены с кораблей в Англии, которые отправились бить немецкую эскадру, но потом все же вернулись за десантом. На эти маневры ушло несколько дней. К концу апреля вытянутая вдоль Атлантики норвежская территория представляла собой удивительную чересполосицу. На юге, включая Осло, — немцы. Севернее, в Ондальснесе, — союзники. В горах центральной Норвегии сражается норвежская армия. Еще севернее, в Тронхейме, — снова немцы. Севернее, в Намсусе, 2 мая высадились союзники. Но днем ранее им пришлось оставить Ондальснес. К северу от Намсуса сидели союзники, но вот в Нарвике — немцы. Как же! Нарвик — главный приз кампании! Уже 13 апреля британский флот уничтожил немецкую эскадру во фьорде Нарвика. Но высаживать десант, несмотря на превосходство в силах, британцы не спешили. При высадке они могли понести потери, а обстреливать город не желали, чтобы не нанести ущерба жителям и имуществу. Это была европейская война. Решили высадиться рядом с Нарвиком, но после того, как растает снег. По снегу перемещаться войска не могли (а ведь еще недавно, насмехаясь над русскими, собирались воевать в Финляндии). Впрочем, когда обстановка стала более серьезной, англичане забыли о своем джентльменстве и стали разносить город корабельной артиллерией. Немцы держались в развалинах. Британцы не стали рисковать своей драгоценной кровью и ждали до мая, когда ситуация стала критической и нужно было спешно эвакуироваться. Удобнее всего это было делать из Нарвика. Тогда 27 мая два французских батальона иностранного легиона и один норвежский батальон легко взяли город. 8 июня союзники эвакуировались из Норвегии полностью¹¹⁹⁹.

Захватив Норвегию, Гитлер не только гарантировал свои внутренние коммуникации, но и обеспечил своему флоту свободный выход в Атлантику, а авиации — возможность бомбить северную часть Великобритании.

Уход союзников из Норвегии объяснялся просто. К этому времени началось германское наступление к северу от линии Мажино. Гитлер открыл бельгийскую «калитку».

В феврале 1940 года в германских планах решающего столкновения с британо-французскими войсками произошли серьезные изменения. Если прежде предполагалось нанести противнику поражение в Бельгии и Нидерландах, продемонстрировав мощь германского оружия, после чего договориться о почетном мире, то теперь, благодаря идеям генерала Эриха фон Манштейна, «Желтый план» вторжения предполагал решительный разгром Франции.

История Западной Европы — это история борьбы за гегемонию. Время от времени равновесие крупнейших «центров силы» нарушается, и почти вся Западная Европа оказывается под контролем одной страны или коалиции. Империя Карла Великого, Священная Римская империя, Наполеоновская империя, Третий рейх, блок НАТО... И каждый раз империю Запада уравнивает восток.

Хрупкая гегемония Великобритании при Чемберлене основывалась на равновесии Франции, Великобритании, Германии и Италии. Теперь, когда равновесие нарушилось, было возможно развитие по четырем направлениям: компромисс с Германией при условии вытеснения ее экспансии на Восток (новый раздел Европы на сферы влияния); поражение Германии и восстановление аналога Версальской системы (англо-французская гегемония); гегемония Германии; установление в Европе гегемонии неевропейских держав (СССР, США). Первый вариант в случае успеха Германии на востоке обернулся бы той же германской гегемонией позднее. Поэтому союзники готовы были к примирению с Гитлером после того, как он признает поражение. А для Гитлера поражение было чревато свержением. Столкновение было неизбежно, и союзники своей стратегией сами предоставили Гитлеру возможность выбрать момент решающей битвы. 10 мая немцы вторглись в Бельгию и Нидерланды.

Символично, что именно в момент начала германского вторжения произошла смена власти в Великобритании. Провалы в Норвегии прикончили карьеру Чемберлена. Британская элита окончательно убедилась, что старый умиротворитель не годится в качестве лидера воюющей коалиции. 7 мая Чемберлен был подвергнут сокрушительной критике в парламенте. Лидер либералов Ллойд Джордж выступил тараном. Свою речь он заканчивал так: «ничто другое не будет больше способствовать победе в этой войне, как его уход с поста премьер-министра»¹²⁰⁰. Но это оппозиция. А что консерваторы? Лео Эмери, друг семьи Чемберленов и бывший соратник премьера, а ныне — союзник Черчилля, обратился к премьеру со словами Кромвеля при разгоне Долгого парламента: «Вы заседали слишком долго, даже если и принесли какую-то пользу. Уходите, говорю я вам, и пусть мы, наконец, от вас избавимся. Во имя Бога, уходите!»¹²⁰¹. Большинство, состоявшее из консерваторов, все еще голосовало за правительство, но партия стояла на грани раскола — 50 ее депутатов присоединились к оппозиции. Выход Чемберлен увидел в создании правительства национальной коалиции — всех основных партий, как это было во время Первой мировой вой-

ны. Лейбористы и либералы согласились войти в такой кабинет, но только не под руководством Чемберлена. Старый умиротворитель стал проталкивать на пост премьера своего соратника по умиротворению Галифакса. Но тот сам понял, что умиротворителя с треском провалят в парламенте. Британской элите требовался агрессивный вождь, известный как непримиримый противник нацизма. В итоге премьер-министром Великобритании стал Уинстон Черчилль.

10 мая Черчилль в качестве кандидата консерваторов на пост премьер-министра отправился к королю. Поскольку от монарха ничего не зависело, в этот решающий момент европейской истории он решил пошутить. Черчилль вспоминал: «Его величество принял меня весьма любезно и пригласил сесть. Несколько мгновений он смотрел на меня испытующе и лукаво, а затем сказал: „Полагаю, вам не известно, зачем я послал за вами?“ Применяясь к его тону, я ответил: „Сир, я просто ума не приложу, зачем?“»¹²⁰².

Пока два государственных деятеля кокетничали, немецкие танки утюжили Бельгию, Люксембург и Нидерланды. Армия союзников вступила в Бельгию навстречу немцам. Это и нужно было Гитлеру. Как только армия союзников втянется на север, южнее их должен «подсечь» танковый клинок, который 14 мая нанес удар южнее — в Арденнах, под самую северную кромку «линии Мажино» у Седана. Удара здесь не ожидали, оборона была слабой.

Советский историк Г. М. Ратиани образно объясняет механизм майской катастрофы союзников: «В момент гитлеровского наступления 10 мая англо-французские войска, как на громадном шарнире, расположенном выше Седана, развернули северо-западную часть линии и вошли в Бельгию. Одновременно немецко-фашистские армии, прорвав фронт у Седана ниже „шарнира“, оказались в положении бандита, перед которым хотят закрыть дверь, в то время как в действительности он уже влез в окно и стоит за спиной. Юго-западнее Седана, у Ретеля, они повернули к морю и сами заперли дверь изнутри перед выскочившими наружу хозяевами, т. е. отрезали англо-французские войска в Бельгии»¹²⁰³.

Черчилль неоднократно посещал Францию в эти трагические дни. На совещании с Рейно и французскими военными Черчилль возмущался отступлением от Брюсселя и назвал германский прорыв «театральными рейдами». Через месяц, когда дело было решено, Черчилль, пытаясь выглядеть пророком, утверждал прямо обратное: «Я говорил однажды о громадном военном поражении, происшедшем в результате того, что французское верховное командование задержало приказ об отходе северной группировки армий из Бельгии, зная, что французский фронт был непоправимо прорван у Седана и на р. Маас. Эта задержка повлекла за собой поте-

рю 15 или 16 французских дивизий и вывела из боя в критический момент британский экспедиционный корпус»¹²⁰⁴. В действительности первоначально британское руководство не осознало опасности. Французы требовали перебазирования британской авиации в Бельгию. Но Черчилль предпочитал бомбить Рур из Британии и не рисковать основными силами авиации над Бельгией.

Пока союзники не торопясь занимали удобные, как им казалось, оборонительные позиции в Бельгии (Нидерланды капитулировали 14 мая), германский танковый клин при поддержке десантников, захватывавших наиболее важные мосты и укрепления, двинулся к морю. Мощный бельгийский форт Эбен-Эмаэль был взят небольшим десантом парашютистов.

К северу от прорыва оказалось около 60 дивизий (в том числе 12 британских и около 20 бельгийских).

Помимо красивого замысла германской операции, в поражении союзников сыграла роль и относительно низкая боеспособность их войск. 9-я французская армия развалилась от германского удара, попытки парировать германские удары были неудачны.

Французский главнокомандующий Гамелен был настолько самонадеян, что не оставил резервов. Гитлер не знал, что ему так повезло с противником, и все время опасался контрудара с юга.

Французское руководство уже через неделю осознало опасность и запаниковало. В МИД Франции жгли секретные бумаги, хотя до падения столицы оставался месяц.

18 мая в правительство Франции был включен маршал Анри Филипп Петен, прославленный во время Первой мировой войны. Рейно нужен был политический тяжеловес на случай принятия непопулярных решений. Будучи послом в Испании, Петен симпатизировал диктатору Франко, который в крайнем случае мог бы выполнить и посредническую миссию в этой войне.

19 мая на посту главкома Гамелена сменил генерал Вейган. Уходя в отставку, Гамелен предложил контратаковать прорвавшегося противника с севера и юга. Он предполагал, что германские танки оторвались от основных сил, и за ними — пустота. Вейган согласился с этим планом. Его поддержал и Черчилль на совещании 22 мая. Французы попытались перейти в контрнаступление с юга. Но основные силы британского экспедиционного корпуса под командованием Джона Горта продолжили отход, оставив 23 мая Аррас. Горт позволил провести только демонстрационную контратаку силами полка и двух танковых батальонов. Эта контратака очень обеспокоила германское командование, ибо если бы проводилась всерьез, то могла бы отрезать прорвавшиеся к морю танки от основных сил. Но силы атакующих британцев были невелики. Британское

командование уже не верило в успех и стремилось как можно скорее эвакуироваться на острова.

Вермахту удалось закрепить первоначальный успех. 20 мая немецкие танки захватили Амьен и Абвиль и вышли к морю, отрезав северную группировку союзников в 220 британских и 200 тыс. французских солдат.

Но тут случилось «чудо», о причинах которого много спорили и участники событий, и историки. 24 мая Гитлер и командующий группой армий «А» Герд фон Рунштедт остановили движение танков, издав «стоп-приказ»: «Фюрер приказал продолжать наступление восточнее Арраса силами 8-го и 2-го армейских корпусов во взаимодействии с левым крылом группы армий „Б“ в северо-западном направлении. Северо-западнее же Арраса не продвигаться далее общей линии Ланн, Бетюн, Эпп, Сент-Омер, Гравлин (линия по каналу). Напротив, задача войск западного крыла состоит в том, чтобы развернуть все подвижные силы и заставить противника разбиться о названный выгодный для нас оборонительный рубеж»¹²⁰⁵. Но противник не собирался разбиваться о рубеж, а уносил ноги.

Позднее и сам Рунштедт, и другие генералы Рейха доказывали, что всеми победами Германия обязана им, а всеми неудачами — фюреру. Поэтому Рунштедт утверждал, что наступавшие танковые колонны «схватил за руку» Гитлер. Проанализировав доступные документы, У. Ширер сделал вывод, что Рунштедту «придется разделить ее (ответственность за приказ. — А. Ш.) вместе с Гитлером»¹²⁰⁶. Дело, разумеется, не в том, «кто виноват». Проблема в другом: каковы были мотивы приказа — военные или политические? Гальдер считал, что приказ был вызван военной безграмотностью Гитлера. Задним числом Гальдер настаивал, что следовало с ходу ударить по англичанам и добить их, нечего было бояться. Любопытно, что в других ситуациях Гальдер обвинял Гитлера в авантюризме.

Если остановка танков — каприз Гитлера, то дело — в политических соображениях. Д. М. Проэктор считает: «Наступление немецкой танковой группировки было остановлено под Дюнкерком прежде всего в результате действия крупных факторов военно-политического характера, и только во вторую очередь — чисто военных (оперативно-тактических) причин. Гитлер стремился после победы над Францией заключить мир с Англией. Этим он предполагал заставить Англию, низведенную, как он думал, на положение второразрядной державы, признать европейскую гегемонию „третьего рейха“, его завоевания в Европе, развязать руки на Западе, обеспечить тыл для агрессии против СССР, быть может, еще в 1940 году»¹²⁰⁷.

Может быть, может быть. Тем более что Гитлер говорил своему архитектору: «Кровь каждого англичанина слишком ценна, чтобы ее

пролить. Наши народы по расе и традициям едины, и это останется моим мнением, даже если наши генералы не согласны»¹²⁰⁸. Но, взяв в плен побольше британцев, легче было бы торговаться с Великобританией.

С самого начала Гитлер и более осторожный Руншtedт опасались контрудара с юга. Они не подозревали, что французское командование столь безрассудно, чтобы отказаться от создания резервов. Вейган и хотел бы нанести контрудар, но не мог — своих сил у него было мало, а гордый англичанин Горт координировать свои действия с французским командованием уже не желал и шел к морю, то есть домой. Задним умом проанализировав ситуацию, можно утверждать, что «стоп-приказ» Гитлера спас группировку Горта. Но, во-первых, местность под Дюнкерком была пересеченной, и Гитлер считал, что потери в танках могли помешать успешному завершению кампании. Был ли он прав или ошибался? Во всяком случае, мотивы Гитлера были не только политическими, но и военными. И они не были совсем уж безосновательными. Во-вторых, политические соображения Гитлера удачно дополняли военные. Французов нужно разгромить как можно скорее, а англичан — вытеснить на их остров и, хорошенько припугнув, принудить к миру. Как нельзя кстати Геринг предложил нанести по плацдарму бомбовый удар, сохранив танки. Геринг тоже «заболел» идеей бесконтактной войны. Несмотря на противодействие британской авиации, немецкие бомбардировки дюнкеркского плацдарма произвели на британских солдат сильное впечатление. Но уничтожить группировку союзников не смогли.

Приостановка германского наступления помогла остаткам британо-французских войск эвакуироваться из Дюнкерка. Но во Францию они не вернулись, на защиту Парижа не встали. Британии, куда отплыл Горт, вторжение в этот момент не грозило. Гитлер вообще собирался заключить с ней относительно почетный мир. Он недооценил смену правительства в Лондоне, где ему теперь противостоял не умиротворенец Чемберлен, а упрямый Черчилль.

Уже в ночь на 25 мая ОКХ разрешил группе «Б» «продолжить наступление до рубежа Дюнкерк, Кассель, Эстер, Армантьер, Ипр, Остенде»¹²⁰⁹. Приказ сформулирован очень осторожно. 26 мая, поняв, что французские войска слишком деморализованы, чтобы наносить контрудар, Гитлер санкционировал полномасштабное наступление на Дюнкерк. Политические соображения его не остановили. Но Горт уже укрепился на плацдарме, и к 4 июня эвакуация была завершена. В Англию ушло 338 тыс. солдат союзников, в том числе 110 тыс. французов. 80–90 тыс. французских солдат попало в плен. Теперь перед британским правительством стояла дилемма: с одной

стороны, «на нас лежал долг перед Францией, с другой — нам было необходимо создать в стране боеспособную армию и укрепить наш остров»¹²¹⁰. Разумеется, выбрали второе.

Уже 25 мая Военный комитет Франции под председательством президента Альбера Лебрена с участием Рейно, Петена, Вейгана, Дарлана и др. обсуждал возможность заключения сепаратного мира. Правда, у Франции еще сохранялась большая часть армии, прикрывавшая Париж, да и северная группировка не была уничтожена. В сухопутных войсках Франции, по данным Гамелена, служило 2 420 000 человек¹²¹¹. Вейган высказал интересный мотив для капитуляции: если французская армия будет сражаться до конца и будет разрушена, кто же сохранит в стране порядок?¹²¹² Этот мотив в его рассуждениях тех дней будет повторяться и углубляться.

28 мая капитулировала Бельгия. 5 июня немцы возобновили наступление на Сомме и Эне и прорвали фронт. 10 июня правительство покинуло Париж и 14 июня добралось до Бордо. По дороге Рейно встречался с Черчиллем и уговаривал его дать согласие на сепаратный мир для Франции. Черчилль настаивал, чтобы французский флот в любом случае был переведен в Британию — вопрос не праздный, ведь с его помощью Гитлер потом мог форсировать Ла-Манш.

Фронт французской армии распадался. С севера Франции и из Бельгии ринулся поток беженцев, превосходивший по масштабам картины российской и испанской гражданских войн. Бежало около двух миллионов бельгийцев и три миллиона французов только за май. В июне ушло около трех четвертей населения Парижа¹²¹³.

10 июня Муссолини, поняв, что ему уже ничего не угрожает, объявил войну Франции. Он и не подозревал, что в этот момент подписал себе смертный приговор, который будет приведен в исполнение через пять лет. А теперь, хотя итальянская армия не снижала себе славы на полях сражений, дуче мог участвовать в пире победителей. В то время как германская армия крушила французскую, у итальянцев дела шли плохо: «Муссолини чувствует себя униженным, потому что наши войска не сделали ни шагу вперед. Даже сегодня им не удалось продвинуться, и они задержались перед первым же французским укрепленным пунктом, оказавшим некоторое сопротивление.

В Ливии один итальянский генерал сдался в плен. Муссолини обвиняет в этом итальянский народ. „Нам не хватает материала. Даже Микеланджело был нужен мрамор, чтобы ваять статуи. Если бы у него была только глина, то он ничего не мог бы делать, кроме горшков. Народ, который на протяжении 16 столетий был наковальней, не может сделаться молотом в течение нескольких лет“»¹²¹⁴, — писал Чиано за день до капитуляции Франции.

Но французы всего 26 лет назад остановили германское наступление на подступах к Парижу. Тогда их фронт превратился в непреодолимый рубеж для вторжения, а сегодня они вяло отбивались на подступах к Парижу и отступали при первой возможности. Что случилось с французами за столь короткий срок?

Франция завершала переход к индустриальному городскому обществу. Но структура этого общества все еще оставалась недостроенной, так как реформы Народного фронта потерпели неудачу. За межвоенный период французское общество стало еще более городским, стремление к уже осязаемому, но утерянному из-за депрессии комфорту широко проникло в массы. Реформы Народного фронта, создав социальное государство, должны были придать зрелому индустриальному обществу устойчивость и возможность для технической модернизации, в том числе военной. Но левые реформы потерпели неудачу. Альтернативой реформам Народного фронта мог стать французский фашизм, и симпатии к нему были велики — недаром потом многие видные деятели Третьей республики служили прогерманскому режиму Виши. А массы трудящихся тосковали по надежде, которой их лишили политики, не сумевшие провести необходимые социальные реформы. Недостроенное, сибаритствующее, разочарованное общество столкнулось с энергичным, хорошо организованным, относительно монолитным тоталитаризмом. Политика умиротворения, вытеснившая политику антифашизма 1936 года, пришла к своему логичному завершению.

Черчилль убеждал французов, что нужно сражаться за Париж: «Я подчеркивал, какой огромной способностью изматывать силы сражающейся армии обладает оборона большого города дом за домом». Заместитель французского премьера маршал Петен грустно ответил: «Превращение Парижа в развалины не изменит конечного результата»¹²¹⁵. Лувр в качестве оборонительного рубежа? Спилить каштаны на баррикады? Что мы, испанцы какие-нибудь, которые защищали Мадрид, несмотря на разрушения? Мы — культурная столица Европы. И негоже подвергать ее артиллерийскому обстрелу, как в 1870–1871 годах.

На совещании с французским руководством в Бриаре 11 июня Черчилль заговорил о возможности «продолжать своего рода герилью»¹²¹⁶. Но вот именно чего-то вроде герильи и опасались французские лидеры, особенно Вейган. Рейно писал о его позиции: «считая, без сомнения, германскую армию неспособной сохранить порядок в странах, которые она оккупирует, Вейган заявляет: „Не следует ли подумать, что в условиях разрухи, нищеты и смерти, в условиях совершенно развалившейся армии повсюду возникнут

маленькие местные правительства как своего рода распространявшаяся советизация"»¹²¹⁷.

Такое мнение Вейгана, к которому он возвращался неоднократно на правительственных совещаниях в конце мая — первой половине июня, может показаться странным. Неужели антикоммунистическая паранойя зашла так далеко, что генерал ждал коммунистического переворота от ослабленной репрессиями ФКП? Вейган даже распространял слухи о начавшемся перевороте коммунистов в Париже. Но когда выяснилось, что этот слух был ложным, Вейган не изменил своего мнения — дело было не в коммунистах, а в более широкой «угрозе». От коммунистов Вейган, конечно, не ждал ничего хорошего, тем более что еще недавно их политика в отношении войны была двусмысленной. Но не более двусмысленной, чем политика Петена, Лавалья и самого Вейгана. Коммунисты могли стать частью чего-то большего, ненавистного Вейгану и более опасного в его глазах, чем фашизм и германская оккупация. Он говорил не о коммунистах, а о Советах (коммунах). Вейган был военным историком, он хорошо знал историческую традицию Франции. Ближайшим историческим прецедентом происходящего было поражение Франции в войне с Пруссией в 1870 году, после чего в стране началась революция, увенчавшаяся первой практической попыткой социалистических преобразований — Парижской коммуной. Революционная партизанская война против Германии и местного фашизма, образование коммун (Советов) и попытки дать радикальный левый ответ на современные вызовы — это было для военно-политической элиты Третьей республики большим кошмаром, чем капитуляция и образование прогерманского «порядка».

Впоследствии во Франции развернется движение Сопротивления, своими корнями в значительной степени уходящее в движение Народного фронта. Однако потенциал Сопротивления был ослаблен тем, что летом 1940 года легитимные политические силы и государственные структуры Франции капитулировали во имя порядка и образовали режим, готовый быть частью фашистского союза европейских наций, возглавляемого Германией. Капитуляция стала ответом элиты Третьей республики на революционную угрозу.

Рейно еще обсуждал возможность отступления в Бретань, где можно было бы создать островок свободной Франции (с возможностью в случае чего быстро эвакуироваться из Бретани в Британию). Или, может быть, эвакуироваться в Северную Африку, оставив метрополию на милость победителя? Но не будет ли тогда длительная война слишком разорительной и разрушительной для Франции? И может ли быть правительство, бежавшее в Африку, достаточно легитимным? Петен настаивал, что «долг правительства, что бы

ни произошло, остаться во Франции, иначе его не будут признавать правительством»¹²¹⁸.

14 июня 1940 года немцы вошли в Париж. Черчилль все еще убеждал Рейно: «англичане хотели бы надеяться, что Франция будет продолжать сражаться южнее Парижа и до самого моря, а если будет необходимость, то и в Северной Африке». Но Рейно уже говорил о необходимости сепаратного мира, он «не имел сил и энергии, чтобы выдержать такое испытание, которое было бы по плечу только Оливеру Кромвелю, Клемансо, Сталину и Гитлеру»¹²¹⁹.

16 июня Рейно уступил место маршалу Петену, который запросил прекращения огня. 22 июня было подписано перемирие, по которому Франция разоружалась, а весь ее север и запад оккупировался Германией. Оно было подписано в том самом вагоне в Компьенском лесу, где было заключено позорное для Германии перемирие, закончившее Первую мировую войну. В июле Петен возглавил зависимое от Германии авторитарное государство на юге Франции со столицей в Виши. Только небольшая часть французской армии эвакуировалась в Англию, где был создан антифашистский комитет «Свободная Франция» во главе с генералом Шарлем де Голлем.

Начавшись по-настоящему, война окончательно сломала равновесие сил в Европе, что привело к необратимым процессам во всем мире, который уже в принципе не мог вернуться в «Версальское» состояние. Германия стала гегемоном в континентальной Европе от Бреста до Бреста. Там, где, по замыслам умиротворителей, должен был хозяйничать Гитлер, происходило выдвижение на запад границ СССР. Теперь создатели Версальской системы Великобритании и Франция не могли заступиться за малые страны Восточной Европы. Их судьба всецело зависела от СССР и Германии. Поскольку внимание Гитлера было приковано к Великобритании, Сталин получил дополнительную свободу рук. Но на линии разграничения сфер влияния Германии и СССР было немало конфликтных зон. Там, может быть, и можно было найти решение частных противоречий, но глобальный конфликт идеологий коммунистов и фашистов преодолеть было гораздо сложнее. Объединенная Берлином Европа и расширившийся Советский Союз двигались к столкновению. Великобритания еще пыталась создавать Германии неприятности на континенте, но без успеха. Она все больше превращалась в непотопляемый авианосец США, которые выдвинулись на роль лидера западного мира. Укрепившись благодаря реформам, Америка переходила к активной внешней политике, которая должна была закрепить успех реформ. США не собирались отдавать под контроль Японии обширные рынки и ресурсы азиатских колоний, ставших «бесхозными» после разгрома Франции и Нидерландов. Продвижение

Японии во французском Индокитае стало продолжением передела системы господства в Азии, начатого японо-китайской войной. В Китае Япония достигла пределов своей экспансии, СССР показал свою силу, так что экспансионистская энергия «Страны восходящего солнца» направлялась на юг, что было чревато столкновением с США. Но и в Европе Америка воспринималась теперь как последняя надежда социал-либерального пути развития. Гитлер не мог чувствовать себя спокойно, пока в Британии могли высадиться американские войска. США тоже с опаской смотрели на интриги фашистов в Латинской Америке. Трехполярный мир был слишком неустойчив и конфликтен. В 1941 году, со вступлением в войну СССР и США, европейская война окончательно переросла в мировую.

Такое развитие событий было подготовлено крахом политики умиротворения и поражением Франции в мае-июне 1940 года. Мировая конфронтация стала делом ближайшего будущего¹²²⁰.

ВОЙНА И МИР

В шестидесятые годы XIX века сначала Пьер Жозеф Прудон, а потом Лев Толстой опубликовали произведения под названием «Война и мир». Слово «мир» двумя выдающимися анархистами понималось несколько по-разному. Прудон писал об отсутствии войны. Толстой — как о невоенной стороне жизни, так и о мире, о судьбе планеты. В середине XIX века мир еще не был глобальным, и только в XX веке два слова соединились в трагическое сочетание «мировая война». После первой из них человечество ужаснулось, лидеры планеты предприняли усилия, чтобы не повторилась трагедия первого глобального столкновения, центром которого была «столица мира» Европа. Эти усилия потерпели неудачу. Почему?

Первое, что бросается в глаза, — демоническая фигура Гитлера. Может быть, дело в нем, в его воле, фантазиях, коварстве, жестокости? Но без мощных социальных сил, которые дали ему опору, Гитлер мог остаться маргинальным политиком или художником с плохим характером. Гитлер опирался на миллионы маленьких гитлеров, не обладавших его волей и энергичностью, но согласных с ним в главных идеях, предрассудках и стремлениях. Гитлера, так же как Сталина, Черчилля, Рузвельта, Чемберлена, Даладье, Бенеша, Чан Кайши, Мао Цзэдуна... — всех их и многих других породила эпоха и традиция их стран. И ведь мы помним, что очаги агрессии стали расползаться по свету не с Германии, а с противоположной стороны мира, с Японии, где не было никакого Гитлера. Роль личности и случая в истории велика, но ситуацию для них создают исторические закономерности и тенденции.

Если взглянуть на ситуацию со стороны социальных закономерностей, то напрашивается вывод: Вторую мировую войну породила Великая депрессия. Это во многом верно, но однобоко, как любой экономический детерминизм. Глобальный экономический кризис создал проблему, решение которой могло быть различным. Ответ на такие вызовы формируют идеологии, политические стратегии, а затем — результат их столкновения, политического противоборства. И этот ответ не был фатально предопределен.

Глобальный экономический кризис создал ситуацию, при которой старый капитализм, классический империализм не мог работать, система мирового регулирования экономики рушилась. Понятно, что сохранить прежнюю систему международных отношений в этих условиях практически невозможно. Но как ее менять? Политики ставят вопрос: правом или силой? Международное право опирается на правовые принципы и баланс сил, все равно будет использоваться какое-то их сочетание. Но стоит однажды сломать международное право вооруженной силой — система международного права надламывается, теряет авторитет. Еще есть время восстановить ее в модифицированном виде, но это время быстро уходит, трещины в системе международных отношений растут — как и соблазн применять силу снова. Как только кто-то первым ступит на эту землю Трои, применяя силу открыто, он автоматически пригласит делать то же самое с своей страной. Захватил территорию соседа (оправдывая это национальной общностью, сакральностью и авторитетом исторических предков) — жди, когда иностранные армии придут к тебе за территорией твоего государства. Ты сам разрешил это делать.

Но есть и более важный вопрос: на какой социальной основе строится новая система международных отношений? Подчиняется она логике государственной силы или социальным и гражданским правам людей? Если ты меняешь свою страну так, что в ней лучше жить за счет внутренних ресурсов и открытого равноправного обмена с другими народами, — может быть, твоему примеру последуют другие, и мир станет безопаснее. Из глобальной депрессии есть два выхода — глубокие социальные преобразования или борьба за ресурсы и рынки сбыта. Если первый путь окажется неудачным — развернется мировая бойня. Так и вышло. Это получилось не фатально, но и не случайно.

Альтернативой социальным преобразованиям, расширению социальных и гражданских прав человека является борьба за права нации, за национальное доминирование, из которого вытекает борьба всех против всех, пока не создастся несколько империй, готовых сначала поделить мир, а потом столкнуться в сражении за глобальное доминирование. После неудачи социального реформизма в Европе сначала она, а потом и весь мир пошел по такому пути.

Гаранты старой системы международных отношений и хранители эволюционного порядка ее изменения были в значительной степени заражены именно логикой национального доминирования и борьбы за ресурсы. Они относились к социальным преобразованиям с огромным недоверием, а часто и враждебностью. Поэтому они были беспомощны перед концентрированным выражением их соб-

ственных идей национального и расового превосходства и господства империй над миром.

Лидеры Великобритании, Франции, Японии и Китая не желали всерьез менять социальный порядок. Но они столкнулись с энергией перемен, которая предлагала четыре вектора: фашистский, коммунистический, социал-либеральный и лево-социалистический.

Выбор между ними можно было сделать путем политической борьбы, а пришлось делать на полях и морях сражений. Социальные реформаторы запоздали из-за нерешительности их лидеров и сторонников. И в этом — ответственность каждого из них. Когда запоздывают социальные преобразования, приходит катастрофическая перестройка международных отношений — мировое кровопролитие.

СССР оказался в центре этой мировой драмы, перерастающей в трагедию. Это обстоятельство было предопределено географическим расположением СССР, который, так же как Великобритания и Франция, должен был играть на европейской и азиатской досках. События на Дальнем Востоке влияли на позиции СССР в Европе, а также наоборот. Однако дело не только в географии. Предложив радикальный коммунистический ответ на проблемы капитализма, СССР не мог вступать в союзы, необходимые для поддержания его безопасности. Коммунистов не без оснований подозревали в стремлении переделать мир по образу и подобию СССР через радикальную социальную революцию. Чтобы изменить это положение, становившееся крайне опасным, Сталин пошел по пути социал-либерального камуфляжа, который подкреплялся уже давно происходившей национальной адаптацией коммунистического проекта. В результате СССР, сохранив свой тоталитарно-коммунистический сердечник, во внешней оболочке приобрел черты, где и западные интеллектуалы, и французские чиновники, и испанские революционеры могли найти что-то свое. Несмотря на всю критику коммунистического проекта, СССР стал выдвигаться в центр политической вселенной, туда, где сошлись в борьбе либеральные манипуляторы старого типа и агрессивные фашистские борцы за brutальное мировое господство. Навстречу СССР с другой стороны океана туда же выдвигались социал-реформисты США с их огромными ресурсами и примером относительно успешных реформ.

Всякая система бывает преимущественно саморегулируемой или преимущественно управляемой. К сожалению, предпосылки для ненасильственного согласования и саморегулирования глобальных процессов если и могут возникнуть, то только в постиндустриальном обществе. А пока это только перспектива, само существование глобальной системы порождает борьбу между мировы-

ми олигархиями за управление ею, за определение правил игры и возможность принимать важнейшие решения. Глобальный рынок отдает пульт управления в руки монополистических объединений, по сути — транснациональной хозяйственной бюрократии. Действуя от имени рынка, она является реальным хозяином «безличной игры стихийных экономических сил». Это руководство привело к банкротству глобальную систему двадцатых годов. Освободившееся место глобальной власти стали оспаривать между собой чиновники ведущих держав мира. Они вступили в сражение за то, по каким правилам будет строиться новый мировой порядок. Основные конкурирующие силы вскоре получили своих лидеров: Гитлера, Сталина и Чемберлена, а после крушения политики последнего — еще Рузвельта и Черчилля. Эти фигуры олицетворяли три модели мирового порядка. Политическая вселенная Чемберлена, Черчилля и Рузвельта строилась на либеральных принципах, которые связывают отчужденных друг от друга индивидуумов с помощью символов денег и права. В этом мире господствует финансово-бюрократическая элита, которая способна наиболее эффективно манипулировать именно этими символами, сплачивая формально свободные массы вокруг собственных интересов, иногда совпадающих с интересами большинства жителей, а иногда — нет. Эти совпадения и несовпадения определяли сложные маршруты политики стран Запада. Политическая вселенная Гитлера строилась на принципах нации и расы, которые сплачивают отчужденных друг от друга людей вокруг этнических мифов, вождей и подчиненных им тоталитарных организаций. В этом мире господствует тоталитарная бюрократическая элита, подобранная по принципу национального происхождения и верности вождю. Она ведет борьбу за расширение «места под солнцем» для своего народа и превращение его в расу господ мира. Политическая вселенная Сталина строилась на коммунистических принципах ликвидации социально-классовых противоречий, создания мира, в котором стерты социальные и национальные различия, а отчужденные друг от друга индивидуумы объединены в единое общество вокруг руководящего центра, планирующего их жизнь.

Социал-либеральный порядок мог сосуществовать на одной планете с фашистскими либо коммунистическими режимами. Некоторое время могли сосуществовать и даже сотрудничать фашистские и коммунистические режимы. Судьба мира зависела от того, удастся ли сохранить равновесие этих трех систем достаточно долго для того, чтобы взаимопроникновение разложило их четкие границы, либо между ними начнется борьба на уничтожение. Сдерживать столкновение могла только коллективная безопасность, то есть немедленное и действенное наказание агрессора силами всего сооб-

щества. Но запрет на экспансию был неприемлем для фашистской системы, особенно для германского нацизма. Он задышался без экспансии, и коллективная безопасность вела к его гибели.

Любая агрессия, силовое изменение границ подрывает коллективную безопасность и создает условия для того, чтобы новый кризис глобализма привел к новой глобальной войне. Но сначала кажется, что агрессора можно остановить уговорами и направить его деструктивную экспансию в управляемое русло. История тридцатых годов показала, что умиротворение — верный путь к мировой войне. Спасти мир может только коллективная безопасность.

Коллективная безопасность — лишь предпосылка для создания нового устойчивого мирового порядка. Его основой мог стать синтез очищенных от экстремизма либеральных, социалистических и национально-культурных традиций. Благодаря политике умиротворения мир проиграл, и выигрывал тот, кто лучше подготовился к схватке. Вожди, воспитанные опытом ожесточенной борьбы за власть, решили, что самый надежный способ победить — это первым нанести решительный, смертельный удар по врагу. Но мудрость истории заключалась в том, что проигрывал самый агрессивный. Тот, кто нанес наибольшее количество ударов, поднял против себя наибольшее количество сил. Победителям — социал-либеральному Западу во главе с США и системе коммунистических режимов во главе с СССР — предстояло разделить мировое наследство и начать новый раунд борьбы за судьбу мира.

Эпоха XX века, черты которой были определены исходом двух мировых войн, уходит. XXI век может породить новые принципы, которые, даст Бог, позволят сделать мир более свободным, солидарным, гуманным и духовным. В поисках этого нового будущего предстоит сделать немало ошибок, но важно не повторить ошибок первой половины XX столетия. Чтобы будущее не стало повторением прошлого. Чтобы новый век действительно стал новым.

Примечания

¹ О причинах и начальном этапе развития Великой депрессии см.: Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России. М., 2009.

² О пути Гитлера к власти и политической ситуации в Германии в 1930–1932 гг. см.: Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России. С. 137–165; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941. М., 2004. С. 85–134.

³ Цит. по: Линденберг К. Технология зла: К истории становления национал-социализма. М., 1997. С. 94.

⁴ Цит. по: Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. М., 1994. Т. 1. С. 375.

⁵ Буллок А. Указ. соч. С. 290.

⁶ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С. 394.

⁷ Дорпален А. Германия на заре фашизма. М., 2008. С. 442.

⁸ Цит. по: Дорпален А. Указ. соч. С. 448.

⁹ Штрассер О. Гитлер и я. Красные в НСДАП. М., 2005. С. 192.

¹⁰ Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы. Т.1. М., 1981. С. 89.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 275.

¹⁷ Димитров Г. Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1984. С. 203.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 229.

²⁰ Цит. по: Бровко Л. Н. Церковь и Третий рейх. М., 2009. С. 72.

²¹ Подробнее см.: Бровко Л. Н. Указ. соч. С. 74–80.

²² Цит. по: Линденберг К. Указ. соч. С. 99.

²³ Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы. Т. 1. С. 227.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С. 405.

²⁶ Дорпален А. Указ. соч. С. 446–447.

²⁷ Там же. С. 458.

²⁸ Штрассер О. Указ. соч. С. 216–217.

²⁹ Ширер У. Указ. соч. С. 242.

³⁰ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С. 377.

³¹ Штрассер О. Указ. соч. С. 219.

³² Цит. по: Штрассер О. Указ. соч. С. 222–223. Американский посол У. Додд утверждает, что текст речи был одобрен президентом Гинденбургом (Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 1961. С. 167).

³³ Дневник посла Додда. 1933–1938. С. 163.

³⁴ Штрассер О. Указ. соч. С. 224–225.

³⁵ Розенберг А. Политический дневник. 1934–1944 гг. М., 2015. С. 45–46.

³⁶ Штрассер О. Указ. соч. С. 226.

³⁷ Розенберг А. Указ. соч. С. 48–49.

³⁸ Там же.

³⁹ Ширер У. Указ. соч. С. 263.

⁴⁰ Штрассер О. Указ. соч. С. 217.

⁴¹ Под тоталитаризмом здесь понимается крайнее проявление авторитаризма, при котором правящая группа осуществляет полный (тотальный) контроль над легальной жизнью общества. Тоталитарный режим запрещает любую несанкционированную деятельность, делает ее нелегальной и в случае обнаружения уничтожает любые не разрешенные им общественные структуры.

⁴² Розенберг А. Указ. соч. С. 58.

⁴³ Там же. С. 60.

⁴⁴ Ширер У. Указ. соч. С. 221.

⁴⁵ О развитии Великой депрессии в США см.: Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России. М., 2009. С. 71–101.

⁴⁶ Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 341.

⁴⁷ Об индустриальном рывке во время первой пятилетки в СССР подробнее см.: Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России. С. 197–292.

⁴⁸ Инаугурационные речи президентов США. М., 2001. С. 383.

⁴⁹ Там же. С. 386–387.

⁵⁰ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. М., 2003. С. 103.

⁵¹ Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 188, 190.

⁵² Инаугурационные речи президентов США. С. 384–385.

⁵³ Roosevelt F. D. Great Speeches. NY, 1999. P. 37.

⁵⁴ Cit.: Freidel F. P. FDR. Launching the New Deal. Boston-Toronto, 1973. P. 422.

⁵⁵ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. С. 51.

⁵⁶ Яковлев Н. Н. Избранные произведения. ФДР — человек и политик. Загадка Перл-Харбора. М., 1988. С. 163.

⁵⁷ Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 293.

⁵⁸ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. С. 84.

⁵⁹ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 38.

⁶⁰ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 158.

⁶¹ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. С. 87.

⁶² Там же. С. 48.

⁶³ Freidel F. P. FDR. Launching the New Deal. Boston-Toronto, 1973. P. 339.

⁶⁴ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 158.

⁶⁵ Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993. С. 114.

⁶⁶ Цит. по: Мальков В. Л. «Социализм» по-американски. К истории создания администрации долины реки Теннесси // Россия XXI. С. 47.

⁶⁷ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 166.

⁶⁸ Шлезингер А. Указ. соч. С. 344.

⁶⁹ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. С. 46.

⁷⁰ Там же. С. 56.

⁷¹ Бурстин Д. Указ. соч. С. 602.

⁷² Там же. С. 604.

⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 494. Оп. 1. Д. 37. Л. 13.

⁷⁴ Цит. по: Овчинников Н. В. Борьба за Америку в 30-х гг. Хьюи Лонг, патер Кофлин, Чарльз Линдберг, Генри Форд. М., 2009. С. 164–165.

⁷⁵ Цит. по: Овчинников Н. В. Указ. соч. С. 161–162.

⁷⁶ Овчинников Н. В. Указ. соч. С. 27.

⁷⁷ Там же. С. 21.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

⁷⁹ Шкундин М. З. К истории государственно-монополистической социальной политики США. 1929–1939. М., 1980. С. 122.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

⁸¹ Там же.

⁸² Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1976. С. 188.

⁸³ Согрин В. В. Политическая история США. М., 2001. С. 285.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 37. Л. 8.

⁸⁵ Там же. Л. 14.

⁸⁶ Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 194.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. С. 82.

⁸⁹ Там же. С. 89.

⁹⁰ *Согрин В. В.* Политическая история США. С. 285.

⁹¹ *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 193.

⁹² Социалистическая партия выступала за переход к социализму, а Рузвельт продолжал не без оснований считать себя либералом — сторонником экономики, основанной на частной собственности. Учитывая левый сдвиг политики Рузвельта, его можно называть социал-либералом — как и правое крыло социал-демократии.

⁹³ *Hoover H. Memoirs.* V. III. 1951. P. 484.

⁹⁴ Советско-американские отношения. 1934–1939. М., 2003. С. 188.

⁹⁵ *Рузвельт Ф. Д.* Беседы у камина. С. 68.

⁹⁶ Инаугурационные речи президентов США. С. 392.

⁹⁷ Там же. С. 390.

⁹⁸ Цит. по: *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 190.

⁹⁹ *Майроф Б.* Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000. С. 271, 290.

¹⁰⁰ *Beard C. A. The Republic.* NY, 1943.

¹⁰¹ *Schlesinger A. M. The Age of Jackson.* Boston, 1945.

¹⁰² *Согрин В. В.* Политическая история США. С. 218.

¹⁰³ *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 205.

¹⁰⁴ Статистическая история США XVII — начала XXI вв. М., 2012. С. 44.

¹⁰⁵ Распад мировой долларовой системы. Ближайшие перспективы. М., 2001. С. 36.

¹⁰⁶ *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 204.

¹⁰⁷ *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 214.

¹⁰⁸ См.: *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 181–182, 189, 191.

¹⁰⁹ Цит. по: *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. С. 104.

¹¹⁰ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 251.

¹¹¹ Подробнее об инструментах регулирования см.: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1989. С. 53–71.

¹¹² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 1036. Л. 91.

¹¹³ Там же. Л. 193.

¹¹⁴ Там же. Л. 196–197.

¹¹⁵ Там же. Л. 194.

¹¹⁶ Там же. Л. 197.

¹¹⁷ *Норден А.* Уроки германской истории. К вопросу о политической роли германского капитала и юнкерства. М., 1948. С. 131–132.

¹¹⁸ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 130–131.

¹¹⁹ Галкин А. А. Указ. соч. С. 7.

¹²⁰ Дитрих О. Воспоминания о Гитлере // Завещание Гитлера. М., 1991. С. 19.

¹²¹ Тибо П. Эпоха диктатур. 1918–1947. С. 103.

¹²² Назар С. Путь к великой цели. История одной экономической идеи. М., 2013. С. 421, 427.

¹²³ Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001. С. 199.

¹²⁴ Цит. по: Назар С. Указ. соч. С. 451.

¹²⁵ О развитии СССР в тридцатых годах см.: Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России; Шубин А. В. 1937: «антитеррор» Сталина. М., 2010.

¹²⁶ Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 225.

¹²⁷ Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне (1929–1941). С. 25–30.

¹²⁸ См.: Шубин А. В. 1937: «антитеррор» Сталина. С. 37.

¹²⁹ Подробнее см.: Шубин А. В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 20–30-х гг. М., 2004. С. 133–150; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне (1929–1941). С. 19–25.

¹³⁰ Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 297–346. Название книги невольно может ввести в заблуждение, так как речь идет о советско-германском сотрудничестве до нацистского переворота. Книгу правильнее было бы назвать «Германский меч ковался в СССР».

¹³¹ История Коммунистического Интернационала. Документальные очерки. М., 2002. С. 72.

¹³² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 295.

¹³³ Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945. С. 189.

¹³⁴ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. М., 2005. Т. 1. С. 337.

¹³⁵ Цит. по: Овсянный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). М., 1975. С. 32.

¹³⁶ Волос М. На пути к Мюнхену? Польская внешняя политика в 1932–1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 24.

¹³⁷ Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934. М., 2014. С. 102.

¹³⁸ Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 229. Разумеется, в это время Д. Р. Макдональд не был лидером ЛПВ и вообще с 1931 года не состоял в этой партии.

¹³⁹ Эту цифру он озвучил и после выхода из переговоров, в декабре 1933 года (Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 452).

¹⁴⁰ Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 28.

¹⁴¹ Цит. по: Малафеев К. А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988. С. 107.

¹⁴² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 305.

¹⁴³ Цит. по: Малафеев К. А. Указ. соч. С. 139.

¹⁴⁴ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 426.

¹⁴⁵ Там же. С. 429.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 714. Л. 50.

¹⁴⁷ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 109.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 619. Л. 52

¹⁴⁹ Там же. Л. 53.

¹⁵⁰ Там же. Л. 54.

¹⁵¹ Цит. по: Овсяный И. Д. Указ. соч. С. 74.

¹⁵² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 619. Л. 6.

¹⁵³ Волос М. Указ. соч. С. 25.

¹⁵⁴ Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010. С. 16.

¹⁵⁵ Там же. С. 59.

¹⁵⁶ Цит. по: Малафеев К. А. Указ. соч. С. 118.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 635. Л. 117.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 619. Л. 64.

¹⁵⁹ Там же. Л. 65.

¹⁶⁰ Там же. Л. 66.

¹⁶¹ Там же. Л. 67.

¹⁶² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 630. Л. 122. Вероятно, Черчилль не знал, что и сам Майский в 1918 году входил в антисоветское правительство Комука.

¹⁶³ Там же. Л. 123.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. Л. 125.

¹⁶⁶ Там же. Л. 126.

¹⁶⁷ Там же. Л. 127.

¹⁶⁸ Там же. Л. 198.

¹⁶⁹ Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010. С. 53.

- ¹⁷⁰ Коминтерн против фашизма. М., 1999. С. 15.
- ¹⁷¹ Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 97.
- ¹⁷² La Vie socialiste. 25.02.1933.
- ¹⁷³ Коминтерн против фашизма. С. 27–28.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁷⁵ Цит. по: Покровская С. А. Движение против войны и фашизма во Франции. 1932–1939 гг. М., 1980. С. 14.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 14–15.
- ¹⁷⁷ Цит по: Ширер У. Указ соч. С. 319.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 336.
- ¹⁷⁹ Ширер У. Указ соч. С. 319.
- ¹⁸⁰ Розенберг А. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁸¹ Цит. по: Ширер У. Указ соч. С. 326.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 98.
- ¹⁸⁴ Никольский А. В. Итало-эфиопская война 1935–1936(41). СПб., 2001. С. 79–80.
- ¹⁸⁵ Тоталитаризм в Европе в XX веке. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 111.
- ¹⁸⁶ Цит. по: Эррио Э. Указ. соч. С. 750.
- ¹⁸⁷ Цит. по: Никольский А. В. Указ соч. С. 111.
- ¹⁸⁸ Чиано Г. Дневник фашиста. 1939–1943. М., 2010. С. 15, 61.
- ¹⁸⁹ Никольский А. В. Указ соч. С. 140.
- ¹⁹⁰ Мацкевич С. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁹¹ Волос М. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁹² Цит по: Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 121.
- ¹⁹³ Ширер У. Указ соч. С. 335.
- ¹⁹⁴ Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеология и политика (1932–1940). СПб., 2001. С. 228.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 343–355.
- ¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 104. Л. 47.
- ¹⁹⁷ Цит. по: Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 461.
- ¹⁹⁸ Пантелеев М. Французский фашизм: четыре портрета. М., 2016. С. 32.
- ¹⁹⁹ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 460.
- ²⁰⁰ Archives de la Prefecture de la Police. BA/1900 350000 g. 1. P. 300. 19.2.1934.
- ²⁰¹ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 104. Л. 52.
- ²⁰² Пантелеев М. Указ. соч. С. 55.

²⁰³ Цит. по: *Пантелеев М.* Указ. соч. С. 56.

²⁰⁴ *Пантелеев М.* Указ. соч. С. 56–58. В 1936 году Дорио, оставаясь мэром, создал праворадикальную Французскую народную партию. В 1937 году потерпел поражение на выборах и ушел с постов депутата и мэра. Закончил свою карьеру в качестве коллаборациониста и фашиста. См.: там же. С. 60–78.

²⁰⁵ Дневник Г. Димитрова. Новая и новейшая история. 1991, № 4. С. 67–68.

²⁰⁶ Коминтерн против фашизма. С. 326–328.

²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 103. Л. 209.

²⁰⁸ *Макдермотт К., Агню Д.* Указ. соч. С. 143.

²⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 3. Л. 121.

²¹⁰ Там же. Л. 137.

²¹¹ Там же. Л. 200.

²¹² Там же. Л. 202.

²¹³ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

²¹⁴ Там же. Л. 33.

²¹⁵ Коминтерн против фашизма. С. 362.

²¹⁶ Там же. С. 366.

²¹⁷ Там же. С. 370.

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 7. Л. 109.

²¹⁹ Там же. Л. 112.

²²⁰ *Макдермотт К., Агню Д.* Указ. соч. С. 144.

²²¹ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 858–860.

²²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 332. Л. 64.

²²³ Там же. Л. 65–66.

²²⁴ Там же. Л. 66.

²²⁵ Там же. Л. 67.

²²⁶ Там же. Л. 69.

²²⁷ О ситуации в СССР в 1934–1935 годах подробнее см.: *Шубин А. В.* 1937: «антитеррор» Сталина. С. 90–154.

²²⁸ *Hobsbawm E. J.* The “Moscow Line” and International Communist Policy, 1933–1947 // *Warfare, Diplomacy and Politics.* Ed. C. Wrigley. L., 1986. P. 172.

²²⁹ *Макдермотт К., Агню Д.* Указ. соч. С. 148.

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 7а. Л. 45–46.

²³¹ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 8. Л. 39.

²³² Там же. Л. 9.

²³³ РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 12. Л. 106.

²³⁴ *Кузнецов Н. В.* В. Г. Кнорин: страницы биографии. Минск, 1979. С. 151.

²³⁵ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975. С. 207.

²³⁶ Макдермотт К., Агню Д. Указ. соч. С. 150.

²³⁷ Там же. С. 150–151.

²³⁸ История Коммунистического интернационала. С. 69.

²³⁹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. С. 243.

²⁴⁰ Там же. С. 388.

²⁴¹ Коминтерн против фашизма. С. 28.

²⁴² Макдермотт К., Агню Д. Указ. соч. С. 155–156.

²⁴³ Компартия Франции в борьбе за Народный фронт. М., 1938. С. 6.

²⁴⁴ Макдермотт К., Агню Д. Указ. соч. С. 152.

²⁴⁵ Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. Л., 1972. С. 214.

²⁴⁶ Там же. С. 218.

²⁴⁷ Компартия Франции в борьбе за Народный фронт. С. 14.

²⁴⁸ Цит. по: Кравченко Е. А. Народный фронт во Франции. М., 1972. С. 112.

²⁴⁹ Егоров Ю. В. Указ. соч. С. 179.

²⁵⁰ Компартия Франции в борьбе за Народный фронт. С. 8, 35–36.

²⁵¹ Там же. С. 69–72.

²⁵² Цит. по: Покровская С. А. Указ. соч. С. 193.

²⁵³ Характеристика испанских событий как «великой» революции оспорил историк А. А. Сагамонян на том основании, что революция потерпела поражение, преобразования имели ограниченный во времени и пространстве характер и не прошли апробацию «миром» (Сагамонян А. А. А. В. Шубин. Великая испанская революция. М., 2014 // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 206.). Но тогда А. А. Сагамонян должен отказать в праве называться «великой» и самой Великой французской революции. Как известно, все революционные силы Франции в ходе революции потерпели поражение, в итоге установилась империя, да и она потерпела поражение в войне. Очевидно, что Великая французская революция не прошла «апробацию миром» и плоды ее во Франции вызрели позднее — через десятилетия, как это было и в Испании. Мировое влияние событий во Франции велико, но велико оно было и в случае с Испанией — и в международной ситуации тридцатых годов XX века (что признает сам А. А. Сагамонян), и в области социально-политических идей, таких как производственное самоуправление, с одной стороны, и «народно-демократические» конструкции власти — с другой. Да и победивший в войне режим Франко вынужден был давать свои ответы на социальные вызовы, проявившиеся в революции. Так что, несмотря на военно-политическое поражение, революция не прошла бесследно не только для мира, но и для Испании.

²⁵⁴ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М., 1963. С. 296.

²⁵⁵ Trotsky L. The Spanish revolution. 1931–1939. NY, 1973. P. 268.

²⁵⁶ Престон П. Франко. М., 1999. С. 79.

- ²⁵⁷ Цит. по: *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании. М., 1966. С. 84.
- ²⁵⁸ См.: *Рознатовская А. Г.* Хосе Антонио Примо де Ривера: основные положения и истоки его идеологии // *Испанский альманах*. № 2. М., 2010. С. 89–91.
- ²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 221. Л. 5.
- ²⁶⁰ По оценкам коммунистов, в 1934 году в НКТ состояло около 500 тыс. человек, в ВСТ — 700–1000 тыс., в прокоммунистическом УВКТ — 150–200 тыс. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 221. Л. 22).
- ²⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 337. Л. 270.
- ²⁶² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 221. Л. 199–200.
- ²⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 336. Л. 113.
- ²⁶⁴ "Solidaridad obrera". 4–14.2.1936.
- ²⁶⁵ *Abad de Santillan D.* Por que Perdimos la Guerra. Buenos Aires, 1940. P. 37.
- ²⁶⁶ *Сориа Ж.* Война и революция в Испании. 1936–1939 гг. М. 1987. Т. 1. С. 59.
- ²⁶⁷ *Julia S.* Víctimas del terror y de la represión // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. V.2. P. 409–410.
- ²⁶⁸ *Виньяс А.* Гражданская война в Испании (1936–1939): современные исследования // *Испанский альманах*. Вып. 1. С. 42. Х. Руис считает, что и франкисты убили более половины казненных в начале войны, до 1 октября 1936 года. К сожалению, он не ссылается на источники, которые могли бы подтвердить эту мысль, которая противоречит результатам предыдущих исследований его испанских коллег (*Руис Х.* Ложное обвинение: Советский Союз и зверства республиканцев в Паракуэльос // *Русский сборник. СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.* М., 2016. С. 323.).
- ²⁶⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 327. Л. 18.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 23.
- ²⁷¹ Там же. Л. 17.
- ²⁷² Там же. Л. 18–20.
- ²⁷³ Там же. Л. 20–21.
- ²⁷⁴ Там же. Д. 483. Л. 15.
- ²⁷⁵ Подробнее о феномене фашизма см.: *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне (1929–1941). С. 81–116.
- ²⁷⁶ *Moá Rodríguez P. M.* Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2003. P. 189.
- ²⁷⁷ *Престон П.* Указ. соч. С. 202.
- ²⁷⁸ Там же. С. 204–210.
- ²⁷⁹ *Barciela C.* Las reformas agrarias de los nacionales: propuestas y realizaciones // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. V. 1. Barcelona, 2008. P. 500–501.

²⁸⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 327. Л. 13.

²⁸¹ Цит. по: *Овсянный И. Д.* Указ. соч. С. 147.

²⁸² *Бабицкий А. Г.* Начало Испанской гражданской войны: сравнительный анализ позиций Италии и Германии // Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа. Белгород, 2010. С. 26.

²⁸³ Там же. С. 29–31.

²⁸⁴ *Виньяс А.* Почему Сталин решил оказать помощь Испанской республике? Дискуссионный вопрос в историографии гражданской войны. Ч. 1 // Испанский альманах. Выпуск 2. М., 2010. С. 102.

²⁸⁵ *Рыбалкин Ю. Е.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 37.

²⁸⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 845. Л. 9.

²⁸⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 339.

²⁸⁸ Там же. С. 340.

²⁸⁹ *Малай В. В.* СССР в Испании (1936): малоизвестные страницы (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Испанский альманах. Выпуск 2. С. 129.

²⁹⁰ *Viñas Á.* El honor de la República. Barcelona, 2009. P. 543. Характерно, что англо-французская дипломатия, конструируя «невмешательство», пошла как раз в обход Лиги наций, лишая эту структуру даже скромного влияния на международные дела. Великие державы брали на себя ответственность за судьбу «младших братьев» по Европейскому дому. Испания, а затем Чехословакия, Польша, Румыния фактически были признаны государствами второго сорта, судьбу которых будут решать Лондон, Париж, Берлин и Рим (в случае с Испанией нехотя признавалось — и Москва).

²⁹¹ См.: *Малай В. В.* Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II Мировой войны, 1936–1939. Белгород, 1999.

²⁹² *Puzzo D.* Spain and Great Powers. 1936–1941. NY, 1961. P. 195.

²⁹³ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 5. Л. 52.

²⁹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 1034. Л. 17.

²⁹⁵ *Малай В. В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М., 2011. С. 27.

²⁹⁶ Там же. С. 23–24.

²⁹⁷ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 6. Л. 56.

²⁹⁸ *Alvarez del Vayo J.* Les batailles de la liberte. Paris, 1963. P. 237.

²⁹⁹ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 6. Л. 57.

³⁰⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

³⁰¹ Цит. по: *Тимошкова О. А.* Международные аспекты гражданской войны в Испании и союзническая политика Великобритании // Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа. С. 81.

³⁰² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1258. Л. 1–20. Иные данные приводит историк Ю. Е. Рыбалкин: 648 самолетов, 347 танков, 60 бронемашин, 1186 орудий, 340 минометов, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок (*Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С. 44.*). Разница, как видим, не принципиальная. Ю. Е. Рыбалкин ссылается на различные источники, включая зарубежную литературу. Подсчеты советских офицеров по отдельным видам вооружений можно считать более точными, потому что они суммировали внутренние данные Генштаба.

³⁰³ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 483. Л. 74.

³⁰⁴ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 278. Л. 218.

³⁰⁵ *Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona, 2007. P. 633.*

³⁰⁶ *Thomas H. The Spanish Civil War. Harmondsworth, 1986. P. 977–978.*

³⁰⁷ *Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С. 18.*

³⁰⁸ Там же. С. 44.

³⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1117. Л. 126.

³¹⁰ Подробнее см.: *Шубин А. В. Великая испанская революция. М., 2012. С. 192–212.*

³¹¹ *Сагамомян А. А. Указ. соч. С. 207.*

³¹² *Garrido L. Las enfrentadas alternativas económicas de anarquistas y comunistas // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.2. P. 310.*

³¹³ *Fraser R. Blood of Spain. L., 1988. P. 235.*

³¹⁴ *Catalan J. Fabricar para la guerra, padecer por el frente: la coyuntura industrial del conflicto armado español // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P. 598.*

³¹⁵ Архив Института социальной истории (Амстердам). Далее ИИШ. Paquete 37, B1, P.115. Также в первой половине 1937 года развернулась добыча марганца (5 тонн в день) с извлечением 78 % полезного вещества (*Javier de Madariaga F. Taradellas y la industria de Guerra de Cataluña (1936–1939). Lleida, 2008. P.24.*).

³¹⁶ АВП. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 62.

³¹⁷ Там же. Л. 25.

³¹⁸ Там же. Л. 62.

³¹⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 275. Л. 21.

³²⁰ АВП. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 65.

³²¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.

³²² АВП. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 62.

³²³ Там же. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 14.

³²⁴ Современный исследователь военного производства в Каталонии Ф. Хавьер де Мадариага, который опирается не на советские, а на каталонские документы, тоже считает, что республиканские силы «смогли достичь максимума в своем военном производстве» (*Javier de Madariaga F. Op. cit. P. 24.*).

- ³²⁵ Thomas H. Op. cit. P. 297.
- ³²⁶ АВП. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 62. Л. 11.
- ³²⁷ Thomas H. Op. cit. P. 940.
- ³²⁸ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 9. Л. 71.
- ³²⁹ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 213–227.
- ³³⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 13.
- ³³¹ Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С. 26; Viñas Á. El escudo de la República. P. 191.
- ³³² РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.
- ³³³ Там же. Д. 306. Л. 10–11.
- ³³⁴ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 15.
- ³³⁵ Thomas H. Op. cit. P. 536.
- ³³⁶ Borkenau F. The Spanish Cockpit. L., 1937. P. 175.
- ³³⁷ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 227–249.
- ³³⁸ Jackson G. The Spanish Republic and the Civil War 1931–1939. Princeton, 1963. P. 283.
- ³³⁹ Thomas H. Op. cit. P. 536.
- ³⁴⁰ Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года); П. Самойлов. Гвадалахара. СПб., 2006. С. 46.
- ³⁴¹ Листер Э. Наша война. М., 1969. С. 96–97.
- ³⁴² Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 262–270.
- ³⁴³ Мораль Ронкаль А. М. Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса Испании // Русский сборник. СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. С. 189.
- ³⁴⁴ Руис Х. Указ. соч. С. 319, 321.
- ³⁴⁵ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 311–325; Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года); П. Самойлов. Гвадалахара. СПб., 2006.
- ³⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 262. Л. 99.
- ³⁴⁷ Историограф ОСПК Ж. Пуигжек пытается «демократизировать» имидж партии и утверждает, что она «по своей идеологии и структуре была далека от коммунизма», но тут же признает: «глубоко просоветские позиции, которые публично отстаивала ОСПК, а также ее прокоммунистическая риторика, немало способствовали тому, чтобы причислить ее к коммунистическому движению» (Пуигжек Фаррас Ж. Советское консульство и коммунистическое движение в Каталонии во время гражданской войны // Русский сборник. СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. С. 247–248). И что же тогда остается в этой партии

«некоммунистического»? Она придерживалась принципов демократического централизма, который формально был принят в компартиях, ее пропаганда была коммунистической и просоветской. Особенностью ОСПК был прежде всего каталонский национализм, то есть партия была национал-коммунистической.

³⁴⁸ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 311–322.

³⁴⁹ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 325–330; Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года); П. Самойлов. Гвадалахара. СПб., 2006.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. М., 1991. Т. 2. С. 38.

³⁵² АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 45–46. Чтобы оправдать ОСПК, историк партии Ж. Пуигжек описывает события «с точностью до наоборот»: «Представители НКТ-ФАИ-ПОУМ заняли барселонскую телефонную станцию, и это событие стало детонатором вооруженного столкновения, когда боевики отказались покупать здание, находящееся под контролем Женералитета» (Пуигжек Ж. Указ. соч. С. 264). Современники событий, включая и Антонова-Овсеенко, сходятся в том, что сторонники Женералитета пытались отобрать станцию у анархистов, а не наоборот. ПОУМ в этом столкновении на станции не участвовала. Я уж не говорю, что «боевикам» никто не предлагал «покупать» станцию, потому что в Каталонии того времени предприятиями не торговали, они находились в распоряжении трудовых коллективов.

³⁵³ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 54.

³⁵⁴ Fraser R. Op. cit. P. 377.

³⁵⁵ The May days. Barcelona 1937. L., 1987. P. 64.

³⁵⁶ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 82.

³⁵⁷ Солано В. Против Франко, против Сталина. Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в Испанской революции и гражданской войне (1936–1939). М., 2013. С. 76–77.

³⁵⁸ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 362–375.

³⁵⁹ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 7. Л. 77.

³⁶⁰ Fraser R. Op. cit. P. 382.

³⁶¹ Оруэлл Д. Указ. соч. С. 54.

³⁶² Историк Ж. Пуигжек комментирует: «Этот результат не имел ничего общего ни с идеей советизации Каталонии, ни с аналогичной идеей в масштабе всей Республики, о чем утверждают некоторые исследователи, рассматривающие майские события как термидор революционного процесса и начало испанской „народной демократии“» (Пуигжек Фаррас Ж. Указ. соч. С. 265). Под «некоторыми исследователями», судя

по ссылке, Ж. Пуигжек имеет в виду меня, хотя я нигде не утверждал, что майские победители собирались советизировать Испанию. Как мы увидим, с «народной демократией» их политика действительно имела гораздо больше общего.

³⁶³ *Largo Caballero F. Mis Recuerdos. Mexico, 1954. P. 218.*

³⁶⁴ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 50.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Коминтерн и Гражданская война в Испании. С. 280–281.

³⁶⁷ Там же. С. 281.

³⁶⁸ IISH. Paquete P61 y 61 a. P.1.1. FAI. Delegación del Comité Peninsular en Valencia. 74 P.1.1. Informe de la crisis y su tramitación. P.1.

³⁶⁹ *Viñas Á. El escudo de la República. P. 553.*

³⁷⁰ IISH. Paquete P 61... P. 1.

³⁷¹ *García Oliver J. El eco de los pasos. Paris, 1978. P. 435.*

³⁷² Оп. cit. P. 436.

³⁷³ *Иббаррури Д. Воспоминания. М., 1988. Т. 1. С. 384.*

³⁷⁴ IISH. Paquete P61... P. 1–2.

³⁷⁵ *Graham H. Socialism and War. The Spanish Socialist Party in Power and Crisis. 1936–1939. Cambridge, 1991. P. 97–98; Viñas Á. El escudo de la República. P. 555–556.*

³⁷⁶ Cit: *Viñas Á. El escudo de la República. P. 560–561.*

³⁷⁷ Подробнее см.: *Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 328–330.*

³⁷⁸ *Ernandes J. Yo fui ministro de Stalin. México. 1953. P. 87.*

³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 284. Л. 10.

³⁸⁰ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 108.

³⁸¹ См.: *Шубин А. В. СССР и страны «народной демократии» // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 386–401.*

³⁸² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1015. Л. 95. Правда, когда в марте 1939 года офицеры действительно об этом «забыли», корпус карабинеров не спас правительство Негрина.

³⁸³ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 82.

³⁸⁴ *Дамье В. В. Забытый интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 2. М., 2007. С. 367.*

³⁸⁵ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 5. Л. 228.

³⁸⁶ Подробнее см.: *Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 433–436.*

³⁸⁷ Цит. по: *Дамье В. В. Указ. соч. С. 387.*

³⁸⁸ *Comín F., López S. Hacienda del gobierno de la República española (1936–1939) // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P. 891.*

³⁸⁹ Коминтерн и Гражданская война в Испании. С. 423.

³⁹⁰ *Fraser R.* Op. cit. P. 235. Теперь Негрин не справлялся и с финансовыми делами. Рост цен в Республике усилился. Если в мае 1937 года пещета составляла 55,4 % от уровня начала войны, то через десять месяцев правления Негрина — 15,3 % (*Sánchez Asaín J. A.* La economía española durante la Guerra Civil: dos modelos enfrentados // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil.* V. 1. P. 452.). Прежние успехи Негрина на поприще министра финансов опирались на полнокровие экономики. Теперь его экономическая политика подрывала это полнокровие.

³⁹¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 240. Л. 379–380.

³⁹² Там же. Д. 471. Л. 14.

³⁹³ См.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. С. 328–330.

³⁹⁴ Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. С. 463–465; Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. М., 2010.

³⁹⁵ Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. С. 465–473.

³⁹⁶ Подробнее см.: там же. С. 473–481.

³⁹⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 503. Л. 22.

³⁹⁸ *Эренбург И. Г.* Указ. соч. С. 647.

³⁹⁹ Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. С. 488–492.

⁴⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 145.

⁴⁰¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 249. Л. 214–215.

⁴⁰² Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 486.

⁴⁰³ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 45–46.

⁴⁰⁴ *Viñas Á.* Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. Los apoyos exteriores en la guerra civil // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil.* V.1. P. 401.

⁴⁰⁵ Op. cit. P. 399.

⁴⁰⁶ Op. cit. P. 407.

⁴⁰⁷ Op. cit. P. 411.

⁴⁰⁸ Op. cit. P. 400.

⁴⁰⁹ Op. cit. P. 405.

⁴¹⁰ Op. cit. P. 371.

⁴¹¹ Op. cit. P. 375.

⁴¹² Op. cit. P. 406.

⁴¹³ Op. cit. P. 409.

⁴¹⁴ *Viñas Á.* El honor de la República. Barcelona, 2009. P. 406.

⁴¹⁵ *Viñas Á.* Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P. 411.

⁴¹⁶ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 490. Л. 2–3.

- ⁴¹⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 240. Л. 384.
- ⁴¹⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–10б.
- ⁴¹⁹ Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. С. 537–539.
- ⁴²⁰ Там же. С. 539–540.
- ⁴²¹ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 441.
- ⁴²² Там же. С. 444–445.
- ⁴²³ *Puzzo D. A.* Spain and the Great Powers, 1936–1941. NY, 1962. P. 148.
- ⁴²⁴ *Рыбалкин Ю.* Указ. соч. С. 98–99.
- ⁴²⁵ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 240. Л. 90–92.
- ⁴²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1259. Л. 7–15.
- ⁴²⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1266. Л. 6.
- ⁴²⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 5.
- ⁴²⁹ Там же. Л. 6–7.
- ⁴³⁰ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П. 104. Д. 43. Л. 28.
- ⁴³¹ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П. 104. Д. 43. Л. 28.
- ⁴³² Cit.: *Viñas Á., Hernández Sánchez F.* El desplome de la República. Barcelona, 2009. P. 360.
- ⁴³³ *Сориа Ж.* Указ. соч. Т. 2. С. 276.
- ⁴³⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1266. Л. 13.
- ⁴³⁵ Цит. по: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 140.
- ⁴³⁶ Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 190–191.
- ⁴³⁷ *Троцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 274–275.
- ⁴³⁸ *Панцов А. В.* Указ. соч. С. 183.
- ⁴³⁹ *Чжан Готао.* Становление коммунистической партии Китая: 1921–1927. Автобиография. М., 1975. С. 517.
- ⁴⁴⁰ См.: История Коммунистического интернационала. Документальные очерки. М., 2002. С. 305.
- ⁴⁴¹ *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 43.
- ⁴⁴² Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову. М., 1995. С. 108.
- ⁴⁴³ Там же. С. 106.
- ⁴⁴⁴ *Мамаева Н. Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. С. 330.
- ⁴⁴⁵ Подробнее см.: *Мамаева Н. Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999; *Панцов А. В.* Указ. соч.; *Шубин А. В.* Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 20–30-х гг. М., 2004. С. 133–150; *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне (1929–1941). С. 19–25.
- ⁴⁴⁶ *Галенвич Ю. М.* Цзян Чжучжэн, или неизвестный Чан Кайши. М., 2000. С. 75.

⁴⁴⁷ Подробнее см.: *Браун О.* Китайские записки. 1932–1939. М., 1974; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. 1931–1937. М., 2003; Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007.

⁴⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 741. Л. 363.

⁴⁴⁹ *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 80–81.

⁴⁵⁰ *Браун О.* Китайские записки. 1932–1939. М., 1974. С. 182–184.

⁴⁵¹ Подробнее см.: *Браун О.* Китайские записки. 1932–1939; Великий поход 1 фронта Китайской рабоче-крестьянской красной армии. Воспоминания. М., 1959; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. 1931–1937. М., 2003; Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007; *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20–40-е гг. М., 1983.

⁴⁵² Цит. по: *Галенович Ю. М.* Цзян Чжунчжэн или неизвестный Чан Кайши. М., 2000. С. 97–98.

⁴⁵³ Там же. С. 98.

⁴⁵⁴ Там же. С. 101.

⁴⁵⁵ *Карнеев А. Н., Козырев В. А., Писарев А. А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949). М., 2005. С. 172–175.

⁴⁵⁶ История Японии. Т. 2. М., 1998. С. 325.

⁴⁵⁷ *Мещеряков А. Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 177.

⁴⁵⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 742. Л. 110.

⁴⁵⁹ *Иссии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 89.

⁴⁶⁰ Цит.: *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 205.

⁴⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 743. Л. 82.

⁴⁶² Там же. Л. 163.

⁴⁶³ Там же. Л. 98.

⁴⁶⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 742. Л. 116.

⁴⁶⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 743. Л. 69.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 70.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 106.

⁴⁶⁸ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 183.

⁴⁶⁹ Там же. С. 184.

⁴⁷⁰ *Мазуров И. В.* Японский фашизм. Теоретический анализ политической жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны. М., 1996. С. 89–90.

⁴⁷¹ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 238.

⁴⁷² Там же. С. 240–243.

⁴⁷³ Там же. С. 102.

⁴⁷⁴ История Японии. Т. 2. С. 359.

⁴⁷⁵ *Мазуров И. В.* Указ. соч. С. 81.

⁴⁷⁶ История Японии. Т. 2. С. 367.

⁴⁷⁷ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 251–253.

⁴⁷⁸ Цит. по: История Коммунистического интернационала. С. 320.

⁴⁷⁹ Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 95.

⁴⁸⁰ Там же. С. 97.

⁴⁸¹ Сам Чан Кайши впоследствии утверждал, что представители ГМД и КПК достигли соглашения на переговорах в Нанкине, которое оставалось только утвердить (Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 97). Однако прокоммунистические авторы настаивают, что договоренности достичь не удалось, и Чан приказал напасть на коммунистов, чтобы покончить с ними до начала войны с Японией (Юрьев М. Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20–40-е гг. М., 1983. С. 189).

⁴⁸² Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 98; Юрьев М. Ф. Указ. соч. С. 189.

⁴⁸³ Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 104–105.

⁴⁸⁴ Цит. по: История Коммунистического интернационала. С. 327.

⁴⁸⁵ Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 92.

⁴⁸⁶ Войтковск Я. Японский фактор в политике СССР и Германии в конце 1938 — начале 1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 331.

⁴⁸⁷ Дубинский А. М. Советско-китайские отношения 1937–1945 гг. М., 1980. С. 67.

⁴⁸⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 994. Л. 2.

⁴⁸⁹ В документе указан 1934 год, но из контекста видно, что это опечатка.

⁴⁹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 628. Л. 9.

⁴⁹¹ Там же. Л. 10.

⁴⁹² Там же. Л. 12.

⁴⁹³ Там же. Л. 14.

⁴⁹⁴ Цзян Чжунчжэн. Указ. соч. С. 117.

⁴⁹⁵ Мещеряков А. Н. Указ. соч. С. 284–285.

⁴⁹⁶ Там же. С. 267.

⁴⁹⁷ Там же. С. 277.

⁴⁹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 988. Л. 17.

⁴⁹⁹ Зимонин В. П. Военно-дипломатическая предыстория хасанских событий в документах Архива внешней политики МИД РФ // Военный конфликт у озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. Сборник докладов, сообщений и документальных материалов. М., 2003. С. 89.

⁵⁰⁰ Дубинский А. М. Указ. соч. С. 102.

⁵⁰¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1258. Л. 14.

⁵⁰² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 628. Л. 23.

⁵⁰³ Там же. Л. 22.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 23.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 26.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 27.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 29.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 31.

⁵¹⁰ Там же. Д. 1258. Л. 13.

⁵¹¹ Там же. Л. 13–17.

⁵¹² Дубинский А. М. Указ. соч. С. 92.

⁵¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 628. Л. 36.

⁵¹⁴ В ходе конфликта советская сторона стала это оспаривать, ссылаясь на российско-китайский протокол 1886 года. Однако, как констатирует современный историк К. Е. Черевко, «по русско-китайскому Хунчуньскому протоколу 1886 г., даже в той интерпретации, которую ему давала советская сторона, нашей стране принадлежала только восточная половина сопок (высот) Заозерная и Безымьянная, а советские пограничники заняли их вершины целиком» (Черевко К. Е. Советско-японский конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. // Военный конфликт у озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. М., 2003. С. 157).

⁵¹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1084. Л. 41.

⁵¹⁶ Там же. Л. 42.

⁵¹⁷ Там же. Л. 2

⁵¹⁸ Там же. Л. 7–8.

⁵¹⁹ Там же. Л. 37.

⁵²⁰ Там же. Л. 38.

⁵²¹ Там же.

⁵²² См.: Черевко К. Е. Указ. соч. С. 158–159.

⁵²³ Там же. С. 158.

⁵²⁴ Кольтюков А. А. Вооруженный конфликт у озера Хасан: взгляд из XXI века // Военный конфликт у озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. С. 16.

⁵²⁵ Цит. по: Черевко К. Е. Указ. соч. С. 163.

⁵²⁶ Цит. по: Кольтюков А. А. Указ. соч. С. 9.

⁵²⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1084. Л. 40.

⁵²⁸ Цит. по: Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 131.

⁵²⁹ См.: Кириченко А. А. На далеком озере Хасан // Московская правда. 11 августа 1998; Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000. С. 51–66.

⁵³⁰ Подробнее см.: Соколов Б. Неизвестный Жуков. Портрет без ретуши. Минск, 2000. С. 117–153; Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М., 2001. С. 95–142.

⁵³¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 а. Д. 1207. Л. 11–13.

⁵³² Джордан В. М. Указ. соч. С. 107.

⁵³³ Овсяный И. Д. Указ. соч. С. 34.

⁵³⁴ Джордан В. М. Указ. соч. С. 243.

⁵³⁵ Назар С. Указ. соч. С. 473.

⁵³⁶ См., например: *Charmley J. Chamberlain and the Lost Peace*. L., 1990.

⁵³⁷ Чиано Г. Указ. соч. С. 23–24.

⁵³⁸ Ширер У. Указ. Соч. С. 335.

⁵³⁹ Джордан В. М. Указ. соч. С. 284.

⁵⁴⁰ Ширер У. Указ. соч. С. 335.

⁵⁴¹ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 100.

⁵⁴² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. М., 1948. С. 15–16.

⁵⁴³ Там же. С. 33.

⁵⁴⁴ Там же. С. 17–20.

⁵⁴⁵ Там же. С. 23–36.

⁵⁴⁶ Там же. С. 36, 45.

⁵⁴⁷ Там же. С. 60.

⁵⁴⁸ Там же. С. 61–70.

⁵⁴⁹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М., 1988. С. 212–220.

⁵⁵⁰ Цит. по: Жерко С. Польша и Судетский кризис 1938 г. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 172.

⁵⁵¹ Корнат М. Польская концепция «Междуморья» в 1937–1938 гг.: политический миф и историческая реальность // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 81.

⁵⁵² См.: Абрамов Н. А., Безыменский Л. А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156; Случ С. З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Сталин и немцы: Новые исследования. М., 2009. По мнению С. З. Случа, «устойчиво хорошие отношения с Берлином были для Кремля предпочтительнее всех прочих комбинаций» (С. 106). Речь, очевидно, идет о нацистском режиме, который С. З. Случ считает «родственным» сталинскому (С. 95). Но С. З. Случ не приводит доказательств, что Сталин уже в середине тридцатых годов предпочитал хорошие отношения с Гитлером хорошим отношениям, например, с Францией. Сталин играл на разных досках, советские и германские военнослужащие воевали по разные стороны линии фронта в Испании. Миссия Канделаки могла служить разным тактическим задачам. Сталин мог, например, использовать карту советско-германских контактов для давления на Францию (С. З. Случ признает возможность симметричной игры Гитлера). Не говоря о стремлении СССР сохранять экономические связи с Германией, чему препятствовало замораживание политических отношений. Конечно, Сталин предпочел бы иметь хорошие отношения с Берлином. Только желательно без Гитлера.

⁵⁵³ Мацкевич С. Указ. соч. С. 155.

⁵⁵⁴ Цит. по: *Полтавский М. А.* Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971. С. 10. Слово «империя» в цитате означает государство, а не монархию.

⁵⁵⁵ Там же. С. 20.

⁵⁵⁶ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 364.

⁵⁵⁷ Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 121.

⁵⁵⁸ *Полтавский М. А.* Указ. соч. С. 64.

⁵⁵⁹ *Мацкевич С.* Указ. соч. С. 158.

⁵⁶⁰ *Полтавский М. А.* Указ. соч. С. 65.

⁵⁶¹ Цит. по: *Полтавский М. А.* Указ. соч. С. 69.

⁵⁶² Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 370

⁵⁶³ *Полтавский М. А.* Указ. соч. С. 67.

⁵⁶⁴ Цит. по: *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 198–199.

⁵⁶⁵ *Наумов А. О.* Указ. соч. С. 201.

⁵⁶⁶ Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 123.

⁵⁶⁷ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 93–94.

⁵⁶⁸ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 381

⁵⁶⁹ *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М., 2005. С. 57–58.

⁵⁷⁰ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 385.

⁵⁷¹ Цит. по: *Полтавский М. А.* Указ. соч. С. 115.

⁵⁷² *Жерко С.* Указ. соч. С. 171–172.

⁵⁷³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1147. Л. 11.

⁵⁷⁴ *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 117.

⁵⁷⁵ Там же. С. 117.

⁵⁷⁶ Там же. С. 117–118.

⁵⁷⁷ Там же. С. 118.

⁵⁷⁸ Там же. С. 115.

⁵⁷⁹ Там же. С. 122.

⁵⁸⁰ Цит. по: *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 116.

⁵⁸¹ *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 119.

⁵⁸² Работы С. З. Случа содержат богатый архивный материал, но вот с его трактовкой приводимых цитат можно согласиться далеко не всегда. Так, например, приводя указание Литвинова Александровскому «не напрашиваться» на обсуждение военных вопросов штабами Франции, Че-

хословакии и СССР, С. 3. Случ делает вывод: «И здесь, как и в ряде других уже упоминавшихся документов, налицо стремление сталинского руководства не участвовать в каких-либо конкретных действиях, связанных с углублявшимся чехословацким кризисом» (С. 129). Но в этом документе, как и «в ряде других», цитировавшихся С. 3. Случем, ничего не говорится о нежелании участвовать в конкретных мероприятиях. СССР уже 17 марта сообщил о своей готовности участвовать в мероприятиях по коллективной защите Чехословакии и таким образом переправил мяч на сторону Франции, откуда не последовало согласия на созыв конференции по обсуждению этих конкретных мероприятий. Советская инициатива начать переговоры трех штабов тоже не вызвала согласия Парижа. В этих условиях вполне понятно было решение Москвы больше «не напрашиваться». Но в том же документе Литвинов дает Александровскому вполне конкретное указание подтверждать готовность СССР к обсуждению военных мероприятий на переговорах трех штабов.

⁵⁸³ Случ С. 3. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 122.

⁵⁸⁴ Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 127.

⁵⁸⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 128.

⁵⁸⁶ Cit: Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946. P. 127.

⁵⁸⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 867. Л. 266.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 268.

⁵⁸⁹ Там же. Д. 1144. Л. 11.

⁵⁹⁰ Там же. Д. 867. Л. 50.

⁵⁹¹ Там же. Л. 55.

⁵⁹² Там же. Л. 57.

⁵⁹³ Там же. Д. 880. Л. 38.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 70–71.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 71.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 175.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 178.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 148.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 150.

⁶⁰¹ Там же. Л. 149.

⁶⁰² Там же. Л. 111, 137.

⁶⁰³ Цит. по: Случ С. 3. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 118.

⁶⁰⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 100–101.

⁶⁰⁵ Там же. С. 124.

⁶⁰⁶ Ширер У. Указ. соч. С. 400.

⁶⁰⁷ Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 129.

- ⁶⁰⁸ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1938. М., 1979. С. 107.
- ⁶⁰⁹ Царуски Ю. Немецкое сопротивление Гитлеру накануне и после Мюнхенской конференции // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 110–112.
- ⁶¹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 133.
- ⁶¹¹ Там же. Л. 150.
- ⁶¹² Там же. Л. 151.
- ⁶¹³ Там же. Л. 133–135.
- ⁶¹⁴ Там же. Л. 136.
- ⁶¹⁵ Там же. Л. 151.
- ⁶¹⁶ Там же. Л. 152.
- ⁶¹⁷ См.: Наумов А. О. Указ. соч. С. 283–285.
- ⁶¹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 152.
- ⁶¹⁹ Там же. Л. 116.
- ⁶²⁰ Там же. Л. 123.
- ⁶²¹ Там же. Л. 116.
- ⁶²² Жерко С. Указ. соч. С. 170–171.
- ⁶²³ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 126.
- ⁶²⁴ Там же. Л. 127.
- ⁶²⁵ Там же. Л. 128.
- ⁶²⁶ Там же. Л. 246.
- ⁶²⁷ Там же. Л. 167.
- ⁶²⁸ Там же. Л. 118.
- ⁶²⁹ Там же. Д. 1146. Л. 127.
- ⁶³⁰ Там же.
- ⁶³¹ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 134.
- ⁶³² Документы по истории Мюнхенского сговора. С. 107.
- ⁶³³ Наумов А. О. Указ. соч. С. 290.
- ⁶³⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 230–231.
- ⁶³⁵ Там же. С. 228.
- ⁶³⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 234.
- ⁶³⁷ Там же. Л. 237.
- ⁶³⁸ Там же.
- ⁶³⁹ Там же. Л. 256.
- ⁶⁴⁰ Там же. Л. 265.
- ⁶⁴¹ Цит. по: Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 122.
- ⁶⁴² Там же. С. 127.
- ⁶⁴³ Там же. С. 132.
- ⁶⁴⁴ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. М., 2006. Кн. 1. С. 250.

⁶⁴⁵ Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 121–122.

⁶⁴⁶ В 1939 году во время переговоров с Великобританией и Францией, когда вопрос встал в практическую плоскость, советский Генштаб оперативно подготовил план движения советских войск. Но в 1938 году с СССР практические военные переговоры не велись ни Францией, ни Румынией.

⁶⁴⁷ Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 125, 129.

⁶⁴⁸ Там же. С. 125, 135. Характерно, что Бенеш сначала вообще доверял французскому генштабу право обсуждать военные планы и за Чехословакию. Вот только французы не спешили вступать в конкретные военные переговоры с СССР. После майского кризиса Боннэ сообщил чехословацкому послу Оусускому, что такие переговоры нецелесообразны, поскольку Великобритания и Франция и так успешно справляются с ситуацией (Наумов А. О. Указ. соч. С. 287).

⁶⁴⁹ Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 135.

⁶⁵⁰ Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. Т. 2. С. 91.

⁶⁵¹ Документы по истории Мюнхенского сговора. С. 122.

⁶⁵² Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 417.

⁶⁵³ Черчилль У. Указ. соч. С. 136.

⁶⁵⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 229.

⁶⁵⁵ Цит. по: Кретицин С. В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000. С. 166.

⁶⁵⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 192, 196.

⁶⁵⁷ Соратник Генлейна судетский нацист Карл Густав Франк.

⁶⁵⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 230.

⁶⁵⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 234.

⁶⁶⁰ Там же. С. 235–236.

⁶⁶¹ Цит. по: Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 510.

⁶⁶² Ширер У. Указ. соч. С. 422.

⁶⁶³ Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. С. 138.

⁶⁶⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 203.

⁶⁶⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 139.

⁶⁶⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 220–222.

⁶⁶⁷ Там же. С. 224–225.

⁶⁶⁸ Там же. С. 239–240.

⁶⁶⁹ Мацкевич 172–175, Волос 35–38.

⁶⁷⁰ *Риббентроп И.* «Это был великий человек!» // Завещание Гитлера. М., 1991. С.18.

⁶⁷¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 250.

⁶⁷² Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 432

⁶⁷³ Документы по истории Мюнхенского сговора. С. 284.

⁶⁷⁴ Там же. С. 148.

⁶⁷⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 330.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 367.

⁶⁷⁷ *Мельтюхов М. И.* Красная армия в условиях нарастания международного кризиса 1938–1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 226–231. Интересно, что министр иностранных дел Польши Бек утверждал: «Москва начала... поговаривать о необходимости перехода войск через восточную Малую Польшу, чтобы иметь возможность оказать помощь чехам. Однако в то же время самые старательные наблюдатели за СССР не обнаружили признаков того, что Москва ведет хоть какие-то приготовления к этой интервенции» (цит. по: *Волос М.* Внешняя политика СССР в 1938–1939 годах // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 192). В дальнейшем польские «старательные наблюдатели» и сам Бек также будут недооценивать угрозу вторжения со стороны Германии.

⁶⁷⁸ Цит.: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 142.

⁶⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 354.

⁶⁸⁰ *Ширер У.* Указ. соч. С.463.

⁶⁸¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 289.

⁶⁸² Там же. Л. 291.

⁶⁸³ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 1999. С. 97.

⁶⁸⁴ Там же. С. 100.

⁶⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 520; Вестник Архива Президента Российской Федерации: СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 24.

⁶⁸⁶ *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 142.

⁶⁸⁷ См.: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 167–172.

⁶⁸⁸ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 129.

⁶⁸⁹ *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. С. 138.

⁶⁹⁰ *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 173.

⁶⁹¹ С. 3. Случ показывает, что мобилизационные мероприятия и маневры Красной армии обосновывались тем, что польская армия концентрирует войска у советских границ, а немцы поводят мобилизацию в Восточной Пруссии, и делает из этого вывод, что «они не имели прямого отношения к приписываемому советскому руководству намерениям оказать помощь Чехословакии в сентябре 1938 г.» (С. 139–140). Милое дело — Германия и Польша концентрируют войска против Чехословакии, СССР — против Польши и в связи с мобилизацией в Германии (о чем прямо сказано в документе). И все это «не имеет прямого отношения»?

⁶⁹² Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 246–247.

⁶⁹³ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 440.

⁶⁹⁴ Там же. С. 440.

⁶⁹⁵ Там же. С. 486.

⁶⁹⁶ Там же. С. 451

⁶⁹⁷ Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 144.

⁶⁹⁸ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 451.

⁶⁹⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 273–274. Беседа передается по информации германской делегации в МИД.

⁷⁰⁰ Там же. С. 278.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же. С. 280.

⁷⁰³ Там же. С. 282–283.

⁷⁰⁴ Там же. С. 287–293.

⁷⁰⁵ Там же. С. 294.

⁷⁰⁶ Там же. С. 312–314.

⁷⁰⁷ Там же. С. 457.

⁷⁰⁸ Цит. по: *Эмери А.* Указ. соч. С. 532.

⁷⁰⁹ *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 232.

⁷¹⁰ *Черчилль У.* Указ соч. С. 146.

⁷¹¹ Там же. С. 148.

⁷¹² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 318.

⁷¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 392.

⁷¹⁴ *Ширер У.* Указ. соч. С. 458.

⁷¹⁵ *Мацкевич С.* Указ. соч. С. 179.

⁷¹⁶ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 147.

⁷¹⁷ *Ширер У.* Указ. соч. С. 459.

⁷¹⁸ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 459.

⁷¹⁹ Там же. С. 461.

⁷²⁰ Там же. С. 464.

⁷²¹ Случ С. З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР*. М., 2006. С. 61.

⁷²² Грамль Х. Стратегия Гитлера в 1939–1941 гг. // *Трагедия Европы 1939–1941 гг. Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений*. Мюнхен, 2013. С. 1.

⁷²³ Цит. по: Смирнов В. П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссия российских историков // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. М., 2009. С. 23.

⁷²⁴ Первый среди равных.

⁷²⁵ Сугу Ж.-А. Политика Франции накануне второй мировой войны // *Трагедия Европы 1939–1941*. С. 75.

⁷²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1226. Л. 164.

⁷²⁷ Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 481.

⁷²⁸ Там же. С. 482.

⁷²⁹ Там же. С. 483.

⁷³⁰ Кеттенаккер Л. Великобритания: объявление войны как дело чести // *Трагедия Европы 1939–1945*. С. 87.

⁷³¹ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 114.

⁷³² Commons Sitings in 1939. CZECHO-SLOVAKIA. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1939/mar/15/czecho-slovakia-1#S5CV0345P0_19390315_НОС_303

⁷³³ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 564.

⁷³⁴ Бруски Я. Я. Украинский вопрос в польской внешней политике (октябрь 1938 г. — март 1939 г.) // *Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность*. С. 314.

⁷³⁵ Бруски Я. Я. Указ. соч. С. 316.

⁷³⁶ Там же. С. 315.

⁷³⁷ Там же. С. 317.

⁷³⁸ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 201.

⁷³⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 658.

⁷⁴⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1155. Л. 76.

⁷⁴¹ Ширер У. Там же. С. 464.

⁷⁴² Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. С. 318.

⁷⁴³ Цит. по: Смирнов В. П. Указ. соч. С. 22.

⁷⁴⁴ Обичкина Е. О. 1938–1939 годы: французская дипломатия от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. С. 250.

⁷⁴⁵ Вестник Архива Президента РФ. СССР — Германия 1933–1941 гг. М., 2009. С. 163.

^{746 1941} год. М., 1998. Кн. 2. С. 558.

⁷⁴⁷ Там же. С. 325.

⁷⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1226. Л. 216.

⁷⁴⁹ Цит. по: Бруски Я. Я. Указ. соч. С. 324.

⁷⁵⁰ Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 315.

⁷⁵¹ Цит. по: Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 323.

⁷⁵² Там же.

⁷⁵³ Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 314.

⁷⁵⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1226. Л. 73.

⁷⁵⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1226. Л. 75.

⁷⁵⁶ Хотя в польской военно-политической элите были сторонники «активной политики», направленной против СССР, в 1939 году их влияние не было преобладающим (подробнее см.: Бруски Я. Я. Указ. соч. С. 326–327).

⁷⁵⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1226. Л. 74.

⁷⁵⁸ Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 333.

⁷⁵⁹ Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 358–359.

⁷⁶⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1147. Л. 138.

⁷⁶¹ Там же. Л. 158.

⁷⁶² Там же. Л. 182.

⁷⁶³ Там же. Л. 185.

⁷⁶⁴ Там же. Л. 188.

⁷⁶⁵ Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 321. Сам С. З. Случ считает переговоры с Польшей средством давления на Германию, но очевидно, что спектр задач советской дипломатии был шире. В условиях угрозы германо-польского «решения украинского вопроса» нормализация отношений с Польшей способствовала безопасности границ СССР. И если уж переговоры могли содействовать давлению на Герма-

нию, то также и на более западных партнеров СССР, которые также не забывали о важности польского фактора в европейской политике.

⁷⁶⁶ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 109.

⁷⁶⁷ Цит. по: *Корнат М.* Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 366.

⁷⁶⁸ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 201.

⁷⁶⁹ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992. С. 74.

⁷⁷⁰ *Жерко С.* Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 127.

⁷⁷¹ *Случ С. З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 328

⁷⁷² Там же.

⁷⁷³ *Жерко С.* Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 126.

⁷⁷⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1226. Л. 208.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 210.

⁷⁷⁶ *Мельтюхов М. И.* Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 года // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 163.

⁷⁷⁷ *Мацкевич С.* Указ. соч. С. 208.

⁷⁷⁸ Там же. С. 195.

⁷⁷⁹ *Проэктор Д. М.* Указ. соч. С. 206.

⁷⁸⁰ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 192.

⁷⁸¹ *Ширер У.* Указ. соч. С. 494.

⁷⁸² Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 53.

⁷⁸³ Там же. С. 111.

⁷⁸⁴ Там же.

⁷⁸⁵ *Случ С. З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз. С. 64.

⁷⁸⁶ *Жерко С.* Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 138.

⁷⁸⁷ Цит. по: *Случ С. З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 333

⁷⁸⁸ Цит. по *Ширер У.* Указ. соч. С. 508.

- ⁷⁸⁹ Ерещенко М. Д. Королевская диктатура в Румынии 1938–1940 гг. М., 1979.
- ⁷⁹⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 385–386.
- ⁷⁹¹ Мельтюхов М. И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006. С. 230.
- ⁷⁹² Там же. С. 232–233, 236, 238.
- ⁷⁹³ Чиано Г. Указ. соч. С. 61.
- ⁷⁹⁴ Там же. С. 64.
- ⁷⁹⁵ Там же. С. 69.
- ⁷⁹⁶ Там же. С. 83.
- ⁷⁹⁷ Там же. С. 55.
- ⁷⁹⁸ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 76.
- ⁷⁹⁹ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 112.
- ⁸⁰⁰ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 569.
- ⁸⁰¹ Там же. С. 570.
- ⁸⁰² Другая война. 1939–1945. М., 1996. С. 40.
- ⁸⁰³ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 20.
- ⁸⁰⁴ Там же. С. 21.
- ⁸⁰⁵ Там же. С. 60.
- ⁸⁰⁶ Швендеман Х. Экономическое сотрудничество между Германским рейхом и Советским Союзом в 1939–1941 гг. // Трагедия Европы 1939–1941 гг. С. 163.
- ⁸⁰⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 43–47.
- ⁸⁰⁸ Цит. по: Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941. М., 1991. С. 46–47.
- ⁸⁰⁹ Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 325.
- ⁸¹⁰ Хотя некоторые взаимные любезности продолжались. Советские власти в январе выпустили из заключения ряд немецких граждан, арестованных, когда началась советско-германская конфронтация в Испании, осенью 1936 года. В ответ на их освобождение в конце января 1939 года германское посольство выразило «особое удовлетворение» (Случ С. З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Сталин и немцы: Новые исследования. С. 99).
- ⁸¹¹ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 125.
- ⁸¹² Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 283.
- ⁸¹³ Черчилль У. Указ. соч. С. 165.
- ⁸¹⁴ Feiling K. Op. cit. P. 406.
- ⁸¹⁵ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 11.

- ⁸¹⁶ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 64.
- ⁸¹⁷ Смирнов В. П. Указ. соч. С. 30.
- ⁸¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 292–293.
- ⁸¹⁹ Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 125.
- ⁸²⁰ Там же. С. 127.
- ⁸²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1242. Л. 56.
- ⁸²² Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 363.
- ⁸²³ Черчилль У. Указ. соч. С. 166.
- ⁸²⁴ Случ С. З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз. С. 71, 73.
- ⁸²⁵ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 13.
- ⁸²⁶ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 142.
- ⁸²⁷ Случ С. З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз. С. 71.
- ⁸²⁸ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 192.
- ⁸²⁹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 14.
- ⁸³⁰ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 66.
- ⁸³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 386–387.
- ⁸³² Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 163.
- ⁸³³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 373.
- ⁸³⁴ Там же. Л. 374.
- ⁸³⁵ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 162.
- ⁸³⁶ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 19.
- ⁸³⁷ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 189.
- ^{838 1939} Предвоенный кризис в документах. С. 77.
- ⁸³⁹ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 160.
- ⁸⁴⁰ Цит. по: Капитонова Н. К. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа — Молотова (от «умиротворения» к политике гарантий) // 1939. С. 211.
- ⁸⁴¹ Капитонова Н. К. Указ. соч. С. 226.
- ^{842 1939} Предвоенный кризис в документах. С. 87.
- ⁸⁴³ Там же. С. 13.
- ⁸⁴⁴ Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 537.
- ⁸⁴⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 гг. М., 2008. С. 27.
- ⁸⁴⁶ Там же.
- ⁸⁴⁷ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 73.

⁸⁴⁸ *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 28.

⁸⁴⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 133.

⁸⁵⁰ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 83.

⁸⁵¹ Там же. С. 17.

⁸⁵² Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 202.

⁸⁵³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 140.

⁸⁵⁴ *Суту Ж.-А.* Указ. соч. С. 77.

⁸⁵⁵ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 538.

⁸⁵⁶ *Ширер У.* Указ. соч. С. 538.

⁸⁵⁷ См.: *Сиполс В.* Указ. соч. С. 58–59; *Розанов Г.* Указ. соч. С. 56–57.

⁸⁵⁸ *Сиполс В.* Указ. соч. С. 61.

⁸⁵⁹ Цит. по: *Сиполс В.* Указ. соч. С. 61.

⁸⁶⁰ *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 190.

⁸⁶¹ *Случ С. З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 337.

⁸⁶² Там же. С. 338.

⁸⁶³ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 21.

⁸⁶⁴ Там же. С. 22, 24.

⁸⁶⁵ Там же. С. 22.

⁸⁶⁶ Год кризиса. 1938–1939. М., 1990. Т. 2. С. 139–140.

⁸⁶⁷ Там же. С. 145.

⁸⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 397.

⁸⁶⁹ Там же. Л. 397–398.

⁸⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 568.

⁸⁷¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 398.

⁸⁷² Там же. Л. 399.

⁸⁷³ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 27.

⁸⁷⁴ Там же. С. 28.

⁸⁷⁵ Там же.

⁸⁷⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 401.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 402.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 404.

⁸⁷⁹ Год кризиса. Т. 2. С. 177.

⁸⁸⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 392.

⁸⁸¹ Там же. Л. 392–393.

⁸⁸² Там же. Л. 394–395; Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 586.

- ⁸⁸³ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 194.
- ⁸⁸⁴ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 177.
- ⁸⁸⁵ *Случ С. З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 343.
- ⁸⁸⁶ Там же. С. 345.
- ⁸⁸⁷ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). С. 245.
- ⁸⁸⁸ Там же. С. 246.
- ⁸⁸⁹ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 163.
- ⁸⁹⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 207.
- ⁸⁹¹ Цит. по: *Корнат М.* Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 374.
- ⁸⁹² Там же. С. 376.
- ⁸⁹³ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 81.
- ⁸⁹⁴ Там же. С. 20.
- ⁸⁹⁵ Там же. С. 19.
- ⁸⁹⁶ Цит. по: *Сиполс В.* Указ соч. С. 79.
- ⁸⁹⁷ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 177–178.
- ⁸⁹⁸ *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 169.
- ⁸⁹⁹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 29.
- ⁹⁰⁰ Там же. С. 37.
- ⁹⁰¹ Там же. С. 40–41.
- ⁹⁰² Там же. С. 44.
- ⁹⁰³ Там же. С. 46–47.
- ⁹⁰⁴ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 270.
- ⁹⁰⁵ *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 262.
- ⁹⁰⁶ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 48.
- ⁹⁰⁷ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 37.
- ⁹⁰⁸ Там же. С. 43.
- ⁹⁰⁹ Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 178.
- ⁹¹⁰ *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 27.
- ⁹¹¹ Цит. по: *Корнат М.* Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 377.

⁹¹² СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 56.

⁹¹³ Там же. С. 56–57.

⁹¹⁴ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 170.

⁹¹⁵ «Правда». 24 августа 1939 г.

⁹¹⁶ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 280.

⁹¹⁷ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 62.

⁹¹⁸ Там же. С. 63–64.

⁹¹⁹ Там же. С. 64.

⁹²⁰ Там же. С. 67.

⁹²¹ Там же. С. 65.

⁹²² Там же. С. 68.

⁹²³ Там же. С. 69.

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ «Правда». 1 сентября 1939 г.

⁹²⁶ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 315.

⁹²⁷ *Сиполс В.* Указ. соч. С. 105.

⁹²⁸ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 167.

⁹²⁹ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 179.

⁹³⁰ *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 27.

⁹³¹ *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 398–399.

⁹³² *Сиполс В.* Указ. соч. С. 102.

⁹³³ *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 57.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ *Волос М.* Внешняя политика СССР в 1938–1939 годах // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков.* С. 203.

⁹³⁶ *Чиано Г.* Указ. соч. С. 143.

⁹³⁷ Там же. С. 149.

⁹³⁸ Там же. С. 150.

⁹³⁹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 70.

⁹⁴⁰ Там же. С. 72.

⁹⁴¹ Там же.

⁹⁴² *Чиано Г.* Указ. соч. С. 161.

⁹⁴³ *Кеттенаккер Л.* Великобритания: объявление войны как дело чести // *Трагедия Европы 1939–1945 гг.* С. 83.

⁹⁴⁴ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939–1941. М., 2011. С. 183.

⁹⁴⁵ Цит. по: *Сиполс В.* Указ. соч. С. 103.

- ⁹⁴⁶ Цит. по: Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 193.
- ⁹⁴⁷ Тебинка Я. Внешняя политика Великобритании и Франции: от «умиротворения» к «сдерживанию» // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 297.
- ⁹⁴⁸ Цит. по: Черчилль У. Указ соч. С. 182.
- ⁹⁴⁹ Кантор Ю. З., Волос М. Треугольник Москва — Варшава — Берлин. СПб., 2011. С. 192.
- ⁹⁵⁰ Цит. по: Кеттенаккер Л. Указ. соч. С. 82.
- ⁹⁵¹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 40–41.
- ⁹⁵² Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. С. 504–535.
- ⁹⁵³ История войн. Т. 3. М., Ростов-на-Дону, 1997. С. 70.
- ⁹⁵⁴ Ширер У. Указ. соч. Т. 2. С. 3.
- ⁹⁵⁵ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 226.
- ⁹⁵⁶ Там же. С. 236.
- ⁹⁵⁷ Там же. С. 254.
- ⁹⁵⁸ Цит. по: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 243.
- ⁹⁵⁹ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 215.
- ⁹⁶⁰ Цит. по: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 247.
- ⁹⁶¹ Случ С. З. Зачем Гитлеру нужен был пакт о ненападении с СССР? // Трагедия Европы 1939–1941 гг. Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. С. 53.
- ⁹⁶² «Правда», 1 ноября 1939.
- ⁹⁶³ Цит. по: Малафеев К. А. Указ. соч. С. 108.
- ⁹⁶⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 175.
- ⁹⁶⁵ Там же. С. 218–219.
- ⁹⁶⁶ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 584.
- ⁹⁶⁷ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М., 1994. С. 88–89.
- ⁹⁶⁸ Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического интернационала. Шифропереписка. М., 2011. С. 282.
- ⁹⁶⁹ Вестник Архива президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941. М., 2009. С. 215.
- ⁹⁷⁰ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 86.
- ⁹⁷¹ Там же. С. 87.
- ⁹⁷² Там же.
- ⁹⁷³ «Правда», 14 сентября 1939.
- ⁹⁷⁴ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 80.
- ⁹⁷⁵ «Правда», 18 сентября 1939.
- ⁹⁷⁶ Там же.

⁹⁷⁷ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 86.

⁹⁷⁸ Лебедева Н. С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 425. По другим данным — более 400 тыс. (Войтковьяк Я. Советско-польский вооруженный конфликт в сентябре 1939 г. // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 463).

⁹⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1201. Л. 1.

⁹⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁹⁸¹ Катынь: Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997. С. 65.

⁹⁸² Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 70.

⁹⁸³ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 404, 430.

⁹⁸⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1201. Л. 26.

⁹⁸⁵ Там же. Л. 76.

⁹⁸⁶ Там же. Л. 212.

⁹⁸⁷ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 433.

⁹⁸⁸ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 322.

⁹⁸⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1201. Л. 158.

⁹⁹⁰ Там же. Л. 167.

⁹⁹¹ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 441.

⁹⁹² Войтковьяк Я. Указ. соч. С. 475.

⁹⁹³ «Правда». 19 сентября 1939.

⁹⁹⁴ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 66.

⁹⁹⁵ Там же. С. 68.

⁹⁹⁶ Там же. С. 61.

⁹⁹⁷ «Правда». 29 сентября 1939.

⁹⁹⁸ «Правда». 31 сентября 1939.

⁹⁹⁹ «Правда». 1 ноября 1939.

¹⁰⁰⁰ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 131.

¹⁰⁰¹ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 444.

¹⁰⁰² Случ С. З. Зачем Гитлеру нужен был пакт о ненападении с СССР? // Трагедия Европы 1939–1941 гг. Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. С. 53.

¹⁰⁰³ Вестник Архива президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941. С. 223.

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 229.

¹⁰⁰⁵ Вестник Архива президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941. С. 229.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. 263.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 264–265.

¹⁰⁰⁸ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 110–115.

- ¹⁰⁰⁹ Там же. С. 115–118.
- ¹⁰¹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1294. Л. 252–253.
- ¹⁰¹¹ Там же. Л. 251.
- ¹⁰¹² Там же.
- ¹⁰¹³ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁰¹⁴ Там же. С. 121.
- ¹⁰¹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1294. Л. 256.
- ¹⁰¹⁶ Там же. Л. 250.
- ¹⁰¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1305. Л. 96.
- ¹⁰¹⁸ Там же. Л. 98.
- ¹⁰¹⁹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁰²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 85.
- ¹⁰²¹ Стродс Х. Взаимные стратегические поставки СССР и Германии (1939 — первая половина 1941 года) // Трагедия Европы 1939–1941 гг. Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. С. 223–225.
- ¹⁰²² Швендеман Х. Указ. соч. С. 162.
- ¹⁰²³ Случ С. З. Зачем Гитлеру нужен был пакт о ненападении с СССР? // Трагедия Европы 1939–1941 гг. Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. С. 55.
- ¹⁰²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 584–585.
- ¹⁰²⁵ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). М., 2015. С. 507.
- ¹⁰²⁶ См., например: СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. М., 2006. С. 473.
- ¹⁰²⁷ Рудис Г. Формирование авторитарного режима Антанаса Смятоны // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 147.
- ¹⁰²⁸ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 38.
- ¹⁰²⁹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 471.
- ¹⁰³⁰ Рудис Г. Формирование авторитарного режима Антанаса Смятоны // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 148.
- ¹⁰³¹ Мачулис Д. Практика легитимации авторитарного режима в Литве в межвоенный период // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 151–166.
- ¹⁰³² СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 88, 467.
- ¹⁰³³ Там же. С. 123–124.
- ¹⁰³⁴ Цит. по: Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР. 1935–1937. Документы и материалы. М., 2016. С. 21.
- ¹⁰³⁵ Графическое изображение политического спектра Латвии и переворота 1934 г. см: Шубин А. В. Политический спектр Латвии в 20-е гг.

URL: <http://www.informacional.su/garmonyhistory/tools/74-2010-02-10-21-17-34>; Шубин А. В. Политический спектр Латвии в 1933–1934 гг. URL: <http://www.informacional.su/garmonyhistory/tools/75-2010-02-10-21-17-34>.

¹⁰³⁶ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 160.

¹⁰³⁷ Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига, 2011. С. 50.

¹⁰³⁸ История Латвии. XX век. С. 170.

¹⁰³⁹ Там же. С. 63.

¹⁰⁴⁰ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 40.

¹⁰⁴¹ Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Указ. соч. С. 268.

¹⁰⁴² Там же. С. 51.

¹⁰⁴³ Там же. С. 32.

¹⁰⁴⁴ Цит. по: Кантор Ю. З. Прибалтика: война без правил. СПб., 2011. С. 14.

¹⁰⁴⁵ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁴⁶ Цит. по: Хийо Т. Служба государственной пропаганды Эстонской республики в 1934–1940 гг. // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 33.

¹⁰⁴⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 34.

¹⁰⁴⁸ Цит. по: Хийо Т. Служба государственной пропаганды Эстонской республики в 1934–1940 гг. // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М., 2012. С. 47.

¹⁰⁴⁹ Цит. по: Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁵⁰ См., например: СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 469–470.

¹⁰⁵¹ Иильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между войнами и утрата независимости (с середины 20-х гг. до аннексии в 1940). М., 2012. С. 83.

¹⁰⁵² Цит. по: Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 355.

¹⁰⁵³ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 433. Кубелюнас так и не приехал, потому что был снят с должности в связи с причастностью к июньскому путчу 1934 года. В конце июля — начале августа 1934 года Москву посетили министры иностранных дел Литвы и Эстонии.

¹⁰⁵⁴ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 361.

¹⁰⁵⁵ Иильмярв М. Указ. соч. С. 252.

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 88–89, 98.

¹⁰⁵⁷ Цит. по: Иильмярв М. Указ. соч. С. 85.

¹⁰⁵⁸ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 509.

¹⁰⁵⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 714. Л. 22–23.

- ¹⁰⁶⁰ Там же. Л. 129–130.
- ¹⁰⁶¹ Там же. Л. 130.
- ¹⁰⁶² Там же. Л. 82.
- ¹⁰⁶³ Там же. Л. 79.
- ¹⁰⁶⁴ Там же. Л. 82.
- ¹⁰⁶⁵ Там же. Л. 77.
- ¹⁰⁶⁶ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 252.
- ¹⁰⁶⁷ *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 509.
- ¹⁰⁶⁸ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 200–204.
- ¹⁰⁶⁹ *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 520.
- ¹⁰⁷⁰ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 738.
- ¹⁰⁷¹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М., 1990. С.38.
- ¹⁰⁷² СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 184–185.
- ¹⁰⁷³ *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. С. 34–35.
- ¹⁰⁷⁴ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 438.
- ¹⁰⁷⁵ Там же. С. 445.
- ¹⁰⁷⁶ *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. С. 42–48.
- ¹⁰⁷⁷ Цит. по: *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁰⁷⁸ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 449.
- ¹⁰⁷⁹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 60.
- ¹⁰⁸⁰ Там же. С. 74.
- ¹⁰⁸¹ Цит. по: *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 451.
- ¹⁰⁸² *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 525.
- ¹⁰⁸³ См.: *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 463–473.
- ¹⁰⁸⁴ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 73.
- ¹⁰⁸⁵ *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Указ. соч. С. 194
- ¹⁰⁸⁶ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 76.
- ¹⁰⁸⁷ Там же. С. 76–77.
- ¹⁰⁸⁸ Там же. С. 80–81.
- ¹⁰⁸⁹ «Известия». 16 октября 1939.
- ¹⁰⁹⁰ Там же. С. 71.
- ¹⁰⁹¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 227–228
- ¹⁰⁹² Там же. С. 243.

¹⁰⁹³ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. С. 76.

¹⁰⁹⁴ *Лауринавичюс Ч.* Вильнюс во власти Литвы: внутренние и внешние аспекты // *Международный кризис...* С. 231; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 435, 475.

¹⁰⁹⁵ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 147.

¹⁰⁹⁶ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 494.

¹⁰⁹⁷ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 467, 471–472.

¹⁰⁹⁸ Цит. по: *Наринский М. М.* Кремль и Коминтерн 1939–1941 гг. // *Свободная мысль.* 1995. № 2. С. 16–17.

¹⁰⁹⁹ *Иильмярв М.* Указ. соч. С. 519.

¹¹⁰⁰ *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Указ. соч. С. 262–263.

¹¹⁰¹ Там же. С. 304, 321.

¹¹⁰² *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. С. 162.

¹¹⁰³ Там же. С. 193–229.

¹¹⁰⁴ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 420.

¹¹⁰⁵ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 351.

¹¹⁰⁶ *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. С. 173.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 186.

¹¹⁰⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1306. Л. 31–35.

¹¹⁰⁹ Там же. Л. 52.

¹¹¹⁰ Там же. Л. 57.

¹¹¹¹ Там же. Л. 52.

¹¹¹² СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 418.

¹¹¹³ Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Рига, 1987. С. 104.

¹¹¹⁴ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. С. 176.

¹¹¹⁵ Цит. по: *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Указ. соч. С. 162.

¹¹¹⁶ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 351.

¹¹¹⁷ Там же. С. 196.

- ¹¹¹⁸ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 3. М., 1989. С. 312.
- ¹¹¹⁹ Там же. С. 313–314.
- ¹¹²⁰ Там же. С. 312.
- ¹¹²¹ Чиано Г. Указ. соч. С. 216, 220, 226.
- ¹¹²² Цит. по: Ширер У. Указ. соч. Т. 2. С. 19.
- ¹¹²³ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 311.
- ¹¹²⁴ Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. С. 316–317.
- ¹¹²⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1999. С. 272.
- ¹¹²⁶ Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 57.
- ¹¹²⁷ Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. СПб., 2000. Ч. 2. С. 153.
- ¹¹²⁸ Там же. С. 154.
- ¹¹²⁹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 191.
- ¹¹³⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 79.
- ¹¹³¹ Там же. Л. 80–81.
- ¹¹³² Цит. по: Зимняя война. Кн. 1. С. 122.
- ¹¹³³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 40.
- ¹¹³⁴ Там же. Л. 48.
- ¹¹³⁵ Цит. по: Зимняя война. Ч. 1. С. 122.
- ¹¹³⁶ Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. С. 157.
- ¹¹³⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 96.
- ¹¹³⁸ Там же.
- ¹¹³⁹ Там же. Л. 97.
- ¹¹⁴⁰ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 196.
- ¹¹⁴¹ Цит. по: Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 199.
- ¹¹⁴² «Граниты финские, граниты вековые...» Мирная дискуссия о финской войне // «Родина». № 12. 1995. С. 35.
- ¹¹⁴³ Там же. С. 36.
- ¹¹⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. М., 1984. С. 308–309, 343, 383, 417.
- ¹¹⁴⁵ Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 132.
- ¹¹⁴⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 118.
- ¹¹⁴⁷ «Правда». 2 декабря 1939.
- ¹¹⁴⁸ «Правда». 5 декабря 1939.
- ¹¹⁴⁹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 209.
- ¹¹⁵⁰ Зимняя война. Кн. 1. С. 154.

- ¹¹⁵¹ Линия Маннергейма и система долговременной фортификации Финляндии 1919–1940 гг. СПб., 2002. С. 36.
- ¹¹⁵² Там же. С. 54.
- ¹¹⁵³ Там же. С. 58.
- ¹¹⁵⁴ Там же. С. 34.
- ¹¹⁵⁵ Зимняя война. Кн. 1. С. 143.
- ¹¹⁵⁶ Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. С. 28.
- ¹¹⁵⁷ Зимняя война. Кн. 2. С. 142.
- ¹¹⁵⁸ Советско-финская война. Минск, 1999. С. 32.
- ¹¹⁵⁹ Зимняя война. Кн. 1. С. 173.
- ¹¹⁶⁰ Там же. Кн. 2. С. 105.
- ¹¹⁶¹ Там же. С. 29.
- ¹¹⁶² РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1306. Л. 13–14.
- ¹¹⁶³ *Геуст К.-Ф.* Международная помощь военно-воздушным силам Финляндии в период «зимней» войны 1939–1940 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 196–225.
- ¹¹⁶⁴ Зимняя война. Кн. 1. С. 321.
- ¹¹⁶⁵ Там же. С. 348.
- ¹¹⁶⁶ *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 219.
- ¹¹⁶⁷ Советско-финская война. С. 31.
- ¹¹⁶⁸ *Суворов В.* Последняя республика. М., 1995. С. 212.
- ¹¹⁶⁹ Зимняя война. Кн. 2. С. 272.
- ¹¹⁷⁰ Там же.
- ¹¹⁷¹ Там же. С. 274.
- ¹¹⁷² Там же. С. 278.
- ¹¹⁷³ Там же. С. 282.
- ¹¹⁷⁴ Линия Маннергейма и система долговременной фортификации Финляндии 1919–1940 гг. С. 53.
- ¹¹⁷⁵ Советско-финская война. С. 439.
- ¹¹⁷⁶ *Липатов П. Б.* Зимняя война. М., 1996. С. 46.
- ¹¹⁷⁷ СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989. С. 46.
- ¹¹⁷⁸ Зимняя война. Кн. 1. С. 371.
- ¹¹⁷⁹ Там же. Кн. 1. С. 238.
- ¹¹⁸⁰ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 245.
- ¹¹⁸¹ Там же. С. 246.
- ¹¹⁸² *Liddel Hart B. H.* History of the Second World War. L., 1973. P. 54.
- ¹¹⁸³ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 288.
- ¹¹⁸⁴ *Корнат М.* Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–

1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 403. До 17 октября 1939 года велись советско-турецкие переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, что позволило бы Турции стать своего рода «мостом» между СССР и западными державами, имея пакты с обеими сторонами. Но Молотов поднял вопрос об особых правах СССР в зоне проливов, и переговоры зашли в тупик. 19 октября были подписаны британско-франко-турецкий договор и военная конвенция. Подробнее см.: Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 165–180.

¹¹⁸⁵ Корнат М. Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 403.

¹¹⁸⁶ Цит. по: Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 180.

¹¹⁸⁷ Корнат М. Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 404.

¹¹⁸⁸ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., 1980. С. 41.

¹¹⁸⁹ Зимняя война. Кн. 1. С. 273.

¹¹⁹⁰ Там же.

¹¹⁹¹ Ратиани Г. М. Указ. соч. С. 39.

¹¹⁹² Корнат М. Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 404.

¹¹⁹³ Там же.

¹¹⁹⁴ Там же. С. 404–405.

¹¹⁹⁵ Чиано Г. Указ. соч. С. 255. Впрочем, Рузвельт не склонен был во всем следовать миротворческим инициативам своего дипломата и в марте не дал ему от имени США «проявить некоторую осторожную инициативу для сохранения мира» (с. 256). Президент склонялся к мысли о поддержке Великобритании в этом конфликте и продолжал следить за ситуацией с безопасного расстояния.

¹¹⁹⁶ Там же. С. 257–259.

¹¹⁹⁷ Там же. С. 283.

¹¹⁹⁸ Черчилль У. Указ. соч. С. 261.

¹¹⁹⁹ Подробнее о норвежской кампании см.: Ширер У. Указ. соч. Т. 2. С. 75–94; Черчилль У. Указ. соч. С. 265–295.

¹²⁰⁰ Черчилль У. Указ. соч. С. 296.

¹²⁰¹ Эмери Л. Указ. соч. С. 631.

¹²⁰² Черчилль У. Указ. соч. С. 300.

¹²⁰³ Ратиани Г. М. Указ. соч. С. 57.

¹²⁰⁴ Там же. С. 76, 93.

¹²⁰⁵ Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 354.

¹²⁰⁶ Ширер У. Указ. соч. Т. 2. С. 98, 114.

¹²⁰⁷ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 248–249.

¹²⁰⁸ Там же. С. 246.

¹²⁰⁹ Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 362.

¹²¹⁰ Черчилль У. Указ. соч. С. 369.

¹²¹¹ Ратиани Г. М. Указ. соч. С. 102.

¹²¹² Там же. С. 100.

¹²¹³ Там же. С. 69, 122.

¹²¹⁴ Чиано Г. Указ. соч. С. 305–306.

¹²¹⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 374–375.

¹²¹⁶ Цит. по: Ратиани Г. М. Указ. соч. С. 131.

¹²¹⁷ Там же. С. 127–128.

¹²¹⁸ Цит. по: Ратиани Г. М. Указ. соч. С. 136.

¹²¹⁹ Черчилль У. Указ. соч. С. 384, 394.

¹²²⁰ Подробнее мнение автора об основных проблемах июня 1940-го — 1941 года см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. С. 413–535.

Александр Владленович Шубин

**МИР НА ПУТИ К ВОЙНЕ.
СССР И МИРОВОЙ КРИЗИС
1933–1940 ГГ.**

*Редактор Н.В. Мезина
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «Алисторус»

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 04.07.16. Подписано в печать 01.09.16.

Формат 60х90 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 31. Тираж 1500 экз. Заказ №